ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2006 Том 12

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 6

Главный редактор
Н.М. РАССАДИН

Редакционная коллегия:

О.П. Акаев, Н.Ф. Басов, П.Н. Белкин, А.М. Белов, С.К. Булдаков, Н.П. Гибало, И.А. Едошина, А.Г. Кирпичник (зам. главного редактора), **А.Н. Коврижных** (отв. секретарь), **В.П. Лебедев, Ю.В. Лебедев, В.Н. Маин, В.Л. Миловидов, М.И. Скаржинский, А.И. Субетто, А.И. Тимонин, Г.М. Травин, Н.П. Фетискин, В.В. Чекмарев, М.С. Шалумов**

Учредитель
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

6 **Дигурова И.И., Гущин А.Г.**
Исследование гемореологических показателей с помощью микрометодов при различных видах стресса у крыс

9 **Здюмаева Н.П.**
Изменение гидратации дермы крыс при адаптации к длительным гипоосмотическим воздействиям

11 **Иванова М.В., Ябанжи О.В., Боженков А.В., Соколова В.В.**
Подбор травосмесей на основе козлятника восточного и лядвенца рогатого для условий Костромской области

16 **Кривошеин В.В.**
Развитие производителей белуги, стерляди и бестера в тепловодных условиях

18 **Мурадова Л.В.**
Оценка адаптационных способностей коров костромской породы разных генотипов

20 **Тихомирова И.А., Муравьев А.В., Волоков Ю.Н., Чепоров С.В., Замышляева М.В., Петроченко Е.П.**
Реологические свойства крови у лиц с артериальной гипотонией

24 **Толоконцев Д.В., Усков А.И., Бородий С.А.**
Динамика роста и коэффициент размножения растений картофеля in vitro

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

28 **Новичихин Я.В., Ершов В.Н.**
О полезности внедрения системы поддержки принятия решений в КГУ им. Н.А. Некрасова

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

31 **Адоевцева И.В.**
Экзистенциальный подход в музыкальной педагогике

32 **Бочкарева О.В.**
Системная модель дидактического диалога: технология, функции

39 **Иванова О.В.**
Понятие «группа риска» и целесообразность его применения к контингенту учащихся вечерних школ

43 **Карпова Е.В.**
К вопросу о генезисе мотивации учебной деятельности

48 **Корнеева Е.Н.**
Субъектная регуляция образовательного взаимодействия

54 **Кучеряну М.Г.**
Подготовка учащихся к продолжению образования в вузах в Великобритании

56 **Ковалева Л.Е.**
Теоретико-методические особенности социальной адаптации студентов вуза в процессе занятий по физическому воспитанию

60 **Куршев А.В.**
Сущность и особенности процесса формирования гражданственности курсантов высших военных учебных заведений

66 **Попович И.П.**
Вариативность как дидактическое условие повышения качества обучения физике учащихся

70 **Орлова О.Н.**
История подготовки учителей религии в земле Северный Рейн-Вестфалия (Германия)

74 **Смирнова К.Ю.**
Коммуникативная компетентность детей-сирот и проблемы ее формирования в условиях детского дома

75 **Харчев А.А.**
Особенности индивидуальной работы педагога-музыканта с учащимися в классе музыкального инструмента

ФИЛОЛОГИЯ

77 **Болдырева Е.М.**
Les signes de la mémoire: «вещные» эквиваленты памяти в романе В. Набокова «Другие берега»

82 **Клец Ю.А., Лепилкина О.И.**
Трансформация информационной политики официального местного издания в начале XX века (На материале «Ставропольских губернских ведомостей»)

86 **Криницына О.Е.**
«Отрывок» как структурный элемент «Симфоний» А. Белого (На примере 2-й, Драматической симфонии)

91 **Кучина Т.Г.**
«Я»-повествование в современной русской прозе: фикциональный и фактуальный аспекты автобиографического текста

94 **Лобанова И.В.**
Немецкая фонетическая лексикография: от истоков к современности

97 **Болдырева Е.М.**
«Искусство блуждания»: мемориальные диаграммы Ивана Бунина («Жизнь Арсеньева») и Вальтера Беньямина («Берлинская хроника»)

ИСТОРИЯ

103 **Ермаков А.М.**
Физическая подготовка в воспитательной работе Союза немецких девушек (1933–1945 гг.)

107 **Захарова Н.И.**
Культурно-просветительная работа в деревне в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.): проблемы и уроки (На материалах Верхнего Поволжья)

109 **Пигалева Н.П.**
Проблемы развития учебной и материально-технической базы образовательных учреждений Костромской и Ярославской областей и организация работы школы в послевоенный период (1945–1953)

112 **Мальцев Р.Ю.**
Отечественная историография о политическом самоопределении российских предпринимателей в начале XX в.

114 **Рубанков К.С.**
Численность крайне правых в Костромской губернии в 1906–1908 гг.

116 **Иванченко Н.Ю.**
Восстановление народного хозяйства Новгородской области после снятия немецко-фашистской оккупации

119 **Моисеев Г.С.**
Цветная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны

124 **Воробьев И.А.**
Возникновение и развитие ипотечного кредита в Российской империи

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ

126 Андрамонова И.М.
Московские пожары и их использование в политической борьбе боярских родов в XVI–XVII вв.

128 Дидковская Н.А.
Локус театрального творца в современной провинциальной культуре

131 Ерохина Т.И.
Семиотика личности символиста («Иностранец» К. Бальмонт)

135 Лётин В.А.
Царство Северного Аполлона: аллегорические программы Дроттнингхольма (Швеция) и Петергофа (Россия)

139 Лётина Н.Н.
Гендерный фактор «провинциальности» женского творчества

143 Сараева Е.Л.
Содержание и формы европеизации России в XVIII – первой половине XIX вв. в контексте западнического учения

149 Атланов Д.Ю.
О системе философской антропологии

153 Хабло Л.Б.
«Радостный май». Русская усадьба С.Ю. Жуковского в концепции развития интерьерной живописи начала XX века

156 Финогенова Л.В.
Культурный образ мира в содержании национально-регионального компонента экологического образования

162 Красильникова М.Ю.
Миф о Титане.Образ-миф Леонардо да Винчи в наследии Д.С. Мережковского

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА

165 Аверина М.Н.
Социально-интегративный подход к повышению квалификации учителей

167 Гаврилова В.Л.
Театрализация сказок как одна из форм интерактивного обучения русскому языку иностранных учащихся

171 Секованов В.С.
Формирование мотивации к математике при построении фракталов с помощью L-систем

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

176 Зайцева С.Ю.
Правомерное поведение: стимулы и антистимулы

180 Шерстнева Н.С.
Понятие и сущность принципов российского семейного права

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

185 Беляева Ю.В.
О категории «нововведения»

190 Жаров Е.В.
Интегрированные системы управления

194 Мелихов В.Ю., Беляева Ю.В.
Капитал, инвестиции, человек, сфера образования: теоретическая тревога

198 Степанов А.Б.
Управленческие механизмы обеспечения сообщества общественными благами

202 Васильков А.А., Василькова Т.М.
Инвестиции в электроэнергетику, как фактор экономического развития региона

207 Беляева Ю.В.
Шумпетерианская конкуренция с позиций эволюционного анализа

211 Ковалев М.В.
Цели и мотивы вступления в виртуальное деловое сообщество «Сообщество эффективных менеджеров»

215 Кучин Н.В.
«Провалы рынка» в контексте общей теории экономических интересов

217 Ласкина Е.М.
Формальные и неформальные институты в региональной экономике на примере интеграционных моделей ведения хозяйства

222 Кононова С.Е.
Классификации регионов на основе кластерного анализа

226 Мелихов В.Ю.
Формы экстерналий (внешних эффектов образования)

231 Мудрая А.В., Барашков А.Ю.
Ресурсная множественная модель системы экологического менеджмента промышленности региона

233 Румянцев А.В.
Оценка подходов к расчету эффективности деятельности предприятия. Адаптация к оценке внешней экономической деятельности

234 Сивак Н.Н.
ИТ-аутсорсинг – эффективное решение при выходе компании на зарубежный рынок

236 **Косухин П.П.**
Перспективы реформирования денежного обращения в Российской Федерации

238 **Лясковская О.В.**
Прогнозирование показателей здоровья населения на базе эконометрических моделей с матричным предиктором

242 **Андриянова Л.А.**
Экономическая эффективность ветеринарных мероприятий в молочном скотоводстве

244 **Головизнина О.А.**
Институциональные аспекты инвестиционной привлекательности

247 **Золотарёва С.Г.**
Современный взгляд на понятие структурного финансирования

248 **Иванихин С.А.**
Использование ресурсного потенциала в коллективных сельскохозяйственных организациях различных организационно-правовых форм

252 **Кокуева А.Г.**
Кластерный подход построения инновационной экономики

254 **Солодов А.В.**
К вопросу об оценке эффективности внедрения информационных систем

256 **Махаева Н.Ю.**
К вопросу формирования кадрового потенциала специалистов в организациях аграрной сферы АПК

257 **Соболева Н.А.**
Оценка финансового состояния как инструмент формирования финансовой стратегии свиноводческих предприятий

260 **Сяськая О.Ю.**
Особенности функционирования рынка сахара

262 **Тимонин А.Ю., Фокин А.Н.**
Эффективное управление муниципальными образованиями как фактор повышения благосостояния населения

265 **Скаржинская Е.М., Березкина А.Е.**
Противоречия экономического роста и высшее профессиональное образование

274 **Архипов А.В.**
Контроллинг как особая форма организации управления современным промышленным предприятием

276 **Кайдалова Т.В.**
Актуальные организационно-экономические проблемы регионального рынка государственного имущества

279 **Корнилов Д.Т.**
Банковская система в условиях развития межбанковской конкуренции

281 **Пластинина Е.А.**
Контроль в сфере размещения заказов для государственных и муниципальных нужд как эффективный инструмент обеспечения экономической безопасности

284 **Первушина А.В.**
Оценка возможностей финансового оздоровления предприятия

286 **Перфильев А.Б.**
Отдельные аспекты совершенствования методик анализа финансового состояния организаций

290 **Рогаева А.В., Усов Л.С.**
Заработная плата как фактор и условие эффективности производства

293 **Рогаева А.В.**
Некоторые аспекты теории эффективности производства

296 **Гончаров А.П.**
Управление процессами слияний и поглощений в интересах развития регионов

298 **Мудревский А.Ю., Лазурина О.М.**
Трансформация экономических отношений внутри организации

300 **Бараева Ю.В.**
Интеллектуальный капитал – ключевой конкурентный фактор российской экономики

304 **Грибанова Л.А.**
Трансформация взаимоотношений между трудом и капиталом при переходе к информационному обществу

307 **Лазурина О.М.**
Государственное вмешательство как фактор развития экономики

309 **Белянкина Л.Г.**
О некоторых аспектах занятости населения

311 **Мудревский А.Ю.**
Трансформация организации труда в оборонно-промышленном комплексе

314 **Тихомирова Е.В.**
Методы налогового планирования

316 **Коречков Ю.В., Перфильев А.Б.**
Методические основы анализа баланса организации

319 **Гурьева О.Ю.**
Социальные риски: история и философские основы возникновения

323 **Луховская О.К.**
Теоретические аспекты государственного регулирования экономики культуры в рыночных условиях

325 **Мельникова О.В.**
Целесообразность организации агентств для поддержки инвестиционной деятельности в регионе

328 **Лихачева Н.А.**
Формы управления процессом подготовки специалистов: региональный аспект

332 **Русинов Д.П.**
Категорийный менеджмент как новый подход к управлению конкурентоспособностью потребительских товаров регионального и локальных рынков

334 **Чжан С.Б.**
Конкурентные преимущества и экономические приоритеты развития национального хозяйства России и ее округов

337 **Смирнов К.В.**
Критерии выбора приоритетов инвестиционной деятельности государства и регионов

340 **Волков А.Ю.**
О проблемах экономической деятельности бюджетных учреждений Министерства обороны Российской Федерации

344 **Львова М.С., Муслова М.Е.**
Домашнее хозяйство: сущность, структура, место и роль в экономике

349 **Храмова Н.А.**
Локализация общественных благ по уровням их производства и потребления

351 **Блохина Е.А.**
Некоторые аспекты ипотечного кредитования в России

353 **Воронина М.А.**
Влияние информационных технологий на развитие фондового рынка: структурно-функциональный аспект

355 **Корнилов Д.Т., Мудревский А.Ю.**
Механизм удовлетворения экономических потребностей в кредитовании реального сектора экономики

358 **Назарова Т.В.**
Стратегия развития и формирование человеческого капитала

360 **Новиков А.П.**
Негативные институциональные аспекты развития отечественного рынка страховых услуг

362 **Туманов Д.В.**
Тенденции и проблемы развития информационных технологий в банковской системе России

364 **Филинов В.А.**
Интеллектуальный продукт как результате интеллектуального труда

369 **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**

373 **ОБРАЩЕНИЕ К АВТОРАМ**

«Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова» отражает основные результаты научной, педагогической, методической и воспитательной деятельности коллектива университета, а также публикует оригинальные исследования по естественным, гуманитарным и социальным наукам.

Журнал включен в перечень периодических научных и научно-технических изданий, рекомендуемых ВАК РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

Редколлегия журнала приглашает авторов для публикации работ в **основном выпуске** (4 номера в год) и следующих сериях:

Экономические науки: «**Проблемы новой политической экономии**» (4 номера в год);
«**Экономика образования**» (4 номера в год);
Культурология: «**Энтелехия**» (2 номера в год);
Исторические науки: «**Волжский рубеж**» (2 номера в год);
Технические и естественные науки: «**Системный анализ. Теория и практика**» (2 номера в год);
«**Квалиметрия образования и науки**» (2 номера в год);
Гуманитарные науки: «**Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика**» (2 номера в год);
Философские науки: «**Вопросы системогенетики**» (2 номера в год).

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

И.И. Дигурова, А.Г. Гущин

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕМОРЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ С ПОМОЩЬЮ МИКРОМЕТОДОВ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ СТРЕССА У КРЫС

Стрессорное воздействие может стать пусковым механизмом развития ряда заболеваний [14]. Одним из важных направлений физиологии является изучение возникающих в организме изменений и процессов адаптации при действии экстремальных факторов.

Чрезвычайные ситуации, длительное хирургическое лечение, проведение экспериментов на животных приводят к ограничению подвижности. При иммобилизации изменения, характерные для стресса, существенно преобладают над изменениями, связанными со снижением двигательной активности [4]. Предельные мышечные нагрузки также являются экстремальным воздействием, приводящим к нарушению гемореологического статуса [6]. Наличие стресса при этих состояниях подтверждается данными об изменении в крови уровней адреналина, норадреналина, дофамина, концентрации 11-оксикортикостероидов [3; 9; 10; 12]. В разные сроки иммобилизации происходит уменьшение концентрации гемоглобина [7], усиление реакции оседания эритроцитов, изменение микроциркуляции [2]. Плавание с грузом приводит к увеличению объёма и количества эритроцитов, повышению концентрации гемоглобина. Стрессорным воздействием является перемещение тела в антиортостатическое положение, вследствие чего возникает существенная перестройка системы кровообращения [11].

Таким образом, влияние на организм внешних факторов вызывает его реакцию, в том числе и со стороны системы крови. Однако, гемореологические изменения недостаточно исследованы при этих воздействиях.

Биохимические механизмы, вовлекаемые в стрессорные реакции, однотипны у животных и человека [1]. Поэтому, использование животных для изучения стресса является оправданным. При экспериментальных исследованиях, проводимых на крысах, для получения крови часто производят декапитацию или перерезку сонной артерии. Эти методы имеют недостатки. При декапитации в пробу крови попадает кислое содержимое желудка. Умерщвление крыс нежелательно и делает невозможным изучение динамики исследуемых характеристик. Альтернативой, поэтому, является применение микрометодов для изучения реологического состояния крови у мелких лабораторных животных.

В связи с вышеизложенным, целью настоящей работы явился анализ гемореологических показателей при различных стрессах с использованием микрометодов.

Материалы и методы. Эксперимент проведён на 66 белых беспородных крысах-самцах массой 180–240 г. Все животные находились в одинаковых условиях содержания и кормления. С ними работали в соответствии с «Международными рекомендациями по проведению медико-биологических исследований с использованием животных» [8]. Беспородные крысы имеют более широкие нормы реакций, чем линейные что позволяет с большей точностью экстраполировать данные на человека [12]. Животные были неадаптированы к стрессам и ненаркотизированы.

Для оценки влияния первоначально взятого объёма крови на макрореологические показатели во второй пробе их измерение осуществлялось дважды с интервалом 45 минут. В течение этого времени животные не подвергались никаким воздействиям. Объём начальной пробы составлял не более 5% от объёма циркулирующей крови, а масса – 0,3% от массы тела. Расчёты сделаны с учётом того, что масса циркулирующей крови составляет 6,5–7,5% от массы тела крысы, а плотность её крови равна 1050 кг/м^3 [5]. Таким образом у животного массой 200 г объём первоначальной пробы не превышал 0,6 мл.

Ограничение подвижности моделировали помещением крыс в тесные клетки-футляры на 1, 3, 6 и 24 часа. Такая иммобилизация не являлась жёсткой. В качестве физической нагрузки применяли плавание с грузом, составляющим 7,5% от массы тела в воде с температурой 33° С до полно-

© И.И. Дигурова, А.Г. Гущин, 2006

го утомления. Ортостатический стресс осуществляли помещением крыс вниз головой под углом 90° к горизонтальной поверхности на 45 минут.

Забор крови из хвостовой вены производили до опыта и после окончания действия стрессового фактора. В качестве стабилизатора использовали гепарин в микродозах. Гематокритный показатель определяли путём центрифугирования крови в микрокапиллярах в течение 30 минут при 3000 об/мин., а вязкость – с помощью капиллярного визкозиметра. Концентрацию гемоглобина измеряли гемиглобинцианидным методом на спектрофотометре СФ-46, а содержание общего белка – рефрактометрическим способом. Статистическую обработку данных проводили с помощью компьютерных программ.

Результаты и обсуждение. В ходе эксперимента установлено, что взятие первой пробы в количестве, составляющем не более 5% от объёма циркулирующей крови и 0,3% от массы тела, не оказывало серьёзного воздействия на значения макрореологических параметров в следующей пробе. Так, гематокритный показатель, концентрация гемоглобина и содержание общего белка не отличались от исходного уровня. Вязкость крови, являющаяся комплексным параметром, также статистически достоверно не изменялась. Следовательно, первоначальная кровопотеря в объёме 0,6 мл не является существенной для крыс массой 200 г и более. Так как количество взятой крови небольшое, то плазму для определения содержания белка можно брать из гематокритных микрокапилляров. После измерения объёмной концентрации эритроцитов капилляр следует разломить и плазму выдуть на призму рефрактометра. Так как для определения вязкости требуется 0,3 мл крови, а концентрации гемоглобина – 0,02 мл, то общий расход для измерения всех четырёх показателей составляет не более 0,4 мл. При взятии 0,6 мл оставшуюся кровь можно использовать для изучения деформируемости методом фильтрации суспензии эритроцитов в физиологическом растворе с гематокритным показателем, равным 2%, и агрегации микроскопированием в камере Горяева.

При различных воздействиях на организм измерения проводят до и после опыта. Вторая проба может быть любого объёма, достаточного для исследования, однако, его потеря не должна причинить вреда животному. Если количество взятой крови будет таким же, как до опыта (0,4–0,6 мл), то общая кровопотеря составит 0,4–0,6% от массы тела и не более 6–10% от объёма циркулирующей крови и будет хорошо переноситься животными. При необходимости после опыта потерю крови можно восполнить инъекцией физиологического раствора.

Исследования макрореологических показателей с помощью микрометодов при воздействии стрессовых факторов дали следующие результаты. Под влиянием одночасового иммобилизационного стресса гематокритный показатель снизился в среднем на 15% ($p<0,001$). Через 3 и 6 часов его уменьшение стало более заметным: соответственно 26% ($p<0,02$) и 24% ($p<0,001$). Это улучшает текучесть крови и может иметь приспособительное значение. Снижение концентрации гемоглобина через 1, 3 и 6 часов после начала эксперимента составило 15–18%. Такие изменения можно объяснить меньшими энергозатратами при ограничении подвижности. После 24-часового стресса у 60% крыс гематокритный показатель был ниже контрольной цифры в среднем на 27%, а у остальных животных он повысился. Таким же разнонаправленным было изменение концентрации гемоглобина. Это можно объяснить истощением компенсаторных механизмов. Такое представление согласуется с данными литературы о разнонаправленном содержании катехоламинов во внутренних органах и железах внутренней секреции после 24-часовой иммобилизации [13].

Плавание с грузом вызвало увеличение гематокритного показателя в среднем на 10% по сравнению с данными, полученными до опыта, а концентрации гемоглобина – на 13% ($p<0,05$). Повышение соотношения гемоглобин/гематокрит может указывать на снижение деформируемости эритроцитов. Увеличение основных макрореологических показателей можно расценить как адаптивную реакцию на гипоксию, которую вызывает плавание.

Ортостатический 45-минутный стресс не привёл к статистически достоверным изменениям гематокритного показателя, концентрации гемоглобина и содержания общего белка.

Выводы

1. Исследования гемореологических показателей у мелких лабораторных животных целесообразно проводить с использованием микрометодов. Количество взятой крови, составляющее не более

0,3% от массы тела, не вызывает достоверных изменений этих показателей в следующей пробе.

2. Для однократного измерения вязкости крови, гематокритного показателя, концентрации гемоглобина, содержания общего белка микрометодами достаточным является объём крови, равный 0,4 мл.

3. При иммобилизационном стрессе через 1–6 часов происходит снижение основных гемореологических характеристик. После 24-часовой иммобилизации возникают их разнонаправленные изменения.

4. Плавание с грузом до полного утомления приводит к увеличению гематокритного показателя и концентрации гемоглобина.

5. Ортостатический 45-минутный стресс не вызывает статистически достоверных изменений макрореологических показателей крови.

Библиографический список.

1. *Вальдман А.В., Козловская М.И., Медведев О.С.* Фармакологическая регуляция эмоционального стресса. – М., 1979.

2. *Горизонтова М.П.* Микроциркуляция и сосудистая проницаемость при стрессе: Вопросы общего учения о болезни. – М., 1976.

3. *Дигурова И.И., Катаев В.В.* Адаптационные свойства стандартизированного экстракта ГИНКГО билоба: Методы исследования регионарного кровообращения и микроциркуляции в клинике. – СПб., 2004. – С. 25–27.

4. *Ковалёв О.А., Коровин К.Ф., Радченко Е.Р., Парфёнова М.И.* Особенности изменения кровообращения и адренергической активности при помещении крыс в тесную клетку и их иммобилизации на станке // Патол. физиол. – 1988. – №1. – С. 29–32.

5. *Козинец Г.И., Погорелов В.М., Шмаров Д.А.* Клетки крови. Современная технология их анализа. – М., 2002.

6. *Малиновская М.Н., Вологдина Н.К., Антонова Е.М.* Влияние статических мышечных нагрузок различной интенсивности на ряд показателей свёртывания крови // Реактивность организма при мышечной деятельности и её возрастные особенности. – Ярославль, 1980. – С. 34–37.

7. *Меерсон Ф.З., Миняйленко Т.Д., Пожаров В.П., Середенко М.М.* Нарушение внешнего дыхания, транспорта и утилизации кислорода при стрессе // Патол. физиол. и экспер. терапия. – 1989. – №6. – С. 20–26.

8. Международные рекомендации по проведению медико-биологических исследований с использование лабораторных животных // Хроника ВОЗ. – 1985. – №3. – С. 3–9.

9. *Пшенникова М.Г.* Феномен стресса. Эмоциональный стресс и его роль в патологии // Патол. физиол. и экспер. терапия. – 2001. – №1. – С. 23–26.

10. *Сейдахметова З.Ж., Ташенова Г.К.* Влияние иммобилизационного стресса на реактивность симпато-адреналовой системы и резистентность эритроцитов у крыс в периоды маммо- и лактогенеза // Бюлл. СО РАМН. – 2005. – №4. – С. 93–95.

11. *Фёдоров Б.М.* Стресс и система кровообращения. – М., 1991.

12. *Фёдоров В.Н.* Фармакодинамика адаптогенов: экспериментальное и клиническое исследование: Дис. … д-ра наук. – Л., 1999.

13. *Фурдуй Ф.И.* Физиологические механизмы стресса и адаптации при остром действии стресс-факторов. – Кишинёв, 1986.

14. *Mezzacappa E.S.* Breastfeeding and maternal stress response and health // Nutr. Rev. – 2004. – №2. – P. 261–268.

Н.П. Здюмаева

ИЗМЕНЕНИЕ ГИДРАТАЦИИ ДЕРМЫ КРЫС ПРИ АДАПТАЦИИ К ДЛИТЕЛЬНЫМ ГИПООСМОТИЧЕСКИМ ВОЗДЕЙСТВИЯМ*

Введение

Согласно данным литературы, организм млекопитающих в целом и его отдельные системы обладают достаточно большим запасом резервных возможностей по сопротивляемости гипергидратации. Однако целый ряд заболеваний, с которыми приходится сталкиваться клиницистам, сопровождаются нарушением почечной экскреции воды и сдвигом водного баланса организма. Задержка воды может привести к опасному состоянию, сопровождающемуся увеличением объема циркулирующей крови, снижением концентрации электролитов в плазме и развитием прогрессирующего набухания клеток ЦНС [1]. Известно, что способность противостоять значительному стрессорному воздействию определяется комплексом компенсаторных и адаптационных реакций как на уровне организма в целом, так и на уровне отдельных его систем [2]. В подобной ситуации особое значение будут иметь адаптационные перестройки водно-солевого тканевого депо, основой которого является рыхлая соединительная ткань.

Материал и методы

Объектом исследования явились белые лабораторные крысы-самцы массой 360–390 г. В первой экспериментальной серии (n=19) исследовали срочные реакции на введение через желудочный зонд 10% водной нагрузки и подкожно 0,02 мкг десмопрессина – агониста V_2 – рецепторов антидиуретического гормона, что позволяло создавать ситуацию значительного напряжения осморегулирующей системы организма путем ингибирования процесса экскреции воды с мочой [3]. Животных забивали через 4 часа после введения нагрузки и отбирали образцы тканей. Во второй серии опытов исследовали кумулятивный эффект длительного влияния регулярных гипоосмотических воздействий. Животным (n=11) 10% водную нагрузку и десмопрессин вводили ежедневно в течение 6 дней. Забор крови и образцов тканей для исследования производили не ранее, чем через сутки после очередной водной нагрузки. Контролем (n=12) служили животные, находящиеся в стандартных условиях вивария.

Для исследования гидратации образцов кожи животных нами за основу был взят метод определения различных форм воды в биологических объектах, основанный на использовании принципа испарения влаги из объекта исследования в потоке газа носителя (десорбция в динамическом режиме) в сочетании с конверсией паров воды в водород и непрерывным детектированием по теплопроводности. Чувствительность метода позволяет улавливать разные формы воды, отличающиеся скоростью десорбции, а, следовательно, разной прочностью связи с определенными структурными элементами биообъектов. Полученные формы диаграммных кривых специфичны для образцов разных тканей и, по-видимому, отражают особенности их строения. При соблюдении тщательности при отборе пробы в топографии и геометрии образца, эти формы хорошо воспроизводимы. Наличие нескольких пиков или плато при испарении в изотермическом режиме свидетельствует о разной скорости водоотдачи разными структурами ткани, что указывает на разную прочность связи воды с определенными ее элементами [6].

Однако при исследовании гидратации дермы форма диаграммной кривой испарения значительно отличалась от образцов тканей висцеральных органов. Большая равномерность испарения влаги из образца кожи и отсутствие разделения на фракции можно объяснить высокой скоростью диффузии воды, связанной с наличием капиллярности в основном веществе, заполняющем межфибриллярное пространство дермы. Поэтому для определения количества связанной воды в коже использовали свойство этой фракции не удаляться под давлением [4]. Метод основан на опрессовывании свободной воды, в то время как связанная вода остается в составе отжимаемой ткани. Предварительными исследованиями было установлено, что количество связанной воды в об-

*Автор выражает искреннюю признательность за консультативную помощь при разработке акваметрических методик доценту кафедры органической химии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, канд. хим. наук Касторскому Льву Павловичу.

© Н.П. Здюмаева, 2006

Таблица

Содержание различных форм воды в дерме белых крыс M±σ

	Содержание воды, г/100 г образца		
	Общая	Связанная	Свободная
Контроль	47,9±1,27	38,9±0,98	8,91±1,83
Однократное воздействие	59,3±1,8*	45,0±0,66*	14,3±2,09*
Длительное воздействие	52,3±0,9*	34,2±1,88*	18,1±1,94*

* Достоверность различий с параметрами группы контроля (p<0,05).

разце не меняется в интервале давлений от 500 до 1500 атм., а также не зависит от времени пребывания образца под давлением.

Для исследования использовали демонстрационный гидравлический пресс с максимальной силой давления поршня около 1500 кгс. Образец анализируемой ткани помещали в вакуумную пресс-форму для калий-бром дисков (∅ 10 мм) (Jasco, Япония) между несколькими слоями фильтровальной бумаги и проводили опрессовывание свободной воды при 600 атм. Затем влажную бумагу заменяли на сухую и образец отжимали еще раз. Оставшуюся после отжатия связанную воду количественно определяли методом десорбции.

В качестве косвенной характеристики состояния соединительной ткани использовали информацию о содержании кислых гликозаминогликанов (ГАГ) в сыворотке крови. Для их определения использовали реакцию с карбазолом [5]. В ходе анализа сыворотку предварительно депротеинизировали хлорной кислотой в конечной концентрации 0,62 моль/л. Осаждение гликозаминогликанов проводили фосфорно-вольфрамовой кислотой в конечной концентрации 1,27%.

Контроль за изменением осмоляльности плазмы проводили с помощью осмометра ОМ 801 (Vogel, Германия).

Гематологические параметры определяли унифицированными методами.

Все полученные данные статистически обработаны с применением t-критерия Стьюдента.

Результаты и обсуждение

При исследовании срочной реакции на 10% водную нагрузку наблюдалась типичная картина дилюционной гиперволемии. Об увеличении содержания жидкости в кровеносном русле свидетельствует не только процентное содержание воды по отношению к сухому остатку крови, но и снижение гематокритного показателя, содержания клеток и концентрации гемоглобина. Резкое снижение осмоляльности плазмы и ее онкотического давления вследствие уменьшения концентрации общего белка является важным фактором усиленного ухода воды в ткани и развития отеков. В ходе исследования было отмечено закономерное увеличение содержания воды в ткани, составившее 20% по отношению к показателю группы контроля (табл.). Изменения общей гидратации сопровождалось незначительным перераспределением водных фракций, очевидно свидетельствующем о наличии резервной гидрофильности основного вещества, позволяющей связывать некоторое количество свободной воды, поступающей в организм.

При длительной гипергидратации содержание воды в коже несколько снизилось, но все же превышало контрольный уровень. Снижение содержания фракции связанной воды свидетельствует о значительном изменении физико-химических свойств интерстиция под воздействием длительных регулярных гипоосмотических воздействий. С этим предположением согласуются данные о содержании гликозаминогликанов сыворотки. При этом варианте экспериментальных воздействий их концентрация достоверно возросла более чем в 2 раза (0,65±0,11 опт. ед. пл. против 0,28±0,05 в контроле).

Известно, что стойкое повышение содержания ГАГ в сыворотке можно рассматривать как параметр, косвенно отражающий процессы деградации тканевых протеогликанов, заключающиеся в дезорганизации основного вещества соединительной ткани [7]. Происходящие деструктивные изменения протеогликанов приводят к превращению структуры коллагенового каркаса в сетевидную (ячеистую) конструкцию, что создает возможность для дополнительного проникновения в межструктурные пространства ткани свободной воды [8]. Как следствие таких процессов является развитие отека мягких тканей, имеющего в условиях регулярной гипергидратации адаптационное значение, выражающееся в возможности депонированию избытка воды при очередной водной нагрузке [1].

Выводы

Таким образом, наши данные подтверждают выводы ряда авторов о неоднозначной роли ГАГ в гидратации соединительной ткани [7; 8]. С одной стороны снижение содержания ГАГ приводит к уменьшению содержания связанной воды за счет снижения числа активных заряженных групп, способных связывать молекулы воды. С другой стороны, дезорганизация углеводно-белковых комплексов сопровождается рядом структурных изменений, создающих дополнительную возможность для проникновения свободной воды, в результате чего общее влагосодержание ткани может значительно увеличиваться.

Библиографический список

1. *Бабичев А.В.* Патология водно-электролитного гомеостаза. Ч. 1. – СПб.: Издание СПбГПМА, 2003. – 136 с.

2. Гомеостаз / Под ред. П.Д. Горизонтова. – М.: Медицина, 1976. – 464 с.

3. *Григорьев А.И., Ларина И.М., Доброхотов И.В., Буравкова Л.Б.* Роль ренин-альдостероновой системы в реакции осморегуляции здоровых добровольцев на десмопрессин // Физиология человека. – 2005. – Т. 31. – №5. – С. 110–116.

4. *Гульдич С.М., Михайлов А.Н.* Определение связанной воды // Кож. обув. пром. – 1977. – №5. – С. 46–47.

5. *Зборовский А.Б., Исаев П.И.* Способ определения гликозаминогликанов в сыворотке крови: А.с. № 1352367. Б.И. 1987, №42.

6. *Здюмаева Н.П., Левин В.Н.* Применение метода динамической десорбции для определения различных форм воды в биологических тканях и клетках // Биомедицинские технологии и радиоэлектроника. – 2006. – №3. – С. 57–61.

7. *Николаева С.С.* Влияние воды на биологические структуры тканей человека, животных и на биологически активные вещества растительного происхождения: Автореф. дис. ... д-ра биол. наук. – М., 1997. – 36 с.

8. *Николаева С.С., Вязникова М.Ю., Быков В.А.* Особенности научно-методических подходов для изучения влияния воды на биологические объекты // Биомедицинские технологии. – 1998. – Вып. 10. – С. 78–80.

М.В. Иванова, О.В. Ябанжи, А.В. Боженков, В.В. Соколова

ПОДБОР ТРАВОСМЕСЕЙ НА ОСНОВЕ КОЗЛЯТНИКА ВОСТОЧНОГО И ЛЯДВЕНЦА РОГАТОГО ДЛЯ УСЛОВИЙ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Основой кормопроизводства Костромской области является травосеяние. Многолетние травы дают наиболее дешевые и экологически чистые и разнообразные корма. Особенно ценны бобовые травы, являющиеся источником белка для животных. Большая часть кормовых площадей области занята в настоящее время малопродуктивными травостоями, основу которых составляют низкобелковые злаковые травы. В результате протеиновый дефицит приводит не только к перерасходу кормов, но и снижению продуктивности животных.

Большое значение при разработке системы кормопроизводства наряду с продуктивностью и питательной ценностью трав имеет сбалансированное поступление зеленого корма, начиная с ранней весны до поздней осени. В этом отношении интерес представляют пока новые для широкого использования в Костромской области культуры – козлятник восточный (Galega orientalis Lam.) и лядвенец рогатый (Lotus corniculatus L.). Использование этих перспективных высокопродуктивных бобовых трав позволит создать полноценный сырьевой и зеленый конвейер, обеспеченный протеином и энергией. Кроме того, эти культуры обладают рядом хозяйственно-ценных особенностей, выгодно отличающих их от традиционного для нашей области клевера лугового. Так, например, козлятник восточный является самым ранним весенним кормом, повышает плодородие почвы, оставляя до 400–800 кг/га биологического азота. Продуктивное долголетие его составляет 10–15 лет и более, высокая продуктивность козлятника восточного (за два укоса – до 60–70 т/га зеленой массы) сочетается с высокой питательностью – концентрация обменной энергии 10,5–11,2 МДж/кг сухого вещества, 150–270 г переваримого протеина в 1 кормовой единице. Семеноводство козлятника более надежно, чем клевера и считается достаточно стабильным.

Лядвенец рогатый относится к лучшим кормовым травам. В 100 кг зеленой массы лядвенца

© М.В. Иванова, О.В. Ябанжи, А.В. Боженков, В.В. Соколова, 2006

рогатого 25 кг к. ед. и 4,5 кг переваримого протеина. Содержание сырого белка в сухой массе нередко достигает 19–22%. Питательные вещества зеленой массы отличаются хорошей переваримостью. Отличается высокой устойчивостью и приспособленностью к почвенно-климатическим условиям и хозяйственным долголетием (в травостое содержится 10–12 лет). К почвам эта культура малотребовательна, хорошо растет на песчаных и суглинистых разновидностях, пригодна для посева на кислых подзолистых почвах (при pH 4,5–5,0). Лядвенец рогатый – высокоотавное растение: дает до трех укосов, к тому же скармливание лядвенца рогатого как и козлятника восточного на зеленый корм не вызывает у скота тимпании.

С точки зрения получения сбалансированного по питательности корма целесообразным является использование не чистых посевов бобовых трав, а бобово-злаковых травосмесей. Многие исследователи сходятся во мнении, что травосмеси дают более высокие урожаи, меньше засоряются и повреждаются вредителями, лучше поедаются животными.

В связи с этим, целью наших исследований является подбор и изучение продуктивных и долголетних бобово-злаковых агрофитоценозов для участков разного уровня плодородия.

Полевые исследования одновидовых посевов бобовых трав и их бинарных смесей со злаковыми травами проводились в опытах, заложенных в севообороте отдела земледелия и кормопроизводства НИИСХ в ОПХ «Минское». Первая закладка опыта была проведена в 2001 году по следующей схеме:

1. Козлятник восточный (контроль).
2. Козлятник + канареечник тростниковидный.
3. Козлятник + овсяница тростниковидная.
4. Козлятник + кострец безостый.
5. Лядвенец рогатый.
6. Лядвенец рогатый + овсяница луговая.
7. Лядвенец рогатый + полевица гигантская.
8. Лядвенец рогатый + ежа сборная.

В 2002 году проведена 2-я закладка опыта, где был добавлен вариант №9 – тимофеевка луговая. В 2003 году проведена третья закладка опыта, добавлены варианты: «Козлятник восточный + тимофеевка луговая», «Лядвенец рогатый + тимофеевка луговая». Повторность опыта 4-х кратная, размер делянки 50 м^2, расположение делянок систематическое.

Используются сорта многолетних трав: козлятник восточный – Гале, лядвенец рогатый – Солнышко, канареечник тростниковидный – Первенец, овсяница тростниковидная – Лосинка, кострец безостый – Дединовский, овсяница луговая – ВИК 5, ежа сборная – Хлыновская, тимофеевка луговая – ВИК 9, полевица гигантская – ВИК 2.

Нормы высева трав в чистом виде составляют:
– козлятник восточный – 28 кг/га;
– лядвенец рогатый – 10 кг/га;
– тимофеевка луговая – 8 кг/га.

Нормы высева трав в травосмесях составляют соответственно 70 и 40% от нормы высева бобовых и злаковых компонентов в чистом виде:
– козлятник восточный – 20 кг/га;
– лядвенец рогатый – 7 кг/га;
– канареечник тростниковидный – 8 кг/га;
– овсяница тростниковидная – 6 кг/га;
– кострец безостый – 6 кг/га;
– овсяница луговая – 6 кг/га;
– полевица гигантская – 2 кг/га;
– ежа сборная – 4 кг/га;
– тимофеевка луговая – 3,2 кг/га.

Почва опытного участка всех закладок дерново-сильноподзолистая легкосуглинистая на водно-ледниковых суглинках.

Представленные закладки отличаются уровнем почвенного плодородия. Агрохимические показатели пахотного слоя почвы представлены в таблице 1. Содержание гумуса (по Тюрину) низкое (<2%) на всех опытных закладках. Содержание фосфора (по Кирсанову) варьирует: от высокого на первой и третьей закладке до очень высокого на второй. Менее обеспеченной калием является первая закладка, содержание его (по Кирсанову) низкое, повышенное и высокое содержание калия отмечается на второй и третьей закладке, соответственно. По уровню обменной кислотности вторая закладка является более благоприятной, реакция почвенного раствора здесь близкая к нейтральной. На первой и третьей закладке почва кислая.

Фактором, сильно снижающим почвенное плодородие, является содержание подвижного алюминия, который присутствует на первой и второй закладках.

Таким образом, первая закладка характеризуется низким уровнем плодородия. Такие земли обычно выводятся из севооборота. Для второй и третьей закладок был подобран участок с более высоким уровнем плодородия.

Таблица 1

Агрохимические показатели почвенного плодородия опытного участка (слой почвы 0–20 см)

Закладка	pH_{KCl}	Гумус, %	P_2O_5 мг на кг почвы	K_2O мг на кг почвы	Al подв. мг на 100 г почвы
1	4,6	1,12	246	77	2,07
2	5,6	1,5	254	129	0,48
3	5,0	1,4	242	245	отсутствует

Метеорологические условия в годы проведения исследований (2001–2006) были различны как по количеству выпавших осадков, так и по температурному режиму воздуха. При этом, если температура воздуха была благоприятна для роста трав, то количество осадков находилось ниже оптимума, особенно во второй половине вегетации. Это приводило к снижению влажности почвы и, как следствие, к снижению урожая второго укоса. Исключением был 2004 год, когда выпадающие осадки обеспечили оптимальную влажность почвы в течение всей вегетации.

Продуктивность многолетних трав при низком уровне плодородия представлена в таблице 2. Сбор зеленой массы на вариантах с лядвенцем рогатым был первые два года пользования (2002–2003 гг.) существенно выше, чем на вариантах с козлятником. Самая высокая продуктивность трав на первой закладке наблюдается на третий год пользования (43,83–50,75 т/га зеленой массы), что объясняется подкормкой трав полным минеральным удобрением ($N_{40}P_{60}K_{60}$) и хорошей влагообеспеченностью, затем продуктивность постепенно снижается. По сравнению с максимальной продуктивностью урожайность зеленой массы четвертого года пользования трав составила лишь 20,6–52,9%, а пятого года – 20,6–38,8%.

В первый год пользования трав на второй закладке варианты на основе козлятника восточного значительно уступали травосмесям лядвенца рогатого (табл. 3). Но на второй и третий год пользования за счет корневых отпрысков и зимующих почек козлятника происходит увеличение плотности травостоя, и одновидовой посев козлятника восточного становится наиболее продуктивным вариантом как по сбору зеленой массы, так и сухого вещества. В 2006 году продуктивность трав выравнивается, исключение составляют низкопродуктивные травосмеси козлятника с канареечником тростниковидным и овсяницей луговой.

Одновидовой посев тимофеевки луговой на этой опытной закладке служит показателем продуктивности большей части кормовых угодий Костромской области, где эта культура является основой кормовых травосмесей по причине быстрого «выпадения» клевера лугового. Тимофеевка значительно снижает свой потенциал уже к третьему году пользования, и три года из четырех формирует лишь один укос.

Продуктивность трав на третьей закладке представлена в таблице 4. Наиболее урожайными были травостои первого года пользования (2004 г.), когда одновидовые посевы бобовых трав обеспечили сбор до 50–54,38 т/га зеленой массы. Но, из-за вы-

Таблица 2

Продуктивность трав на первой закладке, за два укоса, т/га

Вариант*	Сбор зеленой массы					Сбор сухого вещества				
	2002	2003	2004	2005	2006	2002	2003	2004	2005	2006
1	5,23	4,38	48,87	25,89	19,00	1,32	1,19	10,41	5,16	5,20
2	9,52	4,63	46,88	15,13	11,50	2,78	1,65	9,74	2,93	3,10
3	10,7	4,2	47,25	9,75	9,75	2,91	1,36	9,01	2,18	2,72
4	11,56	5,38	45,87	16,5	12,00	3,36	2,09	11,93	3,53	3,51
5	21,61	37,5	43,83	20,43	15,00	4,40	8,04	7,77	3,30	3,83
6	16,93	21,63	50,75	21,93	17,75	4,40	5,42	10,88	4,48	4,19
7	19,24	31,06	43,88	20	15,50	4,10	6,42	7,89	3,81	3,37
8	13,49	16,12	50,12	21,38	18,00	3,71	4,03	11,04	3,71	3,00
$НСР_{05}$	**4,40**	**4,53**	**11,08**	**4,24**	**6,57**	**1,19**	**1,16**	**2,24**	**0,83**	**1,84**

*1 – Козлятник восточный; 2 – Козлятник + канареечник; 3 – Козлятник + овсяница тростниковидная; 4 – Козлятник + кострец; 5 – Лядвенец рогатый; 6 – Лядвенец + овсяница луговая; 7 – Лядвенец + полевица; 8 – Лядвенец + ежа.

Таблица 3

Продуктивность трав на второй закладке, за два укоса, т/га

Вариант*	Сбор зеленой массы				Сбор сухого вещества			
	2003	2004	2005	2006	2003	2004	2005	2006
1	14,00	58,13	40,88	38,25	3,32	13,21	9,13	9,82
2	17,62	34,13	22,75	30,00	5,08	8,86	5,80	8,40
3	20,13	33,5	27,75	27,75	6,92	8,43	6,49	8,16
4	17,42	34,25	27,13	37,00	5,81	8,11	6,12	9,88
5	42,72	47,25	27,75	40,80	7,97	7,99	4,25	8,78
6	34,03	44,37	33,5	36,40	8,34	8,96	5,84	8,76
7	42,78	46,25	27,75	34,50	9,29	10,11	5,13	8,16
8	37,50	42,00	34,25	32,75	8,03	9,56	6,00	8,90
9	23,00	22,00	8,625	6,88	6,37	5,43	1,45	2,08
$НСР_{05}$	**7,21**	**7,96**	**5,58**	**6,24**	**1,81**	**1,87**	**1,24**	**1,63**

*1 – Козлятник восточный; 2 – Козлятник + канареечник; 3 – Козлятник + овсяница тростниковидная; 4 – Козлятник + кострец; 5 – Лядвенец рогатый; 6 – Лядвенец + овсяница луговая; 7 – Лядвенец + полевица; 8 – Лядвенец + ежа; 9 – Тимофеевка луговая.

сокой влажности зеленой массы лядвенца рогатого в 2004 году, сбор сухого вещества был выше у одновидового посева козлятника и его травосмеси с кострецом. Травосмеси бобовых трав с тимофеевкой луговой отличаются высокой продуктивностью: как по сбору зеленой массы, так и сухого вещества. К третьему году пользования травосмеси не снижают своей продуктивности, несмотря на неблагоприятные погодные условия. Травосмесь, «козлятник + канареечник» не реализует свой потенциал на участке с высоким уровнем плодородия.

Важным показателем сохранности и продуктивности компонента травосмеси является его массовая доля в урожае. За пять лет исследований доля козлятника восточного в среднем в травосмесях при низком уровне плодородия не превышает 13,6% (табл. 5), а в одновидовых посевах большую часть в урожае представляют сорные растения. Это свидетельствует о невозможности выращивания козлятника восточного в данных почвенных условиях. Лядвенец рогатый в травосмесях сохраняется хорошо, его массовая доля в урожае составила 28,6–69,0%.

На второй и третьей закладке бобовый компонент является абсолютным доминантом в одновидовых посевах (>50%), и сорные растения уже не играют большой роли в травостое. В травосмесях козлятник и лядвенец занимают одинаково доминирующее положение со злаковыми травами (от 22% до 50%). В смесях с кострецом безостым, тимофеевкой луговой в первом укосе доля бобового компонента увеличивается до 61–62%, что положительно сказывается на содержании белка в травосмеси.

Таблица 4

Продуктивность трав на третьей закладке, за два укоса, т/га

Вариант*	Сбор зеленой массы			Сбор сухого вещества		
	2004	2005	2006	2004	2005	2006
1	50,00	38,88	38,90	11,17	8,85	7,41
2	31,25	24,00	27,70	8,20	5,82	6,00
3	45,00	30,00	34,81	9,46	6,93	7,60
4	41,88	31,50	38,87	10,02	7,46	8,39
5	43,00	33,25	41,55	10,44	7,52	9,13
6	54,38	35,88	43,45	8,64	5,90	8,37
7	39,13	29,75	37,19	7,73	5,23	7,47
8	41,63	27,38	36,99	8,40	4,93	7,15
9	45,13	34,00	36,11	9,48	6,15	7,64
10	52,00	33,25	37,42	10,77	5,46	6,99
$НСР_{05}$	**9,36**	**5,63**	**4,93**	**1,97**	**1,30**	**0,97**

*1 – Козлятник восточный; 2 – Козлятник + канареечник; 3 – Козлятник + овсяница тростниковидная; 4 – Козлятник + кострец; 5 – Козлятник + тимофеевка луговая; 6 – Лядвенец рогатый; 7 – Лядвенец + овсяница луговая; 8 – Лядвенец + полевица; 9 – Лядвенец + ежа; 10 – Лядвенец + тимофеевка луговая.

Таблица 5

Доля бобового компонента в урожае, % (в среднем за годы исследований)

Вариант	Первый укос			Второй укос		
	1 закл.	2 закл.	3 закл.	1 закл.	2 закл.	3 закл.
Козлятник	54,5	79,7	89,1	55,5	93,6	97,9
К+канареечник	7,6	40,9	50,6	7,3	51,0	62,8
К+овсяница	3,6	31,6	51,5	8,3	52,0	59,6
К+кострец	4,8	37,2	61,1	13,6	63,9	76,6
К+ тимофеевка	*	*	62,7	*	*	80,1
Лядвенец	61,5	71,7	89,1	75,8	87,6	93,7
Л+овсяница	39,7	49,4	51,9	62,3	79,9	80,7
Л+полевица	61,9	47,6	48,7	69,0	81,4	79,8
Л+ежа	28,6	33,8	49,1	55,0	71,9	77,2
Л+ тимофеевка	*	*	52,9	*	*	88,5

* Вариант отсутствует на данной закладке.

Особо важным свойством получаемого корма является высокая питательная ценность травостоя. Требованиям ОСТ 10273-2001 «Корма зеленые. Технические условия» по содержанию сырого протеина отвечают одновидовой посев козлятника и его травосмесь с кострецом и тимофеевкой (табл. 6, по ОСТу для бобовых трав не менее 17%, бобово-злаковых травосмесей – не менее 15%). Высокое энергосодержание (10–11 МДж/ кг с.в.) наряду с указанными вариантами отмечается на одновидовом посеве лядвенца.

Проведенный дисперсионный анализ двухфакторного опыта показал, что фактором, определяющим на 90,3% (в среднем за годы исследований) продуктивность травостоев, является уровень почвенного плодородия. Вид травосмеси повлиял на сбор зеленой массы на 6,5%, взаимодействие этих двух факторов на 2,7%.

Таким образом, решающим фактором при выборе травосмеси должны быть условия почвенного плодородия. Так, в нашем опыте при высокой почвенной кислотности и большом количестве подвижного алюминия (первая закладка) лучшими вариантами являются травостои на основе лядвенца рогатого. На более высоком уровне плодородия (вторая и третья закладка) наиболее приемлемым является одновидовой посев козлятника восточного. Но для получения корма сбалансированного по белкам и углеводам предпочтительнее будут травосмеси козлятника с тимофеевкой и кострецом.

Выбор злакового компонента определяется многими факторами. Во-первых, характером и длительностью использования травостоя. Так, при длительном использовании травостоев на зеленый корм наиболее ценными будут корневищные злаки (кострец безостый и полевица гигантская), образующие густой травостой, а также, высокопродуктивные рыхлокустовые травы (тимофеевка луговая, ежа сборная, овсяница луговая).

Таблица 6

Питательная ценность зеленой массы, в среднем за годы исследований

Вариант	Сырой протеин, %			Обменная энергия, МДж/кг с.в.		
	1 закл.	2 закл.	3 закл.	1 закл.	2 закл.	3 закл.
Козлятник	9,0	17,2	17,2	9,7	10,9	10,9
К+канареечник	6,8	12,8	14,3	8,9	9,6	10,1
К+овсяница	5,7	9,9	13,4	8,3	8,8	9,8
К+кострец	5,9	12,2	15,9	8,4	9,5	10,5
К+ тимофеевка	*	*	16,9	*	*	10,8
Лядвенец	12,2	15,9	15,4	10,4	10,5	10,4
Л+овсяница	9,9	13,1	13,2	9,5	9,7	9,7
Л+полевица	12,3	13,0	13,2	10,4	9,7	9,8
Л+ежа	9,5	12,3	11,8	9,4	9,4	9,3
Л+ тимофеевка	*	*	13,2	*	*	9,8
Тимофеевка	*	4,4	*	*	5,0	*

* Вариант отсутствует на данной закладке.

В том числе злаки должны быть верховыми, так как они дают больше кормовой массы листьев при получении урожая.

Важнейшим условием выбора злакового компонента является отношение его к увлажнению почвы. Канареечник тростниковидный, выращиваемый в смеси с козлятником, будучи гигрофитом, не обеспечил высокую продуктивность ни на одной закладке опыта, особенно в годы с недостаточным увлажнением во вторую половину вегетации. Использование этой культуры в травосмесях в наших условиях не целесообразно. В сухие годы более урожайной является травосмесь лядвенца с полевицей, во влажные – с ежой сборной и тимофеевкой луговой.

Особенностью лядвенца рогатого является его сильное полегание во влажные годы, поэтому злаковый компонент должен обладать способностью противостоять этому. К таким злаковым травам относится ежа сборная и тимофеевка луговая.

Современную кормовую базу необходимо построить на принципах зеленого конвейера: поступление корма должно быть бесперебойным с ранней весны до поздней осени. Так, например, ранний корм обеспечивают травосмеси с овсяницей луговой, тимофеевкой луговой, кострецом безостым, ежой сборной. К позднеспелым травостоям относится травосмесь с полевицей гигантской.

Таким образом, учитывая ранее указанные особенности, продуктивность и питательную ценность, лучшими злаковыми компонентами для козлятника восточного на всех трех закладках являются кострец безостый и тимофеевка луговая. Для лядвенца рогатого на первой закладке это – овсяница луговая и полевица гигантская, на второй – полевица гигантская, на третьей – ежа сборная и тимофеевка луговая.

В.В. Кривошеин

РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ БЕЛУГИ, СТЕРЛЯДИ И БЕСТЕРА В ТЕПЛОВОДНЫХ УСЛОВИЯХ

Преамбула. *Приводятся результаты оценки интенсивности роста осетровых: белуги каспийской, стерляди волжской и их гибрида – бестера в условиях тепловодной биотехнологии.*

В условиях промышленного рыбоводства возрастают требования к продуктивным качествам рыб, их жизнеспособности, воспроизводительным качествам и устойчивости к неблагоприятным факторам среды их использования. Основным направлением селекции осетровых является улучшение продуктивных качеств. Так, при выращивании их в условиях различных температурных режимов особое внимание уделяется ускорению темпа роста за счет более полного использования искусственных кормов, устойчивости к заболеваниям.

При выращивании осетровых в открытых тепловодных бассейнах с проточной, сбросной технологической водой с замкнутым циклом их воспроизводства первостепенным вопросом следует считать: устойчивость рыб к специфическим условиям содержания, повышенная плотность на единицу площади или объема бассейна, высокая оплата корма, сокращение периода выращивания до товарной массы и до половозрелости.

Следует учитывать, что при выращивании осетровых основное значение должна занимать их селекция по признакам, которые характеризуют качество осетрины, они выражаются в убойном выходе, качестве мяса, соотношении мышечной соединительной и жировой тканей, биохимических показателях и экологической безопасности продукции. В повышении продуктивности осетров основное значение придается ускорению интенсивности их роста, особенно в условиях тепловодной аквакультуры. Так как быстрорастущие особи, как правило, характеризуются более высоким выходом продукции при меньших затратах кормов, лучшей окупаемостью кормов продукцией, а также наиболее быстрым возрастом полового созревания.

В целях проведения селекции осетровых видов рыб и их плодовитых гибридов различных генотипов следует учитывать особенности их роста в различные возрастные периоды. Интенсивность роста рыб зависит от условий их выращивания. Так на рост рыб существенное влияние оказывают температурный режим воды, гидрохимический режим, кратность кормления в течение суток, норма кормления и качество корма. У большинства видов рыб выявлена определен-

 © В.В. Кривошеин, 2006

Таблица 1

Возрастное изменение массы тела белуги, стерляди и их гибрида (г)

Возраст, лет	Белуга		Стерлядь		Гибрид	
	n	M±m	n	M±m	n	M±m
2	68	2350±95	310	809,8±6,3	284	1529±47
3	63	4078±103	250	2115,7±4,9	275	2984±38
4	59	6155±64	197	2655,4±20,3	269	3758±29
5	55	8264±37	180	3110±19,6	254	6384±31
6	53	9738±23	175	3264±17,3	249	7255±27
7	51	12366±19	170	3409±15,5	243	8219±35
8	48	15948±14	164	3721±16,3	237	9521±19

ная возрастная динамика изменчивости массы тела и линейных показателей. Так, у ряда видов рыб коэффициент вариации массы тела достигает 2–4% у личинок, до 35–45% у мальков, у сеголетков снижается до 25–28% и с возрастом отмечается постепенное снижение. К основным характеристикам скорости роста осетровых рыб относятся прирост массы и длины тела за определенный возрастной промежуток времени. Скорость интенсивности роста выражается в абсолютных и относительных величинах.

Следует также учитывать, что селекция осетровых рыб, направленная на повышение плодовитости взаимосвязана с их ростом и развитием. Так, абсолютная плодовитость тесно взаимосвязана с массой тела самок. В этой связи отбор по массе тела может привести к увеличению плодовитости осетровых. Одним из перспективных направлений селекции в осетровых тепловодных хозяйствах могут быть оценка и отбор производителей по возрасту и срокам созревания, а также периодичности получения половых продуктов между нерестовыми периодами.

В этой связи нами проведена сравнительная оценка интенсивности роста самок и самцов исследуемых видов осетровых рыб и их гибридов различных генотипов в условия тепловодной аквакультуры за последние пять лет (табл. 1).

Нами установлено, что белуга в условиях тепловодной аквакультуры в два года достигает живой массы 2350±95 г в то время как стерлядь 709,8±6,3, в то время как их гибрид в сходных условиях 1529±47. К четырем годам рост белуги достигает массы 6155±54, стерляди 2655,4±20,3, а их гибрид до 6384±61 г соответственно. Что указывает на эффективность получения и выращивания гибрида между белугой и стерлядью в целях получения осетрины в тепловодном рыбхозе более продуктивным по сравнению с исходными родительскими формами в условиях Верхней Волги. К шести годам белуга в открытой бассейновой тепловодной аквакультуре достигает живой массы 9738±23, в то время как стерлядь 3264±17,3, а их гибрид до 8219±35, что указывает на высокую конкурентоспособность используемых гибридов между этими видами осетровых данного генотипа не только для получения осетрины но и для производства черной икры. При достижении 8 лет белуга в данных температурных условиях достигает массы 15948±14, стерлядь 3721±16,3, а их гибрид до 9521±19 г. Исходя из полученных данных по изменению массы тела белуги, стерляди и их гибрида с двухлетнего до восьмилетнего возраста нами определена их скорость роста в возрастном аспекте (табл. 2).

Таблица 2

Прирост массы тела белуги, стерляди и их гибрида с двух до восьми лет (г)

Период, лет	Белуга	Стерлядь	Гибрид	Гибрид, ± к	
				белуге	стерляди
2–3	1728	330	1455	-273	+1125
3–4	2077	540	744	-1303	+204
4–5	2109	455	2626	+512	+2171
5–6	1474	154	871	-603	+717
6–7	2628	145	964	-1744	+819
7–8	2582	312	1302	-1270	+990

Таблица 3

Относительный прирост массы тела исследуемых осетровых (%)

Период, лет	Белуга	Стерлядь	Гибрид	Гибрид, ± к	
				белуге	стерляди
2–3	73,0	40,7	95,1	+22,1	+54,4
3–4	50,9	25,5	24,9	-26,0	-0,6
4–5	34,2	17,1	69,8	+35,6	+52,7
5–6	17,8	4,9	13,6	-4,2	+8,7
6–7	26,9	4,4	13,2	-13,7	+8,8
7–8	20,8	9,4	15,8	-5,0	+6,4

Установлено, что абсолютные ежегодные приросты у белуги с двух летнего до восьми летнего возраста достигают от 1474 г до 2628 г, у стерляди с двух до пяти лет приросты составляют 330–540 г в последующие возрастные периоды отмечается снижение прироста на уровне 154, 145, 312 г. Абсолютные приросты массы тела у их гибридов (50% Б + 50% С) характеризуются неравномерной тенденцией, так с 2 до 3 лет прирост составил 1455 г, что уступает сверстникам белуги на 273 г, а стерлядь превосходит на 1125 г. В 4-х летнем возрасте у бестера прирост массы тела достиг 744 г, а за 5-й год выращивания 2626 г, что превосходит белугу на 512 г и стерлядь на 2171 г соответственно. К этому возрасту в условиях тепловодной биотехнологии у бестера наступает развитие семенников и яичников, что обуславливает их более раннее половое созревание по сравнению с белугой.

Учитывая, что о интенсивности роста исследуемых осетровых наиболее информативно показывает такой показатель как относительный прирост массы тела к первоначальной в возрасте двух лет, а также по возрастным периодам нами проведена сравнительная оценка одновозрастных особей белуги, стерляди и их гибрида (табл. 3).

Отмечается лучшая интенсивность роста с двух до восьми лет у белуги с 73,0 до 20,8% ежегодно, в то время как у стерляди проявляется резкое замедление с 40,7 до 4,4%, в тоже время их гибриды интенсивно развиваются в первые 4–5 лет, а в последующие годы интенсивность прироста стабилизируется на уровне 13,2–15,8%. Таким образом в условиях тепловодной биотехнологии выращивания белуги, стерляди и их гибридов позволяет более ускоренными темпами получать от них продукцию в виде осетрины высокого качества, а также пищевой черной икры, с минимальными затратами кормов и других материальных ресурсов.

Л.В. Мурадова

ОЦЕНКА АДАПТАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ КОРОВ КОСТРОМСКОЙ ПОРОДЫ РАЗНЫХ ГЕНОТИПОВ

В настоящее время одной из основных задач селекции становится создание генотипов, совмещающих высокую продуктивность с высокой способностью проявлять ее в условиях, не всегда в достаточной степени отвечающих физиологическим потребностям организма. Такая способность живых организмов получила название адаптивный потенциал, который генетически детерминирован, эволюционно обусловлен, контролируется не отдельными генами, а блоками коадаптированных генов, характерной особенностью которых является высокая устойчивость к любому типу генетической изменчивости в длительном ряду поколений. Эти блоки коадаптированных генов, по существу, являются «эволюционной памятью» каждого вида, жестко детерминируя характер его адаптационных реакций на действие неблагоприятных факторов окружающей среды.

По мнению многих авторов, наиболее распространенной коррелятивной реакцией организмов на высокую продуктивность оказывается снижение их общей приспособленности, тогда как крайне высокая экологическая устойчивость видов, в большинстве случаев сочетается с весьма низкой продуктивностью. При изменяющихся усло-

© Л.В. Мурадова, 2006

Таблица 1

Показатели молочной продуктивности по стаду

Периоды	I					II			III			
Год	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2203	2004
Ср. удой на 1 корову, кг	5047	4432	4233	3847	4194	4708	5804	6454	6796	7053	7017	7014
В среднем за период, кг	4350,6					5655,3			6970,0			
Ср. возраст, отелов	3,18					3,69			4,15			
Продолж-ть сервис–периода, дн.	134,6					134,7			147,5			
Расход кормов на 1 кг молока, ц к.ед.	1,33					1,07			0,92			

виях среды только животные с высоким адаптивным потенциалом – это 10–15% стада – способны удержать высокую продуктивность и воспроизводительные качества, у остальных животных происходит резкий спад этих показателей.

Нами проанализированы данные по ведущему племенному хозяйству костромской породы крупного рогатого скота ГПЗ «Караваево» с 1938 года по настоящее время. За этот период именно на базе данного хозяйства была создана костромская порода в 1944 году, выведен новый молочный тип породы КК-1 в 1994 году и в настоящее время животные хозяйства являются племенным ядром всей костромской породы, имея средний надой на корову – 7300 кг молока. За 68 лет существования хозяйства было несколько резких спадов продуктивности (1942 г., 1955 г., 1964 г., 1982 г., 1996 г.), но все они объясняются неблагоприятными условиями, главным образом, недостатком кормов или их низким качеством.

Для анализа влияния неблагоприятных факторов среды на коров разных генотипов мы выделили три периода: I период – резкий спад продуктивности с 1993 года по 1997 год; II период – восстановительный период с 1998 года по 2000 год; III период – рост продуктивности и проявление высокого генетического потенциала.

1990-е годы для хозяйства были очень тяжелые: недостаток кормов собственного производства, плохое качество кормов, которое вынуждало повысить расход кормов на 1 кг молока. Это не могло не отразиться на удоях коров. Начался спад продуктивности, который в среднем по всем животным составил 20–25%. В 1996 году средний удой по стаду составил 3847 кг молока. Снизился средний возраст коров до 3,18 отелов. С 1998 года условия в хозяйстве начали меняться в лучшую сторону, удои стали восстанавливаться и постепенно нарастать. Повысился средний возраст коров в стаде, улучшилось качество кормов, снизилась себестоимость молока.

Неблагоприятные факторы среды в первую очередь отразились на удоях коров-первотелок, которые, в свою очередь, являются в хозяйстве «индикатором» соответствия или несоответствия условий для максимального проявления генетического потенциала. Мы проанализировали удой первотелок разной кровности по швицкой породе и получили данные, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2

Средний удой первотелок разной кровности

Группы по кровности	I период			II период			III период		
	n	Удой, кг	σ	n	Удой, кг	σ	n	Удой, кг	σ
Ч/п костромские	142	3539,6	331,6	81	4419,7	397,4	76	5929,0	301,8
50%(1поколение)	65	4067,0	332,3	34	4853,7	498,6	35	6179,3	413,2
50 % (в себе)	109	3863,0	339,3	7	3932,5	34,7	9	5876,0	1016,8
Менее 50 %	191	3981,4	409,8	125	4791,3	530,1	137	6144,8	380,9
50 % и более	585	4052,8	315,3	343	4921,3	641,5	597	6372,8	337,7

Таблица 3

Индекс роста продуктивности у коров разных генотипов

Группы по кровности	Ср.удой до спада, кг	%	% спада 1 период	% восстановления 2 период	% роста 3 период	Id
Ч/п костромские	4879	100	72,5	90,6	121,5	4,08
50%(1поколение)	5099	100	79,7	95,2	121,2	3,46
50% (в себе)	5471	100	70,6	71,9	107,4	3,07
Менее 50%	4804	100	82,9	99,7	127,9	3,75
50% и более	5234	100	77,4	94,0	121,8	3,7

Как видно из таблицы 2 самую высокую продуктивность во все периоды показали животные с 50% и более кровности по швицкой породе, что свидетельствует не только о высоком генетическом потенциале данной группы, но и о высоком адаптивном потенциале швицкой породы, которая применяется для улучшения родственной костромской породы крупного рогатого скота.

Однако, показатели молочной продуктивности не всегда в полной мере отражают адаптационные способности коров. Для оценки адаптивного потенциала мы определили индекс роста продуктивности (Id) после резкого спада за 12 лет. Индекс роста продуктивности определяли по формуле:

Id = % роста – % спада /12,

где 12 – продолжительность трех изучаемых периодов, лет.

Самый высокий % спада продуктивности был в группе 50% (в себе) – 2,4%. Восстановление и рост продуктивности в этой группе также происходило очень медленно, что свидетельствует о снижении пластичности животных. Самый высокий индекс роста продуктивности – 4,08 – показали чистопородные костромские коровы, что свидетельствует о хороших адаптационных способностях костромской породы, которые при неблагоприятных условиях среды и резком спаде продуктивности сумели достаточно быстро восстановиться и показать высокую продуктивность.

Библиографический список

1. *Карпова О., Анисимова Е., Батаршина Е.* Адаптивные принципы ведения скотоводства в Поволжье // Молочное и мясное скотоводство. – 2004. – №8. – С. 7–8.

2. *Ковальчикова М., Ковальчик К.* Адаптация и стресс при содержании и разведении сельскохозяйственных животных. – М.: Колос, 1978. – 271 с.

3. *Кузнецов В.М.* Экология и селекция сельскохозяйственных животных // Вестник РАСХН. Вопросы селекции сельскохозяйственных животных. – 1998. – №3. – С. 3–8.

И.А. Тихомирова, А.В. Муравьев, Ю.Н. Волоков, С.В. Чепоров, М.В. Замышляева, Е.П. Петроченко

РЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КРОВИ У ЛИЦ С АРТЕРИАЛЬНОЙ ГИПОТОНИЕЙ

Уровень артериального давления (АД) зависит от ряда факторов: количества и вязкости крови, поступающей в сосудистую систему в единицу времени, емкости сосудистого русла, интенсивности кровотока через прекапиллярное русло, упругого напряжения стенок артериальных сосудов и др. [1; 2]. Два ведущих фактора определяют изменения общего периферического сосудистого сопротивления в наибольшей степени, а именно: состояние сосудистого тонуса (включая и продукцию эндотелиальных регулирующих факторов: NO, EDRF, эндотелин и др.) и модификация реологических свойств крови [7; 8; 10]. В последние десятилетия получены данные, свидетельствующие о том, что величины артериального давления коррелируют с реологическими изменениями крови [10; 11; 13; 14].

Основные факторы, определяющие текучесть цельной крови (гематокрит, вязкость плазмы, агрегация и деформация эритроцитов) в той или иной степени сказываются на уровне артериального давления [11; 15; 18] и в том числе из-за снижения деформируемости эритроцитов и возникновение выраженной агрегации [16; 19]. В основном выполнен анализ взаимосвязи реологических свойств крови и артериального давления в условиях *гиперто-*

© И.А. Тихомирова, А.В. Муравьев, Ю.Н. Волоков, С.В. Чепоров, М.В. Замышляева, Е.П. Петроченко, 2006

ии [10; 15; 16], что касается характеристики гемореологического профиля у лиц с *артериальной гипотонией*, то таких работ крайне мало.

Исходя из вышеизложенного, была сформулирована цель настоящего исследования как комплексное изучение гемореологических характеристик у лиц с нормальным и сниженным артериальным давления.

Материал и методы

Показатели АД и гемореологические характеристики регистрировали в двух группах наблюдений. Все лица, включенные в исследование, дали информированное согласие в соответствие с принципами Хельсинской Декларации (1976). Систолическое (САД) и диастолическое артериальное давление (ДАД) измеряли общепринятым методом Короткова. Среднее артериальное давление (АДср.) рассчитывали на основании данных измерения САД и ДАД [6]. В качестве критерия отнесения к группе с артериальной гипотензией использовали граничную величину среднего АД [6] ниже 75 мм рт. ст. На этой основе сформировали группу наблюдения (группа 1; мужчины, n=52; средний возраст составил 20,8±0,8 лет; САД – 98,77±0,98 мм рт. ст.; ДАД – 60,63 мм рт. ст.) среднее АД было равно 72,40 мм рт. ст. Была также сформирована контрольная группа мужчин, репрезентативной по возрасту (контроль; n=50; САД – 105,50±1,13 мм рт. ст.; ДАД – 69,48±0,37 мм рт. ст. величины среднего АД равнялись 80,23±0,39 мм рт. ст.).

Кровь для анализа брали из локтевой вены в условиях клинической лаборатории, в качестве антикоагулянта использовали гепарин (1,5 мг/мл крови). Для изучения реологических характеристик регистрировали вязкость крови, плазмы, суспензии эритроцитов в фосфатном буфере (pH=7,4; Hct=40%) при низких и высоких скоростях сдвига на полуавтоматическом капиллярном вискозиметре. Коэффициент вариации этого метода не превышал 1,0% (десять повторных измерений одной пробы крови). Рассчитывали величину вязкости цельной крови скорректированную на гематокрит 40% ($\eta_{40\%}$):

$$\eta_{40\%} = \eta_w \times (Hct_w/Hct_{40\%})$$

где η_w – вязкость цельной крови при нативном гематокрите; Hct_w –нативный гематокрит. Гематокрит определяли при помощи микрогематокритной центрифуги. Концентрацию гемоглобина (Hb) измеряли цианметгемоглобиновым методом. Индекс ригидности (Tk) для эритроцитов цельной крови и их суспензии в фосфатном буфере (Hct=40%) рассчитывали по методу L. Dintenfass [12]. Эффективность доставки кислорода в ткани определяли по величине отношения гематокрита к вязкости крови (Ht/η), [20]. Степень агрегации эритроцитов определяли при помощи агрегометра (Myrenne M-1, Германия), размеры агрегатов и скорость агрегатообразования регистрировали методом оптической микроскопии [5].

Статистическую обработку проводили с использованием табличного редактора Microsoft Excel. Достоверность различий оценивали при уровнях значимости от 0,05 до 0,01.

Результаты исследования

Величина САД у лиц, отнесенных к группе артериальной гипотонии, составила в среднем 99,81±0,68 мм рт. ст. Это на 8% меньше величины САД испытуемых с нормальным уровнем АД (табл. 1). Диастолическое артериальное давление (ДАД) различалось в двух группах в большей степени; разница составила около 15% и была статистически достоверной (P<0,01). Значительной была и разница среднего динамического давления (АДср.) между сравниваемыми группами (11%; P<0,01).

Таблица 1

Изменение артериального давления у лиц с артериальной гипотонией (M±m)

Показатели	Контроль (n=50)	Группа 1 (n=52)
САД, мм рт. ст.	108,50±1,13	99,81±0,68*
ДАД, мм рт. ст.	69,48±0,37	60,60±0,31**
АДср. мм рт. ст.	80,23±0,39	72,30±0,28**

Примечания: * – различия достоверны при P<0,05;
**– различия достоверны при P<0,01;
САД – систолическое артериальное давление;
ДАД – диастолическое артериальное давление;
АДср. – среднее артериальное давление.

Таблица 2

Изменение макрореологических показателей крови у лиц со сниженным АД (M±m)

Показатели	Контроль (n=50)	Группа 1 (n=52)
Вязкость крови, мПа.с, (τ=1,8 мПа)	3,96±0,08	4,70±0,06**
Вязкость крови, мПа.с (τ=0,18 мПа)	6,43±0,14	7,59±0,16*
Вязкость плазмы, мПа.с (τ=1,8 мПа)	1,78±0,02	1,94±0,03*
Hct, %	41,08±0,39	44,60±0,60*
Hct/η, отн. ед.	10,46±0,25	9,44±0,37*
$ВК_1$кор. $Hct_{40\%}$, (мПас)	3,63±0,08	4,15±0,08**

Примечания: * – различия достоверны при P<0,05;
** – различия достоверны при P<0,01;
τ – напряжение сдвига;
Hct/η – отношение гематокрита к вязкости крови (при τ=1,8 мПа);
$ВК_1$кор.$Hct_{40\%}$ – вязкость крови, скорректированная на гематокрит 40%.

У лиц группы 1 вязкость цельной крови (ВК) оказалась достоверно повышенной на 16% (P<0,05). Основные детерминанты текучести крови – вязкость плазмы и гематокрит были также увеличены у лиц с гипотензией (табл. 2).

Комплекс показателей, который включал вязкость суспензии эритроцитов со стандартным Hct, МСНС и индекс ригидности, указывал на некоторое снижение деформируемости эритроцитов.

Величина агрегации эритроцитов у лиц с гипотензией были достоверно выше, чем в контроле. Различия составили 36% (P<0,01; табл. 3). При таком сочетании гемореологических характеристик индекс эффективности транспорта кислорода в ткани (Hct/η) был снижен на 10% (P<0,05).

Обсуждение результатов

Анализ механизмов, лежащих в основе перестройки реологических свойств крови у лиц со сниженным АД дает возможность предположить, что выявленное увеличение вязкости крови может быть связано с уменьшением перфузионного давления в капиллярах. Последнее ведет к закрытию прекапиллярных сфинктеров и выраженному уменьшению числа функционирующих капилляров [3]. Это, в свою очередь, перераспределяет нагрузку на оставшуюся часть микрососудов и повышает давление перфузии в них. Усиление фильтрации, при этом, способствует с одной стороны, сохранению транскапиллярного обмена на уровне, достаточном для трофики тканей, а с другой – повышает вязкость крови по механизму аутогемоконцентрации [7; 8]. Доказательством тому служит несколько более высокий гематокрит и вязкость плазмы у лиц с гипотензией. Повышенная вязкость крови, в какой-то мере, может предупреждать резкие нейрогенные изменения сосудистого тонуса артерий через антиконстрикторный механизм, запускаемый напряжением сдвига с эндотелия [4; 9; 17].

Прохождение эритроцитов через систему сосудов микроциркуляции определяется конкурентным соотношение *внешних* (среднее АД, вязкость плазмы и гематокрит) деформирующих факторов и *внутренних* деформационных свойств самих эритроцитов [18; 20]. Анализ этого комп-

Таблица 3

Изменение микрореологических характеристик эритроцитов у лиц со сниженным АД (Группа 1; M±m)

Показатели	Контроль (n=50)	Группа 1 (n=52)
ВС, мПа.с	3,17±0,06	3,48±0,07
МСНС, г/дл	32,24±0,40	34,44±0,44*
Тк, отн. ед.	0,728±0,010	0,802±0,010
ПА, отн. ед.	0,283±0,012	0,386±0,018**
RBC/A	5,02±0,17	5,48±0,14*

Примечания: * – различия достоверны при P<0,05;
ВС – вязкость суспензии эритроцитов; Тк – индекс ригидности эритроцитов; МСНС – средняя концентрация гемоглобина в эритроцитах; ПА – показатель агрегация эритроцитов; RBC/A – число эритроцитов, приходящихся на один агрегат.

лекса показал, у лиц со сниженным давлением имеется дефицит основной деформирующей силы – *давления крови*, которое создает напряжение сдвига на эритроците. Поскольку собственная деформируемость эритроцитов практически не отличалась в двух сравниваемых группах, то можно полагать, что в качестве компенсации сниженного деформирующего давления крови, произошло повышение двух других внешних факторов деформации: *вязкости плазмы и гематокрита*. Действительно, если уменьшение среднего АД у лиц данной группы составило 10%, по сравнению показателями контроля, то прирост вязкости плазмы и гематокрита в среднем на 7–8% мог практически компенсировать изменение этого ведущего фактора потоковой деформации клеток.

Таким образом, проведенное исследование позволило получить данные о макро- и микрореологических особенностях крови у лиц с разным уровнем артериального давления, как в пределах нормы, так и при умеренной и средней степени его изменения по типу гипотонии.

Библиографический список

1. *Джонсон П.* Периферическое кровообращение. – М.: Медицина, 1982. – 440 с.

2. *Каро К., Педли Т., Шротер Р., Сид У.* Механика кровообращения. – М.: Мир, 1981. – 623 с.

3. *Куприянов В.В., Козлов В.И., Караганов Я.* Микроциркуляторное русло. – М.: Медицина, 1975. – 234 с.

4. *Мелькумянц А.М., Балашов С.А., Картамышев С.П.* Антиконстрикторный эффект чувствительности эндотелия к напряжению сдвига // Физиол. журн. им. И.М. Сеченова. – 1996. – Vol. 82. – №4. – С. 93–101.

5. *Муравьев А.В., Муравьев А.А.* Вне- и внутриклеточные механизмы изменения агрегации эритроцитов // Физиология человека. – 2005. – Т. 31. – №4. – С. 1–5.

6. *Савицкий Н.Н.* Биофизические основы кровообращения и клинические методы изучения гемодинамики. – Л.: Медицина, 1974. – 310 с.

7. *Фолков Б.* Активные и пассивные компоненты в регуляции емкости кровеносных сосудов. Труды международного симпозиума по регуляции емкостных сосудов / Под ред. А.М. Чернуха, Б.И. Ткаченко. – М.: Медицина, 1977. – С. 7–19.

8. *Фолков Б., Нил Э.* Кровообращение. – М.: Медицина, 1976. – 462 с.

9. *Хаютин В.М.* Механорецепция эндотелия артериальных сосудов и механизмы защиты от развития гипертонической болезни // Кардиология. – 1996. – Т. 36. – №7. – С. 27–35.

10. *Ajmani R.* Hypertension and hemorheology // Clin. Hemorheol. and Microcirculation. – 1997. – V. 17. – P. 397–420.

11. *Chien S., Lung L.* Physicocemical basis and clinical implications of red cell aggregation // Clin. Hemorheol. – 1987. – V. 7. – P. 71–91.

12. *Dintenfass L.* Theoretical aspects and clinical applications of the blood viscosity equation containing a term for the internal viscosity of the red cell // Blood Cells. – 1977. – V. 3. – P. 367–374.

13. *Cicco G., Pirrelli A.* Red blood cell deformability, RBC aggregability and tissue oxygenation in hypertension // Clin. Hemorheol. and Microcirculation. – 1999. – V. 21. – P. 169–178.

14. *Gaehtgens P.* Blood rheology and blood flow in the circulation – current knowledge and concepts // Rev. Port. Hemorreol. – 1987. – Suppl. 1. – P. 5–16.

15. *London M.* The role of blood rheology in regulating blood pressure // Clin Hemorheol. and Microcirculation. – 1997. – V. 17. – P. 93–106.

16. *Mchedlishvili G., Tsinamdzvrishvili B., Beritashvili N.* New evedence for involvement of blood rheological disorders in rise of peripheral resistance in essential hypertension // Clin. Hemorheol. and Microcirculation. – 1997. – V. 17. – P. 31–39.

17. *Pyke K.E., Tschakovsky M.E.* The relationship between shear stress and flow-mediated dilatation: implications for the assessment of endothelial function // J. Physiol. – 2005. – V. 568.2. – P. 357–369.

18. *Schmid-Schoenbein H.* Fluid dynamics and hemorheology *in vivo* // Clinical Blood Rheology. – G.D.O. Lowe (Ed.). Boca Raton: CRC Press. – 1988. – V. 1. – P. 129–221.

19. *Smith W.C., Lowe G., Lee A., Tunstall-Pedoe H.* Rheological determinans of blood pressure in Scottish adult population // J. Hypertens. – 1992. – V. 10. – P. 467–472.

20. *Stoltz J.F., Donner M., Muller S.* Hemorheology in practice: an introduction to the concept of a hemorheological profile // Rev. Port. Hemorreol. – 1991. – V. 5. – P. 175–188.

Д.В. Толоконцев, А.И. Усков, С.А. Бородий

ДИНАМИКА РОСТА И КОЭФФИЦИЕНТ РАЗМНОЖЕНИЯ РАСТЕНИЙ КАРТОФЕЛЯ IN VITRO

Картофель является одной из важнейших сельскохозяйственных культур. Основной способ его размножения – вегетативный. Как известно, при этом способе размножения происходит накопление фитопатогенов, среди которых наиболее опасны вирусы. Накопление вирусной инфекции ведет к снижению урожайности и другим негативным последствиям. Задача первичного семеноводства – ускоренное размножение различных сортов картофеля. В настоящее время эта задача решатся с помощью метода микроклонального размножения. Преимуществами этого метода являются в первую очередь – высокий коэффициент размножения и оздоровление от особо опасных патогенов, в первую очередь вирусов. Микроклональное размножение это по существу вегетативное размножение на искусственной питательной среде в стерильных условиях. Размножение в таких условиях сопряжено с использованием экзогенных фитогормонов или регуляторов роста. Расширение ассортимента регуляторов роста и изучение механизма их действия ведет к поиску новых решений в технологии размножения картофеля in vitro.

Гормоны растений стероидной природы – брассиностероиды обладают высокой биологической активностью, экологически безопасны, что позволяет широко применять их в растениеводстве [1, с. 23]. Препаративной формой брасиностероидов является эпин. Эпин – синтетический брассинолид (эпибрассинолид), аналог природного фитогормона (2α,3α,22R,23R – тетраокси-В-гомо-7-окса-24R-метил-5α-холестан-6-он). Эпин впервые синтезирован в ИБОХ АН Беларуси и внесен в «Список пестицидов и агрохимикатов, разрешенных к применению на территории Российской Федерации» в 2001 году. Эпин – единственный препарат, разрешенный к применению в культуре картофеля in vitro.

Представляет интерес регулятор роста фумар (диметиловый эфир аминофумаровой кислоты), разработанный совместно Институтом химической физики РАН и Днепропетровским химико-технологическим институтом. Препарат обладает широким спектром действия, сочетая элементы нескольких фитогормонов – ауксинов, гиббереллинов и цитокининов: стимулирует пусковые механизмы прорастания, ризогенез и каллусогенез, влияет на развитие, цветение и продуктивность растений. Отличается низкой и чрезвычайно малыми нормами расхода [5]. Фумар активизирует ферменты, связанные с изменением направленности метаболизма в клубнях и в целом растении [4].

Очень перспективен препарат, синтезированный НИИХЗР – этамон (диметилфосфорнокислый диметилдигидроксиэтиламмоний). Он был отобран при первом скрининге на культурах клеток высших растений. Его росторегулирующее действие затем изучалось на целом спектре культур, включая сахарную свеклу картофель, бобовые [3]. Наиболее интересным с практической точки зрения было положительное влияние этамона на рост и накопление ассимилянтов корневой системой растений [7]. Быстрый рост корневой системы возможно связан с тем, что этамон находясь внутри растительной клетки или её органелл распадается на фосфор и азотсодержащие фрагменты, которые являются удачными формами для внутриклеточного питания [8].

Целью данной работы было изучение динамики роста, коэффициента размножения и выявление морфологических различий у растений картофеля in vitro.

Материал и методы исследования

Материалом для исследований служили 4 сорта картофеля отечественной селекции – Жуковский ранний, Удача, Ильинский, Елизавета, предоставленные Всероссийским научно-исследовательским институтом картофельного хозяйства (ВНИИКХ). Опыты проводили на базе ФГОУ ВПО «Костромская ГСХА». Микроклональное размножение картофеля проводили согласно методическим рекомендациям [6]. Питательную среду модифицировали добавками эпина, фумара, этамона. Использовали следующие концентрации регуляторов роста: эпин – $25*10^{-5}$ г/л, фумар – 10^{-6} г/л, этамон – 10^{-2} г/л. Растения культивировали при температуре 23±1°С, влажности 80%, 16-ти часовом фотопериоде с интенсивностью 3000 люкс. Стоит отметить, что эпин мы использовали

© Д.В. Толоконцев, А.И. Усков, С.А. Бородий, 2006

Таблица 1

Динамика роста растений картофеля in vitro на контрольном варианте

Дни	Сорт 1 (Жуковский ранний)	Сорт 2 (Удача)	Сорт 3 (Елизавета)	Сорт 4 (Ильинский)
0	0,00	0,00	0,00	0,00
6	10,63	11,88	5,58	8,15
10	31,63	28,33	15,28	24,73
14	53,48	43,13	22,00	39,08
18	73,78	48,38	32,43	42,95

Таблица 2

Биометрические параметры растений картофеля in vitro первой серии эксперимента

Вариант	Сорт	Высота растений мм.	Количество междоузлий шт.
Контроль	1. Жуковский ранний	73,78	4,93
	2. Удача	48,38	4,40
	3. Елизавета	32,43	4,18
	4. Ильинский	42,95	5,18
$НСР_{05}$		5,80	0,30

в рекомендуемой концентрации (Список пестицидов и агрохимикатов, разрешенных к применению на территории РФ, 2003), фумар согласно рекомендации ВНИИКХ (А.И. Усков, Д.В. Кравченко) и этамон по указаниям НИИХЗР (А.А. Шаповалов).

Периодически измеряли длину растений, в конце наблюдений учитывали количество междоузлий и составляли морфологическое описание. Повторность опыта была 4-х кратная по 10 растений в повторности. Статистическая обработка результатов проводилась по [2].

Результаты и обсуждения

В первой серии эксперимента мы исследовали влияние генотипа на динамику роста и коэффициент размножения растений. Во втором эксперименте мы проанализировали влияние добавок росторегулирующих веществ на изменение динамики роста растений картофеля внутри каждого сорта.

Различие в динамике роста in vitro различных сортов можно хорошо проследить на контрольном варианте. Результаты представлены в таблицах 1 и 2, а также на диаграмме. Исследования показали, что сорта существенно различаются по длине побега и коэффициенту размножения. Так максимальная длина побега наблюдается у сорта Жуковский ранний 73,78 мм, минимальная у сорта Елизавета 32,43 мм. Наибольший коэффициент размножения наблюдается у сорта Ильинский и Жуковский ранний 5,18 и 4,93.

Результаты второй серии эксперимента представлены в таблице 3. Добавление биологически активных веществ не вызвало существенных различий от контроля по длине побега у сорта Жуковский ранний, но существенно увеличило коэффициент размножения на вариантах с эпином и фумаром. На Ильинском варианты существенно превысили контроль и по длине побега и по коэффициенту размножения. Сорта Удача и Елизавета показали неоднозначный физиологический эффект. У сорта Елизавета на варианте с эпином длина побега несущественно ниже, а коэффициент размножения превышает контрольный вариант. Фумар существенно повысил длину побега Елизаветы, но не повлиял на коэффициент размножения. На сорте Удача эпин существенно снизил длину побега, но увеличил коэффициент размножения.

Морфологические особенности на основании визуальных наблюдений были следующие. На контрольном варианте растения характеризовались нормальной высотой. Корни были толще, чем на других вариантах, корневая система менее разветвленная. Отличительная особенность: к завершению ростового процесса, когда растение уже готово к высадке в условия in vivo, основная масса корней располагалась на дне пробирки. При добавлении эпина корневая система развивалась преимущественно в верхнем объеме питательной среды, была относительно разветвленная, но не очень мощная. Корни были тоньше, чем на других вариантах. Стоит отметить,

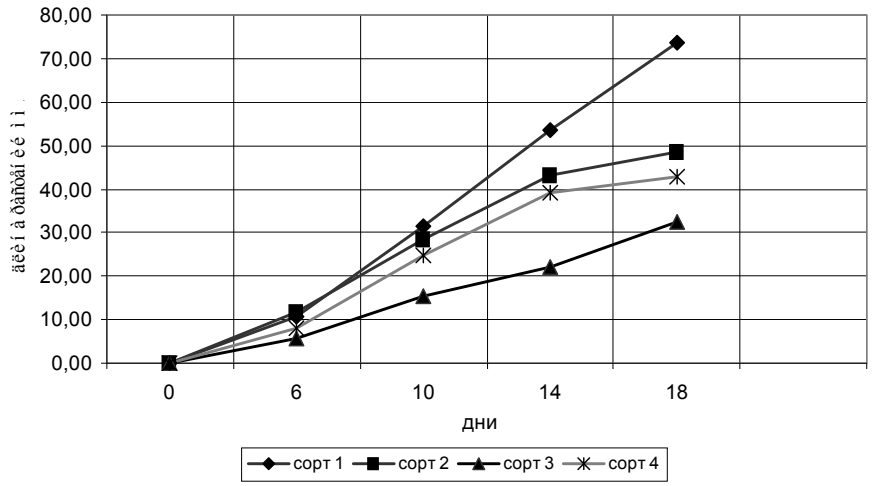


Диаграмма. Динамика роста растений картофеля in vitro на контрольном варианте

что сначала трогался в рост побег, затем только начинался ризогенез.

При добавлении фумара растения выглядели более массивными, чем на других вариантах. Корневая система была более разветвленная, распространялась равномерно по всему объему питательной среды.

Пи добавлении этамона растения выглядели аналогично варианту с фумаром, однако наблюдалась некоторая пестрота т.е. появлялись растения имеющие как слабую, так и мощную, хорошо развитую корневую систему.

Выводы

1. Отзывчивость на регуляторы роста определяется генетическими и соответственно физиолого-биохимическими особенностями сортов т.е. сортоспецифична. В нашем эксперименте максимальную физиологическую реакцию показал сорт Ильинский, минимальную сорт Удача.

Таблица 3

Биометрические параметры растений картофеля in vitro второй серии эксперимента

Сорт	Вариант	Высота растений, мм.	Коэффициент размножения
Жуковский ранний	Контроль	73,78	4,93
	Эпин 1	76,40	6,25
	Фумар 2	78,50	6,38
	Этамон 3	66,45	5,15
$НСР_{05}$		6,10	0,30
Удача	Контроль	48,38	4,40
	Эпин 1	37,20	5,05
	Фумар 2	48,88	4,68
	Этамон 3	37,60	4,15
$НСР_{05}$		5,89	0,34
Елизавета	Контроль	32,43	4,18
	Эпин 1	28,88	4,58
	Фумар 2	37,95	4,33
	Этамон 3	34,65	4,15
$НСР_{05}$		4,73	0,35
Ильинский	Контроль	42,95	5,18
	Эпин 1	47,48	5,50
	Фумар 2	51,78	5,43
	Этамон 3	49,03	4,98
$НСР_{05}$		3,69	0,39

2. Экзогенные добавки влияют на динамику роста картофеля in vitro. Замечен неоднозначный физиологический ответ по вариантам. Это возможно в первую очередь определяется такими генетическими особенностями сорта, как характер созревания. Созревание у сорта Жуковский ранний очень раннее, у сорта Удача – раннее, у сортов Елизавета и Ильинский – среднераннее. Однако, сорт Елизавета отстает от сорта Ильинский по скорости роста.

3. Сорта существенно различаются по длине побега и коэффициенту размножения in vitro.

4. Сорта показали морфологические изменения корневой системы в ответ на добавки биологически активных веществ.

Библиографический список

1. *Бобрик А.О.* Использование брассностероидов в семеноводстве картофеля // Тезисы докладов IV конференции «Брассиностероиды – биорациональные, экологически безопасные регуляторы роста и продуктивности растений. – Минск, 1995.

2. *Доспехов Б.А.* Методика полевого опыта. – М.: Колос, 1979.

3. *Жирмунская Н.М., Приходьмо Н.В., Овсянникова Т.В., Шаповалов А.А.* Новый регулятор роста этамон – стимулятор роста корневой системы // Агрохимия. – 1991. – №11. – С. 98–105.

4. *Костяновский Р.Г., Станко С.А., Овсянникова М.Н., Серова Р.Я., Бородин М.К., Шустова Л.Л.* Новые синтетические регуляторы роста и развития растений // Регуляторы роста и развития растений. Рабочее совещание 16–18 июля 1991 г. (тезисы докладов). – М.:ВАСХНИЛ, ТСХА, 1991.

5. *Просяник А.В., Москаленко А.С., Станко С.А., Костяновский Р.Г.* Фумар – незаменимое средство повышения урожайности и качества картофеля // Вестник РАСХН. – 1993. – №2. – С. 15.

6. *Симаков Е.А., Усков А.И., Варищев Ю.А.* и др. Новые технологии производства оздоровленного исходного материала в элитном семеноводстве картофеля (рекомендации). – М., 2000. – С. 78.

7. *Табаленкова Г.Н., Куренкова С.В.* Использование регуляторов роста при выращивании рапонтикума сафлоровидного // Агрохимия. – 2001. – №3. – С. 35–41.

8. *Шаповалов А.А., Зубкова Н.Ф.* Отечественные регуляторы роста растений // Агрохимия. – 2003. – №11. – С. 33–47.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Я.В. Новичихин, В.Н. Ершов

О ПОЛЕЗНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В КГУ ИМ. Н.А. НЕКРАСОВА

Современный вуз представляет собой сложную иерархическую структуру, состоящую из множества разнообразных подразделений. Каждая из структурных единиц вуза в процессе своей деятельности вырабатывает множество разнообразной информации, которая вливается в общий информационный поток. Часть информации из этого потока используется руководством университета для анализа процессов, протекающих в вузе, и принятия решений.

Следует учитывать, что решения, принимаемые на каждом уровне, зависят от решений верхних уровней (отношение субординации), а также от решений на данном уровне (отношения соподчинения, проявляемые в форме согласования, соисполнения, коллегиальной деятельности). При этом на каждом этапе принятия решения все уровни должны взаимодействовать между собой и обеспечивать двунаправленный обмен результатами. В нашем случае ректорат руководствуется нормативной документацией Рособразования (отношение субординации), внутренней документацией и координирует совместную деятельность проректоров (отношения соподчинения). На уровне деканов отношение субординации существует с ректоратом, а отношения соподчинения между деканами.

Очевидно, что эффективность принимаемых решений и их обоснованность во многом зависит от обеспечения информацией. Обеспечить ее получение можно только на основе полной информатизации управленческой работы всех подразделений университета.

Построение единой информационной системы и управление ею являются важнейшими задачами современного университета. При этом внедрение новых информационных технологий (далее НИТ) в управленческую деятельность преследует цели не только автоматизации рутинных методов обработки информации, но и организации информационно-коммуникационного процесса на качественно новом уровне. В первую очередь это означает обеспечение пользователей актуальной, достоверной, непротиворечивой информацией, касающейся всех сфер деятельности вуза. Все категории пользователей такой системы должны иметь не только регламентированный и безопасный доступ к указанным информационным ресурсам, но и возможности для обоснованного анализа, планирования и принятия решений.

Насколько же актуально использование новых информационных технологий в деятельности вуза? Можно ли решить непростые, а подчас и неформализованные задачи, используя информационные системы, как основу для принятия решений? Позволит ли единая информационная система ответить на вопросы: «Существует взаимосвязь между премированием студентов и процентом успеваемости? Насколько она крепка? И как следствие стоит ли в конце следующего финансового года вновь пускать остаток средств на премирование студентов или это не принесет ощутимой пользы? А если не стоит, то какой из рычагов воздействия наиболее эффективен в этом случае?»

Рассмотрим другой пример. Общеизвестным считается тот факт, что качество обучения напрямую зависит от технического оснащения аудиторий (проекторы, демонстрационные экраны, интерактивные панели и т.д.). Однако по результатам сессии у группы студентов, занимающихся в полностью оснащенной аудитории, был выявлен низкий процент успеваемости. Для исправления этой ситуации и принятия решения требуется выявить, какие же показатели повлияли на него. В такой ситуации набор показателей может быть очень большим и включать такие составляющие, как время проведения занятий у данной группы, их порядок, отношение к предмету, преподавателю, квалификация преподавателя и т.д. Кроме того, решающую роль могут сыграть даже такие факторы, как освещенность аудитории, ее проветриваемость и т.д. Все это требует полного и всестороннего анализа.

Очень часто при принятии того или иного решения не учитываются факторы, которые на самом деле оказывают ощутимое влияние. Ис-

© Я.В. Новичихин, В.Н. Ершов, 2006

пользование системы поддержки принятия решений позволяет учесть все возможные показатели и степень их взаимного влияния.

В качестве иллюстрации этого утверждения рассмотрим следующий пример.

Вузом было закуплено несколько новых компьютеров для деканатов и кафедр. Требуется распределить их наиболее оптимальным образом. При распределении обычно берется в расчет такой показатель, как коэффициент использования компьютерной техники (т.е. количество сданных в электронном виде отчетов, планов и другой документации на одного сотрудника кафедры). При рассмотрении этого показателя по кафедрам-претендентам было выявлено, что коэффициент использования компьютеров на некоторых из них очень мал. Исходя из этого, было принято решение не выделять компьютеры кафедрам с низким коэффициентом. Однако при этом был упущен из виду такой показатель, как число компьютеров на количество штатных единиц. При более подробном анализе было выявлено, что низкий коэффициент использования техники напрямую зависит от того, что на данных кафедрах имеется всего лишь один компьютер на 15 человек. Принятие правильного решения с учетом показателя числа компьютеров на количество штатных единиц позволило бы повысить коэффициент использования техники на указанных кафедрах. И такие решения ректору, проректорам, деканам и заведующим кафедрами приходиться принимать достаточно часто. В этом случае, правильность решения опирается только на личный опыт и профессионализм лица принимающего решение.

Кроме недооценки некоторых фактов возможна и обратная ошибка – чрезмерное их преувеличение.

Как видно из вышеприведенных примеров, для принятия обоснованных управленческих решений необходим учет всех значимых факторов, а прежде всего их выявление. При этом анализ становится тем сложнее, чем больше число рассматриваемых показателей. Сложность же процесса выявления наиболее значимых из них возрастает в десятки раз. В этом случае уже не обойтись без помощи специалистов в области системного анализа, ориентированных на решение такого рода проблем. Но штатное расписание вуза не предусматривает наличие таких сотрудников.

На наш взгляд, внедрение системы поддержки принятия решений решит вышеописанную проблему, за счет всестороннего анализа на основе строгих математических методов данных, хранящихся в централизованном хранилище.

Организация централизованного хранилища снимет проблемы, связанные с хранением данных и их обменом, поскольку оно будет содержать всю информацию, так или иначе связанную с деятельностью вуза (приказы, учебные планы, результаты аттестаций, сессий, сведения о профессорско-преподавательском составе, аудиторном фонде, материальных, финансовых, информационных ресурсах), а также необходимые для анализа этой информации разнообразные нормативы, ограничения, весовые коэффициенты, ранги, пороговые значения величин и т.д. Применение же математических и эвристических методов анализа, таких как методы выявления взаимосвязей между данными (корреляционные методы), методы оперативного анализа (OLAP-технологии) и методы поиска новых знаний (DataMining) позволит получить достоверную, оперативную и актуальную информацию, необходимую для принятия обоснованного управленческого решения.

Подобная структура предлагаемой системы позволит максимально упростить и автоматизировать процесс принятия решения. Лицу, принимающему решение (ЛПР) необходимо будет только сформулировать запрос к системе, определить

Рис. Архитектура системы поддержки принятия решений

набор ограничений и альтернатив, указать критерий выбора оптимальных решений. Отбор данных, их анализ и обработка будут произведены системой автоматически. Результатом обработки будет набор решений, ранжированный в соответствии с выбранным критерием оптимальности. ЛПР останется лишь выбрать из предлагаемого набора наиболее предпочитаемое им решение (рис.).

Кроме подготовки информационной базы, при проектировании и внедрении подобных систем ключевыми являются вопросы, связанные с безопасностью. Во-первых, доступ к данным необходимо предоставить только авторизованным пользователям, во-вторых, открыть для пользователей только те возможности системы, которые соответствуют их ролям (например, доступ к модулю принятия решений необходимо открыть только лицам, непосредственно участвующим в управлении вузом (ректору, проректорам, начальникам планового и материального отделов и т.д.). Данная проблема в нашем университете может быть решена стандартными средствами операционных систем (в частности, при помощи службы каталогов Active Directory ОС MS Windows Server) и средствами СУБД, под управлением которой будет функционировать хранилище данных (в частности, средства управления безопасностью Microsoft SQL Server). Применение встроенных средств администрирования возможно за счет того, что выбранные программные и технические средства позволяют создать единое рациональный и логически связанный комплекс. Внедрение технологии MS SharePoint и организация корпоративного портала вуза предоставят еще больше возможностей для администрирования предлагаемой системы за счет встроенных средств управления доступом (например, организации областей портала).

Очевидно, что проблема заключается не в выборе технических средств, а в выборе методов обработки информации и их программной реализации. Только в этом случае указанная система будет полезна и при принятии решений на основе предпочтений (например, если имеется несколько альтернативных вариантов решения). На основе опросов экспертов и методов экспертной оценки полученных результатов можно будет провести ранжирование альтернатив и выявить наиболее предпочтительный вариант, с учетом которого можно будет в дальнейшем построить весь процесс принятия решения.

Кроме того, система может быть применена для составления разнообразной управленческой документации: планов (например, план распределения кафедральной нагрузки с учетом предпочтений), разнообразных отчетов и т.д.

Наконец, предлагаемая программа, на наш взгляд, будет незаменима для составления и анализа итоговой отчетности (например, результатов аттестации студентов, выполненных контрольных работ и т.д.). Данное направление деятельности является необходимой составляющей стратегического развития вуза, поскольку на основе полученных результатов можно выявить не только имеющиеся взаимосвязи, наиболее значимые факторы, установить степень влияния показателей друг на друга, но и понять причины возникновения той или иной ситуации. А это в свою очередь позволит в той или иной мере спланировать направление развития университета для достижения максимальных аттестационных показателей в рамках имеющихся ресурсов.

На основании всего вышесказанного можно утверждать, что внедрение в КГУ им. Н.А. Некрасова системы поддержки принятия решений является обоснованным и необходимым. Применение такой системы, принесет вузу следующие преимущества: ускорится процесс принятия решений руководством университета, улучшится обоснованность принимаемых решений, поскольку они будут опираться на достоверную и актуальную информацию, а также на результаты анализа, полученные на основе четких математических методов. Кроме того, улучшится контроль реализации принятых решений, что поднимет эффективность управления вузом в целом, и повысит его «информационную прозрачность».

Заметим, что предлагаемая система никоим образом не претендует на роль автоматической системы управления. Ее назначение состоит в том, чтобы обеспечить руководителей вуза высшего и среднего уровня своевременной и точной информацией в любых информационных ракурсах, релевантных для проведения детального анализа, на основе которого можно построить набор оптимальных решений с учетом предпочтений ЛПР. Принятие же окончательного решения в любом случае остается за руководством вуза.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

И.В. Адоевцева

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД В МУЗЫКАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКЕ

Искусство – это один из видов человеческой деятельности, который создает целостную картину мира в единстве мысли и чувств, в системе эмоциональных образов, а не логических законов. Здесь действует совершенно иная, чем в научной сфере, форма передачи опыта: не изучение, а *проживание*, переживание содержания; здесь свой специфический способ познания мира. Поэтому в основе концепции Д.Б. Кабалевского лежит положение о том, что в любой форме приобщения детей к музыке должна отстаиваться самоценность музыкального искусства.

Предметом урока музыки является искусство, следовательно, деятельность учителя носит творческий, эмоциональный характер, поэтому одна из важнейших идей новой концепции: «урок музыки – это урок Искусства».

Практика лучших учителей также убедительно доказывает, что можно добиться большего влияния на развитие личности школьника, строя общение на музыкальных занятиях по законам творчества, не допуская ничего, что разрушало бы художественную ткань урока.

В основе любого урока лежит совместная деятельность учителя и учащихся, но на уроке музыки она имеет особую эмоционально-содержательную окраску.

В уроке отражаются содержание, принципы, средства, методы и методологические приемы учебно-воспитательного процесса, стиль отношений между учителем и учащимися, целостный характер деятельности учителя и учеников.

Подготовка и проведение урока искусства – творческий акт, который включает в себя как художественно-педагогическое творение учителя, так и творчество учащихся.

Воспитательная результативность музыкальных занятий, формирование музыкальной культуры школьников во многом зависит от того, состоялось ли на уроке духовное общение с музыкой, возник ли тот «художественный поток», который соединяет сердца и умы детей и взрослых, дает детям стимул для личностного роста.

Практика убеждает, что одним из путей реального преобразования учебного предмета является опора в преподавании музыки на позиции развивающего обучения, экзистенциального подхода в преподавании музыки, который наиболее полно дает возможность учителю реализовать в ходе художественно-педагогического процесса задачу воспитания свободной личности, так как способствует индивидуализации педагогического процесса.

«Для экзистенциональной педагогики ключевым понятием может считаться событие. Событие является главным элементом человеческой жизни. *Со-бытие. Бытие со мной.* То есть то явление, которое значимо для человека. Жизнь человека можно представить как сложную линию, у которых две крайние точки: рождение и смерть. А между ними происходит множество других событий различной эмоциональной окраски, которые оставляют или не оставляют след в его памяти» (*Рожков М.И.* Концепция экзистенциальной педагогики // Педагогика. – М.: Владос, 2003).

Таким важным, эмоционально-насыщенным, ярким событием для ребенка может являться переживание (со-переживание) эмоциональных состояний-событий, заложенных в образах музыкальных произведений.

Слушая, воспринимая музыкальные произведения, ребенок искренне переживает ситуацию, эмоционально переданную в произведении: жизнь героя, его переживания, смерть, любовь, страдания, радость и т.д.

Ребенок на уроке музыки переживает, пропускает через себя, различные эмоциональные состояния, переживает события из жизни героев музыкального произведения, отождествляя их с событиями своей жизни.

Так, например, произведения П.И. Чайковского «Болезнь куклы» и «Смерть куклы» оставляют сильное впечатление в жизни ребенка, так как в жизни играя с куклой, ребенок «по-настоящему» мог уже проживать данные события. И напротив, он может почувствовать прилив радости, слушая музыку «Карусель», вспоминая веселый праздник, день рождения, каникулы и т.д.

© И.В. Адоевцева, 2006

Эмоциональные переживания ребенка имеют огромное влияние на его развитие, прежде всего духовно-нравственное, в этом и есть главное назначение музыкального воспитания школьника. Понять важнейшие нравственные категории позволит восприятие музыкальных произведений, в которых заложены идеи-образы борьбы, смерти, добра и зла, любви и ненависти…

Основными принципами экзистенциальной педагогики, сформулированных в трудах М.И. Рожкова, О.С. Гребеннюка являются: принцип стимулирования саморазвития человека; принцип нравственного саморегулирования; принцип актуализации ситуации; принцип социального закаливания. Представим механизм реализации некоторых из них в музыкальной педагогике.

Так например, в ходе реализации принципа стимулирования саморазвития человека происходит обучение способам самопознания, рефлексии, планирования жизненных событий: в процессе восприятия музыкальных произведений, их анализа ребенок познает себя, свою эмоциональную сферу, раскрывает свой творческий и жизненный потенциал.

Принцип нравственного саморегулирования предполагает знакомство детей с нормами общечеловеческой морали и обучение их нравственному поведению. Таковое знакомство возможно и в процессе художественно-педагогического анализа содержания образа и художественной идеи музыкального произведения. Так, например, при слушании музыки Л.В. Бетховена дети чувствуют высокое нравственное значение его музыки, проникаясь духом борьбы, идеей нравственного идеала человека. Восприятие детьми нравственной сущности музыкальных произведений, осознание их воспитательного значения позволяет стимулировать нравственную самооценку и нравственную коррекцию своих поступков.

Принцип актуализации ситуации предполагает, оказание помощи учащемуся в анализе события, определении в нем главного и второстепенного. Анализ музыкального произведения, определение его нравственной сущности, эмоционального содержания, художественной идеи тесно связаны с эмоциональной оценкой происходящего события в произведении и поэтому предполагает развитие эмоциональной сферы ученика.

Данные принципы, принятые учителем музыки для решения педагогических задач в своей художественной деятельности, будут способствовать решению задачи воспитания свободной личности в процессе общения ребенка с музыкальным искусством.

О.В. Бочкарева

СИСТЕМНАЯ МОДЕЛЬ ДИДАКТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА: ТЕХНОЛОГИЯ, ФУНКЦИИ

В настоящее время в педагогической науке утверждается диалогическая концепция как методологическая основа для разработки технологии субъект-субъектного взаимодействия, акцентирующая внимание на позиции сотворчества, сотрудничества, партнерства. Однако в современных исследованиях проблем высшей школы нет единства взглядов на феномен дидактического диалога, не определена его специфика, не систематизированы его функции, не разработаны технологические аспекты применительно к вузовской системе обучения. Успешность реализации дидактического диалога в значительной мере зависит от его функционально-технологического обеспечения, которое определяет взаимосвязь профессионального и индивидуально-личностного развития субъектов взаимодействия. Этот процесс диктует необходимость становления и развития образовательных и воспитательных процессов в вузе, ориентированных на субъект-субъектные отношения, приобщение участников взаимодействия к культуре диалога, как важнейшей составляющей педагогической деятельности.

Становление готовности субъектов образовательной деятельности к реализации технологии диалога предполагает глубинные изменения в их профессиональном и личностном развитии, профессиональной мотивации, ценностном аспекте сознания и самосознания. В практике обучения в вузе не всегда отдается приоритет таким категориям, как «свобода», «субъектность», «индивидуальность», «выбор», «самоорганизация», «самоопределение», «развитие», «творчество», «ав-

© О.В. Бочкарева, 2006

тономность», которые придают гуманистический смысл педагогическим категориям и смещают акцент на позицию сотворчества и диалога. Введение отдельных элементов диалогической технологии без изменения самой сути отношений между преподавателями и студентами в вузе, отсутствие целостного проявления личности в общении приводят к тому, что субъект-субъектные отношения оттесняются на второй план, чаще только декларируются. Преодолеть возникающее противоречие между объективными потребностями практики, которая стремится модернизировать учебно-воспитательный процесс в вузе на основе диалогического взаимодействия, партнерства, как сотворчества преподавателя и студентов, и недостаточной теоретической и практической разработанностью сложной проблемы призвана теория и технология дидактического диалога.

Понятие «технология» (с греч. «techne» и «logos») – искусство, мастерство с одной стороны, учение, наука с другой – переводится как «наука об искусстве», «наука о мастерстве». Понятие технологии можно перевести с греческого и как знание об искусном, мастерском выполнении какой-либо деятельности. Первое упоминание о педагогической технологии появилось в отечественной литературе в начале XVIII века. Н.В. Масловой удалось обнаружить, что понятие технологии впервые применил в 20-е годы XVIII века Федор Поликарпов, автор ряда учебных книг, одна из которых называлась «Технология» (1725). Этот же термин используется им в приложении к третьему изданию грамматики М. Смотрицкого (1721), в котором подчеркивается, что концепция грамматики, как искусства и ремесла подразумевает построение системы определений, принципов и др. Понятие технологии рассматривается Ф. Поликарповым как близкое к греческому оригиналу [1, с. 58].

Понятие «технология» в современном значении пришло в дидактику из технологии производственной деятельности. Согласно словарным толкованиям, технология означает совокупность методов обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, формы, сырья, материала или полуфабриката, осуществляемых в процессе производства продукции. Технология включает в себя также и искусство владения процессом, в результате которого процесс персонализируется. Согласно исследованиям Е.С. Полат, Т.С. Назаровой, термин «педагогическая технология» возник в 20-е годы XX века, его появление объяснялось попытками интенсивного внедрения в учебный процесс новых технических средств [2, с. 203].

В 1940–1950-х годах широко стал использоваться термин «технология образования». В середине 1960-х годов выделились два направления, одно из которых по-прежнему связывалось с внедрением в учебный процесс ТСО, а другое направление развивало технологический подход к построению самого процесса обучения. Появляется новый термин – «технология обучения». В современной зарубежной педагогической литературе для обозначения технологий, применяющихся в системе образования, обычно используется понятие «education technology», которое можно перевести как «образовательная технология».

Технологический подход за время своего существования претерпел существенные трансформации. Можно выделить три основные стадии развития понимания педагогической технологии:

– эмпирическая (обобщение лучшего педагогического опыта);

– алгоритмическая (проектирование и внедрение в практику алгоритмов деятельности обучающих и обучающихся;

– стохастическая (моделирование вероятностных способов движения педагогической системы во взаимодействии ее элементов, мерилом ценности которой является не столько фиксируемый результат, сколько процесс развития, качественное и количественное накопление в каждом из элементов педагогической системы).

Технология образования, по определению ЮНЕСКО, это системный метод создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний с учетом технических и человеческих ресурсов и их взаимодействия, ставящей своей задачей оптимизацию форм образования [3, с. 31].

Термин «технология обучения» используется в отечественной педагогической науке неоднозначно. Системная теория образовательной технологии представлена в трудах В.П. Беспалько, В.В. Гузеева, Г.К. Селевко, В.В. Юдина и др. Значительная часть исследований в области образовательных технологий концентрируется вокруг следующих идей:

– укрупнение дидактических единиц и смысловых обобщений;

– планирование результатов обучения (технология постановки целей);

– психологизация образовательного процесса (необходимость учета психологических феноменов при организации учебного процесса);

– компьютеризация.

Образовательная технология как системное образование включает в себя следующие элементы: целеполагание, диагностику, прогностику, модели обучения, мониторинг.

Распространенным является понимание термина «технология» в значении особого способа организации обучения с опорой на выделяемую группу используемых методов, форм, средств и приемов обучения.

В педагогической практике сложились следующие методы:

– репродуктивный (объяснительно-иллюстративный, указываются промежуточные задачи и способы их решения);

– программированный (обучающая программа, указываются способы решения промежуточных задач, а сами задачи не указываются);

– эвристический (поисковый, не указываются способы решения задачи);

– проблемный (скрыты промежуточные задачи и пути их решения);

– модельный (исходные условия не выделяются, а отбираются в зависимости от понимания задачи) [6].

Данные группы методов определяют разное соотношение «монологичности» – «диалогичности» образовательного процесса, а соответственно, и разные типы развиваемых способностей вместе с содержательным и технологическим оснащением. Переходность, пограничность двух типов педагогической реальности проявляют себя как постоянное сосуществование в процессе самоопределения своего положения в современных условиях.

Более широкое толкование термина «технология обучения» связано с моделированием педагогической системы и раскрытием ее потенциальных возможностей, ее составных элементов. К образовательному процессу следует подходить как процессу развития гуманитарной системы, поэтому в образовательных технологиях фиксируется не только результат, но и сам процесс, моделирование которого должно учитывать его стохастическую сущность. «Педагогическая технология должна обладать признаками системы: логикой процесса, взаимосвязью всех его частей, целостностью» [4, с. 58].

Общая теория систем формирует диалогическую картину мира: выявляет законы организации, осуществляет их классификацию. Принцип системности ориентирует исследователя на рассмотрение объекта любой природы с позиций закономерностей системного целого и взаимодействия его частей. Системный подход требует рассмотрения изучаемого феномена сразу в нескольких направлениях с целью получения синтетического, объемного знания, многомерной картины бытия. Современная общая теория систем включает системный подход, системные исследования, системный анализ.

Образовательно-педагогическая система в вузе подчиняется диалектическим закономерностям «содержание» – «форма», которые избираются ее участниками в качестве коммуникации. Культурно-социальная заданность образовательно-педагогической системы рождает выбор пространства действий и средств ее преобразования преподавателями и студентами в сочетании монолога (репродукции, повторяемости, точного воспроизведения) и диалога (проблемности, модельности), связанных с видением позиции «другого» в сравнении с собственной позицией. С точки зрения социальной детерминации, это – выбор пути преобразования пространства педагогического взаимодействия между средствами изменения внешней границы педагогической системы и средствами, затрагивающими ее внутренние глубинные основания.

Системному подходу в образовании посвящены работы многих видных отечественных ученых (С.И. Архангельский, Ю.К. Бабанский, В.П. Беспалько, Т.А. Ильина, Н.В. Кузьмина, В.П. Симонов, Л.Ф. Спирин и др.), которые с разных сторон рассматривают феномен «педагогическая система». Педагогическая *система* есть «множество взаимосвязанных структурных и функциональных компонентов, подчиненных целям воспитания, образования и обучения» (Н.В. Кузьмина). Компонентами системы выступают субъекты, цели, содержание, средства, результат, условия деятельности. Под *структурой* понимают внутренний способ организации целостной системы, взаимосвязь между ее элементами. Структура подчиняется диалектике взаимоотношения части и целого. Структура отличается вариативностью, поскольку основания для организации системы различны. Функционирование дидактического диалога как педагогической системы осуще-

ствляется через последовательность взаимосвязи ее структурных компонентов, обеспечивающих развитие самой системы и совершенствование качества образования.

Дидактические функции диалога – это способность диалога к выполнению своей дидактической роли в процессе профессионального и личностного взаимодействия преподавателей и студентов, способствующего развитию их профессиональной компетентности и личностному росту. В данном определении вскрываются два понятия *функции*: назначение (роль) и реализация взаимозависимости (изменение одного элемента зависит от изменения другого в рамках единой дидактической системы). Этимология дефиниции «функция» позволяет выделить два аспекта: роль и назначение. Роль предусматривает род, характер и степень участия в чем-либо; назначение – область, сферу применения. При реализации всех дидактических функций диалог принимает форму совершенного исполнения (от лат. function – совершенное исполнение).

Структурно-функциональная модель дидактического диалога позволяет представить его технологический аспект как совокупность взаимосвязанных процессов и последовательных этапов. *Модель*, по определению В.А. Штоффа, мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает новую информацию об объекте. Модель является средством интерпретации теории и средством интерпретации и объяснения явлений действительности, она может находиться в плоскости прагматики, в плоскости познания, или объединять эти два направления.

В развитии дидактической системы выделяются этапы, каждый из которых качественно отличается от других характером и многообразием связей между элементами системы, уровнем развития структуры, принципами организации самой системы. Интериорно обусловленное развитие дидактического диалога осуществляется под влиянием внутренних, субъективных факторов: потребностей, мотивов и др. Экстериорно обусловленное развитие происходит под воздействием объективных факторов окружающей среды. Оба эти процесса могут быть как эксплицитными, то есть целенаправленными, организованными специально, так и имлицитными – косвенными, неявными, скрытыми. При построении структурно-функциональной модели дидактического диалога необходимо учитывать динамику продвижения основных признаков качества от реального уровня к потенциальному, поэтому целесообразно использовать уровневую характеристику основных качественных параметров. «Качество» как научная категория, представляет собой совокупность существенных, относительно устойчивых свойств, состояний и характеристик объекта. Понимание качества как «динамического свойства» позволяет рассмотреть дидактический диалог в развитии, а статический аспект качества – «состояние» – фиксирует внимание на содержательном компоненте, как включающем в себя характеристики устойчивости, равновесия.

Дидактический диалог – это управляемая система, регулирующая переход системы из одного качественного состояния в другое, более высокое в процессе организации условий, влияющих на диалектическое состояние ее компонентов. Поскольку объективно функции определены целеполаганием, содержанием и структурой дидактического диалога, их реализация может рассматриваться как этапы управленческого цикла, разворачивающегося по спирали: одно качественное состояние переходит в другое качественное состояние. Дидактический диалог – это технологический многофункциональный процесс, циклический, с обратной связью, мерилом которого является не только фиксируемый результат, но и сама динамика процесса, проектирование которого должно учитывать его стохастическую сущность. Технология совместного взаимодействия объединяет диагностику с прогностикой, так как в дидактическом процессе происходит непрерывное сличение полученных данных с предполагаемыми. Этот процесс в педагогике получил название мониторинга, что в переводе с английского означает «непрерывное отслеживание» (monitor – следить, наблюдать).

Ценностью дидактического диалога как технологии является центрация на личности, взаимодействующей с другой личностью. Личностно-центрированная система ограничена принципами неопределенности, так как невозможно предвидеть заранее путь становления и развития личности в диалоге, однако можно спроектировать свойства дидактической среды, которые будут способствовать становлению желаемых системных качеств. В активизирующем диалог пространстве существует большая вероятность возникно-

вения личностного интереса к педагогическим проблемам, роста профессиональной компетентности в зависимости от этапа зрелости личности.

Вероятностное прогнозирование не противоречит технологическому подходу, а является объективной реальностью, связанной с субъективным фактором. Целеполагание на основе дифференциации личных профилей предполагает уровневость и этапность динамического развития дидактического диалога. Технология дидактического диалога, как технология специально организованного процесса взаимодействия преподавателей и студентов направлена на достижение запланированных целей. Цель обучения должна предполагать доступные средства проверки ее осуществления, только в этом случае можно говорить о ее диагностичности, соотнесении с разным уровнем достижений. Цель задана операционально, если в ее формулировке имеется указание на средства достижения этой цели. Представленность целей в виде задач является необходимым и достаточным условием возможности проектирования процесса их достижения. С этой точки зрения технология дидактического диалога представляет целостный процесс организации взаимодействия педагога и студентов, направленный на решение педагогических задач.

Задачный подход, как теоретическая база для описания и исследования педагогической деятельности, оказывается в центре внимания таких ученых как Г.А. Балл, Н.В. Кузьмина, А.И. Мищенко, В.А. Сластенин, Л.Ф. Спирин и др. Задачный подход смещает акцент в педагогическом образовании в сторону диалогизации, так как его результатом является не только знание, но и овладение способами взаимодействия с окружающей действительностью через приобретение умений. При этом подходе основным и преобладающим элементом дидактического диалога становится решение педагогических задач, организованных в целесообразную и эффективную систему. Изменяются и ролевые функции педагога и студентов. Педагог перестает быть транслятором информации, его функциями становятся: постановка задач, организация взаимодействия, управление взаимодействия и экспертиза полученных результатов. Студенты перестают быть пассивными приемниками информации, они становятся активными субъектами образовательной деятельности.

Разработка технологии постановки педагогических задач необходима для поиска путей обновления теории и практики образовательного процесса в вузе. Теоретическое понимание сущности технологии дидактического диалога является насущной потребностью сегодняшнего дня, так как позволяет преодолеть самодостаточность предметного содержания учебной дисциплины. Проясняя данную позицию, необходимо отметить, что в настоящее время наблюдается в определенной степени парадоксальная ситуация, когда многопозиционность и диалектичность знания, циркулирующего в живом организме науки и культуры, по сути, подменяется изложением одной, в лучшем случае двух позиций для сравнения. Проблемность знания нивелируется: все ясно как педагогу, так и студенту. Дидактический диалог, напротив, нацелен на многопозиционность, неясность, проблемность, на знание на «границе незнания».

Устоявшееся в науке знание – это монологическое знание, это базис науки. Монолог является средством передачи знания только тогда, когда знание достигло завершенной, классической формы. Однако научное знание существует и в форме мнения, когда в дискуссиях, в спорах передается от одного лица к другому. «Доказательные рассуждения пронизывают науки…, но сами по себе они не способны давать существенно новые знания об окружающем нас мире. Все новое, что мы узнаем о мире, связано с правдоподобными рассуждениями, являющимися единственным типом рассуждений, которыми мы интересуемся в повседневных делах» [5, с. 284]. Знание – это информация о необходимом, о том, что не может существовать иным образом, она утверждается в форме доказательного утверждения. Мнение – это растущая информация, которая может изменяться, трансформироваться, мнение можно подтвердить или подвергнуть сомнению (как со-мнению, соотнесение с иным мнением, мнением другого). Если проецировать философские категории на данные понятия «знание» и «мнение», то они соотносятся между собой как необходимость и случайность. Фиксированное знание на знаковом уровне дает представление о системе изученных фактов, понятий и законов как аналитическом базисе идей, теорий. Существуют параметры степени усвоения учебной информации:

– узнавание единичной информации;
– воспроизведение единичной информации;
– понимание эмпирических обобщений;

– понимание теоретических обобщений;

– применение единичной информации в ситуации усвоения;

– применение системной информации в ситуации усвоения;

– применение системной информации в измененной ситуации усвоения [6, с. 152].

Содержательный компонент педагогической системы – предмет знания – представленный в программах, учебных пособиях, вариантах тематики курсовых и выпускных квалификационных работ, варьированных заданий для семинаров, практикумов, педагогической практики, наряду с фиксированным знанием, очерченным, выстроенным, должен содержать концептуальную, структурную неопределенность, чтобы создать предпосылки для дидактического диалога, для учебного общения. Эта скрытая неопределенность, проблемность может быть зафиксирована в форме педагогических задач. В дидактическом диалоге представляется необходимым сочетание разных видов знания: фундаментального, установившегося в науке, прикладного, ориентированного на практику, и развивающегося, существующего в виде гипотез, предположений.

Дидактический диалог может быть организован как мысленный возврат к тому моменту, когда фундаментально устоявшееся знание еще не было окончательно определено, когда оно существовало в виде разнообразных мнений, позиций. Осмыслить генезис знания, ввести студентов в живую органику научных исследований – это значит пройти трудный путь становления знания, а не излагать его изначально беспроблемным, до конца проясненным.

Технология дидактического диалога с теоретико-исследовательской позиции должна включать в себя выделение содержания предмета как области общения, как области проблемной смысловой коммуникации. Содержательный диалог может выстраиваться на основе смоделированных разнообразных смысловых позиций и их высказывания субъектами взаимодействия. Предмет обсуждения в диалоге выступает как сочетание определенности (того, что относится к фиксированному знанию) и неопределенности (того, что относится к процессу порождения знания). Неопределенность, проблемность мыслимого содержания в дидактическом диалоге выступает основой разнообразия смысловых позиций в реальном его воплощении.

С этой точки зрения, дидактический диалог не может быть окончательным, он имеет открытую форму, где функционируют разные мнения, позиции. Модель дидактического диалога разрабатывается на основе проблемных вопросов, фиксирующих обращенность к генезису знания, к сложному пути его определения. Понимание одной целостности как разнородных содержательных элементов, как разных форм понимания и интерпретации лежит в основе моделирования дидактического диалога. Моделирование содержательной ситуации обучения предполагает мысленное проигрывание существующих позиций на проблемную ситуацию, перевод знания-факта в знание-проблему, в знание-развитие. Позиция единения, нахождения общих смыслов в диалоге возможна через прогнозирование вопросов, гипотез, их осмысление с позиции существующего опыта, установок участников взаимодействия, через структурирование реальной ситуации диалога в форме вопросно-ответных циклов.

Усвоение и рождение знания происходит как со-бытие в диалоге, что способствует моменту «расширения» сознания, его преобразованию. Технология диалога призвана объяснить инициативность познавательных действий его участников с точки зрения коммуникации как системообразующей категории. В ходе познания выявляется скрытый смысл информации, ее подтекст, неявно содержащийся в высказываниях и суждениях. Смыслообразование в процессе понимания позволяет сопрягать знания с целями, задачами и ценностными установками личности. Педагогический диалог, как последовательное включение в ситуацию взаимодействия педагогических задач разного смыслового уровня и степени обобщенности, позволяет сочетать прагматическую конкретику и обобщение, которые оптимально дополняют друг друга.

Дидактический диалог – это взаимодействие преподавателя и студентов с целью обретения смыслов на многопозиционном содержательном материале, это высвечивание проблемных областей знания через формулирование вопросов, построения гипотез, предположений. Развитие субъектности, как высвечивание личностного начала, происходит в смысловом пространстве с незаполненными лакунами, когда появляются вопросы, связанные с разрывом очевидности, столкновением противоположных тенденций. Возникновение проблемной ситуации порождает

к высказыванию, которое имеет вероятностный характер избыточной формы и может быть утверждающим, отрицающим или сомневающимся.

Представленная для анализа проблемная ситуация – это текст с социальным, культурным, коммуникативным и деятельностным подтекстом, в котором преодолевается одномерность. Многопозиционность рождает в диалоге множество высказываний, у которых не совпадает план понимания одного и того же текста. Событийная педагогическая ситуация содержит неопределенность системного педагогического знания, фиксирующего проблемность. Дидактическое пространство диалога образуется не только на основе обмена знаниями, но и через обмен смысловыми позициями, которые рождают «совокупное знание» – понимание многих – «Я» через многомерность педагогической ситуации.

Отсутствие потребности в вопросе наблюдается лишь тогда, когда информация опережает ее запрос. Поэтому технология дидактического диалога предусматривает преобразование учебной информации в систему вопросов, гипотез, предположений. «Диалог должен вмещать ту часть информации, которая прямо не выражена в языковых знаках с их логической функцией, а имплицитно содержится в различного рода практическом и символическом материале с их экспрессивной и научающей функцией» [7, с. 101]. В дидактическом диалоге происходит соотнесение эксплицитно и имлицитно заданной в проблемной ситуации информации с тезаурусом личности и рождается личностное знание, выстраивается собственный предмет знания. Субъектная позиция задается через особую структурную организацию текста (событийная ситуация). Неопределенность, проблемность, закодированная в ней, рождает рассуждение, как диалоговую форму обретения знания.

Проблематизация исходной информации и превращение ее в событийную педагогическую ситуацию, структурирование процесса ее «разрешения» в ходе анализа осуществляется через партнерство и сотрудничество преподавателя и студентов. Содержание знания, представленное в виде проблемной ситуации, преобразуется из монологической формы в диалогическую. Смоделировать ситуацию на границе «знания-незнания» можно в том случае, если дидактический диалог мыслится как многопозиционная субъектность, где озвучены и прояснены позиции разных субъектов, и в этой многогранности рождается новый смысл. Это «открытие для себя», которое каждый участник диалога совершает в ходе продуктивного взаимодействия, размыкая (размы-кая, позиция не «я», а «мы») пространство науки и культуры навстречу новому пониманию.

В дидактическом диалоге существует реальная антиномия: с одной стороны, налично данное состояние знания субъектов взаимодействия через сопоставление с другими позициями подвергается сомнению, с другой стороны, соблюдаются условия признания и уважения независимости и самостоятельности каждой точки зрения. Взаимодействие в диалоге предполагает напряженность личностного усилия к преобразованию смысловых позиций. Отдельная смысловая позиция не является подлинно диалогической, она становится таковой только в контексте других смысловых позиций в составе целостности, состоящей из взаимосвязанных компонентов.

Таким образом, технология дидактического диалога выстраивается как системная модель, где отражена взаимосвязь внешней и внутренней активности субъектов и объединены два уровня функционирования диалогического взаимодействия: уровень предметности и уровень совместности. *С позиции внешней детерминации* дидактический диалог культурно определен как движение идеального содержания в самообновляющемся смысловом пространстве «между» субъектами знания. С *позиции самодетерминации* дидактический диалог связан с восхождением диалогичности самосознания каждого из его участников, обретающих новообразования как в профессиональной, так и личностной сфере.

Библиографический список

1. *Маслова Н.В.* Ноосферное образование: технология, методология, методика. – М.: РАЕН, 1998.

2. *Назарова Т.С., Полат Е.С.* Средства обучения: технология создания и использования. – М.: Изд-во УРАО, 1998.

3. *Корнющенко Д.И.* Интегральная диалогика: попытки новой технологии гуманитарного образовании. – М.: Моск. гос. психол.-соц. ин-т, 2003.

4. *Сластенин В.А., Руденко Н.Г.* О современных подходах к подготовке учителя // Педагог. – 1997. – №3.

5. *Пойа Д.* Математика и правдоподобные рассуждения // Цит. по: Наука глазами гуманитария / Отв. ред. В.В. Лекторский. – М.: Прогресс-Традиция, 2005.

6. *Бершадский М.Е., Гузеев В.В* Дидактическое и психологическое основание образовательной технологии. – М.: Центр «Пед. поиск», 2003.

7. *Лангер С.* Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства // Цит. по: Каминская М.В. Педагогический диалог в деятельности современного учителя. – М.: Смысл, 2003.

О.В. Иванова

ПОНЯТИЕ «ГРУППА РИСКА» И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ К КОНТИНГЕНТУ УЧАЩИХСЯ ВЕЧЕРНИХ ШКОЛ

Современная социально-экономическая ситуация отличительными чертами которой являются: материальная нестабильность, снижение уровня социально-правовой защищенности населения, ухудшение здоровья населения, деформация системы ценностей, сопровождающаяся потерей духовности и образовательного уровня, изменение морального облика российских граждан, повышение риска потери социальной значимости и другими факторами провоцирует дальнейшее расширение контингента, подпадающего под категорию «группа риска».

Молодое поколение выросшее из социально опасной среды и определенное как группа риска не имеет чувства национальной идентичности, не осознает себя субъектом российской действительности, не отождествляет свою жизнь с судьбой своего родного города и России в целом, что создает серьезные риски, как для личного, так и для общественного развития современной России.

В настоящее время, говоря о группе риска, необходимо подчеркнуть общенациональный характер проблемы, где наиболее уязвимой социальной группой являются дети. По ряду показателей к категории «уязвимых» в полной мере можно отнести учащихся вечерних (сменных) общеобразовательных учреждений.

Педагогическому аспекту исследований групп риска посвящены работы С.А. Беличивой, Л.Я. Олиференко, Т.И. Шульги, Н.Н. Верцинской и др. Теоретико-методологические основы работы с «трудными» детьми заложены П.П. Блонским, В.А. Сухомлинским, А.С. Макаренко.

В справочном пособии по социальной работе определено, что «любая категория людей, взятая законами о социальной защите и социальном обслуживании населения под свою защиту, по существу уже составляет группу риска»[1]. В группе риска объединены различные поло-возрастные, профессиональные и культурные группы, группы здоровья и т.д. Законодательством к группе риска отнесены: лица с ограниченными возможностями, дети-сироты, матери-одиночки, неполные семьи, несовершеннолетние правонарушители и др.

Среди факторов риска можно выделить социально-экономические, медико-биологические и психолого-педагогические показатели, оказывающие влияние на степень включенности в экономическую и общественно-политическую деятельность, социальную жизнь в целом, а так же на возможность реализации личностных потенциалов и успешность социализации.

С точки зрения педагогики и социальной педагогики «группа риска – это некоторые категории населения, более других склонные совершать девиантные или делинкветные поступки»[2]. Ф.А. Мустаева внутри девиантного поведения выделяет две категории: отклоняющееся поведение и антисоциальное поведение. Последняя категория характеризуется криминальным или преступным поведением и делинквентным (противоправным) поведением[3].

Отклоняющееся поведение как форма девиации представлено отдельными поступками или системой поступков, которые противоречит общепринятым в обществе правовым или нравственным нормам и не преследуются законом. В данном случае, поступок рассматривается как нравственное действие, отражающее единство целей мотивов, внутренних и внешних социально-психологических факторов, а так же уровень развития отношение с окружающим миром[4].

Таким образом, девиации в поведении любого члена общества отражают наличие трудностей во взаимопонимании трех уровней: личности с самим собой, человека и человека, гражданина и общества. Острый социальный характер проблем людей группы риска несет опасность не только для конкретных людей, возрастных и культурных групп, но иногда имеет прямое влияние на уровень развития общества, государства и человеческой цивилизации.

© О.В. Иванова, 2006

Л.Я. Олиференко, характеризуя группу риска, подчеркнула две стороны риска. С одной стороны подразумевается риск для общества, создаваемый детьми, поведение которых представляет потенциальную опасность для окружающих и общества в целом. С другой стороны, указанная категория детей рассматривается с точки зрения риска, которому они сами постоянно подвергаются в обществе: риска потери жизни, здоровья, нормальных условий для потенциального развития[5].

Следует отметить, что субъективные (личные) риски часто служат основанием для развития рисков общественных. При этом состояние общественной системы, как и государственная политика, в целом, могут создать благоприятные условия для развития рисков.

Нашей работе наиболее близко определение «группы риска» данное Л.В. Мардахаев, который считает, что «группа риска – группа, члены которой уязвимы или могут понести ущерб от определенных социальных обстоятельств или воздействий окружающей среды»[6]. Иными словами можно говорить о нарушениях процесса социализации, как процесса адекватного вхождения в существующую социальную систему. Исходным положением будет признание взаимосвязи субъективных рисков и общественных, среди которых первопричиной являются факторы нарушения социализации личности.

В широком смысле социализация – процесс, в ходе которого человек усваивает правила, стандарты и ценности своей семьи, группы или культуры[7]. А.В. Мудрик определяет социализацию как развитие и самоизменение человека в процессе усвоения и воспроизводства культуры, которое происходит во взаимодействии человека со стихийными и относительно направляемыми и целенаправленно создаваемыми условиями жизни на всех возрастных этапах[8]. Им отмечено, что сущность социализации состоит в сочетании обособления (становление человеческой индивидуальности) и приспособления (социальной адаптации как становление индивида социальным существом). Социальная адаптация является непременным условием и результатом успешной социализации.

Нарушение хода социальной адаптации в процессе социализации получило название социальной дезадаптации. «Дезадаптация – это, по сути, реакция приспособления человека к неадекватным для его развития, для его личностной активности и личностного роста микросоциальным условиям жизни. Формы дезадаптации у детей соответствуют основным сферам жизнедеятельности ребенка, а именно: семейная, школьная, социальная дезадаптация»[9].

В вечерней школе в силу различных обстоятельств получают образование подростки, молодежь с различными формами дезадаптации, существующими в разных комбинациях и с разной степенью деформации. Учащиеся вечерней школы характеризуются наличием школьной дезадаптации, семейной и социальной. Дезадаптация так же проявляется в недостаточности гражданского воспитания в целом и гражданственности в частности. Проанализируем ситуацию на примере вечерней (сменной) общеобразовательной школы № 1 г. Костромы. Общие сведения о школе. Количество учащихся в 2005–2006 году двести двадцать два человека. Из них сто четыре юноши и сто восемнадцать девушек. Школа открыта в 1944 году. При школе работает учебно-консультационный пункт в учреждении строго режима ОТ №15/1. Анализ деятельности школы последних лет позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, о наличии дезадаптации свидетельствует официальный механизм перевода некоторых учащихся из дневной массовой школы в вечернюю школу. Рассмотрим пути перехода в вечернюю общеобразовательную школу. Учащимся вечерней школы можно стать по линии КДН (комиссии по делам несовершеннолетних). В этом случае школа пополняется учащимися с девиантным поведением. Таким же образом в школу попадают малолетние мамы, процент которых стабилен и имеет тенденцию к росту. Официальный путь предусмотрен для ребят получающих общее образование и не имеющих возможности окончить девять классов в дневной школе. Общее образование (9 классов) в указанный период получили несовершеннолетние: 4 учащихся 14–15 лет, 16 учащихся 16–18 лет. Из них: 2 ученицы являются малолетними мамами, 1 учащийся склонен к бродяжничеству, 3 ученика имели судимость и т.д.

Во-вторых, большой процент учащихся имеют школьную дезадаптацию, т.е. стабильно отстают по ряду общеобразовательных предметов. Профессиональный «брак» массовых общеобразовательных учреждений, чаще всего, оказывается в системе вечернего образования. К этой категории можно отнести большинство ребят обучающихся в школе, имеющих отставания в гуманитарных или естественно-математических

дисциплинах. В условиях информационного общества и динамичного развития технологий создается риск безнадежного интеллектуального отставания от сверстников, что влияет на самооценку и снижает социальную мобильность молодых людей в обществе.

В-третьих, в вечерней школе обучаются дети с ярко выраженными акцентуациями характера, высокой степенью конфликтности; не сформированными навыками взаимодействия со взрослыми (в том числе и с семьей, учителями) и со сверстниками. Отсутствие навыков взаимодействия создает препятствие для успешной социализации.

В-четвертых, образование в вечерней школе с возможностью построения индивидуальной образовательной траектории предоставляется учащимся с ослабленным здоровьем и инвалидам. В школе в 2005–2006 гг. 41 учащийся с хроническими заболеваниями и 2 учащихся с установленной группой инвалидности. Показатели здоровья и сопутствующие этому осложнения уже являются фактором риска и априори вызывают нарушения процесса социальной адаптации.

В-пятых, необходимость частичной оплаты образовательных услуг в дневных школах приводит в вечернюю школу детей из малообеспеченных (70 семей), многодетных (7 семей), неполных семей (97 семей, при чем, 6 семей с одним папой), детей, оставшихся без попечения родителей (3 человека). Указанные цифры свидетельствуют о возможности семейной дезадаптации: неадекватному изменению ролевых позиций, низком материальном и социальном статусе учащихся и членов их семей, что может способствовать становлению негативного видения дальнейших перспектив, обостряет ощущение «социальной несправедливости».

В-шестых, при вечерних школах работают консультационные пункты, действующие в исправительных учреждениях. Ведется работа с лицами делинквентного поведения, которые уже совершили преступление. Например, в вечерней (сменной) школе № 1 г. Костромы, учителя которой работают в УКП учреждения ОТ №15/1 полное среднее образование получают граждане вышедшие из мест лишения свободы. Каждый год в вечерней школе № 1 получают полное среднее образование (11 класс) очной формы молодые люди после длительных сроков отбывания наказания в местах лишения свободы. В 2005–2006 году таких выпускников трое: Павел В., Дмитрий П., Леонид С., все они обучались до 10 класса в УКП учреждения ОТ №15/1. Они используют свою, в большинстве случаев, последнюю возможность реализации гражданского права на образование. Молодые люди уже преступили закон и были лишены гражданских прав, но стремятся восстановиться в общественной системе в качестве полноценных законопослушных граждан и субъектов деятельности.

В-седьмых, особую категорию составляют несовершеннолетние учащиеся, совмещающие работу и образование. При этом к этой группе относятся как подростки с 14 лет, так и взрослые учащиеся. В данном случае, важное значение имеет освоение человеком механизмов ролевого поведения, которые обеспечивают успешную включенность в социальные отношения, поскольку дают возможность приспосабливаться, адаптироваться к каждой новой для человека ситуации или позиции на протяжении всей жизни. Иными словами, изменение ролевого поведения, преждевременное взросление и освоение новых функций, несоответствующих возрасту, так же могут стать фактором риска. Всего работающих учащихся 70 человек. 12 учеников совмещают учебу в вечерней школе с обучением в ПТУ г. Костромы. Свои семьи имеют 22 ученика вечерней школы.

По данным исследования в вечерней школе № 1 г. Костромы взрослые учащиеся могут испытывать определенные трудности личного, социального и профессионального характера. *«Несвоевременность»* получения образования нарушает ход социализации, *перерыв в учебе* может создавать психологический барьер в ходе образовательного процесса в *разновозрастных группах*. Следует так же отметить, что большая часть взрослых учащихся занята в трудовой деятельности *низкой квалификации* по причине отсутствия среднего образования. Все эти факторы создают условия для развития неудовлетворенности собой, окружающим миром, внутренним конфликтам и т.д.

Безусловно, для организации образовательного процесса и успешного хода социализации особое значение имеет возрастной аспект. А.В. Мудрик предлагает свою периодизацию процесса социализации и указывает на существующие, на каждом возрастном этапе, опасности объективного и субъективного характера, оказывающие влияние на развитие человека. В силу этих факторов целые группы людей могут стать жертвами неблагоприятных условий социализации[10].

В условиях вечерней (сменной) общеобразовательной школы обучаются три основные возрастные категории учащихся: старшие подростки, юноши и молодежь. Согласно периодизации А.В. Мудрика можно выделить четыре группы соответствующие определенным возрастным этапам в процессе социализации: старший подростковый (12–14 лет), ранний юношеский (15–17 лет), юношеский (18–23 года), молодость (23–30 лет), иногда встречается пятая возрастная группа – ранняя зрелость (30–40 лет). На каждом из указанных этапов существуют свои опасности[11].

В вечерней (сменной) общеобразовательной школе № 1 г. Костромы обучаются юноши и девушки от 14 до 15 лет – 15 человек; в возрасте от 16 до 18 лет – 119 человек; от 18 до 29 лет – 88 человек. Таким образом, возрастной и социально-педагогический состав учащихся вечерней (сменной) школы демонстрирует сложный комплекс проблем и опасностей в ходе социализации и в решении главной задачи социализации – адаптации, реализующейся по двум основным векторам: интеграции и индивидуализации.

Весь спектр опасностей в процессе социализации учащихся вечерней школы можно разделить на три уровня. Первый – уровень общих опасностей. Второй – уровень возрастных опасностей. Третий уровень содержит индивидуальные опасности.

Общими для всего контингента учащихся вечерних (сменных) общеобразовательных школ могут быть: пьянство, алкоголизм, токсикомания, курение нищета семьи, асоциальность и аморальность семьи, ошибки педагогов и родителей, изнасилование, физические травмы и дефекты, особенности психосексуального развития; травля со стороны сверстников, вовлечение в противоправную деятельность и т.д. Все эти факторы оказывают непосредственное влияние на ход социализации, а значит и на формирование гражданственности.

На втором уровне существуют свой специфический набор опасностей, обусловленный психо-физическими особенностями возраста. Л.С. Выготский считал, что под возрастными новообразованиями детства и юношества следует понимать «новый тип строения личности и ее деятельности, психические и социальные изменения возраста, …которые определяют сознание ребенка, его отношение к среде, его внутреннюю и внешнюю жизнь»[12]. В период коренных преобразований личности молодые люди становятся особенно уязвимыми для различных воздействий, оказывающих влияний на формировании его внутреннего мира и систему взаимоотношений с внешним миром. Взрослые учащиеся также подвергаются опасностям, которые чаще всего связаны с изменениями в сфере трудовых отношений, в семье, в государстве в целом. В критической ситуации положение как взрослого учащегося, так подростка и юноши будет определяться умением выйти из трудной жизненной ситуации не поправ своих нравственных принципов (которые также лежащих в основе гражданственности). Особо следует отметить, что в формировании гражданственности у подростков и юношества, а так же сохранении гражданственности у взрослых должно быть заинтересовано общество и государство в целом.

Третий уровень представлен индивидуальными опасностями в процессе социализации конкретной личности. Для подросткового возраста характерны: нарушение взаимоотношений с окружающими людьми, поверхностью чувств, иждивенчеством, деформация ценностей, отсутствие ответственности и др. социально значимых качеств и т.д. Для старшеклассников характерны следующие специфические особенности: трудности установления контактов со взрослыми и сверстниками, нарушение развития чувств, низкая или завышенная самооценка, отсутствие перспективного мышления, неготовность выполнения социальных ролей, низкая социальная активность, негативный социальный опыт, склонность к аддитивному (саморазрушающему поведению), низкий уровень социального интеллекта[13] и т.д. Деформации личностного развития оказывают негативное воздействие на становление ребенка как личности и как члена общества.

Контингент учащихся общеобразовательных вечерних (сменных) школ можно отнести к категории группа риска по двум основаниям: субъективному и объективному. Субъективными причинами могут стать возрастные кризисы при переходе от одного этапа к другому, в ходе которых выявляются несоответствия реального уровня развития личности потенциальным возможностям подростка или молодого человека. Объективными факторами являются внешние факторы, вмешивающиеся в ход социализации и корректирующие стратегию развития личности учащегося.

Таким образом, учащиеся вечерней (сменной) общеобразовательной школы обладают вы-

сокой степенью виктимности т.е. предрасположенностью человека стать жертвой неблагоприятных условий социализации и к этой категории применительно использовать понятие «группа риска».

Примечания

[1] Справочное пособие по социальной работе / Л.С. Алексеева, П.В. Бобкова, Г.Ю. Бурлака и др.; Под ред. А.М. Панова, Е.И. Холостовой. – М.: Юристъ, 1997. – С. 92.

[2] *Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю.* Словарь по педагогике. – М.; Ростов-на-Дону: ИКЦ «МарТ», 2005. – С. 58.

[3] *Мустаева Ф.А.* Основы социальной педагогики: Учебник для студентов высших педагогических учебных заведений. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – С. 197.

[4] *Гонеев А.Д.* Основы коррекционной педагогики: Учеб. пособ. для студ. высш. пед. учеб. заведений / А.Д. Гонеев, Н.И. Лифимцева, М.В. Ямгаева; Под ред. В.А. Сластенина. – М.: Академия, 1999. – С. 173.

[5] *Олиференко Л.Я.* Социально-педагогическая поддержка детства. Муниципальная система. – М.: Народное образование, 2002. – С. 32.

[6] Словарь по социальной педагогике: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Авт.-сост. Л.В. Мардахаев. – М.: Академия, 2002. – С. 57.

[7] Социальная психология / Ш. Тейлор, Л. Пипло, Д. Сирс. 10-е изд. – СПб.: Питер, 2004.– С. 749.

[8] *Мудрик А.В.* Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов / Под ред. В.А. Сластенина. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2002. – С. 9.

[9] Дети «группы риска»: Материалы Международной конференции. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – С. 18.

[10] *Мудрик А.В.* Социальная педагогика… – С. 26.

[11] *Мудрик А.В.* Социализация человека. Учеб. пособие для студ. вузов. – М.: Академия, 2004. – С. 107.

[12] *Выготский Л.С.* Педагогическая психология / Под ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1991. – С. 82.

[13] *Олиференко Л.Я.* Социальная поддержка детей группы риска: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Л.Я. Олиференко, Т.И. Шульга, И.Ф. Дементьева. – М.: Академия, 2002. – С. 74.

Е.В. Карпова

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ МОТИВАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проблема мотивации учебной деятельности (УД) является одной из наиболее сложных и комплексных в общей и педагогической психологии. Проведенный нами анализ ее современного состояния [4] позволил выделить ряд ее характерных – присущих ей сегодня особенностей. К ним относится, во-первых, отчетливо выраженный *прагматизм,* поскольку результаты, полученные опытным путем изучения школьной практики, были изначально ориентированы для использования в ней же. Во-вторых, важной особенностью современного состояния проблемы мотивации УД является преимущественно *эмпирический* характер ее разработки. В-третьих, для данной проблемы характерен *феноменологизм* большинства проводимых исследований. В-четвертых, имеет место и определенная *противоречивость* существующих результатов. В-пятых, нередко данные в этой области носят *фрагментарный* характер, что приводит к появлению множества частичных результатов, препятствующих созданию целостных представлений о предмете исследования. В-шестых, можно констатировать и *эклектичность* в ее разработке, выражающуюся, в частности, в попытках обобщения данных, базирующихся зачастую на разных теоретических подходах. В-седьмых, проблема мотивации УД в теоретическом плане разработана значительно хуже, чем проблема мотивации трудовой деятельности, что свидетельствует о *диспропорции* в уровне развития представлений о мотивации различных типов деятельности – труда и учения. И, наконец, в-восьмых, проблема мотивации в общепсихологическом плане разработана намного более полно по сравнению с исследованием мотивации УД.

Все эти особенности современного состояния проблемы мотивации УД свидетельствуют, на наш взгляд, о ее переходном – развивающемся характере; данная проблема не достигла еще уровня должной теоретической зрелости. Для нее характерно недостаточное развитие целостных

© Е.В. Карпова, 2006

обобщающих концепций мотивации. Д.А. Леонтьев справедливо отмечает в этой связи: «Налицо обилие частных эмпирических исследований и дефицита общетеоретических идей» [7]. Как одно из возможных и достаточно конструктивных средств комплексного и, прежде всего, – собственно теоретического развития психологии мотивации в целом и психологии мотивации УД, в частности, может быть использован, на наш взгляд, разработанный в методологии системности описан так называемый *гносеологический инвариант* системного исследования [8]. Благодаря его реализации, как это опять-таки показано в системном подходе, возможен перевод исследования проблемы мотивации УД с претеоретического на собственно теоретический уровень. Данный инвариант предполагает осуществление нескольких планов, аспектов изучения какого-либо предмета исследования. Первый аспект – *онтологический* – означает выявление качественной определенности и качественной специфичности предмета посредством его включения в контекст определенной – онтологически представленной метасистемы. Второй аспект заключается в раскрытии *структурных* закономерностей предмета исследования. Необходимо установить его компонентный состав, выявить механизмы объединения компонентов в целостность. Задачей третьего аспекта является установление закономерностей его *функциональной* организации, исследование особенностей предмета в его динамике. Следующий – важнейший аспект изучения предмета – *генетический,* предполагающий выявление закономерностей развития, эволюции изучаемого объекта. И, наконец, *интегративный* аспект исследования требует изучения наиболее обобщенных свойств изучаемого предмета – его системных качеств. Таким образом, можно видеть, что генетический аспект изучение предмета является обязательной составляющей гносеологического инварианта, разработанного в методологии системного подхода. Заметим, что само развитие необходимо понимать при этом во всей его полноте – не только как его прогрессивную «ветвь», но и рассматривать также фазы стабилизации, регресса и умирания, то есть – весь его целостный цикл.

Применительно к изучению мотивации УД, наряду с другими аспектами, предусмотренными общим гносеологическим инвариантом системного исследования, мы обратились и к генетическому аспекту его исследования.

Общепризнанно, что мотивация представляет собой системное образование. Такое понимание прочно зафиксировано понятийно – термины «мотивационная система» и «мотивационная сфера как система» стали общеупотребительными и привычными. Признание системного характера строения мотивации с необходимостью приводит к тому, что и мотивация в целом, и мотивация УД, в частности, должны подчиняться закономерностям, типичным для генезиса систем в целом – принципам системогенеза. Это, в частности, неравномерность и гетерохронность динамики компонентов мотивационной сферы, прогрессивное нарастание иерархичности ее организации, а также степени соподчинения и дифференцированности различных компонентов мотивационной системы, нелинейности их общей динамики и др. Это – первый важный момент в понимании генезиса мотивационной системы.

Однако, наряду с этим, следует обязательно учитывать и отчетливую специфику мотивации УД. В связи с этим рассмотрим несколько существенных *обстоятельств*. Нами было показано [6], что мотивационная система личности в целом и мотивация УД, в частности– это качественно своеобразны системы: они принадлежат к особому классу – к классу систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Поясним сказанное.

Метасистемное изучение какого-либо предмета предполагает его исследование в более общей целостности, в которую он онтологически включен и в определении тех особенностей, которые он при этом приобретает [6; 8]. Мотивационная система включена в основную – онтологически представленную метасистему – в личность. В то же время, сама личность как метасистема по отношению к мотивации УД является, фактически, ее составляющей, поскольку любое личностное образование обладает динамическим, мотивационным потенциалом, а, следовательно, одновременно является компонентом мотивационной системы. Чем в большей степени личностные образования представлены в мотивационной системе, чем более они в нее «встроены», тем более зрелой, развитой, обогащенной способами реализации потребностей и мотивов будет и сама мотивационная система. Совершенно естественно, что личность как метасистема, встраиваясь в систему мотивации УД, по существу, перестраивает ее на протяжении всех лет обучения. В значительной степени мотивация УД является результатом развития метасистемы – личности.

Признание мотивации УД специфической системой со «встроенным» метасистемным уровнем означает, что все перестройки и формирование мотивации УД носят не только *внутренне обусловленный* характер, а являются проявлением масштабных *личностных*, и *деятельностных* изменений, происходящих на протяжении большого временного отрезка – периода обучения в школе (поскольку учебная деятельность также является одной из метасистем, в которую включена мотивация). Следовательно, по своему общему статусу мотивация УД является системой со «встроенным» метасистемным уровнем.

Нами также установлено, что мотивация УД в структурном плане состоит не из отдельных компонентов *непосредственно*, а из определенных *подсистем* [5]. Внутри этих подсистем достигается интеграция и организация *качественно однородных* (или – сходных по типу) мотивов; затем эти «симптомокомплексы» – то есть основные мотивационные подсистемы подвергаются дальнейшей организации – но уже в рамках мотивационной системы в целом. Это, прежде всего, подсистемы внешней и внутренней мотивации; подсистемы мотивации достижения и мотивации избегания неуспеха; подсистема «мотивационных стереотипий»; подсистема «мотивации самодетерминации», подсистема внеучебных интересов и подсистема антимотивации [5]. Следовательно, речь уже должна идти не только о генезисе отдельных компонентов, но и о генезисе мотивационных подсистем. Очень важным представляется и еще один момент. Общепризнанным является, что мотивационные перестройки, их динамика более выражены по сравнению со многими другими «составляющими» психики. Следовательно, применительно к мотивации УД можно сказать, что особенность ее генезиса заключается также еще и в огромном диапазоне изменений, происходящих, к тому же, в очень широком возрастном интервале – от 7 до 17 лет.

Таким образом, исходя из сказанного, можно выдвинуть двуединую гипотезу относительно генезиса мотивации УД, С одной стороны, мотивация УД должна подчиняться классическим принципам системогенеза – закономерностям, характерным для генезиса систем в целом. С другой стороны, поскольку мотивация УД является специфической системой (системой со «встроенным» метасистемным уровнем и состоящей из мотивационных подсистем, а не отдельных компонентов непосредственно), то и генезис мотивации УД будет носить особый, специфический характер, подчиняться каким-либо новым – дополнительным закономерностям.

В плане верификации сформулированной гипотезы нами получены данные, в значительной мере подтверждающие ее. Так, было показано, что системогенетические закономерности действуют на уровне отдельных мотивов. Например, изучение динамики мотивов УД детей 6 и 7 лет позволило выявить ее существенное отличие [2]. Так, в каждой из возрастных групп эти отличия проявляются в выраженности и доминировании отдельных мотивов, в степени их сформированности и представленности в общей структуре мотивов, в динамике различных по характеру учебных мотивов. У детей 7 лет динамика познавательных мотивов (увеличение их доли) сопровождалось повышением уровня их осознанности; однако, не все реально действующие мотивы являются осознанными. У шестилеток обнаруживается недостаточная осознанность мотивов; в начале обучения их познавательные мотивы являются сильными, но не стойкими. Экспериментально установлены закономерности в динамике мотивов учения под влиянием фактора обучения (начало и конец первого класса) в группах испытуемых 6 и 7 лет, имеющие противоположный характер: если у семилеток обнаруживается положительная тенденция (увеличение доли познавательных мотивов, снижение игровых и т.д.), то у детей 6 лет – отрицательная (уменьшение доли познавательных мотивов, увеличение игровых и т.д.). Следовательно, проявляется такая системогенетическая закономерность, как неравномерность развития мотивов УД разных по своему характеру. Подчеркнем, что эта закономерность имеет место на столь хронологически близких возрастах (6 и 7 лет). Общая особенность мотивов УД у детей 6 и 7 лет заключается в смене относительной выраженности различных мотивов (их иерархии), что является одним из проявлений переструктурирования мотивационной сферы детей.

Нами также проводилось исследование, в котором генезис мотивационной сферы рассматривался уже не на уровне отдельных компонентов, а на уровне достаточно обобщенных подсистем [3]. В качестве рабочей была использована концепция Ф. Херцберга, раскрывающая важные стороны профессиональной мотивации. В ней, как известно, дифференцируются две группы

мотивационных факторов – факторы-мотиваторы и факторы гигиены. Факторы-мотиваторы непосредственно влияют на мотивацию и повышают удовлетворенность трудом. Факторы же гигиены снимают или уменьшают неудовлетворенность, но сами по себе не способны обеспечить высокую мотивированность. Одна из наших задач состояла в верификации предположения о том, что в процессе развития учебной мотивации имеют место закономерности, которые характерны для системогенеза. Мы, в первую очередь, выявили две группы факторов (факторы-мотиваторы и факторы гигиены) по отношению к учебной деятельности. Первые обеспечивают положительное отношение к учебе, высокий уровень мотивированности в целом; вторые способствуют минимизации чувства неудовлетворенности от нее. Так, например, факторы «наличие любимого учебного предмета» является фактором-мотиватором, поскольку он непосредственно повышает уровень учебной мотивации. К факторам гигиены, как показало исследование, может быть отнесен, например, такой фактор как «наличие учителя, который нравится»: его невыполнение стимулирует неудовлетворенность и дискомфорт, но сам по себе он не обеспечивает высокую мотивацию УД. Факторы-мотиваторы можно отнести к подсистеме внутренней мотивации, а факторы гигиены – к внешней.

На основе выделенных характерных для учебной деятельности факторов-мотиваторов и факторов гигиены нами были разработаны несколько вариантов опросников их диагностики (с учетом особенностей различных возрастных групп, принявших участие в исследовании; эти опросники были идентичны по структуре, но различны по содержанию пунктов). Общая выборка включала пять возрастных групп испытуемых – 7, 10, 14, 17 лет и 21 года. Общий объем выборки – 110 человек. На основе применение опросников подсчитывался средний интегральный показатель по группе факторов-мотиваторов и по группе факторов гигиены для всех возрастных категорий. В контексте рассматриваемой проблемы важно подчеркнуть, что практически все факторы гигиены (по по Херцбергу) соотносятся, в основном с подсистемой внешней мотивации, тогда как подавляющее большинство факторов-мотиваторов – с подсистемой внутренней мотивации. Тем самым *через* две группы мотивационных факторов оказывается возможным объективное изучение двух важнейших мотитвационных подсистем – внешней и внутренней мотивации. Полученные данные представлены на рисунке.

Как можно видеть из представленных данных, обнаруживаются следующие -специфические для системогенеза закономерности.

Во-первых, уже в «исходной» точке генезиса – в самой младшей возрастной подгруппе представлены обе подсистемы одновременно, причем, практически с равной степенью выраженности. Это можно рассматривать как проявление известного системогенетического *принципа «одновременности закладки»* основных компонентов и подсистем.

Во-вторых, достаточно явно представлена и еще одна закономерность системогенетическо-

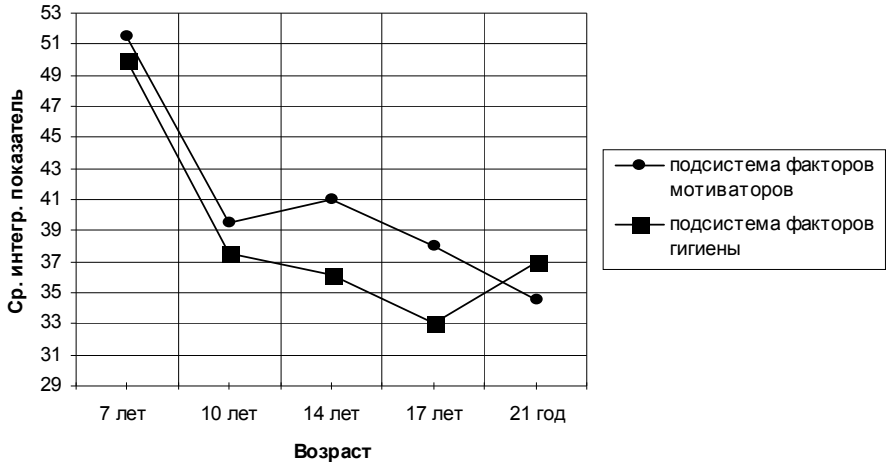


Рис. График динамики среднего показателя по подсистемам факторов в зависимости от возраста испытуемых

го типа – *неравномерность* динамики отдельных подсистем на исследованном интервале онтогенетического развития.

В-третьих, можно констатировать и *гетерохронность* динамики подсистем внутренней и внешней мотивации. Эта динамика не только не совпадает в целом «по темпам» на разных временных интервалах, но может иметь и разнонаправленный характер. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что гетерохронность развития двух мотиационных подсистем как бы «соседствует» с моментами ее так сказать «гомохронности». Яркий пример этого – идентичная направленность и темпы динамики двух мотивационных подсистем при переходе от первой ко второй возрастной группе. Следовательно, можно предположить, что в ходе системогенеза в целом механизмы гетерохронности могут сочетаться с механизмами «гомохронного» (или синхронного) развития, а сама гетерохронность может при этом выступать как «парциальная» гетерохронность.

Таким образом, развитие учебной мотивации в онтогенезе, рассмотренное на уровне двух ее наиболее обобщенных подсистем (внешней и внутренней мотивации), подчиняется тем закономерностям, которые характерны для системогенеза. В связи с этим, можно допустить, что системогенез как таковой имеет уровневое строение и развертывается одновременно на ряде уровней: по отношению к генезису мотивационной сферы – это, как минимум, два уровня – уровень компонентов (отдельных мотивов) и уровень обобщенных мотивационных подсистем.

Приведенные выше результаты доказывают, что формирование мотивационной системы является системогенезом и на уровне отдельных компонентов (мотивов) и на уровне отдельных подсистем. Вместе с тем, последний факт имеет и более общее значение: он экспериментально доказывает существование мотивационных подсистем как таковых. Тем самым подтверждается первая часть сформулированной выше гипотезы – о принадлежности генезиса мотивационной сферы личности в процессе овладения учебной деятельностью к системогенетическому типу. Наряду с этим, в других, также выполненных нами исследованиях, показано, что в ходе генезиса мотивации УД имеют место и те закономерности, которые обусловлены особым статусом, спецификой мотивационной сферы личности – ее принадлежностью к системам со «встроенным» метасистемным уровнем [5]. Таким образом, генезис мотивации УД (точнее – генезис мотивации личности в ходе освоения УД) является сложным, комплексным и многоуровневым процессом. Он подчиняется, как минимум, двум категориям закономерностей. Во-первых, – *общим* закономерностям, характерным для системогенеза как особого типа развития. Во-вторых, – *специфическим,* вытекающим из своеобразия психологического статуса мотивационной сферы личности и особенностей ее структурно-уровневого строения.

Библиографический список

1. *Божович Л.И.* Избранные психологические труды. – М.: МПА, 1995.

2. *Карпова Е.В.* Динамика мотивов учения детей 6 и 7 лет // Обучение и воспитание младшего школьника. – Ярославль: ЯГПИ, 1993. – С. 13–21.

3. *Карпова Е.В.* Системогенетические особенности развития мотивационной сферы личности в учебной деятельности // Матер. 11 Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы системогенеза учебной и профессиональной деятельности». – Ярославль, 2005. – С. 130–133.

4. *Карпова Е.В.* Специфика современного состояния и перспективы развития проблемы мотивации учебной деятельности // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Сер. «Акмеология». – 2006. – №2. – С. 8–18.

5. *Карпова Е.В.* Профилактика антимотивации учения как средство оптимизации учебной деятельности школьников // Матер. Всерос. конференции «Современные проблемы прикладной психологии». – Ярославль, 2006. – Т. 2. – С. 77–87.

6. *Карпова Е.В.* Метасистемный анализ мотивации учебной деятельности в структуре личности // Вестник ТГУ (в печати).

7. *Леонтьев Д.А.* От инстинктов – к выбору, смыслу и саморегуляции: психология мотивации вчера, сегодня, завтра // Современная психология мотивации. – М.: Смысл, 2002. – С. 4–12.

8. Труды Ярославского методологического семинара. – Ярославль, 2004. – Т. 2.

Е.Н. Корнеева

СУБЪЕКТНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В социальной, педагогической, организационной психологии эмпирически выделены и теоретически проинтерпретированы личностные и ситуационные регуляторы поведения участников совместной деятельности, членов различных социальных сообществ. Многие исследователи указывали на наличие связей отдельных личностных, интеракционных и ситуационных (средовых) факторов между собой. Однако традиционно они ограничивались установлением парных связей диагностируемых ими переменных.

В исследованиях Г.М. Андреевой, А.Н. Донцова и их сотрудников указывается на связь социальных установок и личностных диспозиций, реализуемых в процессе социализации старших школьников и таких ситуационных характеристик как социальная стабильность, социального восприятия субъектов деятельности в зависимости от места и роли в совместной групповой деятельности. Н.В. Антонова установила связь личностной идентичности педагогов с особенностями их педагогического общения, то есть интеракционными характеристиками их профессионального взаимодействия.

На связь ситуационных характеристик (особенностей социального окружения, наличие контроля со стороны членов группы, стабильности действующих в группе социальных норм и др.) и личностных особенностей обращали внимание специалистов Э. Аронсон, Т. Уилсон, Р. Эйкерт.

Связь личностных особенностей и коммуникативно-перцептивной стороны общения и взаимодействия доказывал в своих исследованиях А.А. Бодалев. Влияние диспозиционных характеристик личности на ее поведение в ситуации конфликта было описано в работах Н.В. Гришиной, Т.Г. Григорьевой, Л.В. Линской, Т.П. Усольцевой. Н.Л. Ивановой установлена связь личностной идентичности и особенностей образования, характера межкультурной коммуникации, которые могут быть отнесены к ситуационным характеристикам социального взаимодействия.

M. Augoustinos, I. Walker описали феномены влияния личностных особенностей индивидов, их социальных установок, социальных ролей на процесс социального познания, совершаемый в ходе социального взаимодействия с различными группами и структурами общества. D. Magnusson обнаружил влияние ситуации перемен (реформирования), ее типичности, проблемности, угрожающего характера на межличностное восприятие и взаимодействие людей. W.G. Stephan, R.A. Finlay указывали на роль такой личностной характеристики как эмпатия в регуляции социального взаимодействия, ее связь с успешностью, конструктивностью внутригруппового и межличностного взаимодействия.

Подобных примеров можно найти еще не мало.

В ранее проведенных исследованиях автором данной статьи также была обнаружена связь личностных черт школьников с ситуационными и интеракционными переменными их взаимодействия. Эти результаты в сочетании с данными других авторов, приведенными выше, позволил нам выдвинуть предположение о наличии особого типа интегративных факторов регуляции социального его субъектами/участниками, объединяющих в себе личностные, интеракционные и ситуационные параметры/переменные их социального взаимодействия. Проверка предположения осуществлялась на базе 7 муниципальных образовательных учреждений Ярославля и Ярославской области, где в качестве объекта исследования выступали характеристики субъектной регуляции образовательного взаимодействия его участниками.

Для проверки данного предположения было отобрано 8 методик и диагностических тестовых процедур, которые позволяли оценивать личностные, интеракционные и ситуационные переменные, участвующие в регуляции социального взаимодействия участников образовательного процесса. В качестве таковых выступали: 16 PF опросник Кеттелла, позволяющий диагностировать устойчивые черты личности; рисуночный тест ДДЧ (Дж. Бука), позволяющий исследовать личностные особенности, включая социальные установки, социальные перцепты, самооценочные и другие характеристики личности; процедура контент анализа на материале данных Must-test (А. Эллиссона, П.Н. Иванова) и свободных описаний ситуаций, послуживших основанием для обращения участников образовательного взаимодействия (УОВ) за психологической помощью; тест диагностики межличностных отношений (Т. Лири), направленный на оценку доминирую-

© Е.Н. Корнеева, 2006

щих отношений в социальных отношениях; тест Q-сортировки (В. Стефансона), направленный на оценку самовосприятия и восприятия партнеров по взаимодействию; тест «Уровень субъективного контроля» (УСК) (Д. Роттера), оценивающий уровень интернальности личности; тест К. Томаса, диагностирующий тактики поведения в ситуации конфликта. Выбор их был обусловлен валидностью и надежностью данных методик, возможностью их использования как в работе с детьми, так и в работе со взрослыми, применимостью перечисленных методик в процессе проведения психологических консультаций, а также направленностью на решение поставленной задачи. Данные процедуры были проведены на 584 участниках исследования, среди которых были педагоги, учащиеся общеобразовательных школ, родители/законные представители этих детей, а так же представители школьной администрации.

Все полученные данные были подвергнуты регрессионному факторному анализу по методу главных компонент, в результате чего было обнаружено три интегративных фактора субъектной регуляции социального взаимодействия участников образовательного процесса. Фактор 1 составили 15 переменных, их суммарный вес равен 0,198. Во второй фактор вошли 23 переменные с суммарным весом 0,180. Фактор 3 образован 6 переменными с суммарным весом 0,145. Выделенные факторы выполняют регуляторную функцию, поскольку входящие в них переменные регулируют поведение и социальное взаимодействие субъектов/ участников образовательного процесса. Все три фактора объединяют в себе личностные, интеракционные и ситуационные регуляторы социального взаимодействия и могут быть названы интегративными, составляющими особый тип интегративных факторов регуляции образовательного взаимодействия (ИФРОВ). Каждый из трех выделенных ИФРОВ имеет свой специфический компонентный состав, определяемый сочетанием входящих в него переменных и их психологическим содержанием. Переменные, диагностированные с помощью вышеперечисленных методик, с различными коэффициентами входят в состав различных ИФРОВ, что позволяет сделать предположение о наличии связи между самими факторами. Выделенные факторы играют различную роль в регуляции образовательного взаимодействия: фактор 1 регулирует актуальное поведение участников образовательного взаимодействия и их последующие реакции, фактор 2 регулирует процессы социальной перцепции и социальной категоризации участников образовательного взаимодействия, фактор 3 регулирует когнитивные процессы оценки и принятия решений участниками образовательного взаимодействия.

Психологический анализ содержания выделенных факторов (ИФРОВ) позволил осуществить психологическую интерпретацию и категоризацию каждого из них.

Фактор 1 был категаризован в качестве «формирующей среды» (ФС). ФС – один из ИФРОВ, появляющийся в ходе социального взаимодействия, влияющий на его процесс и результаты и оказывающий мотивирующее влияние и актуальное поведение участников образовательного взаимодействия и их последующие реакции. Психологическая сущность ФС состоит в субъектном восприятии вербальных и невербальных реакций других участников образовательного взаимодействия и готовности реагировать на них как на значимые элементы ситуации. Именно субъектная позиция превращает поведенческие реакции другого в регулятор социального взаимодействия, делает среду (ситуацию) формирующей в отношении собственных реакций и поведения человека и его партнеров. Презентация участниками образовательного взаимодействия своих социальных установок, социальных ожиданий, социальных перцептов, личностных диспозиций и элементов ролевых сценариев служит средством социального воздействия на себя и окружающих, восприятие и интерпретация их другими УОВ – средством взаимодействия. Объектом воздействия выступают личностные смыслы, которые принимает ситуация взаимодействия в глазах ее участников. Таким образом, презентация выступает в роли механизма регуляции социального взаимодействия участников образовательного процесса со стороны такого ИФРОВ как ФС.

Важнейшими характеристиками фактора 2 являются рефлексивность (развитие мышление, склонность к чувству вины, самоконтроль), ответственность (интернальность в сочетании с внутренней свободой, расслабленностью) и пристрастность субъекта, проявляющаяся в расхождении оценок и ожиданий себя и других людей. Эти три характеристики (рефлексивность, ответственность и пристрастность) являются неотъемлемой принадлежностью субъекта и про-

цессов субъект-субъектного взаимодействия, как отмечалось в работах Б.Г. Ананьева, А.В. Брушлинского, Н.В. Гришиной, А.В. Карпова, Б.Ф. Ломова и др. Выделенные особенности содержания фактора 2 позволили категоризовать его как «ситуационную субъектность» (СС). Психологическая сущность СС как ИФРОВ состоит в множественной идентификации индивидом себя самого и своих партнеров, являющихся субъектами совместной деятельности и общения в рамках, заданных ситуацией. Механизмом возникновения СС является идентификация субъектов социального взаимодействия (в нашем случае образовательного взаимодействия). Процесс социального взаимодействия и его субъектной регуляции позволяет участникам осознать, ощутить не только свою принадлежность к определенной социальной общности (группе), но и оценить принадлежность к ней других, ответить на вопрос «кто есть я, кто есть другой в ситуации?», сравнить сконструированные представления и ролевые сценарии. Взаимодействие всегда разворачивается в определенном пространственно-временном контексте, сопряжено с некоторыми привходящими обстоятельствами, что придает ему и создаваемым его участниками идентификационным конструктам оттенок ситуационности.

Содержательный анализ переменных, входящих в СС, позволяет охарактеризовать их как социальные представления, социальные ожидания и оценки в отношении себя и партнеров по взаимодействию. Структуру СС составляет ряд идентификационных конструктов: идентичность субъекта в ситуации (кто есть я в ситуации?), идентичность другого в ситуации (кто есть он/они в ситуации?), социально-рефлексивная идентичность (кто есть я для него/них в ситуации?), суммарная идентичность (кто есть мы в ситуации?), представление и оценка смысла и значения ситуации для участников взаимодействия (что значит ситуация для нас, в чем ее смысл?). Идентификационные конструкты имеют когнитивно-аффективную природу и регулируют восприятие и оценку собственных действий и поступков субъекта, действий и поступков других людей в ситуациях образовательного взаимодействия. Конструирование и трансформация идентичностей служат в СС средством социального воздействия на поведение, планы и ожидания субъекта. Реализация идентификационных конструктов в соответствующих ролевых сценариях выступает средством взаимодействия участников образовательного процесса. Объектом же воздействия выступают представления о себе, других участниках образовательного взаимодействия как субъектах совместной деятельности, общения, представления о ситуации как одной из детерминант взаимодействия.

Психологическая сущность третьего фактора заключается в отражении на когнитивном и аффективном уровнях процесса и результатов образовательного взаимодействия его участников. Это отражение позволяет участникам конструировать многоуровневую модель взаимодействия в условиях, определяемых ситуацией. Первоначально эта модель строится и базируется на социальных стереотипах и предрассудках, позволяющих типизировать позицию партнера/партнеров и составить базовое представление о ситуации, опираясь лишь на наиболее выпуклые поверхностные их черты. Эта модель может остаться неизменной, а может трансформироваться под влиянием эмоциональных и функциональных состояний участников образовательного процесса. Далее в модель могут включаться отраженные сознанием субъектов реальные изменения ситуации, оценки действий и поведенческих реакций партнеров. Это уже окончательная модель или окончательный прогноз. По сравнению с первоначальной моделью, окончательная отличается большей реалистичностью и полнотой. Таким образом, фактор 3 ИФРОВ был категоризован как «релятивный прогноз» (РП), конструируемая участниками образовательного взаимодействия многоуровневая модель хода и результатов взаимодействия. В модель РП входят предварительный, опирающийся на социальные стереотипы, исходный, трансформированный эмоциональными и функциональными состояниями субъекта взаимодействия, и окончательный прогноз, отражающий реальные параметры и результаты взаимодействия, оцениваемые исходя из установок и ценностей субъекта взаимодействия. Компонентами РП являются представления участников образовательного взаимодействия о его результатах, представления о ролевых сценариях партнеров и оценки значимости ситуации для партнеров. Средством воздействия РП как ИФРОВ являются ожидания и представления, конструируемые субъектами образовательного взаимодействия. Средством взаимодействия – включение в создаваемые конструкты ожиданий партнеров. Объек-

Таблица

Типы ИФРОВ	Компоненты ИФРОВ	Свойства ИФРОВ	Показатели выраженности свойств ИФРОВ
Формирующая среда (ФС)	– соц. установки; – соц. ожидания; – соц. перцепты; – личностные диспозиции; – ролевые сценарии	Согласованность	– конгруэнтность компонентов ФС уч-ков взаимодействия; – качественное подобие, сходство компонентов ФС уч-ков взаимодействия; – отсутствие значимых различий в колич. показателях компонентов ФС
		Интенционность	– однонаправленность изменений компонентов ФС уч-ков взаимодействия; – одновременность изменения состава компонентов ФС уч-ков взаимодействия; – масштабность изменений фиксируемых показателей ФС уч-ков взаимодействия; – глубина изменений фиксируемых показателей ФС уч-ков взаимодействия
		Направленность	– совпадение ведущих типов направленность уч-ков взаимодействия; – совпадение колич. показателей различных типов направленности уч-ков взаимодействия
Ситуационная субъектность (СС)	– образ Я в ситуации; – образ другого в ситуации; – Я в глазах другого в ситуации; – сравнительный образ Я и другого; – обобщенный образ Мы в ситуации; – значение и смысл ситуации для уч-ков	Точность	– сходство когнитивных структур уч-ков взаимодействия; – совпадение когнитивных структур уч-ков взаимодействия и экспертов; – совпадение когнитивных структур уч-ков, выполняющих сходные роли в процессе взаимодействия
		Стереотипность	– неизменность когнитивных структур уч-ков взаимодействия в процессе его развертывания; – неизменность когнитивных структур уч-ков взаимодействия после его завершения
Релятивный прогноз (РП)	– представления о результатах взаимодействия; – представления о ролевых сценариях партнеров; – представления о значимости ситуации для партнеров	Свернутость	– несовпадение осознаваемых и неосознаваемых компонентов собственного поведения в ситуации взаимодействия
		Динамичность	– изменение компонентов РП в зависимости от эмоциональных и функциональных состояний уч-ков взаимодействия; – изменение компонентов РП в зависимости от ситуации; – направленность изменений РП

том воздействия служат социальные перцепты, поведенческие стратегии и тактики участников образовательного взаимодействия.

Таким образом, интерпретация результатов проведенного факторного регрессионного анализа по методу главных компонент позволил выделить три ИФРОВ и специфицировать их как ФС, СС и РП. Психологическими механизмами их соответственно являются социальная презентация (ФС), множественная идентификация (СС) и уровневое опережающее отражение ходе и результатов образовательного взаимодействия (РП). Дальнейшее исследование регуляторной субъектной природы выделенных ИФРОВ, осуществляемое

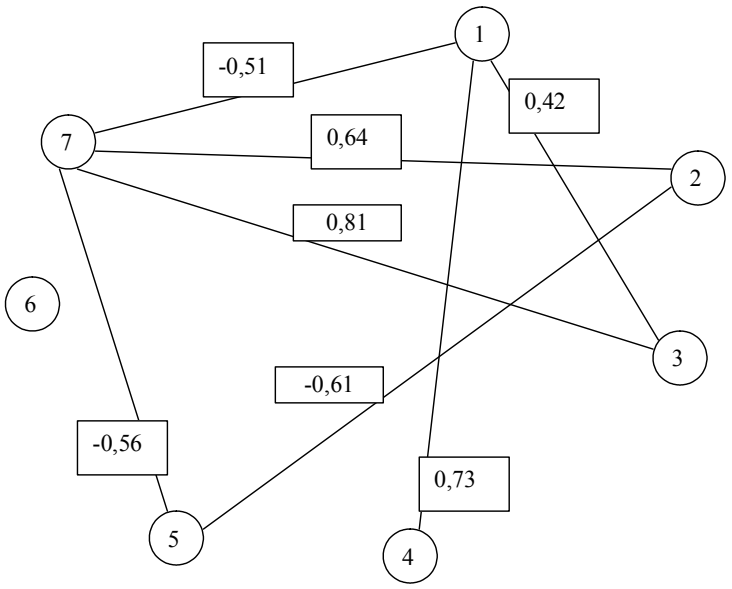


Рис. Схема значимых корреляционных связей между отдельными свойствами интегративных факторов регуляции образовательного взаимодействия (при α=0,05).
1 – согласованность ФС, 2 – интенционность ФС, 3 – направленность ФС, 4 – точность СС, 5 – стереотипность СС, 6 – свернутость РП, 7 – динамичность РП

в ходе психологического сопровождения участников исследования позволило автору установить специфические свойства ИФРОВ, оказывающие влияние на эффективность и конструктивность образовательного взаимодействия его участников, особенности протекания процессов их взаимодействия в различных ситуациях.

У ФС было выявлено три свойства: свойство согласованности, определяющее степень конфликтности взаимодействия, свойство интенционности, обусловливающее меру сохранности изменений, произошедших после обмена участниками социальными воздействиями, то есть конечную ситуационную результативность их образовательно-воспитательного и социализирующего влияния друг на друга, и свойство направленности, влияющее на симметричность-ассиметричность взаимодействия и его конструктивность в представлениях участников. У СС были выявлены два свойства: свойство точности (адекватности) СС, понимаемое как совпадение выстраиваемых в сознании участников взаимодействия когнитивных структур с ролевыми сценариями и поведенческими стратегиями, реализуемыми их партнерами и влияющее на конструктивность и эффективность социального взаимодействия его участников, и свойство стереотипности СС, выражающееся в неизменности представлений участников о себе и своих партнерах вне зависимости от ситуации, а так же убеждении, что основные параметры ситуации (ее задачи, условия и алгоритмы их реализации, способы контроля и вознаграждения за успех и т.п.) остаются неизменными, обусловливающее понимание ответных реакций партнеров по взаимодействию и конечную конструктивность его. В отношении третьего фактора РП как ИФРОВ анализ показал наличие двух специфических свойств – свернутости и динамичности РП. Свойство свернутости РП проявляется в слабой или частичной осознанности компонентов моделей взаимодействия, простраиваемых его участниками, и обусловливающее появление субъективных барьеров и трудностей взаимодействия, снижающее его конструктивность. Свойство динамичности РП выражается в спонтанной изменчивости создаваемых моделей и конструктов под влиянием изменениями функциональных и эмоциональных состояний участников взаимодействия и влияющее на его эффективность.

В обобщенном виде специфические свойств ИФРОВ и их показатели, операционализированные в ходе психологического сопровождения его участников представлены в таблице.

Для проверки предположения о связи свойств ИФРОВ и их свойств между собой был проведен корреляционный анализ операционализирован-

ных показателей свойств ИФРОВ для тех же 584 участниках исследования с использованием Т-критерия Стьюдента. Результаты его отражены в схематическом виде на рисунке.

Выявленные корреляционные зависимости подтвердили наше предположение о связи между ИФРОВ и их свойствами. Характер установленных зависимостей позволяет определить направление психологических воздействий (развивающих, коррекционных и др.) на свойства ИФРОВ с целью повышения эффективности и/или конструктивности образовательного взаимодействия его участников.

На следующем этапе исследования были взяты три специфические группы учащихся, выступающих в роли участников процессов субъектной регуляции образовательного взаимодействия, а именно дети из семей мигрантов и переселенцев, являющихся носителями национального языка и норм национальной культуры, школьники с задержкой психического развития (ЗПР) и школьников с признаками одаренности, обучающие в массовых общеобразовательных школах. Проведенная оценка свойств и регулирующей роли различных ИФРОВ, позволила установить специфические особенности субъектной регуляции образовательного взаимодействия этими школьниками.

Субъектные особенности школьников из семей мигрантов и переселенцев выражаются в специфическом сочетании свойств ИФРОВ: низкой согласованности ФС, обусловленной включением в ее структуру национальных предрассудков и стереотипов социального восприятия представителей других национальных общностей, слабой или низкой точности СС, обусловленной несовпадением когнитивных идентификационных конструктов участников взаимодействия, низкой динамичности РП. Превалирование эмоциональных регуляторов поведения над рациональными редуцирует роль таких ИФРОВ как СС и РП, одновременно усиливая роль ФС. Сознательно презентируемые участниками образовательного взаимодействия толерантные социальные установки, позитивные социальные ожидания, социальные перцепты и личностные диспозиции, образующие структуру ФС, воздействуют на их сознание и поведение и могут способствовать снижению степени конфликтности и эмоциональной напряженности образовательного взаимодействия, повышая его эффективность и конструктивность.

Регуляция образовательное взаимодействие школьниками с ЗПР также имеет специфичные черты, отражающие субъектные характеристики этой категории детей. Эти субъектные характеристики обусловлены низкой согласованность ФС, слабой интенционностью ФС и социальной направленность ФС (от инициатора воздействия на его социальное окружение или на партнеров по взаимодействию), высокой стереотипность СС и низкой точность СС, а так же слабой динамичность РП и высокой свернутость РП. Роль такого ИФРОВ как СС несколько ниже, чем других, что может объясняться в целом более низким уровнем развития когнитивных компонентов их психики.

Субъектные особенности школьников с признаками одаренности обусловливают следующие специфичные черты со-регуляции ими образовательного взаимодействия: иная или недостаточная презентация детьми с признаками одаренности своих социальных установок, ожиданий, личностных диспозиций снижает значение такого ИФРОВ как ФС; специфичность эмоционального склада этих детей и порождает такие трансформации РП, как ИФРОВ, которые ведут к доминированию в прогнозируемых моделях взаимодействия событий, имеющих негативную эмоциональную окраску. В целом свойство динамичности РП, как ИФРОВ, является сильно выраженным в силу зависимости конструируемых моделей социального (образовательного) взаимодействия от эмоциональных и функциональных состояний школьников с признаками одаренности.

Учет выявленных субъектных особенностей процесса регуляции социального взаимодействия указанными группами учащихся в сочетании с установленными видами корреляционной связи свойств ИФРОВ позволяет выбрать путь психологического влияния на участников образовательного взаимодействия с целью повышения его эффективности и конструктивности.

М.Г. Кучеряну

ПОДГОТОВКА УЧАЩИХСЯ К ПРОДОЛЖЕНИЮ ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗАХ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Одной из приоритетных задач сегодня является интеграция России в мировое образовательное пространство и модернизация российской системы образования с учетом тенденций развития образовательных систем ведущих стран мира, с целью сделать российскую систему «узнаваемой» на рынке образовательных услуг. Обращение отечественной педагогической науки к опыту зарубежных стран обогащает педагогическую культуру и развивает открытый менталитет и толерантность к другим системам ценностей, формирует более критический взгляд на систему образования в собственной стране.

Вместе с тем Российская система педагогического образования характеризуется уникальностью. Ей нет аналогов в других странах, в силу особенностей ее исторической судьбы и национального менталитета. Российское учительство – особая субкультура, которая выполняет функции духовно-нравственного воспитания нации, хранения и воспроизводства ее культурного генофонда. Разрушение этой традиции чревато необратимыми последствиями для судьбы России, ее культурной идентичности и самостоятельности.

Одной из наиболее развитых стран современного мира в целом и Евросоюза в частности, добившейся значительных успехов в развитии собственной системы образования, является Великобритания. Ее оригинальный опыт в этой области получил признание во всем мире. Проблемы и тенденции развития британского образования важно учитывать при модернизации российского образования.

В последнее время в Великобритании наблюдается тенденция координации работы среднего и высшего звена в процессе обучения. Особенно это касается выпускных классов школ. Учеными страны разработаны специальные программы, помогающие обеспечить подготовленность учащихся к самостоятельной работе на продвинутом этапе. В соответствии с данными программами в выпускных классах рекомендуется вводить специальные курсы по дисциплинам, по которым сдается экзамен на продвинутом уровне (уровне «А»), позволяющем поступать в любые высшие учебные заведения страны. Основанные на тьюторской системе, данные курсы имеют цель помочь учащимся подготовиться к самостоятельной организации своего обучения. Такой «предуниверситетский» подготовительный курс должен включать в себя лекции, рассчитанные на большие аудитории, с целью приобретения учащимися опыта работы на лекции, работу с наставником, который занимается научной или исследовательской работой и не ставит своей задачей ежедневно контролировать деятельность учащихся, что характерно для школьных учителей. Учащийся в данном случае постепенно отходит от жесткого контроля со стороны преподавателя и развивает навыки самоконтроля. При этом количество контрольных работ, требующих оценки или комментариев учителя должно быть значительно сокращено. Учащимся следует предоставлять наименьшую возможность узнать, как успешно они продвигаются по изучаемому курсу (оценка учителя), одновременно с этим должна проводиться работа по развитию навыков самостоятельного контроля прогресса у учеников. «Предуниверситетский» курс должен содержать максимальное количество тем и подтем для того, чтобы помочь учащимся научиться «рассеивать» свое внимание в процессе обучения. Количество информации также должно быть значительно увеличено и превышать тот объем, знание которого подлежит проверке на выпускном экзамене. Некоторые аспекты по предметам выпускных классов обязаны преподаваться учителями из других школ. Это позволит сократить контакт преподавателя и ученика после занятий (уменьшение зависимости и приобретение опыта работы в изоляции от учителя). Учащимся в этот период следует внушать необходимость больше читать. Организовывать поиск информации в книгах и других источниках. Цели обучения по разным предметам не следует делать слишком явными для учащихся. Они должны привыкнуть самостоятельно интегрировать полученную информацию и соединять ее с академическими или практическими целями обучения. Таким образом, программа выпускного класса должна включать следующие пункты:

© М.Г. Кучеряну, 2006

1) массовые лекции как средство распространения информации;

2) редкий контакт с учителями-лекторами;

3) сокращение количества тестов – опросников и обучение учащихся самооценке своей деятельности;

4) стимулирование учащихся к выработке своих целей в обучении и к анализу добытой информации;

5) тьюторское руководство, при этом лектор не может быть наставником;

6) контроль знаний учащихся посредством эссе и творческих работ.

Мы видим, что задача школы по отношению к учащимся выпускных классов – поставить их в условия наименьшей зависимости от учителя при минимальном структурировании процесса обучения с целью подготовки к работе в режиме тьюторской системы, предполагающей максимальную самостоятельность при выполнении работы.

Вторая часть программы направлена на организацию процесса на первых курсах вуза для помощи в адаптации к учебе в университете выпускникам школ. Вузовская программа, будучи связанной со школьной, предполагает в отличие от последней большую зависимость учащегося от преподавателя на первой ступени обучения в вузе. Основными пунктами данной программы являются следующие:

1) проведение лекций для меньшей, чем обычно требуется аудитории;

2) не полагаться на лекцию как основное средство распространения информации;

3) более частый контакт учащегося с тьютором;

4) более частая проверка и оценка преподавателем выполняемой работы;

5) четкая формулировка целей обучения по всему курсу и по отдельным предметам;

6) постоянная ссылка на межпредметные связи внутри изучаемого курса;

7) организация обсуждений со студентами возможности приложения знаний по изучаемому курсу в будущей карьере с использованием университетской службы занятости;

8) поощрение обсуждений студентами и тьютором трудностей, возникающих в процессе обучения;

9) использование различных подходов к преподаванию одного и того же предмета;

10) применение разнообразных методов и способов и форм оценки знаний студентов, понятных учащимся;

11) стремление к уменьшению стресса во время экзамена. Это достигается за счет проведения экзамена в знакомых студенту условиях (помещение, состав экзаменаторов и т.д.) и изменения времени проведения сессий.

Данные программы имеют распространение в средних общеобразовательных школах, колледжах, новых университетах и вузах, ведущих экспериментальную работу в области организации самостоятельной работы учащихся и студентов.

В результате проведенного опроса среди российских и британских школьников было выявлено следующее: российские школьники считают необходимыми, но совершенно не сформированными следующие умения: умение чувствовать новизну; умение предвидеть события; умение убеждать; умение сортировать информацию; умение решать проблемы; умение контролировать свою работу; умение конспектировать материал.

Британские учащиеся отмечают, что в той или иной степени все вышеперечисленные умения были у них сформированы уже в школе или в учебных заведениях промежуточного типа между школой и вузом. Исключения составляют лишь те учащиеся, которые заканчивали учебные заведения, в которых преобладало жесткое руководство со стороны преподавателя и формированию навыков самостоятельной работы не уделялось должного внимания.

Наиболее важными умениями самостоятельной работы из тех, что были сформированы в школе, английские ученые считают: умение ставить цель; умение прислушиваться к мнению других и отстаивать свою точку зрения; умение отбирать и анализировать материал; умение самоконтролировать свои действия. Существенными называются умения планировать работу, предвидеть события, вычленять главное, решать проблемы.

Первенство в основном обучении навыкам самостоятельной работы английские школьники отдают учителям (1 место) и родителям (2 место). У российских школьников распределение идет следующим образом: 1 место – никто, 2 место – родители, 3 место – учителя. В обеих странах чаще всего самостоятельная работа лучше всего организовывалась по предметам гуманитарного цикла. Достаточно эффективно шла организация самостоятельной работы на уроках физики и труда.

Среди существенных проблем, с которыми учащимся приходится сталкиваться при выполнении самостоятельной работы, британские

школьники отмечают: возможное отсутствие интереса к тому или иному виду самостоятельной работы и отсутствие достаточной для работы информации. У российских школьников основные проблемы возникают с нехваткой времени и соответствующих умений самостоятельной работы, отсутствием компетентного руководства, плана работы и места для ее выполнения.

Из творческих самостоятельных работ, выполняемых в школе и вызывающих интерес у учащихся, британские ученики отметили работу над проектами, издательскую деятельность, написание эссе. Российские школьники отдали предпочтение рефератам и проведению исследовательской работы в старших классах.

Самостоятельную работу британские школьники выполняют на занятиях в школе, в библиотечном центре. У российских школьников распределение идет следующим образом: дома, реже в библиотеке, в школе.

Большинство британских учащихся считает, что школа достаточно подготовила их к самостоятельной работе в вузе, в то время как российские школьники на вопрос о подготовке отвечают «скорее нет, чем да».

Изучив результаты анкетирования, проведенного в вузах Великобритании, и, основываясь на полученных данных, можно сделать вывод, что большинство абитуриентов приходит в высшие учебные заведения страны подготовленными в той или иной мере к выполнению самостоятельной работы на занятиях и во внеучебное время. То, в какой мере развиты те или иные умения или навыки, необходимые для самостоятельной работы, зависит от того, в каком типе школы обучался будущий студент или какие курсы он посещал.

Следует также отметить, что в результате проведенных в ряде вузов Великобритании исследований выяснилось, что результаты обучения тех, кто имел лишь одни навыки самостоятельной работы и испытывал недостаток в академических знаниях в момент поступления в вуз, в дальнейшем оказывались достаточно низкими при защите дипломов.

Недостаток академических знаний, как у учащихся школ, так и студентов вузов, связан с фанатичной привязанностью британцев к узкой специализации с одной стороны, а с другой стороны целями и задачами обучения в средней школе и вузе, направленными на то, чтобы вооружить учащихся знаниями по организации самостоятельной работы, помочь в адаптации к автономной деятельности, научить их добывать знания на протяжении всей жизни.

Л.Е. Ковалева

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ВУЗА В ПРОЦЕССЕ ЗАНЯТИЙ ПО ФИЗИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ

Комплекс проведенной теоретической и научно-практической работы по проблеме настоящего исследования подтвердил наши исходные гипотетические посылки относительно специальных педагогических возможностей систематических занятий по физическому воспитанию студентов в рамках организации учебно-воспитательного процесса в негуманитарных вузах.

В теоретико-методической части исследования нами предпринята попытка определения и дифференциации таких базовых понятий как физическая культура, физическое воспитание, физкультурная деятельность, физические упражнения, спортивно-массовая и оздоровительная работа, выделены их специфические характеристики и педагогические особенности применительно к учебно-воспитательному процессу современного вуза.

Важным методическим аспектом изучения выделенной проблемы явилось исследование социализирующей роли физкультурной деятельности и ее места в общей системе воспитательной работы на первом и втором курсах негуманитарного вуза. Мы пришли к выводу, о том, что собственно физкультурная деятельность как в дидактическом, так и воспитательном аспекте ее педагогического применения, обладает необходимыми функциями интеграции ряда ведущих социальных и психологический качеств личности. Прежде всего таких как: стремление к совершенству, соревновательности, целепологание, умение действовать в команде, умение сохранить

© Л.Е. Ковалева, 2006

собственную индивидуальность в группе, высокий эмоциональный тонус жизнедействия, ориентация на высокие этические и эстетические стандарты в деятельности и общении, возможность сохранения активного темпоритма в организации учебного и досугового времени, умение и потребность рефлексивной оценки происходящих событий, проективно-оценочный взгляд на планирование содержания учебной деятельности.

В качестве основного вывода о месте и педагогических функциях физического воспитания студентов вуза правомерно, на наш взгляд, выделить следующие методические положения этого вида учебно-воспитательной работы:

– высокий социальный потенциал массовой физической культуры и специальной здоровьесберегающей работы со студентами в сочетании с индивидуальной целенаправленной работой по самовоспитанию и творческому саморазвитию основных характерологических качеств личности будущего гражданина и профессионала;

– необходимость разработки и воспитания средствами физической культуры и спорта конкретной профессиограммы настоящей и будущей деятельности специалиста применительно к специфике и трудностям выбранного вида профессиональной деятельности;

– создание в процессе занятий по физическому и спортивному воспитанию студентов специальных драматизированных условий и социальных мотивов для морально-ценностных проб и межличностных отношений, отвечающих нормам и требованиям гуманистического общежития в современном обществе;

– на примерах высших достижений спорта и образцов здорового, социально и профессионально продуктивного образа жизни, сформировать в процессе учебных физкультурных занятий идеалы экзистенциального и профессионального отношения к себе как социально активной личности уже на стадии обучения в вузе.

В качестве основных выводов по психолого-педагогическим составляющим физкультурного воспитания студентов нам представляется важным подчеркнуть значение эмоциональной компоненты систематических занятий физической культурой и спортом. Опираясь на информационную теорию эмоций и наши исследования по практике ситуационно-рефлексивного позиционирования и целенаправленного моделирования деятельностных вариантов поведения и отношений студентов в предложенных обстоятельствах экзистенциальных характеристик места, времени, образа и роли действия, мы убедились в том, что в психолого-педагогический состав процесса физического воспитания студентов входит их отношение к себе как субъекту реализации норм и правил, определяемых степенью их подготовленности к решению задач и требований физического соответствия социально-ценностным представлениям об образе человека современного, спортивного, способного выдерживать нагрузки серьезной профессиональной деятельности, умеющего постоять за себя, внешне физически привлекательного и, тем самым, достаточно «вооруженного» и подготовленного к любым жизненным испытаниям.

Как показали результаты диагностической и специализированной пилотажной анкеты, такое отношение к собственной физической «вооруженности» в достаточной мере обеспечивает студентам тот уровень необходимого психологического и социального комфорта, который необходим современному молодому человеку для полноценного общения в среде своих сверстников и для их индивидуального позиционирования по отношению к определенной группе вопросов, характеризующих степень физического соответствия с эталонно-нормативными представлениями студентов о преуспевающем бизнесмене и человеке.

Вышеизложенное позволяет нам сформулировать теоретическое предположение, о том, что в состав воспитания у субъектов потребностно необходимых физических качеств личности и индивидуальности, отвечающих их представлениям о современном социально и профессионально совершенном человеке, органично входит триединство:

– потребности в ее доминантно-ситуативном выражении и практическом преломлении своих физических способностей и возможностей;

– эмоций, определяемых степенью «вооруженности» студента, которая в свою очередь характеризуется вероятностным прогнозом субъекта о его наличной физической форме и тем объемом информации о степени его личной практической вооруженности в области физической культуры и спорта, которые необходимы ему для решения конкретных социальных ситуаций, вызванных потребностной доминантой его жизнедействия и смыслоопределения;

– мотивацией занятий физкультурой и спортом как деятельностью способствующей частичному или полному удовлетворению данной по-

требности, выступающей в практически значимых формах субъективной реальности в разрешении важных личностных, социальных и профессиональных ситуаций, а так же ситуаций конфликтообразующего содержания, определяемых информационным, физическим, физиологическим или эмоциональным дефицитом.

В качестве заключающего суждения по теоретико-методологическим задачам данного исследования правомерно выделить следующее: анализ литературы, характеризующей особенности процесса педагогического содержания физического воспитания в вузе и результаты наших исследований, позволяют сделать вывод о том, что именно органическое взаимодействие и психолого-педагогически обоснованная направленность мотивационно-потребностной и эмоциональной сферы личности студента в достаточной мере определяет социальную потребность личности на систематические занятия физкультурой и спортом как в рамках образовательных стандартов обучения в вузе, так и во внеучебной деятельности, направленной на индивидуальное физическое совершенствование личности.

Именно направленность личности стимулирует и мобилизует ее внутренний потенциал на проявление определенных форм социальной и личностной активности. Не последнее место в содержании и выборе инструментов социальной активности занимают мотивы физического совершенствования студентов, как органической части их профессиональной и жизненной карьеры.

На основании проведенной опытной педагогической работы мы вправе полагать, что основные средства и методы физического воспитания и обучения студентов имеют высокий педагогический эффект в том случае, когда они соотносятся с практикой выдвижения адекватных задач социального и нравственного содержания. Только при этом условии методы физического воспитания носят социальный характер и тем самым являются органической частью физической культуры, как части общечеловеческой культуры и одновременно имманентной частью культуры личности и индивидуальности.

Тем самым физическое воспитание может и должно рассматриваться в качестве неотъемлемой части всей системы учебно-воспитательной работы вуза и занимать свое значимое место в решении образовательных, воспитательных и оздоровительных задач. Для решения этих задач возможно и педагогически оправдано использование разнообразных средства присущих процессу физического воспитания и развития личности студентов.

Одним из таких педагогических средств является, на наш взгляд, комплексная целенаправленная работа студентов преподавателей физического воспитания и кураторов учебных групп по проектированию физкультурно-массовых и оздоровительно-рекреационных мероприятий на первом и втором году обучения в вузе.

Данное направление работы было положено нами в основу экспериментальной работы по социальному воспитанию и морально-ценностной адаптации студентов к условиям и специфике учебно-воспитательного процесса вуза. В основу методики проектно-творческой работы были положены следующие педагогические компоненты: содержание учебных и тренинговых упражнений по программе курса «Физическое воспитание»; элементы специальных физкультурных программ по гимнастике и аэробике; художественно-педагогические элементы театрализации и драматизации спортивных зрелищ и состязаний; методика и правила проведения и судейства спортивных игр; технология структурирования, планирования, подготовки и проведения социальных молодежных проектов.

В процессе опытно-практической работы нами были выделены, содержательно и технологически обеспечены, проверенны на практике организации фестиваля первокурсника «Физкультура и профессия» следующие основные этапы педагогической и организационной работы творческого коллектива преподавателей и студентов:

1. Подготовительно-исследовательский: изучение актуальности проблемы, отработка теоретико-методологической базы проекта; ознакомление с практическим опытом воспитательной и проектной работы по проблеме социальной адаптации студентов средствами физической культуры.

2. Педагогико-информационный: ознакомление педагогов, кураторов и старост учебных групп с целями и задачами проектной работы; раздача анкетного материала; обсуждение на кафедре содержания и методики проекта.

3. Социального целеполагания: определение основных целей-ориентиров проектной, воспитательной и социальной работы со студентами; разработка трех уровней перспективного планирования физкультурно-воспитательной работы в содержательных и методических рамках проек-

та: **ближних перспектив** (подготовка, коллективное творческое планирование в учебных группах); **средних перспектив** (проведение проекта, обработка результатов научно-методической и воспитательной работы, подведение итогов); **дальних перспектив** (проведение научно-практической конференции студентов по проблеме социальной адаптации студентов средствами физической культуры (на материалах подготовки и реализации проекта), интерпретация полученных данных и учебно-воспитательных результатов, определение содержания и задач по реализации зимнего проекта «Фестиваль: физкультура и будущая профессия».

4. Структурно-программный: определение основных содержательных частей проекта; определение педагогических и социально-воспитательных задач по каждому разделу проекта; выделение специальных тестовых заданий, конкурсов и эстафет, обеспечивающих решение проблем социальной адаптации студентов к учебному и профориентационному процессу в вузе.

5. Сценарно-драматизационный: проведение конкурса на лучшие задания и творческие предложения к сценарию фестиваля; определение художественных, эмоциональных и физкультурно-оздоровительных частей фестиваля; составление сценарного плана фестиваля, включающего логику и последовательность его отдельных частей.

6. Репетиционный: этап подготовки учебных групп по этапам – заданиям, непосредственная тренировочно-подготовительная работа по отработке заданий по различным соревновательным видам.

7. Реализационный: создание специальных педагогических, организационных и технических условий для проведения фестиваля; организация и проведение отдельных этапов; определение критериев судейства и подведения итогов по каждому этапу и всего фестиваля в целом.

8. Аналитический: обработка результатов анкет и опросников; педагогическая интерпретация полученных данных; составление психолого-педагогических рекомендаций для студентов и кураторов учебных групп.

В качестве вывода по методико-практической части исследования проблемы, мы выделяем ряд педагогических установок, выделение и решение которых может содействовать более точному и органичному адаптационному вхождению студента в содержание и особенности социализационных процессов, предлагаемых учебно-воспитательной и профессиональной работой высшего учебного заведения.

1. При определении задач-требований по ранней социально-педагогической адаптации студентов необходимо исходить из того научного предположения, что основной целью системы физического воспитания студентов является воспитание общей и индивидуально-ценностной культуры личности, как одной из сущностных характеристик, которой является физическая культура субъекта образовательных процессов.

2. В свою очередь педагогически полноценный и социально продуктивный процесс физического воспитания должен базироваться на требованиях и технологическом обеспечении основных адаптационных механизмов практической реализации содержания и целей физического воспитания студентов как определенного педагогического гаранта успешности учебной, коммуникативной и профессиональной деятельности студентов в стенах вуза и после его окончания.

3. В процессе работы вузовского преподавателя физического воспитания по формированию личности и индивидуальности студента физически и морально достаточно приспособленного (адаптированного) к окружающей среде, важно решить определенный комплекс воспитательных, социокультурных, дидактических, общеобразовательных, физически развивающих и оздоровительных задач. А именно: содействовать в осознании студентами места и роли физической культуры в развитии личности и ее подготовке к профессиональной деятельности; воспитать на учебных и внеучебных занятиях по курсу физического воспитания и развития студентов основы морально-волевой и психофизической подготовки, направленной на полноценное социальное взаимодействие с педагогами и сверстниками; вооружить студентов средствам и приемам преодоления учебных, бытовых и профессиональных трудностей; создать в процессе систематических занятий студентов разнонаправленными видами физического воспитания и спорта комплекс необходимых и достаточных условий для активного творческого и эмоционального общения в процессе учебно-тренировочной и соревновательной деятельности; заложить экзистенциальные и научно-практические основы физической культуры как социальной и индивидуальной ценности человека и гражданина; внедрить в учебу и быт студен-

тов основы здорового образа жизни, как гаранта и условия реализации их жизненных и профессиональных планов; содействовать формированию у учащихся мотивационно-ценностного отношения к их физической и телесной культуре как необходимому социальному и профессиограмному качеству; создать в процессе физкультурных и спортивных занятий студентов личностно-ценностной установки на воспитание и самовоспитание у них потребностей направленных на социально активный образ жизни, физическое самосовершенствование и самовоспитание.

А.В. Куршев

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ КУРСАНТОВ ВЫСШИХ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Кризис социально-экономической, политической и духовной жизни современного общества требует поиска научно обоснованных ответов на вызовы времени, критического анализа принятых решений, совершенствования политической культуры. Для этого необходимо создание гражданского общества в каждой отдельно взятой стране, становление гражданской культуры, формирование гражданственности социальных субъектов.

В научной литературе отражен широкий диапазон взглядов на определение сущности понятий «гражданственность», «гражданин», «гражданское воспитание». Проблемы воспитания гражданственности, гражданских качеств личности в различных аспектах рассматриваются в работах Л.И. Аманбаевой, А.В. Беляева, Е.В. Бондаревской, Н.В. Бордовской, О.И. Волжиной, К.С. Гаджиева, А.С. Гаязова, О.С. Газмана, Г.Я. Гревцевой, Е.И. Известновой, З.Я. Капустиной, Т.А. Лугининой, В.В. Мартыновой, В.А. Мижерикова, И.П. Подласого, О.Н. Полухина, Е.В. Ростовцевой, И.Н. Руссу, В.К. Савельева, Н.А. Савотиной, И.Ю. Синельникова, О.В. Солодовой, И.В. Суколенова, М.А. Шкробовой, К.В. Шкуропий, Г.Н. Филонова и других. Между тем сама категория «гражданственность», являющаяся основополагающей в теории и методологии познания и раскрытия гражданских сил общества, его внутренних источников, российской государственности в частности, представляется «размытой», недостаточно исследованной, а потому и достаточно запутанной.

В.А. Мижериков отмечает: «К основным элементам гражданственности относятся нравственная и правовая культура, выражающаяся в чувствах собственного достоинства, внутренней свободы личности, дисциплинированности, в уважении и доверии к другим гражданам и к государственной власти, способности выполнять свои обязанности, гармоничного сочетания патриотических, национальных и интернациональных чувств».

Политическая стабильность, устойчивый рост экономики, международный авторитет Российской Федерации определяются условиями реализации прав и свобод граждан, уровнем сформированности их гражданско-правовой культуры. Особенность развития государственности, становления гражданского общества заключается в том, что в переходной период законодательное оформление необходимых преобразований попрежнему отстает от реалий времени, требований жизни.

Правовая реформа проводится в условиях, когда в обществе только начинает складываться стратегия поиска баланса целей общественного развития и путей, способов (механизмов) их достижения. Однако и государство, и общество сумели в основном избежать разрушительных потрясений, добились устойчивой тенденции к укреплению государственности, социальной стабильности, к созданию объективных условий для достижения гражданского согласия.

Этот процесс осложняют следующие факторы: низкие темпы формирования гражданского общества, низкий уровень сформированности гражданско-правового сознания людей, рассогласованность в стандартизации правовых механизмов на различных уровнях (федеральном, региональном, местном), неготовность различных административных органов и общественных организаций, социальных групп к нахождению консенсуса в разделении управленческих функций; несформированность органов самоуправления и др.

© А.В. Куршев, 2006

Имеющиеся недостатки ведут к нарушению прав и свобод, законных интересов граждан России.

Значительным ресурсом для защиты правопорядка, утверждения моделей законопослушного поведения обладают люди, имеющие юридическое образование. Однако облик современного работника правоохранительных органов далеко не всегда соответствует социальным и профессиональным требованиям, вызывая у граждан соответствующее негативное отношение. Имеющиеся научные знания в большей степени связаны с вопросами профессиональной подготовки, с технологиями вооружения курсантов ввуз специальными знаниями. В гораздо меньшей степени исследования посвящаются вопросам воспитания, формирования ценностных ориентаций, формирования гражданско-правового сознания у будущих офицеров в системе высшего профессионального образования.

Гражданственность как интегративный показатель социализации личности, его адаптационных возможностей в стремительно меняющейся реальности отражает опыт гражданско-правовой деятельности, которая включает в себя гражданско-правовые знания, умения и ценностные отношения. Такой опыт позволяет социальному субъекту высказать собственную точку зрения, выразить свое отношение к разным событиям в стране и мире и отстаивать свои мировоззренческие позиции.

Е.В. Бондаревская, С.В. Кульневич, рассуждая о целях образовательно-воспитательного процесса, указывают на необходимость реализации в нем идеи воспитания гражданина и «государственного» человека, то есть человека способного быть участником и организатором сложных общественных, социальных, экономических процессов и структур государственного, регионального, городского управления и думающего о сохранении целостности Российского государства. Рассматривая далее систему целей самовоспитания, авторы выделяют особое место осознанию себя гражданином России, призванным и способным к сохранению и приумножению славы своего Отечества и ценностей отечественной культуры. Образ гражданина России, человека культуры и нравственности, централизованного на национальные ценности, по мнению авторов, есть духовное основание и целевая установка личностно-ориентированного образования.

И.В. Суколенов отмечает, что философское, культурологическое осмысление понятия «гражданин» позволяет представить его в следующей дефиниции: гражданин – производное от гражданства – это человек, осознающий себя свободным и равноправным членом определенного сообщества, добровольно участвующий в общественной жизни страны, обладающий совокупностью прав и находящийся под защитой закона.

Гражданственность детерминирует наличие определённой гражданской позиции человека, которая определяет его активное участие во всех социально-экономических, политических и социальных изменений, происходящих в обществе. Такая позиция основана на понимании того, что каждый человек является неотъемлемой частью (мы имеем в виду ее политическую модель) своей нации, своего народа. В данном случае речь идёт о наличие у гражданина определённых национальных чувств, которые способствуют его идентификации со своим народом.

Ряд исследователей (М.Е. Вайндорф-Сысоева, В.М. Величкина, В.В. Воронов, Л.П. Крившенко, В.А. Мижериков, Г.Н. Пашкевич, В.Н. Петрова, С.С. Хапаева, Т.А. Юзефавичус и др.) рассматривают понятие «гражданина», как члена территориально-политического сообщества, государства, который имеет права и обязанности, связанные с членством в нем. Исходя из этого, гражданственно значимыми являются качества, необходимые члену государства: политическая культура, правовая культура, патриотизм и культура межнациональных отношений. По их мнению, воспитание гражданственности направлено на осознание человеком себя членом общества, представителем народа, страны, гражданином. Гражданин страны, гражданин России – это означает, что человек принимает на себя ответственность за соблюдение законов этой страны и пользуются всеми правами, предоставляемыми ее Конституцией.

И.Н. Руссу считает, что понятие «воспитание гражданственности» необходимо рассматривать через призму таких дефиниций как «гражданин» и «гражданственность». По его мнению, содержание, сущность и особенности гражданственности определяют взаимоотношения личности и общества, а в более узком понимании взаимоотношения гражданина и государства, которые включают в себя множество политических, экономических и правовых связей, находящих свое выражение в определенных правах и обязанностях гражданина. Развивая свою мысль, И.Н. Руссу определяет гражданственность как «совокуп-

ность …политических, юридических и моральных качеств и свойств личности, которые интериоризируются в личности, характеризуют ее как гражданина, обуславливая его характер, степень проявления отношений к …обществу, государству и представляют собой органическое единство».

По мнению Г.Н. Филонова гражданственность есть комплекс субъективных качеств личности, проявляющихся в деятельности и отношениях человека, выполняющего основные социально ролевые функции – осознанной законопослушности, патриотической преданности в служении Родине и защите интересов своего Отечества, в подлинно свободной и честной приверженности к ориентациям на общепринятые нормы и нравственные ценности, включая сферы труда, семейно-бытовых, межнациональных и межличностных отношений.

Проведя анализ и обобщение вышеназванных подходов к определению сущности гражданственности, мы приходим к выводу, что своеобразие феномена гражданственности проявляется в том, что оно является интегративным качеством личности, сочетающим в себе политические, нравственные, правовые, социальные качества личности.

Таким образом, под гражданственностью нами понимается интегративное качество личности курсанта военного вуза, где определяется его нравственная и правовая культура, выражающиеся в чувстве собственного достоинства, внутренняя свобода личности, дисциплинированность, уважение и доверие к другим гражданам и к государственной власти, способность выполнять свои обязанности, гармоничное сочетание патриотических, национальных и интернациональных чувств.

Как мы указывали выше, гражданственность является сложным системным образованием. Функционирование же сложных систем осуществляется на различных уровнях. Вопрос определения уровней развития личностных свойств и качеств всегда привлекал внимание педагогов и психологов (Л.И. Божович, Н.М. Борытко, О.С. Гребенюк, А.Н. Леонтьев, В.Д. Шадриков и др.).

С позиций целостного подхода к воспитанию в процессе формирования личностных свойств речь должна идти о структуре не этих процессов внутри воспитательного процесса, а его функций. В связи с этим движение процесса становления человека в воспитании рассматривается как преобразование его функциональных состояний, переход от одного функционального состояния (когда, например, стимулируется активность несложного комплекса свойств личности) к другому (когда стимулируется активность более сложного комплекса свойств личности). Эти переходы осуществляются внутри каждой воспитательной ситуации и при переходе от одной ситуации к другой, от одного этапа, стадии движения процесса к другому этапу, стадии .

В педагогике под развитием понимается устойчивая последовательность изменений качественных состояний систем, связанная с переходом к новому уровню целостности с сохранением их эволюционных возможностей. Именно эти качественные изменения в развитии и обуславливают существование уровней, каждый из которых имеет свои собственные элементы (В.С. Ильин).

Таким образом, основой для определения уровней гражданственности явилось положение о том, что «каждый из уровней… является необходимым для последующего; нижестоящие уровни до определённой степени являются условием развития вышележащего; вышележащий уровень управляет нижележащим, имманентное развитие каждого уровня не прекращается с развитием вышележащего».

Эффективная воспитательная работа по формированию гражданственности невозможна без определения научно-обоснованных критериев оценки её уровня, от правильного применения которых зависит успех процесса воспитания. В общем плане суть данной проблемы сводится к тому, чтобы выявить ту основу, применение которой к анализу деятельности курсантов давало бы возможность в каждом конкретном случае ответить на вопрос: обусловлена ли их деятельность гражданственно значимыми качествами?

В своей работе И.В. Суколенов утверждает, что гражданственность как сложное интегративное единство, может быть конкретизировано:

1. В *социально-правовом аспекте* гражданственность определяется, как достаточный уровень развития демократического сознания, принятия демократических ценностей, опыта демократических отношений, готовности к активному участию в управлении государством. Гражданственность определяет нормы, принципы социально-правового взаимодействия государства и власти с институтами гражданского общества и с отдельными его гражданами.

2. В *морально-этическом аспекте* гражданственность понимается как уровень нравственной культуры общества, оценивающий степень приближения общества к таким идеалам, как долг, ответственность, достоинство, совесть, патриотизм, гуманность, милосердие.

3. В *социально-психологическом аспекте* гражданственность – это чувство единства со страной, обществом, социальный оптимизм, любовь к Родине, решительность и стойкость в преодолении жизненных трудностей, участие в созидательном труде, ощущение социальной и национальной полноценности, терпимость.

4. В *педагогическом аспекте* гражданственность понимается как интегративный комплекс качеств личности, определяющий ее социальную направленность, готовность к достижению социально значимых и индивидуально необходимых целей в соответствии с принятыми в обществе правовыми и моральными нормами.

Поскольку гражданственность является интегративным свойством личности, тесно связанным с другими нравственными характеристиками личности, то и оценка личности курсанта высшего военного учебного заведения должна отражать всё многообразие проявлений её поведения, то есть – быть *всесторонней*.

Требование *репрезентативности* по отношению к критериям гражданственности должно проявляться в устойчивости, стабильности поведения индивида, в оценке не отдельных поступков личности, а в их совокупности в течение длительного времени.

Требования всесторонности и репрезентативности, предъявляемые к критериям гражданственности, тесно связаны и с требованием объективности оценки поведения курсанта военного вуза вне зависимости от сознания и воли людей, осуществляющих оценку. Кроме этого необходимо выделить следующие признаки, которым должны удовлетворять критерии:

– объективность, то есть возможность оценивать исследуемый признак однозначно, не допуская противоречивых толкований;

– адекватность, валидность, то есть возможность оценивать именно то, что необходимо оценить;

– нейтральность по отношению к исследуемым явлениям.

По утверждению И.В. Суколенова, критерием сформированности у учащихся гражданственности является наличие у них гражданской позиции, чувства внутренней свободы, гражданского и человеческого достоинства личности. Исследователь выделяет критерии, которые отражают важнейшие характеристики гражданского сознания учащихся и поведения их как личности. К ним относятся:

Интеллектуальный критерий – выражается в наличии у курсантов высшей военной школы глубоких и прочных знаний, умения использовать их в различных ситуациях, применять знания для анализа своего поведения и поведения окружающих людей, а также в системности, глубине, устойчивости познавательных интересов, самостоятельности суждений.

Оценочно-эмоциональный критерий – включает в себя оценочные суждения, характеризующие отношение курсантов ввуз к нравственным и духовным ценностям; устойчивость, глубину и силу эмоциональных переживаний; наличие у них сформированных общечеловеческих качеств (доброты, сочувствия, милосердия, сострадания), свидетельствующих об альтруистической направленности их личности, что обеспечивает становление у воспитанников гражданских качеств.

Мировоззренческий критерий – связан с мировоззренческими установками курсантов ввуз; самостоятельностью, степенью устойчивости суждений; способностью устанавливать связь между осознаваемой целью поступка, его мотивами и средствами достижения, критическим отношением к собственным поступкам.

Поведенческий критерий – включает разнообразные отношения личности к обществу, людям, сверстникам, к самому себе, труду, а также устойчивую систему форм поведения, по месту учебы и в социуме.

В свою очередь представляет интерес исследование О.И. Донецкой, которая в своей работе утверждает, что к критериям оценки личностных качеств можно отнести:

1. Умение проникать в сущность явлений, определять истинные мотивы в действиях политиков и социальных групп.

2. Способность к выработке своего аргументированного выбора.

3. Умение вести диалог (слушать и слышать).

4. Готовность к компромиссу.

5. Способность к самоограничению и самодисциплине.

6. Участие в общественно-политической деятельности.

7. Плюрализм политических, философских, мировоззренческих взглядов личности.

8. Умение убеждать и повести за собой.

При определении критериев, определяющих уровень сформированности гражданственности, мы будем исходить из следующих положений:

1. Гражданственность личности характеризуется знаниями (пониманием того, что является гражданственным), отношением к ним (стали ли эти знания потребностями и мотивами личности, вошли ли в систему ее ценностных ориентаций и установок) и гражданственно-значимым поведением (в какой степени эти отношения реализуются личностью в конкретных поступках и действиях).

2. В жизни человека его знания, отношения и поступки тесно связаны между собой, образуют единство, которое выражается в некоторых личностных качествах (чувство собственного достоинства, чувство долга и т.д.).

3. Наличие у курсантов высших военных учебных заведений этих качеств и проявление их в конкретной деятельности можно считать критерием сформированности гражданственности.

Наиболее объективными и реально измеримыми показателями сформированности гражданственности являются:

Первый критерий сформированности – это уровень знаний личности о сущности, содержании и средствах проявления гражданственности. Он включает следующие показатели: необходимый по объёму и содержанию понятийный аппарат; устойчивое проявление операционных умений, таких, как умение анализировать нравственную ситуацию, умение мыслить противоречиями, подбирать аргументы, обосновывать свою точку зрения.

Второй критерий – обусловленная требованиями гражданственности направленность деятельности личности. Он включает в себя: стабильность мотивов деятельности курсанта (степень сформулированности идеала гражданственности); интериоризацию требований гражданского поведения; стремление к самовоспитанию гражданственности; восприимчивость к воспитательным воздействиям.

Третий критерий – соответствие результатов деятельности личности требованиям гражданственности. К нему относятся: ценность результатов деятельности будущего офицера; инициативность его гражданской активности; адекватность эмоциональных проявлений; манера (стиль) поведения – соответствие средств и приёмов деятельности курсанта требованиям гражданского поведения.

Таким образом, каждый критерий гражданственности можно рассматривать как совокупность определённых признаков, органически взаимосвязанных между собой, взаимно дополняющих друг друга и лишь в единстве позволяющих судить об уровне развития гражданственности.

Задача выработки критериев гражданственности является достаточно сложной. Это связано со сложностью оценки нравственного облика курсанта ввуз, черты которого в той или иной мере определяют его моральную репутацию. Формирование гражданственности, как и всего комплекса качеств личности трудно поддаётся количественным измерениям. Приведённые выше взгляды различных авторов на критерии гражданственности на наш взгляд правильные и в полной мере отражают своё предназначение определять уровни сформированности данного феномена применительно к своим социумам. Трансформировав их, нами были гипотетично определены критерии гражданственности, которые, по нашему мнению, дают представление о развитии основных характеристик и всех элементов гражданственности курсантов ввуз и удобны для использования в массовой воспитательной работе.

Содержание критериев гражданственности, по нашему мнению, можно представить как сложную систему групп критериев. В основе такой классификации лежат противоречия в сферах регулятивного действия гражданственности.

Первая, интеллектуально-регулятивная группа критериев объединяет в себя те, которые характеризуют *информированность личности о сущности гражданственности как качества личности, его содержании и его проявлениях в сознании и поведении личности*. Она включает в себя следующие показатели: полноту этических знаний о содержании и сущности этого качества; глубину осознания жизненной необходимости овладения гражданскими качествами; устойчивое проявление операционных умений, таких, как умение анализировать нравственную ситуацию, подбирать аргументы, обосновывать свою точку зрения.

Вторая группа критериев – *отношение к гражданственности*. В общем плане критерии данной группы выражаются в нравственном отношении, направленном от общества к личности и зависящее главным образом от усвоения личностью норм морали: способностью считаться с общественным мнением; степенью развития чувства коллективизма, товарищеской взаимопо-

мощи и уважения других людей; уровнем моральной ответственности за положение дел в коллективе; стремлением возглавить борьбу за успешное решение задач боевой готовности, укрепления воинской дисциплины и правопорядка.

Третья группа критериев – это *операционно-поведенческая подготовленность личности*, проявляющаяся в трудовой и общественно-политической активности курсантов, выражающаяся в их действиях в повседневной жизни, в критических ситуациях, требующих морального выбора. В неё включаются: нравственная ценность результатов деятельности курсанта; инициативность его нравственной активности; адекватность эмоциональных проявлений; манера (стиль) поведения – соответствие средств и приёмов деятельности военнослужащего требованиям гражданского поведения.

Четвёртая группа критериев – это *положительная репутация в коллективе сослуживцев, среди командиров и начальников*. Она объединяет в себя: степень развития потребности в общественном признании; стремление заслужить положительную оценку окружающих; осознание положительной репутации, чувства самоуважения; наличие адекватной самооценки и позитивного отношения к себе; наличие у курсанта ввуз образа своего реального «Я».

Таким образом, проблема воспитания гражданственности у курсантов высших военных учебных заведений требует своей дальнейшей разработки и научного решения.

Библиографический список

1. *Полухин О.Н.* Идея, опыт и идеал гражданственности: философский проект. – М.: Муниципальный мир, 2003. – 364 с.

2. Психолого-педагогический словарь / Автор-составитель В.А. Мижериков. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 544 с.

3. *Бондаревская Е.В., Кульневич С.В.* Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания: Учеб. пособие для студ. сред. и высш. пед. уч. зав., слушателей ИПК и ФПК. – Ростов-на-Дону: Учитель, 1999. – 560 с.

4. *Суколенов И.В.* Теория и практика гражданского образования в общеобразовательных учреждениях России (историко-педагогические аспекты): Автореф. дисс. … д-ра пед. наук. – М., 2001. – 37 с.

5. Педагогика: Учебник / Л.П. Крившенко, М.Е. Вайндорф-Сысоева и др.; под ред. Л.П. Крившенко. – М.: ТК Велби, Проспект, 2004. – 432 с.

6. *Руссу И.Н.* Воспитание гражданственности у учащихся общеобразовательной школы. – Кишинев: Штиинца, 1976. – 192 с.

7. *Филонов Г.Н.* Гражданское воспитание: реальность и тенденции развития // Педагогика. – 1999. – №8. – С. 45–51.

8. *Борытко Н.М.* Пространство воспитания: образ бытия. – Волгоград: Перемена, 2000. – 225 с.

9. *Рейнвальд Н.И.* Психология личности. – М.: Изд-во Ун-та Дружбы народов, 1987. – С. 80.

10. *Саранов А.М.* Инновационный поиск в современной развивающейся школе: Учеб. пособие к спецкурсу. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 194.

11. *Донецкая О.И.* Воспитание политико-правовой культуры и активной гражданской позиции // Разработка модели системы воспитания в высшем учебном заведении (на опыте Казанского государственного университета). – Казань, 2001. – С. 81–86.

И.П. Попович

ВАРИАТИВНОСТЬ КАК ДИДАКТИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ ФИЗИКЕ УЧАЩИХСЯ

В Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года ставятся задачи обеспечения вариативности и свободы выбора в образовании для всех субъектов образовательного процесса, включая учащихся [1]. Одной из важнейших задач современной системы образования является ее адаптация к интересам и индивидуальным возможностям учащихся. Адаптированная образовательная система создает условия максимального развития их способностей и склонностей, удовлетворения познавательных интересов и потребностей в процессе освоения содержания школьного образования.

Общеобразовательная школа должна формировать не только целостную систему универсальных знаний, умений и навыков, но и опыт самостоятельной деятельности, личной ответственности обучающихся за качество ее осуществления, предоставляя им возможность самостоятельной ориентации в многообразии учебного материала, в способах учебной деятельности, соответствующих уровню познавательных способностей учащихся. Вовлечение учащихся в процесс выбора собственной траектории изучения физики способствует не только активизации их самостоятельной деятельности, но и развитию у них позитивной мотивации к усвоению знаний и способов деятельности, формирует ответственное отношение к учению. Современная концепция развития образования предполагает поиск новых форм и методов организации учебно-познавательной деятельности школьников, которые будут способствовать более эффективному и качественному формированию системы их знаний.

Под качеством обучения понимается интегральная характеристика образовательного процесса и его результатов, которая выражает меру их соответствия социальному заказу общества на личность выпускника общеобразовательной школы. Обеспечение качества обучения учащихся физике, на наш взгляд, может быть достигнуто через проектирование учебного материала различного уровня в соответствии с индивидуально-личностными особенностями и познавательными возможностями учащихся; представление им возможности выбора уровня обучения, посильного способа учебной деятельности. В таких ситуациях учащиеся становятся субъектом познавательной, нравственной деятельности и общения.

Для нашей работы значительный интерес представили исследования теории и практики обучения физике в средней школе, постановка и разработка проблем методики преподавания в трудах А.И. Бугаева, В.В. Завьялова, А.Н. Звягина, Н.М. Зверевой, С.Е. Каменецкого, В.П. Орехова, А.В. Усовой. Ситуации выбора как элемент вариативности в проектировании учебно-познавательной деятельности учащихся потребовали обратиться к работам по проблеме формирования педагогической культуры и мастерства формирования положительной мотивации обучающихся Е.В. Бондаревской, Т.Г. Браже, И.А. Зимней, Л.М. Фридман, Р.Х. Шакуровым.

В педагогической науке рассматривались особенности различных ситуаций, возникающих как в процессе обучения, так и в процессе общения с учащимися, разработаны различные подходы к их созданию и реализации в общеобразовательной школе [2]. Актуальность исследования определяется следующими факторами:

– социальным заказом общества на вариативность образования, подготовку специалистов, не только обладающих глубокими и прочными знаниями, но и умеющих грамотно действовать в ситуациях выбора;

– необходимостью изучения и внедрения инновационных методов совершенствования учебно-воспитательного процесса по физике в средней школе, направленных на его индивидуализацию, учет особенностей учащихся, предполагающую разработку соответствующего разноуровневого содержания, способов подачи содержания в зависимости от типов задания, разнообразия средств обучения и свободного выбора ученика своей образовательной траектории;

– современными взглядами на качество образования как универсальной социально-педагогической категории, обосновывающей актуальность формирования социальных и образовательных компетенций у подрастающего поколения в соответствии с потребностями и ожиданиями общества.

© И.П. Попович, 2006

Уровень развития рефлексии становится определяющим фактором достижения субъектом высоких результатов в обучении. Рефлексивный характер взаимодействия, в который включается школьник в процессе учебной деятельности, позволяет рассматривать свободу выбора как самоопределение учеником цели и способов личностного самосовершенствования. Выбор – это не механическая связка общественного и личностно значимого, социального и индивидуального, а определённая их организация самим школьником. Поэтому в процессе выбора в учебной деятельности выделяются компоненты, существующие объективно и вне зависимости от субъекта выбора: потребности школьника в самостоятельных действиях, предмет выбора, преобразуемый в предмет потребности школьника, способ реализации выбора, условия, в которых совершается и реализуется выбор. Субъективным компонентом является способность школьника реализовать на практике выбранный вариант – целевая программа действий. У субъекта деятельности имеется выбор дальнейшего пути. Рассмотрим компоненты целевой программы действий ученика.

Ученик встретил в своей деятельности затруднение. Затруднение заключается в активизации учения школьников по приобретению новых знаний и новых умений. У субъекта личности имеется выбор дальнейшего пути: попытка слома затруднения (уход из деятельности, можно констатировать это фразой «дети не хотят»); попытка обхода затруднения, т.е. возникает псевдодеятельность (умалчивать трудности, неудачи и констатировать деятельность по формированию надпредметных учебных умений как успешную). По нашему мнению затруднения при формировании ОУУ делятся на объективные и субъективные. К объективным относятся:

– несовершенство государственного образовательного стандарта, который включает знания и предметные учебные умения, но не учитывает уровень сформированности надпредметных учебных умений;

– учебные программы по предметам не содержит требований к формированию надпредметных учебных явлений;

– учебники и учебные пособия раскрывают теоретические знания и фактические знания, содержат задачи и упражнения по формированию специальных предметных умений, в них отсутствуют знания о формировании способов познавательной деятельности;

– не разработаны на должном уровне разработки методического и технологического характера по формированию надпредметных учебных умений;

– доминирует классно-урочная и лекционно-семинарская форма обучения, для которой оптимальной является технология объяснительно-иллюстративного обучения, нежели технологии развивающего типа.

Субъективные причины связаны с недостаточным уровнем профессиональной компетенции педагогов в работе по этой проблеме, т.е. у педагогов доминируют ценностные ориентации к формированию знаний, нежели ОУУ и СУД. Учителя не владеют в достаточной степени видами деятельности по проектированию новых норм-образцов педагогической деятельности, стереотипы деятельности по образцу тормозят инновационную деятельность.

Чтобы справиться с причинами затруднений, ученику необходимо подумать о ситуациях выбора для разрешения своих затруднений. Для этого ему необходимо вернуться в деятельность, сделать выбор, совершить проектировочную деятельность. Затем идет отработка умений и навыков и только тогда – деятельность без затруднений.

Таким образом, выбор является механизмом включения в процессы рефлексии предыдущего опыта, потенциальных возможностей, прогнозирования возможных результатов, механизмом включения в процесс самосовершенствования.

Особую значимость приобретают внутренние и внешние условия, обеспечивающие успешность выбора и его реализацию. К внешним условиям относятся:

а) педагогическая значимость альтернативного содержания для выбора и ориентации ученика;

б) возможность свободного выбора как востребованность самостоятельной личности ученика со стороны участников процесса;

в) атмосфера доверия и уважения интересов, мнений, оценок всех субъектов процесса обучения, как в ходе выбора, так и в ходе его реализации.

В качестве внутренних условий следует выделить:

а) подготовленность к свободному и ответственному выбору как желание разобраться в себе, своих мотивах, ценностях, возможностях;

б) заинтересованность в преодолении трудностей на пути реализации сделанного выбора;

в) высокая требовательность и критичность по отношению, прежде всего, к себе, постоянный самоконтроль, саморефлексия [3].

Анализ основных внутренних и внешних условий, обеспечивающих успешность выбора и его реализацию, приводит к необходимости конструирования такой образовательной модели, в которой школьник выступает субъектом, а затем творцом условий для выбора и его реализации, как для себя, так и для других участников учебного процесса. Несмотря на достаточно широкое применение практиками моделей [5], освещение их в психолого-педагогической литературе недостаточно.

Учебно-познавательная работа – процесс сложный. В нем тесно переплетаются элементы усвоения нового учебного материала и элементы применения ранее изученного, элементы усвоения методов и приемов добывания знаний и элементы применения ранее усвоенных [6]. Знания, добытые даже самостоятельным трудом, могут стать недейственными, застывшими (и в этом случае фактически ненужными), если их не применять на практике. Точно так же, методы приобретения новых знаний нуждаются в систематическом их применении. Поэтому при выборе методов и приемов обучения надо постоянно иметь в виду необходимость создания условий выбора для свободного оперирования, как фактическими знаниями, так и методами их добывания.

Решение задачи подготовки учащихся к самостоятельной работе по усвоению новых знаний затрагивает не только методику изучения материала, но и организационные формы ведения урока. Однако необходимо отдавать предпочтение методам и приемам обучения, развивающим познавательную активность школьников, в сравнении с методами, обеспечивающими лишь только передачу знаний.

Пути и средства изучения школьниками учебного материала будут различными. Какого-то единственного, эффективного универсального метода быть не может. Задача состоит в том, чтобы для изучения каждого конкретного вопроса избрать наиболее выгодный в методическом отношении источник знания и определить наиболее эффективный способ работы учащихся над ним.

Основные *принципы* проектирования и использования вариативности в обучении:

– Принцип личностного целеполагания ученика. Образование каждого учащегося происходит на основе и с учётом его личных учебных целей.

– Принцип выбора индивидуальной образовательной траектории. Ученик имеет право на осознанный и согласованный с педагогом выбор основных компонентов своего образования: смысла, целей, задач, форм и методов обучения, личностного содержания образования, системы контроля и оценки результатов.

– Принципы продуктивности обучения. Главным ориентиром обучения является личное образовательное приращение ученика, складывающееся из их внутренних и внешних образовательных продуктов учебной деятельности.

– Принцип ситуативности обучения. Образовательный процесс строится на ситуациях выбора, предполагающих самоопределение учеников и поиск их решений. Учитель сопровождает ученика в его образовательном движении.

– Принцип образовательной рефлексии. Образовательный процесс сопровождается его рефлексивным осознанием субъектами образования. Рефлексия – это не традиционное припоминание главного из урока или формирование выводов, а осознание способов деятельности, обнаружение её смысловых способностей, выявление образовательных приращений ученика или учителя. Формы образовательной рефлексии различны: устное обсуждение, письменное анкетирование, графическое изображение происходящих изменений.

Критерии эффективности форм и методов обучения.

В контексте задач интеллектуального воспитания эффективность образования должна быть связана с характером тех изменений, которые происходят под влиянием учебного процесса в самом субъекте обучения, то есть в ментальном опыте каждого конкретного ребенка. Соответственно, в качестве критерия оценки эффективности тех или иных форм и методов обучения должны выступать не только показатели сформированности знаний, умений и навыков, но и показатели готовности сделать выбор своей образовательной траектории обучения физике.

Функции учителя в условиях вариативного обучения физике.

Если основная функция учителя заключалась в трансляции общественного опыта (в виде знаний и способа познаний), то в методике проектирования и использования ситуаций выбора учитель, скорее, должен реализовать функцию проектирования хода индивидуального развития каждого конкретного ученика. Соответственно, на первый план выходят такие формы деятельности учителя, как разработка индивидуальных стратегий обучения учащихся, учебно-педагогическая

диагностика, индивидуальное консультирование, проектирование ситуаций выбора как средства повышения качества обучения физике.

Общая *характеристика* обучения.

Проблема повышения качества обучения не снята с повестки дня школьного образования. В частности, возникает вопрос: как, обучая, гарантировать ребенку возможность свободного и конструктивного саморазвития, повышения качества обучения физике.

Формируя у ребенка «систему глубоких и прочных знаний», «способность решать задачи», «научные понятия» и т.д., мы, тем самым, предопределяем границы его интеллектуальной личной свободы. Методика проектирования и организации вариативности обучения может быть представлена в ряде следующих положений:

– каждый ребенок является носителем ментального опыта;

– механизмы интеллектуального развития личности связаны ситуациями выбора, характеризующими ее перестройку и обогащение, следствием чего является рост индивидуальных способностей;

– каждый ребенок имеет свой диапазон наращивания возможностей, и задача учителя заключается в оказании ему необходимой помощи средствами индивидуализации учебной деятельности, т.е. создания ситуаций выбора в самостоятельной учебной деятельности;

– критерии эффективности учебного процесса связаны с мерой выраженности основных составляющих ситуаций выбора.

Соответственно, в рамках предлагаемой методики проектирования и организации вариативности обучения решаются две основные задачи:

– создание условий для актуализации личного опыта конкретного ребенка (наличие дифференцированного учебного материала, наличных заданий различной сложности, особенности имеющейся базы знаний и т. д.);

– создание условий для усложнения, обогащения и наращивания индивидуального опыта учащегося в максимально возможных пределах в ситуации выбора (формирования умения работать в новом режиме, стимулирование проявлений интеллектуальной активности на уровне).

Процесс преподавания превращает деятельность учителя, направленную не столько на трансляцию знаний и способов познания, сколько на выстраивание с помощью определенного учебного материала, арсенала субъективных средств учебной траектории ученика.

Таким образом, вариативное обучение физике позволяет повысить познавательный интерес учащихся, качество обучения; эффективно формировать самостоятельность учащихся, перенося ответственность за результаты обучения с деятельности учителя на деятельность ученика. Проектирование и практическая реализация вариативного обучения физике позволяет задать целостность процессу обучения, так как учащиеся вынуждены систематически формировать свою самостоятельность, осуществляя выбор содержания, форм и методов обучения. Методика проектирования и организации вариативного обучения физике, реализует соответствующее разноуровневое содержание, способы подачи содержания в зависимости от типов задания, разнообразие средств обучения и свободный выбор ученика своей образовательной траектории.

Библиографический список

1. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. – Красноярск, 2002. – 29 с.

2. *Беспалько В.П.* Слагаемые педагогической технологи. – М.: Педагогика, 1989. – 192 с.

3. *Калмыкова З.И.* Психологические принципы развивающего обучения. – М.: Знание, 1979. – 48 с.

4. *Дубенский Ю.П.* Дидактика физики: исследовательско-конструкторский подход: Учеб. пособие. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1995. – 98 с.

5. *Унт И.Э.* Индивидуализация и дифференциация обучения. – М.: Педагогика, 1990. – 192 с.

6. *Усова А.В.* Формирование учебных умений и навыков учащихся на уроках физики / А.В. Усова, А.А. Боброва. – М.: Просвещение, 1988. – 112 с.

О.Н. Орлова

ИСТОРИЯ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ РЕЛИГИИ В ЗЕМЛЕ СЕВЕРНЫЙ РЕЙН-ВЕСТФАЛИЯ (ГЕРМАНИЯ)

На рубеже XX–XXI веков произошла переоценка роли религии не только в культуре и истории России, но и в духовно-нравственном развитии человека и общества. Религия и деятельность церкви стала фактором, оказывающим активное воздействие на социальные процессы. Большая часть наших граждан – представителей православия и других традиционных в нашей стране религий, испытывают большую потребность в изучении религии. Идею изучения религии как элемента национальной культуры поддерживает и большинство нерелигиозных россиян. В настоящее время в нашей стране проводится активная работа по включению в школьное образование знаний о традиционных религиозных ценностях. Рост интереса к традиционным культурным и религиозным ценностям нашел свое выражение также в открытии новых православных учебных заведений, в создании факультетов и кафедр теологии и религиоведения в светских высших учебных заведениях.

Учитывая сложность и многогранность проблемы преподавания религии для российской системы образования, представляется целесообразным и полезным изучение опыта подготовки педагогических кадров и особенно подходов к регулированию государственно-церковных отношений в западно-европейских странах, и прежде всего в Германии как светской стране, имеющей в настоящее время сложную конфессиональную конфигурацию.

Анализ истории становления преподавания религии как равноценного школьного предмета в Германии и системы повышения квалификации учителей религии показывает, как непросто происходил этот процесс. Представляется, что изучение истории становления повышения квалификации учителей в Германии позволит более эффективно решать возникающие в нашей стране проблемы и избежать ошибок и трудностей на этом пути.

После Первой мировой войны в Германии существенно менялась организационная структура школы. Более того, события 1918 года поставили под сомнение все до сих пор имевшие значение моральные и духовные ценности. В сложившихся условиях нужно было создать плодотворный проект школьного воспитания и образования. Для этого нужна была обновленная педагогика, прочно стоящая на позициях Евангелия. Среди педагогов, занимавшихся этим вопросом, был доктор Отто Дибелиус, которого называют «пионером борьбы за Евангелистскую воспитывающую школу». Он выступил с предложением создать религиозно-педагогический институт. В 1923 году было принято совместное решении Верховного совета и генерального Синодального управления евангелистской церкви Старопрусского Союза о создании религиозно-педагогического института. Руководство церкви считало, что необходимо направить талантливых, четко осознающих задачи учителей евангелистского вероисповедания в университет для получения педагогического образования, и тем самым ввести в академический мир евангельскую педагогику, чтобы показать в целом значение и ценность евангельского образа жизни.

2 ноября 1923 г. в Берлине открылся Религиозно-педагогический институт евангелистской церкви. Руководителем института стал доктор Дибелиус, будущий епископ Берлина. Деятельность института развивалась по двум направлениям: 1) фундаментально-научное; 2) практическое, занимавшееся методикой преподавания религии. Религиозно-педагогический институт испытал в своей деятельности много проблем – от определения его научной концепции до финансовых сложностей, но он стал первым учебным заведением, чья цель состояла в подготовке учителей религии для школ.

Институт прекратил существование с приходом к власти национал-социалистов. Идеалы, которые проповедовала евангелистская педагогическая теория и практика, не отвечали запросам фашистского тоталитарного государства. Едва начавшийся диалог между церковью и школой, теологией и педагогикой прекратился, но факт существования религиозно-педагогического института имел огромное значение – были сделаны первые шаги и были получены первые практические результаты.

Следующим этапом в решении проблемы специальной подготовки учителей религии для

© О.Н. Орлова, 2006

школ стало создание в 1929 году в городе Билефельде при катехизаторском комитете религиозно-педагогической семинарии. Это учебное заведение предлагало полугодовой курс обучения, по завершении которого выпускались учителя религии.

Руководство семинарии стремилось организовать во время обучения школьно-практические мероприятия. В то же время семинария стремилась организовать свою работу так, чтобы между священниками и учителями установились доверительные отношения. Деятельность этого учреждения во многом была сходна с практической работой Религиозно-педагогического института в Берлине, о котором говорилось выше.

В 1935 году был составлен общий учебный план, цель которого заключалась в обеспечении определенного единства в распределении материала, чтобы ориентировать учителей при составлении ими личных учебных планов.

Следующим этапом в решении вопроса об участии церкви в преподавании предмета «религия» в общеобразовательной школе и подготовке учителей для этих целей стала состоявшаяся в 1945 году в конференция руководителей евангелистской церкви. С докладом выступил Эрнст Клесманн, который основательно разрабатывал вопросы школьного воспитания и обучения.

В его докладе были сформулированы 10 важных для церкви задач на тот момент. Отметим здесь лишь те, которые представляют для нас особый интерес и связаны с нашей темой:

– рабочие комитеты, включающие учителей и священников, должны быть созданы при каждой общине или каждом синоде, «…если мы хотим, чтобы между школой и церковью существовал дружеский обмен мнениями, готовность прислушиваться друг к другу»;

– следует образовать церковно-педагогические семинарии, которые глубже познакомили бы учителей, желающих преподавать религию, с вероучением церкви;

– при каждом синоде следует основать Катехизаторскую службу, которая будет заниматься упорядочением вопросов катехизации и школы;

– церковные учительские семинарии должны установить прочную связь с церковными организациями;

– школьные учебные планы по предмету «религия» должны разрабатываться и составляться с участием церкви;

– церковь должна требовать от правительства, чтобы ей разрешили знакомиться со списком учителей, которые временно допущены к работе, чтобы определить тех, кто получит разрешение от церкви.

После падения гитлеровской диктатуры шансы церкви для участия в обновлении общественной жизни и школы возросли, а вместе с этим перед церковью в новом свете встала задача коллективной ответственности вместе с государством в области педагогики. Евангелистская церковь уже имела практические наработки в этом направлении Очень важным и полезным при этом оказался опыт религиозно-педагогического института евангелистской церкви Старопрусского Союза.

В августе 1945 года снова начались занятия в народных школах Вестфалии, которые, как и все другие школы были закрыты с вступлением в страну американских войск. В это же время руководство евангелистской церкви выступило с предложениями государственным органам управления обсудить ряд вопросов, касающихся преподавания предмета «религия» в школе. Церковное руководство предложило, чтобы предмет «Религия» стал равноправным учебным предметом в школьном расписании, чтобы уроки религии в образовательных учреждениях всех типов и уровней могли вести только учителя, имеющие церковное разрешение (допуск), что уроки религии могли бы преподавать также катехизаторы или духовные лица. При этом церковь предлагала осуществлять контроль преподавания религии в школах.

Одновременно в общины евангелистской церкви был разослан циркуляр Катехизаторской службы, в котором говорилось об устных договоренностях руководства евангелистской и католической церквей с представителями государства о том, что для получения разрешения от церкви учителя должны пройти переподготовку. Эти договоренности можно рассматривать в качестве начала возникновения системы повышения квалификации учителей религии в Земле Северный Рейн-Вестфалия.

Церковь предложила организовать церковно-педагогическую семинарию, подготавливающую учителей религии. Первоначально планировалось проведение двухнедельных курсов с привлечением доцентов теологической школы и священников. Курс был рассчитан на 30 участников.

Была выдвинута инициатива – основать при каждом церковном округе Катехизаторскую службу, которая в числе других своих обязаннос-

тей будет отвечать за организацию и деятельность рабочего сообщества священников и учителей, возможно, это будет комитет «Церковь и школа». Каждый учитель, который преподает религию, должен привлекаться к работе такого комитета. Это служило бы поддержкой связи между членами рабочих сообществ и сделало бы возможным дружественный обмен мнениями и помогло бы устранить старые предрассудки.

Другая инициатива касалась семьи. Предлагалось родителей евангелистского вероисповедания созывать на собрания с целью разъяснения им политики государства и церкви относительно школьного обучения религии, чтобы родители и дети общались с учителями и представителями церкви и высказывали свое мнение.

Таким образом, определялась важная роль Катехизаторской службы в области школьного воспитания, образования и преподавания религии: программа работы Катехизаторской службы, ее задачи в переквалификации или повышении квалификации учителей.

Инициативы 1945 года и в настоящее время являются одной из сторон деятельности педагогических институтов. Катехизаторские службы при некоторых общинах позднее были преобразованы в школьные комитеты. Ни тогда, ни в настоящее время контакт между церковью и школой не терял значения. От этих связей обе стороны получают только пользу. И церковь и школа хорошо понимали уже тогда, что родители учащихся не должны быть только зрителями в процессе школьного воспитания и образования детей. Они должны вместе с учителями и учащимися сплотиться в единый коллектив и принимать активное участие в жизни школы.

Работая над концепцией Евангельского наставления, теологи и педагоги старались объединить теорию с практикой. В процессе создания концепции предмета деятельное участие принимала, прежде всего, церковь, привлекая к практическим разработкам опытных учителей и, благодаря этому сотрудничеству, постепенно оформлялось религиозно-дидактическое содержание предмета.

В 1953 году церковное руководство и Земельный Синод создали несколько служб, центров и семинаров (семинар проповедников, гомилетико-катехизаторский центр, курсы по подготовке учителей и пасторский колледж как помощь для священнослужителей). Пасторский колледж организовывал выступления докладчиков и дискуссии по всем аспектам церковной и общественной жизни, обмен опытом по вопросам деятельности евангелистской церковной общины. Приветствовалась любая возможность по проведению совместных докладов, вечеров-диспутов или просто встреч священнослужителей и учителей. Все организовывалось в тесном содружестве пасторского колледжа и катехизаторских курсов. Была высказана мысль о том, что к задачам выше упомянутого гомилетико-катехизаторского центра, следует отнести подробное разъяснение содержания библейских посланий широким кругам верующих таким образом, чтобы они стали частью жизнедеятельности людей.

Таким образом, с 1953 года первой и основной задачей Катехизаторской службы считается повышение квалификации учителей. Примечательно то, что совместная деятельность Катехизаторской службы и школы регулировалась в служебном руководстве. Чтобы гарантировать «необходимое сотрудничество» без трений, было предложено разграничение необходимых аспектов деятельности Земельной церковной службы и Катехизаторской службы. Впервые было четко указано, что Земельная церковная служба по определенным вопросам имела приоритет относительно Катехизаторской службы.

Осенью 1962 года на заседании Земельного синода обсуждался вопрос об ответственности церкви за воспитание и преподавание. Синод распространил по этому поводу рекомендации по дальнейшему улучшению сотрудничества церковных общин с родителями и школой. Тогда же Катехизаторская служба получила новый устав и одновременно новое название: «Педагогический институт Евангелистской церкви Вестфалии».

Катехизаторские курсы для получения права преподавать религию в народных школах еще долгое время действовали как мероприятия по дальнейшему совершенствованию образования. Как правило, кандидат на учительскую службу одновременно со своим первым экзаменом на должность учителя приобретал право на преподавание религии. Но здесь возникали некоторые проблемы. Многочисленные студенты покидали педагогические академии без экзамена на право преподавания религии. Большинство из них немного позже приходит к мнению, что они пропустили что-то существенное, и обращаются к курсам усовершенствования.

Далее Катехизаторская служба предложила факультативные курсы для учителей народных школ. В ноябре 1962 года был выпущен указ министерства образования, что каждый доцент-преподаватель религии Педагогического вуза должен вести такие факультативные курсы и принимать заключительные экзамены по предмету «религия».

Вестфальские гимназии в 1961году получили 330 учителей религии с высшим образованием. Сюда следует отнести 160 работавших в школах пасторов, викариев и преподавателей катехизиса, а также 35 заново подготовленных учителей.

В 1961 году Катехизаторская служба в одном из докладов отметила «скачок в росте реальной школы». Не хватало учителей религии и в этой форме школ. Чтобы помочь исправить положение, были предложены спецкурсы учителей религии в реальных школах. Они состояли (как и на курсах для учителей народных школ) из начального и заключительного курса общей продолжительностью в 24 дня. К этим курсам были допущены учителя реальных школ, имеющие право преподавать в народных школах.

В 1962 году церковное руководство одобрило учебный план по религии для гимназий. В 1963 году появился с изменениями и дополнениями новый выпуск учебного плана по религии в народных школах. В подготовке нового руководства и учебных планов участвовал министр образования.

С началом преподавания религии в профессиональных школах была открыта новая глава в преподавании религии в открытых школах. Государство, как и церковь, вступало здесь в определенном смысле на целину. Для этого вида школ не было учителей религии, подготовленных в государственных педагогических учебных заведениях, отсутствовали также учебные планы и учебники. Практический опыт преподавания религии в профессиональных школах еще только надо было приобретать. Церковь творчески подошла к этому вопросу. Учитывая создавшуюся ситуацию, церковь соглашение с министром образования, суть которого состояла в следующем: в тех случаях, когда преподавание религии ведется не учителями религии, то церковь берет на себя преподавание и направляет своих преподавателей, т.е. священнослужителей. Несмотря на это, количество вакансий так и не удалось сократить полностью. В общеобразовательных школах в дальнейшем закрепилось это явление – подключение церковных преподавательских сил. Но чаще всего это практиковалось в начальных школах в областях, в которых евангелистские христиане представляли меньшинство среди католиков.

Краткий исторический экскурс развития повышения квалификации учителей религии в Германии показывает, как много проблем пришлось решить, чтобы создать систему повышения квалификации, оснащенную учебно-методическими материалами, способную осуществлять большую работу по подготовке преподавательских кадров. Заслуживает внимания, что эта работа осуществлялась в тесном взаимодействии школы и церкви. Также представляется продуктивным, что церковным деятелям были предоставлены достаточно широкие полномочия в деле работы с учителями – они не только участвовали в подготовке учебно-методических материалов, но и осуществляли педагогическую деятельность с учителями учебных заведений всех видов и типов. Более того, церкви было предоставлено право направлять священников для работы в школу в условиях кадрового дефицита учителей религии.

В заключение хочется сделать вывод, что только творческое и открытое взаимодействие различных общественных сил способно положительно разрешить сложные проблемы, порожденные тоталитаризмом.

К.Ю. Смирнова

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕТСКОГО ДОМА

Обновление содержания образования, связанное с переосмыслением его цели и результатов не могло не сказаться на такой категории детей как дети-сироты. Переориентация оценки результата образования с понятий «подготовленность», «образованность», «воспитанность» на понятия «компетенция», «компетентность» происходит и в рамках воспитательной системы детского дома [1; 6, с. 34]. Современный детский дом представляет собой образовательное учреждение, специально созданное для решения задач социального воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. Общество заинтересовано в том, чтобы выпускники детских домов были готовы самостоятельно решать проблемы, возникающие на их жизненном пути.

Для адекватного вхождения детского дома в социум должна проводиться специальная педагогическая работа, обеспечивающая овладение ребенком комплексом ролей. В педагогической практике не используется в полной мере коммуникация как фактор, влияющий на подготовку детей-сирот к системе социальных отношений.

В связи с этим необходим поиск таких педагогических средств, при использовании которых возможно было бы сформировать коммуникативную компетентность у детей-сирот, научить их эффективно взаимодействовать с окружающим миром, людьми и адекватно социально развиваться.

Таким образом, формирование коммуникативной компетентности у детей-сирот является необходимым условием успешной социализации личности. Решение данной проблемы имеет важное значение для каждого человека, а особенно для ребенка-сироты. Это обусловлено особенностями формирования коммуникативной компетентности у данной категории детей [5]: неумением общаться с людьми, трудностями установления контактов, отчужденностью и недоверием к людям; неуверенностью в себе, низкой самооценкой, отсутствием постоянных друзей и поддержки с их стороны, тревожностью; несформированностью эмоционально-волевой сферы, отсутствием целеустремленности; низкой социальной активностью, желанием быть незаметным, не привлекать к себе внимания.

Поэтому основная задача сегодняшнего педагогического образования состоит в оказании помощи ребенку-сироте в развитии у него самопонимания, самосовершенствования; в ориентации его на осознание уникальности и неповторимости каждого человека, ценность общения. И если сущность воспитания, в русле современных гуманистических тенденций, понимается как взаимодействие, сотрудничество, диалог педагога и воспитанника, то основной путь такого воспитания, его главное средство и необходимое условие – это процесс интенсивного и полноценного общения.

В связи с этим коммуникативная компетентность выступает как одна из наиболее значимых характеристик, а развитие этой компетентности – как первоочередная задача воспитания и образования.

Формирование коммуникативной компетентности у детей-сирот происходит в большинстве случаев стихийно. Наиболее слабым аспектом в общей характеристике социально-личностного развития выпускников детских домов является их недостаточная личностная готовность к процессам взаимодействия с людьми.

Как уже говорилось выше, у детей-сирот отмечен низкий уровень развития коммуникативных умений, что вызвано не только несформированностью у них необходимых ценностных ориентаций, личностных качеств, знаний и навыков, обусловленной не только нарушениями психофизического и интеллектуального развития, но и отсутствием или недостаточностью соответствующей работы воспитателя, социального педагога, психолога образовательного учреждения [5].

В качестве основных направлений работы по формированию коммуникативной компетентности у детей-сирот можно выделить следующие: развитие самооценки; развитие образа «Я» и образа окружающего мира; развитие установки и отношения к себе как полноценному человеку; создание пространства (как межличностного, так и профессионального) для реализации такой установки и отношения [3; 4].

Очевидно, что эта деятельность будет эффективна в том случае, когда она осуществляется во

© К.Ю. Смирнова, 2006

взаимодействии со всеми службами и направлениями работы образовательного учреждения. В целях предупреждения затруднений в сфере взаимодействия формирование и развитие коммуникативной компетентности должно стать целенаправленным и специально организованным.

В заключение отметим основные идеи, которые в современных условиях позволяют определить пути совершенствования воспитательной работы по формированию у детей-сирот компетентности в общении:

– *идея взаимодействия социальных институтов в организации воспитательной работы,* направленного на развитие сущностных сфер человека, характеризующих образ его жизнедеятельности, целостность, гармоничность индивидуальности, свободу и разносторонность человека, его счастье и самочувствие среди людей;

– *идея социальных проб,* т.е. создание условий для самооценки воспитанниками своих возможностей на основе последовательного выбора способов поведения в процессе освоения различных социальных ролей. Социальные пробы охватывают все сферы жизни человека и большинство его общественных связей. В процессе включения в эти сферы у детей формируется определенная социальная позиция и социальная ответственность, которые и являются основой для их дальнейшего вхождения в социальную среду [3];

– *идея интеграции воспитательных воздействий,* предполагающая создание воспитательных систем, обеспечивающих целостность педагогического влияния на ребенка во всех видах его деятельности;

– *идея педагогического регулирования социального взаимодействия,* означающая непосредственное и опосредованное влияние педагогов на систему отношений детей в социальной микросреде как в образовательном учреждении, так и вне его. Это влияние направлено на реализацию личностно значимых целей в совместной деятельности и освоение учащимися системы социальных ролей, способов поведения с учетом их возрастной субкультуры.

Библиографический список

1. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. – М., 2002.

2. Концепция региональных подходов к организации воспитательной работы в Ярославской области. – Ярославль, 1995. – 43 с.

3. *Рожков М.И.* Социальные пробы как фактор социализации учащихся // Ярославский педагогический вестник. – 1994. – №1.

4. *Рожков М.И., Байбородова Л.В.* Теория и методика воспитания: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. – 384 с.

5. Создание механизма и условий для успешной социальной, профессиональной и личной адаптации детей, воспитывающихся в условиях детского дома и в первый год по его окончанию. Научный отчет / Сост. Н.В. Клюева, В.В. Козлов. – Ярославль, 2004. – 163 с.

6. Стратегия модернизации содержания общего образования. Материалы для разработки документов по обновлению общего образования. – М., 2001.

А.А. Харчев

ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ РАБОТЫ ПЕДАГОГА-МУЗЫКАНТА С УЧАЩИМИСЯ В КЛАССЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ИНСТРУМЕНТА

Исследование особенности музыкально-педагогической работы показало сложность и многогранность изучаемого вопроса в музыкальном образовании. Следует отметить высокий исполнительский уровень российской музыкальной школы, но особую актуальность приобретает необходимость усиления педагогической составляющей в работе педагога со студентами. Поэтому для обоснования статуса педагога-музыканта, обучающего игре на музыкальном инструменте, необходимо более глубокое изучение его индивидуальной работы с учащимися.

Рассмотрим понятие индивидуальной работы с точки зрения общей педагогики и общеобразовательной школы, и музыкальной педагогики и процесса обучения на музыкальном инструменте.

В педагогической литературе дается классификация форм работы в зависимости от того, сколько учеников участвует в данном педагогическом процессе.

© А.А. Харчев, 2006

Так например, Н.И. Болдырев дает следующую классификацию форм воспитательной работы: «…в зависимости от того, как организованы учащиеся: участвуют ли в воспитательном процессе весь класс, небольшие группы учащихся или отдельные ученики. С учетом этого раскрываются такие формы: фронтальная или массовая, групповая, или кружковая и индивидуальная» [1, с. 79].

При этом индивидуальная работа с учащимися в общеобразовательной школе рассматривается как один из видов деятельности классного руководителя. Точнее сказать способ улучшения работы всего класса, путем подтягивания слабых учеников с помощью индивидуальной работы.

Так же на современном этапе развития образования стали обращать внимание и на индивидуальную работу в школе с одаренными в той или иной области знаний учащимися.

Каким образом строится педагогическая работа в музыкальной школе, или школе искусств. В типовом положении «об образовательном учреждении дополнительного образования детей» раскрывается сущность работы данных учреждений: «основное предназначение которых – развитие мотивации личности к познанию и творчеству, реализация дополнительных образовательных программ и услуг в интересах личности, общества, государства (Пр. Мин. Культ. № 500, 1997 г.)» [2, с. 5].

Формы работы в музыкальной школе, так же как и в общей педагогике делятся в зависимости от количества учащихся: фронтальная, групповая и индивидуальная. Но в основу данного вида деятельности педагога берётся не весь класс, а конкретный ученик, хотя понятие класса под руководством педагога сохраняется, но в весьма модифицированной форме.

«В условиях ДМШ, где основная форма работы – индивидуальное обучение в классе специальности, ответственным за воспитание учащихся в первую очередь является педагог по специальности. Однако индивидуальные занятия не имеют в то же время целого ряда возможностей воздействия педагога на ученика, доступных при коллективных занятиях, где сила коллектива активно сказывается через соревнование, критику, оценку достижений учеников своими товарищами» [2, с. 23].

Очень точно, на наш взгляд, определил особенность индивидуальной работы в классе музыкального инструмента П.А. Хазов:

«Индивидуальное обучение предполагает умение преподавателя устанавливать оптимальные межличностные отношения и взаимопонимание с каждым отдельно взятым учеником» [3, с. 8].

Основная цель индивидуальной работе в классе музыкального инструмента – это творческое развитие личности каждого ученика, не зависимо от способностей и уровня одарённости, через художественную среду музыки.

В современной педагогической науке выдвинуты ряд принципов, которые способствуют более качественному усвоению знаний и умственному развитию учащегося. На данные принципы педагоги опираются и в условиях индивидуальной работы в классе музыкального инструмента: «Принцип систематического и последовательного обучения; принцип сознательного усвоения знаний; принцип прочного усвоения знаний; принцип доступности обучения; принцип наглядности обучения; принцип индивидуального подхода и принцип активности» [2, с. 26–30].

В нашей статье нам хотелось провести сравнительный анализ индивидуальной педагогической работы в общей и музыкальной педагогике, и показать важные отличительные моменты индивидуальной работы музыканта-педагога. Проведённая работа свидетельствуют о том, что при наличии у студентов потребностей и личностных качеств, необходимых будущему педагогу-музыканту для успешной реализации музыкально-педагогических задач в учреждениях дополнительного образования важно более точно определить особенности индивидуальной работы педагога-музыканта с учащимися.

Библиографический список

1. *Болдырев Н.И.* Методика воспитательной работы в школе. – М., 1981.

2. *Крюкова В.В.* Музыкальная педагогика. – Ростов-на-Дону, 2002.

3. *Хазанов П.А.* Оптимизация межличностных отношений и взаимодействий в системе «учитель – ученик»: Автореф. дис. … д-ра пед. наук. – М., 2006.

ФИЛОЛОГИЯ

Е.М. Болдырева

LES SIGNES DE LA MÉMOIRE: «ВЕЩНЫЕ» ЭКВИВАЛЕНТЫ ПАМЯТИ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ДРУГИЕ БЕРЕГА»

«Чистый ритм Мнемозины», «сладчайшее содрогание Мнемозины», «воля и закон Мнемозины», «Speak, Memory» (В.Набоков «Другие берега»), «вспоминается мне», «помню, бывало», «а еще помню я» (И. Бунин «Жизнь Арсеньева») «память уверяет меня», «картина памяти», «альбом памяти» (М. Осоргин «Времена»), «память начинается позже» «вышло из моей памяти», «из моей «чудовищной памяти», «узлы и закруты памяти» (А. Ремизов «Подстриженными глазами») – этот устойчивый комплекс словесных формул, своего рода «автобиографических фигур», есть манифестация категории памяти как интегрального концепта автобиографического романа. Но память является не только духовным феноменом и особым качеством мировосприятия автобиографического субъекта – она оказывается «объективированной», материализованной в разнообразных. *les signes de la mémoire* – знаках памяти, ее «вещных» эквивалентах, которые могут быть представлены в тексте автобиографического романа в разных модусах. Вещь, предметная реалия часто выступает как катализатор воспоминания. Вещь оказывается средством связи разных реальностей: прошлой и настоящей, досознательной и сознательной, общеисторической и индивидуально-субъективной. Наконец, наибольший интерес представляет рассмотрение предметных описаний как манифестации автобиографической дискурсивной стратегии автора. Дело в том, что в каждом автобиографическом романе мы обнаруживаем множество описаний – природных объектов, предметов камерного быта, действий автобиографического героя-повествователя, акустических картин и т.д., которые, повторяясь, аккумулируют в себе авторскую концепцию памяти, соотношения памяти и реальности, памяти и искусства и в конечном итоге метафорически эксплицируют принципы построения собственного автобиографического дискурса. Механизм работы памяти оказывается своего рода порождающей моделью, по аналогии с которой выстраиваются многие описания, становится некой метаконструкцией, лежащей в основе многих автобиографических событий. Таким образом, вещные эквиваленты памяти, – возникающие в автобиографическом тексте конкретные образы, эксплицирующие механизмы работы памяти и представляющие собой материализованный эквивалент архитектоники автобиографического дискурса.

В романе В. Набокова «Другие берега» представлены многочисленные вещные эквиваленты памяти. Прежде всего, это описания разнообразных оптических эффектов и приборов. Луч, направленный поток света, задает широкую парадигму эквивалентностей: свет заливает память автобиографического героя, «луч моей судьбы» (*Набоков В.* Другие берега // Набоков В. Собрание соч. В 4 т. – Т. 4. – С. 258. Все последующие цитаты даются по этому изданию под сокращением ДБ) сосредотачивается на темной голове Тамары, герой вспоминает, как едет на велосипеде во мраке, зарядив «велосипедный фонарь магическими кусками карбида» (ДБ, 260), и этот луч велосипедного фонаря, подобно лучу памяти, озаряет светом, выхватывает из темноты разные объекты реальности: «шатким призраком мой бедный луч вспрыгивал на глинистый скат у поворота и опять нащупывал дорогу» (ДБ, 260). Набокова привлекает сам момент перехода, слома, пересечения границы: «Классная разрисована ломаными лучами солнца» (ДБ, 174). Практически все антиципации возникают через особые предметы, сущность которых – грани, сломы, схождения плоскостей, преломляющая призма (рубиновые оптические стигматы, алмазы, перстень, цветные стекла в ванной комнате, ручка с хрусталиком): «…мать… кладет… маленькую белую руку с перстнем, украшенным алмазом и розовым рубином, в прозрачных гранях которых, кабы зорче тогда гляделось мне в них, я мог бы различить ряд комнат, людей, огни, дождь, площадь – целую эру эмигрантской жизни, которую предстояло прожить на деньги, вырученные за

© Е.М. Болдырева, 2006

это кольцо» (ДБ, 175). Чтобы возникло прозрение, необходим особый оптический объект – сечение, грани, отражательная способность предмета, катализатор многих воспоминаний – это преломление какого-либо луча через призму: «Летний день, проходя через ромбы и квадраты цветных стекол, ложится драгоценной росписью по беленым подоконникам» (ДБ, 191), «…вырезанную пенковую ручку с хрусталиком, вставленным в микроскопическое оконце на противоположном от пера конце. Если один глаз зажмурить, а другой приложить к хрусталику…, то можно было увидеть в это волшебное отверстие цветную фотографию залива и скалы» (ДБ, 222). Повествователь испытывает особую страсть к оптическим эффектам, которые заслоняют и события, и людей из прошлого: Колетт растворяется «в тонких тенях, падающих на парковый гравий» (ДБ, 222), узор на ее чулках напоминает радужную спираль внутри стеклянного шарика, проплывающий за окном пейзаж кажется волшебным сказочным миром сквозь стекло вагона. Отсюда и постоянная оптическая рефлексия повествователя, понимающего, что память, по сути, есть оптический эффект, иллюзия («сколько я мог различить», «если бы я зорче вглядывался»). Интегральным оптическим устройством, аккумулирующим в себе принцип автобиографического видения, становится в романе фонарь: так, герой из разных окон фонаря (особого навесного выступа) наблюдает то за уличной перестрелкой, то за падением снега или извозчичьими санями, как бы следуя заветам замятинского синтетизма и подходя к миру со сложным набором стекол, чтобы ему открылось множество миров. Еще один пример материализации автобиографического механизма – движение героя вслед за санями гувернантки вдоль линии фонарей: «Мимолетом, благодаря свету провожающего нас фонаря, чудовищно преувеличенная тень… несется в обгон по сугробу, затем обгоняется вторичной тенью, там, где перенимает санки другой, последний фонарь, и все исчезает» (ДБ, 186–187). Автобиографическая память создает, по сути, такой же эффект, когда одна тень догоняет и поглощает другую, а эстафета продуцирования тени переходит от одного источника к другому. Автобиографическая модель Набокова – это не моно-, а стереоскопический эффект, когда меняют друг друга первичные и вторичные тени и ряд фонарей, вдоль которого движется жизнь, продуцирует множество разных реальностей, «призраки кораблей» и «переменчивые огни», множество разных ракурсов жизни, вытесняющих друг друга: то семейная родословная, то калейдоскоп синестетических образов, то реестр гувернеров, то нумерологическое таинство возраста (как правило, именно начало каждой новой главы и является маркером «смены источника света»). Конкретно-образным аналогом волшебно-преобразующей силы памяти становится наблюдение героем трансформации обычного мира через разные стекла («эти цветные стекла, эта прозрачная арлекинада» – ДБ, 192). Именно «преломляющие предметы» вызывают «сладчайшее содрогание Мнемозины» (ДБ, 222), и важнейшим оптическим объектом, своего рода порождающей моделью памяти становится в «Других берегах» волшебный фонарь, не случайно первое упоминание о нем помещено в сильную текстовую позицию – начало восьмой главы: «Сейчас тут будут показывать волшебный фонарь» (ДБ, 223). Волшебный фонарь как генератор оптических событий и эквивалент памяти материализует различные свойства памяти в оптических образах: игра света и тени (лейтмотив «Других берегов») как переплетение ясных и смутных воспоминаний, растворение, таяние воспоминаний под воздействием времени, кинематографичность композиции (логика памяти – чередование картин в волшебном фонаре), актуализация соотношения внутреннего и внешнего движения (на экране и действия того, кто демонстрирует картины), преломление реальности в стеклянной призме. Но разница между волшебным фонарем и памятью заключается в том, что фонарь – это набор меняющихся, но статичных картин («Монастырь послушно появился на простыне и застыл там в красочном, но тупом оцепенении» – ДБ, 231), а память – это динамический процесс. Повествователю более ценна стеклянная пластинка для фонаря, нежели ее проекция на экране («убожество, аляповатость, желатиновую несъедобность в зрительном плане этих картин на мокром полотне» – ДБ, 233), миниатюрный порождающий объект, а не искаженное подобие. Мифологема «утраченного рая» у Набокова материализуется: память – это «карманный рай», «прозрачная миниатюра» (ДБ, 233). Оптимальные условия для воспоминания – это «таинственная оптическая тишина» (ДБ, 233), которая позволяет отсортировать воспоминания, «проникнутые тихим светом чистейших

красок» (ДБ, 233), и их «несъедобные» подобия. Амбивалентность мнемонической оптики заключается в том, что благодаря ей мелкие объекты увеличиваются («гораздо позже я вновь открыл ту же отчетливую и молчаливую красоту на круглом сияющем дне волшебной шахты – лабораторного микроскопа» – ДБ, 233), а крупные – уменьшаются («Арарат на стеклянной пластинке уменьшением своим разжигал воображение» – ДБ, 233). И задача художника – найти точку синтеза этих противоположно направленных процессов, синтез «холодного изучения» микроскопа и вдохновенной фантазии, объективного знания и творческого воображения, и этой точкой оказывается искусство и память: «Мне думается, что в гамме мировых мер есть такая точка, где переходят одно в другое воображение и знание, точка, которая достигается уменьшением крупных вещей и увеличением малых: точка искусства» (ДБ, 233). Поэтому, воссоздавая особенно важные воспоминания, повествователь эксплицирует оба этих процесса – уменьшения и увеличения, обнажает свое двойное оптическое устройство памяти и искусства: «…под движущейся легендарной листвой лип, дубов и кленов, одновременно увеличенных до живописных размеров и уменьшенных до вместимости одного сердца» (ДБ, 236).

Появление воспоминания в «Других берегах» постоянно уподобляется настройке объектива, оно не возникает вдруг, внезапно, не вызывается мгновенно (наподобие бунинского «а еще помню я»), а требует тщательной подготовки, долгих предварительных манипуляций, вытягивания или распутывания нити: сначала при условии хорошего разрешения («при громком ликующем разрешении собранных звуков» – ДБ, 236) возникает лишь «солнечная пятнистость», но затем «в проясняющемся фокусе» появляется «праздничный стол, накрытый в аллее» (ДБ, 236). Набокова привлекает не столько воспоминания, сколько сам процесс их порождения, продуцирования, память – не результат, а процесс, если воспользоваться гумбольтовской аналогией, не эргон, а энергейя, беспрерывно возобновляющаяся работа сознания, воображения и интуиции. Воспоминание проступает постепенно (как страница в Интернете), это не цельный комплекс синхронно возникающих ощущений, а последовательное «включение» разных каналов: сначала «двигаются беззвучные уста», затем крупным планом подаются разнообразные подробности (синий блеск тарелок, голая рука девочки), затем «краски находят себе очертания», предметы обретают границы и «очертания приходят в движение», статичный образ становится динамичным и, наконец «точно по включению волшебного тока, врываются звуки» (ДБ,236) и образ достигает своей завершенности и совершенства: «…она (Тамара) как бы зародилась среди пятен этих акварельных деревьев с беззвучной внезапностью и совершенством мифологического воплощения» (ДБ, 258). Этот мотив постепенного проступания (узора, рисунка, картины – воспоминания), модель проявляющейся фотографии становится в автобиографическом дискурсе Набокова одним из порождающих композиционных механизмов.

Еще один вещный образ, эксплицирующий принцип композиции автобиографического текста Набокова, – описание падающего в воду листа, встречающегося со своим отражением: «Порою лепесток, роняемый цветущим деревом, медленно падал, и со странным чувством… я старался схватить взглядом отражение этого лепестка, которое значительно быстрее, чем он падал, поднималось к нему навстречу; и было страшно, что фокус не выйдет, что благословленное жрецами масло не загорится, что отражение промахнется, и лепесток без него поплывет по течению; но всякий раз очарованное соединение удавалось – с точностью слов поэта, которые встречают на полпути его или читательское воспоминание» (ДБ, 281). Работа памяти представляет собой одновременное движение навстречу друг другу событий прошлого и их отражения, воспоминаний. Порой отражение движется быстрее, темпоритм памяти становится более интенсивным, но всегда происходит встреча и вспыхивание «жертвенного огня». Автобиографический дискурс Набокова и запечатлевает эти встречи, фокусы, соединения, вспышки, возникающие в результате одновременного и противоположно направленного движения событийного и мемориального каналов. В начале романа одновременно запускаются оба механизма (движение вперед линии жизни и реверсивный ход памяти), но это движение осуществляется по принципу не постоянного, а переменного тока (не случайно часто встречающиеся словесные формулы «включаю ток»). Это не постепенное движение, а прохождение всего пути сразу, мгновенно (скорость тока равна скорости света) и бесконечное множество раз, это пульсация и беспрерывная смена

полюсов с минуса на плюс и обратно, определяемая поворотом порождающего механизма, поскольку объективная реальность и субъективная проекция памяти взаимообратимы, меняются местами, разрушая границу между первичностью и вторичностью. Работа памяти у Набокова аналогична работе генератора переменного тока, а порождение воспоминаний – эффекту короткого замыкания, когда напряжение – линейная жизнь, реальная фабула – резко падает, а сила тока – памяти – резко возрастает. Таким образом, когда сила памяти чрезмерно высока, а событийное движение стремится к нулю, и возникают воспоминания.

Следующей альтернативной автобиографическому дискурсу Набокова системой, а точнее, еще одной его дискурсивной стратегией, основанной на единой концепции искусства, становятся шахматы (не шахматная игра, а составление и решение шахматных задач). Автобиографический акт, как и шахматная задача, в высшем смысле нефункционален и самодостаточен: в противовес шарику теннисиста, цель которого – разгромить противника, это шарик жонглера, создающего «в воздухе свой хрупкий художественный космос», «изящная и причудливая головоломка» (ДБ, 289). Набоков констатирует особую природу шахматно-художественного вдохновения – «сборного музыкально-математического типа» (ДБ, 289), «ясное ледяное безумие». В конечном итоге составление шахматных задач оказывается эквивалентом автобиографического акта, когда «умственное напряжение доходит до бредовой крайности; понятие времени выпадает из сознания…, постепенно доска становится магнитным полем, звездным небом, сложным и точным прибором, системой нажимов и вспышек» (ДБ, 290), а автор испытывает «физическую усладу» оттого, что «все сошлось». Дифференцируя отгадчиков шахматных задач на простаков, умников и мудрецов, Набоков определяет настоящего писателя как «изощренного мудреца» (ДБ, 291), который как бы сознательно не увидит сначала кратчайшего и простого пути решения, пройдет через множество путаных ходов, получит «удовольствие от текста», и только потом реализует самый простой и правильный ход: «Умник, пройдя через этот адский лабиринт, становился мудрецом и только тогда добирался до простого ключа задачи, вроде того, как если бы кто искал кратчайший путь из Питтсбурга в Нью-Йорк и был шутником послан туда через Канзас, Калифорнию, Азию, Северную Африку и Азорские острова. Интересные дорожные впечатления, веллингтонии, тигры, гонги, всякие красочные местные обычаи… с лихвой возмещают постаревшему путешественнику досаду и, после всех приключений, простой ключ доставляет мудрецу художественное удовольствие» (ДБ, 291–292). Точно так же кратчайший путь, логика личной судьбы будет понята и осознана как чудо и волшебство только тогда, когда будет совершено «кругосветное путешествие» во времени. Линейный ход личного времени примитивен и прост, но он сакрализуется тогда, когда будет совершен автобиографический акт – «лже-нить Ариадны», «дьявольский обман» – и простота будет осознана как высшее совершенство. Не случайно вещным эквивалентом работы памяти становятся так любимые автобиографическим героем головоломки (по сути, современные пазлы), когда из множества кусочков складывается вдруг картина, та или иная деталь «удивительно ладно восполняет пробел» (ДБ, 151), доставляя герою «какое-то и отвлеченное и осязательное удовольствие» (ДБ, 151). Это одна из наиболее ценных автобиографических эмоций – когда «все сходится»: и головоломка, и шахматная задача, и «узор судьбы».

Доминирующую роль в романе, несомненно, играют различные энтомологические эквиваленты памяти: «Влетевший шмель, как шар на резинке, ударяется во все лепные углы потолка и удачно отскакивает обратно в окно» (ДБ, 173), прочерчивая траекторию движения памяти: из начальной «точки исхода» – в разные сферы и обратно – в «идеально черную вечность». Само собой разумеется, что интегральным энтомологическим образом автобиографического дискурса Набокова становится бабочка. Бабочка является своеобразной метафорой памяти, а триада бабочки – солнце – память сцепляют разнородные и разнокачественные эпизоды в единый узор («есть солнце – будут и бабочки» – ДБ, 201; «по густоте солнечного света, тотчас заливающего мою память» – ДБ, 136). Не случайно и название излюбленных повествователем бабочек – «черные аполлоны» (Parnassius mnemosyne). Бабочка Мнемозина (другое название – черный аполлон) с полупрозрачными крыльями, на которых проступает рисунок серых узоров, подобно тому, как в памяти автобиографического повествователя постепенно проступают те или иные карти-

ны. Бабочка – синтез искусства и памяти (в латинском названии соединены поэтический Парнас и богиня памяти Мнемозина, русский эквивалент – имя Аполлона – бога-покровителя искусств) – являет собой все механизмы памяти: и взаимосвязь звуков, смысла и эмоций, и пространственно-временную мобильность (бабочка Набокова облетает весь земной шар), и возможность догнать, пусть и в другом времени и пространстве, неуловимые воспоминания («бабочка… все продолжала лететь на восток, над тайгой и тундрой, на Вологду, Вятку и Пермь, а там – за суровый Урал… к прекрасному острову Святого Лаврентия, и через Аляску на Доусон, и на юг, вдоль скалистых гор, где наконец, после сорокалетней погони, я настиг ее и ударом рампетки «сбрил» с ярко-желтого одуванчика» – ДБ, 202). Полет бабочки (в Америку на восток) и перемещение автобиографического героя (в Америку, на запад) и их встреча, по сути, есть аналог противоположно направленного, встречного движения сознания героя из настоящего в прошлое и из прошлого в настоящее, что и является порождающей моделью автобиографического дискурса и составляет суть автобиографического акта. Бабочка являет собой и литературную память, когда на страницах романа появляются бабочки других писателей – Бунина и Фета. Бабочки актуализируют разные виды чувственной памяти (обонятельную, осязательную, звуковую и т.д.): так, запах эфира, связанный в сознании героя с усыплением бабочек, сразу же «распахивает дверь прошлого» (ДБ, 202) и во время операции под наркозом повествователю снится яркий эпизод из детства. Подобно тому, как живая бабочка символизирует живую память, накалывание на лист усыпленных мертвых бабочек представляет собой модель негативной автобиографии – слишком яркий образ, «как на коммерческой картинке, приложенной к полезной забаве» (ДБ, 202).

Подробнейшее описание повествователем различных принципов классификации бабочек становится метанарративным отступлением, эксплицирующим различные типы автобиографического дискурса. Представители традиционной немецкой школы «консервативно держались видовых и родовых названий, освященных долголетним употреблением, и классифицировали бабочек лишь по признакам, доступным голому глазу любителя» (ДБ, 204). Новая же англо-американская школа исходила «из строгого применения закона приоритета» и учитывала «перемены таксономические, основанные на кропотливом изучении сложных органов под микроскопом» (ДБ, 204). Кроме того, повествователь отмечает, что «викторианское и штаудингеровское понятие о виде как о продукте эволюции, …как о чем-то замкнутом и сплошном по составу…, сменилось новым понятием о многообразном, текучем, тающем по краям виде, органически состоящем из географических рас (подвидов)» (ДБ, 204). Только такой учет динамического и эволюционного аспектов, бесконечное уточнение, введение гибких приемов классификации является способом проникнуть в тайну природы. Огромное количество конкретных названий флоры («Подъем за ним весь пламенел местными цветами – лупином, аквилией, пенстемоном, лилия-марипоза сияла под пондерозовой сосной…» – ДБ, 212) проясняют качество набоковской реальности как крайне высокого градуса подробности изображения. Автобиографического повествователя интересуют не виды, а бесконечно множащиеся подвиды событий, мельчайшие флуктуации смыслов как способ проникнуть в тайны бытия и собственного Я. Описываемое повествователем явление мимикрии, когда насекомое «принимается «играть» двойную роль» (ДБ, 205), по сути, идентично способности самого повествователя быть одновременно на двух берегах – прошлого и настоящего, русского и зарубежного, являясь одновременно и героем-ребенком и нарратором-взрослым, совмещая живую жизнь и ее дистанцированное осмысление. Рассуждения об искусстве мимикрии обнажают и еще один важный параметр набоковского автобиографического дискурса – деконструкцию любой функциональности и целеполагания. Рассматривая проявления мимикрии в природном мире, автор отмечает чрезмерное усердие природы, которая, «не довольствуясь тем, что из сложенной бабочки калимы она делает удивительное подобие сухого листа с жилками и стебельком, она кроме того на этом «осеннем» крыле прибавляет сверхштатное воспроизведение тех дырочек, которые проедают именно в таких листьях жучьи личинки» (ДБ, 205). Эти «математически невероятные совпадения хотя бы только трех факторов», которые не «способен оценить мозг гипотетического врага» (ДБ, 205) означают, по сути, то, что гипертрофированная функциональность отрицает саму себя. «Божественная бесцельность» – высшая

цель жизни и искусства и принцип автобиографического дискурса Набокова. В отличие от классической модели, где отмечены ключевые, то есть важные для последующей жизни события, оказавшие влияние на развитие и становление героя, Набоков фиксирует именно бесцельные и нефункциональные мелочи: бесконечную череду гувернанток, ловлю бабочек, игру света и тени на обеденном столе или спичечные узоры. Его привлекает не явная закономерность зримой эмпирической материи, а случайность, единичность и нецеленаправленность, которые представляют собой в конечном итоге высшую закономерность – «восхитительный обман» искусства. Эта «художественная изощренность» – за пределами мозга «гипотетического врага», «проницательного» читателя-профана, не способного оценить «сложную бесполезность» искусства. Необходимо разрушить всем понятную «логику вещей», ограниченную «пределами мозга», и, растворившись в художественной бесцельности, почувствовать подлинную логику «сложной бесполезности», определяющей сущность природы и искусства.

Таким образом, в отличие от классического автобиографического дискурса, соблюдающего «обязательную программу» явных событий, видимых простым глазом профана и образующих устойчивую, статичную конфигурацию, вроде набора марок, автобиографический дискурс Набокова – беспрерывно изменяющееся пространство, постоянная смена оптики (разглядывание под микроскопом сложных внутренних органов), исследование не явного, а скрытого, не манифестации, а порождения смысла, выявление личного, субъективного «закона приоритета», то есть критериев автобиографического мифотворчества.

Ю.А. Клец, О.И. Лепилкина

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ОФИЦИАЛЬНОГО МЕСТНОГО ИЗДАНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (На материале «Ставропольских губернских ведомостей»)*

На современном этапе развития историко-журналистского знания большой интерес у исследователей вызывает развитие местной прессы в дооктябрьский период, в частности губернских ведомостей, которые в Российской империи чаще всего были первыми и достаточно долго единственными печатными периодическими изданиями в провинции [2; 3; 4; 7 и др.]. Губернские ведомости в рамках своей программы умели откликаться на те проблемы, которые волновали их современников. Официальная пресса, публикуя географические, топографические, исторические, археологические, статистические, этнографические и прочие материалы, тем самым способствовала формированию разносторонних информационных потребностей читательской аудитории на всей территории своего распространения.

Однако к началу XX века губернские ведомости во многих регионах утратили свое значение. Это было, безусловно, связано с фиксируемым современниками и историками печати отсутствием интереса у правительства к развитию официальной прессы, «которой самодержавие очень долго пренебрегало» [5, с. 43]. Однако, как констатировал историк провинциальной печати Б.М. Городецкий в начале XX века в своем «Очерке развития русской периодической печати на Северном Кавказе», «в апреле 1901 года в Петербурге, при главном управлении по делам печати, была образована под председательством редактора «Правительственного вестника» <…> комиссия для пересмотра действующих правил об издании губернских и областных ведомостей. Для участия в этой комиссии были вызваны редакторы 15–16 более содержательных губернских ведомостей…» [1, с. 78]. Правительство предполагало превратить губернские ведомости в «проводники правительственного влияния на провинциальное общество» [8, с. 90]. Об этом же свидетельствовал журнал «Книжный вестник», который в 1906 году писал: «В «сферах» озабочены воп-

*Исследование осуществлено в рамках проекта «Формирование современной российской идентичности и патриотизма как консолидирующей основы поликонфессионального и полиэтничного социума» программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

 © Ю.А. Клец, О.И. Лепилкина, 2006

росом о реорганизации «Губернских ведомостей», большинство которых в настоящее время «недостойно названия литературы, но макулатуры – порченой грязной бумаги по ничтожеству содержания»» [цит. по: 5, с. 48]. «Казенные распоряжения, циркуляры начальства и объявления – вот вся пища для читателей такой газеты» [1, с. 45], – сообщали современники.

Нужно признать, что подобная характеристика в полной мере приложима к газете «Ставропольские губернские ведомости», которая в начале XX века состояла из официальной и неофициальной частей и включала стандартный набор рубрик: «Разные известия», «Общеполезные сведения», «Библиография», «Полицейский листок», «Метеорологические наблюдения» и объявления. Хотя объем газеты и доходил до восьми полос, однако основное ее содержание составляли заимствованные из других изданий материалы, помещенные в рубрике «Разные известия» в форме кратких информационных сообщений. Местная информация практически отсутствовала.

Первое изменение информационной политики «Ставропольских губернских ведомостей» произошло в связи с началом русско-японской войны, когда место обычной тематики заняли сообщения о военных действиях. Рубрика «Разные известия» в тот период состояла в основном из перепечатанных из столичных изданий небольших информационных заметок о состоянии русской армии, сражениях, завоевательных планах японской армии. Здесь же печатались телеграммы главнокомандующего, списки раненых и убитых солдат-ставропольцев, зарисовки армейской жизни.

События первой русской революции первоначально не находили отражения в «Ставропольских губернских ведомостях», что позволило исследователям констатировать, что сложившаяся ситуация «не повлияла на губернские ведомости, власти не попытались их популяризировать и использовать в пропагандистских целях» [6, с. 22]. Тем не менее, попытки реформирования издания в тот период были предприняты. В марте 1905 года произошла смена редакторского состава, внесшего коррективы в информационную политику неофициальной части. Отныне она как орган местного статистического комитета должна была иметь краеведческую направленность и новую структуру: «Исторический календарь-ежедневник», «Наша старина», «Новости местной статистики», «Местное сельское хозяйство».

Развитие революции поставило ведомости в новые условия. Возможно, правительство осознало неэффективность прежней политики в области информации – замалчивание фактов. И с середины 1906 г. доминирующей в «Ставропольских губернских ведомостях» стала политическая информация, а сама газета превратилась в средство информационной борьбы. Круг тем и проблем, характерный для местной оппозиционной печати того периода, стал свойственен и официальному органу. Идентичным стал и набор рубрик: передовая статья, «Государственная Дума», «Внутренние известия», «Мысли вслух» и т.д. Однако подача и интерпретация информации в частных и официальных ставропольских изданиях была противоположной.

Одна из основных тем того периода – развитие революционного движения. Его хроника подавалась в «Ставропольских губернских ведомостях» в виде сводки информационных материалов со всей России, рассказывающих о погромах, грабежах, террористических актах, убийствах крупных должностных лиц и т.д. Акцент в данных материалах делался на низость и безнравственность тех методов, которыми пользовались революционеры. Важной составляющей подобных сводок были сообщения о подъеме антиреволюционного движения среди крестьян, которые, как комментировала редакция, поддерживали царя и не верили обещаниям революционеров. В качестве доказательств изменений в общественных настроениях публиковались телеграммы на имя императора и статьи верноподданнеческого содержания. Составной частью газеты стали материалы о мерах по решению наиболее насущного для крестьян земельного вопроса. Как одно из основных дарованных им прав пропагандировалось право собственности, которое, как отмечали авторы многочисленных статей, попирается в идеологии социализма: «Одно из основных государственных начал, стоящее преградой на пути осуществления социалистических идей, есть право собственности» (1906. – № 41).

В информационной борьбе с оппозиционными изданиями официальный орган формировал у аудитории определенный образ революционера – необразованного, аморального фанатика, идущего на все ради своих целей. «Ставропольские губернские ведомости» акцентировали внимание на методах их борьбы: «Считаем своим нравственным долгом указать на утонченную гнусность образа действий русских революцио-

неров: так как несовершеннолетние не подлежат смертной казни, то революционеры вербуют подростков и тренируют их для убийств» (1906. – № 46). Революционер сравнивался в статьях издания с первобытным дикарем, который «сокрушает все выработанные тысячелетней человеческой культурой устои гражданственности; для него брак, родство – нелепый пережиток, закон – условное рабство, религия – поповское изобретение». Официальное издание обвиняло общество в том, что оно ошибочно видит в революционерах борцов за свободу. Как самый яркий пример нравственного падения революционной молодежи ведомости называли женщин-революционерок, связанных со студентами-террористами узами «свободной любви». В этой «свободной любви» автор статьи «"Освободительный" разврат» видел лишь «средство вербовать новичков в ряды боевых дружин» и утверждал: «…революция <…> своей грязью и кровью осквернила и запачкала все чистое, все святое, чем была сильна и жива русская семья!» (1906. – № 41). Таким образом, публицисты «Ставропольских губернских ведомостей» видели в революции источник разрушения прежней системы духовных ценностей и распространяли этот вывод и на религиозные ценности: падение основ православия трактовалось ими как последствие разворачивающегося революционного движения.

Отстаивая свои идеи, ведомости вступали в дискуссию с частными газетами и отрицательно оценивали их информационную политику. В рубрике «Мысли вслух» публицист, характеризуя оппозиционные издания, претендующие, по его мнению, на звание независимых и свободных, выделял общие для них черты, «противоречащие самому понятию свободной печати»: тенденциозная подача информации, вторжение в личную жизнь общественных деятелей, использование заведомо ложной информации, сенсационная ее подача и т.д. (1906. – № 42). Именно это позволило автору утверждать необходимость определенных ограничений свободы печати, в том числе законодательных.

Официальная ставропольская газета демонстрировала приверженность националистической позиции, особенно в материалах, касавшихся так называемого «еврейского вопроса». Ведомости последовательно развивали тезис о заслуженном притеснении властями евреев и обвиняли их в разжигании революции и попытках нажиться на ее результатах. Характерен заголовок одного из материалов газеты – «Евреи стремятся к владычеству над миром».

Как и все газеты данного периода, «Ставропольские губернские ведомости» освещали деятельность Государственной Думы, подводили итоги выборам, оценивали работу отдельных депутатов и Думы в целом. Первая Государственная Дума подверглась критике со стороны местного официального органа за ее оппозиционную направленность. Свои оценки давала газета и политическим партиям, прежде всего, в связи с наличием или отсутствием у них патриотизма (в данном случае тяготевшему к понятию «национализм»). Самой резкой критике подвергались социалисты, называемые «породой цареубийц» и «деятелями самой грубой анархии». Правые партии критиковались за недостаточную активность в период выборов, малочисленность, недостаточное сопротивление анархистам.

Дальнейшие изменения в структуре и информационной политике издания произошли в 1908 году. Система рубрик дополнилась новыми, отвечающими потребностям времени: «События», «Государственная Дума», «Хроника», «Землеустройство», «Обзор деятельности уездных землеустроительных комиссий», «Разъяснения Правительствующего Сената». Как и в предыдущие, революционные, годы, структура и тематика газеты в основном соответствовали типу общественно-политического издания, а идейная направленность оставалась проправительственной. Из доминирующих тем этого периода можно выделить последствия революции в селе, в армии, на флоте и продолжающиеся террористические акты. Официальное издание стремилось показать отрицательное отношение крестьян к революции и ее идеологии. В статье «От зла не жди добра» (1908. – № 24) автор, подписавшийся «крестьянин В.И. Переплеснин», назвал полной противоположностью идеологию революционеров и христианскую мораль, подчеркивая, что верующий человек чтит царя – помазанника бога.

На местном уровне политическая тематика представлена рядом материалов одного из постоянных авторов газеты протоиерея Симеона Никольского, посвященных деятельности отдела Союза русского народа в губернии. В частности, публиковались агитационные статьи-отчеты, посвященные годовщинам отдела и рассказывающие об успехах его в прошедшем году. Публи-

цист отождествлял преданность Союзу русского народа, царю и православной вере.

Важнейшей темой данного периода для «Ставропольских губернских ведомостей», как и для всех общественно-политических изданий, стал земельный вопрос. Ведомости отводили много места пропаганде аграрной реформы и успехам землеустроительных комиссий в рубриках «Обзор деятельности уездных землеустроительных комиссий», «По делам землеустройства», «Землеустройство». Большая часть материалов на данную тему была направлена против идеологии социализма.

После первой русской революции на страницах официальной губернской газеты не раз поднималась тема печати и ее влияния на политическую жизнь страны. Основным объектом критики для публицистов ведомостей была левая печать, которая обвинялась в клевете и травле правительства.

Важным фактором трансформации информационной политики официального местного издания стала первая мировая война. В № 30 за 1914 год был опубликован «Высочайший манифест» Николая II, говоривший о справедливом, оборонительном характере войны со стороны России. Именно эту идею развивали впоследствии материалы «Ставропольских губернских ведомостей».

Изменилась структура издания. Ведущий отдел был насыщен короткими информациями о последних военных событиях из различных городов Европы. В рубрике «Письма о войне» корреспонденты эмоционально рассказывали о захватнических планах, жестокости и злодеяниях врагов, о помощи тыла войскам и т.д. Заканчивались письма, как правило, патриотическим призывом.

Редакция создавала ощущение всеобщей поддержки военных действий. Этому были посвящены регулярно публиковавшиеся материалы, письма, «приговоры поселян» о сплочении всех слоев общества для борьбы с врагом, о всеобщей помощи солдатам и поддержке правительства. Плачевное же состояние страны и губернии замалчивалось.

Неофициальная часть издания заполнилась нехарактерными для нее перепечатками из газет «Свет» и «Земщина» (в ущерб официальным сообщениям из «Правительственного вестника»), содержащими исключительно позитивную информацию. Местные материалы, подготовленные Симеоном Никольским, освещали праздники в губернии, связанные с военными победами, и подвиги ставропольцев на войне. В 1916 г. газета активно пропагандировала военный заем. Объявления о нем занимали всю первую полосу и обращались к патриотическим чувствам читателей: «Кто из нас не желает помочь нашему храброму воинству?» или «Чем больше снарядов, тем меньше человеческих жертв, тем ближе к конечной победе над врагом. Помните это все и облегчайте государству задачу снабжения армии всем необходимым».

«Ставропольские губернские ведомости», как и другие газеты того периода, печатали большое количество беллетристических материалов и стихотворений о героизме и мужестве русского солдата, воспитывавших патриотические чувства, выражавших преданность императору («Завет русского царя» Н. Тымчук, «Туркменская боевая песня», «Смерть воина» В. Щеглова и т.д.).

В 1915–1916 гг. предпринимается еще одна (после 1905 г.) централизованная попытка создания сильной правительственной печати путем реформирования сети губернских ведомостей. В связи с этим на имя ставропольского губернатора князя С.Д. Оболенского 24 декабря 1915 г. пришло письмо от временно исполняющего обязанности начальника главного управления по делам печати Урусова, в котором констатировалось, что губернские ведомости «являются печатным органом, совершенно чуждым для большинства населения губернии или области, не играя в его жизни никакой роли», а в результате преобразований должны стать изданиями, «близкими для местного населения и полезными для Правительства» (ГАСК, ф. 68, оп. 2, ед. хр. 8038, л. 6). Предполагалось тематическое расширение неофициальной части изданий и более оперативный выход газет. Архивные материалы губернского правления свидетельствуют, что реформа «Ставропольских губернских ведомостей» в этом направлении должна была, по расчету редакции, принести значительные убытки. Во всяком случае, рекомендуемые преобразования редакцией произведены не были.

Следующая трансформация издания была осуществлена в апреле 1917 г. под воздействием изменившихся политических условий: февральской революции и установления власти Временного правительства. Газета начала выходить под заголовком «Известия Ставропольского губернского комитета общественной безопасности», а старое название сохранилось как подзаголовок.

Таким образом, в начале XX века «Ставропольские губернские ведомости», являясь официальным изданием, неоднократно корректировали свою информационную политику. В напряженные моменты общественной жизни, вызванные революционными и военными событиями, газета, выполняя правительственные распоряжения и отвечая запросам времени, публиковала актуальную и востребованную аудиторией информацию, поднимала и обсуждала наиболее острые вопросы общественной жизни, превращаясь в орган, не просто представляющий, а активно пропагандирующий правительственные интересы. В подобные периоды по представленной тематике, аудиторной направленности, набору рубрик «Ставропольские губернские ведомости» приближались к типу общественно-политического издания.

Библиографический список

1. *Городецкий Б.М.* Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе. – Екатеринодар: Б.и., 1914. – 96 с.

2. *Лепилкина О.И.* Губернские ведомости как тип издания XIX века // Вестник Ставропольского гос. ун-та. – 2005. – Вып. 41. – С. 175–183.

3. *Лучинский Ю.В.* «Провинциальные братья»: кубанская модель губернских ведомостей // Журналистика: историко-литературный контекст: Сборник статей и материалов / Ред.-сост. Ю.В. Лучинский. – Краснодар, 2003. – Вып. 2. – С. 9–21.

4. *Мандрика Ю.Л.* Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания (на примере «Тобольских губернских ведомостей»): Дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 2004. – 159 с.

5. *Махонина С.Я.* История русской журналистики начала XX века. – М.: Флинта, Наука, 2002. – 240 с.

6. *Пяри А.О.* Частная пресса на Ставрополье в период первой русской революции (1905–1907 гг.): историко-типологический аспект: Дис. … канд. филол. наук. – Ставрополь, 2006. – 162 с.

7. *Станько А.И.* История журналистики Дона и Северного Кавказа (XIX в.). – Ростов-на-Дону: Логос, 2006. – 174 с.

8. *Стыкалин С.И.* Русское самодержавие и легальная печать 1905 г. (к вопросу о проектах создания официозной прессы) // Из истории русской журналистики конца XIX – начала XX вв. – М., 1973. – С. 79–98.

О.Е. Криницына

«ОТРЫВОК» КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ «СИМФОНИЙ» А. БЕЛОГО (НА ПРИМЕРЕ 2-Й, ДРАМАТИЧЕСКОЙ СИМФОНИИ)

Преамбула. *В статье рассматривается формальные и содержательные особенности отрывка как структурного элемента «Симфоний» А. Белого.*

«Симфонии» А. Белого появились как литературный эксперимент, рожденный общими стремлениями символистов к синкретизму в искусстве. Отдавая явное предпочтение музыке как высшей форме искусства, А. Белый в своих произведениях пытается перенести законы искусства музыкального на литературное произведение. В своих «Симфониях» он объединяет музыку и поэзию, поскольку и то и другое основывается на ритме. При этом обращается все-таки к прозе, насыщая ее поэтической образностью, временами создавая подобие стихотворного ритма. В результате, как отмечает И.Г. Минералова, в своих «симфониях» А. Белый смог «создать ее (словесной музыки) образное подобие, обрисовать литературный образ музыкальных образов, образ музыкального смыслового движения он до известной степени сумел создать [6, с. 169].

В соответствии с поставленной задачей поэт организует формальное и визуальное сходство литературного произведения с музыкальной симфонией с помощью сегментации текста. Он делится на 4 части, как и в музыкальном жанре. Каждая часть разбивается на отрывки, выделенные графически, которые, в свою очередь, включают в себя пронумерованные «музыкальные фразы» (определение самого поэта, см. «Предисловие» ко «Второй, Драматической симфонии»).

Идя по пути ассоциаций с музыкальным произведением, любой исследователь творчества А. Белого сталкивается с необходимостью определения таких элементов структуры, как «отрывок», «музыкальная фраза». А. Лавров уподоб-

 © О.Е. Криницына, 2006

ляет их музыкальным тактам. И.Г. Минералова спорит с ним, утверждая, что «музыкальный такт можно сравнить разве что со стихотворной стопой, а нумерованный фрагмент А. Белого включает от одного до нескольких предложений – так что уподобить его можно не такту, а разве лишь какому-либо более крупному музыкальному единству, например, музыкальной фразе» [6, с. 167]. Вопрос о том, чему в музыке соответствует отрывок, вообще обходится стороной, да и сам поэт не уподобляет его какой-то музыкальной форме. Если продолжить возникающие музыкальные ассоциации, то эквивалентом отрывка должно стать предложение или период, но тут круг замыкается: мы должны будем, назвать предложением или периодом отрывок, состоящий из *нескольких предложений*. Очевидно, что ответить на вопрос о соответствии отрывка какой-либо музыкальной форме однозначно невозможно.

Ю.Б. Орлицкий, определяя основные направления реформы А. Белого, направленной на сближение поэзии и прозы, отмечает, что строение текста «Симфонии» А. Белого ориентировано на прозу Ницше, а также на версейную строфу в Библии. При этом автор пытается справедливо определить, что представляют собой в литературном, а не музыкальном смысле отдельные «музыкальные фразы». По мнению исследователя, состоящие из одного-двух предложений, они являются стихом-строфой [см. 9]. Да и сам А. Белый в более раннем своем произведении, «Предсимфонии», эти музыкальные фразы называл «стихом». Но определять музыкальную фразу как стих у нас тоже нет оснований: слишком объемной получается эта строка, содержащая 2 и более предложений, а порой целый монолог героя, как в 4 части «Симфонии». Соотнесение фразы и строфы также вызывает определенные сложности: отсутствие соответственного графического выделения (нет финального знака в конце фразы, следующая фраза продолжает предыдущую, пишется иногда со строчной буквы и т.д.), относительной самостоятельности, завершенности у фразы, присущей стихотворной строфе. Скорее всего, именно «отрывок» можно считать аналогом стихотворной строфы, но и в этом случае возникает множество неясностей и противоречий. Очевидно, поэт задал задачу, неразрешимую на данный момент, поскольку ни то, ни другое определение, переносящееся с поэтических текстов, не может удовлетворять исследователей. В любом случае, давая определение отрывку, ориентируясь на музыкальную или поэтическую терминологию, мы остаемся в области метафор, поскольку имеем дело не с музыкой и не с поэзией, а все-таки с прозой.

Вернемся к определению, которым обозначил данный структурный элемент А. Белый. Он называет фрагменты, включающие в себя несколько музыкальных фраз, именно отрывками. Вероятно, связано это с теми юношескими пробами пера, которые предшествовали самим «Симфониям». А. Лавров указывает, что еще в июне 1897 года, за несколько лет до работы над «Симфониями», А. Белый пробует свои силы в лирической прозе, создает лирические фрагменты, которые иногда называл «стихотворениями в прозе». Как отмечает исследователь, «сам А. Белый не принимал всерьез эти произведения только в позднейшие годы, но в первую свою книгу стихов “Золото в лазури” (1904) ввел особым разделом “Лирические отрывки в прозе”» [5, с. 23]. Из этих сюжетных и лирических отрывков и выросли впоследствии «Предсимфония» и четыре «Симфонии». Очевидно, что подобная трансформация формы в большое по объему произведение должна была происходить под влиянием каких-либо веских причин, одной из которых, несомненно, было увлечение поэта музыкой, в частности, музыкой симфонической. Кроме того, направление поисков поэта вписывается в общий для русской литературы 2 половины XIX – начала XX века процесс циклизации художественных произведений, связанный с представлением о целостности поэтического мира художника.

Общеизвестен тот факт, что «2, Драматическая симфония» носит автобиографический характер: «…картины весны, улиц и пешеходов – вдруг вырвались первой частью “Симфонии”, как дневник…» [2, с. 139]. Текст произведения возникает из набросков, сделанных в Москве, затем – в имении «Серебряный колодезь», когда рождающиеся отрывки фиксируются сразу же в записную книжку. В переживания буквально вплетается сюжет, или, говоря словами самого поэта, «осюжетиваются наброски». Во «2-й Симфонии» как будто пересоздается мир хаоса и бреда, мир московской действительности пронизывается светом Вечности. Делается попытка заставить и читателя существовать в заданной им системе координат, посредством произведения литературы преображать и реальный мир. Поэтому закономер-

но определение структурного элемента «С», объединяющего «музыкальные фразы» как «отрывка», который в этом смысле воспринимается как часть художественного мира поэта. Характерно, что позднее, в предисловии к сборнику стихотворений, А. Белый назовет уже свои *стихотворения* «отрывками», которые ощущались им как часть целого: «Приступая к выбору из своих стихотворений тех, которые попали в книгу, я руководствовался не голосом самокритики, а воспоминанием о лейтмотивах, звучащих мне в ряде лет и диктовавших те или иные отрывки» [3, с. 553].

Представление А. Белого обо всем творчестве как едином «метатексте» вписывалось в контекст литературных исканий середины XIX – начала XX вв.: «…художественный образ мира создавался поэтами рубежа веков не столько отдельными произведениями (текстами), сколько ансамблями произведений (контекстами), поэтому в ходу были не только малые, но и большие формы лирического творчества, такие, как “лирический цикл”, “лирическая поэма”, “книга стихов”, именовавшихся еще тогда жанром «лирического романа» [4, с. 470]. Как уже отмечалось, отдельные фрагменты переросли в «С» под влиянием увлеченности поэта музыкой. Обращение А. Белого к музыкальной форме было продиктовано специфической особенностью музыки, заключающейся в том, что это искусство ассоциаций, настроений. Лишенная зрительных образов, она погружает в глубины души, в глубины мира, увлекает в запредельное. Она оставляет за слушателем свободу в постижении ее смысла: «На каждую музыку (в существе самом двойственную) в человеке отзывается преобладающее в нем начало. Помимо разнообразия “музык”, одна и та же музыка одних просветляет, других омрачает…» [2, с. 24]. Эта особенность привлекает к ней символистов с их принципиальной установкой на бесконечность смысла поэтического образа, на читателя-сотворца, от интуиции которого зависит глубина восприятия произведения. А. Белый отказывается от традиционных для прозы причинно-следственных связей, ослабляет фабульную линию, объединяя произведение на основе создаваемых настроений, сближающих его с музыкой. Эта задача потребовала особой формы, позволяющей передавать разные впечатления, «навеивать» на читателя настроение, придавая глубину всему произведению. Ей наиболее соответствовал отрывок, как литературный жанр, пришедший в Россию в XVIII в.. и использовавшийся в художественной практике еще А.С. Пушкиным, которого привлекла во фрагменте «способность выразить одно чувство, одно лирическое состояние во всей непосредственности» [9, с. 151]. Очевидно, свобода от строгих канонов дала возможность А. Белому свои переживания облечь в форму, в которой сочетаются 3 смысла: музыкальный (выражение настроения), сатирический, и, наконец, идейный, совмещение которых в одном отрывке ведет к символизму (см. Предисловие к 2, Драматической симфонии). При этом поэт указывает на относительную самостоятельность отрывка как элемента структуры произведения.

В самом деле, границы отрывков читатель с легкостью определит и без особого графического выделения, присутствующего в тексте – по укороченной, как правило, фразе, по эмоциональному или смысловому итогу, дающемуся автором.

Так, например, отрывок может завершаться ярким, эмоциональным финалом, переводящим картины обычной действительности в другой план:

1. Бдение еще не начиналось, но уже горели пунцовые лампадки.

2. Царские врата были еще закрыты, а изнутри занавешены красным шелком.

3. Но вот прошел кроткий Иоанн, отвесив низкий поклон богомольцам.

4. Сейчас он отправил на тот свет своего богатого прихожанина; тот боялся отправиться в столь далекое путешествие. Иоанн старательно снаряжал его.

5. А в небе клубился облаковый великан, дымный, с опаловыми краями.

6. Великан сгорал нежностью в холоде чистой бирюзы.

7. В этом сгорании была и любовь старого Иоанна, и любовь сказки к памяти мечтателя.

8. А память уплывала в даль изумрудного моря; это была юная девушка в ожерелье из слез…

В цитируемых строках картина прощания о. Иоанна со своим прихожанином сопровождается лирическим образом памяти, которая является как бы проводником в другой мир, уносит с собой воспоминания об ушедших людях в далекие края, за грань реальности, в мир Вечности.

В финале некоторых отрывков поэт подводит своеобразный итог сказанному, как будто объясняет читателю смысл нарисованных картин, тем не менее, не исчерпывая всего содержания:

1. В зале пели. Безусый фрачник играл на рояли.

2. Он плясал на кончике табурета, поднимая руки над клавишами, налегая всем корпусом на собственные локти.

3. Так было принято.

4. Добрый военный генерального штаба с серебряными аксельбантами играл на гитаре, отбивая такт мягкими лакированными сапогами, качая вправо и влево седеющей головой.

5. Так мило они веселились. Казалось, Царствие Небесное спустилось на землю.

Неоднократно в произведении в качестве финала отрывка обозначается музыка, дающая аналог настроению, создаваемому в отрывке, или, наоборот создающая контраст с ним. Проза как будто наполняется музыкой: это и консерваторка, которая пробует голос, повторяя ту и другую ноту, что усиливает ощущение однообразия жизни, это и пьяный голос, доносящийся из ресторана, растягивающий слова, создающий ощущение хаоса и катастрофичности мира, и церковные песнопения.

Таким образом, отрывок в «С» является относительно самостоятельным структурным элементом, обладающим смысловой и эмоциональной законченностью. Внутри него между фразами возникает «аккомпанемент» смыслов, взаимодействие которых рождает глубинное квалитативное символическое содержание, не сводимое к сумме «поверхностных» смыслов и не уничтожающее их [7, с. 54]. Относительная смысловая, эмоциональная самостоятельность отрывков дает свободу автору перемещаться от одной сцены к другой, игнорируя причинно-следственные связи, смешивать разные планы бытия, позволяет реализовывать «стереоскопический» взгляд на мир, охватывающий одновременно все стороны действительности.

Установка жанра на фрагментарность облегчала задачу поэту, который должен был совместить в одном произведении лирическое начало (эсхатологические настроения, романтическая влюбленность в М.К. Морозову, переживаемые им в тот особый год) со вполне разработанным сюжетом (рассказ о мистических исканиях золотобородого аскета, слишком детских, слишком наивных). Поэтому наряду с отражающими хаос человеческого существования разрозненными картинами, которые «стягивает» создаваемое ими впечатление, в произведении присутствуют фрагменты «цельного повествования», понятные даже тому, кто отказывается принимать художественный текст, созданный на основе музыкальных ассоциаций.

С формальной точки зрения отрывок дает дополнительную возможность перекрещивать, переплетать в произведении основные темы и мотивы, которые каждый раз получают новые оттенки значений, наполняются дополнительными смыслами за счет появления в ином контексте. Так, например, тема ужаса, возникшая еще в начале симфонии, связывается с бездуховностью жизни, с однообразием человеческого существования. Появляясь во второй части, отражающей мистические чаяния людей того времени, она трансформируется и связывается с ожиданием последних времен, в которых вновь разгорится война между добром и злом.

Отрывок у А. Белого представляет собой относительно самостоятельную, законченную структуру, выделенную графически: каждый фрагмент отделяется друг от друга интервалом, подобно нотным записям. Отличаются фрагменты и объемом. В «Предсимфонии» отрывок включал до 73 стихов. Впоследствии количество строк было сокращено: так, во «2, Драматической “С”» в один отрывок входило от 1 до 35 музыкальных фраз, причем доминировали отрывки, включающие по 5–9 фраз. Примечательно, что поэт, создавая четвертую «С», «Кубок метелей», также прибегал к этой форме, отказавшись от нумерации строк в окончательном варианте.

Необходимо отметить тот факт, что отрывок не имеет фиксированного количества строк, неизменного на протяжении всего текста. Очевидно, что даже графическое оформление отрывка (его выделенность, объем, количество фраз) оказывается немаловажным элементом произведения. Иногда, местами, возникает упорядоченное чередование более длинных и коротких отрывков, придавая особый ритм некоторым эпизодам:

Например: в эпизоде, рассказывающем о последнем вечере Сергея Мусатова в Грязищах, в гостях у брата, наблюдается ритм отрывков, содержащих 5–7 фраз.

46 отрывок – в нем разгорается спор между аскетом и сельским учителем, свидетелями которого являются Павел Мусатов, играющий на гитаре, и Варя, влюбленная в аскета, которая бросает негодующие взоры на учителя, смеющего состязаться в остроумии с ее возлюбленным (6 фраз). 47 отрывок – в центре внимания золото-

бородый аскет, объявляющий, что собирается в ближайшее время в Москву (7 фраз). 48 отрывок – Павел Мусатов успокаивает учителя, превращая вечер в пьяную вакханалию. Гитара, звучавшая недавно, валяется с оборванными струнами на полу – символ крайнего напряжения нервов учителя, который не выдерживает поединка со столичным гостем (6 фраз). 49 отрывок – лирический центр эпизода – Варя оплакивает свою безответную любовь. В этот момент появляется тема Вечности, «протянутая» сквозь всю «С». Этот центр выделяется графически – он более короткий, содержит всего 5 фраз. 50 отрывок – аскет погружается в саду в мир своих фантазий (6 фраз). 51 отрывок – аскет устраивает священнодейство, поднимая руки к небу, стоя в грязи (6 фраз). 52 отрывок – сцена утреннего пьянства, совершавшегося в столовой. Павел Мусатов и учитель (7 фраз). 53 отрывок – финал вечера – мухи, облепившие учителя, гитара, валяющаяся на полу, сторож, звук ударов которого в железную доску еще недавно сопровождал мечтания аскета, уходит спать. Аскет переводит свершившееся в мистический план: «Вот она, апокалиптическая мертвенность!» (7 фраз).

Ритмическая схема этого фрагмента: 6-7-6-5-6-6-7-7.

Отрывки, содержащие действие, в своем составе имеют по 6 фраз, отрывки, носящие дополнительный характер, включают по 7 фраз. Кульминационный момент этого эпизода, связывающий с другими частями произведения – страдания Вари и появление Вечности, – выделен графически. Таким образом, можно говорить и о закрепленности, возникающей на время, определенной семантики за количеством фраз в отрывке, и о своеобразном графически закрепленном ритме между отрывками, и о ритме чередующихся образов.

Общеизвестен тот факт, что сам А. Белый, как и многие символисты, склонен был определять символическое значение не только цвета, но и чисел. Так, в переписке с А. Блоком, обсуждалось неоднократно значение чисел 4, 5, 7, 8. причем явную нелюбовь заслужило число 4, как половина 8. Попытки определить, закреплено ли символическое значение за количеством стихов в каждом отрывке, не увенчались успехом, да и невозможно, наверное, писателю, даже при условии, что он увлекался символикой чисел, проследить количество стихов в каждом отрывке, если их в симфонии всего более 240! Но иногда связь между количеством строк и смыслом самих отрывков возникает. Во второй части есть отрывки, в которых подчеркивается исключительность последних времен, когда в мире появились тревожные симптомы, приводящие людей в ужас. В одном отрывке, начинающемся с мотива звучащего над спящей Москвой рога, говорится о страшных событиях, произошедших одновременно в Москве: пойманный «протыкатель старух» заявил, что таких, как он, много на Руси; в подтверждение безумных слов выясняется, что подвальные помещения дома Расторгуевых заливаются нечистотами, а на следующий день появляется в газете заметка: «Канализационное безобразие». В следующем отрывке рассказывается о возмущении старушек и стариков, связанном с появлением «таинственного протыкателя старух», они видели в этом факте знамение Антихриста. Характерно, что стариков и старух всего 600, а в самих отрывках, рассказывающих о творящихся безобразиях, по 6 фраз. Это сочетание отсылает читателя к числу Зверя, связывающемуся с Апокалипсисом.

Таким образом, объем каждого отрывка, выделенного графически, способен играть свою роль в создании внутреннего ритма произведения, поддерживать атмосферу музыкальности, в то же время, когда нарастает элемент литературности, этот тонкий ритм исчезает, создается ощущение «перегруженности» отрывка.

Отрывок является относительно самостоятельным элементом произведения, придающим ему ритм, позволяющим решать художественную задачу, поставленную А. Белым, заключающейся в создании произведения литературы по законам музыки, которое будет способно влиять на окружающий мир, преображая его. Эта сверхзадача реализована не была: автор не смог посредством его преобразить мир, но создал уникальное произведение, которому еще предстоит определение в системе существующих жанров литературы. Вопрос о том, чем является в литературном смысле отрывок как элемент структуры, напрямую связан с этой проблемой.

Библиографический список

1. *Белый Андрей и Блок Александр*. Переписка. 1903–1919. – М.: Прогресс-Плеяда, 2001.

2. *Белый А.* Начало века. – М.: Художественная литература, 1990.

3. *Белый А.* Стихотворения и поэмы. – М.: Художественная литература, 1966.

4. *Дарвин М.Н.* Художественная циклизация лирики // Теория литературы. Роды и жанры. – М: ИМЛИ РАН, 2003 г. – С. 467–552.

5. *Лавров А.* У истоков творчества А. Белого // Белый А. Симфонии. – Л.: Художественная литература, 1991.

6. *Минералова И.Г.* Русская литература серебряного века. Поэтика символизма. – М.: Флинта; Наука, 2004.

7. *Новиков Л.А.* Стилистика орнаментальной прозы А. Белого. – М.: Наука, 1990. – С. 181.

8. *Орлицкий Ю.Б.* Русская проза XX века: реформа А. Белого // Андрей Белый. Публикации. Исследования. – М.: ИМЛИ РАН, 2002.

9. *Сандомирская В.Б.* Отрывок в поэзии А.С. Пушкина 20-х годов // А.С. Пушкин. Исследования и материалы. Т. 9. – Л.: Наука, 1979. – С. 69–83.

Т.Г. Кучина

«Я»-ПОВЕСТВОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ: ФИКЦИОНАЛЬНЫЙ И ФАКТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Автобиографическую прозу 1990–2000-х гг. отличает разнообразие жанровых дефиниций-«неологизмов», пришедших на смену традиционным категориям «автобиографической повести» или «автобиографического романа». Так, Андрей Сергеев свою книгу «Альбом для марок» определяет как «коллекцию людей, вещей, слов и отношений» (так указывается в №7 «Дружбы народов» за 1995 год; любопытно, что в окончании журнальной публикации – в №8 – порядок понятий в подзаголовке меняется: «коллекция людей, отношений, слов, вещей» – последовательность предъявления читателю коллекционных предметов демонстративно свободна). Александр Чудаков свою автобиографическую книгу «Ложится мгла на старые ступени» называет романом-идиллией, Сергей Гандлевский «Трепанацию черепа» – «историей болезни». А вот автобиографическая проза Рубена Гальего стала примером наиболее радикального пересмотра жанровых примет текста: первая публикация – тогда еще под заглавием «Черным по белому» – состоялась в журнале «Иностранная литература» (2002) под рубрикой «Документальная проза»; спустя три года «Лимбус Пресс» издает книгу Гальего как «автобиографический ***роман в рассказах***» («Белое на черном», СПб., 2005).

Последний пример весьма показателен не только по причине смены заглавия и акцентированного синтеза жанровых форм (роман-рассказ). Из разряда non-fiction повествование Р. Гальего перекочевало в сферу фикциональных текстов, не претерпев никаких качественных изменений: книга отличается от журнальной версии лишь тем, что в нее вошли несколько новых эпизодов, стилистически однородных по отношению к ранее опубликованным текстом. Граница между литературой факта и литературой вымысла оказалась прозрачной и проницаемой настолько, что само ее существование теперь необходимо верифицировать.

Теоретико-литературные исследования последних десятилетий (в частности, работы Ж. Женетта, Э. Брасс, С. Чатмена, Д. Серля, Ф. Лежена, Д. Олни, Д. Харрис и др.) отчетливо показывают, что нарративные нормы фактуального и фикционального текста отнюдь не «антонимичны»; более того, «повествовательные формы запросто пересекают границы между вымыслом и не-вымыслом» [7, с. 407], а обоюдная мимикрия нарративных режимов заставляет искать параметры разграничения fiction и non-fiction за пределами текста.

По верному замечанию М. Маликовой, применительно к русской традиции, где преобладают не аутентичные (документальные) автобиографии, а фикциональные (и едва ли не чаще встречаются автобиографические поэмы – демонстративно конвенциональные «жизнеописания») «“сепаратистское”, ограничительное определение автобиографии оказывается особенно непродуктивным. Можно говорить только о градуальных различиях, исторических тенденциях» [9, с. 9].

Среди тенденций, характеризующих русскую автобиографическую прозу рубежа XX–XXI вв., следовало бы отметить нетождественность автора, повествователя и персонажа, девальвацию аутентичности (оценка автобиографического текста по критерию истинности / ложности факультативна и не является больше жанрообразующим признаком), фикционализацию воспоминания

© Т.Г. Кучина, 2006

как «эмпирического» источника автобиографического письма (замещение документального факта литературным и подрыв реальной модальности повествования), преобладание внефабульных связей между событиями при нелинейной их последовательности. Автобиографическое повествование – не столько хроника частной жизни («летопись персональности»), сколько нарративная реконструкция «я» как фигуры речи. Это положение согласуется с тезисом Пола де Мана, сформулированным в работе «Autobiography as Defacement»: «Autobiography… is not a genre or mode, but a figure of reading or of understanding that occurs, to some degree, in all texts» (Автобиография… не жанр или форма, а фигура чтения или понимания, присутствующая в какой-то степени в любых текстах) [1, p. 70]. На фундаментальные вопросы теории автобиографии в литературоведении XX века: «…Whether one can know oneself, and if so to what extent? If not, what is that which is "known" as "the self"? To what extent does one create the self?» (Можно ли познать самого себя, и если да, то до какой степени? Если нет – тогда что такое то, что «осознано» как «я»? В какой степени можно сотворить собственное «я»?) [2, p. 12] – современная русская проза дает подчас парадоксальные, но вполне в духе времени ответы.

Прежде всего, «я»-повествователь / «я»-персонаж автобиографического произведения претендует на достоверность только в первой своей ипостаси – в роли нарратора. Аутентичность «я»-персонажа – своеобразная литературная «опция», выбор которой не является обязательным, причем как в фикциональных текстах, так и в тех, что позиционируются авторами как non-fictions. Александр Жолковский, например, в «Мемуарных виньетках и других non-fictions» лукаво предуведомляет читателя: «Все описанное, как говорится, правда, – за исключением, может быть, некоторых автопортретных штрихов <…> Все это пишется не с последней прямотой, а известном жанре, задающем сложный баланс откровений и умолчаний» [8, с. 6]. Михаил Безродный в одном из автобиографических эпизодов «Конца цитаты» представляет «я»-персонажа как «производную» от виртуального квазиклассического текста: «Российское консульство в Мюнхене выдало «визу въездную-выездную». В графах «гражданство», «фамилия», «с детьми до 16 лет» значится:

БЕЗ ГРАЖДАНСТВА
БЕЗРОДНЫЙ
ОДИН –

что так и просится стать зачином баллады в переводе Жуковского:

До рассвета поднявшись, коня оседлал,
Без гражданства, безродный, один… –

либо финалом жестокого романса:

Один, без гражданства, безродный,
Скитаясь в родимом краю…» [4, с. 152].

Однако самый радикальный способ не просто разбалансировать «я» (утверждение «я≠я» становится в той же степени верно, как и «я=я»), но и привести его к нарративной аннигиляции, находит Михаил Гаспаров. «Я чувствую себя слогом силлабического стиха, к которому силлаботонические читатели предъявляют каждый свое метрическое ожидание» [6, с. 171]. Автобиографическая аутентичность «я» поставлена в прямую зависимость от дискурсивной компетентности читателя – причем исходя из контекста приходится признать, что горизонт читательских ожиданий увиден «я»-повествователем как заведомо не отвечающий «правде факта». Финал же «Записей и выписок» – личный ответ М. Гаспарова теоретикам автобиографического письма: «Я <…> не знаю, какой я? Такой, как есть? как был в давнем возрасте? как представляю себя в фантазиях? И оттого, что я этого не знаю, я медленно исчезаю и перестаю существовать» [6, с. 415]. Экзистенциальная неверифицируемость «я» приводит к невозможности «закрепиться» в реальности, к исчезновению «я» за пределами текста («Каждый человек есть связка цитат, и у меня только перетерлась нитка, на которую они нанизаны» [6, с. 301]). «Я»-повествователь тем самым удостоверяет переход «я»-персонажа в категорию минус-приемов.

Мир памяти как источник эмпирических сведений для построения автобиографии также оказывается подвержен «реструктуризации». «Memories do not make an autobiography» (Воспоминания еще не есть автобиография) [3, p. 65] – а потому исследователь должен принимать во внимание неизбежную нарративную трансформацию любого события (или последовательности событий). По замечанию Д. Харрис, «most scholars of autobiography agree <…> that the structure of autobiographical discourse is based on the parallelism between the narrator's growing consciousness of his experience and the objectification of that experience in the telling» (Боль-

шинство исследователей автобиографии согласны друг с другом в том, что структура автобиографического дискурса основывается на параллелизме растущего осознания повествователем его жизненного опыта и объективации этого опыта в рассказывании) [2, p. 5]. Иными словами, «я» вспоминающее не равно «я» вспоминаемому; само же «воспоминание» существует как эмпирическая база автобиографии лишь благодаря дискурсивному развертыванию в тексте.

Отсюда и дисперсная структура современных автобиографических текстов: книги всех упоминавшихся нами ранее авторов отчетливо делятся на фрагменты (вплоть до автономных «словарных статей», как у М. Гаспарова), связи между которыми носят внефабульный характер. Нелинейный характер нарратива обусловлен высокой значимостью парадигматических отношений между текстовыми элементами, будь то система рефренов в прозе Р. Гальего (пожалуй, во втором романе писателя – «Я сижу на берегу» – она даже более заметна, чем в первом) или новые «определения»-заметки к уже описанным словарным единицам у М. Гаспарова (к таким понятиям, как «человек» или «язык», автор возвращается в каждой части книги, причем дает не по одной «выписке» значения).

Дискретность событийного ряда имеет и еще одно следствие: в автобиографическом тексте современного писателя (в отличие, например, от хроникального романа воспитания) «я»-персонаж – «величина» переменная, он возникает из калейдоскопической мозаики разнообразных житейских и литературных микросюжетов, из отражений в иных персонажах. Реальность прошлого не только повествуется – она ***читается*** «я»-повествователем как готовый сюжет. Не случайны, например, многочисленные ссылки на «пэттерны» судьбы – patterns – в «Альбоме для марок» А. Сергеева: «Скорее всего, я пошел бы в университет на филологический. Но опять, по пэттерну, вмешалась случайная книга. Аляутдинов принес на урок… *Как я стал кинорежиссером*» [10, с. 83]. Итог – поступление во ВГИК; правда, первая интерпретация «пэттерна» оказалась недостоверной – ошибочное прочтение исправлять пришлось переводом в Институт иностранных языков.

Центром же, нарративной «константой» автобиографического текста остается повествователь. Независимо от фактуальной достоверности / недостоверности рассказываемого фактор «дискурсивной истинности» – веры нарратора в то, что утверждается его текстом, – остается для читателя решающим. Иными словами, между автором и читателем складывается невербализуемая «договоренность» – по умолчанию признать сугубо фикциональный мир текста равным биографической реальности.

Библиографический список

1. *De Man P.* Autobiography as Defacement // De Man P. The Rhetoric of Romanticism. – New York: Columbia University Press, 1984. – P. 67–82.

2. *Harris J.G.* Diversity of Discourse: Autobiographical Statements in Theory and Praxis // Autobiographical Statements in Twentieth-Century Russian Literature. Ed. by J.G. Harris. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1990.

3. *Mandel B.J.* Full of Life Now / Autobiography: Essays Theoretical and Critical. Ed. by J. Olney. – Princeton: Princeton University Press, 1990. – P. 49–72.

4. *Безродный М.* Конец цитаты. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1996.

5. *Гальего Р.* Белое на черном. – СПб.: Лимбус Пресс, 2005.

6. *Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. – М.: Новое литературное обозрение, 2000.

7. *Женнет Ж.* Фигуры. В 2 т. Т. 2. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998.

8. *Жолковский А.К.* Мемуарные виньетки и другие non-fictions. – СПб., 2000.

9. *Маликова М.В.* Набоков. Авто-био-графия. – СПб: Академический проект, 2002.

10. *Сергеев А.* Альбом для марок // Дружба народов. – 1995. – №8. – С. 43–117.

И.В. Лобанова

НЕМЕЦКАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

Из истории немецкого языка известно, что литературная речь стала приобретать функциональную значимость по мере расширения культурно-образовательного уровня его носителей и распространения немецкого языка как средства общения на большей территории. Постепенно звуковая система нормативной литературной речи стала подвергаться кодификации: применяться в процессе обучения, распространяться с помощью грамматик и словарей, справочников, различных видов письменных документов, а позднее – в средствах массовой коммуникации.

В период формирования немецкого национального языка (XIV–XIX вв.), благодаря возможностям книгопечатания, его звуковые средства сознательно отбирались и кодифицировались сначала в трудах первых немецких грамматиков и орфоэпистов, а затем в словарях. Несомненно, словарь является одним из самых надежных и эффективных средств кодификации определенных аспектов литературного языка. Роль словарей для развития и совершенствования культуры речи трудно переоценить. В любом обществе им принадлежит важное место наиболее часто и постоянно употребляемого справочника.

До XVIII в. немецкий язык и его звуковые характеристики не были предметом подробного лексикографического описания. Первые словари немецкого языка не упоминали о фонетической стороне языка и не давали никаких указаний относительно произношения их входных единиц.

Известно, что Германия, в отличие от других западных стран, более длительное время была феодально-раздробленным государством, в котором, кроме территориальной и региональной, существовала социальная и профессиональная вариативность произношения. Наличие диалектных форм произношения в условиях все увеличивавшихся культурных и экономических связей между отдельными областями Германии вызвало закономерное стремление к их ликвидации. Письменный стандарт нуждался в устном стандарте.

Первым создал словарь немецкого языка с элементами орфоэпии *Иоганн Кристоф Аделунг* (*J. Adelung, 1732–1806*). Первые попытки обозначить акцентуацию слова были довольно примитивны и приблизительны, однако словарь, включающий место правильного ударения, уже считался произносительным. Так, на титульном листе своего словаря Аделунг пишет: *„Kleines Wörterbuch der deutschen Sprache für die Aussprache, Rechtschreibung, Beugung und Ableitung nebst der Erklärung aller grammatischen Benennungen und der Verdeutschung vieler fremdem Wörter“* [4] – *«Малый словарь немецкого языка: произношение, правописание, склонение, словообразование наряду с объяснением всех грамматических названий и онемечением многих иностранных слов»*. Для указания произношения в словаре автор пользовался диакритиками, как это было принято в эпоху Возрождения для отражения в то время произносительных особенностей латинского языка. Он использовал знак /^/ для орбозначения долготы гласного звука (Schmêrt, lêben, stêts); знак /‾/отмечал дифтонги или ударные гласные (das Idēāl, das Grāb, betōnt); знак /'/ ставился над гласными в односложных словах (das Ga'rn, das Wo'rt, ge'rn). Таким образом, диакритики показывали ударность гласной, а произношение безударных гласных вообще не регистрировалось. Особое внимание уделялось ударению, поскольку целью данного словаря являлось использование его как вспомогательного средства для обучения иностранцев немецкому языку; сведения об ударении были также полезны носителям языка для решения каких-либо спорных вопросов акцентуации в немецком языке. В предисловии к словарю поднимался также вопрос о вариативности произношения и о его связи с правописанием. Следует отметить, что несмотря на ограниченность взглядов и языковой консерватизм, словарь Аделунга был очень авторитетным в своё время и оказал существенное влияние на лексическую и грамматическую унификацию немецкого языка.

В XIX в., когда на политической арене появилась единая Германская империя, в области немецкого языка стали преодолеваться многовековые традиции разобщенности, стали появляться различные словари, ориентированные по своей произносительной форме на европейские тради-

 © И.В. Лобанова, 2006

ции словарей. Образование МФА – международной фонетической ассоциации в 1886 г., накопленные фонетические знания, распространение немецкого языка в качестве иностранного во многих странах способствовали развитию фонетической науки в Германии, а, следовательно, и фонетической лексикографии. Интерес к устной речи, правильному произношению и способам его регистрации стимулировали создание новых произносительных словарей и справочников [2].

Новаторами в области немецкой фонетической лексикографии того времени стали *В. Фиетор* и *Т. Зибс*. Неудивительно, что, претендуя на звание серьезных фонетистов и принимая опыт разработок, созданных всемирно известными учеными (П. Пасси, О. Йперсен, Г. Суит и др.) под эгидой Международной фонетической ассоциации, они составили свои словари на основе ключевых положение МФА.

Орфоэпический словарь *Т. Зибса (Theodor Siebs, 1862–1941)* появился в 1898 г. под заголовком *„Deutsche Bühnenaussprache“* [10] и стал первым немецким словарем, отразившим произношение входных единиц с помощью нового фонетического алфавита, признанного международной фонетической ассоциацией. Произносительное «выравнивание», которое пытался осуществить Зибс, охватило диалекты и наречия на территории Германии. Нетрудно догадаться по названию, что в качестве эталона фонетистом было принято сценическое произношение, которое позже распространилось на школу и стало считаться общей нормой. Этот словарь можно рассматривать как прескрептивный, поскольку наряду с фонетическим описанием автор дает строгие произносительные рекомендации и вводит новые правила произношения, исходя из языка сцены.

Однако, как справедливо замечают Р.К. Потапова и Г. Линдер, в условиях сильной диалектно-территориальной окрашенности немецкой литературной речи нормы Зибса оказались несколько экстерриториальными, нехарактерными для реального произношения, к тому же предполагалось их постепенное внедрение [3, с. 28]. Время показало, что реализация установки Зибса была сопряжена со значительными трудностями, и произносительная норма среди широких слоев населения продолжала оставаться неким идеалом, труднодоступной целью.

Следует отметить, что предварительная работа по разработке системы немецкого произношения проводилась в то же время другим известным немецким фонетистом *В. Фиетором (Wilhelm Viëtor 1850–1918)*, который выступал за необходимость реформирования немецкого произношения и предлагал исследовать узуальное произношение с помощью анкет; он был сторонником статистических методов изучения и описания нормы, с учетом надрегиональных тенденций узуса и основных черт сценического произношения. При этом решающим в нормализации он считал учет не сценического произношения, а произношения, более или менее связанного с определенной территорией, которое впоследствии, путем осторожного выравнивания, должно было стать литературным. Результатом его многолетней работы стал составленный и изданный им *„Deutsches Aussprachewörterbuch“* (1912) – *«Немецкий произносительный словарь»*. Однако первую попытку составления орфоэпического словаря В. Фиетор предпринял в своем произведении *„Die Aussprache des Schriftdeutschen mit dem „Wörterverzeichnis für deutsche Rechtschreibung“ zum Gebrauch in den preussischen Schulen“ in phonetischer Umschrift sowie phonetischen Texten“ (1885)* [12] – «*Произношение письменного немецкого языка с „Перечнем слов официальных „Правил немецкого правописания“ в фонетической транскрипции»*. Поскольку Фиетор за основу образцового немецкого произношения взял «верхненемецкую форму в нижненемецком произношении», то можно заключить, что его словарь носил намеренно дескриптивный характер. Кроме того, в предисловии к своему словарю В. Фиетор выступил с некоторыми критическими замечаниями в отношении словаря Зибса, справедливо полагая, что сценическое произношение в повседневной жизни являлось слишком искусственным, манерным, а, следовательно, смешным, далеким от реальных фонетических образцов носителей немецкого языка в Германии в конце XIX – начале XX вв.

С течением времени, особенно с 50-гг. XX в., классический театр, а с ним и сценическое произношение, утратили свою значимость в качестве эталона единой орфоэпической нормы, а на его место выступили радио и телевидение. Таким образом, вновь назрела необходимость «выравнивания» и создания новой формы произношения, применяемого в массовой коммуникации на радио и телевидении. По сравнению со старой формой коммуникации – сценой – новая форма отличалась,

прежде всего, тем, что «речь реализуется в студии, в маленьком закрытом помещении, слушающий же находится вне этого помещения. На сцене актер без технических средств должен заполнить своей речью все помещение. Поэтому для сцены необходима более высокая точность звукопроизводства, которая при новых условиях массовой коммуникации считалась преувеличенной» [3, с. 30].

По предложению и под руководством д-ра *Г. Креха (H. Krech 1915–1961)* в 1959 г. была создана комиссия, которая разработала на основе результатов научно-фонетических исследований новые рекомендации по произношению в немецком языке. Эти результаты нашли свое отражение в словаре *„Wörterbuch der deutschen Aussprache“*, первое издание которого появилось в 1964 г. [8]. В предисловии к словарю авторы дали определение стандартного произношения, которое выражается как форма звучания литературного языка, применяемая в текстах новостей на радио и телевидении, на сцене, в школе, а также в обычной речи. Преимуществом этого словаря является и то, что издатели допускали определенную широту вариативности произношения. Это лексикографическое произведение выдержало несколько изданий, было и остается одним из наиболее распространенных и авторитетных произносительных словарей до настоящего времени.

Рассматривая современные словари, нельзя не упомянуть произносительный словарь *К. Дудена (Konrad Duden 1829–1911)*, относящийся к серии нормативно-толковых словарей *«Большой Дуден» („Das grosse Duden“)*. Как известно, первое издание произносительного «Дудена» относилось к 1962 г. [6]. Пятое, последнее издание, вышло в свет в 2005 г. и является единственным современным авторитетным орфоэпическим словарем во всем немецкоязычном пространстве (Германия, Австрия, Швейцария, Люксембург, Лихтейнштейн и др.). Следует подчеркнуть, что этот словарь преследует те же цели и задачи, что и «Словарь немецкого произношения» Г. Креха. Так, в предисловии к словарю «Дудена» отмечалось, что разработанный стандарт произношения предназначается не для какого-либо круга артистов, профессиональных дикторов и ораторов, а для всех, кто стремится овладеть правильным произношением. Фонетисты выдвинули следующие принципы, которыми руководствовались при составлении словаря, при этом они исходили из правил «сценического произношения»:

1) это идеальная норма, она не претендует на то, чтобы отразить хаотичное многообразие разговорного языка;

2) норма имеет надрегиональный характер, т.е. она не содержит каких-либо типично территориальных форм произношения;

3) норма едина, варианты исключаются или сведены до минимума, например: при произнесении слова politisch приемлемым является только вариант /po\li:tNΣ/, другие часто встречаемые варианты, такие как /pK\li:tNΣ/, /po\lNtNΣ/, /p↔\li:tNΣ/, /p↔\lNtNΣ/, /pK\lNtNΣ/ не принимаются во внимание;

4) нормированное произношение близко к орфографии. Оно в значительной степени, особенно произношение иностранных слов, определяется картиной письма, например, слова Polyphyllie /polyfΨ\li:/ и Polyphylie / polyfy\li:/ можно произнести по-разному не потому, что они имеют разное значение, а потому, что они имеют различное написание;

5) нормированное произношение *(Hochlautung)* отличается большей четкостью произнесения слов, чем разговорное произношение *(Umgangslautung)*, например, при произнесении слов absetzen и Kapsel наблюдаются такие различия:

Hochlautung /\aphzEts↔n/, /\kaps↔l/;
Umgangslautung /\aphzEtsn/, /\kapsl/.

Таким образом, произносительный «Дуден» пошел своим путем по направлению к унификации. Это нашло выражение в устранении или сведении к минимуму произносительных вариантов вопреки общеизвестной, получившей широкое распространение в языкознании точке зрения, согласно которой вариативность рассматривается как закономерное явление литературного языка [1, с. 244].

Необходимо отметить, что все упоминающиеся словари являются одноязычными. Объем словарей неодинаков, при этом в каждом последующем издании наблюдается тенденция увеличения количества входных единиц. Сведения о звуковом строе немецкого языка в этих лексикографических источниках различаются. Первые словари имели прескриптивный характер (Зибс), в дальнейшем широкое распространение получили дескриптивные словари (Фиетор, Крех). Составители современного произносительного словаря серии «Дуден», идя на некоторые компромиссы, продолжают отстаивать позиции сторонников словарей предписывающего типа.

Из сказанного выше можно заключить, что опыт составления орфоэпических словарей в Германии привел к эволюции их лексикографических форм. Так, в XVIII в. орфоэпическими словарями назывались лексикографические произведения, включавшие только информацию об акцентуации, хотя именно они заложили основу современных способов представления фонетических характеристик. Орфоэпические словари нового поколения отвечают всем требованиям современной фонетики и лексикографии, и их авторы стремятся наиболее точно и реалистично отразить современное немецкое произношение.

Библиографический список

1. *Домашнев А.И.* Десятитомная серия нормативно-толковых словарей «Большой Дуден» //Советская лексикография. – М.: Русский язык, 1988.

2. *Иванова Н.К.* Представление фонетических характеристик языка и речи в англоязычной лексикографии XVIII–XX веков: Дисс. … д-ра филол. наук. – СПб., 1995.

3. *Потапова Р.К., Линдер Г.* Особенности немецкого произношения. – М.: Высшая школа, 1991.

4. *Adelung J.Ch.* Kleines Wörterbuch der deutschen Sprache für die Aussprache, Rechtschreibung, Beugung und Ableitung. – Leipzig, 1834.

5. *Adelung J.Ch.* Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuchs der hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen. 5 Bde. – Leipzig, 1775–1786.

6. *Duden*. Aussprachewörterbuch. Band 6. Bibliographisches Institut Mannheim. – Zürich, 1962. – 827 S.

7. *Duden*. Das Aussprachewörterbuch. – Dudenverlag, Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2000. – 894 S.

8. *Krech H.* Wörterbuch der deutschen Aussprache. – VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1964/69/72/74.

9. *Krech H.* Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache. – VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1982.

10. *Siebs Th.* Deutsche Bühnenaussprache. – Bonn, Verlag Albert Ahn, 1898.

11. *Siebs Th.* Deutsche Aussprache. Reine und gemääigte Hochlautung mit Aussprachewörterbuch. – Berlin, 1969. – 495 S.

12. *Vietor W.* Die Aussprache des Schriftdeutschen mit dem “Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung” zum Gebrauch in den preussischen Schulen” in phonetischer Umschrift sowie phonetischen Texten. – Leipzig, OR Reisland, 1885.

13. *Vietor W.* Deutsches Aussprachewörterbuch. – Leipzig, O.R. Reisland, 1921.

Е.М. Болдырева

«ИСКУССТВО БЛУЖДАНИЯ»: МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДИАГРАММЫ ИВАНА БУНИНА («ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА») И ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА («БЕРЛИНСКАЯ ХРОНИКА»)

Преамбула. *В статье рассматривается пространственная модель памяти в автобиографических произведениях И. Бунина и В. Беньямина в аспекте традиции мнемонических блужданий героя в пространстве города, который становится мемориальным палимпсестом; обосновывается понятие мемориальной диаграммы как демонстрации отношений между героем и пространством в процессе воспоминания и «картографирования» автобиографическим субъектом собственного бытия, воспроизводящим авторскую концепцию памяти и архитектонику автобиографического дискурса.*

В 1932 году немецкий писатель и философ Вальтер Беньямин начал работать над своей знаменитой «Берлинской хроникой», где наряду с многочисленными попытками теоретизировать процесс воспоминания появляется очень важная для понимания топологии модернистской автобиографии метафора «искусство блуждания». «Берлинская хроника» представляет собой своего рода эксперимент, в котором личные воспоминания повествователя концентрируются в четко очерченном топосе города: «Этому искусству блуждания меня научил Париж» [1, с. 168]. Мнемонические блуждания по городу как устойчивая традиция русской эмигрантской автобиографии занимают значительное место и в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева», над которым автор работал с 1927 по 1939 год: «Потом я, по своему обыкновению, пошел бро-

© Е.М. Болдырева, 2006

дить по улицам» [2, с. 495]. Это сопоставление Бунина и Беньямина далеко не случайно, несмотря на отсутствие «прямого контакта»: известно, что В. Беньямин в 1933 году покинул Германию и уехал в Париж, и в «парижский период» проявился его интерес не только к французской литературе (эссе о Прусте), но и к произведениям русских писателей (статьи о И. Бунине, М. Алданове и др.). Блуждания героев «Жизни Арсеньева» и «Берлинской хроники» неизменно связаны с темой памяти, город становится важнейшим мемориальным топосом, виртуальной картой памяти, а передвижения, точнее, блуждания героя – траекториями воспоминания. Взаимоотношения автобиографического субъекта с городом как пространством памяти определяются двумя процессами: с одной стороны, память как невещественный феномен подвергается спациализации, с другой – реальное пространство города «мемориализируется», воплощая в себе некую собирательную природу памяти. Между городом и героем возникает неразрывная связь, это превращение внутреннего во внешнее, а внешнего во внутреннее как обмен между человеком и местом был назван немецким психологом Хайнцем Вернером «физиогномическим восприятием». По мнению Вернера, взаимодействие между субъектом и объектом всегда динамичны, причем динамичен не только движущийся субъект, но и само пространство, пронизанное особой «мелодикой», «силовыми линиями» памяти: «Подобная динамизация вещей, основанная на том, что объекты в основном понимаются через моторное и аффективное поведение субъекта, может привести к определенному типу восприятия. Вещи, воспринимаемые таким образом, могут казаться «одушевленными» и даже, будучи в действительности лишенными жизни, выражать некую внутреннюю форму жизни» [5, с. 21]. М. Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия» различал «геометрическое пространство» и «антропологическое пространство» [3, с. 324–344], и именно таким антропологическим мемориальным пространством становится город. Заметим, что лирико-мнемоническое событие блужданий появляется на страницах «Жизни Арсеньева» тогда, когда в жизни Арсеньева происходят (или вот-вот будут происходить) какие-то важные события: первое подробное описание мнемонических блужданий дано в тяжелый для героя период адаптации к гимназической жизни, второе – после ареста брата Георгия, Арсеньев бродит по улицам Орла буквально за несколько минут до знакомства с Ликой и в период мучительных творческих поисков собственного художественного предназначения. Эти блуждания обнажают все мучительные комплексы героя и помещают его в мнемонически продуктивную ситуацию: именно во время городских «скитаний» Арсеньев как никогда остро осознает свою отъединенность от мира, «грусть своей отчужденности от всех, кто идет, едет по улице» «одинокого, грустного гимназиста, еще не принимающего в ней (жизни) никакого участия» [2, с. 322]. Одиночество как оптимальное состояние для воспоминания/запоминания ощутима и в «Берлинской хронике», когда автобиографический повествователь Беньямина упорно стремится отстать во время прогулки от матери «ровно на полшага» [1, с. 166] и с какой-то завороженностью ощущает себя в одиночестве брошенным «на откуп природной стихии» (Беньямин 2005, 168) во время городского наводнения: «Одиночество представлялось мне единственно достойным человека состоянием» [1, с. 171]. Атмосфера же этих блужданий всегда призрачна и погружена в «дымку памяти», «туман воспоминаний», который материализуется в тускло мерцающем свете газовых фонарей или «тонет в пыли и слепящем блеске солнца» [2, с. 322]. Не случайно именно в связи с этими «скитаниями» (реальными или виртуальными) всегда возникает интенсивная мемориальная интенция: «это, среди моих городских впечатлений, одно из самых памятных» [2, с. 323], «мне навсегда запомнилось» – рефрен в сознании блуждающего героя. Арсеньев перемещается не столько в реальном пространстве, сколько в пространстве смысла и памяти, определяя в индифферентном мире собственные координаты, он «картографирует» собственное бытие, выстраивая различные мемориальные диаграммы. Это понятие определяет особый модус памяти, которая начинает проявлять себя не физически, не телесно, не семиотически, а диаграмматически. Ж. Делез и Ф. Гваттари, в трудах которых разрабатывалось понятие диаграммы, замечают, что «письмо теперь функционирует на том же уровне, что и реальность, а реальность материально пишет. Диаграммы сохраняют наиболее детерриториализированное содержание и наиболее детерриториализированное выражение для того, чтобы соединить их» [5, с. 56]. Мемориальная диаграмма – это демонст-

рация отношений между героем и пространством в результате воспоминания, это «карта памяти», ее пространственная модель, образованная перемещением автобиографического субъекта в определенном замкнутом топосе и воспроизводящая авторскую концепцию памяти. В блужданиях Арсеньева, как постоянно утверждает повествователь, очень высок элемент случайности: «случайно зашел» повторяется в разных ситуациях, но поскольку случайность есть осознанная закономерность, в этих, на первый взгляд, бессмысленных блужданиях («мои тупые, бесцельные блуждания по этим улицам» [2, с. 530]) есть определенный смысл. График этих блужданий являет собой мемориальную модель бунинского текста, воспроизводя важнейшие «силовые линии» памяти и принципы ars memorativa. О подобном картографировании говорит и В. Беньямин: «Уже давно, годами, я развлекаюсь тем, что пытаюсь разметить сферу моей жизни – Bios – графически, на карте» [1, с. 166]. Прежде всего, блуждания Арсеньева всегда начинаются с главной улицы города: «прямой, как стрела» Долгой улицы Ельца, голой и пустой орловской Болховской или главной улице Витебска с медленно двигающейся по тротуару густой толпой праздных гуляк. Здесь мы неизбежно сталкивается с противопоставлением карты и маршрута как нецеленаправленной децентрированной структуры и магистральной линии смысла – пути. У Арсеньева нет четкого направления движения, нет маршрута как цели, он неосознанно-стихийно перемещается по линиям «карты». «Интегральный вектор» главной улицы практически сразу же отбрасывается героем, и он неизменно сворачивает в «боковые ветки», в переулки и периферийные улочки, ведущие к окраине города. Мемориальная модель Бунина и Беньямина не приемлет магистральных прямых путей и явных, бьющих в глаза закономерностей – она ориентирована на «боковые ходы», на мелочи и, на первый взгляд, незначимые нюансы. «Если б нужно было одним словом выразить, чем настоящие наблюдения обязаны Парижу, я бы сказал «оглядкой» [1, с. 167]. Переводчик «Берлинской хроники» Е. Павлов отмечает, что, строго говоря, слово Vorbehalt вообще непереводимо: «оно означает «сохранение» и «оговорку» и вместе с тем, благодаря наличию halt, содержит семантический след «остановки», «задержки». Это не только состояние (пред-) осторожности против натиска воспоминаний, но и ритмическая схема реконструкции прошлого» [4, с. 91]. Именно окольные ходы, боковые пути, порой значительно удлиняющие путь к желанному смыслу, оказываются наиболее продуктивными, поскольку более важный оттиск в памяти оставляет не быстро обретенная истина, а сам долгий процесс ее бесконечного поиска, не случайно Беньямин замечает, что для того, чтобы заплутаться в городе, как плутают в лесу, нужна особая подготовка, особый склад личности блуждающего. Места, в которых всякий раз «случайно» оказываются герои – важнейшие мемориальные топосы автобиографического текста: церковь (монастырь, костел) как материальный эквивалент «энергии прапамяти» и вокзал (ср. «я особенно доверялся вокзалам» [1, с. 171]) как генератор мемориальной диаграммы – сетки разбегающихся во все стороны России поездов, подобно «саду расходящихся тропок». В замкнутом пространстве города, как и в пространстве настоящего сознания, невозможно вырваться вовне телесно, но всегда наступает тот момент, когда герой достигает некоей границы, за которой различает бесконечную перспективу. Именно в этих крайних точках городского лабиринта реальное движение переходит в ментальное, происходит прорыв ограниченного настоящего, и воображение продолжает физическую траекторию движения тела: на обрыве у окраине Полтавы, «глядя от собора в долину», он «мысленно ехал в Кременчуг, в Николаев» [2, с. 513], у мужского монастыря на окраине Ельца он вспоминает «то болезненно-восторженное время», когда постился и томится «мыслью о его старине» [2, с. 325]; за окраинным притоком он видит «очень старинные места»: скалистые обрывы «тысячи лет текущей по ними» реки, «в которой погиб когда-то молодой татарский князь» [2, с. 325], на обрыве за собором он думает, что «все проходит и повторяется, что, верно, и триста лет тому назад были тут все такие же черные тесовые крыши» и что «даже при печенегах все так же шла она (река. – *Е.Б.*)». Город оказывается своего рода мемориальным палимпсестом, концентрирующим в себе как личные воспоминания героя, так и память о прошлом страны: стоя над обрывом, Арсеньев, что «и триста лет тому назад были тут все такие же черные тесовые крыши» [2, с. 347], и одновременно вспоминает «заветную ель перед окнами зала и пустой, по-осеннему печальный сад» [2, с. 347] в Батурине. Напротив, когда он не ощущает подоб-

ной многослойности времен, он испытывает глубокое разочарование, как, например, в Севастополе: «Но где же было то, за чем как будто и ехал я? Не оказалось в Севастополе ни разбитых пушками домов, ни тишины, ни запустения – ничего от дней отца и Николая Сергеевича, с их денщиками, погребцами и казенными квартирами. Город уже давным-давно жил без них, вновь отстроенный, белый, нарядный и жаркий» [2, с. 428]. И опять же – только на границе, на зеленой морской водой, возможно почувствовать «грусть и прелесть прошлого, давнего, теперь уже мирного, вечного и даже как будто чего-то моего собственного, тоже всеми давно забытого» [2, с. 428]. Граница, помимо водных линий, всегда обязательно маркирована воротами – калиткой монастыря [2, с. 347] или «запыленными триумфальными воротами» [2, с. 443], за которыми начинается темнота и герой мысленно видит «какой-то уездный городишко, неведомый, несуществующий, только вообразившийся мне, но так, точно вся моя жизнь прошла в нем» [2, с. 484] или раскрывающимися, когда герой оказывается рядом. Для Беньямина таким «порогом» становятся Лихтенштейнские ворота, разделяющие два пространства западных парков. Их особый темпоральный статус заключается в том, что в этом топосе время как бы останавливается (у Бунина – прорывается в вечность) и закрытые ворота еще сильнее заставляют героя ощутить заброшенность и опустошенность мира: «Жизнь в них будто замирала в том месте, где они соприкасались» [1, с. 181]. Всякий раз крайние точки мемориальной диаграммы воспроизводят материальную модель бунинской памяти: подобную конвергенцию всех вещных эквивалентов памяти мы находим, например, в костеле в Витебске: туманный полумрак и «полукруг огоньков», в котором теряются верхушки каменных колонн, задумчивое пение органа, постепенно нарастающее и пытающееся вырваться «из-под чего-то глушившего его», ряд микросюжетов приближения – удаления («то поднималось, то падало бормотание»), преломляющая призма памяти («большое многоцветное окно») и, наконец, желанный прорыв органной мелодии и звонкий разлив «небесных песнопений» [2, с. 500]. Такой же прорыв ощущает и повествователь «Берлинской хроники», когда оказывается в «конечном пункте» многих своих перемещений – Анхальтском или Штеттинском вокзале – и поражен «открывающимся воображению за его стенами бескрайним горизонтом» [1, с. 168].

Блуждания неизменно сопровождаются многочисленными переходами между улицами и переулками, и важную роль в этих мемориальных переходах играет мост, скрепляющий пространственные – в реальном городе – и временные – в сознании героя – линии: «перешел старый деревянный мост» [2, с. 443], «Под этот гудящий звон, – он гудел даже во мне и во всем, – я перешел еще один мост, поднялся на гору к присутственным местам, к домам николаевских и александровских времен» [2, с. 434]. Блуждающий герой оказывается неотделим от пространства, телесно уподобляется месту, чувствуя в себе и «дрожание и гудение» моста, и неизменный звуковой аккомпанемент городских блужданий – звон церковных колоколов. Такие же мемориальные переходы представлены у Беньямина в виде Геркулесова моста, ведущего в Тингарден или Лихтенштейнского моста, одного из входов в зоосад: «Существование таких мест не подлежит сомнению: раз есть растения, о которых дикари думают, что они позволяют им видеть будущее, то есть и места, обладающие такой силой – ими могут быть пустынные променады, кроны деревьев – особенно городских, что стоят над стенами, – железнодорожные переезды, а превыше всего, пороги, таинственно возвышающиеся меж городскими районами» [1, с. 181].

Цель этих бесцельных блужданий не заявлена прямо, но неоднократно обнажается: «мне хочется понять и выразить что-то происходящее во мне. Я мысленно вижу, осматриваю город» [2, с. 325]. Силы, управляющие мемориальными блужданиями, – стремление приобщиться к прошлому, древнему прабытию, поиски смысла собственного существования и собственной личностной целостности и желание обрести и органически почувствовать чистую музыку бытия. Арсеньев страстно стремится в Витебск, Полоцк и Смоленск прежде всего потому, что ему «очень нравятся слова» [2, с. 498], его «сводит с ума» «Слово о полку Игореве», заставляя «плененного древностью» героя посетить берега Донца, Курск, у которого когда-то стояли «оседланы борзыи комони» князя Всеволода, и Путивль, где «тогда…, на ранней степной заре, на земляной стене, убитой колосьями, слышен был «Ярославнин глас» [2, с. 433]. Если беньяминовский повествователь ощущает свою связь с городом преимущественно на визуальном уровне (он не в силах оторваться от собственной коллекции почтовых

открыток, «поскольку тоска по месту определяет его для нас не меньше его внешнего облика» [1, с. 194], вглядываясь в синие купола Мадонна-ди-Каприо или соотнося с реальным коррелятом изображение Галльских ворот на синем фоне), а прустовский герой зачарован именами городов и пытается наложить на ментальное представление реальный объект, то бунинский Арсеньев прежде всего остро ощущает ритмико-акустическую мемориальную силу «зова города»: именно звучание названий древних городов и «Ярославнин глас» оказываются катализатором блужданий по ландшафтам памяти.

Однако бунинское и беньяминовское картографирования при множестве точек схождения все же различны. Блуждания бунинского героя представляют собой не столько сознательно-рациональный, сколько неосознанно-стихийный процесс, это «блуждания лунатика», он идет «завороженный» и «очарованный». Подобный же призрачно-мимолетный характер приобретают порой и его городские впечатления, все встречающееся на его пути единично и случайно, мимо него бесшумно пролетают беззаботные извозчики, мелькают люди и дома, он пытается удержать эти мимолетные впечатления («порыв не дать ему, этому впечатлению, пропасть даром, исчезнуть бесследно…, тотчас же захватить его в свою собственность и что-то извлечь из него» [2, с. 481]), но все остается в его сознании «странным подобием мелькнувшего», в этом призрачном царстве люди, имена, места возникают из темноты, проходят перед героем в тусклом свете газовых фонарей и снова исчезают. Беньямин тоже говорит о «смутном ощущении» берлинских встреч с людьми и явлениями, которых атмосфера города «наделяет лишь кратким, призрачным бытием»: «И смутное ощущение этих моментов и этих мест наделяет воспоминания о детстве… чем-то, что делает их неуловимыми и в то же время притягательно-мучительными, как полузабытые сны» [1, с. 184–185]. И все же, несмотря на то, что потенциальные мемориальные объекты Беньямина «подобно привидениям, возникают в окнах, чтобы снова исчезнуть» [1, с. 184], он пытается «расставить» людей и явления «по местам», закрепляя за каждым его «мнемоническую нишу», размещая, например, в «Римском кафе» предметы мебели и заполняя его клерками и биржевыми маклерами, или расчерчивая город как «театр покупок», связывая при помощи денег отца витрины, приказчиков, зеркала и взгляды матери. Даже себя беньяминовский повествователь размещает в пространстве города: «Однако в Берлине есть район, связанный с этим субъектом теснее, чем любой иной, им в себе сознательно прожитый… Район, о котором я здесь говорю, это Тиргартен» [1, с. 174]. Бунинский Арсеньев лишен подобного «топологического двойника», он не находит – да и не ищет – точки абсолютного совпадения, подобно «Paris vecu» Леона Доде или беньяминовского «прожитого Берлина», он устанавливает множество своих топологических проекций, его l'espace vécu – и Елец, и Орел, и Полтава, и Витебск, причем каждый из них оставляет в памяти героя несколько слепков в зависимости от его душевного состояния в данный момент: Елец утомленного школьными буднями гимназиста не совпадает с тем же Ельцом во время приезда родителей или после ареста Георгия, Полтава с Ликой и без нее – это два абсолютно разных мемориальных слепка в сознании Арсеньева. Эти блуждания в поисках смысла всегда представляют собой некие «срезы» реальности, мемориальные плоскости, походящие через разные точки пространства и закрепляющие в памяти героя разнообразные конфигурации («И изнутри ее (среды. – *Е.Б.*) он делает еще один срез сквозь череду жизненных опытов. Он обнаруживает их новое, странное сочленение» [1, с. 170]). Каждый раз во время своих городских скитаний Арсеньев откладывает в своем сознании новый ландшафт памяти в зависимости от той интенции, которая в данный момент является для него определяющей. У Беньямина связь между героем и пространством намного теснее, чем у Бунина. Если Арсеньев в силу мемориальной интенсивности сознания может сам конституировать пространство, размыкая в определенных локусах его границы, то беньяминовский повествователь сам зависит от пространства и не переступает «порога того дома из-за страха перед встречей с этим самым лестничным интерьером, сохранившем в своем уединении способность меня снова узнать» [1, с. 183–184]. Арсеньев опознает и выстраивает место, беньяминовский повествователь сам оказывается выстраиваемым этим местом, которое порой лучше знает героя, чем он сам: «Это старинная церковь, и про нее можно сказать то же, что и про большинство старинных зданий: хоть они и не выросли вместе с нами…, они тем не менее много знают о нашем детстве, и за

это мы их любим» [1, с. 183], он срастается с пространством, замечая, что его первые театральные впечатления окружены в тумане детства громадными ореолами, как фонари в тумане – гигантскими кольцами.

Таким образом, мемориальные диаграммы образуют особое пространство памяти, когда герой погружается не только в свою, но и чужую память, когда, двигаясь в лабиринте улиц, он «обменивается с пространством» опытом, знаниями и воспоминаниями, «читает», пусть даже бессознательно, следы прошлого, вписанные в «книгу города», и одновременно «телесно вычерченная» диаграмма материализует важнейшие для Бунина и Беньямина принципы «воли и законов Мнемозины».

Библиографический список

1. *Беньямин В*. Берлинская хроника // Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 224 с.

2. *Бунин И.А*. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. – М.: Правда, 1988.

3. *Мерло-Понти М*. Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента, Наука, 1999. – 605 с.

4. *Павлов Е*. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 224 с.

5. *Ямпольский М*. Демон и Лабиринт (Диаграммы, деформации, мимесис). – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 335 с.

ИСТОРИЯ

А.М. Ермаков

ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ СОЮЗА НЕМЕЦКИХ ДЕВУШЕК (1933–1945 гг.)

Нацисты создали крупнейшую в мире молодежную организацию – Гитлерюгенд (ГЮ), через которую прошли миллионы немецких мальчиков и девочек, юношей и девушек. Частью Гитлерюгенда являлся Союз немецких девушек (БДМ), имевший сначала два, а с 1938 г. – три структурных подразделения: Союз юных девушек (ЮМ) для девочек 10–14 лет, Союз девушек (МБ), участницам которого было по 14–17(18) лет, и дочернюю организацию «Вера и красота», в которую входили девушки 17–21 года [6, с. 9]. Национал-социалисты рассматривали пребывание девочек и девушек в БДМ как важнейшее средство их социализации. Девичья организация Третьего рейха была институтом воспитания, который в отличие от довольно консервативной школы и слабо поддающейся государственному контролю семьи активно внедрял нацистские идеалы и ценности.

Имперский фюрер молодежи Бальдур фон Ширах в конце 1933 г. распорядился о том, чтобы деятельность БДМ складывалась на 2/3 из спорта и на 1/3 – из мировоззренческого обучения [11, с. 99]. «Нам нужны девушки, которые, сохраняя свое здоровье и воспитывая все свое тело, создают предпосылку для влияния и дальнейшей передачи нашего мировоззрения, – говорилось в спортивном ежегоднике БДМ. – Наши тела принадлежат не нам самим, а нашему народу. Точно так же, как нации нужны здоровые и работоспособные юноши, из которых позднее получатся обороноспособные мужчины, ей нужны и здоровые и работоспособные девушки, из которых получатся здоровые и красивые женщины» [9, с. 9].

Задачами физической закалки в БДМ были «усовершенствование» целого поколения девушек в соответствии с нацистскими расовыми представлениями, укрепление их здоровья, сплочение коллектива, гармоничное развитие тела, ума и духа, воспитание товарищества и готовности к действию [12, с. 20]. Особое значение национал-социалисты придавали повиновению приказам и дисциплинированности, которые культивировались на спортивных занятиях. Укрепление здоровья считалось обязанностью участниц БДМ по отношению к немецкому народу. Ширах заявил, что девушка, «строжайшим образом тренируя тело и дух, стремится к воплощению заложенных в ней задатков, так она может лучше выполнить свое будущее предназначение – стать матерью новых поколений» [11, с. 98].

С 8 ноября 1933 г. физкультура в БДМ стала обязательной, на физические упражнения было отведено одно двухчасовое занятие в неделю. (Юнг)медель выполняли комплекс гимнастических упражнений со снарядами и без них, плавали. Проводившиеся в БДМ упражнения должны были удовлетворять четырем основным принципам: их легко заучить и можно проводить везде; используется небольшое количество недорогих спортивных снарядов; их можно проводить с большим количеством девушек в сравнительно небольших помещениях; показывают цель спортивной работы БДМ – «здоровая, работоспособная, гармонично развитая, способная действовать в любых областях девушка» [9, с. 12].

Физкультурную работу с 10–14-летними юнгмедель проводили в игровой форме, поскольку игра «укрепляет товарищество, закаляет волю и тренирует все части тела одновременно, позволяет руководительнице подразделения быть капитаном команды, то есть взять на себя начальствующую роль. Для девушек постарше акцент делался на выработке «естественного чувства движения», «пробуждении и укреплении захиревшего чувства собственного тела», что обусловливало больший удельный вес гимнастики и танцев [9, с. 12–13].

Чтобы получить право носить галстук и кожаный узел после полугода службы в ЮМ, каждая десятилетняя юнгмедель должна была выполнить спортивные нормативы: пробежать 60 метров за 14 секунд, прыгнуть в длину на 2 метра, бросить мяч на 12 метров, сделать два кувырка вперед и встать без помощи рук, сделать два кувырка назад, пробежать по качающемуся канату и принять

© А.М. Ермаков, 2006

участие в однодневной поездке [5, с. 24]. От юнгмедель в возрасте 12 лет требовалось пробежать 60 м за 12 секунд, прыгнуть в длину на 2,5 м, бросить мяч на 20 м, попадать мячом с расстояния 6 м в мишень размером 60х60, расположенную на высоте 2 м, проплыть 100 м без учета времени или, если в радиусе 6 км нет возможности для плавания, пройти 8 км без поклажи в течение 2 часов [7, с. 73].

Третьего мая 1934 г. Ширах учредил бронзовые и серебряные спортивные значки ГЮ, которыми за шесть лет были награждены 60 тысяч девушек. Для получения бронзового значка требовалось пробежать 75 м за 13 секунд, прыгнуть в высоту на 1 м и в длину – на 3,25 м, бросить 80-граммовый мяч на 25 м и толкнуть ядро весом 4 кг на 5,8 м, преодолеть расстояние в 25 км без поклажи в течение 6 часов, проплыть 200 м без учета времени, прыгнуть с трехметрового трамплина или в течение часа проехать на велосипеде 15 км, используя карту, найти на местности указанную точку, расположенную на расстоянии не менее 3 км, пройти восьмичасовой курс оказания первой помощи и охраны здоровья. Получение серебряного значка связывалось не только с лучшими спортивными показателями, но и с элементами подготовки в области гражданской обороны и нацистского мировоззрения. От девушки требовали посещения занятий в медицинском кружке «Веры и красоты» и в кружке ПВО. В области политической подготовки она отчитывалась перед начальницей группы по следующему вопроснику: «Назови национальные праздники немецкого народа и расскажи об их значении. Что ты знаешь о значении родословной и генеалогической таблицы? Какие меры приняло национал-социалистическое государство для сохранения здоровья и чистоты немецкой крови? Как проявляется созидательная деятельность фюрера в твоем родном гау? Что ты знаешь о политических отношениях Германского Рейха с другими государствами? В каких государствах живут фольксдойче?» [9, с. 222, 224].

После проведения Олимпиады 1936 г. ненацистские спортивные общества были распущены, а их участники и участницы перешли в добровольные спортивные группы ГЮ и БДМ. По соглашению между Ширахом и имперским спортивным фюрером Гансом фон Чаммером унд Остеном вся спортивная работа среди детей до 14 лет проводилась только силами ГЮ, а в соответствии с законом о ГЮ в декабре 1936 г. в руки нацистской молодежной организации попало руководство профессиональным спортом [9, с. 16].

В сентябре 1934 г. в 75 городах страны впервые был проведен имперский спортивный день БДМ, призванный показать родителям, «что вполне возможно в сравнительно короткое время в такой крупной организации, какой является БДМ, серьезно заниматься физическими упражнениями» [11, с. 101]. С этого времени ежегодно в мае месяце устраивались спортивные праздники унтер-гау, тесно связанные с идеологической и культурной работой. Уже в 1935 г. такие праздники прошли во всех 342 унтер-гау с участием не менее 2 тысяч девушек в каждом [8, с. 69–70].

В 1937 г. Гитлер потребовал ежегодной проверки физической подготовки молодежи, и спортивные праздники ГЮ получили статус имперских спортивных соревнований. В феврале 1937 г. был проведен второй чемпионат Германии по зимним видам спорта, в котором впервые приняли участие девушки, выступив в скоростном спуске, слаломе и конькобежном спорте. В сентябре того же года состоялись первые соревнования молодежных команд по легкой атлетике и плаванию, приуроченные к съезду НСДАП. Позднее было установлено, что девушки участвуют в соревнованиях по плаванию, легкой атлетике, бегу на роликовых коньках и теннису [9, с. 17].

С 1938 г. для всех руководительниц девичьей организации, начиная от (юнг)медельгруппенфюрерин и выше, стали обязательными соревнования по пятиборью, включавшие бег на 75 метров, прыжки в высоту и длину, плавание и медицинбол. Девушки в возрасте 17–21 года были обязаны набрать не менее 3000 очков, девушки 22 лет и старше – не менее 2500 очков. Все нижестоящие начальницы участвовали в троеборье, которое состояло из бега на 75 метров, прыжков в высоту и медицинбола [3, с. 88].

Частью спортивной работы в БДМ были походы, тесно связанные с мировоззренческим обучением и культурной работой, служившие воспитанию любви к родине и культивированию народного сообщества. «Поход ни в коем случае не может быть привилегией состоятельной молодежи, и одна из наших самых благодарных задач – постоянно искать новые пути, чтобы добиться походов для всех. Именно молодые люди, родители которых не могут предложить им летнего путешествия, особенно глубоко переживают такой поход», – говорилось в ежегоднике БДМ [9, с. 231].

Путешествия участниц БДМ организовывались в свободное от школы и работы время и посвящались, главным образом, расово-биологическому обучению и родиноведению. Как бы вне зависимости от мира взрослых, от семьи и школы у девушек формировался собственный опыт. Сначала разрешалось совершать походы в любое время года, «поехать куда-нибудь на 3, 5, 8 дней», ежемесячно организовывать два однодневных или полуторадневных похода [10, с. 77]. Но походы отнимали время от подготовки к урокам и негативно сказывались на успеваемости, поэтому позднее их стали организовывать только летом. В каждом летнем месяце участницы БДМ совершали однодневный или полуторадневный поход в выходные дни, причем такая экскурсия не являлась бесцельной «пробежкой по местности». Руководительница знакомила девочек с образцовым наследственным двором, замком или проводила с ними интересную игру [4, с. 16]. Расстояние, которое участницы БДМ преодолевали пешком, колебалось от 10 до 20 км, багаж – от легкого рюкзака с продуктами до 8 фунтов, а скорость – от 3 до 4 км в час в зависимости от возраста [6, с. 19].

Каждая юнгмедель должна была принять участие в походе продолжительностью 1,5 суток с полагающимся снаряжением и ночевкой на молодежной турбазе, уметь заправлять постель и оставлять лагерь в аккуратном состоянии, помогать на кухне и делать покупки, уметь укладывать багаж, знать важнейшие виды деревьев и сорта зерна, понимать основные обозначения на карте [7, с. 75].

Девушки, входившие в МБ, принимали участие в восьмидневных походах в соседние обергау, проделывая до 18 км ежедневно с 12-фунтовым багажом. Вместо пешего похода могла проводиться шестидневная поездка на велосипедах, причем в отдельные дни девушки покрывали расстояние до 50 км. Если ночевка организовывалась в спортивных палаточных лагерях, то девушки заступали в двухчасовой караул [3, с. 84–86].

Другой частью спортивной работы было пребывание в лагерях. Считалось, что лагерь «воспитывает самостоятельность, дает нам непривычную уверенность по отношению к любым вещам. Он должен научить нас каким-то образом справляться со всем новым и непривычным. В нас воспитывается активность» [10, с. 87]. Позднее по соображениям охраны здоровья пребывание девочек и девушек в палаточных лагерях было строго-настрого запрещено, ночевать разрешалось только на турбазах или в стационарных барачных лагерях, а с середины мая по конец августа – в сараях [9, с. 240].

Помимо физической закалки лагеря выполняли и иные функции: в них проводилась идеологическая обработка обитательниц, воспитывалось народное сообщество. Лагерь «означает покой, означает отдых, и все-таки в нем несут службу. Ведь коллектив выдвигает требования, коллектив формирует. Здесь окончательно рушатся семейные, профессиональные и конфессиональные границы. Здесь никто не находится на особом положении, здесь каждая должна присоединяться к формам и требованиям лагеря. Еще вчера – молодые работницы, школьницы, стенотипистки, домработницы, а сегодня все они – просто девушки, товарки» [2, с. 1].

Лагеря БДМ выполняли антиурбанистическую функцию, приближая девочек и девушек к идеям «крови и почвы», а также к крестьянскому образу жизни и сельскохозяйственному труду, который, как утверждали нацисты, соответствовал сущности женщины. Обитательницы лагеря «знакомятся с немецкой деревней и немецким народом. Они видят крестьянина за работой, чувствуют, что значит земля. Они поют и играют на сельских вечерах, они путешествуют по местности, находятся в полях и лесах. Они сталкиваются со многим сильным и настоящим, ясным и изначальным. Все пустое и бессодержательное, заложенное в них крупным городом, что отвлекало и одурманивало, кажется здесь пошлым и ничтожным, даже ненавистным и отвратительным» [2, с. 1].

Имперский референт БДМ Труде Мор выдвинула лозунг спортивной работы – «Подтянутые, а не толстые, суровые, но не грубые», пояснив, что «эта внешняя суровость и владение собственным телом идут рука об руку с приучением к внутренней дисциплине, которая становится все сильнее и которую мы считаем для девушек такой же необходимой, как и для юношей» [1, с. 13].

Грубость физической закалки в девичьем союзе вызывала неприятие не только среди обычных немцев, но и в нацистской верхушке. В 1943 г. министр народного просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс, который предпочитал изящных женщин, возмутился тем, что БДМ превращает девушек в «настоящих увальней», которых тренируют ходить «гренадерским шагом». «Конечно, я не имеют ничего против того, что девушки занимаются гимнастикой или спортом в разум-

ных пределах, – рассуждал Геббельс. – Но для чего будущей матери нужно совершать марши с полной выкладкой?» Часто подвергались критике, особенно в католических районах страны, гимнастические упражнения участниц БДМ, проводившиеся в тонкой облегающей спортивной одежде, и совместный душ после занятий физкультурой. В ответ руководство БДМ выступало против церковного воспитания, которое объявляет греховным физическую подготовку и вообще все телесное. «Такое воспитание непригодно для заботы о естественном чувстве стыда», – считали в Союзе немецких девушек.

Проведение текущей физкультурной работы в БДМ оказалось в руках совсем юных руководительниц, которые были едва старше своих подчиненных. И тех и других привлекали желание двигаться, радость игры, дух состязательности. Еженедельные занятия спортом, периодические спортивные праздник в населенных пунктах, походы, жизнь в девичьих лагерях не укладывались в рамки традиционного женского поведения и по-своему способствовали эмансипации девушек. Новым для Германии было и отношение к телу, которое культивировалось в Союзе немецких девушек.

БДМ требовал от каждой девушки заботиться о собственном теле, не нежить его, а закалять и укреплять ради сохранения «чистой и здоровой» расы. На домашних вечерах 10–14-летние юнгмедель узнавали, как «содержать себя здоровыми». Руководительница объясняла им, что одного умывания на скорую руку и еженедельного «основательного» мытья для этого недостаточно, что нужно «основательно» мыться каждый день, что «моются и принимают душ без всякой одежды и что нечего искать в душевой купальный костюм. Все части нашего тела даны нам Творцом, полноценны и поэтому заслуживают одинакового ухода». Это звучало новаторски в тогдашней Германии, многие жители которой еще исповедовали старые привычки и представления о приличном и неприличном поведении и внешнем виде. Руководительница должна была научить девочек не бояться зубного врача и посещать его раз в квартал. При чистке зубов утром и вечером рекомендовалось использовать широко разрекламированную тогда в Германии зубную пасту, а если она слишком дорога – зубной порошок или даже соль. Высокий уровень жизни был в то время доступен отнюдь не всем, поэтому руководительнице предлагалось, «когда представится удобный случай» спокойно поговорить со своими юнгмедель на «деликатную тему» – о вшах. «Ты должна объяснить им, что не стыдно, если однажды они принесут откуда-то вшей. Это может случиться с каждым». Главное – сразу же обратиться к медсестре. Охрана здоровья девочек связывалась с демографической политикой режима и представлялась как политическая задача: «Но эти демографические мероприятия не принесут совершенно никакой пользы, если у нас не будет полностью здоровых девушек, которые в будущем сыграют роль матерей новых поколений» [4, с. 3–5].

Следовательно, не будет преувеличением сказать, что физкультура и спорт играли в БДМ еще большую роль, чем у юношей, у которых физическая подготовка, дисциплинированность, привычка беспрекословно выполнять приказы позднее доводились до совершенства на военной службе. Девушки должны были полностью развить в себе эти качества уже в молодежной организации, после выхода из которой их ожидала взрослая жизнь. Значение спортивной работы в БДМ трудно недооценить и по ряду других причин. Массовый девичий спорт был абсолютно новым явлением для тогдашней Германии. Новшествами, которые являлись выражением деформированного национал-социализмом процесса женской эмансипации, несомненно, стали походы, лагерная жизнь, длительное пребывание в коллективе сверстниц. Девичья физкультура и спорт способствовали иному, отличавшемуся от принятого ранее, отношению к своему телу. С этим были связаны и стандартизированные требования к личной гигиене, которые прежде не стояли в порядке дня для девочек и девушек из семей с низким уровнем жизни. В то же время нацистское руководство, по мнению ряда историков, проводившее «непреднамеренную модернизацию» немецкого общества, в работе с девушками отличалось ханжеством и по традиции уклонялось от сексуального воспитания участниц БДМ. Пожалуй, главным в характеристике спортивной работы в БДМ является ее тесная связь с культивированием нацистской идеологии и подготовка девушек к решению расовых и демографических задач, которые ставил гитлеровский режим.

Библиографический список

1. *Bürkner T.* Der Bund Deutscher Mädel in der Hitler-Jugend. – Berlin: Junge Generation Verlag, 1937. – 40 S.

2. Freizeitlager zwingen zur Gemeinschaft // Das Deutsche Mädel. – 1935. – Juli. – S. 1.

3. Der Gesundheitsdienst des Bundes deutscher Mädel in der HJ. – Berin: J. F. Lehmanns Verlag, 1941. – 180 S.

4. JM-Führerinnendienst. Bayerische Ostmark. 1939. Mai. – 24 S.

5. JM-Führerinnendienst. Bayerische Ostmark. 1941. Mai/Juni. – 24 S.

6. Der Jungmädeldienst. Übersicht über Wesen, Form und Arbeit des Jungmädelbundes in der HJ. – Berlin, 1940. – 32 S.

7. *Kaufmann G.* Das kommende Deutschland. Die Erziehung der Jugend im Reich Adolf Hitlers. 3. Aufl. – Berlin: Junker und Dünnhaupt Verlag, 1943. – 376 S.

8. *Kock L.* «Man war bestätigt und man konnte was!» Der Bund Deutscher Mädel im Spiegel der Erinnerungen ehemaliger Mädelführerinnen. – Münster, New York: Hoffannn und Campe, 1994. – 280 S.

9. Mädel im Dienst. BDM-Sport. 2. Aufl. – Potsdam: Ludwig Voggenreiter Verlag, 1940. – 288 S.

10. Mädel im Dienst. Ein Handbuch. 1934. – Potsdam: Ludwig Voggenreiter Verlag, 1934. – 304 S.

11. *Schirach B.* Die Hitler-Jugend. Idee und Gestalt. – Berlin: Junge Generation Verlag, 1934. – 240 S.

12. Spiele und Staffeln für Sommertage // Das Deutsche Mädel. – 1940. – Mai. – S. 20.

Н.И. Захарова

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА В ДЕРЕВНЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1920 гг.): ПРОБЛЕМЫ И УРОКИ (НА МАТЕРИАЛАХ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Культурно-просветительная работа в деревне с первых же лет советской власти явилась важной составной частью политики большевиков. В исторической литературе более широкое освещение получила эта работа, проводимая в мирных условиях, в частности, во времена новой экономической политики. Разработка таких проблем как становление системы культпросветорганов и учреждений в условиях Гражданской войны, сопровождавшееся ломкой всего уклада деревенской жизни и противоречивостью позиции крестьянства в отношении новой власти, приобретают огромную значимость. Обращение к опыту на основе новых документов и подходов в исторической науке позволяет увидеть эволюцию культурно-просветительной работы, ее влияние на характер и исход Гражданской войны. Заслуживает внимание опыт культпросветработы в Верхнем Поволжье, характеризовавшийся как общими чертами, так интересными начинаниями и особенностями.

Придавая большое значение культпросветработе, компартия и советская власть создали для ее проведения систему органов и учреждений. Агитационные секции создавались при губернских комитетах. Ввиду острой кадровой проблемы, обострившейся проводимыми в уездах и волостях партмобилизациями, губкомы партии рекомендовали привлекать к работе среди крестьян местную интеллигенцию, особенно учительство. На деле же, как информировал Костромской губком ЦК в мае 1920 г., учителя принимали очень небольшое участие в культурно-просветительной работе деревни, ограниченное постановкой спектаклей, ведением кружков[1]. Основную нагрузку на себя взяли приезжие агитаторы из города, воспринимаемые крестьянством отчужденно, а порой и откровенно неприязненно.

Сеть культпросветучреждений в деревне и арсенал средств ведения работы отличались разнообразием. Преобладали митинговые формы. В различных документах, печати, на митингах, собраниях звучали призывы: «Лишь победа на фронте, усиленный труд и просвещение в тылу могут победить разруху; и так за молот и плуг, винтовку и букварь, граждане»[2].

Однако просветительство не решало проблем, связанных с необходимостью привлечения крестьянства на сторону большевиков. Напротив, отчужденность проводимой культпросветработы от интересов деревни в совокупности с недостатками проводимой государственной политики, в частности в экономической области, все более обостряла ситуацию. Только за 1918 г. на территории Верхнего Поволжья произошло около 48 выступлений крестьян. На лето и осень 1919 г. пришелся наивысший подъем антисоветских крестьянских выступлений, принявших массовый и организо-

© Н.И. Захарова, 2006

ванный характер[3]. О масштабе крестьянского движения в середине 1919 г. говорит тот факт, что только количество принявших участие красноармейцев в их подавлении достигло в Ярославской губернии 10 тыс., а общее число участников этих выступлений можно было определить числом в 25–30 тыс. человек[4].

Ошибки политики власти пытались компенсировать жестким подавлением выступлений крестьян с участием вооруженных отрядов, распространявших на население институт заложников и штрафов, взимавших с крестьян контрибуцию[5]. Такая позиция лишь обострила взаимоотношения крестьянства с новой властью и заставила центральную власть задуматься о необходимости ведения более разумной политики, отвечающей интересам, потребностям сельского населения для привлечения его на свою сторону. Об этом говорил В.И. Ленин на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования в ноябре 1920 г.: «Мы по всей линии своей просветительской работы не можем стоять на старой точке аполитичности просвещения, не можем ставить просветительскую работу вне связи с политикой…нужно практически показать, как надо социализм строить. Вся пропаганда должна быть построена на политическом опыте хозяйственного строительства…»[6] В то же самое время негативную оценку получил и имеющийся организационный аппарат агитаторов, «который уже существует, но еще работает несовершенно и неудовлетворительно», разобщено[7].

Изменения в партийно-государственную политику внес в марте 1919 г. VIII съезд РКП(б), на котором крестьянский вопрос занял ведущее место. По итогам съезда на всей территории Верхнего Поволжья при партийных комитетах были организованы отделы по работе в деревне. Они подбирали и утверждали районных, губернских и уездных организаторов[8]. Осенью 1920 г. был образован Главный политико-просветительный комитет республики – Главполитпросвет, а позже – губернские и уездные политпросветы. Идейное руководство осуществляли ЦК РКП(б), губкомы, укомы, волкомы партии. Непосредственно работу среди крестьян в волости вели волостные организаторы, которые должны были «иметь идейное руководство над всеми ячейками волости... давать разъяснения всех изданных циркуляров и декретов советской власти, организовывать сеть учреждений (библиотеки, избы-читальни, и т.д.)»[9]. По мере развития культпросветработы создавались все новые структуры: отдел по работе среди женщин, инструкторско-агитационная коллегия и др. Возникали новые формы работы в деревне. Так, в Костромской губернии в одной из первых возникли и получили общероссийское признание беспартийные конференции крестьян. Всего в губернии в 1919–1920 гг. состоялось свыше 250 конференций беспартийных рабочих и крестьян, на которых присутствовало около 40 тыс. делегатов[10]. В их работе наряду с коммунистами принимали участие делегаты от уездных городов, всех волостных и сельских советов. На них освещались вопросы текущего момента, политики большевиков в различных сферах, в том числе земельной. По словам самих участников конференций, «деревня поднимается», «возвращаясь на местах, делегаты конференций становятся агитаторами среди крестьян»[11]. Эффективную роль в изменении позиции крестьянства к власти сыграли «недели крестьянина», «недели фронта», в ходе которых рабочие направлялись для оказания практической помощи деревне[12].

Заслуживает внимания и опыт проведения в губернии «красных повозок», сотрудники которых обследовали в волостях избы-читальни, клубы, народные дома, организовывали новые культпросветучреждения, ячейки РКП(б) и РКСМ[13]. Все это и дало основание Костромскому губкому партии в докладе о работе в деревне за 1920 г. отметить положительные сдвиги, в частности, «уяснение задач текущего момента крестьянами», принятие «довольно успешных резолюций в коммунистическом духе». А самое главное отзывы самих крестьян: «Наконец-то советская власть додумалась прислать своих представителей поговорить с нами по деловым вопросам... До сих пор никто не бывал за исключением отрядов по реквизиции фуража, хлеба и скота, почему мы до сих пор имеем превратное понятие о советской власти»[14].

Перемена тактики дала власти реальные результаты. Центр крестьянских выступлений переместился на отдаленные уезды губерний Верхнего Поволжья или в те уезды и районы, где слабо была поставлена работа отделов по работе в деревне.

Подводя итог, следует отметить, что за годы Гражданской войны был положен переход от культурно-просветительной работы к политико-массовой работе, нацеленной на формирование в лице крестьянства союзников новой власти.

Эволюция культпросветработы была вызвана объективными причинами исторического момента, когда в условиях Гражданской войны и роста крестьянских выступлений, в том числе в Верхнем Поволжье, поддержка крестьянства имела решающее значение для установления и развития советской власти. Однако при всем своем размахе результативность культпросветработы оставалась низкой. Отчасти, это было обусловлено отсутствием опыта подобной работы и нехваткой подготовленных кадров, что затрудняло возможность развернуть широкую сеть культпросветучреждений. Преобладание митинговых форм и приемов воздействия на массы не позволяло работникам вникнуть в конкретные условия деревни, действительные проблемы населения. Не учитывалась патриархальность крестьянства, оказавшегося не готовым к быстрому и кардинальному изменению привычного уклада жизни. В целом же, проводимая агитация и включение деревни в активную преобразовательную деятельность послужили мощным фактором, предопределившим исход Гражданской войны и поддержку советской власти.

Примечания

[1] Во имя победы революции: Костромская губерния в период Гражданской войны 1918–1920 / Сост. И.Е. Травина, Л.И. Федорова; под ред. М.Н. Белова. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1984. – С. 179.

[2] Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО), ф. 1, оп. 1, д. 477, л. 46.

[3] См.: *Миловидов В.Л.* Страницы российской истории: избранные статьи и очерки. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – С. 118–130.

[4] См.: Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД, 1918–1939 гг. – М.: РОССПЭН, 2000. – Т. 1. – С. 171.

[5] *Тихонова О.В.* Крестьянские выступления в 1918–1921 гг. как одна их форм Гражданской войны: общее и особенное (на материалах Верхнего Поволжья) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Исторические науки»: «Волжский рубеж». – 2004. – №2. – С. 81.

[6] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 41. Май–ноябрь 1920. – М.: Политиздат, 1981. – С. 399.

[7] Там же. – С. 148–150.

[8] ГАНИКО, ф. 1, оп. 1, д. 232, л. 31–31 об.

[9] VIII конференция РКП(б). Протоколы. Декабрь 1919 г. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 235–239.

[10] Очерки истории Костромской организации КПСС. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1967. – С. 183.

[11] См.: Известия Яргубисполкома. – 1919. – 2 ноября.

[12] Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 5, д. 232, л. 12; ф. 13, оп. 3, д. 1298, л. 19.

[13] Во имя победы революции. – С. 214–215.

[14] См.: Красный мир. – 1920. – 7 февр.

Н.П. Пигалева

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ УЧЕБНОЙ И МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КОСТРОМСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ И ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ШКОЛЫ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1953)

Экономический потенциал страны за годы Великой Отечественной войны сильно пострадал. Страна потеряла 1/3 своего материального богатства. Огромный урон понесла система образования. Были разрушены сотни школьных зданий, многие из них в годы войны служили не по назначению. Следовательно материальная база школ, даже не находящихся на оккупированных территориях, была сильно подорвана.

Сразу после окончания Великой Отечественной войны советские люди приступили к восстановлению народного хозяйства: необходимо было в сжатые сроки поднять из руин разрушенные врагом города и села, сделать новый шаг в развитии экономики, культуры и образования. План четвертой пятилетки (1945–1950 гг.), озаглавленный как «План повышения материального и культурного уровня жизни народа» в третьем разделе особо указывал на необходимость восстановления и расширения сети начальных и средних школ, высших учебных заведений. Требовалось «…увеличить количество начальных, семи-

© Н.П. Пигалева, 2006

летних и средних школ до 193 тысяч, а количество учащихся в них до 31,8 млн., обеспечив общее обязательное обучение детей с 7 лет, как в городе, так и в деревне; создать условия для повышения качества обучения и воспитания детей в школах, а также условия для обучения той части молодежи, которая во время Великой Отечественной войны не могла получить нормального образования в школе»[1].

Несомненно, что первой и самой важной задачей школьного образования в СССР, стало восстановление материальной базы школ и строительство школ в освобожденных районах. На то, насколько тяжелой и трудоемкой стала эта работа, указывает число разрушенных за годы войны школ – 84 тыс. Тем не менее, большинство из них (около 70 тыс.) начали свою работу в частично восстановленных зданиях, зачастую не приспособленных к ведению процесса обучения еще до окончания войны[2].

В 1945–1946 гг. в стране было вновь построено и восстановлено более 4 тыс. школ, среди них 488 сверх плана и 1123 – методом народной застройки[3].

Несмотря на очень серьезные материальные трудности послевоенного времени, государство увеличивало ассигнование на образование. Если в 1940 г. они составляли 22,5 млрд. руб., то в 1945 г. они увеличились до 28,6 млрд. рублей, а в 1950 г. достигли 56,9 млрд. рублей[4]. Однако этих денег не хватало, и проблемы финансирования образования были первоочередными.

Определенную сложность в восстановление работы школ после войны была неразбериха, возникающая в связи с часто неорганизованной реэвакуацией мирного населения в районы прежнего проживания. Это порождало нехватку кадров, приводило к использованию недостаточно профессионально подготовленных людей. Кроме этого вставала проблема учета и привлечения к учебе новоприбывших детей, особенно старшего школьного возраста[5].

Общесоюзные проблемы проявлялись и на местах. Постановления высших органов государства и партии выступали основой деятельности местных органов власти. На примере Костромской области можно увидеть, что к проблемам финансирования народного образования костромские власти подходили очень серьезно. По данным справки о состоянии образования за 1945–1946 гг., «ассигнования на образование составляют 45% всего областного бюджета», а ежегодный рост их характеризуется следующими данными:

– в 1945 году – около 96 млн. рублей;
– в 1946 году – около 98,3 млн. рублей;
– в 1947 году – около 140 млн. рублей;
– в 1948 году – около 149 млн. рублей;
– в 1949 году – около 163,7 млн. рублей;
– в 1950 году – около 172 млн. рублей.

Таким образом, с 1946 по 1950 гг. ассигнования на народное образование в Костромской области увеличились примерно в 2 раза[6]. Однако, этого было недостаточно. Увеличивается сеть школ, подлежащих ремонту, что еще более усложняет материально-хозяйственные условия работы школ послевоенного времени. На 1 сентября 1945 г. в Костромской области был проведен текущий ремонт 678 школьных зданий и капитальный ремонт 83 школ (по плану предполагалось отремонтировать 830 и 134 здания соответственно). Материальная база большинства школ области не соответствовала требованиям. Школьные здания были запущены, разбитые окна часто не стеклились, а забивались фанерой. По причине нехватки школьных зданий многие школы работали в две смены, а более половины школ Костромской области – в три. Для 171 школы помещения вообще не нашлось – занятия проходили в арендованных крестьянских домах[7]. Школы плохо оборудовались классной мебелью, в сельских учебных заведениях она не соответствовала санитарно-гигиеническим и педагогическим нормам: не хватало парт, столов, скамейки были в основном без спинок, мебель не всегда соответствовала росту учеников (классные доски малых размеров – до 1 м^2), требовалась шпаклевка и покраска и т.п. В 1946 г. в Костромской области из 1346 школ требовали капитального ремонта –195, текущего – 405, при этом отремонтировано было только 85 сельских школ, а городские вообще остались без ремонта[8].

Со временем ситуация менялась достаточно слабо. В «Справке о состоянии народного образования Костромской области» за 1948–1949 гг. отмечалось, что «в области работают 1392 школы: из них начальных 1125, семилетних – 227, средних – 40. Материальная база большинства школ не соответствует уровню требований советской школы»[9].

Аналогичным было положение дел и в Ярославской области. На 1946 г. капитальному ремонту подлежало 272 школы, ремонтировалось – 66, а закончили ремонт в срок только 6 школьных зда-

Таблица

Обеспечение учебной литературой учащихся Буйского района Костромской области

Название учебника	Количество учащихся, которым требовались книги	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс
Родная речь	1527	60	-	-	-
Букварь	1527	605	102	-	-
Книга для чтения	1479	-	124	-	-
Сборник арифметических задач	1479	-	-	-	-
Учебник русского языка для 3–4 кл.	1911	-	-	45	45
Сборник упражнений по правописанию	1911	-	-	-	-
Естествознание	801	-	-	-	57
География	801	-	-	-	58
Сборник арифметических задач для 4 кл.	801	-	-	-	40

ний. Текущий ремонт был запланирован в 824 школах, проводился – в 221, а закончили только в 47 школах[10].

Школы испытывали острую нужду в учебниках, это была общегосударственная проблема. Отдел школ Ярославского ВКП(б) сообщал в Москву, что «учебников в школах мало, по одной или две книги на класс, а по некоторым предметам вообще нет»[11]. По плану Министерства просвещения в 1946 г. Костромской области было выделено 300 тыс. экземпляров учебной литературы, что составило 46% потребности. Многие ученики воспроизводили школьную программу «на слух», а это не могло не отразиться на снижении успеваемости. В отдельных случаях новыми учебниками могли пользоваться только учителя.

Нехватка учебников создавала методические трудности для учителей. Учительница Закобякинской средней школы Середского района Ярославской области Брюквина ходила в районную библиотеку за различными книгами, находящуюся за 24 км от школы. Это образец подвижничества сельской учительницы, но в силу объективных и субъективных обстоятельств, не многие могли последовать ее примеру.

Характерна в этом плане таблица[12], показывающая, как осуществлялось снабжение учебниками школ Буйского района Костромской области. Из нее видно, что в начальной школе только с букварями дело обстояло достаточно благополучно – они имелись у половины учеников. Остальных учебников катастрофически не хватало. Подобная ситуация складывалась не только по всем районам области, но была типична для всех страны в целом.

Примечания

[1] См.: Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы. – М: Госполитиздат, 1946. – С. 7.

[2] См.: *Константинов Н.А.* Советская школа в период послевоенной сталинской пятилетки // Очерки по истории педагогики / Под ред. Н.А. Константинова. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1952. – С. 454.

[3] *Константинов Н.А.* Указ. соч. – С. 455.

[4] См.: *Королев Ф.Р.* Успехи народного образования в СССР за 40 лет. – М.: Знание, 1957. – С. 46.

[5] См.: Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сб. док. 1917–1973. – М., 1974. – С. 38.

[6] ГАНИКО, ф. 765, оп. 3, д. 614, л. 1.

[7] ГАНИКО, оп. 1, д. 922, л. 1; оп. 2, д. 765, л. 236.

[8] ГАНИКО, ф. 765, оп. 1, д. 922, л. 15.

[9] ГАНИКО, ф. 765, оп. 2, д. 772, л. 123.

[10] ЦДНИЯО, ф. 272, оп. 225, д. 34, л. 47.

[11] ЦДНИЯО, ф. 272, оп. 225, д. 143, л. 14.

[12] Составлено автором по: ГАНИКО, ф. 765, оп. 1, д. 470, л. 3.

Р.Ю. Мальцев

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПОЛИТИЧЕСКОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В НАЧАЛЕ XX В.

В дореволюционной историографии вопрос политического самоопределения предпринимателей представлен мало. Работы, посвященные промышленности, носили описательный характер, и выходили к каким-либо памятным датам. Проблема участия буржуазии в общественно-политической жизни страны непосредственно встала в период первой русской революции. В дореволюционной историографии роль предпринимателей в политическом процессе если и рассматривалась, то только в русле политической полемики периода думских выборов: политические оппоненты жестко оценивали участие предпринимателей в политической борьбе. Статьи во всевозможных журналах были полны пафоса и обвинений буржуазии в неспособности придти к власти[1]. Не редки были эмоциональные ремарки: «Глаза их так же жадны, как раньше, и рот их так же открыт, чтобы проглотить рабочего. Они даже не научились скрывать свою жадность»[2].

Пожалуй, одной из немногих заслуживающих внимания работ было многотомное «Общественное движение в России в начале XX века». Во втором томе была напечатана интересная статья А. Ерманского «Крупная буржуазия в 1905–1907 гг.»[3] В ней делается попытка анализа действий буржуазии в период революционных событий: автор делает вывод о значении съездов предпринимателей и промышленников, как постоянной национальной организации капитала с непрерывно и энергично действующими в привычном для них направлении советом, комитетом и прочим[4]. Вместе с этим промышленная буржуазия по мнению автора, в борьбе с рабочим вопросом тесно «спаяна со старым режимом»[5].

Собственно вопрос политического самоопределения предпринимателей не рассматривался историографией и советского периода. За исключением ранних исследований 1920-х годов, историки видели в предпринимателях (буржуазии) класс противоположный рабочему, с которым непременно нужно бороться, отсюда понимание и исторического места российских промышленников в общественной жизни. Вывод однозначен – место это весьма неприглядно: буржуазия – противник всего нового, революционного, всего того, что, по мнению советских историков, нес в себе рабочий класс. Отсюда и основное направление работ этого периода. Буржуазия рассматривалась как союзник «царизма. В названии большинства работ эти определения стояли через союз “и”»[6].

Работы 1920-х годов отличались от более поздних, в первую очередь отсутствием явных ссылок на основоположников марксизма-ленинизма. Одним из первых советских историков проблему участия буржуазии в политической жизни страны рассматривал П.А. Берлин. Во второй части своей монографии «Русская буржуазия в старое и Новое время», рассматривая пореформенную Россию, он приходит к выводу об отсутствии у буржуазии политической власти в западноевропейском смысле слова, но при этом она отнюдь не пассивно относилась к политическому курсу правительства. Последнее в свою очередь прислушивалось к настроению крупной буржуазии, оказывало содействие ее сплочению[7]. Основной проблемой буржуазии автор считал то, что даже в сознании самых передовых представителей этого класса экономика и политика, классовая и политическая борьба вели «совершенно раздельное существование». Таким образом единство экономических взглядов не мешало полному расхождению политических воззрений[8].

Весьма показательна критика этих работ в 1960–1970 гг. В.Я. Лаверычев определяет работу П.А. Берлина по методологической основе как примыкающую к дореволюционной буржуазной историографии[9].

Большинство советских авторов буржуазию как активную политическую силу не рассматривают, пишут о политическом бессилии либеральной буржуазии перед лицом более революционного класса пролетариата.

В 1980-е гг. заметен отход историков от столь резкой оценки участия предпринимателей в политической жизни начала XX в. Работа Л.Я. Шепелева, которая базируется на большом количестве источников, в этом плане может служить примером нового подхода. Для него буржуазия уже не состоит в сговоре с царизмом, а ведет с ним борьбу по вопросам эконо-

© Р.Ю. Мальцев, 2006

мической политики. Причем ведется она на двух уровнях: на верхнем через буржуазные политические партии в Государственной думе, на нижнем – через предпринимательские организации (посредством воздействия на Совет министров и Министерство торговли и промышленности)[10].

В постсоветской историографии наблюдается уменьшение работ по истории рабочего движения и промышленности в целом, идет возрастание интереса к купечеству, предпринимательству. Причем во главу угла ставятся не процессы, а человек, т.е. за событием все чаще видится не цифра, класс или закономерность, а личность. Также в начале 1990-х наблюдается спад интереса к проблеме политической борьбы. Одной из последних работ данной тематики была изданная в 1991 г. В.В. Шелохаевым «Идеология и организация российской либеральной буржуазии». Рассматривая участие буржуазии в политических партиях, автор считает, что из обломков левого октябризма и правого кадетизма была создана партия прогрессистов, представляющая собой некий промежуточный тип политической организации российской буржуазии[11].

Возрастание интереса к промышленникам началось с середины 1990-х гг. Связано это с проведением ряда региональных конференций посвященных тем или иным аспектам деятельности буржуазии[12]. Выходят работы обобщающего характера[13].

В целом интерес к исследованию участия предпринимателей в политической жизни России начала XX в. не угасает. Ю.А. Петров рассматривая политическую деятельность центральной буржуазии, делает вывод, что отсутствие массового представительства буржуазии, изоляция от широких слоев, раздробленность сил, открыто «буржуазный» характер предвыборной агитации вел к поражению всех партий предпринимателей в предвыборных гонках в Думы[14]. В.Ю. Корнишин пишет о специфике двух центров: Санкт-Петербурга и Москвы, оппозиционность которой связана, по его мнению, с ориентацией производства на легкую промышленность, по которой ударил кризис 1900–1903 гг. и как следствие ее связь с российской провинцией, которая постоянно сотрясалась забастовками и стачками. Подробно разбираются этапы строительства партий и причины их развала[15]. Используются новые источники для оценки партийных предпочтений предпринимателей[16].

Примечания

[1] *Пажитнов К.* Очерк развития буржуазии в России // Образование. – 1907. – №2. – С. 5.

[2] *Вигдорчик Н.* Голос капиталистов в рабочем вопросе // Образование. – 1907. – №2. – С. 9–10.

[3] Общественное движение в России в начале XX века. Т. II. Ч. 2. – СПб., 1910. – С. 30–100.

[4] Там же. – С. 48.

[5] Там же. – С. 100.

[6] См. *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. – М., 1970. – 448 с.; *Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1900 г.). – М., 1974. – 252 с.; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). – Л., 1967.

[7] *Берлин П.А.* Русская буржуазия в старое и Новое время. – М., 1922. – С. 167.

[8] Там же. – С. 305.

[9] *Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1900 г.). – М., 1974. – С. 6.

[10] *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. – Л., 1987. – С. 257.

[11] *Шелохаев В.В.* Идеология и организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. – М., 1991. – С. 194.

[12] См. напр.: Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX – начале XX века. Материалы XIX зональной межвузовской конференции Центрального промышленного района России. – Иваново, 1994. – 102 с.; К истории предпринимательства в Сибири: Материалы Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 1995). – Новосибирск, 1996. – 204 с.

[13] Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. – М., 1997. – 344 с.; История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX века. – М., 1999. – 575 с.; Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. – М., 2001. – 624 с.; Первая революция в Росси: Взгляд через столетие. – М., 2005. – 605 с.

[14] См. *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века: Предпринимательство и политика. – М., 2002. – 440 с.

[15] Партии российских промышленников и предпринимателей: Документы и материалы. 1905–1906 гг. / Сост. В.Ю. Корнишин. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 6.

[16] Списки кандидатов в выборщики в Государственную думу; См. подр. *Селезнев Ф.А.* Политические предпочтения буржуазии Москвы и Нижнего Новгорода в 1906–1907 годах // Отечественная история. – 2006. – №1. – С. 42–53.

К.С. Рубанков

ЧИСЛЕННОСТЬ КРАЙНЕ ПРАВЫХ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1906–1908 гг.

История правомонархического движения в России (1905–1917 гг.) в последнее время привлекает все большее внимание исследователей[1]. Одна из центральных проблем – численность крайне правых, особенно в период их максимального влияния в 1907–1908 гг. Если в советской историографии существовала явная тенденция к преуменьшению численности крайне правых партий – исследователи называли цифры от 10 до 200 тысяч человек[2], то современные исследователи пришли к мнению, что на пике успеха в 1907–1908 гг. количество крайне правых в стране составляло чуть больше 400 тысяч человек, и они, таким образом, в то время могли считаться самой многочисленной партией в России[3]. В 1990-е годы началось интенсивное изучение деятельности крайне правых в провинции. Исследователи определили численность крайне правых в Костромской губернии (где действовали отделения Союза Русского Народа (СРН) – главной монархической партии страны), однако, на наш взгляд, источники, по которым велись подсчеты, не подвергались должной критике. Отсюда цель данной работы – проанализировать данные о численности костромских крайне правых в 1906–1908 гг.

Главным источником для всех подсчетов являются материалы запросов Департамента полиции российским губернаторам. Власти хотели узнать, представляют ли монархические организации реальную силу.

Такой запрос в Костромскую губернию пришел 13 сентября 1907 г. Губернатор А. Веретенников разослал аналогичный запрос уездным исправникам. Очень быстро – 27 сентября, то есть через две недели, в Петербург ушел отчет о численности крайне правых организаций в губернии. Он представлен в таблице 1.

Эти цифры благополучно ушли в Петербург, став источником для большинства подсчетов, которые ведут исследователи[5].

Между тем, сравнение дат на отчетах уездных исправников губернатору показывает, что большинство из них пришли в Кострому позже 27 сентября 1907 г. То есть губернатор отослал свой отчет в Департамент полиции (ДП) еще *до того*, как к нему поступили данные от исправников. Поэтому цифры, отправленные в ДП и данные, полученные позже от исправников, разительно отличаются. Сравним их (табл. 2).

Как видим, численность крайне правых, о которой губернатор известил Департамент полиции, завышена почти в три раза.

Таблица 1

Место образования отдела	Число членов
г. Кострома	3500
с. Красное	5000
с. Апраксино	700
д. Зиновьево	500
г. Солигалич	1000
г. Кинешма	1000
г. Плес	4000
с. Середа	300
г. Кологрив	400
Всего:	12800 человек[4]

Таблица 2

Место образования отдела	Кол-во членов по данным, отправленным в ДП[6]	Количество членов по данным уездных исправников[7]
г. Кострома	3500	3000
с. Красное	5000	1000
с. Апраксино	700	–
д. Зиновьево	500	–
г. Солигалич	1000	100
г. Кинешма	1000	150
г. Плес	400	100
с. Середа	300	67
г. Кологрив	400	74
Всего:	**12800**	**4491**

© К.С. Рубанков, 2006

Отчетов от исправников, в которых бы приводились цифры по с. Апраксино и д. Зиновьево, у нас нет. Даже если поверить данным, которые привел губернатор и принять цифры в 700 (Апраксино) и 500 (Зиновьево), то и тогда количество костромских монархистов возрастет всего лишь до 5691 человек. Но поскольку во всех остальных случаях цифры завышены в несколько раз, верить данным по с. Апраксино и д. Зиновьево нельзя.

Можно также предположить, что и уездные исправники вполне могли завышать цифры. В частности, солигалический исправник 26 сентября отправил в Кострому данные о 1 тысяче членов местного отдела СРН. Но через месяц, 30 октября он уже писал, что их 100 человек[8]. При этом он оговорил, что это число «действительных» членов, тем самым, указав, что первоначальные сведения были ошибочными. Также поступил и костромской полицмейстер. Сначала он заявил, что в Костроме численность отдела СРН – 3500 человек, но через некоторое время сам уменьшил эту цифру – до 3 тысяч. Однако такая численность отдела СРН в Костроме также вызывает сомнение. Несколько позже, в самом начале 1908 г., один из лидеров костромского отдела СРН говорил: «Здесь (в Костроме. – *Р.К.*) союз начался с 5–6 человек, а теперь уже насчитывает до 1000...»[9]. Вряд ли видный союзник стал бы приуменьшать численность собственной организации. Скорее всего, мы здесь как раз имеем дело с реальной цифрой. Таким образом, следует признать, что цифра в 12800 человек, а именно такая численность костромских членов правомонархических организаций названа в ряде исследований, является недостоверной. Как видим, в это время численность членов монархических организаций в губернии составляла максимум 5 тысяч человек.

Можно только предполагать, какими мотивами руководствовался губернатор А. Веретенников, отсылая в ДП подобные неточные, недостоверные цифры. Здесь можно выдвинуть две версии. Первая – губернатор хотел отправить отчет в Санкт-Петербург как можно быстрее, поэтому руководствовался какими-то не дошедшими до нас данными, возможно, исходящими от самих монархистов. Численность правомонархистов была определена произвольно. То, что цифры не окончательные, собственно, оговорил и сам губернатор, назвав данные, посланные в Петербург – «приблизительными сведениями». Он обещал дополнительно прислать уточненные данные, когда получит их от уездных исправников (это полностью подтверждает мысль, что цифры, посланные в Департамент полиции, взяты не из отчетов исправников)[10]. Можно предположить, что когда губернатору были представлены реальные цифры, он не стал отсылать их в ДП МВД, вероятно, не желая показывать огромную разницу между данными (в 3 раза!). Таким образом, первая версия – это торопливость и небрежность канцелярии костромского губернатора. Однако можно выдвинуть и вторую версию: к 27 сентября, когда все данные отправились в ДП МВД, у костромского губернатора уже были точные данные о численности кинешемского отдела СРН – 150 человек. Между тем в отчет попала совсем другая цифра – 1000 человек. Также уже были в его распоряжении точные данные по г. Плесу и с. Середа – всего 167 человек. Однако в отчете губернатора фигурирует цифра – 700 членов. Напрашивается предположение, что губернатор сознательно хотел преувеличить численность и влияние костромских крайне правых. Следует отметить, что А. Веретенников имел репутацию покровителя костромского отдела СРН.

Изучение механизма составления отчета губернатора позволяет нам понять отношения между властью и крайне правыми на первом этапе их отношений. Как видим, костромские власти сделали все, чтобы показать влияние правомонархистов в массах.

Несколько позднее в губернии открылось еще несколько подотделов костромского отдела СРН: Юрьевецкий (около 200 членов), Буйский (около 60 человек), Чухломской (от 20 человек), Галичский (численность неизвестна) и Шудский (Варнавинская волость, численность неизвестна). Однако в любом случае, эти данные кардинально не меняют картину – численность крайне правых в губернии не превышала 5 тысяч человек. Стоит отметить, что больше всего их было в Костроме и близлежащих населенных пунктах.

Следует отметить, что даже эти цифры по сравнению с численностью других партий в Костромской губернии выглядят солидно. По тем же отчетам исправников видно, что количество, скажем, членов партии «Союза 17 октября» не превышало 200 человек. Исправники не сообщали о численности социал-демократов, но, в общем, ясно, что к 1908 г. СРН был самой многочисленной партией в Костромской губернии.

Кроме того, следует иметь ввиду еще один, очень важный фактор. СРН всегда подчеркивал,

что он не партия, а союз, и что его члены – все православные и монархически настроенные русские люди. И действительно почти все уездные исправники были единодушны: большинство местного населения – «беспартийные» монархисты. И они правы. Кроме зарегистрированных тысяч человек в арсенале СРН первое время был огромный резерв монархически настроенного крестьянства, готового на все, чтобы «постоять за царя-батюшку».

Таким образом, по нашим расчетам, на пике успеха СРН число членов этой партии в Костромской губернии не превышало 5000 человек, хотя влияние правомонархистов могло быть существенно шире.

Примечания

[1] *Белов А.М.* Политические партии и рабочие центрального промышленного района в революции 1905–1907 гг. – Кострома, 1997; *Кирьянов Ю.И.* «Правые партии в России (1911–1917 гг.). – М., 2001; *Он же.* Русское собрание. – М., 2003; *Степанов С.А.* Черная сотня в России. – М., 1992.

[2] *Давидович А.М.* Самодержавие в эпоху империализма. – М., 1975. – С. 138; *Королева Н.Г.* Помещичье-монархические организации в 1905–1917 гг. // Непролетарские партии России в трех революциях. – М., 1989. – С. 121.

[3] *Кирьянов Ю.И.* «Правые партии в России (1911–1917 гг.). – М., 2001. – С. 82.

[4] ГАКО, ф. 133, оп. 38, д. 17, л. 6.

[5] *Кирьянов Ю.И.* Указ. соч. – С. 82; *Размолодин М.Л.* Черная сотня в Верхнем Поволжье. – Ярославль, 2001. – С. 19; *Воротной К.В.* Костромской Союз русского народа // Теория и практика высшего образования. – Кострома, 1992. – С. 54–57.

[6] Все данные по: ГАКО, ф. 133, оп. 38, д. 17, л. 6.

[7] Все данные по: ГАКО, ф. 133, оп. 38, д. 17, лл. 7–42.

[8] ГАКО, ф. 133, оп. 38, д. 17, л. 26.

[9] Поволжский вестник. – 1908. – 7 марта. – №561.

[10] ГАКО, ф. 133, оп. 38, д. 17, л. 6.

Н.Ю. Иванченко

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ ПОСЛЕ СНЯТИЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Северо-Западные области относятся к числу тех регионов страны, которым в ходе Великой Отечественной войны был нанесен наибольший урон. Только прямой ущерб составил 92 миллиарда рублей[1], в то время как весь ущерб, нанесенный РСФСР, где полностью или частично были оккупированы 23 области, края и автономные республики, исчислялся, в 249 миллиардов рублей[2]. Это объясняется, прежде всего тем, что немецко-фашистский оккупационный режим длился здесь от 2,5 до 3 лет. Кроме того, еще задолго до нападения на СССР фашистские главари разработали жесткие основы и принципы агрессивной оккупационной политики для этого региона, преступность и чудовищная античеловечность которой убедительно показаны в целом ряде документальных сборников[3].

Восстановить экономику пострадавших районов до довоенного уровня было главной задачей четвертого пятилетнего плана, принятого 18 марта 1946 г. сессией Верховного Совета СССР. Народу, победившему фашизм, предстояло совершить еще один подвиг – преодолеть тяжелые последствия войны и вражеской оккупации. Советские люди были готовы к этому подвигу. Прекрасно выразил это старый крестьянин Иван Моисеевич Моисеев. Узнав, что его родные места фашисты при отступлении превратили в пепелище, он сказал: «Место не сожжешь, А место всегда признаем. На родное у человека большая память. Земля тоже осталась. Земля не валенки, ее немцу не унести. И опять же люди. Народ наш дружный. Поднимется наш край. Возродится непременно»[4]. В этих простых словах и спокойное мужество перед лишениями, и величие духа, и патриотизм русского человека. Именно эти замечательные качества советского народа помогали в трудовом подвиге рабочего класса и крестьянства.

Прежде чем начать восстановление хозяйства, предстояло проделать большую и опасную работу по разминированию освобожденной земли. Длительное противостояние двух огромных армий привело к исключительной минозасоренности территории. Многие районы Новгородс-

© Н.Ю. Иванченко, 2006

кой области представляли собой зону сплошного минирования. Предстоял огромный объем работ по разминированию ее территории: в Чудовском районе – 2200 квадратных километра, в Новгородском – 2000, в Старорусском – 980, в Лычковском – 1308, в Залучском – 970, в Демянском – 1783[5].

Организациям Осоавиахима была оказана необходимая помощь по подготовке кадров инструкторов и добровольцев-минеров, из которых формировались специальные команды. В 1945–1946 гг. в районных организациях Осоавиахима было подготовлено 285 инструкторов и около 3000 рядовых минеров[6]. Благодаря их самоотверженности были извлечены и обезврежены сотни тысяч мин и других взрывоопасных предметов. Это облегчило развертывание на всей территории области безопасных для жизни трудящихся сельскохозяйственных и строительно-восстановительных работ.

В ходе военных действий и более чем 2-х летней оккупации были полностью разрушены города Новгород, Старая Русса, Чудово, многие районные центры. Фронтовая газета 59-й армии «На разгром врага» писала 23 января 1944 г.: «Не узнать теперь нашего древнего, любимого Новгорода. Два с половиной года назад, это был цветущий, культурный город. Софийский, Знаменский и Никольский соборы, Юрьевский и Антониевский монастыри, Ярославово дворище, Рюриково городище – памятники XI–XIII столетий бережно сохранялись. Сейчас они разрушены и изуродованы немцами. Захватчики не пощадили и ценнейший Новгородский архив. Они сожгли музей. Подорваны, разрушены или сожжены все промышленные предприятия Новгорода – судоремонтный и лесопильный заводы, мебельная и обувная фабрики. Такая же участь постигла культурные и учебные заведения города. Сейчас город – сплошные развалины и пепелища».[7]

В Новгороде не было почти ни одного жителя, так как всех кто остался, гитлеровцы или расстреляли или угнали их на работы в Германию. Фашистские оккупанты уничтожили 2227 населенных пунктов, разрушили и сожгли 288 промышленных предприятий, 18 электростанций, десятки тысяч ведомственных и коммунальных зданий, хозяйственных построек и личных домов трудящихся. На оккупированной территории они истребили около 200 тысяч жителей. Свыше 400000 жителей лишились крова и имущества. Особенно пострадали Старорусский, Демянский, Залучский, Белебелковский, Полавский, Лычковский и другие районы, которые гитлеровцы превратили в зону пустыни. В Залучском районе, например, после изгнания захватчиков из 110 населенных пунктов только в 10 частично уцелели постройки. Из 20000 жителей района ко дню освобождения осталось 174 человека[8].

Оккупанты отобрали у колхозов и колхозников 96000 голов крупного рогатого скота и 64000 лошадей. Чрезвычайна Государственная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, установила, что ущерб, нанесенный области составил 3,6 млрд. рублей, в том числе, городу Новгороду – более 1 млрд. рублей[9].

Восстановление разрушенного войной хозяйства началось сразу же после изгнания оккупантов. Первое время большую помощь городу оказывали воинские инженерные части. Они разминировали город, восстановили ряд зданий, построили деревянный мост через Волхов. В городе открылись первые пекарни, столовая, магазин, установилась связь с Ленинградом, начали выходить городская и военная газета «Звезда».

26 января в Новгород прибыла делегация от Боровичей и Боровичского района, взявших шефство над Новгородом и Новгородским районом. Совместно с новгородцами она определила первоочередные мероприятия. Боровичане решили оборудовать больницу на 30 коек и обеспечить ее медицинским персоналом, открыть детские ясли, мастерскую бытового обслуживания, парикмахерскую.

19 февраля был обсужден вопрос о плане первоочередного строительства города и восстановлении железнодорожного узла. К строительству решено было привлечь кроме непосредственно строителей добровольческие строительные бригады из рабочих и служащих без отрыва их от работы. Комсомольско-молодежные бригады собирали металл для нужд строительства. Большие восстановительные работы развернулись на железнодорожном узле и пристани. Уже к маю был восстановлен и пущен участок железнодорожной линии Новгород-Чудово, а в середине мая 1944 г. начала действовать новгородская пристань.

5 июля 1944 г. Указом президиума Верховного Совета ССР была образована Новгородская область, г. Новгород стал областным центром. В состав области вошли 27 районов Ленинградской области, а несколько позже Холмский район Великолукской области. Ее территория стала занимать 55,3 тыс. кв. км. Образование области

имело большое значение для восстановления разрушенного войной хозяйства и дальнейшего развития экономики и культуры области, превращение Новгорода в политический и административно-хозяйственный центр области, создавало благоприятные условия для его возрождения.

Война серьезно подорвала сельское хозяйство области. В 1944 г. посевные площади по сравнению с 1940 г. сократились по зерновым на 45%, по льну на 62%, по картофелю на 52%. Площадь пашни уменьшилась с 683 тыс. до 362 тыс. гектаров, т.е. на 47%. Количество лошадей сократилось на 72%, крупного рогатого скота на фермах на 38%, свиней на 70%[10]. В оккупированных районах были уничтожены колхозы, МТС, совхозы. Сельское население на 1 марта 1945 г. по отношению к 1940 г. составляло 53%[11].

В течение короткого времени в области было восстановлено 1520 колхозов. В 1944 г. в ней уже действовали 3146 колхозов, 12 МТС, 15 совхозов. В 1944 г. колхозы области провели своевременный весенний сев, выполнив плановое задание на 105%.

В среднем по области было получено по 11 центнеров ржи и пшеницы, по 10 ц. овса, по 9,2 ц. ячменя с гектара. В 1944 г. в области было немало колхозов и звеньев, которые получили 100-пудовый урожай зерновых и высокий урожай остальных культур. План хлебозаготовок область выполнила в 1944 г. на 109,3%. Сверх плана в фонд Советской Армии было сдано 113 тыс. пудов хлеба. Таков был итог социалистического соревнования за получение высокого урожая в 1944 г. Была отмечена хорошая работа Новгородской области по уборке урожая, подъему паров, севу озимых и вспашке зяби[12].

Много труда вложило все колхозное крестьянство в восстановление животноводства области за 1944 г. В освобожденных районах было заново организовано 2200 животноводческих ферм. За это время поголовье крупного рогатого скота в колхозах выросло на 32670 голов, т.е. на 44%, и составляло к 1 января 1945 г. 105952 головы, т.е. 61,6% к уровню 1940 г. Большую помощь в обзаведении скотом получили колхозы освобожденных районов от государства. В течение 1944 г. из других областей было завезено 17350 голов крупного рогатого скота, 14380 овец, 1680 свиней, 10000 голов птицы и 3450 лошадей[13].

Восстановление области сопровождалось массовым строительством общественных зданий, культурно-просветительных учреждений, школ и жилья. В течение лета и осени 1944 г. было построено и восстановлено 6390 общественных зданий, 14350 домов для колхозников. Тысячи семей колхозников переселились из землянок в новые дома, открылись 506 школ, 255 клубов, изб-читален, библиотек, 36 больниц и 50 медпунктов. Активно велось строительство в Волотовском, Старорусском, Солецком, Уторгошском и других районах. Тысячи колхозников и колхозниц овладели строительными специальностями.

23 декабря 1944 г. было принято специальное государственное постановление по вопросам сельского хозяйства Новгородской области, Совет Народных Комиссаров СССР должен был в месячный срок разработать конкретные меры помощи области, в восстановлении в освобожденных районах колхозов, совхозов и МТС, доведении в ближайшие годы посевных площадей и валового сбора сельскохозяйственных культур до довоенного уровня, развитии общественного животноводства.

1 сентября 1944 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление «О мероприятиях по восстановлению города Новгорода». Для восстановления города были созданы областной строительно-монтажный трест «Новгородстрой» и городской ремонтно-строительный трест. Из районов области было мобилизовано около 1000 рабочих для треста.

Постановление правительства о восстановлении Новгорода широко обсуждалось на собраниях трудящихся области. Каждое промышленное предприятие, колхоз, промартель обязались активно участвовать в восстановлении своего областного центра. Новгородцы первыми овладели строительными специальностями и приступили к восстановлению школ, бытовых предприятий, жилых домов и зданий для государственных учреждений. По примеру Ленинградцев трудящиеся города работали во внеурочное время. В 1944 г. они отработали на восстановительных работах 318500 часов. Каждый житель города имел специальную книжку для учета часов, отработанных им на восстановлении[14].

Постановлением от 1 ноября 1945 г. Новгород был включен в число 15 древнерусских городов, подлежащих первоочередному восстановлению. После окончания войны строительно-восстановительные работы приняли более широкий размах. Быстро увеличивался приток жителей, возвращавшихся на родные пепелища из эвакуации,

из немецкого рабства, демобилизованных из армии. Если на 1 июля 1944 г. в Новгороде было всего 3729 жителей, то к началу 1946 г. в нем проживало уже почти в 5 раз больше – 18000 человек[15].

Примечания

[1] *Абрамова М.А.* На освобожденной земле. Деятельность Коммунистической партии по возрождению освобожденных районов Северо-западных областей РСФСР. 1944–1950 гг. – Л.: Лениздат, 1981. – С. 11.

[2] Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. – М., 1946. – С. 430.

[3] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками (далее – Нюрнбергский процесс...): Сб. материалов в 7 т. – М., 1957–1961; Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. – М., 1967; СС в действии. – М., 1960; Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР, 1941–1944 гг. – М., 1968 и др.

[4] Ленинградская правда. – 1944. – 2 февр. – С. 56.

[5] На земле Новгородской. – Л., 1970. – С. 273.

[6] На земле Новгородской. Указ. соч. – С. 322.

[7] На земле Новгородской. Очерки по истории Новгородской области. – Л., Лениздат, 1970. – С. 272–273.

[8] ГАНИНО, ф. 260, оп. 2, д. 3, л. 276.

[9] На земле Новгородской. Указ. соч. – С. 273.

[10] На земле Новгородской. Указ. соч. – С. 275.

[11] ГАНИНО, ф. 260, оп. 5, д. 64, л. 15.

[12] Новгородская правда. – 1945. – 20 янв.

[13] ГАНИНО, ф. 260, оп. 5, д. 64, л. 29.

[14] На земле Новгородской. Указ. соч. – С. 278.

[15] ГАНО, ф. 260, оп. 2, д. 3, л. 60.

Г.С. Моисеев

ЦВЕТНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

На промышленных предприятиях и стройках Урала 22–23 июня 1941 года прошли митинги, собрания. Уральцы поклялись не щадя сил и жизни, с оружием в руках на фронте защищать Родину и самоотверженным трудом в тылу обеспечивать Красную Армию всем необходимым. Так, горняки рудника им. III Интернационала Красноуральского медеплавильного завода заявили: «Фашистские псы навязали нам войну. Война в защиту СССР – это священная Отечественная война. На удар фашистских разбойников мы ответим тройной производительностью труда». «Стахановской работой ответим на наглую вылазку фашистских захватчиков, дадим меди высокого качества столько, сколько потребуется для разгрома врага!» – заявили на митинге трудящиеся Красноуральского медеплавильного завода[1].

Партийные, советские, комсомольские организации Урала с первых дней войны включились в перестройку экономики на военный лад. 22 июня Каменск-Уральский горком партии провел экстренное заседание бюро, на котором были обсуждены вопросы мобилизации населения. Партийные, комсомольские организации обязывались: «...мобилизовать коллективы трудящихся на сверхурочную двух-четырех часовую работу в фонд обороны страны, всемерно развивать советский патриотизм среди трудящихся, развернуть работы по привлечению добровольцев в ряды Красной Армии»[2]. Уже в первые дни войны тысячи цветников подали заявления в военкоматы с просьбой послать их на фронт. За годы войны с Красноуральского медеплавильного завода ушло защищать Отчизну 5 тысяч человек, с Среднеуральского медеплавильного завода – 1746, с Карабашского медеплавильного комбината – 4500, с Каменск-Уральского завода ОЦМ – 367, с Пышминского медеэлектролитного завода – 687, с уральских рудников более 14000 квалифицированных горняков[3].

Опираясь на патриотический подъем, энтузиазм уральцев, партийные, хозяйственные организации проводили на предприятиях, рудниках партийно-хозяйственные активы. Обсуждались вопросы мобилизации всех явных и скрытых резервов для увеличения производства стратегических металлов. Цветные металлы и их соединения направлялись в оборонную промышленность для изготовления стрелкового и артиллерийского вооружения, боеприпасов.

Ускоренное решение этой задачи диктовалось тем, что уже в первые месяцы войны немецко-

© Г.С. Моисеев, 2006

фашистские войска захватили жизненно-важные экономические районы страны, а Красная Армия отступала в глубь страны, неся большие потери в личном составе и боевой технике. В этот период общих потерь и лишений, на оккупированной врагом территории, к ноябрю 1941 года оказались и многие предприятия цветной промышленности, поставлявшие значительную часть никеля, меди, магния, цинка, 60% алюминия[4]. Полностью прекратилось производство кремния, необходимого для получения силумина, нужного для производства танков и авиации. Производство проката цветных металлов, без которого невозможно военное производство, за тот же период сократилось в 430 раз[5]...

Военная перестройка народного хозяйства СССР нашла свое отражение в военно-хозяйственных планах. Конкретные дополнительные задания получили все действующие рудники и заводы цветной металлургии Урала. Так, уже через несколько дней после начала Великой Отечественной войны коллектив Кировградского медного завода должен был решать новые, чрезвычайные задачи. Наряду с выплавкой меди необходимо было срочно увеличить выпуск высококонцентрированной кислоты (олеума) для заводов, изготовлявших боеприпасы; организовать производство снарядов для «катюш»; наладить выпуск дымсмеси; бесперебойно обеспечивать серной кислотой все уральские предприятия.

Перемещение промышленности в восточные районы СССР, в том числе перебазирование на Урал предприятий цветной промышленности началось с 26 июня 1941 года. Первым из этих предприятий оказался в прифронтовой полосе комбинат «Североникель». И сразу же было принято решение о перебазировании его в Норильск и частично на комбинат «Южуралникель» в Орск. Североникельцы уже к августу 1941 года закончили эвакуацию комбината. В июле началась эвакуация ленинградского завода по обработке цветных металлов «Красный выборжец». Были демонтированы и отправлены на Верхне-Салдинский завод двухклетьевой прокатный стан 750 весом более 10000 тонн, три гидравлических пресса, два лентопрокатных стана, трубопрокатный и волочильный стан.

Днепровский завод к началу войны был самым крупным алюминиевым предприятием в Европе и вывезти его было совсем нелегким делом. Более месяца под ежедневным минометным и артиллерийским обстрелом продолжались демонтажные и погрузочные работы. Последний состав с оборудованием ДАЗа ушел 16 сентября, а всего было отправлено более двух тысяч вагонов. Оборудование электролизного и глиноземного цехов прибыло на специальную площадку Уральского алюминиевого завода. На УАЗ и Челябинский электродный завод было направлено 350 вагонов с машинами и механизмами электроподстанции Днепрогэса. В таких же сложных условиях проходила эвакуация крупнейшего в стране Днепровского магниевого завода. С его помощью значительно увеличились мощности уральских магниевых заводов – Соликамского и Березниковского [6].

В начале сентября началась эвакуация Волховского алюминиевого и Тихвинского глиноземного заводов, а также оборудование бокситового рудника. Через каждые двое суток уходили эшелоны с оборудованием и специалистами из Волхова и Тихвина на Урал, что позволило укрепить базу УАЗа и развернуть строительство нового алюминиевого завода в Свердловской области – Богословского.

К осени 1941 года враг приблизился к Москве. 15 октября состоялось правительственное заседание, на котором было принято решение об эвакуации Кольчугинского завода из Ивановской области на Урал. Перед коллективом завода была поставлена задача создания на Урале нескольких заводов по обработке цветных металлов в Верхней Салде, в Ревде, на Среднеуральском медеплавильном заводе, в Каменске-Уральском и Орске. День спустя по приказу комиссара цветной металлургии страны начался демонтаж заводского оборудования. 25 октября 1941 года первый эшелон в составе 19 вагонов с людьми и оборудованием отправился в Каменск-Уральский. Всего кольчугинцы отправили более 2500 вагонов с оборудованием и эвакуировали около 4000 рабочих[7]. В октябре три четверти технологического оборудования Московского медеплавильного и медеэлектролитного, более половины электродного заводов в срочном порядке было демонтировано и отправлено на Урал. Приказом Наркомцветмета СССР в Кировграде было решено создать новый завод по производству твердых сплавов. В соответствии с этим приказом в Кировград перебазировали часть оборудования Московского комбината твердых сплавов[8].

Итак, только в течение первых четырех месяцев войны более десяти крупнейших заводов цвет-

ной промышленности были демонтированы и отправлены на Урал. Цель эвакуации состояла не только в спасении от врага ценного оборудования, хотя и это было крайне важно, сколько в том, чтобы в чрезвычайно сжатые сроки поставить его на службу фронту. Размещение эвакуированных предприятий производилось с таким расчетом, чтобы максимально обеспечить увеличение мощностей действующих заводов, производивших оборонную продукцию, и вместе с тем ликвидировать узкие места в цветной металлургии Урала. Впервые в истории мировой промышленности целая стратегическая отрасль была перебазирована в глубокий тыл.

В любую погоду прибывали на уральскую землю эшелоны с оборудованием и людьми. Поскольку рабочих не хватало, все, независимо от специальности и занимаемой должности, непосредственно участвовали в этом деле. На разгрузку оборудования из вагонов давались считанные часы. Многотонное оборудование разгружалось с помощью катков и лебедок прямо на снег. Техники в строительстве не хватало, в целом работы велись вручную. Переживая трудности на производстве и в быту, люди порой при 40-градусном морозе выполняли любую работу. Они носили на себе строительные материалы, рыли котлованы для цехов и зданий в мерзлой земле, забывая о сне и отдыхе, пище, иногда целыми сутками не уходили домой. Наравне со взрослыми работали подростки 14–16 лет.

Областные, городские, заводские партийные и профсоюзные организации проявляли заботу о размещении, трудоустройстве и быте эвакуированных. Они занимались всеми сторонами быта – от организации питания и строительства жилья, до установления графика работы культурно-бытовых учреждений. Для обеспечения потребностей в жилье в капитальных домах было проведено уплотнение и расселение части прибывших ИТР и рабочих, часть расселили в клубе, учебных пунктах, школах, в близлежащих деревнях. Срочно переоборудовались под жилье подвальные помещения капитальных жилых домов. Приспосабливались для проживания и складские помещения. Вокруг заводов располагались громадные таборы. Жили в палатках, домах, сколоченных из фанеры, землянках.

Введения эвакуированных предприятий в строй действующих проходило в обстановке величайшего трудового напряжения и патриотического подъема. Делом чести трудовых коллективов было не только выполнение, но и досрочное перевыполнение производственных планов. В июне 1941 года досрочно был пущен Каменский магниевый завод. В конце лета 1941 года на Верхне-Салдинском заводе досрочно был пущен стан 750 и он стал давать прокат меди и латуни для военной промышленности. 14 ноября 1941 года прибывает в Каменск-Уральский оборудование с кольчугинского завода, а уже в декабре на заводе ОЦМ было смонтировано и введено в действие первое оборудование. Проволочно-прокатный стан, который монтировался в Кольчугино иностранной фирмой с 1907 года по 1914 год и на монтаж которого в 1941 году по нормам военного времени было запланировано 4 месяца, был смонтирован за 25 дней. Строительство корпуса трубного производства с установкой оборудования произведено за 18 дней. Литейный цех с эстакадой, печами, подстанцией и другим оборудованием смонтирован за 2,5 месяца. А на установку пресса «Гидравлик», который в Кольчугино монтировался год, понадобилось всего 2 месяца. Каменск-Уральский завод ОЦМ с полным технологическим уклоном и необходимыми энергетическими мощностями был создан за 4 месяца[9]. Досрочно, 5 декабря коллектив Ревдинского завода ОЦМ начал выпускать тонкостенные радиаторные трубки, столь необходимые фронту. В сорок дней был воздвигнут электролизный корпус с распределительно-преобразовательной подстанцией, а в течение 13 месяцев построили такой же завод, как довоенный УАЗ. Уже в IV квартале 1941 года УАЗ дал стране столько «крылатого металла», сколько производили его в мирное время все алюминиевые заводы страны вместе взятые[10].

Одним из важных факторов подъема производства, роста производительности труда и обеспечения фронта всем необходимым стала организация социалистического соревнования. Партийные, профсоюзные, комсомольские, хозяйственные организации предприятий цветной промышленности широко использовали такие формы соревнования, как многостаночное обслуживание, совмещение профессий, движение двухсотников, тысячников. Большую роль в повышении производительности труда сыграли комсомольско-молодежные фронтовые бригады, движение за повышение скорости работы механизмов, агрегатов и за звание «Гвардейцев трудового фронта». 22 мая 1942 года, по инициативе

коллектива УАЗа, было развернуто Всесоюзное социалистическое соревнование рудников, обогатительных фабрик, металлургических заводов и предприятий по обработке цветных металлов Наркомцветмета. Оно проходило под лозунгом: «Больше цветных металлов для разгрома врага»[11].

Борьба уральских цветников за увеличение выпуска металла, досрочный пуск эвакуированных заводов, развитие рационализации и изобретательства, широкое развитие социалистического соревнования позволило успешно перевыполнить плановые производственные задания и к середине 1942 года завершить перестройку цветной промышленности на военный лад. Урал становится главным центром цветной металлургии страны. С конца 1941 года здесь производили более 50% всей выплавляемой в стране меди, весь алюминий, кремний, магний, никель, кобальт[12].

С первых дней Отечественной войны необычайно остро встала проблема обеспечения предприятий цветной металлургии Урала квалифицированными кадрами. Состав рабочих сильно изменился.

Ушедших на войну мужчин частично заменили люди с эвакуированных предприятий, но в большей степени на рудниках и заводах работали пожилые люди, женщины и подростки, число которых превышало 50% общей рабочей силы[13]. Овладев профессиями отцов, старших братьев, мужей, они становились в забой, к транспортерам и флотационным машинам, были литейщиками, анодчиками, электролизниками, водителями. Так, студентка второго курса пединститута, комсомолка А. Степанова из Красноуральска стала первой женщиной медеплавильщицей, а домохозяйка Мария Катаева стала водить паровоз. Женщины по призыву А.Ф. Степановой настойчиво осваивали нелегкие мужские профессии. «Встанем на рабочие места наших мужей!» – был их девиз. Токарь цеха №1 М.Д. Котова в 1942 году дала сверх плана 8800 деталей.

Следовало не только заменить ушедших на фронт, но и подготовить квалифицированных рабочих для новых участков и цехов – обучить заводским профессиям десятки тысяч людей, в большинстве своем не имевших ранее даже представления о металлургии цветных металлов. На предприятиях постоянно действовали краткосрочные курсы техминимума, школы ФЗО, работали школы стахановских методов труда. Только на УАЗе за все годы войны различными формами обучения было охвачено более 15 тысяч человек; всех их вооружили необходимыми знаниями химии, физики, электротехники, металлообработки и технологии производственных процессов[14].

Резкое омоложение коллективов подсказало партийным и комсомольским организациям новые формы работы: создание комсомольско-молодежных бригад, смен и развертывание социалистического соревнования между ними. Первую на УАЗе такую бригаду возглавил комсорг электролизного цеха Иван Дусь, вслед за тем в глиноземном цехе образовалась комсомольско-молодежная смена Леонида Рудакова, которая лидировала во внутрицеховом соревновании, выполняя производственные задания не ниже, чем на 105%[15]. Комсомольско-молодежные коллективы появились на всех предприятиях цветной металлургии Урала. Вскоре они стали самыми боевыми производственными единицами.

Мобилизовав трудящихся цветной промышленности Урала на увеличение выпуска военной продукции для коренного перелома в ходе Отечественной войны, победы над фашистской Германией, партийные, профсоюзные организации предприятий широко поддерживали и распространяли такие формы социалистического соревнования, как коллективное овладение передовыми методами труда, техническое шефство инженеров над бригадами и сменами рабочих, технологов, движение комсомольско-молодежных фронтовых бригад, «тысячников», движение за право называться «гвардейцами-шестидесятниками», соревнования по профессиям между бригадами, цехами, заводами и др.

Активное участие во Всесоюзном социалистическом соревновании цветников принял коллектив Красноуральского медеплавильного завода. Станочники оборонного цеха в жарком соревновании боролись за переходящее знамя 3-й гвардейской Уральской стрелковой дивизии. Первенство чаще других завоевывала смена мастера И.П. Батурина, выполнявшее задание на 130–140%. Станочникам П. Зыкову, Н. Турчанинову, А. Метелину, К. Котовой и П. Буньковой было присвоено почетное звание «Гвардеец тыла». На рудниках Красноуральского комбината развернулось движение за наивысшую производительность труда, движение тысячников. Инициатором этого почина стал И.П. Янкин, который в 1942 году был награжден орденом Ленина и удостоен звания лауреата Государственной премии СССР. Янкинское движение оказало большое влияние на дальнейшее развитие соцсоревнование.

На Пышминском медеэлектролитном заводе работали стахановские школы, позволившие повысить производительность труда на 10–30%, создавались фронтовые бригады. Лучшими в соревновании называли плавильщика Т.М. Степайкина, строгальщиков вайербарсов И.А. Нестерова, Я.Г. Каплуна и И.Д. Бажукова, многостаночника С.П. Ружкова, бурильщика К.А. Горелова. Пышминский завод трижды (в 1943, 1944, 1945 гг.) в соревновании предприятий цветной металлургии завоевывал первое место и переходящее Красное Знамя ГКО.

Инженеры-исследователи электролизной и литейной секций центрально-заводской лаборатории Л.Ф. Киселевский, А.В. Панжина, И.П. Косенко, П.К. Ковшиков первыми на УАЗе взяли общественно-техническое шефство над отдельными бригадами электролизного цеха[16]. Начавшись в электролизном цехе, техническое шефство, главным рычагом которого стало углубленное внимание к закономерностям технологии, позволило целенаправленно влиять на конечные результаты производственного процесса. В 1943 году, по инициативе директора УАЗа Е.П. Славского, развернулось соцсоревнование «гвардейцев-шестидесятников». Первым «гвардейцем-шестидесятником» стал корпус №6, возглавляемый Ф.А. Игнатенко[17]. Это соревнование позволяло экономить около 1000 киловатт-часов энергии на каждой тонне алюминия.

Экономия расхода электроэнергии и всех видов сырья стала законом для всех комсомольско-молодежных бригад и смен предприятий цветной металлургии. Трудящиеся заводов и рудников не только быстро осваивали производство, но и становились инициаторами многих творческих начинаний. Так, на УАЗе развернулось соревнование за самый богатый лицевой счет в фонд фронта и помощи участникам битвы на Волге, за стахановский вклад в штурм Берлина.

Велико было значение Урала в военный период как главного центра цветной металлургии. Общий рост производства электролитной меди здесь за 1941–1945 гг. составил 94,8%, никеля – 186,5%, алюминия – 554,1%, кобальта – 1782,1%. Крупнейшим поставщиком алюминия, кремния, силумина являлся Уральский алюминиевый завод. Валовая продукция его увеличилась за 1940–1945 гг. более чем в 6 раз. Около 80% снарядных гильз и патронов производилось из меди, выпущенной Пышминским заводом. С 1941 по 1945 гг. только комбинат «Южуралникель» увеличил выпуск никеля в 3 раза, кобальта в 2 раза, сульфата никеля на 35%[18].

За военные годы на Урале была заново создана промышленность по обработке и прокату цветных металлов. Выпуск цветного проката здесь превзошел его довоенное производство на всей территории СССР. Все годы войны Кировградский завод твердых сплавов бесперебойно снабжал Красную Армию грозным оружием, которое сыграло огромную роль в разгроме врага.

Примечания

[1] *Ломако П.Ф.* Цветная металлургия в годы Великой Отечественной войны. – М.: Металлургия, 1985 – С. 107; Уральский рабочий. – 1941. – 23 июня.

[2] ЦД ООСО, ф. 2843, оп. 1, д. 54, л. 201.

[3] *Фирсов В.Я., Мартынова В.Н.* Медь Урала. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 1995. – С. 152, 155, 157, 161; Защитники земли русской. Воспоминания участников Великой Отечественной войны Каменск-Уральского завода ОЦМ. – Екатеринбург: Изд-во «Диамант», 1944. – С. 149.

[4] *Вознесенский И.А.* Избранные произведения. 1931–1947. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1979. – С. 504.

[5] Там же. – С. 505.

[6] *Ломако П.Ф.* Указ. соч. – С. 41–48, 117.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Защитники земли русской. Воспоминания участников Великой Отечественной войны Каменск-Уральского завода ОЦМ. – Екатеринбург: Изд-во «Диамант», 1994. – С. 143, 147, 148.

[10] История Великой Отечественной войны. 1941–1945. Т. 2. – М.: Воениздат, 1961. – С. 155; История Урала. Т. 2. – Пермь: Пермское кн. изд-во, 1977. – С. 295; *Ломако П.Ф.* Указ. соч. – С. 144.

[11] Правда. – 1942. – 23 мая; Средний Урал в Великой Отечественной войне. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1978. – С. 52.

[12] История народного хозяйства Урала. Ч. 1. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – С. 199, 200.

[13] *Фирсов В.Я., Мартынова В.Н.* Указ. соч. – С. 151.

[14] *Голден Н.Ф.* Творцы крылатого металла. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1979. – С. 62.

[15] Там же.

[16] *Голден Н.Ф.* Указ. соч. – С. 99, 100.

[17] *Ломако П.Ф.* Указ. соч. – С. 80; *Голден Н.Ф.* Указ. соч. – С. 88.

[18] *Фирсов В.Я., Мартынова В.Н.* Указ. соч. – С. 156; Цветная металлургия СССР / Под ред. П.Ф. Ломако, И.А. Стригина. – М.: Изд-во «Металлургия», 1970. – С. 212; История народного хозяйства Урала (1917–1945). Указ. соч. – С. 200.

И.А. Воробьев

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

История становления ипотечного дела в России многообразна и поучительна. До 1754 г. в России не существовало ни казенных, ни общественных кредитных учреждений, которые бы выдавали кредит под залог недвижимого имущества. Многие дворяне, нуждавшиеся в денежных средствах, закладывали свои имения у частных ростовщиков под высокие проценты. Судебник 1596 г. и закон 1626 г. признавали нормальной ссудную ставку 20% годовых. Однако такой сравнительно умеренный процент в условиях феодального общества платили только по более или менее обеспеченным ссудам. В практике, особенно торговой, применялись более высокие проценты. Обычно купцы брали ссуды из расчета 33% годовых и выше. В Судебнике 1596 г. отмечалось, что при краткосрочных ссудах взимали 48 и даже 56% годовых. Известны случаи, когда ссуды выдавались из расчета 120% годовых[1], Основными носителями ростовщического капитала в России в XV–XVII вв. выступали: отечественные купцы; крупные землевладельцы, накопившие большие состояния в результате эксплуатации крестьян; монастыри.

В середине XVIII в. государство, пытаясь предотвратить переход дворянских земель в руки ростовщиков, представителей недворянского сословия, в законодательном порядке ликвидирует ростовщичество. В Указе от 23 июня 1754 г. «О наказании ростовщиков» государство установило новую, предельно допускаемую законом процентную ставку – 6% годовых (так называемый «указный процент»). Кроме того, в данном Указе сообщалось об организации Государственного заемного банка с целью «уменьшения во всем государстве процентных денег». С этого момента и началась история ипотечного кредита в России.

Период развития ипотечного кредитования в дореволюционной России можно разделить на два этапа:

I. «Дворянский», от середины XVIII до середины XIX в.

II. «Земский», от середины XIX в. до октября 1917 г.

До отмены крепостного права в 1861 г. банковская система России состояла в основном из дворянских банков. Сферой их деятельности являлся поземельный кредит. Операции банков сводились к выдаче ссуд привилегированному сословию – дворянам, для выкупа своих имений у частных лиц (ростовщиков), предоставивших им ссуды под залог родовых имений и деревень. В отличие от других государств в России до отмены крепостного права размер ссуд определялся не количеством или качеством земли, не доходностью хозяйства, не наличием какого-то другого обеспечения, а количеством крепостных «душ», числившихся за данным поместьем по последней «ревизии».

При Государственном заемном банке в 1786 г. была образована страховая экспедиция – первое страховое учреждение в России. Манифест предусматривал страхование каменных домов, принимаемых в залог при осуществлении кредитных операций. Процедура оформления договора страхования сопровождалась выдачей страхового полиса, неотъемлемой частью которого являлся архитектурный план объекта залога, передаваемого под обеспечение ссуды в Государственный заемный банк[2].

С 1842 г. в Санкт-Петербурге и Москве при сохранных казнах начали открывать первые сберегательные кассы.

Итак, вплоть до отмены крепостного права все кредитные учреждения в России практически были казенными. Значительная часть крупных казенных кредитных учреждений в XVIII–XIX вв. специализировалась на предоставлении ипотечного кредита. Итогом функционирования «казенных» банков явилась огромная растрата денежных капиталов страны. Во-первых, в виде непроизводительных ссуд крепостникам-помещикам было роздано 425 млн. руб. под залог 7 млн. крепостных душ (66% общего количества крепостных). После реформы 1861 г. указанные займы были «покрыты» на 75% выкупными ссудами, а в остальном – ссудами пореформенных земельных банков. Во-вторых, 521 млн. руб. был «позаимствован» в казначейство на покрытие бюджетных дефицитов и перешел в другие формы государственного долга[3].

Уменьшение объемов кредитования и снижение частнопредпринимательской активности

© И.А. Воробьев, 2006

в банковской сфере привели к Полному финансовому застою и необходимости ликвидации в конце 50-х гг. старых кредитных учреждений. Назрела необходимость радикальных общественно-политических, экономических и правовых реформ, в том числе преобразования казенных кредитных учреждений в кредитно-банковскую систему страны, основанную на принципах частного кредита. Еще одной немаловажной причиной реорганизации кредитных учреждений в 1859 г. была подготовка реформы по отмене крепостного права.

Однако вплоть до революции 1917 г. государство всячески поддерживало дворян-землевладельцев. Поэтому и на втором этапе становления системы ипотечного кредита в России наблюдается параллельное развитие государственного Ипотечного кредита, направленного на поддержку дворянского землевладения и частного Ипотечного кредита, обусловленного развитием капиталистических отношений в стране.

Государственный ипотечный кредит был представлен: Государственным банком, предназначенным для операций краткосрочного кредита; Крестьянским поземельным банком, учрежденным в 1882 г. для содействия распродаже дворянских земель крестьянскому населению; Дворянским земельным банком, созданным в конце 1885 г. «во внимание к нуждам поместного землевладения».

Первыми **частными кредитными учреждениями** в сфере долгосрочного ипотечного кредита были:

1. **Санкт-Петербургское городское кредитное общество** (устав был утвержден 4 июля 1861 г. и послужил образцом для всех городских кредитных обществ).

2. **Московское городское кредитное общество,** созданное в 1862 г.

3. **Херсонский земский банк** (устав утвержден 20 мая 1864 г.).

4. **Общество взаимного поземельного кредита** (устав утвержден 1 июня 1866 г.)[4].

Кредитные учреждения создавались на основе взаимного кредитования и солидарной ответственности выдачи ссуд под залог городской недвижимости (городские кредитные общества) и под залог поземельной собственности (земельные банки и общества поземельного кредита).

Органами управления всех частных кредитных учреждений являлись Правление и Наблюдательный комитет, избиравшиеся Общим собранием, и Оценочная комиссия, назначавшаяся Правлением. Пика своего развития кредитные общества достигли в период активного городского строительства на рубеже XIX–XX вв.

С 60-х гг. XIX столетия в России стали учреждаться **акционерные коммерческие банки,** развитие которых активизировалось в 90-е гг. Важную роль в экономической жизни страны стали **играть ипотечные банки,** предоставляющие кредиты под землю и другую недвижимость, и **городские банки,** находящиеся в ведении городских управлений. Сеть новых банков развивалась очень быстро. Уже в 1876 г. их совокупный оборот достигал нескольких миллиардов рублей.

Из года в год росли кредитные вложения ипотечных банков, как государственных, так и частных. В абсолютных цифрах остатки кредитных вложений акционерных земельных банков за период с 1895 по 1908 г. возросли на 254,8 млн. руб. (40%), Дворянского земельного банка – на 392,2 млн. руб. (53%), Крестьянского поземельного банка – на 542,3 млн. руб. (90%)[5].

К 1917 г. в России существовала развитая система ипотечного кредитования, которая имела законодательное обеспечение и была хорошо организована.

Примечания

[1] *Сербина К.* Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад XVI–XVIII вв. – М.; Л., 1951. – С. 28.

[2] *Ужегов А.Н.* Квартира в кредит: ипотечная сделка. – СПб.: Питер, 2001. – С. 89–92.

[3] Там же. – С. 178.

[4] *Мехряков В.Т.* Развитие кредитных учреждений в России. – М.: Дека, 1996. – С. 35–36.

[5] Там же. – С. 78.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ

И.М. Андрамонова

МОСКОВСКИЕ ПОЖАРЫ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ БОЯРСКИХ РОДОВ В XVI–XVII ВВ.

Достаточно одной искры, для того что бы сгорел великий город. Для того что бы пал правитель иногда достаточно заронить сомнение в нем у масс. Роль такой искры или зерна сомнения очень часто играет слух, как правило, политический. Слухи, как и мифы, сопровождают человеческое общество на протяжении всей его истории, являясь существенным элементом массового сознания, формой неофициальной коммуникации. Благоприятной средой для возникновения и бытования слухов почти всегда становится социальная нестабильность, неопределённость, необходимость объяснения неоднозначных явлений и выработки отношений к ним на основании существующей картины мира. Французский историк Бронислав Брачко пишет: «…Ложный слух является реальным фактом общественной жизни, и в этом качестве он таит в себе часть исторической правды – важны не сведения, которые он готов предать огласке, а условия, при которых его возникновение и распространение стало возможным, состояние умов ментальность и представление тех, кто принимал его за чистую монету…» [1, с. 24].

Превращение слуха в исторический факт чаще всего происходит тогда, когда его сюжет и символы соответствуют ожиданиям и представлениям социальной среды, где он бытует. Яркий пример бытования политического слуха и его трагических последствий даёт нам описание московского восстания и пожара 1547 года. Этот пожар был одним из самых страшных из известных нам в этот период, по степени разрушения и количеству жертв. Его описание и последовавшие за ним события освещает Царственная книга – последний том Лицевого летописного свода, создававшийся в 60–70-е годы XVI века. «…Прежде убо сих времен памятные книги времени пишут: таков пожар не бывал на Москве…» Он стал причиной, опалы наиболее близких до этого родственников Ивана IV – Глинских. Поводом к восстанию горожан стал слух о поджоге Москвы при помощи колдовства бабкой царя Анной Глинской. «…яко княгини Анна Глинская з своими детми и с людми вълхвовала: вымала сердца человеческия да клала в воду да тою водою ездячи по Москве да кропила, и оттого Москва выгорела…» [2, с. 111].

Слух этот, как и большинство политических слухов, сфабрикован. Причём Царственная книга прямо указывает, что авторами этого слуха были бояре, производившие сыск. 26 июня 1547 года бояре князья Ф. Шуйский и Ю. Ростовский, Г. Романов-Захарьин и И.П. Фёдоров собирают народ на площади у Успенского собора, и проводят своеобразное расследование. На вопрос: «Кто поджигал Москву?», толпа обвиняет в колдовстве Анну Глинскую – бабку Ивана Грозного, боярское расследование заканчивается мятежом, расправой над Глинскими и пришлыми северскими боярами, столичные же бояре не понесли ущерба. (Глинские – ближайшие родственники царя, долгое время играли решающую роль в управлении государством). Политический выигрыш в этой ситуации получают Шуйские, Ростовские и родственники царицы Анастасии бояре Романовы – те, кто проводил следствие о причинах пожара. Глинские же утрачивают своё влияние на молодого государя и даже пытаются бежать в Литву.

Успешное отстранение от власти партии Глинских при помощи слуха о поджоге ими Москвы, закрепляет этот сюжет как метод устранения политических конкурентов соперничающими боярскими фамилиями. Бежавший в Польшу опальный князь Андрей Курбский, косвенным виновником вышеописанного московского пожара через много лет назовёт самого Грозного. «…Иоанн своими бесчисленными злыми делами стал превосходить вышеописанные беды, и тогда Господь, решив усмирить его лютость, подал ему знак, обрушив на Москву великий пожар» [3, с. 226].

Впоследствии, в период Смуты, обвинение в поджоге Москвы будут выдвигать друг другу Нагие, Годуновы, Шуйские и другие высокопоставленные участники этих трагических событий.

Построенные в основном из дерева, русские города часто горели от грозы, случайной искры,

© И.М. Андрамонова, 2006

Таблица

Царственная книга	Откровение святого Иоанна Богослова
1.<...> *О великом пожаре*. Того же месяца (июня) 21, во вторник, в 10 час дни, третией недели Петрова поста, загореся храм Воздвижение честнаго креста за Неглимною на Арбатской улице на Острове. ***И бысть буря велика, и потече огнь, якоже молния, и пожар силен промче во един час*** Занеглимение огнь и до восполия Неглимною, и Чертория погоре до Семчиньского селца, возле реку Москву, и до Феодора святаго на Арбатской улици***..., и всякие сады выгореша, и в огородех всякой овощ и трава*** [2, с. 111].	И взял Ангел кадильницу и наполнил её огнём с жертвенника, и поверг на землю**: *и произошли голоса и громы, и молнии, и землетрясение.*** И семь Ангелов, имеющие семь труб приготовились трубить… Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь смешанные с кровью и пали на землю; ***и третья часть дерев сгорела и вся трава зелёная сгорела***... * [7]

* Выделено мной. – И.А.

и Москва тоже не была исключением. Однако московские пожары, в XVI–XVII вв. почти всегда расценивались жителями, как результат преднамеренного поджога. Сакральное значение столицы вызывает особое отношение к пожарам в ней. Поджог Москвы, в этом случае, носил не просто криминальный характер, это было покушение на святыню. Концепция «Москва – Третий Рим», возникающая в XV веке, получает своё продолжение и развитие в XVI веке, при Иване Грозном и митрополите Макарии в Москве появляется особый обряд, уподобляющий Москву Иерусалиму, «…обряд шествия на осляти в неделю Вайи (то есть в Вербное Воскресение), когда митрополит, восседающий на осле, изображал Христа, входящего в Иерусалим: в церемонии принимал участие царь, который вел осла под уздцы» [4, с. 106]. В это же время в Москве появляется Лобное место как символическое изображение Голгофы.

Таким образом, средневековые жители России уподобляли Москву Риму и Иерусалиму, и воспринимали её как «святой теократический город» [4, с. 94], что порождало соответственное отношение к любым посягательствам на её целостность и существование.

Поскольку известная концепция « Москва – Третий Рим», четвертого Рима не предусматривала, то гибель Москвы – Третьего Рима в пожаре (т.е. в геенне огненной) рассматривается как начало конца света, ожидание которого было одним из ключевых элементов средневековой ментальности. «…Мир, как и все реально существующее, был некогда сотворен, иначе говоря «родился», а, следовательно логикой своего развития обречен на конечность…» [5, с. 51]

Апокалиптичность восприятия современниками Московского пожара 1547 года прослеживается в способе описания этого события Царственной книгой. Широко известно, что русские летописцы не просто фиксировали хронику событий. Как убедительно доказали Д.С. Лихачёв и И.Н. Данилевский, ими создавался текст «…скомпелированный из фрагментов произведений, созданных за несколько сот лет до того по совершенно другому поводу…» [6, с. 12]. За основу, обычно, авторы брали библейские тексты. Для описания московского пожара 1547 года, скорее всего, в качестве кальки авторы Царственной книги использовали откровение Иоанна Богослова, что становится очевидным при сопоставлении следующих фрагментов источников (см. табл.).

Текст Царственной книги созданный в 60–70-е годы XVI века, т.е. в разгар опричнины, заставлял авторов с особой остротой относиться ко всему, что было связано с началом царствования Ивана IV. Они искали во всем знаки, указывающие на приближающийся конец света. Эсхатологичность мироощущения, неопределённость и страх, царящие в обществе, дают обильную почву для слухов, в основе которых лежит обвинение политических деятелей государства в поджогах Москвы.

Обвинение в поджоге священного города становится с середины XVI века действенным политическим оружием. Если обвинение в причастности к пожару выдвигалось против правителя, то тем самым он уподоблялся антихристу. Как пишет А.В. Бородкин «...отождествляли его и с царем Иоанном Васильевичем… и с «Григореем расстригою»…» [5, с. 53]. Служба государю-антихристу не возможна для христианина – он освобождается от всех обязательств по отношению нему. Последствия для правителя, против которого выдвинуты подобные обвинения, могли быть самыми трагичными вплоть, до потери власти

и жизни. Это позволяет закрепиться слуху о сознательном поджоге Москвы на полтора последующих столетия, в качестве модели политического навета и средства давления на первых лиц государства.

Библиографический список

1. *Брачко Б.* Как выйти из террора. – М., 2006.
2. Хрестоматия по истории России. Учеб. пособие / А.С. Орлов и др. – М., 2004.
3. Памятники литературы древней Руси. Вторая половина XVI в. – М., 1986.
4. *Успенский Б.А.* Этюды о русской истории. – СПб., 2002.
5. *Бородкин А.В.* Персонификация антихриста в русском расколе // Ярославский пед. вестник. – 1999. – № 1–2. – С. 50–55.
6. *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). – М., 1999.
7. Библия. Откровение Иоанна Богослова.

Н.А. Дидковская

ЛОКУС ТЕАТРАЛЬНОГО ТВОРЦА В СОВРЕМЕННОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Понятие локус творца в провинциальной культуре (от лат. locys – место) можно интерпретировать в трех наиболее значимых смысловых измерениях:

– место творца по происхождению – формирующая среда провинциального города как особое геокультурное пространство, характеризующееся специфическим сочетанием когнитивных, ценностных и регулятивных парадигм;

– место по функции – идеальный образ и реальный статус провинциального художника в культуротворческом процессе, способы его житейско-бытового и творческого позиционирования;

– место по значению – специфика социального функционирования сферы искусства в провинциальном городе: характер взаимосвязей творца и публики в контексте развитых коммуникативных технологий.

Первый аспект позволяет проанализировать особенности взаимодействия *города* как кумулирующей, интегрирующей и транслирующей социокультурные программы структуры и одновременно как реального субъекта действия, воспроизводящего духовное состояние общества, с одной стороны, а с другой – *театра* как формы как формы целостного творческого, экзистенциально-значимого вписания субъекта городского социума в мир. Главным в этом взаимодействии становится творец – субъект художественного процесса и исторического действия.

Константы провинциального бытия: географическая изолированность, экономическая депрессивность, политико-административная зависимость, художественная вторичность, практически полное устранение идеологического и финансового влияния государства из сферы искусства осмысляется, интерпретируется и реализуется творцами в инвариантных, зачастую радикальных биографических и образно-сценических стратегиях.

Типологизация представлений о способах и формах позиционирования театральных деятелей, моделях их художественного «самоописания» и социального самовписания в культурное пространство провинциального города убеждает в том, что в современной провинции складывается ситуация «тотальной маргинализации» творческой сферы. Поскольку лимит «придворных мастеров» властью сведен к минимуму, а иной платежеспособный местный потребитель отсутствует, возникают разнообразные модели «исхода»:

– *физического* – в иное (в первую очередь столичное) геокультурное пространство;

– *профессионального* – в иную деятельностную среду;

– *нравственно-психологического* – в иную (зачастую более низкую) статусную группу.

Варианты, подразумевающие сохранение творческого способа самореализации, представляют собой следующие стратегии.

Первая возможна для творца выдающегося уровня. Он изначально не ограничен «уездным» либо «губернским» масштабом, его адресат не столько внутри, сколько за пределами провинциального пространства. Высокий и оправданный результатами уровень претензий такого художника находится в удушающем противоречии с низкими запросами публики, ортодоксальными суждениями критики и равнодушием властей. Неиз-

© Н.А. Дидковская, 2006

бежное следствие такого состояния – эмиграция в пригодное для полноценного творчества пространство провинциального мегаполиса или столицы.

Второй вариант – стратегия художника, качество творческих акций и свойства личности которого не позволяют получить широкого признания. Впрочем, он может и не искать признания масштабной аудитории, сознательно отстраняясь от обязывающей публичности, требующей постоянного интеллектуального и духовного напряжения, поиска, вдохновения. Это – органика уникумов, единиц, создать ее искусственно и поддерживать продолжительное время невозможно. Гораздо безопаснее избрать добровольную самоизоляцию. Такой профессионал старается обустроить свой малый, удобный, интересный только ему самому и узкому кругу друзей-поклонников мир.

Стратегия третьего типа – «придворная», несмотря на кажущуюся однолинейность, располагает пространством для маневра. Так, «придворным» художник может стать лишь в случае, если местное руководство само неравнодушно к искусству. Но подобные интересы в среде провинциальных чиновников, бизнесменов, политиков крайне редки. Активные инициативы «мастеров культуры» с призывами к сотрудничеству воспринимаются властью как назойливые и вызывают раздражение, могут восприниматься равнодушно, даже брезгливо, как навязчивая просьба о подаянии. Если художнику и удается наладить отношения с добродушно настроенной властью, то вступить в длительное соглашение возможно не всегда: власть зачастую не способна сформулировать идеологический заказ, позиционировать себя в искусстве оригинально и презентабельно.

Если власть сугубо прагматична и в художнике не нуждается, то возможна иная реализация «придворной» стратегии – завоевание признания у публики. Такой профессионал апеллирует к низкой «художественной компетентности» (П. Бурдье) потребителя. Критерии современной массовой культуры, привносимые извне и тем охотнее принимаемые провинциальным обществом, используются без поправок и доработок. Если художнику удается соединить творческий конформизм и отсутствие профессиональной требовательности с элементарной уживчивостью, то ему обеспечено формальное признание и долгожительство на руководящем посту. Такой художник практически становится чиновником, «воскрешая позднесоветскую практику» (Е. Ермолин). Полем для высказанных выше типологизирующих наблюдений стала театральная ситуация Ярославля и ближайших областных городов: Костромы, Иванова, Вологды. Безусловно, что репрезентативная для Верхневолжского региона типология творческих стратегий вполне может быть применима для анализа положения в других провинциальных городах Центральной России. Безусловно и то, что реальные проявления творческих индивидуальностей богаче, сложнее, противоречивее теоретической модели. Инварианты стратегий порой алогичны и воплощаются в столь причудливых и неожиданных формах, что впору усомниться в закономерностях. Но и утонченный салонный художник, и юродивый постмодернистского толка, и крепкий профессионал без лишних затей вполне могут «отрабатывать» свои имиджи в границах общей стратегии.

Стратегия театрального чиновника фактически предопределена для художника, занявшего пост руководителя главного официального театра города. Такой театр-храм, заполненный священными экспонатами «золотого века провинциальной сцены», нуждается в своем хранителе. Вековая история, легендарный основатель, приверженность архаичной эстетике, богатая театральная мифология, организующая сознание зрителя так, что сам факт лицезрения священнодействия, радость от узнавания «родного» актерского лица превалирует над неудовлетворенным эстетическим чувством, – все эти особенности равно характерны для Ярославского академического театра имени Волкова, Костромского драматического театра имени Островского, Ивановской и Вологодской драмы. И солидный мэтр Владимир Боголепов, второе десятилетие руководящий Волковским театром, и его молодой коллега из Костромы Сергей Морозов (кстати, оба начинали карьеру в Петербурге), и опытный Зураб Нанобашвили, в 2001 году сменивший Иваново на Вологду, при всех различиях творческих возможностей и личностных особенностей, реализуют миротворческую стратегию: административный конформизм без радикальных решений, художественный – без авангардных новаций, психологический – без привлекающих внимание публичных акций.

Как пример воплощения двух полярных стратегий «исхода» весьма показательна творческая самореализация двух режиссеров в 90-х годах занимавших посты художественных руководителей ярославских театров: драматического театра име-

ни Волкова и ТЮЗа – Владимира Воронцова и Александра Кузина.

Оба режиссера зарекомендовали себя не только как носители профессионального звания, но как творцы, обладающие вполне определенными мировоззренческими, психологическими и эстетическими установками и способные оригинально реализовать их в образной структуре спектаклей. Кроме того, для анализа стратегий самореализации ценна личностная незаурядность, неординарность этих персон. Впрочем, последний критерий возможно распространить на более широкий круг режиссеров. Однако в названных двух случаях личностное своеобразие принимает не только явные социально-бытовые, но что гораздо более ценно, профессиональные формы и реализуется в художественных результатах, способных вызвать активный публичный резонанс.

Наконец, в силу уже упомянутых характеристик, и Воронцов, и Кузин, самим фактом пребывания на руководящем посту обозначили веху в персональной истории своих театров. Существенен и тот факт, что сам момент их появления в этих театрах пришелся на период изменения социокультурной парадигмы существования театрального искусства в России.

Поэтика спектаклей В. Воронцова, при всем разнообразии интерпретируемого материала, существенно определялась свойством его личности – интравертивностью. Создаваемая им из постановки в постановку художественная картина мира всегда отражала «ландшафты души» самого творца. Представления о мире внешнем исходили из мира внутреннего, изменчивые душевные состояния моментально находили выражение в концептуальных построениях его спектаклей, самой их атмосфере. Рассматриваемые периоды пребывания Владимира Воронцова в театре им. Волкова демонстрируют сложный, драматичный переход (вряд ли эволюцию) от лирических, полных трепета и светлой грусти размышлений о хрупкости человеческих взаимоотношений к мрачному скепсису по поводу их имманентной невозможности.

Здравость суждений, тонкость наблюдений, раздумчивость и осторожность – черты редкостные, но очень полезные в мире театра, с его вечной торопливой маятой, в любую минуту готовой «разрядиться» подспудно тлеющим конфликтом, – таким запомнился Воронцов первого «волковского» периода. Неуравновешенность, жесткость и резкость суждений, очевидное дурновкусие в выборе драматургического материала и подчеркнутая тенденциозность этого выбора, социальная и психологическая конфликтность, захлестнувшая творческий процесс и явно присутствующая в его результате, – вот пусть сгущенный, но красноречивый портрет режиссера, покидающего театр на исходе второго периода. Художник, реализующий свою потребность в деятельности, обслуживая ближний и узкий круг коллег-профессионалов и поклонников без претензии на творчески-затратный поиск и широкое признание – таков Воронцов нынешний. Здесь нет нужды восстанавливать все перипетии административно-творческих конфликтов, важен процесс осмысления режиссером собственной творческой программы как явления движущегося, обусловленного процессами внешними и внутренними: откуда и начались известные противоречия между режиссером и его театром, откуда и проистекло состояние непримиримой оппозиции между «непонятым одиноким творцом» и «невостребованными талантами» в его труппе.

Динамичный и дерзкий, ТЮЗ Кузина на протяжении более чем десятилетия поддерживал двуполярную систему организации городского театрального пространства. Постоянное эмоциональное и творческое напряжение на полюсах ТЮЗ – академический театр держало в тонусе и мастеров, и зрителей, и местных критиков. Но, видимо, такой ТЮЗ показался властям 600-тысячного города «с богатой театральной историей» бесполезным излишеством. Формально признанный (Кузин каждый год с момента учреждения областной премии имени Федора Волкова был ее лауреатом), он тем не менее был лишен реальных возможностей для полноценного творчества.

Александр Кузин воплощает редкий тип востребованного, успешного художника, реализующегося без поправок на творческие, административные, географические ограничения. Должность главного режиссера самарского ТЮЗа (САМАРТа), которую Кузин занимал почти два года после вынужденного ухода с аналогичного поста в Ярославле, не помешала ему с равной самоотдачей ставить в Сеуле и Рыбинске, Санкт-Петербурге и Ярославле. И в Европе, и в Азии, и в театральных городах своей страны он воспринимается как носитель уникальной культуры русского психологического театра в ее современной авторской редакции. Он равен только масштабу

собственной личности – к замкнутому пространству настоящий художник не приговорен. В этой стратегии самореализации запечатлен не только личный триумф режиссера, но и перспективы провинциального города, который с помощью деятеля такого масштаба может стать причастным мировым художественным тенденциям.

Современные культурные установки горожан формируются под сильнейшим воздействием средств массовой коммуникации и, прежде всего, телевизионных зрелищ. В этих условиях роль театра в жизни общества приобретает особую динамичность, видоизменяются традиционные контакты сцены и зала, отношения театра со смежными исполнительскими искусствами. Важнейшие прежде функции театра – идеологическая, познавательная, информационно-просветительская – перешли к средствам массовой информации, но живое эмоционально-психологическое взаимодействие, взаимовлияние, творческое партнерство художника и аудитории остается неоспоримым видовым качеством театрального искусства.

Провинциальный зритель, не менее, чем столичный, погруженный в глобальное пространство СМИ, имеет значительно более скромный диапазон и интенсивность театральных впечатлений, в силу чего и критерии восприятия зрелища, и как следствие – традиционные культурные роли зрителей (правоверный театрал, восторженный и разочарованный поклонник, случайный гость) нивелируются, перестают быть значимыми формами позиционирования.

Официальное лидерство того или иного театра в провинции зачастую не свидетельствует о глубине художественного освоения реальности или постижении нового сценического языка. Оно, скорее, говорит об усреднении проблематики, снижении общего художественного уровня и упрощении зрелищных средств воздействия: диалог с публикой ведется на общежитейском уровне обыденного сознания, в пространстве «общественной игры» (В. Сладкопевцев).

Интерес провинциального зрителя к театральному деятелю активнее всего стимулируется имиджем участника общественной жизни, внесценическими способами самореализации, тем более, что такие возможности для провинциального мастера весьма ограниченны, а значит, особенно заметны.

Идентичность заказа публики и творческого исполнения создают то большее или меньшее социальное, культурное, духовное и художественное пространство, в котором проявляются индивидуальность творца и одновременно формируется сознание публики.

Феномен локуса творца есть не просто интеграция, но преобразование смысловых составляющих в единую информационно-семиотическую модель жизнетворчества. Сценическое отражение таких моделей максимально репрезентативно, показательно и социально значимо для провинциальной культуры.

Т.И. Ерохина

СЕМИОТИКА ЛИЧНОСТИ СИМВОЛИСТА («ИНОСТРАНЕЦ» К. БАЛЬМОНТ)

Библиографический словарь «Русские писатели XI – начала XX века» даёт следующую справку о К. Бальмонте: «Бальмонт, Константин Дмитриевич (3 (15).VI.1876, дер. Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губ. – 23.XII.1942, Нуази-ле-Гран, близ Парижа) – поэт, переводчик, критик»[1]. В этой справке – констатация факта, который, к сожалению, не является необычным для русской художественной культуры (и не только рубежа XIX–XX веков): родился в русской провинции – умер в провинции Франции. Но по отношению к личности и творчеству К. Бальмонта – это скорее трагическая неизбежность художественной судьбы поэта-символиста, а не просто свидетельство вынужденной эмиграции, мотивированной политической ситуацией в послереволюционной России.

История русского символизма – это, прежде всего, история личностей, история судеб, характеров, из черт которых и складывается лицо эпохи и художественного течения. С этой позиции и необходимо оценивать значение К. Бальмонта для символизма: *судьба и творчество его – своеобразный метатекст как русского, так и отчасти западноевропейского символизма.*

К. Бальмонт не являлся теоретиком, не принадлежал формально ни к московской, ни к петербургской символистским школам, а по сути –

© Т.И. Ерохина, 2006

ни к «декадентам», ни к «младосимволистам». Тем не менее, он был признан современниками как самый яркий и неординарный поэт-декадент и символист, жизнь и творчество которого, возможно, наиболее полно соответствуют *образу художника рубежа XIX–XX веков.*

Значимость К. Бальмонта для становления и самоидентификации русского символизма несомненна. Хотя исследователи и современники неоднократно оспаривали роль К. Бальмонта в зарождении русского символизма, тем не менее существует точка зрения, что именно с появлением К. Бальмонта «хронологически ведёт свой отсчёт» Серебряный век в России[2]. Поэтому К. Бальмонта наравне с В. Брюсовым можно считать основателем русского символизма, поэтом, который стоял у истоков новой школы и являлся её неформальным лидером.

Жизненный путь и творческие устремления К. Бальмонта изначально были неординарными. К. Бальмонт был типичным выходцем из провинциальной дворянской семьи. Автобиография поэта, а также воспоминания его жены Е.А. Андреевой-Бальмонт и кн. А.И. Урусова, мецената, знатока искусств и покровителя поэта, содержат ряд важных и интересных фактов о семье Бальмонтов.

Отец писателя, Дмитрий Константинович, был председателем земской управы, помещиком, сыном морского офицера. По семейным преданиям предками были шотландские или скандинавские моряки, переселившиеся в Россию. Был род Бальмонтов и во Франции, и в Польше, и в Швеции – достоверных сведений о принадлежности семьи К. Бальмонта к какому-либо из них неизвестно. Документально подтверждено лишь то, что прадед поэта – херсонский помещик по фамилии Баламут, (возможно, выходец из Литвы – Ян Балмутис, украинизировавший фамилию), причины дальнейшей трансформации фамилии неизвестны, но уже дед поэта носил фамилию Бальмонт.

Мать, Вера Николаевна, происходила из семьи военных дворян, людей образованных, просвещённых, любителей искусства. Прабабушка поэта была дочерью известного в своё время композитора Титова, дедушка, писал стихи, да и мать сочиняла романы, печатала в газетах статьи и заметки, устраивала любительские спектакли, пользовалась в Шуе известностью и уважением. К. Бальмонт признавался, что испытывал огромное влияние матери, женщины «с большим темпераментом, умной, живой, властной»[3], поощрявшей поэтические наклонности сына (первые стихотворные опыты которого относятся к девятилетнему возрасту). По воспоминаниям поэта, мать познакомила его с миром музыки, словесности, истории, языкознания, и он увлекся русской классикой, которая и стала для него литературной школой.

Не менее важно и то, что род матери, урождённой Лебедевой, происходил из татарского рода Белый Лебедь Золотой Орды, чем объяснялся, по мнению поэта, её темперамент и душевный строй, которые он унаследовал.

Вышеизложенные биографические сведения представляют не только документальный интерес. Для самого К. Бальмонта – это неотъемлемая часть мифа о поэте, который он создавал сам. История рода для него – предания и легенды, которые невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. А главное – это обоснование исключительности поэта, ибо в нём соединились дух странствий и приключений викингов Балмутов («пленителей морей») и необузданность и страстность золотоордынцев. Этим экзотическим смешением, а главное – желанием ему «соответствовать», отчасти объяснялись эксцентричные поступки К. Бальмонта, «безумства», стремление ко всему необычному и неизведанному.

В целом, поэт любил вспоминать своё счастливое детство, проведённое на природе в раздумьях и мечтах, за чтением книг (см. ст. «Под новым серпом»). Именно страсть к чтению приводит затем поэта к увлечению языками, необходимыми для погружения в мировую литературу: для радости чтения поэтов этих стран в подлиннике. По воспоминаниям М. Цветаевой, К. Бальмонт знал 16 языков, сам поэт насчитывал около 20 языков, к которым ему удалось «прикоснуться» (судя же по переводам – более 30). И это не просто свидетельство специфической одарённости и огромной эрудиции – это желание «объять необъятное», познать весь мир, желание символиста достичь единства и постичь смысл мировой культуры. По воспоминаниям современников, К. Бальмонт ежегодно прочитывал «целые библиотеки», подавлял своей эрудицией, не ограничивался литературой и искусством, изучал ботанику, химию, геологию, минералогию и т.д. При этом обратим внимание на то, что К. Бальмонту так и не удалось (в силу ряда причин, среди которых участие в нелегальном кружке разночинской молодёжи, в студенческих беспорядках,

нервное расстройство и т.п.) получить «казённое» образование.

Активное участие в общественной жизни не было для К. Бальмонта воплощением осознанной гражданской позиции. Для его творческой натуры характерны такие проявления, как порыв, эмоциональный всплеск, которые заставляли его совершать экстраординарные поступки, открыто выступая против государственной системы, но которые, мешали формированию у него определённых политических взглядов. Так, после выступления 14 марта на литературном вечере в зале Государственной думы со стихотворением «Маленький султан», поэт приговаривается к двум годам ссылки, запрещающей жить в столичных и университетских городах. В 1905 году, возмущённый расстрелами и другими кровавыми событиями в России, К. Бальмонт увлекается революционным движением, строит на улицах баррикады, произносит речи, чудом спасается от ареста, пишет революционные стихи и, покинув Россию, становится политическим эмигрантом до амнистии 1913 года.

Всё это делает его личностью, овеянной романтическим ореолом поэта-бунтаря, героем, роль которого он «примеряет» не без удовольствия. Но события в России 1917 года, первоначально воспринятые поэтом с оптимизмом (см. ст. «Революционер я или нет?» М., 1918), затем приводят к разочарованию: бедственное положение поэта вынуждает его в 1920 году покинуть Россию навсегда, хотя тоска по Родине и желание вернуться не оставляют его до конца жизни.

В целом, личность К. Бальмонта характеризует двойственность, противоречивость натуры. Его жизнь наполнена страстными, неожиданными поступками, порывами, которые для современников были свидетельством неуравновешенности поэта, а для исследователей – подтверждением декадентского мироощущения. Неудачная женитьба в 1889 году на купеческой дочери Л.М. Гарелиной, смерть первого ребёнка приводят К. Бальмонта к нервному расстройству, итогом которого становится попытка суицида в 1890 году (и автобиографическая повесть «Белая невеста»). Поэт выбрасывается из окна на мостовую, больше года проводит в больнице: след этой трагедии – физическая хромота. Вторая женитьба К. Бальмонта (на Е.А. Андреевой) в 1896 году происходит тайно, поскольку он не разведён официально с первой женой, долгое время поэту приходится вести жизнь двоежёнца, скрываться за границей. Собственно вся жизнь поэта – своеобразное движение «по кругу»; очередное «двоежёнство» – мучительная, по словам Е.А. Ендреевой-Бальмонт, «*декадентская* жизнь втроём» с 1904 года, новая попытка суицида (по воспоминаниям Е.А. Андреевой-Бальмонт, в 1915 году спрыгнул с балкона, сильно разбился), затем в 1920 году окончательный отъезд из России с гражданской женой Е.К. Цветковской.

Всё это и даёт возможность исследователям сравнивать не только творчество, но и личность К. Бальмонта с П. Верленом, исходя из близости судеб, неуравновешенности темперамента, болезненности натуры. Современники же удивлялись двойственности натуры поэта: «Один – настоящий, благородный, возвышенный, с детской, нежной душой, доверчивый и правдивый, и другой – <…> полная его противоположность: грубый, способный на всё самое безобразное»[4]. Личность поэта действительно поражала контрастом, несоответствием, соединением внешне несоединимых качеств: искренность, непосредственность, спонтанность поступков и поэтического творчества, и одновременно – удивительная рационалистичность, самоорганизованность, творческая дисциплина, выраженные в строгом распорядке дня, идеальном порядке в комнате, внимании к своему внешнему виду. Эта противоречивость способствовала созданию ещё одного мифа о К. Бальмонте: он не только «русский Бодлер или русский Верлен»[5], он – *иностранец* в русской культуре, «несмотря на то, что по рождению и воспитанию он был чисто русским, черты его характера были нерусские»[6]. В нем слишком велико стремление познать культуру всего мира, он слишком эрудирован, слишком много путешествует, слишком восприимчив к многообразию и краскам мира. Он – поэт-космополит, «самый нерусский из поэтов» (И. Гарин), которого О. Мандельштам называл иностранным представительством от не существующей фонетической державы, переводом без оригинала, а В. Розанов иронично именовал вешалкой, на которую повешены платья индийские, мексиканские, египетские, русские, испанские.

Такое «иностранное» положение К. Бальмонта не случайно и также раскрывает один из аспектов русского символизма, задачами которого стало стремление, с одной стороны, открыть для России мировую культуру, вобрать в себя всё

достояние западноевропейского искусства; а с другой стороны, открыть для мировой культуры – русскую поэзию, литературу в целом, сделать её достоянием мировой сокровищницы искусства.

Творческий путь К. Бальмонта изначально связан с его желанием представить русскому читателю творчество зарубежных поэтов. Первые поэтические опыты самого художника не имели успеха. При этом опубликованные в 1880-х годах переводы западноевропейской поэзии (Гейне, Мюссе, Ленау), прозы и драматургии (Ибсен, Бьернсон), монографии по истории зарубежной литературы, переводные сочинения Шелли, По сразу привлекли внимание читателей и критиков.

В истории мировой культуры К. Бальмонт прославлен, как, безусловно, одарённый, хотя и не бесспорный переводчик. Поэт переводил более чем с 30 языков, «всеядность» К. Бальмонта-переводчика поражает воображение: египетская поэзия, древний Восток, древняя Греция, итальянская и испанская литература, особое пристрастие – романтики и символисты; К. Бальмонту принадлежат переводы «Слово о полку Игореве», «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставелли. Все эти переводы требовали от поэта не только знания языков, но и знакомства с культурой. К. Бальмонт – самый путешествующий поэт в русской культуре. Он путешествует много и часто, предпринимает кругосветное путешествие, чувствует необходимость преодолевать пространство и время. Поэт пытается воплотить символистскую концепцию отсутствия временных и пространственных границ в мировой культуре, утверждая – познание мира в единстве, расшифрование символов, смыслов, в которых слиты вечность и мгновение, безграничность и конечность пространства. Путешествия К. Бальмонта – это не только знакомство с новой культурой, это искренний восторг и влюблённость во всё: библиотеки, музеи, религии, философию, искусство. К. Бальмонт, возможно как никто другой из русских символистов ощущал не только пространственную, но и временную целостность культуры: как поэт-романтик и символист он стремился к будущему: «Я жить не могу настоящим… / Я в неясном грядущем живу…»; и живёт настоящим, но не реальным настоящим временем – обыденным и повседневным, а настоящим *мгновением*, восторгом, истоки которого – в вечной любви, вечном порыве, вечном восхищении.

Но К. Бальмонт, будучи поэтом-символистом, воспринимает мир не столько в его самодостаточности и самоценности, сколько в аспекте субъективно-личностным, что и давало возможность современникам поэта критиковать его поэтические переводы, и художественное творчество в целом. Для К. Бальмонта перевод – это не точное воспроизведение авторского замысла, а возможность раскрыть собственное «я», откликнуться на лирический мир поэта-автора, создать ассоциативный ряд, «пропеть» услышанную им мелодию стиха. Равно как и путешествия художника, – это возможность самораскрытия, поиск в себе новых струн, образов, звуков: «И как странно возникали в нём стихи, как будто непредвиденно для него самого: от созвучья слов, произнесённых кем-нибудь случайно, от взгляда, цветка, шороха, запаха…»[7]. Поэтические переводы К. Бальмонта – это, прежде всего, «импрессионистические впечатления» или символистские «соответствия», тени, отзвуки, отождествления с собой. Именно поэтому, по словам И. Эренбурга, исколесив мир, Бальмонт «ничего в нём не заметил, кроме своей души». Но раскрытие собственной души художника для К. Бальмонта – и есть смысл символистского искусства.

Творческий метод К. Бальмонта также стал предметом пристального внимания поэтов и критиков, поскольку он характеризует мироощущение и новый для культуры рубежа XIX–XX способ самовыражения художника. Поза «стихийного гения», о которой говорилось выше, находит своё естественное и органическое выражение в импровизации, импрессионистичности (Эллис), пантеизме и психологизме. К. Бальмонта современники неоднократно сравнивали с ребёнком (А. Белый), чей взгляд на мир отличается наивностью, открытостью и непредсказуемостью. По словам И. Анненского, К. Бальмонт всегда влюблён в то, что пишет[8], и вообще – всегда влюблён. Поэзия, как музыка, звучит в окружающем мире и в душе самого поэта, вызывая неожиданные ассоциации, отражая мгновения, настроение, чувства. Е. Андреева-Бальмонт вспоминала, что «стихи возникали мгновенно», «“Чет и нечет” – от шума падающих с крыши капель. “В столице” – от проезжающего воза с сеном. “Бойтесь старых домов” внушено ему было картиной Борисова-Мусатова… От музыки почти всегда рождались в нём стихи»[9]. И хотя подобная манера, по мнению В. Брюсова, Эллиса, имела свои нега-

тивные стороны (непродуманность отдельных образов и рифм, внимание к внешним эффектам, излишняя увлечённость, отсутствие логики), она не могла не вызывать восхищения и уважения именно своей непосредственностью и искренностью. Создавалось впечатление, что К. Бальмонт творил как дышал, чувствовал, жил, писал беспрерывно, бессознательно, набело: «Но я не размышляю над стихом/И, право, никогда – не сочиняю».

Поэзия К. Бальмонта символична по своей сущности: она всегда отражает субъективный мир поэта, причём «Я» измеряется мгновением, оно изменчиво и многолико, но кроме того, поэзия отражает и объективный мир, насколько он дал художнику в звуках, ритмах, образах.

Роль К. Бальмонта, как и любого истинного художника, не может быть определена однозначно. Современники и критики разошлись во мнениях, определяя принадлежность поэта к какой-либо конкретной школе. Единодушны все критики в одном: К. Бальмонт – одна из самых значимых и самых противоречивых фигур в русской художественной культуре рубежа XIX–XX вв.

К. Бальмонт – *личность знаковая для русского символизма.* Это личность художника, жизнь и творчество которого знаменовали начало новой страницы в русской культуре рубежа XIX–XX вв. Художника-мифотворца, соединяющего в себе черты и декадентского, и символистского мировосприятия и, одновременно, стоящего особняком, вне рамок определённых школ и течений. Художника, который стремился познать культуру всего мира и открыть весь мир в себе, художника-демиурга, который творил культуру и себя в культуре. Поэта-новатора, творчество которого следовало лучшим классическим образцам XIX века и одновременно прокладывало путь новым тенденциям в искусстве XX века, поэта, придавшего русской лирике небывалую музыкальность и зыбкость и с полным правом утверждавшего: «Я изысканность русской медлительной речи».

Примечания

[1] Русские писатели XI – начала XX века. Библиографический словарь. – М., 1995. – С. 483.

[2] *Гарин И.* Серебряный век. – М., 1999. – Т. 1. – С. 481.

[3] *Бальмонт Е.А.* От Шуи до Оксфорда // Встречи с прошлым. Сб. ЦГАЛИ. – М., 1984. – Вып. 5. – С. 93.

[4] *Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. – М., 1996. – С. 377.

[5] *Орлов Вл.* Бальмонт. Жизнь и поэзия // Орлов Вл. Перепутья. Из истории русской поэзии начала XX века. – М., 1976. – С. 181.

[6] *Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. – М., 1996. – С. 350.

[7] Там же. – С. 350.

[8] *Анненский И.* Бальмонт-лирик // Анненский И. Книга отражений. – М., 1979. – С. 107.

[9] *Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. – М., 1996. – С. 352.

В.А. Лётин

ЦАРСТВО СЕВЕРНОГО АПОЛЛОНА: АЛЛЕГОРИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ ДРОТТНИНГХОЛЬМА (ШВЕЦИЯ) И ПЕТЕРГОФА (РОССИЯ)

Принято считать, что загородная резиденция европейского монарха XVIII в., будь то Сан-Суси (Пруссия), Шенбрунн (Австрия), Вилянув (Польша), Петергоф (Россия) в большей или меньшей степени является «снимком» с французского эталона – Версаля. Однако связи между ними гораздо тоньше и разнообразнее, нежели простое подражание архитектурным формам и композиционным принципам садово-паркового пространства. Тем более, что не всегда подобного рода заимствования делались напрямую.

Предметом нашего внимания будет практически не известный в России дворцово-парковый комплекс шведских королей – Дроттнингхольм (Остров Королевы), расположенный на берегу озера Меларен под Стокгольмом[1]. Нам интересно рассмотреть то, как в организации пространства резиденции северных королей преломился «французский вкус». И то, какое влияние, в свою очередь, этот ансамбль оказал на формирование ансамбля так называемого Российского Версаля – Петергофа. С точки зрения стиля как эти проекты объединяет разве что регулярная планиров-

© В.А. Лётин, 2006

ка парков вокруг дворцов. Что же касается концептуальной стороны организации пространства этих резиденций, то, на первый взгляд, равновесие между французским, шведским и российским дворцово-парковыми ансамблями устанавливается. Происходит это за счет аллегорической программы, положенной в основу композиционного решения ансамблей. Программа эта связана с образом бога Солнца, покровителя искусств Феба-Аполлона.

Генетически подчинение пространства загородной резиденции аполлонической теме восходит к программе виллы д`Эсте[2]. Там в результате игры смыслов холм, на котором расположена вилла «превращается» в Парнас; каскадный поток в Геликон… Освященное же образом Аполлона пространство, все в целом, осмысливается как мир Гармонии и Красоты. Так же как и на вилле д`Эсте пространство версальского ансамбля превращается в своеобразный текст, рассказывающий о жизни (рождение, противоборство с Пифоном, Триумф) светоносного бога. Аполлоническая тема заявлена как в Дроттнингхольме, так и в Петербурге. Однако между ее реализацией в пространстве «северных» ансамблей и в пространстве Версаля есть ряд существенных различий, что не позволяет нам выводить петергофскую программу непосредственно из версальского образца. С другой стороны, в «северных» ансамблях эта аполлоническая тема имеет ряд общих черт, что позволяет думать о возможном их влиянии одного на другой.

В обоих ансамблях версальские парафразы подвергаются перекодировке символических значений. Более того, здесь присутствуют черты, характерные только для них и отсутствующие во французском эталоне. В самом Версале солярная тема и образ Аполлона связаны с личностью его «строителя» короля Людовика XIV. «Свет» Короля-Солнца распространяется на всю его страну, «равномерно освещая всех его подданных». Знаком чего является трехлучевая радиальная планировка проспектов, организующая уже городское пространство Версаля и соединяющая его с Парижем[3].

И в Дроттнингхольме, и в Петергофе аполлоническая тема так же связана с августейшей персоной. В Дроттнингхольме – с королём Карлом X. В Петергофе – с императором Петром I. Однако вместе с тем в ней начинает разрабатываться и звучать еще один – *политический* – мотив. А именно загородная резиденция начинает «работать» не только на создание мифа о персоне Короля, как это было в Версале. В её пространстве находят отражение и воплощаются политические амбиции государства в целом. В результате чего загородная резиденция становится визуальным воплощением государственной политической программы.

Дроттнингхольмский дворцово-парковый ансамбль с точки зрения воплощения в нем аполлонической темы. Этот дворцово-парковый ансамбль был создан для вдовствующей королевы Гедвиги-Элеоноры на берегу озера Меларен, архитекторами отцом и сыном Тессинымии[4]. Генетически ансамбль восходит к французским дворцово-парковым комплексам Во ле Виконт и Шантильи. С Версалем его роднит аполлоническая тема.

Проект «Острова Королевы» изначально задумывался как парадная резиденция-мемориал покойного супруга королевы Гедвиги-Элеоноры – Карла X. С личностью этого монарха в представлении его вдовы королевы Гедвиги-Элеоноры связывался расцвет Шведского королевства, его триумф в Северной Европе, на Балтике. Показательно, что изначально скульптурный декор парка должны были составлять военные трофеи из Чехии («Геркулес и Дракон») и Дании (скульптура партера) из дворца Фридериксборг.

Позже, во второй половине XVIII века, при короле Августе III, в парке были установлены мраморные статуи итальянской работы[5]. Однако их появление на территории барочного парка не нарушило первоначального художественного замысла. Они лишь акцентировали символическое значение тех участков, где были установлены и подчеркнули динамику символической программы, свойственную пространству регулярного парка. Благодаря «парковым» преобразованиям короля Августа III аполлоническая тема перестала концентрироваться только в непосредственной близости дроттнингхольмского дворца, а пронизала собой пространство всего регулярного парка по его главной планировочной оси. Учитывая как музыкальные вкусы того времени, а также филармонические пристрастия артистической натуры короля Августа III, мы предлагаем прочитать дроттнингхольмский ансамбль как своеобразную архитектурно-парковую симфонию, в которой и разыгрывается аполлоническая тема. Так, её частям будут соответствовать следующие объекты дворцово-паркового ансамбля:

увертюра – Парадный двор на берегу озера Меларен перед Дворцом; *тема* – Здание Дворца; *вариации* – Партер за дворцом; *реприза* – Боскетный сад на террасах; *кода* – Боскетный сад «Звезда» и холм со скульптурой Диоскуров.

Здесь нас будет интересовать третья часть дроттнингхольмской архитектурно-парковой «симфонии» – *вариации*. Это Партер барочного регулярного парка, который архитектором Никодемусом Тессиным Старшим задумывался как парафраз партеров французского шедевра А. Лево и Ш. Ленотра – Во ле Виконт[6].

В первой, ближней ко дворцу, части партера, им и были сосредоточены трофейные датские скульптуры выполненные Адриеном Деври для фонтана «Колодец Нептуна» во Фридериксборге, а во второй, дальней, – 8 чаш фонтанов. Его сын и преемник делает партер смысловым центром регулярного парка, установив в нем фонтан со скульптурой «Геркулес и Дракон» (А. Деври, привезена из Чехии).

Тема противостояния Разума и Стихии в первой – «ковровой» части партера находит воплощение в скульптурных композициях. Во второй же части партера вода (знак стихийного начала), заключённая в чаши фонтанов, так же символизирует победу Разума над Стихией.

В центральной скульптурной композиции фонтана «Геркулес и Дракон» эти значения аккумулируются. Её сюжет был взят из истории о Шестом подвиге Геркулеса. По одной из версий мифа герой, чтобы овладеть яблоками Гесперид – чудесными плодами, дарующими вечную молодость – должен быть поразить Дракона, охранявшего Сад[7].

В барочной аллегорике образы Аполлона и Геркулеса часто использовались как синонимичные, то образ Геркулеса, повергающего Дракона, можно интерпретировать как парафраз аполлонической темы – поединок Аполлона с Пифоном. С учетом последнего из этих значений приобретают смысл и фигуры нимф на дельфинах. Перенесенные на пьедестал фонтана в Дроттнингхольме с подножия датского «Колодца Нептуна» и явно безучастные к судьбе «стихийного» чудовища, они смотрелись странно в соседстве с «сухопутным» Геркулесом. В результате перекодировки символического значения «датские» нимфы в шведском парке превращаются в самих Гесперид. Дельфины же из спутников Нептуна – в свиту Аполлона, священными животными которого они являются. Это делает их присутствие на пьедестале дроттнингхольмского фонтана вполне закономерным.

И сама трофейная скульптура «Геркулес и Дракон» здесь, в контексте шведской королевской резиденции, получила еще один – политический – смысл. Дракон является геральдическим животным Дании – политической соперницы Шведского королевства за влияние на Балтике. Тем самым установленная в шведском дворцовом парке скульптура с изображением повергаемого Дракона, знаменовала победу Шведского королевства над Данией, принёсшую мир и процветание на Балтику. В таком ключе «срабатывает» ещё одно символическое значение Дельфинов как символов спокойного моря, гарантом чего заявляет себя Швеция. Вполне естественно, что образ Героя, усмирителя стихии, должен ассоциироваться с королем-победителем Карлом X. Как видим, версальская аполлоническая тема в пространстве Дроттнингхольма стала импульсом к созданию оригинального архитектурно-паркового проекта. В свою очередь дроттнингхольмский ансамбль оказал значительное влияние на программу российского «Двора Петра». Постараемся это доказать.

Шведские аллюзии в пространстве парадной загородной резиденции российских императоров. Традиционно петергофский дворцово-парковый ансамбль определяется как сумма влияний трёх художественных традиций: голландской (дворец Монплезир и парк около него); итальянской (каскад фонтанов, аллея фонтанов, «итальянская» архитектура Растрелли); французской (дворец Марли, павильон Эрмитаж, Регулярная планировка партера Нижнего и Верхнего парков, радиальная – версальская – планировка Нижнего парка, личность архитектора-француза А. Леблона, его создателя).

Что же касается влияния северного соседа, то его в исследовательской литературе практически не учитывают. В лучшем случае упоминаются фамилии шведов, участвовавших в создании парков Петергофа, инженера П. Суалема – «фонтанных дел мастера». Мы склонны связывать это с победой России над Швецией в Северной войне. Политическое поражение Швеции повлияло на её дальнейшее восприятие в России, как на явление вторичное, едва ли достойное быть «ровней» Великой Империи. В результате чего из цепи заимствований: Версаль – Дроттнигхольм – Петер-

гоф выпадает «шведское» звено. Без него программа резиденции российских монархов выглядит недостаточно полной. Это звено так легко забылось ещё и потому, что в отличие от трёх названных художественных влияний, шведское в меньшей степени касалось формальной стороны дела, а сосредотачивалось в основном в содержательном плане. Актуальность которого была прямо пропорциональна остроте Балтийского вопроса, решаемого двумя государствами на протяжении всего XVIII столетия.

Итак, голландско-итало-французский Петергоф строится Петром Великим как мемориал, в честь победы над Швецией в Северной войне.

При этом уже первые элементы его программы существуют в диалоге со Швецией, с её королём Карлом XII. Этот диалог ведётся на языке аллегорий, которые подчинены аполлонической теме. Последняя в Петергофе изначально была связана с персоной императора Петра Великого, который «марсовые игры… свейский король с *Аполлоном нашим его царским пресветлым величеством*, на которой побежден, си есть воинские силы»[8].

Однако, здесь в отличие от западного и северного прообразов, изначально прославляется не личность Государя, а победа, одержанная Российским Императором над Шведским королевством. Перефразируя приписываемое Королю-Солнцу выражение – «Государство – это я», можно сказать, что в Петергофе не персона Императора отождествляется с Государством, а Государство – с личностью Петра Великого.

Подобного рода смысловую нагрузку несут и барельефы лестниц Большого Каскада, выполненные по эскизам А. Леблона. Это аллегории освобождения балтийских земель: «Геркулес, освобождающий Деяниру»; «Персей, освобождающий Андромеду», «Плутон, похищающий Прозерпину». Барельефы, сюжеты которых содержат намёк на персону короля-противника: «Диана и Актеон», «Падение Фаэтона», «Состязание Аполлона и Марсия», «Состязание Гипомена и Аталанты». Так, образ охотника Актеона, растерзанного собственными собаками, служил аллегорией Карла XII, вынужденного спасаться бегством после поражения под Полтавой от своих союзников-предателей. В письме к своему сыну Алексею Петр Великий использует образ Фаэтона: *«…единым словом сказатьвся неприятельская армия Фаэтонов конец восприяла»*[9].

Наконец, это барельефы с аллегориями Морского триумфа России: «Триумф Амфитриты», «Триумф Нептуна», «Афродита, принимающая дары» («Золотой век») и «Нептун на морском берегу».

Собственно же аполлоническая тема в Каскаде петровского времени была выражена одним из барельефов подиума Западной каскадной лестницы «Латона и ликийские крестьяне, превращенные в лягушек» и непосредственно фигурами двух лягушек-водометов на каскадном подиуме, так же сюжетно восходящих к истории рождения Аполлона («две Жабы три фута длиной, которые водою блиют»)[10]. Персона шведского короля аллегорически «обыгрывается» и в скульптурах Большого каскада: Персее и Актеоне. При этом голове Медузы в руке Персея приданы черты портретного сходства со шведским королем Карлом XII.

Второй этап реализации во «Дворе Петра» аполлонической темы связан с сооружением центральной в ковше Большого каскада знаменитой скульптуры «Самсон, раздирающей пасть Льву» по модели К.-Б. Растрелли (1735 г.), заменённой работой М. Козловского в 1802 году. Считается, что прообразом композиционного решения растреллиевского «Самсона…» является одноимённая работа скульптора Баратта, хранящаяся в собрании датского короля. Фигура «Самсона» не только визуально собрала воедино объекты Большого Каскада, но и сфокусировала на себе политическую и аполлоническую темы. Сюжет этой скульптурной композиции восходит к библейской истории. В российском культурно-историческом контексте сюжет становится актуальным в связи с победой российской армии над шведами под Полтавой, что произошло в день Св. Самсония – 23 июня 1709 года. С этого времени Св. Самсоний стал считаться небесным покровителем Российской Империи. В его честь были освящены храмы в Петербурге, в Ораниенбауме, в Петергофе.

В связи с юбилеем – 25-летием победы под Полтавой – 1734 году принимается решение об установке в Петергофе скульптуры-водомёта, изображающей Самсона, раздирающего пасть льву. Что и происходит в 1736 году, когда скульптура с таким названием устанавливается в центре ковша Большого каскада.

В результате этого переосмысливается композиционное решение этой части дворцового

ансамбля. Большой канал, использовавшийся Петром Великим в качестве парадного въезда в загородную резиденцию, приобретает сугубо декоративное значение. Зато ансамбль, в целом, получает оригинальную композиционную доминанту – водную струю, бьющую из пасти Льва.

Сама же скульптурная группа с изображением библейского святого казалась аллегорической натяжкой, поскольку аранжировалась фигурами языческих богов и героев. Однако образ Самсона, раздирающего пасть Льву, являлся в барочной аллегорике сюжетной рифмой образу Геракла, побеждающего Немейского Льва. Последний в «обществе» языческих небожителей Большого Каскада оказывался явлением вполне органичным. В свою очередь, Геракл – «аллегориический» синоним Аполлону. Его же поединок со Львом можно интерпретировать как аллегорическое изображение Силы Просвещенного Разума, побеждающей свирепую Стихию.

Как видим, аллегорическое значение «Самсона» в Петергофе практически совпадает с аллегорическим значением также фонтанной скульптуры «Геркулес и Дракон» в Дроттнингхольме.

Примечания

[1] *Ротенберг Е.И.* Западноевропейское искусство XVII века // Памятники мирового искусства. Вып. IV (Серия первая). – М., 1971.

[2] *Тучков И.И.* Genius loci: вилла д'Эсте в Тиволи // Искусство и культура Италии эпохи Возрождения и Просвещения. – М., 1997. – С. 177–190.

[3] *Конькова Е.А.* Версаль. – М., 2003.

[4] Drottningholm the Palace, garden and park. The Drottningholm the Palace Administration and the author, 1997.

[5] Lars Wesslau. De Vriesskulpturerna i Drottningholmsparken. 2005.

[6] Рисунок газонов «ковровой» части Дроттнингхольма повторял рисунок партера в Во ле Виконт.

[7] Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. – М., 1991. – С. 277–283.

[8] *Вернова Н.В.* Петергоф. Большой каскад. – СПб., 1996. – С. 29.

[9] Там же. – С. 52.

[10] «Мемориал о свинцовых фигурах, которые надлежит к Петергофскому гроту» (1720 г.). Цит. по: *Вернова Н.В.* Петергоф. Большой каскад. – СПб., 1996. С. 95.

Н.Н. Лётина

ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР «ПРОВИНЦИАЛЬНОСТИ» ЖЕНСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Положение мужчины с высшим умом нестерпимо в провинции; но положение женщины, которую сама природа поставила выше толпы, истинно ужасно.

Елена Ган

Гений не имеет пола.

Жермена де Сталь

Признание социумом за женщиной даже не творческой силы, но хотя бы творческих возможностей остается проблематичным. Женское творчество традиционно воспринимается маргинальным, периферийным, а значит, провинциальным по отношению к универсальному творчеству мужчин. Рассмотрим, как гендерный аспект становится фактором придания провинциальности женскому творчеству на примере судьбы «провинциальной поэтессы» – Каролины Павловой (1807–1893).

Провинциальность – качество, традиционно задаваемое извне. В геополитическом плане *большую* – и самую значимую – *часть своей жизни* К. Павлова (урожденная Яниш), родившаяся в Ярославле, а похороненная под Дрезденом, *провела в Москве*. Казалось бы, *географически* она – *жительница* «*второй* столицы». Тем более, что разоренная пожаром 1812 года в Москве, семья Янишей стала материально зависима от благодеяний родственников, дававших им средства к существованию и приют в своих московских домах и подмосковных имениях. Так, *«вторичная столичность»* К. Павловой все больше *превращается в провинциальность*.

Но «*провинциальность»* инспирируется и социокультурными факторами, представляя собой

© Н.Н. Лётина, 2006

особое качество вторичности, периферийности самореализации творческой личности в актуальном ей контексте. Такая «провинциальность» способна интериоризироваться, трансформироваться в *своеобразный психологический комплекс личностной и творческой неполноценности*. В этом проблемном поле важным фактором «провинциальности» творчества Каролины Павловой и становится гендер.

Женщина – творческая личность в русской культуре – явление неординарное, легитимное лишь в исполнительстве. ***Реабилитация женского начала*** была осуществлена в русской культуре под влиянием идей руссоизма *на рубеже XVIII–XIX вв*. Духовно «просвещенная» женщина могла бы воспитывать нужные качества у собственных детей, закладывая новую человеческую генерацию. Просветительская работа над женским сознанием отчетливо проявилась в двух направлениях: специфической, преимущественно *женской, адресации просветительских романов и появлении дамских салонов, концентрирующих культурную и интеллектуальную элиту мужчин-просветителей.*

Важный нюанс: женщина в просветительской мировоззренческой системе становилась культурной героиней, но не играла активной созидательной роли: ей отводилась функция ученичества и посредничества.

Новая волна активизации интереса к женскому началу в русской культуре связана с *рецепцией европейского романтизма*. Различные национальные версии европейского романтизма инспирировали различные аспекты «женской проблемы».

Немецкий романтизм. развивавшийся в Йене, оказался актуален для русской культуры[1]. Воспринятый в русском романтизме опыт Йены, *актуализировал эзотерическую чувственную мистику Вечной Женственности и ее символические воплощения главным образом в «мужском» творчестве* Н. Карамзина, В. Жуковского, К. Батюшкова, П. Чаадаева, А. Пушкина. Однако интеллектуальный характер образности, апеллирующей к средневековой христианской символике, эротической лирике Овидия, лирике немецких романтиков, *кодирует Вечноженственное начало* в его *архетипических проявлениях*. Оно отзовется *мотивами и образами любви, тайны, смерти, неизбывной тоски, пути, ночи, творчества как откровения, мистической Розы*. Но широкий круг читателей такой литературы и романтически ориентированные дамы-поэтессы воспринимали данную топику как необходимый романтический штамп. И с точки зрения соответствия штампам восприятия, К. Павлова была вполне состоятельна: в ее творчестве обильно представлены и *метафизическая тоска* («Везде проходят звезды мимо…»), и *тайны судьбоносных встреч* («Зачем судьбы причуда нас двух вела сюда»), *ночных откровений* («Молчала дума роковая»; «Разговор в Кремле», «Дума»), *мистика природы* («Дума»), *материальная жизнь как испытание-изгнанье для души* («Три души»), *мотивы тленности и смерти.*

С немецкой романтической традицией связана и *концепция художника-гения*, одержимого божественным откровением, и в то же время – утонченного мастера. В слиянии этих двух начал видит природу своего собственного дара Каролина Павлова. По ее мнению, поэт уникален и особо одарен: «Он вселенной гость, …/ Ему дан в удел весь подлунный мир, / Весь объем небес»[2]. И в то же время, поэзия для нее «святое ремесло!».

Английский романтизм принес на русской почве неожиданные плоды[3]. Носителем женского начала английского романтизма парадоксальным образом стал Дж.Г. Байрон, точнее – собирательный образ байронической героини. Именно с ними в произведения русского романтизма вошли *муки безответной любви, болезненный эротизм, жертвенность, иррационализм, роковая неизбежность, страдания, иронический пафос, трагизм одиночества*. Многие из этих мотивов присутствуют в любовной лирике К. Павловой. Она и в жизни воплотила романтическую модель тотального несчастья: несостоявшийся брак с А. Мицкевичем, неудачный брак с разорившим ее мужем.

Наиболее выраженной и популярной стала *«французская» романтическая рецепция*, связанная с влиянием Жермены де Сталь и Авроры Дюпен-Дюдеван (Жорж Санд). Бегство опальной Ж. де Сталь из Франции в Россию в 1812 (!) году стал крупным культурным событием. Входят в моду романы и рассказы об эпатажных выходках Авроры Дюпен, «вербуя» восторженно и феминистски настроенных дворянских барышень в ряды «красавиц и жоржзандисток». Именно *французская модель станет в России матрицей для формирования романтического образа женщины – хозяйки салона, экстравагантной, светской, образованной, талантливой, интел-*

лектуальной, духовно свободной, знаменитой, несчастливой. И – *пишущей*. В результате литературная деятельность и увлечение искусством становятся модной женской забавой по всей России. По примеру французских див романтические «светские львицы» Петербурга, а затем и провинции, активно создают литературные салоны, которые зачастую становятся подлинными центрами культурной жизни столицы (салоны «la Princesse Nocturne» – кн. Е. Голицыной, а также Карамзиных, Е. Ростопчиной, А. Смирновой-Россет), Москвы (салон «Царицы муз» – З. Волконской) и Ярославля (кружок Ю. Жадовской). Каролина Павлова после замужества также открывает в Москве литературный салон (Рождественский бульвар, 14), который в разное время посетили П. Чаадаев, А. Хомяков, Т. Грановский, М. Погодин, С. Шевырёв, А. Тургенев, И. Киреевский, Н. Языков, П. Вяземский, Ю. Самарин, М. Лермонтов.

Именно «французская модель» женского творчества раскроет в русской культуре *его подлинный исток* – из всех, исторически известных писательниц древности, наиболее чтимой стала *Сафо*. Актуализация образа «Десятой музы Эллады» в русской культуре легитимировала «женскую поэзию», добавив в нее мистико-эротическую ноту, и внесла новые акценты в восприятие женщины как альтернативной мужчине страстно-чувственной «культурной героини». Так *титулованными «Русской Сафо»*[4] фактически одновременно оказались гр. Евдокия Ростопчина (посвящение А. Майкова), Каролина Павлова (высказывания А. Мицкевича) и Анна Бунина (мадригал К. Батюшкова). Для Каролины Павловой этот эталон женского творчества присутствует не в историческом, а актуальном контексте: Мария Девидсон, гр. Е. Ростопчина, кн. З. Волконская («Три души», «Мы современницы, графиня»).

Так в русской культуре рубежа XVIII–XIX вв. женщина *оказалась допущена в творчество и как автор – сначала в центрах, затем в провинции.* 30–40 годы XIX века были наиболее плодотворны для «думающих» и «пишущих» (Н. Карамзин) дам. Женское творчество в русской культуре, в том числе и провинциальной, в это время – вполне легитимная сфера деятельности со сложившимися традициями. У нее есть *социальные ограничения* – аристократия, интеллигенция. Она *широко распространена:* сконцентрирована в Петербурге и Москве, развивается в губернских городах европейской части России и «очагах» при крупных военных гарнизонах и дипломатических корпусах. Существуют и *видовые предпочтения* – литература (детская «педагогическая» проза, по определению Н. Карамзина, любовная лирика и проза), живопись (пейзаж, портрет, натюрморт), музыка (преимущественно вокальная), домашний театр, декоративно-прикладное искусство. Но за пределы семейного круга эти увлечения практически не выходят и воспринимаются милым дилетантством, в лучшем случае – показателем образованности. *Только литература давала творческим интенциям женщин* возможность выхода вовне, а в силу профессионализации этого вида искусства, и возможность заработка. Неслучайно эпоха рубежа XVIII–XIX вызвала к жизни выражение, уже ставшее научной дефиницией – «*женская литература*». Именно внутри этого вида искусства определились *специфические черты – интимный характер; установка на устное восприятие; особый пафос, сочетающий романтический энтузиазм и томление; искренность, исповедальность, чувственность; нарочитая скромность; двуязычие (сначала французский или немецкий язык, затем и русский*). Сложился круг «образцовых» авторов (А. Бунина, Е. Ростопчина, З. Волконская, К. Павлова, Е. Ган, М. Жукова, А. Зражевская, Н. Дурова, С. Толстая, Ю. Жадовская и др.) и изданий, публиковавших женские тексты («Москвитянин», «Библиотека для чтения» и др.) либо специализировавшихся на них («Дамский журнал»). Определилась «*своя» аудитория* – семья, завсегдатаи салонов и кружков, «женская аудитория».

Но у «женского творчества» обозначилась и ***серьезная проблема – негативный контекст общественного восприятия***, прикрытый ярлыком «женская литература», авторов которой называли «*поэтессы», «женщины-писательницы*», подчеркивая биологическую природу, не адекватную подлинному творчеству[5]. *Женское творчество* даже в своих доминантных литературных проявлениях *оставалось маргинальным, «провинциальным»*[6].

Степень и качество социального признания К. Павловой во многом инспирированы данными факторами. Однако есть и ряд нюансов, требующих конкретизации. *Социальный статус* К. Павловой определен ее принадлежностью кругу аристократической и творческой элиты. Хорошее образование, блестящее знание европейских языков, приятная внешность, филологические

штудии, переводы, поэтические опыты (сначала на французском и немецком, затем на русском языках), знакомство с Е. Баратынским, М. Лермонтовым, открытие собственного литературного салона, увлечение славянофильством, наконец, романтическая история любви к А. Мицкевичу, неудачный брак – вот основные *проявления Persona* К. Павловой. Их можно обозначить как удачные, точнее – *соответствующие социокультурным ожиданиям.*

При этом крайне значимым представляется известный, но практически не осмысленный в историко-литературной критике факт. К. Павлова – поэтесса востребованная, много публикующаяся, начинала как переводчица. И именно в этом статусе К. Павлова получила высочайшее одобрение Гёте. Для того, чтобы начать публиковать свои авторские тексты, ей также понадобилось внешнее одобрение – поэта Е. Баратынского: «Меня вы назвали поэтом, / Мой стих небрежный полюбя, / И я, согрета вашим светом, / Тогда поверила в себя». Первое собственное стихотворение на немецком языке Каролина Яниш прочитала в салоне Елагиных в возрасте 19 лет («Нам посланы в глухой земной юдоли...», перевод Вс. Рождественского). Её оригинальные произведения (сначала на немецком и французском, затем на русском языке) нашли у современников самый противоречивый отклик: от принятия (Н. Языков), до пренебрежения (Н. Панаев). Неудивительно, что первый сборник К. Павловой вышел не в России – в Германии в 1833 (Das Nordlicht... Proben der neueren russischen Literatur (Северное сияние. Образцы новой русской литературы). Он включал переводы из Пушкина, Жуковского, Дельвига, Баратынского, Языкова, Веневитинова, русских и малороссийских народных песен, образцы новой русской прозы, а также 10 оригинальных стихотворений на немецком языке. Публичная апробация первого авторского стихотворения на русском языке произойдет лишь в 1839 году («Неизвестному поэту», 1839; впоследствии с посвящением Е. М<илькееву>). Данные моменты раскрывают *неуверенность К. Павловой в своей «поэтической» состоятельности. А недостаточная уверенность в себе, недостаточная успешность – это и есть черты «провинциальности».*

Однако в произведениях К. Павловой нет примет ущербности ее личности, скорее, наоборот, в неудаче она проявляет достоинство, в рефлексии – смелость и даже эпатаж. Она не извиняется, за то, что – женщина, понимает и принимает и свою биологическую природу, и свою выделенность из общего женского круга: «Я не из тех, которых слово / Всегда смиренно, как их взор… / Я не из тех, чья мысль не смеет / Облечься в искреннюю речь». С душами героинь стихотворения «Три души», в одной из которых зашифрована и автор[7], говорит сам Бог, намечая непростые судьбы женщин-творцов в дольнем мире: «Огнь вдохновения святого / Даю я вам; / Восторгам вашим будет слово / И власть мечтам…»

Жермена де Сталь утверждала: «гений не имеет пола». Гений Каролины Павловой – «душа» – в этом произведении имеет пол. На женственность этой категории работает и культурный контекст, и непосредственно текст. «Душа» соотносится с архетипом Вечной Женственности, Мировой души и ее различных воплощений. В античной мифологии категория души воплощена в женском облике Психеи. В христианской символике «душа» точно не верифицирована, однако ряд ее качеств обозначен: она уникальна – в силу своей любви Бог не растворяет ее в себе, несознательна, слаба, даруется Богом и дает жизнь. Семантически эти функции души – женственны.

В самом тексте важны два момента. Во-первых, он нарративен, сюжетен: Бог посылает души на испытание в дольний мир. Бог выступает в этом сюжете как мужественный и сильный образ, три души – как зависимый, пассивный, следовательно – женственный. Но в традиционной религиозной антропологии понятия дух – душа и тело разводятся как три различные и самостоятельные по своей онтологической природе субстанции. В стихотворении К. Павловой «душа» уже наделена «духом» («И если дух падет ленивый / В мирском бою») и вот-вот обретет телесность. Следовательно, в произведении выстраивается иерархия, в которой душа – первородна, и, следовательно, первостепенна по значению. Получается, что *гений этого текста – душа – обладает женской природой, а в материализации и женским полом*. Какова же судьба женской души, наделенной творческой способностью, изгнанной в бытийную провинцию горнего мира – дольний мир, человеческий мир? Трижды – в том числе по количеству героинь – несчастлива. Но *поэтический облик Каролины Павловой – это облик целостной личности*, пусть и не лишенной дилемм самосознания и отношения с миром.

Современники оценят деятельность поэтессы своеобразно. В 1859 по представлению А. Хомякова её изберут почетным членом Общества любителей российской словесности за переводческую деятельность. Для творческой личности признание подобного рода – сродни оскорблению. Трагедия оригинального творчества осознана. Личное одиночество очевидно. В нищете и забвении, в Клостеврице в 1893, дожив до нового рубежа веков, умирает уже не лирическая героиня – а сама Каролина Карловна Павлова. В. Брюсов и символисты подарят ее поэзии новую жизнь. Лучшим комплиментом *«непровинциальному» качеству* творчества провинциальной поэтессы станет подражание ей новых поэтов – ритмы и экспериментальные рифмы К. Павловой слышны в поэзии В. Брюсова, А. Блока, М. Цветаевой.

Примечания

[1] «Женский» и одновременно «русский» компонент присутствуют здесь изначально: новое развитие угасающей Йены оказалось возможным во многом благодаря деятельности *российской великой княжны Марии Павловны*. Образованная и талантливая внучка Екатерины Великой, став Великой герцогиней саксен-веймар-эйзенахской, половину средств, отпущенных ей на содержание российским двором, вложила в развитие культуры Йены.

[2] Сравним: «Тому, кто полюбился Богу, / Открыты мира чудеса: / Господь укажет нам дорогу / В долины, горы и леса» Йозефа фон Эйхендорфа.

[3] Отметим, что характерная для эпохи англомания охватила преимущественно не сферу творчества, а дворянскую культуру повседневности, в которую вошли традиции английского чаепития, игра в крокет, верховые катания на лошадях, путешествия, дендизм, жалобы на сплин и другие приметы формально воспринятого байронизма, экономические эксперименты.

[4] Показательно, что на рубеже XIX–XX вв. «русской Сафо» будут именовать также многих поэтесс: Мирру Лохвицкую, Марину Цветаеву, Софию Парнок.

[5] Под названием «Женщина-писательница» выходит повесть Г. Рахманного (псевдоним Н.В. Веревкина), где в фривольно-фельетонном духе раскрываются ключевые стереотипы русской женской литературы.

[6] «Провинциальный» характер женской литературы тонко подметила И. Савкина в своей работе «Провинциалки русской литературы («женская проза 30–40 гг. XIX в.)».

[7] Первая – не установлена, вторая – американская поэтесса Лукреция Мария Дэвидсон (1808–1825), третья – сама Каролина Павлова.

Е.Л. Сараева

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМЫ ЕВРОПЕИЗАЦИИ РОССИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ. В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ

Со времени Петра I развитие России шло под воздействием многих факторов, в том числе взаимодействия с европейской цивилизацией, которое имело разнообразные последствия. Наиболее важным их них в «петербургский» период истории (XVIII – первая половина XIX вв.) было активизирование внутреннего потенциала страны и восприятие ценностей и идей европейской цивилизации. Значимым проявлением диалога России и Европы стала модернизация в социокультурной сфере в XVIII – первой половине XIX вв., формирование прозападной интеллигенции, новой культуры, различных течений в русской общественной мысли, росте духовных запросов образованного общества, расширение автономии индивидуума.

Теоретическое осмысление западниками проблемы европеизации России имеет научное значение, поскольку «русские европейцы» 40-х годов дали оценку влияния взаимодействия цивилизаций на развитие народов и с философско-исторической точки зрения охарактеризовали тенденции эволюции русского государства и общества в «петербургский» период, проанализировали соотношение национальных и европейских начал в жизни отечества, определили факторы движения страны. Классические западники жили в эпоху, когда ясно обозначилась альтернативность развития России и возникла необходимость осмысления особенностей цивилизационных процессов в стране.

Изучение западнических оценок европеизации России, во-первых, позволяет глубже понять

© Е.Л. Сараева, 2006

реальный исторический процесс взаимодействия России и Европы; во-вторых, осмыслить позиции, с которых западники стремились осознать изменения в политической, социальной и духовной сферах жизни. Принимая во внимание, что каждое мировоззрение формировалось под влиянием культуры своей эпохи, мы сознаем необходимость определения его значения для своего времени и выявления идей, не потерявших своей важности для общества.

Понимая под европеизацией России процесс ее цивилизации, западники 40-х гг. XIX в. считали необходимым его изучение, сознавая важность задачи самоопределения общества, анализа содержания его культуры, осмысления форм общественной деятельности, духовных процессов, воздействовавших на ценностные ориентиры различных социальных общностей. Осознание мыслящими людьми влияния западного мира на социокультурные процессы в русском обществе в период, когда значение этого воздействия было поставлено под сомнение правящими кругами и многими интеллектуалами, имело важное научное и общественное значение. Выделение ими человеческого компонента в движении страны под влиянием Европы усиливает значимость их философско-исторической рефлексии, призванной осознать опыт трансформации общества.

В исторической литературе проблема Запад – Россия, сформулированная русскими мыслителями 30–40-х гг. XIX в., преимущественно воспринималась как отношение России к Западу. Однако сами западники эту проблему понимали шире. Они стремились понять процесс взаимодействия цивилизаций, определить общечеловеческое содержание развития народов.

В современном обществознании содержание антитезы «Россия – Запад» характеризуется как сопоставление культурно-цивилизационных особенностей России и Европы, путей их развития. Сравнительный анализ этих исторических миров осуществляется с целью либо определить возможности вхождения России в семью европейских народов, либо выяснить, Россия или Запад являются лучше, сильнее, возвышеннее, либо доказать опасность и нежелательность интеграции России с Западом[1]. В.Г. Щукин с удивлением отмечает, что во многих современных работах можно встретить утверждение, что в России петербургского периода ее истории противостояли русские и общеевропейские начала[2]. Он считает ложным противопоставление «русского» и «не совсем русского», доказывая, что русский европеизм, западничество и либерализм столь же необходимы для понимания специфически русского стиля мышления, как и православное богословие, славянофильство[3]. В.Г. Щукин признает западничество одной из форм национального самосознания.

По-прежнему в ряде исследований бытует представление о западниках как апологетах европейской цивилизации, заинтересованных в искоренении русской культуры. А.Н. Боханов настаивает на мысли, что западники желали вообще отторгнуть русский мир, быстрее превратить Россию в европейскую страну[4]. Исследователь убежден, что западникам казалась бесперспективной политика адаптации европейских социальных норм к русским условиям, чем осторожно занималась власть, и что они призывали лишь заимствовать опыт цивилизации Запада[5].

Подобная точка зрения не воспринимается многими исследователями, которые относят утверждения об уникальности русского пути к проявлению одностороннего понимания общественного развития. Но в то же время в исторической литературе не изучены особенности восприятия классическими западниками элементов инокультур.

Трудно переоценить важность осмысления классическими западниками, «русскими европейцами» 40-х гг. XIX в., проблем общественного развития, потому что, во-первых, они были слабо обозначены в русской мысли предшествующего периода; во-вторых, их идеи об обществе оказали серьезное влияние на развитие национального сознания; в-третьих, представители круга Грановского глубоко и интересно характеризовали уровень духовного состояния разных социальных групп; в-четвертых, только мыслящие представители общества понимали необходимость развития его самодеятельности. Решение последней задачи позволяло России выйти на принципиально новый путь движения, предполагавший слом политической модели: сильная власть – слабое общество, позволявший обществу осмыслить свои интересы и выступить в качестве самостоятельной силы, обладающей своей системой ценностей.

Оценка западниками развития общества зависела от их понимания содержания исторического процесса. Полагая, что основным фактором прогресса является развитие сознание общества, они исключительное внимание отводили идейной жизни людей.

Духовную эволюцию русского общества в период европеизации западники никогда не представляли как единый процесс. Они не только выделяли в нем *разные пласты, но и отдельные периоды*. По их убеждению, *духовный процесс, содержание которого они видели в интеллектуально-нравственном совершенствовании личности и общества*, не мог происходить скачкообразно[6]. Он требовал формирования глубокой внутренней культуры человека, передающейся из поколения в поколение.

Первый период в истории европеизации страны в кругу Грановского называли «ученическим», когда изменилось отношение к Западу: его негативный образ был вытеснен идеализированным, общество некритически заимствовало формы европейской жизни, выступая в роли учеников. Но уже в это время внешние мотивы европеизации стали дополняться внутренними, которые, приобретая все большую значимость, вызывали естественную потребность в усвоении опыта европейской цивилизации.

В основе взглядов западников-прогрессистов (В.Г. Белинского, Т.Н. Грановского, К.Д. Кавелина и др.) на цивилизацию России в «петербургский» период лежали их представления об общественном прогрессе. Главным законом развития они считали *последовательность* и *постепенность*. «Ничто не является вдруг, ничто не рождается готовым; но все, имеющее идею своим исходным пунктом, развивается по моментам, движется диалектически, из низшей ступени переходя на высшую. Этот непреложный закон мы видим и в природе, и в человеке, и в человечестве»[7]. Распространяя этот закон и на процесс европеизации, В.Г. Белинский, один из главных идеологов западничества, рассматривал его как взаимодействие народов, имеющее свою логику, последовательность, постепенность. Каждая ступень преобразований являлась базой для следующего движения. Другим обоснованием прогрессивной поступательности в развитии является, по мнению Белинского, сущностное содержание истории человечества, которое заключается в «вечной, в свободной необходимости диалектически развивающейся идее»[8]. Следовательно, Белинский, как и другие западники-прогрессисты, мыслил себе общественное движение, определяемое идеей, как поступательное, восходящее развитие, имеющее своей целью углубление процесса познания мира. Убежденный, что отвлеченно идеалистический взгляд, оторванный от действительности, приведет к созданию мысленных образов рыцарских замков, Белинский твердо отстаивал необходимость оценки исторического процесса, принимая во внимание факты[9]. «Постепенность и последовательность – закон всякого развития», поэтому, утверждал Белинский, нельзя уже в эпоху Петра I, когда создавалась почва для последующего взаимодействия русского и европейского обществ, искать плоды просвещенной цивилизации. Посаженное в землю зерно яблока входит стебельком, а не прямо яблоком. Этот пример был необходим Белинскому для доказательства мысли о том, что русское общество не могло возникнуть сразу под воздействием петровских реформ как самобытное с развитым национальным самосознанием с широким культурным пространством.

Осмыслив процесс восприятия русским обществом чужого опыта, классические западники пришли к выводу, что цели, содержание и формы его со временем менялись. Все проходит несколько этапов развития, утверждали «русские европейцы» 40-х гг. XIX в. На каждом этапе взаимоотношений с Западом менялись глубина, объем и характер осознания черт европейской цивилизации и значения ознакомления с ней. *Сначала обращение к европейскому опыту носило характер подражания, «абстрактного заимствования чужого»*[10]. Западники не просто констатировали этот факт, но и стремились его объяснить. С их точки зрения, Россия могла преодолеть отсталость только путем быстрого усвоения элементов европейской жизни. «Тогда спасение наше зависело не от народности, а от европеизма…»[11]. На время необходимо было «задержать» нашу народность, но не душить ее. Реформы меняли внешние формы жизни и деятельности, что вызывало удивление и у русских, которые стали жертвой насильственных преобразований, и у иностранцев[12]. Западники первыми отметили неоднозначные последствия социальной политики государства. По их мнению, образованное общество было официально создано правительством и только потом стало существовать действительно. Плодотворной была мысль западников о том, что у истоков просвещения общества стояло правительство, использующее принудительные меры для приобщения представителей разных сословий к образованию.

Классические западники хорошо сознавали, что на восприятие элементов чужой цивилиза-

ции оказывает влияние культура времени, содержание общественной жизни. В России в начале XVIII в. не было общественной жизни, это наложило существенный отпечаток на отношение к европейским образцам жизни, стало одной из причин их усвоения в форме подражания.

Одной из ключевых идей западников о процессе европеизации нам представляется мысль о том, что новая Россия сначала создавалась путем некритического усвоения стиля жизни европейцев, а затем формирования новой национальной культуры, вбирающей в себя элементы и русской и западной культуры. Классические западники выделяли *подражательный период в истории европеизации и этап развития творческого начала в деятельности образованного общества*. Белинский проводил параллели в литературном и цивилизационном движениях: «Русская литература началась так же, как и русская цивилизация, – подражанием, слепым усвоением форм. Подобно цивилизации, ее движение и развитие состояли в стремлении к самобытности и национальности, и каждый успех ее был шагом к этой цели»[13]. По справедливому замечанию Белинского, невозможен был полноценный процесс усвоения и западных форм, и идей, так как уровень культуры русских людей в первые десятилетия XVIII века не позволял понять содержание общественной жизни в Европе. Цивилизационный процесс, который начался в России под влиянием Запада, Белинский назвал «наша европейская цивилизация», а развитие просвещения «наше европейское просвещение», имея в виду, что на начальном этапе его содержание и формы были заимствованы. Они походили на «пересаженное растение»[14]. В начале Россия воспринимала формы европейского образа жизни.

Подражательный и внешний характер европеизации был подвергнут наибольшей критике со стороны славянофилов, не признававших значение каких-либо внешних культурных заимствований. Западники доказывали неизбежность подражательного, внешнего периода европеизма, поскольку развитие России было совершенно противоположно европейскому, так как в нашей стране насаждение новых форм жизни шло сверху вниз, а не снизу вверх. При таком направлении движения «*внешность* имеет гораздо высшее значение, большую важность, нежели как думают»[15]. В подтверждение своей мысли Белинский привел следующее доказательство. Надеть фрак и сюртук не значит сделаться европейцем, но в России чему-нибудь учатся и занимаются чтением, обнаруживают любовь и вкус к изящным искусствам только люди, одевающиеся по-европейски. Эти взаимосвязанные обстоятельства послужили основанием для заключения, что «внешнее иногда влечет за собой внутреннее». «…фрак с сюртуком – предметы, кажется, совершенно *внешние*, не мало действуют на *внутреннее* благообразие человека. Петр Великий это понимал, и отсюда его гонение на бороды, охабни, *терлики, шапки-мурмолки* и все другие заветные принадлежности московского туалета»[16].

Полемика Белинского со славянофилами позволяет выделить следующее различие в отношении к вещественной стороне жизни человека. В понимании Белинского, славянофилы недооценивали внешнюю сторону жизни человека, абсолютизируя значение любви, духа: «…на мир практический, на будничную сторону жизни они не хотят и смотреть»[17]. Мыслитель зафиксировал в своих работах реакцию славянофилов на разговоры о развитии экономики, в частности, железных дорог: они с презрительным видом слушают, когда при них говорят о железной дороге, так как она не имеет никакого отношения к возвышению нравственного достоинства страны. Белинский противопоставил этому мнению свою точку зрения на существование определенной зависимости внутренней жизни от внешней. Внешняя, вещественная сторона, как ее называли участники спора 1840-х гг., по убеждению Белинского, создавала материальные условия для интеллектуальной жизни. Развитие просвещения связано с развитием материальных средств. Если не заботиться о материальном обеспечении развития сферы образования, то оно не будет иметь распространения. Верование славянофилов в возможность исключительно духовной жизни Белинский характеризовал как романтическое, соглашаясь с общим определением современниками славянофильского воззрения как романтического. Иллюзорность славянофильских представлений о просвещении критик выразил гиперболой о том, что образование в одно прекрасное утро свалится прямо с неба, а народ возьмет на себя труд только поднять его и проглотить не жевавши[18]. Трудно выяснить, был ли Белинский хорошо знаком со статьей Хомякова «О старом и новом», где автор говорит о длительности духовного воспитания людей. Нужно отметить явное искажение Бе-

линским взглядов славянофилов на процесс просвещения. Но литературный критик верно подметил отсутствие у «староверов» интереса к материальной стороне жизни. Различия в позициях Белинского и «патриотов», как называли себя славянофилы, обвинявших русское общество в подражательности, заключается в том, что критик относился к подражательному периоду как необходимому, ставшему переходным периодом к оригинальности, а патриоты резко осуждали все проявления подражательности на всех этапах европеизации России.

Если осмыслить идеи западников с современных представлений о цивилизации, то можно сказать, что «русские европейцы» 40-х гг. верно отмечали отсутствие культурного *взаимодействия* между Россией и Западом в первое время европеизации – в XVIII в. Европеизм сводился к насильственному навязыванию чужих обычаев, значение которых не понимал народ. Обобщая мнение классических западников о первом периоде европеизации, можно высказать утверждение, что они, оставаясь сторонниками развития отношений между народами, тем не менее, констатировали нарушение равновесия между европейскими и национальными элементами в жизни общества XVIII в., отмечая, что правительство настаивало на отказе дворянства от соблюдения традиций. В первые десятилетия XVIII в. навязывание иной культуры действительно вело к забвению русских начал. Это было нетворческое заимствование.

Классические западники отличали русскую цивилизацию нового времени от цивилизации средневекового периода. С реформ Петра началось формирование в стране новой цивилизации. В первое время она представляла собой «формы без жизни» (без духовного содержания. – *Е.С.*); постепенно в обществе формировалось стремление к самобытной жизни[19].

Следует выделить размышления западников о начале взаимодействия ранее разнородных элементов. В XVIII в. наступил период прививки чужих элементов к национальной почве, сращивания русских и европейских начал. Белинский и Герцен полагали, что этот период продолжался до 1812 года. Контакты с Европой привели к культурному воздействию западного мира на русское общество, которое не только воспринимало нормы и понятия жизни других народов, но и стало проявлять к ним значительный интерес. В начале XIX в. формируется новый тип личности – «русского европейца», образование которого шло под влиянием европейского просвещения. В системе взглядов классических западников на процесс европеизации нужно выделить в качестве фундаментальной мысль, что европеизм не ведет к нивелированию национальных различий. Отвечая своим оппонентам, обвиняющим западников в стремлении навязать исключительно европейский образ жизни, Белинский четко определил позицию своих друзей-единомышленников, утверждая, что европеизм не есть «какой-то уровень, все сравнивающий, все сглаживающий, подводящий под один цвет…»[20].

Значимой представляется мысль классических западников о том, что усвоение культуры более развитых народов содействует раскрытию внутренних сил народа-«потребителя». Ход рассуждений западников был следующим. Богатая духовная жизнь европейских народов, включавшая нравственные размышления, идейный поиск во всех областях знаний, содействовала оживлению духовных процессов в русском обществе. Следовательно, русская нация духовно становилась сильнее, так как ее культурное пространство включало в себя более разнообразные идейно-нравственные элементы.

Объективно западники, отстаивая идеи усвоения на русской почве общечеловеческих идей, приоритет ценностей личности над государственными, содействовали повороту процесса модернизации России с пути создания сильной мировой империи на путь формирования гражданского общества. Возникновение образованного слоя людей классические западники однозначно оценивали как важнейшее социальное и культурное следствие европеизации России. Новая культура русского дворянства возникала под влиянием европейской культуры. Образованное общество, по оценке западников, представляло собой «оевропеившуюся» часть нации[21].

В оценках славянофилами русского европеизма Белинский находил «много дельного, с чем нельзя не согласиться хотя наполовину»[22]. Верной мыслью славянофилов Белинский находил утверждение, что у русских вследствие европеизации нет ярко выраженного национального характера. Хотя славянофилы не предложили своего объяснения причин невыработанности национального характера русских, Белинский поставил им в заслугу справедливость высказанного

ими суждения. Они побудили своих идейных оппонентов внимательно исследовать процесс европеизации. Под влиянием критики славянофилами процесса европеизации, указывал Белинский, он задумался над вопросом, насколько русское общество оторвано от своего прошлого и так ли тесно оно связано с Западом, как ранее воображали сторонники европеизма. В 1847 г. Белинский признал, что во взгляде западников на процесс европеизации были проявления его идеализации. Изучая последствия европеизма, необходимо посмотреть на современное общество «глазами сомнения и исследования». В решении вопросов развития общества западники считали недопустимой подмену действительности «фантазиями праздного ума». Они не находили оправдания попыткам применить вычитанные теории к реальной действительности.

На вопрос, сформировалось ли национальное самосознание общества, классические западники отвечали отрицательно. Развитие самосознания началось, однако многие моменты указывают на недостаточное понимание своего национального своеобразия. Белинский применял такие критерии оценки национального самосознания, как понимание своего национального величия и уважительное отношение к обществу и народу. Критик не отмечал в менталитете многих русских людей искренней убежденности в величии русской нации. К сожалению, деятелям «замечательного десятилетия» приходилось констатировать уничижительное отношение русских к своей культуре и преклонение их перед Западом.

Осмысление русскими интеллектуалами, обладавшими широчайшей эрудицией, альтернативных путей эволюции страны, определившихся в результате одновременного действия противоречивых факторов, стало важным импульсом цивилизации общества в то время.

Как видим, классические западники 40-х гг. XIX в. выступили с критикой негативной оценки последствий европеизации страны, предложенной «патриотами», и распространенного утверждения, что в общественном движении должны преобладать народные начала. Западники обращали внимание на то, что в «петербургский» период произошло качественное преобразование всех сфер жизни страны. Россия прошла такой путь развития и так существенно отличалась от петровского государства начала XVIII в., что нелегко было связать изменения с реформами Петра I. Но направление развития задал Петр I. Главной особенностью отношения русского общества к европейской культуре в XVIII в., по глубокому убеждению западников, было воспроизведение лишь ее форм, которые заполнялись традиционными, доморощенными понятиями о жизни, завещанными предками. Идеи, развиваемые мыслителями Запада, оставались за пределами внимания большинства общества. Правительственная установка на изменение «фасада» страны, длительное время предопределяла «спрос» общества на «импортируемые» элементы европейской культуры: были востребованы манеры, стиль жизни европейской аристократии, языки, литература и другие компоненты внешней культуры.

В западническом воззрении исключительно значима была мысль о том, что *европеизация привела к возникновению внутренних источников движения, включивших механизм саморазвития духовного процесса, когда были созданы необходимые условия его действия – создание слоя просвещенных людей и культурного пространства: системы учебных и культурных учреждений, форм интеллектуальной деятельности, совокупности идей и понятий.*

Важно представление западников о том, что социум, выходя из традиционной инертной жизни, в XVIII–XIX вв. приобрел стимулы к самодеятельности, самосознанию.

Примечания

[1] *Игрицкий Ю.* Россия и Запад. К философско-политическому осмыслению проблемы // Свободная мысль. – XXI. 2000. – №5. – С. 12–13.

[2] *Щукин В.Г.* Русское западничество, генезис, сущность, историческая роль. – Ibidem, 2001. – С. 8.

[3] Там же. – С. 8–9.

[4] *Боханов А.Н.* Русская историософская и общественная мысль // История человечества. Т. XIII. Россия. – М., 2003. – С. 425, 427.

[5] Там же. – С. 430.

[6] *Белинский В.Г.* Сочинения Державина // Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 т. – М., 1976–1982. – Т. 6. – С. 26.

[7] Там же. – С. 7–8.

[8] Там же. – С. 12.

[9] Там же.

[10] *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1846 года. Т. 8. – С. 188.

[11] Там же. – С. 189.

[12] *Он же.* Речь о критике… А. Никитенко. Т. 5. – С. 82–83.

[13] Там же. – С. 84.

[14] *Он же.* Сочинения Державина… Т. 6. – С. 23.

[15] *Он же.* Петербург и Москва… Т. 7. – С. 146–147.

[16] Там же. – С. 147.

[17] Там же.

[18] Там же.

[19] *Он же.* Речь о критике… Т. 5. – С. 111.

[20] *Он же.* Россия до Петра Великого… Т. 4. – С. 40.

[21] *Он же.* Сочинения Александра Пушкина. Статья седьмая. Т. 6. – С. 370.

[22] *Он же.* Взгляд на русскую литературу 1846 года. Т. 8. – С. 192.

Д.Ю. Атланов

О СИСТЕМЕ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Любое знание, претендующее на форму научного, имеет в своей основе некоторый набор интеллектуальных положений, которые принимаются априорно, и в ходе развития дисциплины подвергаются пересмотру и переопределению. Философская антропология, оформившаяся как самостоятельный раздел философского знания только в XX веке, по настоящее время не имеет своей аксиоматики и суммы категорий, которые с достаточной полнотой определяли бы ее предмет, если не считать таковыми достаточно абстрактные представления о теле, душе и духе человека. Именно это обстоятельство заставляет некоторых авторов отказывать философской антропологии в самостоятельном статусе, либо рассматривать ее как раздел истории философии, посвященный изменениям взглядов на человека у различных философов

«Философская антропология может быть понята как невозможность для мысли помыслить саму себя. А поскольку никто не хочет в этом признаться, постольку философскую антропологию выдают за знание того, как представлен человек в различных философских рассуждениях.<…..> Философскую антропологию нельзя представлять как обобщение некоей антропологии. Ибо это глупо. Ведь антропология – наука. И обобщать ее можно средствами науки. А если философская антропология – это наука, то у нее должны быть предмет, метод, язык и прочее. Философия – это София. У нее одна природа. Антропология – это логос. У нее другая природа. Философская антропология является продуктом сопряжения разных природ. Это некий кентавр. Полуфилософия. Полунаука. То, что своей неполнотой, своим “полу” может ввести в заблуждение.

Итак, само понимание феномена философской антропологии зависит от ответа на вопрос: является ли философия наукой или нет?»[1]

Таким образом, вопрос определения статуса философской антропологии изначально предстает как неоднозначный и заставляет заново рассматривать самые основания философствования.

Поскольку иные, не европейские, способы философствования, такой проблемы не имеют, то очевидно, что данная проблема сопряжена с определенным методом, аксиоматическим набором, категориальным аппаратом, которые обусловили и принципиальную метафизичность европейской философии и принципиальную же исключенность человека из-под вопроса.

Очевидно, если мы имеем дело с философской антропологией как научной дисциплиной, то нам необходимо предложить такую методологию, которая могла бы быть использована в науке. Если же рассматривать философскую антропологию как философию, то, очевидно, необходимо введение некоторого комплекса категорий, вокруг которых могло бы формироваться философское знание о человеке. Из этого следует, что необходимо найти то общее, что может служить основанием и для науки и для философии. И научное и философское знание опирается, прежде всего, на понятие, именно движение понятия представляет собой развитие знания.

Рассмотрение процессов происходящих в реальном мышлении, с опорой на опытные знания, накопленные науками, заставляет сделать вывод о том, что формы высказывания понятия определяются особенностями механизма функционирования мыслящего мозга, в частности дифференцированным характером речевой активности. Из этого следует, что понятие адекватно предмету лишь постольку, поскольку структура понятия отражает реальную структуру предмета и реальные структуры процессов мыслительной деятельности, реально существующий механизм построения высказывания.

© Д.Ю. Атланов, 2006

Прежде всего, реальное мышление не может оперировать с несуществованием, отрицательным логическим субъектом, оно всегда определенно, в мозгу любое отрицательное высказывание перекодируется в положительное. Во-вторых, реальное мышление оперирует с переменными объемами, как субъекта, так и предиката высказывания.

Все возможные формы суждения с целым и переменным объемом содержания субъекта и предиката исчерпываются восемью комбинациями: все А есть все В; все А есть некоторые В; некоторые А есть все В: некоторые А есть некоторые В; некоторые А есть некоторые не-В; некоторые А есть все не-В; все А есть некоторые не-В; все А есть все не-В. При этом содержательный смысл (структура тождества) последнего суждения соответствует структуре первого, хотя по форме представляет собой своего рода инверсию, выворачивание, замыкание на себя. Фактически в обоих случаях один класс приравнивается другому (все не В есть С => все А есть все С …и идет процесс построения новых, но формально идентичных суждений об А относительно С). Это тождественное преобразование, в ходе которого само *содержание* класса не изменяется, но изменяется его *значение*. И вот как раз значение тесно связано с оператором, операционально.

Все изложенное означает, что всестороннее логическое рассмотрение предмета в реальном мышлении обнаружит как необходимые и достаточные только восемь сторон или отношений, в которых определяется предмет. Остальные комбинации предстанут как смешение смыслов. Отсюда следует, что логически понятие не «безразмерно», а имеет определенную (определяемую) структуру и переход от понятия к понятию в реальном мышлении осуществляется закономерно.

«В своем предельном развитии понятие не только реализует все свои возможности понимания (все стало понятным, все вошло в понятие), но и предельно развертывает непонятность мира, его внепонятийность. Внеположность бытия мышлению должна войти каким-то образом в определение самого мышления (понятия)»[2]. Собственно задачу в общем виде сформулировал еще русский философ С.Л. Рубинштейн в своей итоговой работе «Человек и Мир», вышедшей в 1973 г. только после его смерти: «Человек как субъект должен быть введен внутрь, в состав сущего, в состав бытия и соответственно этому определен круг философских категорий»[3]. Формулируя эту мысль по-другому, можно сказать, что определение человека как мыслящего, должно включать в себя и определение мыслителя как человека, без постоянного вынесения его «за скобки».

Поскольку предметом философской антропологии является человек, то очевидно необходимо дать человека как понятие таким образом, чтобы понятие человека оказалось научным (исключить метафизику), на данное требование указывал еще Гелен[4]. Речь идет на деле о реальности понятия – отражении в понятии свойств, как реальности, так и реального же мышления. Для решения этой задачи можно попытаться использовать методологию общей теории систем (ОТС) по Ю.А. Урманцеву[5], как методологии максимально учитывающей особенности познающего разума и, одновременно, получившей широкое распространение в науке. Урманцев предложил при рассмотрении предметов использовать понятие объекта-системы. Общее определение объекта-системы гласит: объект-система – это единство, построенное по взаимодействиям и ограничивающим эти взаимодействия условиям, из первичных элементов, выделенных по общим основаниям из универсума. Следствие из этого определения: любой объект есть объект-система[6].

Следовательно, для построения системной модели понятия человека, нам необходимо определить, дать определения: 1) *взаимодействий и ограничивающих условий;* 2) *первичных элементов;* 3) *оснований выделения.*

Для описания самой выделенной системы, ее структуры, по Урманцеву нет других переменных, кроме наличия самих элементов системы, их качества, и отношения между элементами. Соответственно с этим любое изменение системы возможно только как изменение одной из этих переменных или их комбинаций. Все возможные комбинации изменений выглядят так:

1. Изменение количественных характеристик.
2. Изменение качества.
3. Изменение отношений.
4. Одновременное изменение количества и качества.
5. Одновременное изменение количества и отношений.
6. Одновременное изменение качества и отношений.
7. Одновременное изменение качества, количества и отношений.
8. Переход системы в саму себя (тождественное преобразование).

Законом композиции для выделения человека как системы будет одновременность наличия для него двух сред – физической и символической и, соответственно, необходимость адаптации к обеим. Человек, рассматриваемый, как объект относительно физической среды является предметом физических наук. Человек, рассматриваемый относительно символической среды, является предметом наук гуманитарных. Подлинный предмет философской антропологии может быть определен только в области пересечения этих сред и соответственно предметов изучения. Этот закон композиции изложенный с точки зрения общей теории систем предстанет как наличие в исследуемом объекте-системе компонентов, обусловленных как природной так и культурной средами существования системы. Иными словами объект-система выделяется из Универсума таким образом, чтобы компоненты, образующие систему, определялись двояко: и как природно, и как культурно обусловленные.

Говоря об элементах, образующих целостную систему, можно использовать термин «уровень», для того, чтобы подчеркнуть определенную структурную иерархию, соподчиненность элементов. Каждый из элементов, образующих систему является основанием, «субстратом» для следующего и не может возникнуть вне наличия этого основания.

Говоря о человеке как системе, предлагается следующий набор элементарных уровней: организм (количество) – сексуальность (качество) – социальность (отношения) – саморефлексия – деятельность – сознание – личность.

Можно показать, что все перечисленные элементы являются двояко обусловленными, и каждый из них определенным образом соотнесен со средой. К сожалению, детальный анализ не может быть дан в рамках небольшой статьи.

Подчеркнем, что каждый следующий уровень взаимодействия рассматриваемой системы со средой относится к предыдущему как атрибут к субстрату и не может состояться без действительности или актуализации последнего.

Предлагаемый набор элементов дает достаточно полный (как кажется, исчерпывающе полный) свод характерообразующих моментов становления человека. Говорить о полноценном человеке можно, строго говоря, только при наличии (актуализации) всех перечисленных элементов. При этом следует помнить, что система возникает только как неразрывное единство элементов, сопровождающееся возникновением нового качества (эмерджентность), а не просто как эклектическое смешение элементов.

Таким образом, в качестве первичных элементов системной структуры человека предлагаются качественно своеобразные уровни проявления или актуализации системы в ходе ее взаимодействия с окружающей средой. При внимательном рассмотрении можно видеть, что каждый следующий уровень включает в себя предыдущие как необходимую основу, субстрат, к которому добавляются новые атрибуты и, строго говоря, не может быть рассматриваем в отрыве от субстрата. Здесь надо отметить требование временного и субстанциального единства системы. Следствием из этого будет тот факт, что то или иное состояние, строение субстрата в неявной форме будет присутствовать на всех последующих уровнях системы, либо в качестве элемента определения, либо в качестве отрицаемой составляющей, определения «от противного», придавая уникальный характер человеку и его деятельности или проявлениям.

Таким образом, такое свойство системы как целостность, зависимость состояния всей системы от состояния каждого ее элемента прослеживается и в анализе различных ее структурных элементов и отношения между ними.

В связи с этим, необходимо специально обратить внимание на крайние уровни системы, в которых, с одной стороны, выделяемый объект (человек) является частью Универсума, выступая по отношению к нему в качестве атрибута (по отношению к природе), а с другой, на противоположном уровне системы – в качестве субстрата (по отношению к культуре). Как кажется, может быть предпринята попытка анализа предшествующего уровня Универсума на материалах естественных наук, как системы, включенной в систему более высокого уровня, что может дать интересные выводы и обобщения.

Таким образом, мы определили закон композиции системы, в соответствии с ним выделили элементы организации системы, показали их взаимосвязь и взаимозависимость, т.е. их структурное единство. Соответствующие элементы образуют собой иерархическую структуру, актуализация каждого следующего элемента невозможна без наличия и актуальности предыдущего. При этом, в силу системности изменения любого из элементов приводят к изменению всех остальных и системы в целом.

Для завершения построения системы философской антропологии необходимо показать место вы-

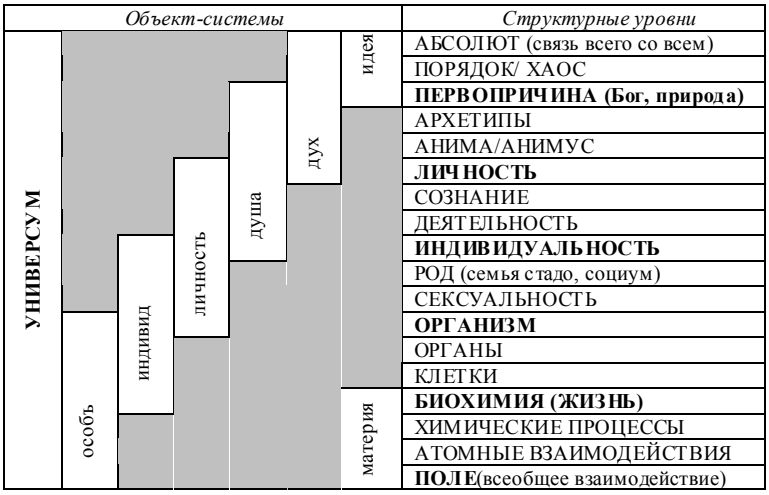


Рис.

деленной системы в ряду иных систем, систем иных иерархических уровней. В пределе должна получиться система систем или универсум (всеобщее существование или универсальная система) (см. рис.).

На этой шкале для наглядности выделены некоторые «объект-системы» (именованные по вертикали группы строк) и фазы перехода (точки бифуркации) между объект-системами разного иерархического уровня (жирный шрифт).

В этой работе специально используется термин «шкала» применительно к полученному результату. Полученное нами определение, определением не является, человек в рамках предложенного подхода не может быть определен как ограниченность. Его состояние индивидуально и вероятностно. Это сродни современному пониманию природы электрона как «электронного облака», некоего «пространства» нахождение в котором частицы носит вероятностный характер. Таким образом, любое определение человека будет представать как указание интервала на данной шкале.

Кроме того, легко можно заметить, что последовательное движение по категориям «снизу-вверх» отражает развитие человека в онтогенезе. А это, в свою очередь, означает, что данная модель применима при построении теории развития.

Можно видеть, что условие всеобщего существования (всеобщее взаимодействие), при выделении специального предмета (человек), приводит к пониманию того обстоятельства, что «высшие» уровни существования человека фундируют низшие. Строго говоря, шкала должна быть замкнута, иметь кольцевой вид.

Изменения физического компонента приводят к изменению символического и наоборот. Таким образом, оказалось выполнено требование, сформулированное применительно к понятию человека А. Геленом, – получить «тотальную связь условий»[7].

Предложенная модель позволяет с исчерпывающей полнотой определить содержание предмета философской антропологии, оставаясь в рамках именно философской антропологии без перехода к иным гуманитарным и естественным дисциплинам.

Примечания

[1] *Гиренок Ф.И.* Антропологические конфигурации философии // Философия науки. – Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. – М., 2002. – С. 375–376.

[2] *Маркова Л.А.* Нетождественное мысли бытие в философской логике // Вопросы философии. – 2001. –№6.

[3] *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1973. – С. 259.

[4] *Гелен А.* О систематике антропологии // Проблема человека в современной западной философии. – М.: Прогресс, 1988.

[5] *Урманцев Ю.А.* Общая теория систем: состояние, приложения и перспективы развития // Система. Симметрия. Гармония. – М.: Мысль, 1988.

[6] *Урманцев Ю.А.* Общая теория систем: состояние, приложения и перспективы развития // Система. Симметрия. Гармония. – М.: Мысль, 1988. – С. 44–45.

[7] *Гелен А.* О систематике антропологии // Проблема человека в современной западной философии. – М.: Прогресс, 1988.

Л.Б. Хабло

«РАДОСТНЫЙ МАЙ». РУССКАЯ УСАДЬБА С.Ю. ЖУКОВСКОГО В КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ИНТЕРЬЕРНОЙ ЖИВОПИСИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Начало XX века ознаменовалось открытиями в науке, поисками новых путей развития общества, что в свою очередь послужило толчком к переосмыслению, как окружающего, так и внутреннего мира человека. В русском искусстве так же происходят изменения: с одной стороны – это попытки найти новые средства выразительности, с другой – по-новому рассматривается значение того или иного жанра искусства. И если раньше приоритетными считались жанры исторический и портретный, то тенденция, наметившаяся еще во второй половине XIX века в своем поступательном развитии, выводит к концу XIX – началу XX веков пейзаж и бытовую живопись на ведущие позиции. Внутри самих жанров так же появляются новые темы.

Вновь у художников возникает интерес к интерьерной живописи. Конечно, исторически, своими корнями она уходит к творчеству А.Г. Венецианова и его окружению, но теперь на новом этапе развития меняются задачи, которые ставят перед собой живописцы. Это не только и не столько построение световоздушной среды, или фиксация убранства комнат и анфилад дворянской усадьбы из желания удержать уходящую в прошлое эпоху, это желание наполнить пространство особым настроением созвучным миру чувств и душевных переживаний человека. С.Ю. Жуковский был одним из тех мастеров, для которых русская усадьба была не просто «видом», она несла в себе особую философию. Его усадьба – это мир, где царит жизнь вещей, что навивает мысли о «натюрмортности» его интерьерной живописи. Каждый предмет это не просто элемент интерьера, он самоценен, ему отведена самостоятельная роль и он является равноправным действующим лицом. Художник чувствует жизнь в этих комнатах, ему удается передать ее, используя исключительно живописные средства, не вводя сюжет. Он не стремиться создать картины, где оживал бы след недавнего прошлого и отчасти, поэтому не включает в свои композиции изображение человека. Но при этом всегда в общей композиции произведения присутствует пейзаж: за балконной ли дверью или открытом окном – природа. Это может быть теплое полуденное солнце, которое ярко и радостно освещает залы, а может быть те предзакатные мгновения, когда все вокруг приобретает особую цветовую насыщенность. С.Ю. Жуковский любил и холодный серебристый свет зимнего дня, окутывающей интерьер легкой дымкой, и зеленоватое свечение, намекающее на погожий весенний день. Такое разнообразие позволяет художнику варьировать освещение комнат, выявляя то один то другой предмет, расставляя то тут, то там акценты, создавая ту или иную атмосферу. В одном случае свет мягко окутывает предметы, и такие произведения зачастую производят спокойное, но чуть грустное впечатление, а иногда лучи солнца бросают неровные блики на тщательно отполированный паркет пола, играют на поверхности фарфоровых, бронзовых и хрустальных предметов.

Освещению и колориту С.Ю. Жуковский уделял большое внимание и в этом направлении пошел по пути новаторства. Это становиться очевидным, если сравнивать задачи, которые ставил художник в области освещения и колорита с вполне традиционными композиционными. Он любит занимать первый план фрагментом комнаты, чтобы зритель мог видеть окно с пейзажем и неглубокую анфиладу. Проблема передачи глубины пространства с помощью световоздушной перспективы, которая была программной для венециановского круга, его увлекает мало. Используя ее, С.Ю. Жуковский, стремиться создать тот дух усадебного бытия, который существовал в его воображении. Работы мастера выражали настроения и ощущения, которые царили в среде московских пейзажистов. С его именем можно связать понятие «певца русской усадьбы», благодаря его умению найти некий музыкальный эквивалент живописи. Одним лишь солнечным светом художнику удавалось придать мажорное или минорное звучание изображаемому интерьеру.

С.Ю. Жуковский творил поэтическую легенду об образах прошлого и его вдохновение оживляло каждую вещь. Для него было важно, чтобы передаваемый им мир был узнаваем, поэтому так важен в его работах рисунок. Мы чувствуем тяжесть бронзовой утвари, любуемся сложностью литого декора; изысканный фарфор привле-

© Л.Б. Хабло, 2006

кает внимание совершенством формы или наоборот – вычурностью. Предметы мебельного убранства, ткани, портьеры, букеты цветов, часто привносимые самим художником, – все это осязаемо. С.Ю. Жуковскому удается найти ту тонкую грань между материальностью, «вещностью» и живописным богатством, которую он, будучи художником, стремился передать в своих картинах. Не только ощущением предметности изображенного мира, но и композиционно художник помещает нас – зрителей – в пространство своих интерьеров. Как уже отмечалось выше, у С.Ю. Жуковского не встретишь длинной анфилады комнат, обычно он строит некую пространственную «коробку» помещения, которая является живописным мотивом интерьера. Зритель чувствует свою погруженность в изображенное пространство благодаря тому, что интерьер хотя и развивается в глубину, но передний план при этом сжат и дается изображение основных плоскостей помещения (стены, потолок, пол – все вместе или каком-либо сочетании). В результате, не совершая длительного продвижения, зритель оказывается вовлеченным в предлагаемую среду. Также художник любил интерьеры, в которых есть вторая полутемная комната, открытая в природу. Этот прием линейной перспективы знали и предшественники С.Ю. Жуковского, но они редко отдавали задний план природному мотиву. В их работах источник света обычно был боковым, и продвижение в глубину происходило благодаря чередованию светлого и затемненного. У С.Ю. Жуковского тоже есть это чередование, но он часто использует сложное сопоставление двух источников света: один падает из глубины, а другой потоком освещает первый план. В этом кроется определенная сложность его композиций, его понимание пространства, его новаторство.

В своем творчестве С.Ю. Жуковский часто обращается к изображению русской усадьбы. Существует два больших цикла интерьеров: один создан художником в имении Островки, другой – более поздний – в усадьбе Брасово.

Имение Островки, расположенное в живописной местности в тридцати верстах от села Сафонково, где жил и работал А.Г. Венецианов, однажды уже было отражено в творчестве замечательного русского художника – самоучки Григория Сороки. Эта усадьба принадлежала знатному тверскому помещику П.И. Милюкову, представителю большого рода, поддерживавшего семейные узы, стремящегося сохранить фамильное достояние. В 1840-е годы, когда в Островках работал Г. Сорока, усадьбой владел Николай Петрович Милюков, человек широко образованный, статский советник, вышневолодский предводитель дворянства, крестник императора Александра I. Как и большинство вельмож, он обустроил усадьбу разными парковыми затеями – мостиками, беседками, цветниками, павильонами. У него был крепостной театр и хор. Коллекции живописи, мебели, фарфора, бронзы отличались высоким художественным качеством. Интерьеры комнат были продуманы, для них была характерна парадная простота, чувствовался вкус и понимание художественной ценности вещей. В начале XX века большой деревянный двухэтажный дом в Островках превратился в семейную реликвию. Потомки Н.П. Милюкова С.С. и Н.С. Красенские предпочитали жить рядом в одноэтажном флигеле, а само здание сдавали в качестве дачи. В течении ряда лет, с весны до поздней осени там жил С.Ю. Жуковский.

Одним из первых в Островках был написан интерьер «Радостный май» (1912, ГТГ). Успех этого произведения у зрителя вдохновил художника на создание аналогичных работ. Сюжетно картина предельно проста. У стены между открытыми в парк окнами стоят три ампирных кресла, в простенках висят старые фамильные портреты в золоченых рамах. Композиция построена таким образом, что в ней на равных присутствует пейзажный мотив и собственно интерьер, при этом каждый из них понимается в своем развитии. Пейзаж уходит в глубину пространства, а интерьер домысливается в ширину. Кресла расположены в ряд, почти параллельно нижнему краю холста, так же параллельно написана и стена деревенского дома, сложенная из тесанных бревен. Чуть раздвинутые боковые кресла – одно вправо, другое влево – зрительно раздвигают рамки картины по горизонтали. Ритмическое чередование окон, с виднеющимся за ними пейзажем, и простенков, в каждом из которых висит портрет, – придает картине уравновешенность и гармонию. Несмотря на всю выверенность интерьера, в нем есть момент бытовой случайности и естественности. Самое удивительное, что в картине практически нет никакого сложносочиненного сюжета. И он сам, и его описание сводятся к немногим словам, но то, как художник написал картину, заслуживает внимания. Излюбленный еще романти-

ками мотив открытого окна, дающий прорыв пространства в глубину обыгрывается здесь с особым блеском. Вокруг дома раскинулась небольшая лужайка с зеленью. Деревья еще не покрыты листвой, но молодые побеги бледным желто-зеленым облаком окутывают ветви. Из левого окна видна далекая постройка, в окружении небольших елок. В невысоком деревянном ящике на подоконнике цветут голубые, розовые и бледно сиреневые фиалки, которые хранят присутствие человека и связывают пейзаж за окном с интерьером в единое целое.

С.Ю. Жуковский проявил себя замечательным колористом. Безусловно, мягкий золотисто-коричневый тон является основой палитры художника, именно так написаны бревенчатые стены комнаты. С их цветом удачно согласовано красное дерево ампирных кресел – в ярком солнечном свете они приобретают новые цветовые оттенки: нет обычной строгости и официальности, которые присущи этому материалу, так как темные желтые и оранжевые полутона проникают в основной цвет, которым они написаны. Так же удачно согласуется с основным тоном картины и золото старинных рам. Местами они кажутся розовыми, а на свету они благородно светятся позолотой. Гамма синих тонов обивки кресел, букет фиалок, с преобладающими в них фиолетовыми оттенками – холодные по своей сути, они только оттеняют цветовое богатство основных золотисто-коричневых тонов интерьера. В свою очередь, в пейзаже господствуют холодные краски – это голубые, синие и бледно-зеленые тона. Дорожки парка, стволы деревьев, бревенчатая постройка в глубине выполнены в гамме охристых, светло-коричневых тонов. Таким образом, теплые в своей основе цвета интерьера находят поддержку в пейзаже, а холодная цветовая гамма пейзажа включена в колорит интерьера. Эта перекличка является важным связующим звеном, которое объединяет интерьерный и природный мотивы, выражая их единство. При всей продуманности, С.Ю. Жуковскому удалось сохранить в картине и свежесть первого впечатления и задержать зрителя рассматриванием каждого мотива, несмотря на сильное общее впечатление. То, что так интересовало художника – органичная связь усадебного интерьера и природной среды, их взаимосвязь и взаимораскрываемость ему полностью удалось воплотить в этой работе.

В начале XX века русская усадьба угасала, ее мир постепенно отходил в прошлое и казалось бы так естественно в этой ситуации акцентировать внимание на процессе увядания. Однако, сколь не соблазнителен такой подход, С.Ю. Жуковскому и художникам, которые работали рядом, удалось продемонстрировать иное понимание интерьерной темы – они попытались сохранить и передать особый дух, эмоциональную красоту, поэзию прошлого. С.Ю. Жуковскому удалось уловить и с великолепным мастерством воплотить то особое качество, в котором воспринималась усадьба создаваемая несколькими поколениями, являющаяся воплощением духовного мира ее создателей. Он объединил в одно эмоциональное целое красоту окружающей природы, внешнюю архитектуру и тонкий внутренний мир, созданный человеком.

Л.В. Финогенова

КУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ МИРА В СОДЕРЖАНИИ НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Планета переживает глобальный экологический кризис, определяемый в настоящее время как отрицательные, зачастую необратимые или трудно восполнимые изменения биосферы в большинстве регионов земного шара, ведущие к резкому ухудшению среды обитания человека и всей биоты в целом, особенно в городах; большинство проявлений кризиса выходит за рамки отдельных регионов и носит планетарный характер.

Поэтому сегодня, когда человечество находится в ситуации конфликта природы и культуры особенно значимыми становятся нарастание экологической составляющей в системе культуры, становление и развитее экологической культуры, то есть умение найти «общий язык» с природным миром, обеспечить коэволюционное (сопряженное, соответственное, оптимальное) развитие культуры и природы.

Каждая нация на протяжении своего многовекового существования сформировала свой собственный комплекс духовных ценностей, неизбежно оказывающий влияние, в том числе и на взаимоотношения человека и окружающей природной среды.

Проблему здесь мы видим в том, чтобы в существующей системе образования создать образовательную подсистему, способную удовлетворять этнокультурные и этнообразовательные потребности общества. Такой подсистемой, вероятно, может быть национально-региональный компонент экологического образования.

На наш взгляд, этнокультурное образование как компонент национально-регионального экологического образования, должен включать в себя ознакомление с мировоззрением своего народа, нравственными критериями и историей исповедуемой религии, культурой, обычаями и традициями.

Каждая национальная культура, вырастая в специфических условиях жизни (географических, исторических, технологических, бытовых), вырабатывает свой язык, свои культурные коды, свое специфическое видение мира, свою культурную картину мира (культурный образ мира).

Согласно словарному толкованию культурный образ мира – образ мира в представлении определенной социальной общности и непосредственно связанный с менталитетом [2, с. 269–272].

В свою очередь, если менталитет представляет собой способ восприятия и видения окружающей человека действительности, то культурный образ мира это результат этого восприятия. Содержательной основой культурной картины мира является система ценностных отношений социальной общности (понимание ею добра, зла, счастья, справедливости, эстетического совершенства), ее представлении о времени и пространстве, мироздании в целом.

Культурная картина мира существенно отличается от научной картины мира, под которой понимается некая идеальная модель действительности, созданная на основе научных идей и принципов и которая воплощает в себе последние достижения науки. По своему содержанию научная картина мира объективна и лишена (или почти лишена) ценностного отношения к миру.

В культурной модели мира реальность представлена не такой, какой она есть сама по себе, не в ее объективном значении, а такой, какой она видится социальной общности, то есть в ее смысловом значении.

Так, в научной картине мира свет и цвет представлены как физические явления, в культурной же модели мира они выражены как ценности. Например, в русской культуре, которая тесно переплетается с православной, христианской религиозной картиной мира, семантикой, например, белого цвета является духовная чистота, святость. Белый цвет объединяет все цвета, так и Царство Небесное включает в себя все множество и разнообразие преображенной жизни. Неслучайно на Руси многие храмы белого цвета, в определенное время священники надевают белые одежды. Это связано с тем, что Белый цвет – цвет преображения, он напоминает человеку, что мир будет преображен Духом и получит новое Божие благословение.

Научная картина мира и культурная нередко оперируют одними и теми же категориями, но смысловое значение последних в них различно. Взять, к примеру, пространство и время.

В этом контексте существенно различие между тремя типами пространства и времени – реаль-

© Л.В. Финогенова, 2006

ным, концептуальным и перцептуальным. Реальное пространство и время – то, в котором живет человек, существуют предметы, вещи, протекают различные процессы. С концептуальным пространством и временем мы имеем дело только в теории, ими оперируют в научной картине мира. Перцептуальное пространство и время свойственно культурной картине мира, это пространство и время такие, каким их воспринимают и переживают люди определенной эпохи. В культурной картине мира пространство и время никогда не выступают в форме абстрактных феноменов; здесь они всегда конкретны, наполнены конкретным содержанием и носят «местный» характер. Так, русский народ в силу естественной зависимости от природы связывает свое восприятие времени со сменой времен года. Древние славяне – делили год на три периода: посев, уборка урожая и подготовка к новому посеву. Человек чувствовал, как велик и многообразен внешний мир, как богата жизнь. С принятием христианства сознание человека расширилось. Так, христианство привнесло понимание двусоставности мира. Есть два уровня бытия: мир видимый и мир духовный, невидимый (Быт 1,1). Человек также двойственен по своему составу: тело – часть мира видимого (природного), а своими чувствами, устремлениями и разумными способностями человек является частью мира духовного, невидимого. Внутренняя жизнь человека еще многообразней, но она скрыта от глаз. Церковь предлагает людям особый ритм внутренней, духовной жизни, совой круг праздников. Осенью начинается Церковный год. Поэтому время представляется здесь в виде «кругового» времени. Свои особенности время обретает в православном культурном образе мира. Здесь оно связано с конкретными событиями.

Например, в Костромском крае, открывая сев, крестьяне ходили по полям крестным ходом, служили водосвятный молебен, кропили освященной водой семена и пашни. «Уроди, Господи хлеба на церковь Божию, на нищую братию, на всех христиан и на птиц небесных!» – такой молитвой начинала весенний сев Костромская губерния [3].

В Чухломском уезде шли в Авраамиев монастырь и приносили плащаницу преподобного – «Ходим с этим почтенным старцем Авраамием». В Кологривском уезде сеяли только в «легкие» дни – вторник, четверг, субботу. Перед севом ржи молились Илье пророку, овса – Николаю чудотворцу, за лен молили Олену-льняницу.

К Духову дню с посевом яровых старались управиться. Земля, разбухшая от тепла и влаги, готовая выгнать из себя зеленые хлебные побеги, в этот день считалась именинницей. В Духов день нельзя было землю беспокоить, вообще замирали все работы: «девица косы не плетет, птица гнезда не вьет». В этот день сам Господь благословлял природу на летнее плодоношение.

Начиная жатву, служили молебен Матери Божьей, Илье пророку, им же в благодарность оставляли на полях своеобразные подарки – символы. Несжатую горсть колосьев «прикручивали к земле», тут же клали кусок хлеба и покрывали сверху снопиком сена [2].

В Чухломском уезде вязали из соломы куклу, сажали ее на несжатые колосья, соломой же устилали вокруг нее землю. Молодые жнецы и жницы садились кругом куклы и пели песни. «Бородой…» называли последний сноп овса, который жали в полном молчанье, уносили домой, и ставили под божницу до Покрова. В Покров день «мочальный сноп» во всех уездах скармливали скотине, чтобы она «молчала», «не вопила», то есть была сытой (хватило бы корму) до самой весны [1].

«Именины овина», «замолотня», «опашка» завершали хлебную страду. «Спасибо, батюшка, послужил!» – кланялись овину после молотьбы; благодарили Господа и всех святых и угодников за помощь в полевых работах. В селениях в эти дни устраивали пирушки, ходили друг к другу в гости, угощались пивом и пирогами – «Нынче, слава Богу, благополучно работали, и на будущий год Бог так дал» [1].

Важнейшими компонентами культурной картины мира являются: ценности. Ценностный компонент является ведущим в содержании образования вообще, а экологического образования – в особенности. Следовательно, одним из важнейших компонентов содержания национально-регионального компонента экологического образования является ценностный компонент, который призван раскрыть детям многогранную значимость изучаемых объектов и явлений жизни природы и человека данного региона.

К.Д. Ушинский писал в предисловии к своему основному труду «Человек как предмет воспитания», что воспитательная система всегда с необходимостью разомкнута на те не выводимые из самой системы воспитания объективные ценности, которые привносятся в нее извне и становятся целью воспитания.

Знаменитый педагог пророчески указал на то, что эти ценности не могут определяться той или иной государственной системой или общественным укладом, поскольку последние могут претерпевать частые и порой значительные перемены, цели же образования и воспитания должны быть вечными и независимыми от политических коллизий. Они должны соответствовать самой глубине человеческой природы.

Современное развитие цивилизации ориентировано на совершенствование личности, формирование новой системы ценностей: жизнь во всех ее проявлениях как высшая ценность; человек как компонент сложной системы жизни на Земле, его новая биосферная функция; универсальные ценности природы; ответственность за загрязнение биосферы и человеческого общества.

Таким образом, на смену потребительской психологии, природопокорительскому взгляду на мир должна прийти новая система ценностей, новая культура, приоритетом которой должна стать гармония в системе отношений «человек-природа».

Культурные нормы отношения человека к природе нашли свое отражение в идеях народной педагогики. Достижение гармонии природно-биологического, социального и духовного в развитии человека – ведущая идея содержания этнопедагогики. Диалектическое становление идей народной педагогики ориентировано на отношение к миру не по модели господства и подчинения, а направлено на нравственную ответственность перед собой и миром.

Так, например, у русского народа, как и у многих других этносов, образ жизни и законы природы были слиты в единое целое. Поэтому для народной педагогики было естественным абсолютное неприятие негативных действий в природе: будь то сорванный цветок, посаженная в клетку певчая птица или другое животное. Любоваться и наслаждаться их красотой – внушалось с детства, там, где они растут и обитают. Такая позиция была глубоко гуманистической и характерной для русского народа. Принципы отношения россиян к природе основывались на нравственных принципах христианства.

Этнограф С.В. Кузнецов [4, с. 133] отмечает, что именно христианство выработало отношение русского крестьянства к земле и всему, что на ней произрастает как к земле Божией, к домашнему скоту и всякой «твари» как «твари Божией» и наложило отпечаток на практику земле – и природопользования, определив всю систему взаимоотношений человек – природная среда. Христианство способствовало выработке добросовестного отношения к труду, строгой дисциплине труда на основе представления о том, что труд благословлен Богом. Труд русского земледельца в морально-психологическом отношении был немыслим вне осознания ответственности перед Богом и использования его заповедей по отношению к земле, твари и всему ближнему в процессе хозяйственной деятельности.

Народная мудрость, проповедуя о единстве человека и мира, отрицая излишество («Бережливость лучше прибытка»), извращение, самоистязание в любой сфере и через народную педагогику воспитывало в человеке стремление к самосовершенствованию, самовоспитанию («Всякий своего счастья кузнец»).

В народной педагогике четко выделяется естественность и природосообразность воспитания, основной идеей которой является признание природного равенства людей, самоценности и уникальности каждого индивида, его неразрывного единства с окружающим миром.

Природосообразность в народной педагогике характеризуется глубоким пониманием внутреннего мира человека, его целей, поступков, мотивов деятельности, интересов, а также роли природы в нравственном становлении личности молодого поколения. На основе естественности и природосообразности построены своего рода народные педагогические программы формирования целостной личности, выраженные в народных идеалах.

Согласно традиционному мировосприятию, все, что нас окружает – растения и животные, люди – это создания единой природы, которые находятся в постоянном взаимодействии и взаимосвязи. Когда преступаются нормы и правила общения с живой природой, наступает дисгармония. Это убеждение уяснялось ребенком в раннем детстве. Например, с древних времен существует пословица: «Не разоряй птичье гнездо, будет плохо, накажет Всевышний».

Принцип естественности и природосообразности в народной педагогике способствовал совершенствованию и гуманизации образования. Народная педагогика близка к природе и человеку и она воспринимается как природная, естественная.

Она представляет свод знаний, умений, традиций народного воспитания, духовно-нравственного обучения, воспитания и развития подраста-

ющего поколения. В условиях самой ранней ступени общественного развития воспитание детей, подготовка их к жизни, труду, безопасному и гармоничному сосуществованию со своими соседями – природными обитателями – осуществлялись в процессе самого естественного хода жизни, раннего вовлечения в посильный дифференцированный труд, общения с природой, усвоения знаний и умений. Такое воспитание, подсказанное самой природой, было по настоящему природосообразным и поучительным для последующих поколений людей и различных социально-экономических формаций.

Народное воспитание имело и имеет свою основу в опыте и сложившихся традициях. Любой народный воспитатель никогда специально не занимался экологическим, этническим или каким-либо другим просвещением. Он все это делал в процессе практической деятельности, получая или показывая (делай как я). Духовная культура, народные традиции, обычаи, социально-этические нормы составляют основу этнопедагогики. Они выступают ведущими факторами воспитательного процесса, оказывают огромное влияние на формирование личности подрастающего человека.

В русских традициях отношения к природе и природопользования, основанных на христианских ценностях, отчетливо выступают следующие направления народной экологии.

Строгое самоограничение в потребностях отражает идеи народной пропромысловой экологии как совокупности эмпирических знаний, методов, приемов, правил, обычаев и традиций использования природных ресурсов в процессе собирательства (сбора ягод, грибов, лекарственных, витаминосных и других хозяйственно ценных групп растений), охоты и рыболовства.

Прежде существовали неписаные, но эффективные правила пользования дарами природы, которых придерживалось все население. Места промыслов, заготовок хозяйственно важных растений, ягод, грибов, орехов были закреплены за отдельными селениями. Все это полностью исключало случаи браконьерства.

Ныне, в связи с известными экономическими трудностями, наблюдается новая волна массового приобщения населения к собирательству даров природы. Поэтому народный опыт пользования природными ресурсами приобретает особую актуальность.

С.Н. Чернышев [6, с. 272–279], рассматривая проблему русских народных традиций общения с природой и природопользования, отмечает, что самоограничение потребностей в народе считалось идеалом. Счастье люди видели в богатой, обеспеченной жизни, но высшее счастье – в духовной богатстве, в отречении от земного, в пути преподобных Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Паисия Величковского. Но и в миру самоограничение было идеалом. Люди, ведущие аскетический образ жизни, вызывали уважение, им старались подражать. В качестве примера может служить аскетический образ жизни А.В. Суворова – народного героя.

Самоограничение в повседневной жизни народа выражалось неукоснительным соблюдением постов – общей продолжительностью около 16 недель. Добровольное ограничение себя в пище давало человеку больше удовлетворения, чем самая вкусная еда.

Другой формой ограничения в пище были, приуроченные к церковным праздникам, сроки начала сбора яблок, орехов, так называемые яблочный Спас (19 августа), медовый Спас (14 августа) и ореховый Спас (29 августа).

Ограничение проявилось и в том, что брать у природы можно было только необходимое количество. Люди не ловили рыбы больше, чем нужно, не били зверя для потехи, но лишь по необходимости и только в определенные сроки.

Самоограничение в охоте, рыбной ловле очень близко примыкает к православной христианской народной традиции наиболее полного использования всего, что дает природа.

У русского народа очень строго запрещалось выбрасывать хлеб и хлебные крошки. Народная память сохранила предание о Петре и Февронии, в котором народная мудрость торжествует над ханжеством богатых и знатных людей, учит князей простоте и единению с народом, бережному отношению к хлебу. Очень показательным примером является превращение в руках Февронии хлебных крошек в ладан благоухающий и фимиам.

В процессе многовекового опыта обживания, облагораживания дикой природы, ее адаптации для удовлетворения многосторонних потребностей населения сложились определенные навыки, а также опыт оптимизации, восстановления и охраны всей совокупности местных природных ресурсов и ландшафтов в целом (ландшафтная экология). Сегодня этот опыт имеет большое значе-

ние в связи с проводимыми обширными работами по формированию системы особо охраняемых природных территорий.

Народная мудрость учила беречь дар Божий и плод туда человека. Так народ тщательно сгребал скошенную на сено траву, чисто выкашивал сенокосные угодья. Ходить через луга разрешалось только определенной тропинкой и только босиком. Горожане разувались, ступая на луг.

Все, что не съедалось людьми – отдавалось скоту. Все, что не пригодно скоту – шло в печь, давало тепло и золу для удобрения и борьбы с вредителями. Так в земле завершался круговорот веществ в крестьянском хозяйстве. Таким образом, человек кормил скот и обрабатывал почву, ухаживал за ними. Принцип безотходного производства был реализован в крестьянском хозяйстве. Одновременно осуществлялась экономия ресурсов и очистка природной среды от отходов. У деревни не было помойки или свалки. Использовались только возобновляемые источники энергии: трава, дрова, вода, ветер, солнечная энергия.

Народ имел богатый опыт по доместикации растений и животных, выращиванию экологически чистой продукции, выведению устойчивых сортов к вредителям и болезням, созданию устойчивых агроэкосистем, поддержанию их продуктивного долголетия, разведению сельскохозяйственных животных, производству экологически чистой продукции. Огромный интерес к народной сельскохозяйственной экологии проявляется в настоящее время со стороны горожан – садоводов и огородников, а также селян – фермеров и крестьян.

Люди заботились об украшении природы. Земля украшалась селами, церквями. Жилища – разными мелкими рукоделиями. Жизнь людей – мудрым словом и дивной песней. Складывалась народная строительная экология – совокупность практического опыта народа по созданию экологичного жилья, мебели, домашней утвари, удобных для проживания сельских поселений по производству стройматериалов из местного сырья. По расчетам архитекторов, крестьянские дома были в 8–10 раз дешевле современных коттеджей. К тому же они были гораздо теплее, на обогрев их требовалось в 5–6 раз меньше топлива. В условиях энергетического кризиса, широко развернувшегося коттеджного и дачного строительства, производства местных строительных материалов, сведения из народной строительной экологии приобретают особенно актуальное значение.

Народная фенология и агроклиматология – это комплекс знаний и наблюдений над сезонным развитием живой и неживой природы. Сюда также входит совокупность сведений населения о местной погоде и климате, а также умений и навыков в предсказании, кратко- и долгосрочном прогнозировании природно-климатических явлений.

Народные знания в этой области необычайно обширны и нашли отражение в многочисленных пословицах, поговорках, приметах. На их основе были созданы земледельческие календари, которые известны у многих народов мира и приобретают все большую популярность у нынешних земледельцев.

Вековые наблюдения русского народа за явлениями природы также фиксировались в форме различных примет и пословиц, сказок и загадок, которые бережно передавались из поколения в поколение. Яркие образные экологические поучения легко запоминались детьми. Роль и значение устного народного творчества в формировании у подрастающего поколения основ экологической культуры на Руси было очень велико.

И по сей день не исчерпали своего воспитательного значения средства народной педагогики в деле формирования у подрастающего поколения основ экологической культуры. Сила и красота русской души воплощены в фольклоре, а именно, в преданиях, сказках, пословицах, поговорках, народных приметах, загадках.

Безусловно, русский народный фольклор – это кладезь вековой экологической мудрости, так как именно в нем содержатся основы бережного, ответственного отношения к природе, стремление русского человека познать окружающий мир.

В загадках как в фокусе, сливается образность и поэтичность, а также взгляды русского народа на природу, ее обитателей. В них тонко подмечен внешний облик и повадки диких животных, ярко отражен мир птиц.

Русские народные загадки – это эффективное средство экологического воспитания и обучения детей. Они содержат познавательный материал, который обогащает ребенка сведениями о представителях животного и растительного мира, углубляющий экологические представления.

Особое место среди других жанров фольклора принадлежит пословицам, в которых заключена народная мудрость и религиозное отношение к окружающему миру.

Многие русские пословицы содержат ценные практические сведения, связанные с обработкой почвы, посевом зерновых культур. Благодаря образности, завершенности мысли пословицы оказывают воздействие не только на разум, но и на чувства детей. Утверждая высокие нравственные понятия, выверенные опытом поколений, они воспитывают честность, порядочность, любовь к природе и труду. Этим определяется их роль в формировании у подрастающего поколения экологической культуры.

Полная зависимость русского человека от природы заставляла его быть тонким наблюдателем, замечать мельчайшие подробности в изменениях природы. Улавливая закономерности и связи одних явлений с другими.

Многие приметы со временем приобрели форму пословиц и поговорок. В народных приметах нашли свое отражение многовековые наблюдения жителей за явлениями природы. Народные приметы содержат знания о закономерностях родной природы малой родины. В них зафиксированы причинно-следственные связи происходящих явлений и изменений в природной среде, осмысление которых способствует воспитанию экологического мышления у детей.

В экологическом воспитании одно из ведущих мест занимают сказки. В них содержится богатый материал о родной природе, животном и растительном мире. В них ярко представлены объекты неживой природы: солнце, месяц, ветер, выступающие не только как силы природы, но и как персонажи со своим характером. Сказки поэтизируют красоту родной природы, что придает им высокую художественную ценность и национальное своеобразие.

В формировании у подрастающего поколения основ экологической культуры особую роль играют сказки, в которых отражено бережное отношение русского народа к природе. Сказки, созданные народом, содействуют развитию эмоционально-эстетического отношения к природе, что в определенной степени служит преодолению утилитарно-потребительского подхода к ней.

Итак, этнопедагогическое наследие содержит богатый экологический материал, не исчерпавший своих воспитательных возможностей, который целесообразно использовать при отборе содержания национально-регионального непрерывного экологического образования. Экологические знания, содержащиеся в фольклоре, доводятся до детей в доступной форме, а именно: в форме повествования, кратких афористических изречений.

Экологическое содержание, заключенное в этнопедагогическом наследии, в силу специфики жанров многократно повторяется, что делает его более приемлемым для детского восприятия, запоминания, осознания идей, заложенных в нем. Знания экологического характера тесно связаны с природой и практикой, привлечением детей к труду, а это оказывает сильное нравственно-эмоциональное воздействие.

Таким образом, в педагогической теории и практике экологического образования следует учитывать национальные особенности, традиции и обычаи, опыт народной педагогики. Вместе с тем еще К.Д. Ушинский отмечал, что воспитание, если оно не хочет быть бессильным, должно быть народным, должно быть пронизано народностью.

Знания, которые содержатся в народной педагогике, помогают сформировать у ребенка целостное представление об окружающем его мире, как о доме, о безотходном в нем производстве.

Библиографический список

1. ГАКО, ф. Р-838, оп. 2, д. 46, л. 6.
2. ГАКО, ф. Р-838, оп. 2, д. 49, л. 13 об., 15 об.; д. 25.
3. ГАКО, ф. Р-838, оп. 2, д. 50, л. 8, 10.
4. *Кузнецов С.В.* Традиции русского земледелия. – М., 1995. – С. 133.
5. Мировая художественная культура. – Смоленск: Русич, 2002. – С. 269–272.
6. *Чернышев С.Н.* Русские народные традиции общения с природой и природопользования. – М., 1997. – С. 272–279.

М.Ю. Красильникова

МИФ О ТИТАНЕ. ОБРАЗ-МИФ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ В НАСЛЕДИИ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Начало третьего тысячелетия ознаменовалось для современной культурологии необходимостью переоценки достижений и поражений прошедшего столетия. Именно «рубежный» характер современной культуры определяет интерес к вопросам о природе кризиса культуры, о его преодолении и о влиянии отдельного субъекта культуры на онтологические аспекты эпохи. Влияние Серебряного века русской культуры на развитие современной культурологической мысли неоспоримо. Особенности восприятия феномена Леонардо да Винчи, ставшего некой иллюстрацией проблемы потенциальных возможностей личности, вопроса о природе гениальности и художественной универсальности, этой глубоко противоречивой культурной эпохой представляется в высшей степени актуальной для современной науки о культуре.

Раскрывая особенности оригинального символистского мифа о Леонардо, современный исследователь разрешает не только теоретические, но и социально-практические вопросы культурологии, в том числе – вопрос о возможности личного преодоления культурного кризиса. Проблема творческого потенциала личности наиболее полно и последовательно разрабатывалась уже в трудах представителей Серебряного века, но ее дальнейшее прочтение в XXI столетии позволит углубить и актуализировать специфику вопроса.

Серебряный век русской культуры, необычайно интересный своим мифотворчеством, создал или, – точнее, – воссоздал целый ряд мифов. Среди них образ-миф Леонардо да Винчи, явленный в творчестве Д.С. Мережковского, поражает титанической тяжестью возложенных на него задач. Прежде всего, автор романа «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи», стихотворения «Леонардо да Винчи» и нескольких публицистических заметок о великом возрожденце наделяет своего героя божественной способностью соединять и примирять в себе несоединимое и непримиримое, делает его носителем непонятой истины о единении двух правд: правды Христовой – о Небе и правды Антихристовой – о Земле. Леонардо призван у Мережковского предстать живым воплощением синтеза культуры, эталоном Высокой Культуры, которая вмещает в себя «верх» и «низ», в равной степени важные для ее существования. Религия Третьего Завета – вот культ которому служит Мережковский в пору написания романа и которому вменяет служить Леонардо. Универсализм да Винчи – это не только и не столько разносторонняя деятельность мастера, сколько его причастность ко всему многообразию бытия. Его неуемная творческая энергия и воля способны, по Мережковскому, разрушить закоснелое обывательское мировосприятие и вытолкнуть культуру на еще неведомые берега, где «<…> нет ада, есть только другой, неиспытанный рай; нет дьявола есть только другой, еще неузнанный Бог; нет антихриста, есть только другой, еще не пришедший Христос <…>» [7]. Опьяненный мечтою о Сверхчеловеке, Мережковский считает Леонардо предтечей «грандиозного единения», способного вывести культуру из кризиса. В 1894 году он пишет стихотворение о Леонардо, ставшее своеобразным черновиком романа, где четко выписаны черты истинного гения: «О, Винчи, *ты во всем — единый*: / Ты победил старинный плен. / Какою мудростью змеиной / Твой страшный лик запечатлен! / Уже, как мы, разнообразный, / Сомненьем дерзким ты велик, / *Ты в глубочайшие соблазны*/ *Всего, что двойственно, проник*. <…> Пророк, иль демон, иль кудесник, / Загадку вечную храня, / О, Леонардо, *ты – предвестник* / *Еще неведомого дня*. <…> Ко всем земным страстям бесстрастный, / Таким останется навек – / Богов презревший, самовластный, / *Богоподобный человек*» [8, с. 140]. Однако внутри романного образа Леонардо уже намечается надлом, и пафос романтического ницшеанства сменяется сомнением в возможности осуществления мечты о Сверхчеловеке. Мечтающий взлететь кузнец Зороастро (!) разбивается и становится калекой… В этой плоскости миф о Леонардо остается нереализованным в самом прямом смысле этого слова.

Однако образ своего главного героя Мережковский обогащает еще одной важной мифологической гранью – мечтой об андрогине. Рождённая в пространстве культуры Серебряного

© М.Ю. Красильникова, 2006

века идея андрогинизма, представляется как отчаянная попытка преодолеть систему, разомкнуть круг традиционного понимания пола. Переживания по поводу утраты человеком цельности приводят, в конце концов, к поиску андрогинного первоначала в человеческой сущности.

Безусловно, что идея андрогина возникла у Мережковского под влиянием целого спектра различных факторов (здесь и ницшеанство, и идеи тринитарного сознания, и сама обстановка порубежья с его сложным восприятием человека) и проявилась в его творческом пространстве невероятно масштабно. Другим пунктом, из которого возникает андрогинная проблематика, становится проблема смысла творчества, об этом пишет в своей работе М. Чистова: «Андрогинизм в размышлениях Мережковского определяется вопросом о смысле творчества, который и определяет умозрительный аспект андрогинизма в его концепции. Проблема творчества разрешается в осознании, что природа творчества исходит из андрогинного познания художником мира через творчество. Смысл же творчества – явить андрогинную сущность миру: в творческом познании антиномичность бытия интегрируется, поскольку соотносится с созерцательно целой, андрогинной личностью художника-творца» [10, с. 13].

Руководствуясь свойственной символизму идеей жизнетворчества, автор пронизывает андрогинными персонажами всё своё многотомное литературное наследство. В целом ряду андрогинизированных персонажей Леонардо да Винчи становится идеалом андрогина, явленного в своей созерцательной форме. Леонардо практически «на все сто» соответствует своеобразному канону андрогинной внешности, непременными условиями которой, по словам М. Чистовой, становятся «двойственность в портрете, указание на девственность-самодостаточность, иноприродность духовно-плотской конституции и творчества персонажа» [10, с. 13]. Обратимся же к авторскому описанию своего главного героя: «Ему было лет за сорок. Когда он молчал и думал – острые, светло-голубые глаза под нахмуренными бровями смотрели холодно и проницательно. Но во время разговора становились добрыми. Длинная белокурая борода и такие же светлые, густые, вьющиеся волосы придавали ему вид величавый. Лицо полно было тонкою, почти женственною прелестью, и голос, несмотря на большой рот и могучее телосложение, был тонкий, странно высокий, очень приятный, но не мужественный. Красивая рука, – в ней угадывалась большая сила, – была нежная, с длинными тонкими пальцами, точно у женщины» [6, с. 334]. Его облик, данный сквозь призму восприятия своих учеников, носит в себе, несомненно, черты, так называемого, «два в одном». Но сам по себе Леонардо не полностью раскрывается как андрогинное существо, он необычайно близок к этому, почти совпадает с этой формулой и, всё же, не тождествен ей. Наиболее полно андрогинная природа Леонардо раскрывается в его творчестве. Весьма символичной в этой связи предстаёт работа над портретом Джоконды: «Джованни чувствовал, что есть у них тайна, которая сближает и уединяет их. Он также знал, что это – не тайна любви, или, по крайней мере, не того, что люди называют любовью» [5, с. 164]. «Происходившее теперь в глазах Джованни было ещё поразительнее: ему казалось, что не только изображённая на портрете, но и сама живая мона Лиза становится всё более и более похожей на Леонардо <…> главная сила возрастающего сходства заключалась не столько в самих чертах <…> сколько в выражении глаз и в улыбке» [5, с. 164]. Эта улыбка всеведения, присутствующая во всех перечисленных, а также и в других работах мастера, становится для Мережковского символом тайны мира изначального, мира, в котором ещё не произошло разделения Целого-надвое. Невозможность действенного воплощения чувства любви – это также глубоко символичная черта в образе Леонардо. «Андрогинизированный» Леонардо не обладает способностью полюбить по-земному, но ещё не готов к метафизическому слиянию с другим существом по принципам андрогинной любви, в его образе идеал андрогина остаётся как бы недоосуществлённым. С другой же стороны, опираясь на предложенную М. Чистовой классификацию андрогинных черт, мы можем сказать, что именно неспособность к действенному воплощению чувства становится залогом цельности двух «я» (мужского и женского) внутри самого Леонардо. То есть, именно благодаря своей «девственности», Леонардо способен не ограничить себя никакой определённой половой ролью, соединяя оба первоначала.

В своём герое Мережковский увидел сходное своему, «разомкнутое сознание»: непременная жажда нового, неспособность воплощения земного чувства, тотальное одиночество и непони-

мание – это далеко не всегда трагические черты творческой личности, но залоги беспрепятственного проникновения личных творческих энергий в беспредельность, в пространство макрокультуры.

Таким образом, миф о Леонардо да Винчи, созданный Мережковским отразил чаяния не только самого автора, но и всего Серебряного века о личности, ставшей прообразом «нового человека», вместившей в себя всю полноту творческого бытия.

Библиографический список

1. *Гиппиус З.Н.* Воспоминания. – М., 2001.

2. *Злобин В.* З.Н. Гиппиус. Её судьба // Российский литературоведческий журнал. – 1994. – №5, 6.

3. *Лундберг Е.* Мережковский и его новое христианство. – СПб., 1914.

4. *Матич О.* Христианство Третьего Завета и традиция русского утопизма // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. – М.: Наследие, 1999.

5. *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). Кн. 1. – М., 1990.

6. *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). Кн. 2. – М., 1990.

7. *Мережковский Д.С.* Леонардо да Винчи и мы. Духовный кризис Европы / Полн. энцикл. собр. соч. Электронная библиотека ИДДК.

8. *Мережковский Д.С.* Стихотворения / Полн. собр. соч. Т. XXII. – М., 1914.

9. *Слободнюк С.Л.* Русская литература начала XX века и традиции древнего гностицизма. – СПб.; Магнитогорск, 1994.

10. *Чистова М.В.* Концепт андрогина в жизнетворчестве З.Н. Гиппиус: Автореф. дисс. … канд. культурологии. – Кострома, 2004.

11. *Marani P.C.* Leonardo da Vinci. – N.Y., 2003.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ВУЗА

М.Н. Аверина

СОЦИАЛЬНО-ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ПОВЫШЕНИЮ КВАЛИФИКАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ

Основная цель правительственной Стратегии модернизации образования состоит в достижении нового качества образования – качества, отвечающего новым социально-экономическим условиям России и основным направлениям ее развития. Одной из составляющих обеспечения качества обучения является высокий уровень профессиональной компетентности и профессиональной деятельности учителя. Несмотря на то, что Стратегия модернизации общего и среднего образования предполагает «системное воздействие на все компоненты преподавания: учебный план, стандарты, учебные пособия и учебники, способы проверки достижения планируемого результата (экзамены, тесты), способы подготовки и переподготовки преподавателей» (Аспекты модернизации российской школы: Научно-методические рекомендации к широкомасштабному эксперименту по обновлению содержания и структуры общего и среднего образования. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – С. 129), именно последний компонент является центральным, поскольку он оказывает решающее влияние на все остальные.

В связи с этим к системе повышения квалификации предъявляются новые требования со стороны учителей, пользующихся ее услугами и желающих, чтобы эти услуги соответствовали их потребностям; общества, взявшего ориентир на создание условий для развития личности каждого своего члена и, в первую очередь, личности самого учителя; производства, требующего от образования педагогических кадров «двойного опережения» (Б.С. Гершунский) уровня производства; самой системы образования, желающей, чтобы уровень образования педагогических кадров опережал уровень ее развития. При таком подходе суть повышения квалификации глобально определена в опережающей подготовке педагогических кадров, смысл которой не столько в насыщении слушателей неким количеством информации, столько в развитии у них таких навыков, как умение оперировать информацией, проектировать и моделировать свою деятельность. Постдипломное образование соответственно должно стать фактором непрерывного профессионального образования учителей.

Вместе с тем, существующие модели повышения квалификации, как отмечает ряд исследователей (Т.Г. Браже, С.Г. Вершловский, И.А. Колесникова, Э.М. Никитин, Н.М. Чагодаев) характеризуются отсутствием преемственности в работе со слушателями, дискретностью (один раз в пять лет), преобладающим информационно-инструктивным и личностно-отчужденным характером взаимодействия с ними. Попытки удовлетворить индивидуальный образовательный запрос педагога через диагностику интересов слушателей оказываются малоэффективными, так как если и наблюдается тенденция к обновлению содержания курсовой подготовки, то организационные формы и методы обучения зачастую остаются традиционными.

По авторитетному свидетельству В.А. Сластенина сложившаяся система педагогического образования рассматривает учителя как объект массового воспроизводства кадров, игнорируя его как субъекта психического и профессионального развития, не создает условия, побуждающие его к поиску личностно значимого смысла профессии, к профессиональному самоанализу, не формирует его как носителя педагогической рефлексии.

Проводимые раз в пять лет курсы повышения квалификации, которые не инициируют самостоятельную деятельность слушателей по построению собственного образования в межкурсовой период, не могут обеспечить ни всесторонности, ни непрерывности образования учителей. Активность слушателей в процессе повышения квалификации либо почти не развивается, либо подавляется традиционными формами и методами обучения.

Анализ современной психолого-педагогической литературы, связанной с проблемами повышения квалификации и самосовершенствованием учителей, показывает, что до сих пор остаются дискуссионными вопросы о направлениях обнов-

© М.Н. Аверина, 2006

ления содержания постдипломного образования, о поисках его современных организационных форм, о взаимосвязи использования методов обучения и самообразования в процессе повышения профессиональной компетентности учителя.

Можно также отметить, что возможности использования зарубежного опыта недостаточно изучены и определены. Отсутствуют и сравнительные исследования по изучению различных подходов к процессу повышения квалификации учителей в России и других странах, несмотря на то, что необходимость изучения международного опыта развития образования признается сегодня всеми.

По мнению Б.Л. Вульфсона, изучение этой проблематики «помогает лучше уяснить место российской системы образования в современном образовательном пространстве, что, в конечном счете, может способствовать *повышению эффективности учебно-воспитательной деятельности* отечественных образовательных институтов» (курсив мой. – *М.А.*).

Существующие в мире многочисленные системы образования значительно отличаются друг от друга, но есть много общих проблем, которые отражают мировую тенденцию развития системы образования, что определяет общность основных направлений преобразований в разных странах. Это касается и вопроса повышения квалификации учителей. Решение этой проблемы предполагает реформирование содержания и структуры системы повышения квалификации, совершенствование уже существующих и разработку новых подходов, форм организации и методов обучения, что, в свою очередь, требует оценки и обобщения результатов работы в этой области за рубежом.

Зарубежный опыт повышения квалификации учителей кроет в себе огромные потенциальные возможности, обладает теми позитивными сторонами, которые отражают гибкость и способность быстро адаптироваться к изменяющимся требованиям современного информационного общества в условиях реформирования отечественной образовательной системы. При этом следует не забывать о сохранении богатства национального опыта. Решение назревших проблем повышения квалификации учителей требует учета собственных положительных традиций и обязательного критического осмысления опыта зарубежного.

Анализ практики повышения квалификации учителей у нас в стране и за рубежом, а также теоретических исследований по проблемам повышения квалификации учителей, показывает, что в последнее два десятилетия акцент заметно сместился на практический аспект обучения; внимание уделяется не столько передачи информации, сколько формированию требуемого стандарта умений и навыков, необходимых для выполнения учителями их функциональной роли. Во многие программы включены вопросы диагностирования обученности учащихся, формулирования учебных целей, дифференциации и индивидуализации процесса обучения, применения современных технологий, новых способов организации групповой работы в классе и т.д.

Кроме того, ориентация на расширение сети образовательных программ, курсов, обновление отдельных компонентов учебного процесса, активизация методической работы в школе не дают ожидаемых результатов – значительного повышения базовых показателей образованности выпускников.

Тем не менее, подавляющее число учителей не в состоянии применять в своей практической работе все те знания, умения и навыки, которые они получили на курсах. Данное ***противоречие*** может быть объяснено, во-первых, чрезмерным вниманием к регулированию поведенческого репертуара, педагогической технике в ущерб заботе о ценностно-эмоциональной и когнитивно-познавательной сферах личности. Во-вторых, авторы подобных программ не учитывают то огромное влияние, которое оказывает на учителя сложная социальная система, каковой является школа.

Следовательно, необходимо переосмыслить традиционную ориентацию системы повышения квалификации на потребности учителя и переместить акцент на реформирование школьной среды, обеспечивающей эффективность работы педагогического коллектива. В рамках такого подхода *повышения профессионального мастерства* учителя рассматривается скорее как *результат*, а не *цель*.

На наш взгляд эффективность процесса повышения квалификации учителей существенно повысится, если он будет, во-первых, проходить преимущественно на базе конкретных школ, что позволяет учитывать системные потребности образовательного учреждения, во-вторых, гармонично интегрирован в систему школьной работы, направленной на повышение качества школьного образования. Это в свою очередь позволяет сделать целью необходимых изменений школь-

ную систему, а проводниками этих изменений становятся члены педагогического коллектива.

Применение социально-интегративного подхода способствует формированию корпоративного понимания единого поля общешкольных проблем и механизмов их оптимального решения и позволяет поднять процесс повышения квалификации учителей на новый качественный уровень и сделать его более эффективным.

При таком подходе качество понимается как отношение достигнутого в ходе обучения результата к качественно-количественным параметрам школьных потребностей. В рамках социально-интегративного подхода становится возможным рассмотрение и решение всего комплекса общих и частных проблем, связанных с процессами функционирования и развития школы, научно-методическое сопровождение которых и призвана обеспечивать по определению система повышения квалификации учителей.

Для реализации данного подхода необходимо:

– провести сравнительный анализ различных подходов к процессу повышения квалификации учителей у нас в стране и США (личностно-ориентированный, профессионально-ориентированный и проблемно-ориентированный подходы);

– выявить, какие адаптационные трудности (морально-психологические и структурно-организационные) испытывают учителя в практической работе после прохождения курсовой подготовки;

– раскрыть сущность и теоретически обосновать социально-интегративный подход к повышению квалификации учителей;

– сформулировать педагогические принципы проектирования программ повышения квалификации на основе социально-интегративного подхода;

– провести отбор содержания, форм и методов обучения в рамках социально-интегративного подхода к повышению квалификации учителей;

– разработать программу тренинга, направленного на социально-психологическую коррекцию школьной системы;

– выявить, обосновать и проверить на практике педагогические условия эффективной реализации социально-психологического тренинга;

– определить механизмы мониторинга эффективности процесса повышения квалификации учителей в рамках социально-интегративного подхода;

– экспериментально проверить возможности применения зарубежного опыта в области повышения квалификации учителей и разработать конкретные рекомендации по использованию;

– обобщить результаты теоретической и экспериментальной частей работы.

В.Л. Гаврилова

ТЕАТРАЛИЗАЦИЯ СКАЗОК КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ИНТЕРАКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

Театрализованная деятельность, представляющая собой интерактивную форму обучения русскому языку как иностранному, обусловлена активным, эмоционально окрашенным взаимодействием всех участников общения, нацеленным на творческую переработку поступающей информации. Театрализованный материал, обычно построенный на сюжетах русских народных сказок, введенный в обучение иностранных студентов русскому языку, оказывается плодотворным как при прохождении разговорных тем, так и в плане формирования личности обучаемых, которые берут на себя роль героев данной сказки. Под театрализацией понимается «комплексная система использования всех выразительных средств искусства на основе драматического сценария для целостного воздействия на личность участника социального общения» [1, с. 88]. Достоинство театрализации заключается в том, что она дает возможность учащимся в игровой форме познакомиться с межкультурными различиями в межличностных отношениях, а также переносить усвоенные ими знания и модели поведения в новые ситуации.

В театрализованной деятельности можно выделить несколько компонентов: *коммутативный, социально-психологический, технологический,* каждый из которых несет в себе определенные функции.

Коммуникативный компонент театрализованной деятельности способствует оптимальному развитию речевых навыков иностранных студен-

© В.Л. Гаврилова, 2006

тов, приближает их к условиям реальной коммуникации, позволяет адаптироваться в новой культурной среде. Участие студента в учебном спектакле является одной из эффективных форм включения иностранных учащихся в межкультурный диалог. Помимо того, что студенты вырабатывают коммуникативные умения, усваивают значительное количество лексического материала, участие в театральных постановках создает высокую мотивацию изучения иностранного языка, желание продолжать изучать его дальше, во внеаудиторное время.

Учебные спектакли являются органичной составляющей всего учебного процесса, но наиболее тесно они связаны с аспектом разговорной практики, чаще всего представляя собой завершающий этап изучения разговорной темы или блока тем. Так, тема «Общение: что характерно для русских?» завершается сказкой «Как Колобок в город ходил, или Всегда ли комплементы искренни?»; после темы «Жесты и мимика. Это тоже общение» студентам предлагается разыграть сказку «Серый Волк и Красная Шапочка», используя при этом все необходимые «русские» жесты; после темы «Реклама вокруг нас» следует сказка «Как Ивана-царевича женили», построенная на рекламе жевательной резинки «Дирол»; изучение традиционных праздников перерастает в «празднование» Нового года и Масленицы с участием большого количества фольклорных персонажей: Деда Мороза, Снегурочки, скоморохов, Весны, Зимы, Масленицы, Бабы Яги и показом народной специфики русских праздников.

Коммуникативный компонент театрализованной деятельности должен учитывать лингвометодический потенциал постановочного материала. Обращение к сказкам в процессе обучения иностранному языку оправдано тем, что они, будучи богатым источником страноведческой информации, формируют и развивают познавательную деятельность учащихся. Сказки – носители традиций, они направляют мысли за пределы индивидуального жизненного опыта и передают размышления, ассоциации из поколения в поколение. Именно фольклор «во многом позволяет глубже других источников проникнуть в духовный мир народа, в мир его образов и представлений» [2, с. 30].

На материале сказок студенты знакомятся с культурой русского народа как системой отношений и норм. Сказки являются посредниками и в межкультурных отношениях, содержат понятия, нормы поведения, свойственные той или иной культуре. Знакомство с ними помогает иностранным студентам расширить собственный репертуар ценностей и способов поведения. Одним словом, через сказочные персонажи студенты «приобщаются к пониманию русской картины мира, национального самосознания русского народа, а рядом с пониманием идет и толерантное отношение, и корректное межкультурное общение» [3 с. 280].

Социально-психологический компонент театрализованной деятельности помогает студенту совершенствовать технику общения, обогащать свой социально-коммуникативный опыт путем освоения разнообразных социальных и психологических ролей, разных форм общения и также норм поведения. Сказки – это по своей сути модели, которые отображают конфликтные ситуации и предлагают возможные способы их разрешения. Представляя собой «альтернативную концепцию» (Т.Н. Щербакова), сказка дает возможность участнику спектакля идентифицировать себя с несвойственными для него проблемами и решить – принять их или отвергнуть. Альтернативное поведение, вызывающее, как правило, новое переживание, приводит к тому, что в сознании студента без особого труда происходит изменение позиции, отношения к себе и проблемной ситуации.

Сказка предполагает психологический комфорт, что связано с возвращением обучающихся «на более ранние этапы индивидуального развития» [4, с. 108]. Особенно важна защитная функция сказки для людей, находящихся в состоянии культурного шока. В данном случае сказка помогает снять напряженность, атмосфера становится теплой, непринужденной, доверительной. Студенту предоставляется возможность в открытой форме выразить свои негативные представления о другой культуре и ее представителях, без боязни, что последние примут это на свой счет.

Социально-психологический компонент предполагает диалог «актера» и «зрителя», что позволяет осуществить интерактивное взаимодействие не только актеров (студентов) друг с другом, но и актеров со зрителем (фактор двойного адресата). И зрителей, и актеров объединяет то, что они являются представителями одного поколения со своими ценностями, своим пульсом времени, своим духовным миром. В силу этого за очень короткое время устанавливается полный и тес-

ный контакт актеров со зрительным залом. Климат доверия, который должен образоваться в зале, является необходимым условием *диалога* актеров и зрителей. Студенческая аудитория, как правило, очень благодарна: она заранее авансирует успех, прощая языковые ошибки, неправильную речь, забывчивость, художественные промахи и т.д.

Представляется важным в театрализованной деятельности использование современной проблематики спектакля, задействующей личный опыт актера/зрителя. Театральная постановка будет увлекать зрителя, тронет его душу, вызовет сопереживание только в том случае, если она будет иметь контакты с актуальными современными проблемами, ибо «в основе основ психики зрителя лежит его *личный опыт»* (выделено нами. – *В.Г.*) [5, с. 36]. Интересным материалом для инсценировки, на наш взгляд, могут стать сказки на современный лад. Если «каждая пьеса – отражение действительности *под особым углом зрения»* [5, с. 45] то сказки, предложенные студентам, отражают действительность под *педагогическим углом зрения.*

Игровой «фундамент» театрализованной деятельности позволяет осуществить обучение в игре, удобно и интересно. Участвуя в постановке (и как артисты, и как зрители), студенты «развлекаясь, учатся жить, а отдыхая, обогащают себя» [6, с. 301]. Г.А. Товстоногов сравнивает театр со школой, в которой учатся с удовольствием, не замечая того, что учатся. «В этой школе не задают уроков и не требуют запоминаний. В этой школе нет учеников и учителей. С высокой кафедры-сцены, вопреки школьному этикету, подсказывают зрителям ответы, и чем незаметнее эта подсказка, тем лучше «ученики»-зрители воспринимают «урок»-спектакль» [6, с. 301]. Сказки хороши тем, что каждая из них несет в себе воспитательное начало, ведь недаром говорится: «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок!»

Технологический компонент основывается на принципах, подходах и приемах формирования актерской техники, обусловленной в большей своей части системой К.С. Станиславского. Формирование экспрессивного компонента актерской техники складывается, на наш взгляд, из нескольких составных частей: овладение студентом 1) сценическим действием и воздействием; 2) сценическим жестом; 3) техникой речи.

Участвуя в постановке, студент всегда активен, он находится в состоянии непрерывного действия. Сценическое действие, по мнению К.С. Станиславского, – это не действие «вообще», это непременно *воздействие:* либо на собеседника-партнера; либо на самого себя; либо на внешние объекты. Словом, любое действие артиста на сцене всегда направлено на какой-нибудь конкретный объект с целью его видоизменить, переделать в нужном для него направлении. Поэтому сценическое действие – не беспредметное «действие вообще», а осмысленное воздействие на себя, на людей, на окружающий мир.

Учение К.С. Станиславского *о действии* лежащее в основе всей его системы актерского мастерства, представляет собой огромный интерес. Чтобы понять сценическую задачу (определить цель и направление сценического действия), актеру важно ответить на три вопроса: *что я делаю; зачем; как?* Роль есть цепь правильно выполненных задач. Станиславский утверждал, что путь к чувству лежит через действие.

Большое внимание следует обратить на сценический аспект *обучения жесту.* Иностранному студенту очень важно усвоить и понять особенности русского жеста. А.А. Акишина приводит пример, когда актеры восточных театров, играя русских, размахивают руками значительно больше, чем сами русские. Исследователь связывает это с тем, что актеры стремятся показать русский жест прежде всего как очень широкий, не понимая, что «размах жеста в русском языке регламентируется многими моментами: темпераментом, национальной принадлежностью, нормами поведения, полом и т.д., и т.п.» [7, с. 143]. Для успешной коммуникации иностранному студенту необходимо не только понимать смысл высказываний, но и уметь интерпретировать невербальные реакции собеседника. Особенно это важно для русской культуры, так как в ней велико значение контекста. Познакомившись во время обучения со спецификой русских жестов и с наиболее распространенными из них, студенты повторяют и закрепляют их на сцене.

На этапе подготовки пьесы целесообразно вести работу над *техникой речи* в процессе разнообразных упражнений: дыхательные упражнения для постановки речевого дыхания, упражнения для овладения четкой дикцией, для гигиены и постановки голоса, для овладения выразительными средствами, с помощью которых передается эмоциональное состояние говорящего, транслируются его чувства, переживания, побуждения и др.

(И.В. Петривняя). Помимо дыхательных упражнений большое внимание следует уделять мышечному расслаблению, аутогенной тренировке, помогающей настроить память и речь на работу.

Сказки, предлагаемые нами студентам для театрализации, мы относим к *литературным, пародийным сказкам*. Пародийными сказки называются потому, что в них пародируются типологические явления современной жизни (мода, увлечение рекламой, техникой и т.п.) с помощью специальных приемов. Под *пародией* (греч. parodia, букв. – перепев) нами понимается «комическое подражание художественному произведению или группе произведений. Обычно строится на нарочитом несоответствии стилистического и тематического планов художественной формы» (БСЭ).

Исследователи отмечают, что в настоящее время для русской культуры и литературы в целом характерен литературный постмодернизм, проявляющийся в отказе от этических, эстетических принципов, в преобладании различных приемов комического, «в травестийном снижении классических образцов, иронизировании и пародировании» [8, с. 69]. Данная тенденция прослеживается, например, в травестийных сказках Владимира Высоцкого («Лукоморья больше нет», «Про дикого вепря» и др.), а также в знаменитой сказке Леонида Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца».

Литературные пародийные сказки, как правило, сохраняют структурные и содержательные компоненты фольклорной сказки: внешнесобытийный ряд, время и пространство действия, состав персонажей. При этом персонажи русских и зарубежных сказок могут встречаться в одном текстовом пространстве, например, Колобок и Красная Шапочка.

Вместе с тем пародийные сказки имеют свои особенности. Эффект неожиданности предлагаемых нами сказок связан с тем, что в фольклорное сказочное пространство врывается современная культура, современные детали быта, характеризуя персонажей с разных сторон. Так, у героев сказок необычные профессии: Красная Шапочка – владелица модного шляпного салона; мама Красной Шапочки – лидер «Green Peace», Серый Волк работает в лесу гидом. «Старые сказки на новый лад» построены на современных реалиях, вполне понятных иностранному студенту. Современная Красная Шапочка, в отличие от Волка, была образованной девочкой, знала иностранный язык и могла спеть «When I get home» группы «Beatles»; невесты Ивана-царевича, найденные по Интернету, носят «говорящие» имена: Байкерша, Умница-разумница и Симпатулечка-красотулечка. У каждой из них свое хобби: мотоцикл, компьютер, модная одежда. А у Ивана-царевича своя страсть – телевизор, белые зубы и жевательная резинка «Дирол» и под. Так с опорой на известные сказочные тексты создается ироническая картина мира современного человека с его ценностями.

Пародирование в сказках реализуется с помощью различных стилистических приемов: приема травестирования, нагнетания лексики, стилистического противопоставления и др. Значительным изменениям подвергается и языковая структура текста: при сохранении сказочной картины мира его языковая картина полностью преобразуется.

Таким образом, театрализованная деятельность, обладая большими педагогическими возможностями, позволяет создать благоприятные условия активного включения учащихся в творческие и эмоциональные межличностные отношения, а мотивационные, когнитивные, эмоциональные и поведенческие потенциалы театрализованной деятельности могут быть использованы в педагогическом процессе с целью формирования интерактивной компетенции учащихся.

Библиографический список

1. *Макарова Н.Я.* Театрализация как система личностного развития студентов педвузов // Школьные технологии. – 2001. – №3. – С. 87–89.

2. *Герд А.С.* Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – 488 с.

3. *Теремова Р.М.* Разговор о России в американской аудитории // Актуальные вопросы современного университетского образования: Материалы VII Российско-Американской научно-практической конференции, 11–13 мая 2004 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – С. 279–281.

4. *Щербакова Т.Н.* «Детская психология в сказках и играх» (сказкотерапия) // Школьные технологии. – 1997. – №1. – С. 107–115.

5. *Товстоногов Г.А.* Зеркало сцены. Кн. 2: Статьи. Записи репетиций / Сост. Ю.С. Рыбаков. – Л.: Искусство, 1980. – 311 с.

6. *Товстоногов Г.А.* Зеркало сцены. Кн. 1: О профессии режиссера / Сост. Ю.С. Рыбаков. –

Л.: Искусство, 1980. – 303 с.

7. *Акишина А.А.* Немного о жестах и речи // Акишина А.А. и др. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. – М.: Русский язык, 1991. – С. 141–145.

8. *Скоропанова И.С.* Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 1999. – 608 с.

В.С. Секованов

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ К МАТЕМАТИКЕ ПРИ ПОСТРОЕНИИ ФРАКТАЛОВ С ПОМОЩЬЮ L-СИСТЕМ

Фрактальная геометрия является бурно развивающимся направлением современной математики. Об интересе к фрактальным множествам свидетельствуют монографии и учебные пособия [2; 4–7; 10–15] и др. Фрактальная геометрия и тесно связанная с ней теория хаоса стали проникать в вузовское образование (фрактальная графика, хаотическая динамика и др.). Фрактальные множества можно изучать и в школьном курсе математики, что подтверждают методические статьи [1; 3; 8; 10]. В работе [9] предлагается точка зрения, связанная с введением в школьный курс математики понятия «фрактал» (наряду с понятиями «бифуркация» и «хаос»). Отметим, что фрактальной геометрии в настоящее время посвящены десятки сайтов, проводятся конгрессы и конференции как за границей, так и в нашей стране.

В работе [10] указана связь фракталов с геометрической прогрессией и исследуются свойства снежинки Коха. В данной статье приводится универсальный алгоритм построения фрактальных множеств с помощью L-систем и рассматриваются связанные с ними математические задачи. При изложении материала мы будем следовать [4].

L-системы появились во второй половине прошлого века после работ А. Линделефа. Сначала L-системы использовались при изучении языков программирования. Позднее после бурного развития компьютерной графики с помощью L-систем стало возможным построение фрактальных множеств.

L-системы дают огромные возможности конструировать фракталы и строить их с помощью компьютера. Поскольку описание фрактальных множеств с помощью L-систем «не имеет границ», то каждый из особо заинтересовавшихся учащихся сможет описать «свой» фрактал, начиная его конструкцию с «нуля», и исследовать его математические свойства.

Для графического воспроизводства фрактальных множеств мы будем использовать тертл-графику (terl – черепаха). Программы, которые будут характеризовать на мониторе компьютера движение черепашки (построение фрактала), написаны в среде turbo-Pascal.

Мы будем иметь дело с тремя параметрами, x, y, α, где x и y указывают координаты черепашки, а α – угол, под которым она должна выполнить движение. Черепашка «умеет» выполнять команды, задаваемые кодовым словом, которое читается слева направо. Кодовое слово – результат работы L-системы в своем составе может иметь различные буквы и символы. Опишем те, которые используем в работе: F – прорисовать след, переместиться на один шаг вперед; +, (–) – увеличить (уменьшить) угол α на величину θ. Например, при $\theta = \frac{\pi}{2}$ графическое представление слова F+F+F+F – есть квадрат, при $\theta = \frac{\pi}{3}$ графическое представление слова F+F++F++F есть равносторонний треугольник. Размер шага и величина приращения по углу θ задаются заранее и остаются неизменными для всех перемещений черепашки. Если начальное направление движения α (угол, отсчитываемый от положительного направления оси X) не указано, то полагаем α равным нулю. Пусть τ – упорядоченная последовательность команд, (x_0, y_0, α_0) – начальное состояние черепахи, шаг h и угол θ – являются константами. Объединение всех линий, которые будут изображены черепашкой в ответ на последовательность команд τ называется черепашьей интерпретацией τ. Обычно построение фрактала связано с аксиомой и порождающим правилом. Аксиома – это начальный объект, с которого начинается построение, а порождающее правило указывает на какой объект заменится аксиома в процессе построения фрактала. Рассмотрим пример.

© В.С. Секованов, 2006

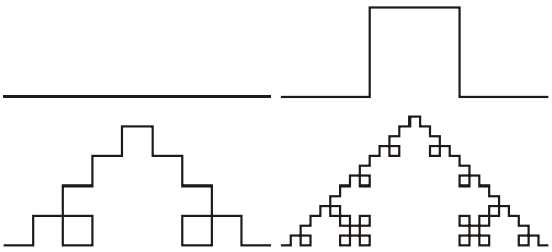


Рис. 1.

Вход	
Аксиома (axiom):	‘F’
Порождающее правило (newf):	‘F-F+F+F-F’
Начальный угол (α):	0
Угол поворота (θ):	π/2

Рис. 2.

Пусть E_0 – начальный отрезок единичной длины (аксиома). 1. Уберем среднюю треть и добавим три новых отрезка как показано на рисунке 1. Назовем полученное множество E_1 (порождающее правило). Повторим данную процедуру многократно, на каждом шаге заменяя среднюю треть тремя новыми отрезками. Обозначим через E_n фигуру, получившуюся после n-го шага. Интуитивно ясно, что последовательность $\{E_n\}_{n=1}^{\infty}$ сходится к кривой, которую мы обозначим E.

2. На языке L-систем запишем построение кривой E в виде таблицы (рис. 2).

Поясним данный алгоритм, используя блок-схемы, поскольку они не предполагают знания какого-то языка программирования. На рисунке 3а формируется строка, а на рисунке 3б происходит построение соответствующей итерации фрактала.

Начальные условия: Аксиома: W=”F”, Порождающее правило newf: newf=”F–F+F+F–F” (рис. 2), рабочая ячейка T: T=” ”, угол α: α=0, угол θ: $\theta = \frac{\pi}{2}$. Пусть далее черепашка находится в точке с координатами (x_0, y_0), где x_0=100, y_0=300, h=20. На рисунке 4 точка (x_0, y_0) обозначается точкой 1.

Предположим, что нам нужно построить вторую итерацию E_2 кривой E. Мы считаем, что строка есть одномерный массив. Т. е., если, например, W=”F+++F+F+F–F”, то W[1]= ”F”, W[2]=”+”, W[3]=”+” … W[10]=”–”, W[11]=”F”. Итак, мы имеем T=” ”, level=2, W=”F”, len(W)=1. Цикл пройдет один раз, в ячейку T запишется порождающее правило T=”F–F+F+F–F”. Далее цикл закроется в ячейку W из ячейки T запишется порождающее правило W=T, в ячейку T запишется пустая строка: T=” ”, а значение переменной level уменьшится на единицу. level=2–1=1. Далее имеем: W=”F–F+F+F–F”. Далее цикл вновь продолжит свою работу. Теперь он будет работать 9 раз, поскольку lenW=9. После первого прохода цикла в ячейку T запишется строка ”F–F+F+F–F”. После второго прохода цикла в ячейку T запишется строка ”F–F+F+F–F–”. При значении I=3 в ячейку T запишется строка ”F–F+F+F–F–F–F+F+F–F” и т.д. После девятого прохода цикла в ячейку T запишется строка ”F–F+F+F–F–F–F+F+F–F+F+F–F+F+F–F+F+F–F+F+F–F–F–F+F+F–F”. Далее в ячейку W поместится значение T. То есть W=”F–F+F+F–F–F–F+F+F–F+F–F+F+F–F+F–F+F+F–F–F–F+F+F–F”, в ячейку T запишется пустая строка, а в ячейке level окажется значение level=1–1=0. Далее цикл блокируется и алгоритм 3а завершает свою работу.

Теперь строится вторая итерация – кривая E_2 по алгоритму 3б. Нетрудно подсчитать, что число символов переменной W будет равно 49. Далее отмечается точка (x_1, y_1) (на рисунке 4 – точка 2), $x_1=x_0+h\cos 0=x_0+h$, $y_1=y_0+h\sin 0=y_0$ и строится отрезок, соединяющий точки 1 и 2 (рис. 4).

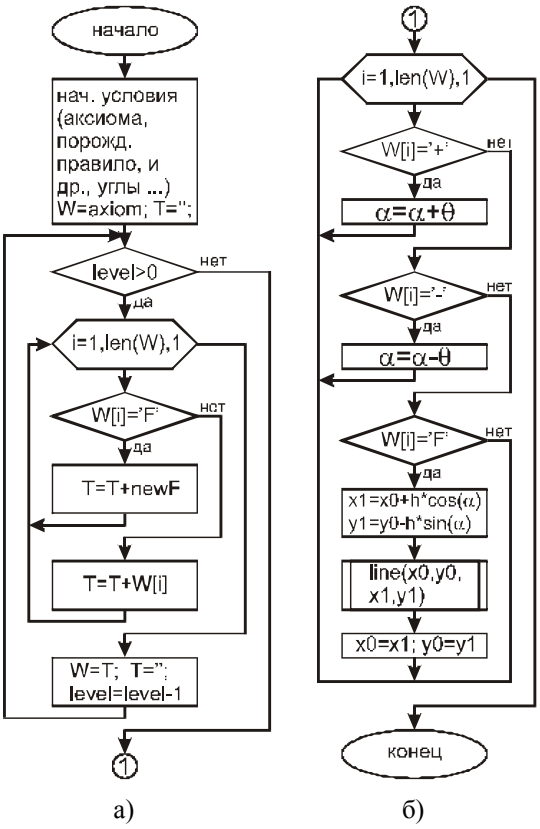


Рис. 3.

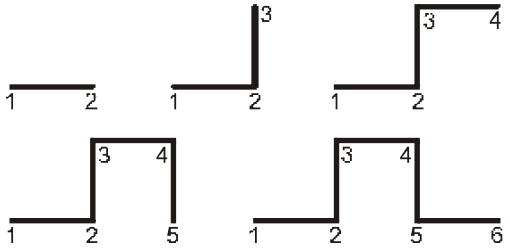


Рис. 4.

Теперь переменной x_0 присвоится значение x_1, а переменной y_0 присвоится значение y_1. Далее, учитывая экранные координаты (начало координат находится в верхнем левом углу монитора), черепашка повернется на 90 градусов против часовой стрелки (поскольку, учитывая экранные координаты $\theta = -\frac{\pi}{2}$) (см. рис. 4). Далее отмечается точка $(x_1,\ y_1)$, $x_1 = x_0 + h \cdot \cos\left(-\frac{\pi}{2}\right) = x_0$, $y_1 = y_0 + h \cdot \sin\left(-\frac{\pi}{2}\right) = y_0 - h$ и строится отрезок, соединяющий эти точки (рис. 4).

На следующем шаге черепашка поворачивается на 90 градусов по часовой стрелке и строится следующая часть итерации.

Обходя кривую в порядке нумерации, где нижний индекс, стоящий около круглых скобок справа, означает порядковый номер вершины кривой, выпишем координаты всех 26 вершин второй итерации (рис. 5):

$(100, 300)_1 \to (120, 300)_2 \to (120, 280)_3 \to$
$\to (140, 280)_4 \to (140, 300)_5 \to (160, 300)_6 \to$
$\to (160, 280)_7 \to (140, 280)_8 \to (140, 260)_9 \to$
$\to (160, 260)_{10} \to (160, 240)_{11} \to (180, 240)_{12} \to$
$\to (180, 220)_{13} \to (200, 220)_{14} \to (200, 240)_{15} \to$
$\to (220, 240)_{16} \to (220, 260)_{17} \to (240, 260)_{18} \to$
$\to (240, 280)_{19} \to (220, 280)_{20} \to (220, 300)_{21} \to$
$\to (240, 300)_{22} \to (240, 280)_{23} \to (260, 280)_{24} \to$
$\to (260, 300)_{25} \to (280, 300)_{26}$.

Мы замечаем, что кривая не выйдет за пределы видимой части экрана.

Задача 1. Приняв за начальное положение точку $M(100, 300)$, h=20, выпишите координаты всех вершин третьей итерации E_3 фрактала E.

Данный алгоритм можно написать на любом удобном для ученика языке программирования. Мы приводим паскаль-программу, адаптированную А.В. Смирновым из [4], которая строит данную кривую. Приведем алгоритм, построения фрактальных множеств, написанный на паскале.

```
uses crt,graph;
 var f,f1:text;
   axiom,newf,word,s,s1:string;
   n,level,x0,y0,i,h,k:integer; alpha, tetta:real;
stack:array[1..100,1..3]of real;
procedure Kox_1;
begin axiom:='F';newf:='F–F+F+F–F'; alpha:=0;
tetta:=pi/2 end;
begin initgraph(x0,y0,'d:\works\tp7\bgi');
 assign(f,'d:\text.txt'); assign(f1,'d:\text1.txt');
 Kox_1;
 h:=100; level:=1; x0:=100; y0:=300;
  rewrite(f); for i:=1 to length(axiom) do
write(f,axiom[i]); close(f);
 n:=length(axiom);
 while level>0 do
 begin
  reset(f); rewrite(f1); s1:='';
  while not eof(f) do
  begin
```

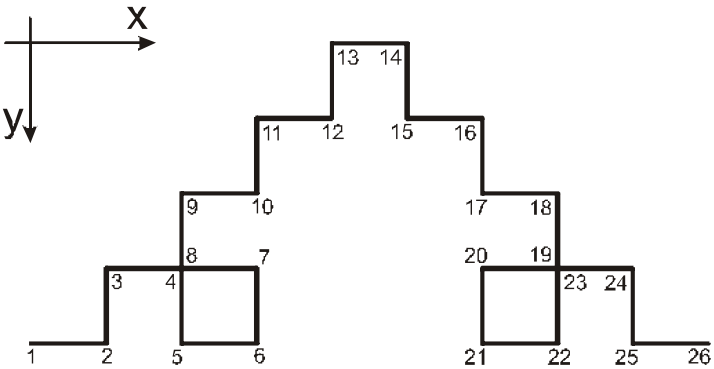


Рис. 5.

```
        readln(f,s);
        for i:=1 to length(s) do
         begin
          if length(s1)+length(newf)+2>=255 then
          begin writeln(f1,s1); s1:=" end;
          if s[i]='+' then s1:=s1+'+';
          if s[i]='–' then s1:=s1+'-';
          if s[i]='F' then s1:=s1+newf;
        end
       end;
         write(f1,s1); close(f1); close(f); reset(f1);
rewrite(f);
       while not eof(f1) do
       begin readln(f1,s); writeln(f,s) end;
       close(f1); close(f); level:=level–1
      end;
     k:=0; reset(f);
     while not eof(f) do
    begin
      readln(f,s);
      for i:=1 to length(s) do
       begin
        if s[i]='+' then alpha:=alpha+tetta; if s[i]='–'
then alpha:=alpha–tetta; if s[i]='F' then
       begin line(x0,y0,round(x0+h*cos(alpha)),
round(y0+h*sin(alpha)));
        x0:=round(x0+h*cos(alpha)); y0:=
round(y0+h*sin(alpha))
        end;
       end
     end;
    readkey End.
```

Обычно ученики решают задачи по геометрии, связанные с треугольниками, квадратами, трапециями и др. Фракталы и предфракталы, как правило, не являются выпуклыми множествами. Построение данных множеств с помощью карандаша и линейки затруднительно. Данные множества позволяют сформулировать для учащихся ряд интересных и необычных на первый взгляд математических задач:

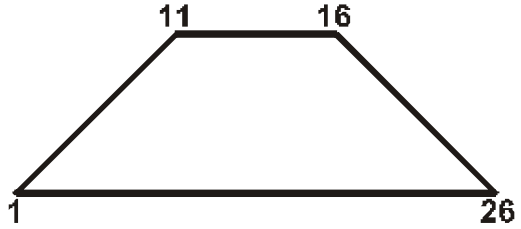


Рис. 6.

1) найти площадь всех квадратов, получившихся после второй и третьей итераций; найти периметр второй, третьей и n-итераций;

2) найти диаметр второй итерации;

3) сколько вершин имеют вторая и третья итерации;

4) сколько самопересекающихся вершин имеют вторая и третья итерации;

5) сколько звеньев содержат вторая и третья итерации;

6) чему равен диаметр второй итерации;

7) можно ли провести окружность, проходящую через вершины 1, 11, 16, 26.

Решение задачи 7 не представляет труда. Соединим вершины 1, 11, 16, 26. Получим равнобочную трапецию, около которой можно описать окружность (рис. 6).

Усложним задачу 7 для самостоятельной работы:

Задача 8. Можно ли провести окружность через вершины 6, 8, 9, 11, 16, 18, 23, 21.

В работе [8] для каждого фрактала пишется своя программа в среде MatLab. Наша программа универсальна в следующем смысле: изменяя только порождающие правила, мы получим на мониторе компьютера различные предфрактальные кривые (рис. 7 а–е). Поясним сначала смысл термина «предфрактал». Фракталом называется фигура, которая получается при бесконечном процессе взятия итераций. Изобразить такую кривую невозможно. Предфрактал же получается после конечного числа итераций.

Укажем порождающие правила и углы поворота предфракталов, изображенных на рисунке 7. Сначала отметим, что у каждого из данных кривых аксиомой является отрезок, изображенный на рисунке 7.

Рис. 7а: “–F+FF+F–“, $\theta = \frac{\pi}{4}$;

Рис. 7б: “F–F++F–F“, $\theta = \frac{\pi}{3}$;

Рис. 7в: “F–F+F+F–F“, $\theta = \frac{\pi}{2}$;

Рис. 7г: “F– –F+F++F+F– –F“, $\theta = \frac{\pi}{4}$;

Рис. 7д: “F–F++F– –F++F–F“, $\theta = \frac{\pi}{3}$;

Рис. 7-е: “F–F++FF– –F+F“, $\theta = \frac{\pi}{3}$.

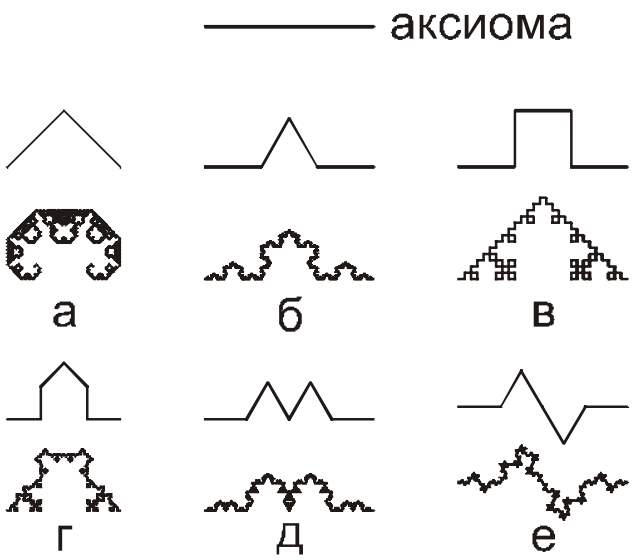


Рис. 7.

Кроме того, заменяя порождающее правило на два порождающих правила и оставляя все остальные элементы программы без изменения, можно конструировать такие фракталы как кривая Гильберта, дракон Хартера–Хайтвея и др.

В качестве мониторинга за образовательной траекторией студента полезно предложить следующие задачи:

1) придумать аксиому, порождающее правило и на их базе построить фрактал, используя выше приведенную программу;

2) вычислить периметр *n*-ой итерации фрактала;

3) чему равно слово на выходе кодовое слово L-системы после двух итераций:

axiom="F", порождающее правило – newf="F–F++F—F++F–F"; $\alpha = 0, \quad \theta = \frac{\pi}{3}$.

4) определить периметр ломаной линии, изображенной на экране монитора после второй итерации.

Библиографический список

1. *Азиевич А.И.* Фракталы: геометрия и искусство // Математика в школе. – 2005. – №4.

2. *Божокин С.В., Паршин Д.А.* Фракталы и мультифракталы. – М.; Ижевск, 2001.

3. *Диков А.*В. Команды на LOGO конструируют фракталы // Математика в школе. – 2005. – №4.

4. *Кроновер Ричард М.* Фракталы и хаос в динамических системах / Пер. с англ.; под ред. Т.Э. Крэнкеля. – М.: Постмаркет, 2000. – 352 с.

5. *Мандельброт Б.* Фрактальная геометрия природы. – М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2002.

6. *Морозов А.Д.* Введение в теорию фракталов. – М.; Ижевск, 2002. – 159 с.

7. *Пайтген Х.-О., Рихтер П.Х.* Красота фракталов. – М.: Мир, 1993. – 176 с.

8. *Попов К.А.* Векторы, фракталы и компьютерное моделирование // Математика в школе. – 2006. – №8.

9. *Розов Н.Х.* Проблема размещения новых понятий и объектов в школьном курсе математики // Труды третьих Колмогоровских чтений. – Ярославль: Из-во ЯГПУ, 2005. – С. 51–64.

10. *Секованов В.С.* Геометрическая прогрессия и геометрия фракталов // Математика в школе. – 2006. – №8.

11. *Секованов В.С.* Методическая система формирования креативности студента университета в процессе обучения фрактальной геометрии. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005.

12. *Секованов В.С.* Элементы теории фрактальных множеств. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005.

13. *Секованов В.С.* Элементы теории фрактальных множеств. Издание 2 пер. и доп. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006.

14. *Федер Е.* Фракталы. – М.: Мир, 1991.

15. *Шредер М.* Фракталы, хаос, степенные законы. Миниатюры из бесконечного рая. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

С.Ю. Зайцева

ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: СТИМУЛЫ И АНТИСТИМУЛЫ

С ранних лет на протяжении всей жизни людей их поведение подвергалось постоянному воздействию правовых институтов и норм, выступая в качестве особых объектов такого воздействия. При этом право воздействовало на сознание личности, а через него – на ее поведение.

Воздействуя на личность, право выступает, прежде всего, как важный источник информации. «Встречаясь» с правовой нормой, субъект согласует ее требования (возможности) с собственными потребностями. Если они отвечают им, то норма «обращает» на себя внимание адресата, стимулирует его, осознается им и вызывает устойчивый интерес. В том случае, если уровень правовой подготовленности субъекта достаточен для осуществления правовых предписаний, норма воплощается в правомерном поведении.

Правомерное поведение – это поведение, соответствующее предписаниям юридических норм и социально полезным целям. Путем правомерного поведения происходит управление обществом, осуществляется его нормальная жизнедеятельность, реализуются гражданские права и обязанности. Основная масса возникающих и существующих в нашем обществе правоотношений имеет в своей основе правомерное поведение. Разновидностями правомерных поведений, в частности, являются уплата налогов и пользование Интернетом, выполнение служебных обязанностей на работе и родительских функций в семье и многие другие.

Правомерное поведение личности не так давно стало предметом изучения. Ранее эта проблема не разрабатывалась, считалась малозначительной, а все усилия ученых и практиков были сосредоточены на борьбе с правонарушениями. В настоящее время, на наш взгляд, изучение данного вопроса является актуальным. Ведь целью любого правомерного поведения являются закрепленные законом интересы. Посредством правомерного поведения право действует, вне его – оно мертво.

Правомерному поведению присущи следующие характерные признаки:

– во-первых, правомерное поведение соответствует требованиям правовых норм. Человек действует правомерно, если он точно соблюдает правовые предписания;

– во-вторых, правомерное поведение обычно социально полезно. Это действия, которые адекватны образу жизни, полезные (желательные), а порой и необходимые для нормального функционирования общества. Положительную роль данное поведение играет и для отдельно взятой личности, поскольку благодаря ему обеспечивается свобода и защищаются законные интересы;

– в-третьих, правомерное поведение связано с социально-правовой активностью, которая характеризуется сознательностью и уважительным отношением к праву, личным участием граждан в решении правовых вопросов, укреплении законности, готовностью противодействовать правонарушениям;

– в-четвертых, правомерному поведению присущ признак, характеризующий его субъективную сторону. Субъективную сторону, в свою очередь, как и у любого действия, составляют мотивы и цели, степень осознания возможных последствий поступка и внутреннее отношение к ним субъекта. При этом мотивы отражают не только направленность, но и характер, степень активности, самостоятельность поведения в ходе реализации. Также субъективная сторона свидетельствует об уровне правовой культуры личности, степени ответственности лица, о его отношении к социальным и правовым ценностям.

Одна из важнейших задач назревшей серьезной корректировки концепции экономических и социальных реформ в России – повышение роли субъективного фактора, формирование мощной системы стимулов правомерного поведения граждан. Речь идет об усилении действия права как социально-психологического фактора общественной жизни, направленного на поддержку положительных мотивов граждан.

Право, воздействуя на волю и сознание людей, определяет с помощью правовых стимулов направленность их поступков, способствует ук-

© С.Ю. Зайцева, 2006

реплению правопорядка в обществе. Стимулирующее значение имеют те юридические институты, которые создают заинтересованность субъекта в результатах правомерного действия. К широкому кругу правовых стимулов можно отнести различные виды поощрений и наград, льготы, рекомендации, преимущества, дозволения, почетные звания. Так, целый ряд льгот установлен для военнослужащих, выполняющих задачи в условиях вооруженного конфликта в Чечне[1]: льготный зачет времени прохождения военной службы, прием без экзаменов в военное образовательное учреждение.

Стимулы усиливают установку субъекта на совершение правомерных действий и поступков, но такая установка может формироваться и вследствие других причин: в силу моральных соображений человека, связанных с честностью, нежеланием терять свое достоинство в глазах других людей, под влиянием страха нарушить закон и понести за это наказание.

Однако здесь же следует отметить, что стимул – не единственное средство, с помощью которого законодатель оказывает воздействие на юридические мотивы участников правового общения.

Если правовая норма не воспринимается в сознании людей в качестве личностно значимой, отвергается ее адресатом, то правовая активность им не проявляется. Возникают так называемые антистимулы.

Прежде чем бороться с антистимулами, необходимо знать их, знать то, что может помешать управленческому процессу, снизить его эффективность. Поэтому, на наш взгляд, давно уже назрела потребность в разработке теории антистимулов, связанной с вопросами правового стимулирования, с различным проявлением в правовой системе современного общества.

«Антистимулами, – отмечает В.И. Никитинский, – выступают самые различные объективные и субъективные факторы, которые влияют на интересы людей и их поведении в направлении, препятствующем достижению правовых целей»[2].

Примерами правовых антистимулов могут выступать различные правовые ошибки, дефекты, фикции.

Так, правовые ошибки ухудшают качество принятого нормативно-правового акта, поскольку в результате возникают пробелы или противоречия, нечеткие или неясные положения, отсутствует действенный механизм реализации субъективных прав либо установленные санкции не соответствуют степени общественной опасности правонарушений. Поясним это на примере. Во всех законах, которыми признана возможность применения административных штрафов в отношении предприятий, учреждений и организаций, налицо все признаки административной ответственности. Однако на практике эти законы не применятся ввиду отсутствия механизма их реализации: не всегда определено, кто составляет протоколы об обнаруженных правонарушениях и особенно, в каком порядке дела о данных правонарушениях должны рассматриваться.

В общем виде можно сказать, что правовые антистимулы препятствуют правовой активности людей, стимулируют поведение противоправное. В связи с этим мощность антистимулов превышает над мощностью стимулов, противоправное поведение – над правовым.

В вышеприведенном примере, как нам кажется, чтобы устранить имеющиеся пробелы, необходимо разработать и ввести в действие целую систему норм об административной ответственности юридических лиц. Это должна быть самостоятельная система федеральных норм, не вписывающаяся в действующий Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, который рассчитан на ситуации, где объектом административной ответственности выступают только физические лица.

В теории управления сформулирован и обоснован вывод о том, что поведение человека обусловлено не только ценностью цели, но и вероятностью ее достижения[3]. Социальная ценность и условия эффективности правовых стимулов определяют меру, за пределами которой эффективность превращается в свою противоположность – дефектность. Правовое стимулирование при нарушении меры может трансформироваться в свою противоположность – препятствие. Так, Приказом МВД РФ от 2001 г. №1082 сотрудникам органов внутренних дел откомандированным по контракту для прохождения службы в Чеченскую республику предусматривалось предоставление жилья после трех лет службы в названном регионе. Однако, в 2006 году пункт названного приказа в части предоставления жилья утратил силу. Налицо действие антистимула в виде внесенного изменения.

Или еще пример. Запрет, выступая разновидностью правового стимулирования, может в отдельных случаях провоцировать, более того, сти-

мулировать нарушение других правовых норм и сдерживать поведение правомерное. «Правовые запреты, – пишет А.Г. Братко, – вызывают появление у лица сдерживающих мотивов определенного поведения. Вместе с тем, встречаются правовые нормы с прямой и обратной мотивацией. Это означает, что в некоторых ситуациях запреты, вместо сдерживающих мотивов, могут вызвать побуждение к конфликтному поведению»[4].

Вопрос об эффективности и дефектности правовых стимулов и антистимулов должен решаться в каждом конкретном случае индивидуально, в связи с определенной ситуацией, местом и временем.

Таким образом, мы выяснили, что именно стимулы и антистимулы, в конечном счете, являются значимыми для поведения, связанными с ценностью, на которую ориентируется интерес субъекта.

Социальная значимость различных вариантов правомерного поведения различна. В зависимости от этого выделяют различные виды правомерного поведения:

1. По степени социальной значимости:

а) *необходимое поведение*, то есть такое, которое необходимо для нормального развития общества. Это служба в армии, соблюдение правил внутреннего трудового распорядка. Варианты такого поведения закрепляются в императивных правовых нормах в виде обязанностей. Их выполнение обеспечивается угрозой государственного принуждения;

б) *желательное,* то есть такое поведение, которое закрепляется не как обязанность, а право, реализация которого, в первую очередь, зависит от воли и интересов самого субъекта. Примерами такого поведения могут выступать: вступление в брак, научное творчество, участие в выборах, получение высшего образования;

в) *допустимое поведение,* в котором государство, прямо говоря, не заинтересовано в его распространенности. Однако, это действие дозволено законодательством. Таковы, например, отправление религиозных культов, частые смены работы, развод и другие;

г) *нежелательное* для общества, то есть такое поведение, которое закрепляется в нормах права в виде запретов. Установить запрет – это значит установить юридическую обязанность не совершать действия, которые порицаются государством. «Запреты являются наиболее предостерегающим приемом, посредством которого достигается эффективная защита общественных отношений»[5].

2. В зависимости от степени ответственности, отношения субъекта к своему поведению, его мотивации (субъективной стороны) различают:

а) *социально-активное поведение.* Является высшей формой правомерного поведения, которая выражается в высоком уровне правосознания и правовой культуры, ответственности и добровольности. Для обеспечения нормальных условий существования и развития, влияния на разработку и принятия законов, личность должна быть активной во всех отношениях, начиная с добросовестной служебной деятельности, инициативы и дисциплинированности в работе и заканчивая, образно говоря, сотрудничеством с различными государственными органами, посещением митингов и других социальных акций;

б) *обыденное поведение* – преобладает в структуре правомерного поведения. В отличие от активного не связано с дополнительными затратами и усилиями. Иными словами, это деяние, глубокого и всестороннего осознания, без высокой правовой активности. Это повседневная бытовая, служебная и иная жизнь человека, соответствующая правовым нормам;

в) *пассивное поведение* – поведение, при котором субъекты правоотношений намеренно не используют принадлежащие им права и свободы. Примеры банальны: отказ от создания семьи, уклонение от участия в общественно-полезном труде, участие в выборах. Подобное социальное затворничество в первую очередь плохо сказывается на саморазвитии самого гражданина, однако его апатия, пессимизм поражает и ближайшее окружение, в результате чего снижается социально-политическая активность всего общества. Правовая пассивность – это действенность на минимальном уровне, граничащая и переходящая иногда в противоправное бездействие. В связи с этим существует немало средств, стимулирующих активное и (или) обыденное правомерное поведение. Наглядным примером могут служить меры поощрения за высокопроизводительную и безупречную работу (выдача разовых и постоянных премий, награждение ценным подарком и другие). Среди правовых стимулов активного правового поведения могут выступать честолюбие, стремление занять более высокооплачиваемую должность;

г) *маргинальное поведение* – такое деяние, которое хотя и является правомерным, но находится на грани антиобщественного. Данное по-

ведение совершается под воздействием государственного принуждения, из-за страха понести наказание, либо в силу каких-то корыстных мотивов. Именно антистимулы здесь являются значимыми для поведения, связанными в буквальном смысле с ценностью, на которую ориентируется интерес субъекта. Маргинальная личность, лишившись привычных условий существования, не может сразу адаптироваться к новой социальной обстановке и проявляет в этой связи неудовлетворенность, скованность в своих действиях. Это беженцы на территории Российской Федерации из бывших советских республик, безработные, люде, не обеспеченные даже минимальными условиями существования.

Искусство правотворчества состоит в том, чтобы в конкретных исторических условиях выбрать именно те стимулы, которые позволяли бы нейтрализовать негативные антистимулы. И здесь, как нам видится, основной задачей государства является забота о приросте правомерного поведения. Оно, особенно в активной форме, стимулируется государством методами поощрения, наградами за благородные инициативы.

В настоящее время существует ряд обстоятельств, вызывающих затруднения при реализации законопослушного поведения, а именно:

1) постоянно обновляющееся законодательство, за которым трудно уследить даже опытным юристам, что же говорить о простых гражданах, некоторые из которых даже не знают элементарных нормативных актов;

2) отсутствует правовая регламентация и недостаточная упорядоченность самих правовых норм;

3) необходимость в систематизации законодательства;

4) недостаточно высокий уровень правовой культуры и непрофессионализм правоприменителя;

5) недостаточно активная деятельность правоохранительных органов;

6) меняющийся уклад жизни людей в связи с происходящими в стране реформами;

7) состоявшийся переход к новой юридической методике управления: от советской заповеди «Разрешено то, что разрешено» к западной рыночной формуле «Разрешено все, что не запрещено». Такое новшество трудно усваивается людьми, в течение нескольких десятилетий привыкавших к тотальному регулированию их поведения со стороны государственных служб.

Обобщая вышеизложенное, приведем истину, высказанную Г.Ф. Шершеневичем: «Государство может достигнуть желательных результатов не столько усилением правовой репрессии, сколько изменением социальных условий, определяющих поведение граждан, не столько усилением мотивов, располагающих в пользу законного поведения, сколько ослаблением мотивов, отклоняющих от законного поведения»[6]. К сказанному следует лишь добавить то, что проблема правовых стимулов и антистимулов в структуре правомерного поведения до конца не изучена и требует дальнейшей разработки.

Примечания

[1] См.: Указ Президента РФ №863 от 12.06.96 г. «О правах и льготах военнослужащих, выполняющих (выполнявших) задачи в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2997.

[2] См.: *Никитинский В.И.* Указ. соч. – С. 53.

[3] См.: *Гутштейн А.И.* Кибенетика в экономическом регулировании производства. – М., 1972. – С. 99–100.

[4] См.: *Братко А.Г.* Запреты в советском праве. – Саратов, 1979. – С. 67.

[5] См.: *Витрук Н.В.* Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. – М., 1979. – С. 145.

[6] См.: *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. – Рига, 1924. – С. 287–288; *Монтескье Ш.* О духе законов // Избранные произведения. – М., 1955. – С. 231.

Н.С. Шерстнева

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПОВ РОССИЙСКОГО СЕМЕЙНОГО ПРАВА

В научной литературе многими авторами принципы права рассматриваются как главные, руководящие положения, определяющие общую направленность и наиболее существенные черты содержания правового регулирования[1]. Признание за принципами права значения руководящих положений, определяющих специфику правового регулирования отдельных областей общественных отношений, является бесспорным. Дискуссионным остается вопрос об исходном моменте, о происхождении принципа права, в частности: противопоставляется принцип права как «руководящая идея» принципу, закрепленному в законе. Так, К.А. Мокичев писал: «Под правовыми принципами в юридической науке принято понимать руководящую идею, исходную для определенного круга юридических норм»[2]. Аналогично определяли принципы права Л.Н. Гусев, А. Денисов и др[3]. Этим авторам свойственно рассмотрение принципа как категории правосознания.

Весьма распространено мнение, что правовое значение принципы права приобретают вследствие их закрепления в законе[4]. Н.А. Чечина, например, подчеркивает: «О принципе права можно говорить лишь постольку, поскольку он как руководящая идея получил нормативное закрепление»[5].

Полагаю, что в определении правового принципа недопустим односторонний подход, недопустимо рассмотрение его либо в качестве руководящей идеи, предшествующей нормотворческой деятельности, либо только в качестве результата этой деятельности – нормы права.

Правовой принцип как руководящая идея предшествует созданию системы права. Нормы права фиксируют сущность правовых идей. Принципы, не зафиксированные в нормах права, не могут сами по себе воздействовать на общественные отношения. Согласно п. 2 ст. 13 Конституции РФ никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

Принципы вырабатываются наукой, но приобретают обязательную силу только после их нормативного выражения. Поэтому принципы права характеризуются *государственно-властным* велением. Это не просто руководящая идея, а требования, предъявляемые к деятельности или поведению субъекта. Из содержания ст. 1 СК РФ следует, что регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами, закрепленными правовыми нормами.

Для выявления сущности принципов семейного права целесообразно рассматривать их в двух аспектах:

1) с точки зрения происхождения;

2) с точки зрения отражения в них своеобразия и содержания регулируемых общественных отношений.

В зависимости от того, на какую сферу общественных отношений воздействуют правовые принципы, они могут быть подразделены на три группы: конституционные (общеправовые) принципы, отраслевые и принципы правовых институтов.

Предметом исследования в настоящей работе являются принципы семейного права как отрасли права. В п. 3 ст. 1 СК РФ названы принципы добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи[6].

Перечисленные принципы могут быть подразделены на две большие группы: 1) принципы семейного права, обеспечивающие личные неимущественные и имущественные права и интересы супругов и других членов семьи[7]; 2) принципы семейного права, выражающие права и интересы несовершеннолетних детей.

Даже по наименованию принципов видно, что в семейном праве *преобладают частноправовые* элементы: заключение и прекращение брака (ст. 10–26 СК РФ); равенство прав и обязанностей родителей (ст. 61 СК РФ); ответственность родителей за надлежащее воспитание детей (ст. 26, 76, 77 СК РФ) и др. *Публично-правовые* элементы в семейном праве не имеют столь широкого отражения. О них можно говорить лишь тогда, когда применяются меры защиты и меры ответственности (ст. 7, 8, 9 СК РФ), а также меры по защите

 © Н.С. Шерстнева, 2006

прав и интересов несовершеннолетних (ст. 122, 123, 145 и др.).

Неравномерное разделение отношений в семейном законодательстве на частноправовые и публично-правовые объясняется следующими положениями: нормы семейного права носят ясно выраженный императивный характер, предписывая субъектам единственный вариант поведения. Они в большинстве своем исключают какие-либо усмотрения их исполнителей (участников отношений) в смысле изменения установленных нормативных правил. Субъекты могут отклоняться от закрепленных в них предписаний только в случаях, предусмотренных законом (например, соглашение об уплате алиментов, договорный режим имущества супругов). Усмотрение субъектов в семейном праве в плане регулирования отношений весьма своеобразно. *Во-первых,* возможностью такого усмотрения преимущественно наделяются не лица – участники семейных отношений, а правоприменительные органы (суд, органы опеки и попечительства); *во-вторых*, это усмотрение не подменяет нормы права, а носит характер конкретизации, развития. Такая конкретизация должна соответствовать точно определенной норме, а не замене ее. Разумеется, в организации семейной жизни, воспитании детей усмотрение участников семейных отношений допускается весьма широко, так как значительная часть отношений этой сферы не регулируется вовсе или регулируется в основных чертах. Но если нормой права установлено определенное правило, оно не может быть отменено или заменено усмотрением сторон, их соглашением и т.д. О каком бы усмотрении не шла речь, в семейном праве четко очерчены его пределы. Причем, поскольку это касается отношений, затрагивающих интересы членов семьи, границы свободы усмотрения определяются именно названными интересами.

По своему наименованию, содержанию и нормативному выражению принципы семейного права не равноценны. Существует верховенство одних принципов над другими. Кроме того, может быть выделена внутрисистемная иерархия принципов семейного права. Семейный кодекс исходит из того, что права и интересы детей, их воспитание и содержание являются приоритетными. В Конвенции ООН от 18 декабря 1979 г. «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» предусмотрено, что во всех случаях интересы детей являются преобладающими (см. п. 1 ст. 16)[8]. В Конвенции о правах ребенка[9] записано, что во всех действиях в отношении детей независимо от того, принимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка (см.: п. 1 ст. 3).

Отмечу еще одно положение. Анализ норм Семейного кодекса приводит к выводу, что принципы семейного права имеют разнообразные формы нормативного выражения. Они закреплены: а) в виде общих положений; б) в виде косвенного выражения в общей части семейного права; в) в специально посвященных им институтах; г) в конкретных нормах других институтов. И все три формы нормативного выражения охватывают именно приоритетные принципы.

Содержание принципов семейного права следует рассматривать в их системном выражении. Конкретное проявление принципов прослеживается во всех институтах семейного права, а также в охранительных и регулятивных отношениях. Такой подход обусловлен спецификой семейного права как отрасли права. Принципиальная особенность семейного права заключается прежде всего в том, что оно «обслуживает» семью и в основном ограничивается рамками семьи. Семейное право представляет собой совокупность юридических норм, имеющих целью урегулировать в первую очередь личные неимущественные отношения между членами семьи. Отмечая актуальную необходимость урегулирования этих отношений, Ф. Вольфсон писал: «Совершенно не случайно, что мы существовали пять лет без гражданского кодекса (1917–1922), но не просуществовали ни одного года без своего семейного права»[10].

Личные неимущественные отношения в семейном праве характеризуются не определенностью тех или иных действий, а социальной, бытовой и этической основой поведения членов семьи (супругов, родителей, детей) друг в отношении друга. Сущность семейных отношений определяется характером личных взаимоотношений между субъектами. Регулируемые нормами семейного права личные неимущественные отношения бесспорно обладают большой спецификой. Эта специфика настолько значительна, что ее существование предопределяет невозможность опосредования названных отношений

в рамках других отраслей права. Неимущественные отношения, отражаемые в семейном законодательстве, характеризуются особой «лично-доверительной»[11] связью, существующей между супругами, родителями и детьми, усыновителями и детьми и т.п. Специфика этой связи отчетливо проявляется и в моменте возникновения личного неимущественного правоотношения (с момента рождения ребенка, вступления в брак и т.д.).

Имущественные отношения в семейном праве имеют вспомогательный, *служебный* характер, производный от лежащих в их основе личных неимущественных отношений, и приобретают специфические черты, определяемые их неразрывной связью с личными неимущественными отношениями.

Специфическое содержание регулируемых семейным правом отношений основано на тех высоких задачах, которые стоят перед семьей. Задача всемерной заботы о матери и ребенке неразрывно связана с задачей укрепления семьи. *Единство этих двух задач* проявляется во всей системе семейно-правовых мер по обеспечению прав и интересов членов семьи. Этими задачами законодатель выражает особое предназначение семейного права.

В системе семейного права принципы занимают главенствующее положение. Обладая высокой степенью общности, они придают глубокое единство механизму семейно-правового воздействия. Поэтому из содержания принципа права можно вывести взаимосвязь общих и конкретизирующих норм.

Специфика семейно-правовых норм по их содержанию предопределяет характер субъектов семейных отношений. В частности, родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей (ст. 63 СК РФ); суд вправе обязать бывшего усыновителя выплачивать средства на содержание ребенка (п. 4 ст. 143 СК РФ) и т.п. Очевидно, что в большинстве семейных правоотношений стороной является ребенок.

Правосубъектность в семейном праве также отличается особенностями, связанными с субъектным составом отношений и с принципами обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних, приоритета семейного воспитания, заботы о детях.

Среди правовых возможностей на первое место ставятся элементы личного порядка, а не имущественного. Так, с момента рождения ребенок обладает правом на надлежащее воспитание; на присвоение ему фамилии, имени, отчества; возможности их изменения и т.п. Этим обеспечиваются интересы ребенка как личности.

Правосубъектность такова, что она позволяет лицам, не будучи дееспособными, участвовать во многих отношениях, быть носителями, главным образом, прав. Реализация этих прав может осуществляться при помощи других лиц (родителей, усыновителей, опекунов и т.п.), правоспособность ребенка, главным элементом которой является способность к правообладанию, как бы стремится *«воссоединиться»* с дееспособностью других лиц, обязанных по закону представлять и защищать права и интересы детей. При такой структуре правосубъектности доминирующим субъектом семейных отношений является ребенок. Если бы семейное право требовало обязательного сочетания правоспособности и дееспособности субъекта, – ребенок лишился бы правовой охраны.

Юридические факты в семейном праве не тождественны юридическим фактам гражданского, трудового и других отраслей права.

Ни договор, ни сделка не занимают сколько-нибудь существенного места в механизме возникновения семейных правоотношений. Договорные основания возникновения семейных правоотношений допускаются только тогда, когда об этом имеется прямое указание в законе. И это обстоятельство обеспечивает заботу о детях, их правовую охрану и защиту потому, что права детей *возникают, признаются и защищаются* независимо от заключения договора, сделки.

Здесь решающими юридическими фактами являются события (рождение ребенка, смерть его родителей и др.). Они действуют, порождают права ребенка сами по себе, без какого-то волеизъявления субъекта. Такой «автоматизм» возникновения в семейных правоотношениях прав ребенка и обязанностей других лиц только и может обеспечить приоритетность интересов детей. Конечно, и волеизъявление в соответствии с семейно-правовыми нормами имеет некоторое значение для возникновения правоотношений (например, согласие определенных лиц на усыновление ребенка), но – *во-первых*, волеизъявление лежит в основе далеко не всех семейных правоотношений. *Во-вторых*, оно не принимает характер сделки, не становится самодавлеющим фактом, а переплетается с другими обстоятельствами. *В-третьих*, ему придается значение постольку, посколь-

ку это необходимо для обеспечения прав и интересов семьи, материнства, детства. Для того чтобы в наибольшей степени обеспечить приоритет в защите прав и интересов ребенка, внести четкость, эти факты требуют специального юридического оформления – регистрации (регистрация брака, рождения, усыновления, смерти и т.д.).

Семейные правоотношения отличаются рядом особенностей:

а) Четко определенным субъектным составом, строгой индивидуальностью субъектов. Это важно потому, что круг лиц, обязанных перед субъектами семейно-правовой связи, определен исчерпывающим образом. Например, установлено, что при определенных обстоятельствах детей должны содержать братья и сестры, дедушка и бабушка.

б) Как правило, семейные правоотношения носят длящийся характер. Именно это позволяет детям постоянно получать необходимую охрану и защиту своих прав и интересов. Так, независимо от того, сколько времени прошло с момента отказа родителей от дальнейшего содержания ребенка до момента предъявления к родителям требования об уплате алиментов, иск подлежит удовлетворению. Пока ребенок остается несовершеннолетним, никаких *пресекательных* сроков на его права нет.

С другой стороны, устанавливается *срочность* некоторых прав и обязанностей по отношению к ребенку. Так, достижение ребенком совершеннолетия прекращает правоотношение по воспитанию и содержанию детей. И это опять-таки не случайно. Если бы родительские права и обязанности носили бессрочный характер, они могли бы быть использованы для подавления личности ребенка.

в) В семейном правоотношении нет тех начал эквивалентности, возмездности, на которых строятся права и обязанности в гражданском праве. Часто распределение прав и обязанностей носит односторонний характер. Причем, правам и интересам несовершеннолетних детей законодатель отводит приоритетное, первостепенное место, наделяя их правами в *одностороннем* порядке.

Известное начало взаимности в построении прав и обязанностей в семейном праве есть, но оно не является определяющим. Законодатель распространяет обязанность содержать родителей и заботиться о них только на совершеннолетних детей, да и то при наличии специальных условий. Между тем обязанности родителей существуют всегда и носят *безусловный* характер.

Взаимообусловленность прав и обязанностей встречается только в плане учета поведения обязанного лица. Например, родители, лишенные родительских прав, теряют право на получение содержания от своих детей (ст. 71 СК РФ); суд вправе освободить пасынков и падчериц от обязанности содержать отчима и мачеху, если они выполняли свои обязанности по воспитанию и содержанию пасынков и падчериц ненадлежащим образом (ст. 97 СК РФ); суд вправе освободить воспитанников от обязанности содержать фактических воспитателей, если последние содержали и воспитывали их менее пяти лет, а также, если они содержали и воспитывали своих воспитанников ненадлежащим образом (ст. 96 СК РФ).

г) Содержание семейного правоотношения в целом определяется не соглашением сторон, а законом. Так, рождение ребенка является только фактом, влекущим за собой возникновение субъективного права и юридической обязанности родителей воспитывать и содержать ребенка; определено же содержание родительского правоотношения законом.

д) Семейные правоотношения часто переплетаются с отношениями административными, в рамках которых осуществляется забота о детях со стороны государственных органов, в первую очередь органов опеки и попечительства. Например, право родителей распорядиться имуществом ребенка возникает лишь тогда, когда его волеизъявление совпадает с решением органа опеки и попечительства. Участие органов опеки и попечительства в семейных правоотношениях – важная особенность последних, причем особенность, которая прямо диктуется принципами приоритета семейного воспитания, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

Таким образом, семейное право есть отрасль права с присущими ей «особыми способами воздействия на общественные отношения»[12]. Своеобразие этих способов с неизбежностью подтверждает вывод о семейно-правовой природе принципов семейного права, ибо требования этих принципов находят свое прямое выражение в особенностях предмета, метода и механизма семейно-правового регулирования.

Примечания

[1] См.: Теория государства и права / Под ред. Н.Г. Александрова. – М., 1968. – С. 344.; *Герцен-*

зон А. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР // Проблемы социалистического права. – М., 1938. – №3. – С. 4–5; *Александров Н.Г.* Основы теории государства и права. – М., 1963. – С. 13; *Пашерстник А.Е.* О сфере действия и принципах советского трудового права // Советское государство и право. – 1957. – №10. – С. 99; *Филимонов В.Д.* Принципы уголовного права. – М., 2002. – С. 28; *Пчелинцева Л.М.* Семейное право России. – М., 1999. – С. 20.

[2] *Мокичев К.А.* Теория государства и права. – М., 1970. – С. 382.

[3] См.: *Гусев Л.Н.* Конституционные принципы советского уголовного процесса: Уч. зап. Вып. 6 // Вопросы советского уголовного процесса. – М., 1958. – С. 31; *Денисов А.* Теория государства и права. – М., 1967. – С. 250; *Фарбер И.Е.* Правосознание как форма общественного сознания. – М., 1963. – С. 23–25.

[4] См.: Творческая научная дискуссия о принципах советского уголовного процесса // Социалистическая законность. – 1952. – №6. – С. 79–82; *Семенов В.М.* Понятие и система принципов советского гражданского процессуального права // Сб. ученых трудов. Вып. 2. – Свердловск, 1964. – С. 189–190.

[5] *Чечина Н.А.* Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление // Правоведение. – 1960. – №3. – С. 78–79; См.: *Миронов В.И.* Курс лекций «Гражданское процессуального право России». – М., 2001. – С. 15.

[6] Суммарный перечень принципов семейного права, названных рядом ученых не совпадает Так, Л.Ю. Грудцына назвала аналогию закона и аналогию права как принцип семейного права (см.: Семейного право. Полный курс за 3 дня. – М., 2005. – С. 56). Вряд ли можно согласиться с Л. Грудцыной. Ведь принцип права – характеризуется общностью, нормативностью, целевой направленностью, аналогия права и закона такими признаками не обладает.

Как уже отмечалось, Л.М. Пчелинцева называет принцип признания брака, заключенного только в органах загса (Указ. соч. – С. 21).

[7] К другим членам семьи отнесены нетрудоспособные (наряду «с другими членами семьи»). Автор настоящей работы «вычленил» нетрудоспособных из принципа обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных.

[8] См.: Сборник международных документов: Права человека. – М., 1998. – С. 332.

[9] Принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 20 ноября 1989г. Далее – Конвенция.

[10] См.: Пролетарский суд. – 1926. – №2. – С. 13.

[11] *Ворожейкин Е.М.* Семейные правоотношения в СССР. – М., 1972. – С. 45, 49.

[12] *Яковлев В.Ф.* Отраслевая дефференциация и межотраслевая интеграция как основа системы законодательства // Правоведение. – 1975. – №1. – С. 19.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Ю.В. Беляева

О КАТЕГОРИИ «НОВОВВЕДЕНИЯ»

В связи с отсутствием устоявшегося понимания таких понятий как «новшества», «нововведения», «новации» и «инновации», рассмотрим понятия «новшества» и «нововведения», опираясь на позицию В.В. Косова, изложенную в книге «Модернизация экономики и государство»[1].

Под новшеством понимается качественно новый товар или радикальное улучшение существующего товара, значительно повышающее его ценность для потребителя. Родителями новшеств, как правило, являются одиночки.

Под нововведением понимается улучшение свойств известного товара или технологии его производства. Нововведения в подавляющей массе создаются действующими компаниями.

И то, и другое позволяет увеличить чистый приток денег от реализации товара. Существенное различие между новшествами и нововведениями состоит в том, что новшества создают новые рынки, а нововведения развивают уже существующие рынки. Сложившиеся рынки отличаются невысокой динамикой продаж. Темпы прироста продаж, как правило, отличаются от темпов прироста ВВП не более чем в два раза как в большую, так и в меньшую стороны.

Совсем иное дело представляют собой рынки новшеств. Объемы продаж на таких рынках, как правило, удваиваются каждые 3–5 лет. Темпы прироста продаж новшеств в несколько раз превышают темпы прироста ВВП страны, в которой они появились на свет.

Причиной столь стремительного роста продаж является чрезвычайно высокая полезность новшества для потребителя, что позволяет поднимать цены на него несколько первых лет. Следствием этого является кратковременный период роста относительных цен на товар.

Появившееся новшество является таковым во всех странах, что определяет целесообразность работы, по крайней мере, на все развитые страны с момента появления новшества. Налаживание экспорта новшества позволяет уже для первого поколения товара организовать его рентабельное производство.

Экспорт новшества может осуществляться в разных организационных формах: от прямого экспорта товара, до создания фирм по производству новшества в стране назначения. Это могут быть фирмы, созданные российским капиталом в этих странах, совместные предприятия, альянсы. Представляется, что новые земли ФРГ (бывшая ГДР) являются одной из наиболее подходящих площадок для создания таких фирм: наличие большого числа людей, имеющих взаимодействие с бывшими советскими предприятиями, знание русского языка и особенностей ведения дел с Россией.

Отдельный вопрос – патентование новшества в тех странах, в которые намечается его экспорт. Например, в США в общем объеме выданных патентов развитых стран 12 стран занимают 38%[2].

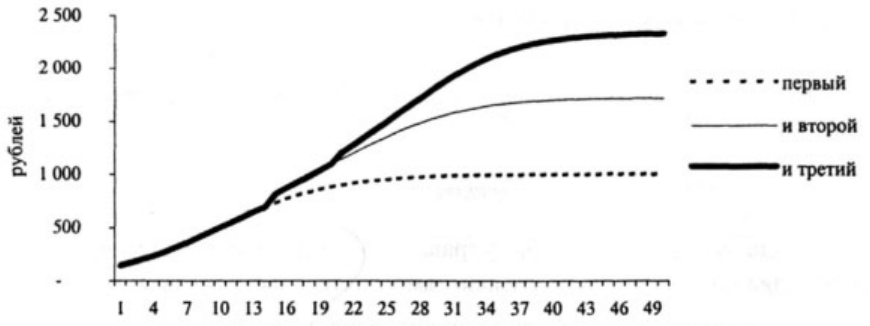


Рис. 1. Динамика производства трех товаров

© Ю.В. Беляева, 2006

Новшества и экономический рост

Для демонстрации влияния новшества на экономический рост использована модель жизненного цикла[3], единая для трех товаров. Смысл модели заключается в том, что от товара к товару значения предела снижается на 10%, другие параметры модели увеличиваются на 10%, а значения цен от товара к товару снижаются на 20%.

Первый товар производится с первого года. На рисунке 1 видно очевидное затухание роста производства и стабилизация его на уровне в 1000 руб. На пятом году начинается производство второго товара и стабилизация выпуска двух товаров достигается на уровне 1700 руб. В десятом – году начинается производство третьего товара, стабилизация выпуска достигается на уровне 2300 руб. Таким образом, при затухающей динамике роста каждого отдельного товара, вызываемого насыщением спроса на него, появление каждого нового товара продлевает фазу стабильного роста. Новшества – появление нового товара – оказываются генератором роста.

Приведенный выше пример является иллюстрацией к известному факту ускорения темпов роста, которое наблюдается в экономике.

На процесс, рассмотренный выше, накладывается динамика численности населения. Сокращение численности населения России способно дать иллюзорную картину роста душевого потребления из-за сокращения значения знаменателя.

Различное влияние новых и старых товаров на экономический рост заключается в том, что старые товары живут на старых рынках, которые имеют тенденцию к исчерпанию, а новые создают новые рынки.

Возникновение новшеств

Возникновение новшества является случайным процессом. Нельзя предсказать даже год, в котором оно появится, однако можно прогнозировать общее число новшеств, которые, скорее всего, возникнут в том или ином году.

Обозначим через p вероятность появления любого нового товара в течение года и будем считать, что эти значения по годам не меняются. Значения вероятностей могут быть больше или меньше, в зависимости от наличия или отсутствия предпосылок для появления нового товара, что открывает возможность управления величиной этих вероятностей.

Из статистики известно, что творцами новшеств оказываются люди, «помешанные» на обуревающей их идее. Этим людям меньше 40 лет; они получили образование в известном учебном заведении (в такие заведения стремятся наиболее талантливые дети, а потому известные вузы гранят алмазы, а не простые камни); не работающие в крупных компаниях; проживающие в крупных агломерациях (что упрощает возможность контактов). Появление Интернета сильно ослабило требование о проживании в агломерациях. Обозначим число людей, способных создавать новшества, через N.

Постановка задачи

Сказанное выше позволят записать математическое ожидание появления новшества как

$$\textit{Мат. ожидание новшества} = p \cdot N. \qquad (1)$$

Откуда вытекают способы управления созданием новшеств, которые можно разделить на два относительно самостоятельных направления:

1) повышение вероятности возникновения новшеств, p;

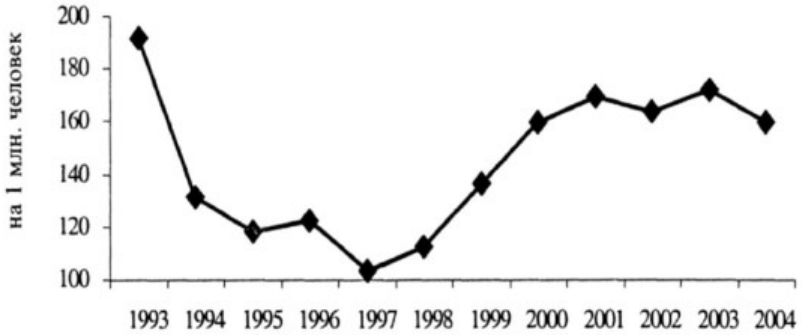


Рис. 2. Число поданных заявок на патенты от российских заявителей

2) увеличение числа людей, способных генерировать новшества, *N*.

Повышение вероятности возникновения новшеств. Вероятность возникновения новшества является очень малой величиной[4]. За общую оценку активности по созданию новшеств *p*, можно принять отношение числа регистрируемых в году патентных заявок от граждан своей страны к численности населения. Выбор подачи патентных заявок как факта фиксации изобретения, а не выдачи самого патента определяется тем, что именно подача заявки является отражением изобретательской активности, тогда как выдача патента является моментом ее признания соответствующим ведомством.

На рисунке 2 показана численность поданных от россиян заявок на патенты в расчете на 1 млн. жителей. Первый принципиальный вывод из графика состоит в стабильности значений – полученные величины по годам варьируют в узких пределах: минимальное число заявок приходится на 1997 г., когда оно опустилось до 103, а к 2001 г. она поднялось уже до 169 в расчете на 1 млн. жителей. Второй принципиальный вывод из графика состоит в том, что рост экономики сказался на числе заявок только в 1999–2000 гг. С 2001 г. наблюдается стабилизация числа заявок на патенты. По этой причине число действующих патентов сильно отстает от роста экономики.

Как видно из приведенных данных (табл.), число действующих в России патентов выросло за 2004 г. всего на 1,9%, что в три раза ниже прироста ВВП. В расчете на 1 млн. жителей в России приходится 744 патента, что в 3 раза меньше, чем в Германии, в 5 раз меньше, чем в Японии и в 6 раз меньше, чем в Швейцарии.

Совсем иную картину можно видеть по США. На графике, который легко найти на сайте энциклопедии Wikipedia[6], на логарифмической шкале показана динамика числа патентов в США с 1870 г. и до наших дней. Даже беглый взгляд на график обнаруживает, что процесс описывается двумя экспоненциальными трендами – до и после Второй мировой войны. Из них следует один вывод: темпы роста числа патентов существенно опережают темпы роста ВВП. Последствия такого опережения очевидны – появление новых товаров на рынке и совершенствование технологии являются главными факторами роста и развития экономики США. Опережение роста патентной активности в США по отношению к росту ВВП объясняет, почему эта страна является технологическим лидером мира. Это как раз то, чего в первую очередь не достает России.

Третий принципиальный вывод из проведенного анализа состоит в том, что рост российской экономики в 2001–2004 гг. происходит за счет факторов, не связанных с крупным улучшением технологии. Это обстоятельство имеет негативные долгосрочные последствия, определяющие зависимость роста от условий торговли природными ресурсами. Понимание данного обстоятельства является ответом на вопрос о том, что надо делать в России: резко поднимать значение инноваций как фактора роста.

Возможность повышения вероятности появления новшеств определяется большим числом факторов, среди которых в руках высшей школы находится обучение. Логику этого процесса можно сравнить с наведением истребителя-перехватчика на цель: наземная служба выводит его в зону захвата цели, а далее он действует сам. Первая часть задачи решается через раскрытие пределов возможного в изучаемой предметной области и исследование возможных альтернатив выхода из тупика, вторая часть достигается обучением ТРИЗ – теории решения изобретательских задач.

Решение первой части задачи (раскрытие пределов возможного) лучше всего реализовать на основе двух встречных подходов – от прошлого к будущему и от будущего к настоящему. Изучение положения товара (технологии) на кривой жизненного цикла, сопряженное с динамикой относительных цен[7], позволяет прогнозировать объемы производства (продаж) товара в будущем, понимание которого определяется сценариями развития экономики. Приближение объемов производства товара к свойственному ему пределу

Таблица

Количество действующих патентов Российской Федерации по состоянию на 31.12.2004 г.[5]

Действовало на 31.12.2003 г.	106717
Выдано патентов на ИЗ в 2004 г.	23191
Прекратило действие в 2004 г.	21187
Действует на 31.12.2004 г.	108721

и одновременное снижение относительных цен делают продолжение бизнеса на данном товаре проблематичным. Возникает настоятельная потребность замены такого товара чем-то иным. Для выяснения спектра возможных замен устаревающего товара можно использовать «Форсайт», являющейся по существу взглядом из будущего на настоящее[8].

Результатом решения первой части задачи является схематичное представление о том, что может придти на замену уходящему товару. Для перехода от схематичных представлений к более ясному представлению о новом продукте важную роль играет ТРИЗ, который позволяет найти для проектируемого товара своего рода оптимум по В. Парето, что является решением второй части задачи.

Система создания новшеств

Для избегания упрека в предвзятости воспользуемся оценкой текущего состояния российской инновационной системы, сделанной командой академика В.В. Ивантераэ.

Общий вывод в отношении национальной инновационной системы.

1. Система работы с новшествами, унаследованная от СССР, в принципе, не подлежит улучшению. Причина в том, что основ, положенных в фундамент организации и функционирования советской системы, уже не существует.

2. Новая инновационная система, прежде всего порождающая новшества, должна быть создана вокруг высшей школы. Причина этого, во-первых, в высокой концентрации обучающейся молодежи и, во-вторых, в достаточно широком профиле вуза, что позволяет взглянуть на проблему с самой неожиданной точки зрения.

Творцов новшеств следует искать, прежде всего, в старых университетских городах – там устоялась культура их производства. Но сохранились ли в этих университетах научные школы? Носителями культуры являются специалисты, родившиеся до 1955 г.: в 1990 г. им было по 35 лет, и можно считать, что к этому моменту они не просто сформировались как специалисты, но и сумели занять достаточно прочное положение в своем вузе. В 2005 г. им всего 50 лет, и они являются последними из знающих, что такое научная школа. Более молодые, родившиеся после 1955 г., к 1990 г. в массе своей еще не успели преуспеть до 1990 г., что явилось едва ли не основной причиной их массового исхода из науки в начале 1990-х гг.

Причина убывания шансов на возрождение научных школ в вузах проста: из-за низких заработков исследователи замещаются «препами», и старой профессуре просто некому передавать мастерство исследователей. «Препы» кормятся тем, что подрабатывают там, где могут. Большая «горловая» нагрузка съедает время и силы: люди просто физически не могут заниматься наукой.

Вывод: у российской власти осталось всего максимум десять лет для превращения знаний в фактор развития страны. Старые университетские центры являются точками, в которых данный процесс может быть наиболее эффективным.

Современная система обучения не позволяет подготовить творцов новшеств по многим причинам, главной из которых является та, что она на это вообще не ориентирована. По существу, вузы сегодня занимаются первичной подготовкой специалистов, доводку которых до нужной квалификации вынуждены на себя брать фирмы[9]. Более того, современная высшая школа с ее высокой «горловой нагрузкой» преподавателей и их низкой оплатой в принципе не способна это сделать. По мере того как по естественным причинам будут выбывать кадры, сохранившиеся с советского времени, качество преподавания будет быстро падать.

Другим фактором, серьезно осложняющим образовательный процесс, является то, что многие студенты на старших курсах начинают работать, и им не до занятий. Расслабленная программа образования, не требующая физического присутствия на занятиях, позволяет так себя вести. С этими реалиями необходимо считаться и приспосабливаться к ним. Предлагается осуществить следующие преобразования.

1. Резко, в 2–3 раза увеличить число преподавателей, что одновременно позволит сократить «горловую нагрузку» на каждого из них, освободив бюджет времени для занятия наукой.

2. В бакалавриате:

– по инженерным специальностям изучение предметной области привязать к движению товаров по кривой жизненного цикла – это будет «выведением перехватчика в зону»;

– по экономике и менеджменту привязать преподавание к раскрытию жизни российских фирм. Отойти от изолированного преподавания предметов. Это позволит подготовить бакалавра как земского врача, который понимает человека, а не специалиста по отдельным болезням, которым он станет по месту избранной работы.

Ориентация приложений на способы решения массовых, стандартных задач, присущих каждой специальности, позволит подготовить бакалавров готовыми к самостоятельной работе. «Что делать» – стандартный набор задач известен, надо учить тому «как делать». В этом случае после бакалавриата выпускники сразу смогут включиться в работу, потому что они обучены решению стандартных задач.

3. Обучение в магистратуре, в принципе, должно вестись иначе, чем в бакалавриате, предусматривая существенно более высокую долю самостоятельных занятий. Поскольку значительная часть слушателей магистратуры работает, то обучение надо организовать в двух пересекающихся плоскостях. Первая из них связана с местом работы. Слушателю магистратуры важно объяснить начальству по месту работы, что фирма имеет уникальную возможность составить глубоко продуманную программу своего развития (в целом или отдельного направления). Такая программа для слушателя будет предметом его магистерской диссертации, при подготовке которой слушатель под руководством своего научного руководителя рассмотрит поставленную задачу со всех точек зрения, заслуживающих внимания. Ни один консультант столь тщательно такую работу выполнять не будет.

Вторая плоскость – это углубленное изучение теории. В каждой предметной области можно выделить до трех книг, изучение которых позволит знать о данной области знаний почти все. Сравнительно небольшое число лекций посвящается обзору того, что написано в этих книгах плюс последние статьи в периодических изданиях на эту тему. Цель лекций – объяснить, как возникает постановка задачи «Что делать». Основное время – семинары в группах по 12–15 человек, на которых студенты излагают выводы, вынесенные из прочитанного.

Точкой, в которой пересекаются плоскости – магистерская диссертация слушателя.

Очевидно, что преподаватели должны иметь возможность зарабатывать на занятиях наукой.

Сложившаяся в вузах система оплаты труда по существу вынуждает преподавателей бегать по урокам. На это толкает оплата доцента в 10 тыс. руб. в месяц (окончившего престижный вуз, аспирантуру в нем, прошедшего стажировки в западных университетах). Для этой категории людей требуемый доход 20–25 тыс. руб. Исключением являются дамы, имеющие состоятельных мужей, но им, как правило, и не до науки.

Из сказанного следует, что власти (в государственных вузах) должны поднять оплату труда минимум в два раза и увеличить расходы на науку за счет бюджета для поисковых работ. Повышение оплаты преподавателей за счет увеличения числа платных студентов ухудшает их качественный состав: повышается доля тех, кто может платить, но снижается доля хорошо соображающих.

Оплата труда для преподавателей должна обеспечивать 2/3 дохода, а 1/3 он должен иметь возможность, если хочет, заработать в науке. Таким образом, для доцента получаем следующие цифры: преподавание – 20 тыс. руб./месяц; наука – 10 тыс. руб./месяц. Итого – 30 тыс. руб./месяц.

Приведенная выше оплата труда является необходимой для того, чтобы заинтересовать хотя бы часть преподавателей вернуться к занятию наукой. Надо ясно понимать, что авангард движения «вернемся в молодость, в науку» составят наиболее увлеченные, готовые отказаться от более высокого дохода ради интересного дела.

Нет смысла доказывать непригодность существующей системы финансирования научных работ: деньги из бюджета тратятся, а прогресса в продвижении России вперед нет.

Попытки Министерства образования и науки Российской Федерации реформировать систему финансирования науки, как и полагается, натолкнулись на сильное сопротивление, решить проблему изнутри не удалось.

Лучшей системой организации науки является финская. Нашим соседям, располагающим несравнимо меньшими по отношению к российским ресурсами, удалось добиться несравнимо большего. Это является вполне убедительным основанием для того, чтобы применить в России к финансированию науки тот же подход, который оправдал себя в Финляндии. Основной принцип этого подхода состоит в том, что средства выделяются на решение проблемы, а не на содержание научного учреждения.

Для высшей школы создание новшеств в общем случае должно завершаться патентной заявкой или иным проектом документа, фиксирующего право на интеллектуальную собственность. Коммерциализация новшества, в принципе, выходит из компетенции высшей школы. Здесь возникает первый системный риск.

Этот риск можно существенно уменьшить, если представить себе высшую школу выступа-

ющей в роли партнеров нескольких технопарков. Соответственно каждый технопарк выступает партнером нескольких вузов. Такое «перекрестное опыление» важно как профилактика против застоя. Вузы не только обеспечат приток идей, но существенно обогатят жизнь технопарков, сделают ее интеллектуально насыщенной.

Примечания

[1] *Коссов В.В.* О необходимости превращения высшей школы в главного генератора новшеств // Модернизация экономики и государства / Под. ред. Е.Г. Ясина. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – С. 27–37.

[2] Австралия, Англия, Германия, Италия, Канада, Канада, Нидерланды, Тайвань, Франция, Швейцария, Швеция, Ю. Корея, Япония (см.: *McAleera M., Chana R, Marinovab D.* An International Comparison of Foreign Patents Registered in the USA. – P. 67).

[3] Логистическая кривая y=L/(l+exp(at+b)), где L – предел потребления товара.

[4] В числе выданных патентов патенты на крупные изобретения составляют порядка 1%.

[5] Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам (Роспатент). Годовой отчет за 2004 г. (http://www.fips.ru/rep2001/rep2004/Rl.htm).

[6] http://en.wikipedia.Org/wiki/Image:PPTPatentsLOG-25.jpg. Из-за большого размера графика он не приводится.

[7] Относительные цены в увязке с положением товара на кривой жизненного цикла рассмотрены в статье: Относительные цены как инструмент среднесрочного прогнозирования оптовых цен (на примере цен на электроэнергию) // Проблемы прогнозирования. – 2005. – № 6.

[8] Подобный подход типичен для динамического программирования, в котором сначала строятся условно-оптимальные траектории из будущего к настоящему, а затем с учетом реальных условий из них выбирается оптимальная.

[9] Годный, необученный // Эксперт. – 2006. – № 4.

Е.В. Жаров

ИНТЕГРИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Потребность в использовании понятия «система» возникала для объектов различной физической природы с древних времен: еще Аристотель обратил внимание на то, что целое, то есть система несводимо к сумме частей, его образующих. В частности, термин «система» и связанные с ним понятия комплексного, системного подхода исследуются и подвергаются осмыслению философами, биологами, психологами, кибернетиками, физиками, математиками, экономистами, инженерами различных специальностей. Потребность в использовании этого термина возникает в тех случаях, когда невозможно что-то продемонстрировать, изобразить, представить математическим выражением и нужно подчеркнуть, что это будет большим, сложным, не полностью сразу понятным (с неопределенностью) и целым, единым. Например – «солнечная система»[1], «система управления танком», «система организационного управления предприятием (городом, регионом и т.п.)», «экономическая система», «система кровообращения» и т.д. Применительно к задачам управления в определенный период более широкое распространение получил термин «кибернетика», введенный М.А. Ампером (от «kiber» – кормчий, рулевой, управляющий чем-то), принятый для названия новой «науки об управлении в живых организмах и машинах» Н. Винером[2].

Термин «система» давно и широко используется в научной литературе, а также в повседневной жизни в качестве синонима совокупности, комплекса тех или иных реальных объектов, например заводов, торговых предприятий, небесных тел, и т.д.; причем предполагается, что эти объекты каким-то образом связаны друг с другом, что они представляют единое целое и могут рассматриваться в качестве такого целого[3]. Термин система используют в тех случаях, когда характеризуют исследуемый или проектируемый объект как нечто целое (единое), сложное, о котором невозможно сразу дать представление, показав его, изобразив графически или описав математическим выражением (формулой, уравнением и т.п.). Существует несколько десятков определения этого понятия. Однако, понятие «система» образовалось на стыке логики и кибернетики[4]. Определение понятия «система» изменя-

© Е.В. Жаров, 2006

лось не только по форме, но и по содержанию. Сопоставляя эволюцию определения системы (элементы и связи, затем – цель, затем – наблюдатель) и эволюцию использования категорий теории познания в исследовательской деятельности, можно обнаружить сходство: вначале модели (особенно формальные) базировались на учете только элементов и связей, взаимодействий между ними, затем – стало уделяться внимание цели, поиску методов ее формализованного представления (целевая функция, критерий функционирования и т.п.), а начиная с 1960-х гг. все большее внимание обращают на наблюдателя, лицо, осуществляющее моделирование или проводящее эксперимент (даже в физике), т.е. лицо, принимающее решение и управляющее системой.

При всем многообразии формулировок термина «управление», различающихся полнотой изложения с акцентом на отдельные функции и аспекты, они идентичны по своей сути. Под управлением принято понимать процесс воздействия на коллективы людей для достижения цели организации наиболее рациональным путем. Как всякий процесс воздействия управление предполагает существование субъекта и объекта. Субъект в процессе управления направляет объекту импульсы воздействия (управленческие указания, распоряжения, решения), которые содержат в себе в явном или косвенном виде информацию относительно того, как должен функционировать в дальнейшем объект управления. Последний получает управленческие распоряжения и изменяется в соответствии с их содержанием. Субъект – объектные отношения предполагают достаточно близкое соответствие между участниками. При чем, объект в этой связке, как правило, представлен материальным или социальным процессом, он объективно существует. Субъект создается, «генерируется объектом для себя». Эффективность этой «связки» определяется жизнедеятельностью объекта, его устойчивостью, интенсивностью его развития. Но поскольку все изменения в объекте происходят вследствие управленческих воздействий (решений), то получается, что жизнедеятельность объекта зависит от качества (эффективности, организованности) субъекта. Рассмотрим подробнее сущность «субъекта управления».

В ходе управления происходит взаимодействие как между объектом и субъектом, так и внутри субъекта между его элементами, выполняющими подготовку управленческих решений. Управленческое взаимодействие осуществляется посредством управленческой связи. Понятие «связь» как организующее начало, и способ строения комплексов впервые применил русский ученый, философ и экономист А.А. Богданов (Малиновский).

Для существования управления и управленческих связей, необходимо, чтобы между ними имели место отношения управления. Они возникли в связи с углублением процесса разделения и кооперации труда в обществе при определенном уровне развития производительных сил, когда было осуществлено разделение труда на непосредственно производственный и управленческий. Под управленческими отношениями мы понимаем отношения между людьми по поводу принятия и исполнения управленческих решений. Суть управленческих отношений сводится к тому, что субъект управления обладает способностью и возможностью принятия управленческих решений, а объект управления – готовностью и возможностью исполнения управленческих команд. Если отношения в хозяйственном комплексе (в производстве) осуществляются в вещной форме через взаимодействие ресурсов, всех видов энергии в процессе создания готовой продукции, оказания услуги или сооружения хозяйственного объекта, то отношения управления реализуются через обмен информацией, проходящей сквозь призму интересов людей или хозяйствующих субъектов.

Столь тесная взаимосвязь рассмотренных понятий (управление, управленческая связь и управленческие отношения), а следовательно и самих управленческих феноменов их описывающих (отражающих) сопровождается разнообразием систем управления.

Так, например, в условиях корпорации управление предстает как система управленческих отношений между взаимодействующими хозяйствующими субъектами по поводу субординации и гармонизации их интересов, обеспечения синергии, как их совместной деятельности, так и их взаимоотношений с внешними контрагентами (включая госорганы) в достижении поставленных целей.

Как следует из определений, система состоит из двух составляющих: внешнего окружения, включающего в себя вход и выход системы, связь с внешней средой и обратную связь; внутренней структуры, т.е. совокупности взаимосвязанных

компонентов, обеспечивающих процесс воздействия субъекта управления на объект, переработку входа системы в ее выход и достижение целей системы.

Практически все исследователи систем рассматривают иерархию систем как целостный комплекс взаимосвязанных компонентов, имеющий специфические отношения с внешней средой.

Рассмотрим управленческие отношения как систему. Отношения между людьми по поводу разработки, принятия и организации исполнения управленческих решений (то есть управленческие отношения) с внешней средой определяются (ограничиваются), прежде всего, институтами. В зависимости от объекта управления к числу таких институтов будут, например, относиться: органы государственного и муниципального управления, законодательные акты, социально-экономические нормативы или устав организации, должностные обязанности, контракты, экономические нормативы, организационные режимы и др. Для каждого пучка управленческих отношений (мы рассматриваем их как систему) на входе будет набор параметров (назовем их институциональными параметрами), которые носитель управленческих отношений (человек) обязан учитывать в выстраивании отношений в процессе подготовки, принятия и организации исполнения управленческого решения. На выходе этой системы будет управленческое решение, которое объект управления может и готов исполнить (принять). Институциональность параметров внешней среды как раз и определяет (гарантирует) возможность и готовность объекта к исполнению принятого решения. Положительная или отрицательная обратная связь дает оценку правомочности, правомерности, то есть уровня исполняемости управленческого решения.

Внутренняя структура относительно обособленной системы «управленческие отношения» достаточно сложна. Ее можно рассматривать в технологическом (функциональном), иерархическом и институциональном аспектах. Технологический аспект представлен этапами процедуры подготовки, принятия и организации исполнения управленческого решения. Управленческие отношения между людьми по поводу постановки проблемы; сбора, анализа и обработки информации; обоснования проекта решения; согласования проекта решения (оценка его институциональной состоятельности); уточнение и корректировка; принятие решения, его институционализация (приказ, постановление, распоряжение, поручение) и организация исполнения решения определяют технологическую (функциональную) структуру системы.

Если структура системы «управленческие отношения» в технологическом аспекте достаточно универсальна, то плотность этих отношений всегда конкретна, уникальна. Напомним, что управленческие отношения это субъект – объектные отношения. Субъект и объект взаимодействуют между собой. Импульсы (управленческие воздействия, то есть решения) субъекту содержащие информацию о том, как должен изменяться (действовать, функционировать) объект не могут не быть конкретны. Они должны быть сформированы на языке объекта управленческого воздействия, то есть в той системе понятий (параметров, показателей, характеристик), которыми может быть описан объект. В уникальности (конкретности) управленческих отношений как системы проявляется специфичность ее отношений с внешней средой.

Предположим, что два независимых субъекта, которых мы обозначим через А и В, — это руководители двух заводов, расположенных на берегу одного и того же водоема, реки или озера. Предполагая, что каждый из них имеет в своем распоряжении определенный ресурс (например, деньги) и может им распоряжаться по своему усмотрению. Условимся, что между ними нет никаких связей иерархического характера. Но другие связи, например, обусловленные особенностями процессов производства быть могут. Предположим, что каждый из них имеет некоторые «эгоистические» цели и стремится максимально увеличить прибыль собственного завода. Но для производства и жизни коллектива завода им нужна вода. Свежая, чистая вода. Но, так или иначе, вода нужна каждому предприятию, и каждому из субъектов приходится отчислять часть средств из собственного бюджета на очистку водоема и строительство очистных сооружений. Заметим, что эта ситуация удовлетворяет условиям монотонности, которые использовал в своих исследованиях Ю.Б. Гермейер: чем больше каждый из партнеров выделит денег (или других ресурсов) на очистку воды, тем большей будет степень достижения их общей цели – тем чище будет вода.

Данный пример демонстрирует систему управленческих отношений, которая генерируется внешней средой.

Институциональную структуру управленческих отношений составляют формальные и неформальные управленческие связи. Формальные связи регламентируются установленными в системе политикой, целями и процедурами. На практике они служат основой декомпозиции полномочий и ответственности между различными должностями. Поэтому система управления представляет собой «набор» формализованных связей или связей между «неодушевленными» ячейками организации. Неформальные связи появляются тогда, когда формальные связи не выполняют или не могут выполнить свою роль: либо не служат интересам человека, либо интересам организации. В основе неформальных отношений лежат отношения не между установленными должностями, а между замещающими их конкретными людьми. Такие отношения могут быть спровоцированы как симпатией или антипатией конкретных личностей, так и оппортунистическим поведением группы лиц.

Институциональная и иерархическая структура системы «управленческие отношения» диалектически связаны между собой. Так, уровни декомпозиции полномочий и ответственности между различными должностями определяют иерархическую структуру системы. Последняя выражена через вертикальные и горизонтальны управленческие связи. Вертикальные связи осуществляются между лицами, наделенными конкретным уровнем полномочий и ответственности. Они соединяют иерархические уровни в системе управления. Использование многоуровневых вертикальных связей в качестве каналов передачи информации для принятия и организации исполнения решений становится малоэффективным. В этом случае создается опасность возникновения искажения («эффект испорченного телефона»), замедляется коммуникационный процесс, растут затраты на управление. Горизонтальные связи – это связи между двумя или более равными по положению в иерархии или статусу личностями или группами лиц. Их главное предназначение – способствовать наиболее эффективному взаимодействию в процессе подготовки, принятии и организации исполнения управленческих решений. Они помогают укреплять вертикальные связи и способствуют оперативности управления при различных внешних и внутренних изменениях. Горизонтальные связи создают ряд важных преимуществ: экономия времени, повышение качества взаимодействия, развитие самостоятельности, инициативности, мотивированности поведения. В отличие от вертикальных, горизонтальные связи, за исключением матричной департаментизации, обычно не формализуются в ходе проектирования управления.

Подводя итог анализу управленческих отношений как системы следует выделить ее важнейшую отличительную особенность: интегрированность управленческих отношений. В такой трактовке система управления обладает главным признаком системы – ее элементы взаимосвязаны и характеризуются целостным единством. Система управления выступает как единство содержания (отношения между людьми по поводу подготовки, принятия и организации исполнения управленческих решений) и формы (структур системы управления). Именно изучение содержания и формы системы управления позволяет реализовать системный подход на диалектической основе. Последний предполагает определение внутренней противоречивости системы как целого, которая рассматривается как источник развития.

Примечания

[1] *Волков В.Н., Денисов А.А.* Основы теории систем и системного анализа: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Системный анализ и управление». Изд. 2-е, перераб. и доп. – СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2001. – 512 с.

[2] *Винер Н.* Кибернетика: Или управление и связь в животном и машине. – М.: Наука, 1983. – 344 с.

[3] *Майминас Е.З.* Процессы планирования в экономике: информационный аспект. Изд. 2-е, доп. и переработ. – М.: Экономика, 1971. – 390 с.

[4] Там же.

В.Ю. Мелихов, Ю.В. Беляева

КАПИТАЛ, ИНВЕСТИЦИИ, ЧЕЛОВЕК, СФЕРА ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ТРЕВОГА

С увеличением роли научно-технического прогресса в экономическом росте изменилось отношение экономистов-классиков к проблемам воспроизводства рабочей силы. Центр внимания ученых сфокусировался на проблемах создания качественно новой рабочей силы, в то время как ранее основными были проблемы использования имеющейся рабочей силы.

В России исторически сложилась самобытная национальная традиция отношения к труду, к получению образования и накоплению богатства, основанная на органическом сочетании материальных и духовно-нравственных критериев.

Традиционной основой для ведения хозяйственной жизни в России долгое время было «домостроительство», которое трактовалось как наука вести домашнее (национальное) хозяйство собственными силами для обеспечения достатка и изобилия на духовно-нравственных началах.

Основные принципы ведения хозяйства, изложенные в «Домострое», в дальнейшем развивались многими отечественными экономистами и оказали заметное влияние на эволюцию русской экономической мысли, в том числе и на такую его отрасль, как экономика народного образования.

Параллельно с отечественными исследованиями по инвестициям в образование в США и Европе начала развиваться концепция человеческого капитала. Оформление теории человеческого капитала приходится на конец 1950-х и начало 1960-х годов в США. На правах особого раздела она вошла во все западные учебники по экономике. У ее истоков стояли известные американские экономисты – представители так называемой «чикагской школы», – лауреаты Нобелевской премии Т. Шульц и Г. Беккер, Б. Вейсброд, Дж. Минцер, Л. Хансен. Позднее большой вклад в ее разработку внесли М. Блауг, С. Боулс, Й. Бен-Порэт, Р. Лэйард, Дж. Псахаропулос, Ф. Уэлч, Б. Чизвик и другие.

История возникновения категории «человеческий капитал» достаточно подробно изложена в фундаментальной работе В.С. Гойло. При этом упор делается на количественном анализе. Концепция «чикагской школы» предполагает, что вложения средств в образование, здравоохранение, миграцию и другие виды деятельности производятся ради получения больших доходов в будущем.

Эти затраты, или инвестиции, на производство человеческого капитала являются исключительно важными для семьи и для всего общества. К ожидаемой отдаче от инвестиций в человеческий капитал относятся более высокий уровень заработков, большее удовлетворение от избранной работы в течение жизни, а также более высокая оценка нерыночных видов деятельности.

Под человеческим капиталом понимаются знания, навыки и способности человека, которые содействуют росту его производительной силы «Человеческий капитал, – как определяют его большинство экономистов, – состоит из приобретенных знаний, навыков, мотиваций и энергии, которыми наделены человеческие существа и которые могут использоваться в течение определенного периода времени в целях производства товаров и услуг».

Он есть форма капитала, потому что является источником будущих заработков, или будущих удовлетворений, или того и другого вместе. Он человеческий, потому, что является составной частью человека.

В последние десятилетия утвердилась точка зрения, согласно которой капиталом является любой актив – физический или человеческий, обладающий способностью генерировать поток будущих доходов.

Рентабельность человеческого капитала исчисляется путем отнесения доходов от него к его стоимости. Этот показатель получил название «норма отдачи». Норма отдачи, по мысли экономистов – неоклассиков, выполняет те же функции, которые применительно к физическому капиталу выполняет норма прибыли, а именно – измеряет степень эффективности человеческих инвестиций и реализует их распределение.

Рассматривая соотношение инвестиций в человеческий и физический капиталы в США за период 1970–1990 гг. следует отметить его непрерывный рост. Об этом свидетельствуют данные таблицы 1.

Из данных таблицы 1 видно, что:

– расходы на образование превысили половину инвестиций в физический капитал;

© В.Ю. Мелихов, Ю.В. Беляева, 2006

Таблица 1

Соотношение инвестиций в человека и производственных капиталовложений в США (в % к производственным инвестициям)*

Сфера	1970 г.	1980 г.	1985 г.	1990г.
Образование	50	42	45	55
Здравоохранение	54	63	76	101
Социальное обеспечение	90	107	123	162
Всего по трем отраслям	194	212	244	318

*Источник: *Марцинкевич В.И., Соболева КВ.* Экономика человека. – М.: Аспект-пресс, 1995. – С. 47.

– инвестиции в человеческий капитал втрое превысили инвестиции в физический капитал.

И.В. Ильинский предлагает оценивать человеческий капитал, как сумму трех капиталов *К=Е(К*1+*К*2+*К*3*)*, где: К1 – капитал здоровья; К2 – капитал образования; К3 – капитал культуры.

Человеческий капитал (т.е. запас знаний и способностей, накопленных работником) может реализоваться только в труде своего обладателя.

Программное значение для концепции человеческого капитала получила вышедшая в 1974 г. книга Дж. Минцера «Образование, опыт и заработки». В ней показано, что связь заработков с образованием не остается постоянной в течение всей жизни работника.

В качестве наиболее точной меры экономической ценности образования была предложена «чистая приведенная ценность» (Net Present Value – NPV):

$$NPV = \sum_{t=0}^{n} \frac{B_t - C_t}{(1+i)^t}, \qquad (1)$$

где: *NPV* – «чистая приведенная ценность потока будущих доходов»; *B* – доход от образования в период времени *t*; *C* – издержки обучения в период времени *t*; *n* – число периодов времени; *i* – рыночная норма процента.

Сторонники теории человеческого капитала величину любого капитала определяют не ценой его производства, а экономическим эффектом от его использования. По мнению И. Фишера, использование капитала означает получение процента как универсальной формы любого дохода (заработной платы, прибыли, ренты). Дисконтируемая сумма будущих доходов и составляет величину применяемого капитала. Через коэффициент дисконта будущий доход приводится к настоящей, т. е. сегодняшней оценке:

$$1/(1+i)^t, \qquad (2)$$

где: *i* – текущая процентная ставка; *t* – число лет.

По мнению Г. Беккера, каждого человека можно рассматривать как комбинацию одной единицы простого труда и известного количества воплощенного в нем человеческого капитала. Следовательно, и заработную плату, получаемую любым работником, также можно рассматривать как сочетание рыночной цены его «плоти» и рентного дохода от вложенного в эту «плоть» человеческого капитала.

Г. Беккер вместе с Б. Чисуик разработали единую формулу для расчета доходов владельцев как человеческого капитала, так и физического капитала (собственности). По их мнению, применительно к владельцу человеческого капитала «общий заработок любого лица, после того как он закончил инвестирование в человеческий капитал, равен сумме доходов на эти инвестиции и заработков от его первоначального человеческого капитала».

Некоторые экономисты трактуют понятие человеческого капитала в монетарной трактовке. Например, М. Фридмен под человеческим капиталом понимает некий фонд, который обеспечивает труду перманентный (постоянный, непрерывный) доход. Перманентный доход представляет собой средневзвешенную величину ожидаемых будущих поступлений дохода. М. Фридмен рассматривает имущество и доход как взаимосвязанные явления.

Имущество может быть представлено в виде капитализированной стоимости будущего потока доходов, которая определяется посредством дисконтирования расчетов.

Большинство предложенных выше методов связывают инвестиции в человека с капиталом, исключение составляют исследования академика С.Г. Струмилина и В.А. Жамина, в которых выделены инвестиции непосредственно в образование.

В настоящее время такие международные организации, как ООН и Мировой банк (МБРР), используют для сопоставлений уровня развития разных стран синтетический показатель, названный «индексом человеческого развития» – ИЧР (HDI – Human Development Index), учитывающий среднюю продолжительность жизни населения,

уровень его образования и реальный ВВП на душу населения. Продолжительность жизни определяется как вероятная продолжительность жизни при рождении. Уровень образования измеряется путем установления уровня грамотности взрослого населения с учетом среднего числа лет, проведенных в школе. При расчете ВВП на душу населения используется специальная формула, в которой значительно ослаблена роль связи между доходами и развитием страны, так как разница между доходами на душу населения и уровнем бедности постоянно растет. В соответствии с размером данного показателя все страны мира делятся на три категории: с высоким, со средним и низким HDI.

Под влиянием экономистов-институционалистов был разработан индекс развития человека ООН (Human Development Index). Он основан на трех показателях:

– ожидаемая продолжительность жизни, измеряемая средней продолжительностью жизни для населения в возрасте от 25 до 85 лет;

– интегральный показатель уровня образования, включающий:

* долю неграмотного населения (этот индекс берется в рамках интегрального показателя уровня образования с удельным весом в 2/3),

* объединенный показатель доступности начального, среднего и высшего образования – доля учащихся в соответствующей возрастной группе (этот индекс берется с удельным весом в 1/3);

– уровень жизни, измеряемый реальным ВВП на душу населения (от 100 до 40000 долл.).

С 1990 г. ООН ежегодно публикует расчеты по этому индексу.

Среди специалистов индекс человеческого развития подвергается критике. Основная критика направлена на то, что данный показатель измеряет в значительной мере и сами способы, выбранные для измерения.

На наш взгляд, у этого индекса есть как положительные стороны, так и отрицательные. Создание такого индекса – это одна из попыток по-новому определить понятие экономического роста с тем, чтобы «развитие служило людям, а не люди – развитию».

Согласно ежегодному докладу экспертов ООН по индексу человеческого развития в 1997 г. Россия занимала уже 72-е место среди 174 стран мира, для которых был рассчитан этот показатель, тогда как еще в 1994 г. – 37-е место. Кроме того, для международных сопоставлений Мировым банком разработан и начал применяться перечень социальных индикаторов развития стран, в котором отдельным разделом выделяются «Инвестиции в человеческий капитал». В этом разделе содержится два блока: «Здоровье» и «Образование», которые в свою очередь детализуются в целой группе частных показателей.

В отечественной экономической литературе целостной методики оценки величины человеческого капитала на микро- и макроуровне нет. Также крайне незначительны и малодоступны необходимые для анализа статистические данные.

Таким образом, несмотря на существующую теоретическую разработку проблем человеческого капитала, вопросы его измерения проработаны недостаточно полно, а сами оценки величины этого главного богатства встречаются крайне редко, разрозненно и являются весьма противоречивыми.

Обычно дальше констатации факта важности человеческого капитала и признания необходимости научиться его измерять дело не заходит, ограничиваясь весьма туманными пожеланиями. И это вполне объяснимо. Одной методологии здесь недостаточно, нужны конкретные методики. Помимо того, что подсчет стоимостных значений сам по себе очень трудоемкий процесс, гораздо большее затруднение вызывают сбор, обработка и оценка достоверности необходимой статистической информации, тем более что требующихся данных в отечественной официальной статистике просто не содержится (например, образовательных цензов и информации о пожизненных доходах, необходимой для расчета внутренних норм отдачи).

Еще одна проблема заключается в том, что в связи с переходом России на систему национальных счетов многие текущие показатели стали несопоставимы с аналогичными показателями прежних лет, рассчитанными на основании балансов народного хозяйства, поэтому практически невозможно построить достоверные динамические ряды стоимостных показателей. Кроме того, в транзитивной экономике России многие показатели утратили реальное содержание и мало что показывают.

Все это вынуждает специалистов сосредоточить более пристальное внимание на натуральных показателях, не забывая, однако же, и о стоимостных. Наконец, еще одна трудность заклю-

Таблица 2

Изменение индекса развития человеческого потенциала и ВВП на душу населения в некоторых странах*

Место (из 174 стран) в 1997 г.	Страна	Индекс развития человеческого потенциала					ВВП на душу населения, в долл. США				
		1975	1980	1985	1990	1997	1975	1980	1985	1990	1997
1	Канада	0,862	0,879	0,901	0,924	0,932	11832	13509	14783	15895	16525
2	Норвегия	0,850	0,869	0,880	0,891	0,927	14517	17991	20634	21975	27620
3	США	0,865	0,885	0,897	0,911	0,927	15264	16756	18000	19652	21541
4	Япония	0,851	0,875	0,890	0,906	0,924	13825	16384	18691	22928	25084
6	Швеция	0,859	0,869	0,880	0,888	0,923	16049	16903	18346	20018	20309
7	Австралия	0,838	0,855	0,867	0,880	0,922	10439	11388	12328	13070	15186
11	Франция	0,848	0,864	0,875	0,896	0,918	12763	14564	15342	17485	18554
12	Испания	0,814	0,834	0,851	0,871	0,894	6415	6657	6992	8618	9591
21	Греция	0,792	0,814	0,835	0,846	0,867	4552	5338	5557	6044	6583
44	Польша		0,774	0,778	0,780	0,802		1687	1622	1559	1926
48	Венесуэла	0,740	0,753	0,761	0,780	0,792	3175	3022	2540	2537	2685
71	**Россия**		**0,753**	**0,769**	**0,786**	**0,747**	**2250**	**3219**	**3050**	**4507**	**2742**
Все развивающиеся страны						0,637	600	686	693	745	908
Восточная Европа и страны СНГ						0,754				2913	1989
Промышленно развитые страны						0,919	12589	14206	15464	17618	19283
Весь мир						0,706	2888	3136	3174	3407	3610

*Источник: Human Development Report, 1999.

чается в том, что некоторые активы человеческого капитала не поддаются непосредственной оценке, например, не существует какого-либо прямого способа измерения количества и цены человеческих способностей.

Поэтому исследователю приходится прибегать к разного рода опосредованным методам их оценки, использовать не только количественные, но и качественные, а также косвенные показатели. Отдельные такие показатели, позволяющие так или иначе оценить различные параметры человеческого капитала, предложены в настоящей работе.

Компонентами индекса развития человеческого потенциала (Human development index – HDI) являются средняя продолжительность жизни, уровень грамотности и совокупный показатель контингента учащихся, а также скорректированный ВВП на душу населения.

Для иллюстрации сказанного выше мы приводим выборку из таблицы, связывающую индекс развития человеческого потенциала с ВВП, и выполним некоторые расчеты.

Для выяснения степени зависимости ВВП от ИРЧП (индекса развития человеческого потенциала) мы рассчитали уравнение регрессии и коэффициент корреляции для России и США.

Результаты расчета для России имеют следующий вид:

$$ВВВ = -2{,}635 * 10^4 + 3{,}892 * 10^4 * ИРЧП, \quad (3)$$

при этом имеет место достаточно высокий коэффициент корреляции между двумя наборами данных (cor=0,876).

Для сравнения мы рассчитали аналогичную регрессию для наборов данных США. В результате получена следующая зависимость:

$$ВВП = -7{,}361 * 10^4 + 1{,}024 * 10^4 * ИРЧП. \quad (4)$$

При этом близкий к единице коэффициент регрессии составляет cor=0,994, т.е. можно утверждать, что зависимость между ИРЧП и ВВП для США имеет почти детерминированный характер.

Итак, вышеприведенные аргументы позволяют сделать вывод о том, что сфера образования и как и сфера инвестиций находятся в прямой взаимосвязи, определяемой местом и ролью человеческого капитала. Однако, возникает определенная теоретическая тревога по поводу конкретных расчетов, используемых в экономической политике российского государства.

А.Б. Степанов

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СООБЩЕСТВА ОБЩЕСТВЕННЫМИ БЛАГАМИ

Обеспечение любого сообщества общественными (публичными, социальными) или квазиобщественными благами можно осуществить с помощью ряда управленческих механизмов. Проблема осложняется наличием ситуации так называемого парадокса публичных благ, заключающейся в противоречивости в границах аксиоматики неоклассической экономической теории, которая сводится, по мнению А.Я. Рубинштейна к следующему.

С одной стороны, «фрирайдерство» (нежелание индивидуумов – так называемых «безбилетников» – платить за предоставляемые им общественные блага) «обуславливает нулевую оценку индивидуальной полезности общественных товаров, а тем самым и *нулевую общественную ценность* этих благ». Объяснение здесь таково: «если ни у одного индивидуума нет потребности в общественном благе, то в нем не может нуждаться и общество в целом». Причина такого подхода кроется в принципе методологического индивидуализма, на основе которого и строится логика подхода. Вместе с тем, с другой стороны, публичные блага, выступая «теоретически очевидным объектом государственной активности, должны обладать ненулевой общественной ценностью» [5, с. 10].

Для разрешения данного парадокса А.Я. Рубинштейн предлагает принять дополнительные предпосылки. Таким образом, речь идет о расширении аксиоматики неклассической экономической теории. В то же время, как нам представляется, можно решать проблемы, связанные с публичными благами, в рамках иной, нежели неоклассика, аксиоматики.

Традиционный способ решения проблемы общественных благ заключается: а) либо в производстве этих благ государственными предприятиями; б) либо в размещении государственных заказов на их производство среди частных компаний. В любом случае источником финансирования государственных расходов служат поступления от налогоплательщиков.

Но это решение проблемы – частичное. Оно не устраняет парадокса. Альтернативное решение – непосредственное подключение сообщества, которому предназначены эти самые блага, к их обеспечению. Его институциональной формой может служить «отношенческая» контрактация, реализуемая посредством различных механизмов управления, в качестве же структуры может выступать «социальная» корпорация.

Как известно, бизнес по своей природе двойственен: с одной стороны, он характеризуется как «производство благ и услуг для тех, из кого состоит общество», с другой – его сутью является «извлечение прибыли для тех, кто представил капитал для создания и работы бизнеса». Выступая в своей первой ипостаси, «бизнес стоит в одном ряду с формами хозяйствования, которые имеют другие институциональные характеристики»; в то же время нацеленность на извлечение прибыли «выделяет бизнес из других форм экономики». Каким же образом придать двойственной природе бизнеса цельность?

Одно из решений – сделать акцент на одном из двух сущностных признаков в определении бизнеса. Сторонники либеральной точки зрения отдают предпочтение бизнесу в роли машины по извлечению прибыли; ученые, решающие вопрос с позиций социальной функции бизнеса, – бизнесу в роли производителя благ и услуг. «Признак производства благ и услуг, – отстаивает последнюю позицию В.В. Зотов, – должен иметь приоритет при оценивании бизнес как экономического, социального и морального явления, так как в отсутствие производства благ и услуг извлечение прибыли не может быть оправдано морально». На наш взгляд, точка зрения В.В. Зотова, близкая нам по духу, нуждается в корректировке. Соглашаясь с ним по поводу того, что «этическая оценка бизнеса как такового, как и отдельных деловых предприятий, должна начинаться с вопроса: какой цели служат производимые ими блага и услуги – способствуют ли они процветанию общества или мешают его процветанию?» [7, с. 297–298], мы, тем не менее, должны констатировать наличие принципиальных проблем, связанных с осуществлением такой оценки.

Трудности этической оценки бизнеса сродни решению проблемы *социальной дилеммы*. Для увязки частных и общественных интересов не-

© А.Б. Степанов, 2006

обходимы дополнительные институциональные механизмы. Собственно говоря, В.В. Зотов это и предлагает сделать: придать проблеме моральное измерение, в соответствие с которым этика бизнеса будет служить в качестве своеобразного механизма принуждения к выполнению им самим этически поддержанных функций по производству благ и услуг, равно как и одновременного извлечения прибыли. Этика, предположительно, будет удерживать бизнес в «диапазоне самовыполнения» (*self-enforcing range*). Употребление в этом контексте термина из теории контрактов представляется оправданным. Известно, что возможность потерять репутацию удерживает ее обладателя от потенциального оппортунизма. Именно значимость фактора репутации и издержек, связанных с последствиями ее возможной потери, определяют «диапазон самовыполнения». Обычно, потенциальные участники контрактных отношений осуществляют специфические инвестиции и оговаривают условия контракта, рассчитывая не выходить за пределы диапазона самовыполнения.

Так и в нашем случае: этика, разделяемая деловыми предприятиями, должна предотвращать проявления оппортунистического поведения предприятий как в отношении друг к другу, так и бизнеса в целом в отношении к обществу. Проблема заключается в том, что бывают, однако, случаи (например, изменения рыночной конъюнктуры), когда той или иной стороне контрактных отношений становится выгодным осуществить вымогательство, невзирая на потерю репутации. В этом случае ценность квазиренты перевешивает в глазах оппортуниста-вымогателя ценность собственной репутации. Где гарантии, что этика сможет удержать бизнес в рамках самовыполняющихся обязательств? Вопрос остается открытым.

Второе решение – разделить бизнес, в соответствии с его двойственной природой, на две части: первая концентрируется на извлечении прибыли (разумеется, при определенных ограничениях со стороны общества, которое может и должно контролировать бизнес – само и/или через государство), вторая – на производстве благ и услуг. Нет ли здесь противоречия? Нет, если это производство будет нацелено непосредственно на удовлетворение общественных потребностей тех или иных сообществ, как это собственно и бывает в случае с предоставлением (локально) общественных благ. За предприятиями из первой части бизнеса оставим название деловых предприятий, за предприятиями из второй части – социальной корпорации [3; 5].

Аргументация в пользу существования и действия как минимум двух нетипичных для ортодоксальной экономической теории механизмов приводится в работе [1], посвященной анализу механизмов позитивного воздействия гражданского общества на экономическое развитие страны. Ими являются: производство организациями гражданского общества таких благ, которые не производятся ни рынком, ни государством, а также повышение эффективности использования ресурсов за счет выравнивания переговорной силы граждан в их взаимодействиях с бизнесом и государством.

Социальная корпорация является в определенной степени промежуточной: она выполняет предпринимательские функции, но это для нее не главное, она публична как частная (в смысле участия в ней группы граждан) и как государственная (в смысле предоставления благ для общественного – тотального или локального – употребления). При этом само понятие этих благ нуждается в пояснении. Пол Самуэльсон трактует «чисто» общественное благо как такое, которое, во-первых, должно быть неконкурентным в потреблении и, во-вторых – обладать свойством неисключительности (если благо произведено, то производитель не может препятствовать потреблению его кем бы то ни было другим).

Этическое и социально ориентированное поведение социальной корпорации – это то, что присуще ей по определению, но где гарантии того, что оно сможет удержать на этот раз не бизнес, а социальную корпорацию в рамках самовыполняющихся обязательств? Ответ, как нам кажется, следует искать в создании адекватных структур и механизмов управления отношениями внутри социальной корпорации. При этом следует учитывать, что границы социальной корпорации подвижны, а сама она является не столько корпорацией (как организационно-правовой единицей в привычном для деловых предприятий смысле), сколько межфирменной структурой. Особенностью этой структуры является то, что в ней могут быть представлены не только общественные и некоммерческие организации, но и деловые предприятия. Посредством соответствующей структуризации социальной корпорации можно добиться практической реализации приоритета при-

знака производства благ и услуг, о котором говорилось выше, над признаком извлечения прибыли, что станет решением проблемы двойственности бизнеса, проблемы социальной дилеммы.

Перейдем к обсуждению институциональных механизмов предоставления публичных благ, к вопросам управления этими процессами. Но предварительно, возвращаясь к теме свойств публичности благ (оно должно быть неконкурентным в потреблении и должно обладать свойством неисключительности), отметим, что создается впечатление, будто бы характер блага является *внутренне* присущей ему характеристикой. Такое понимание, однако, может привести к серьезным методологическим трудностям: как в таком случае объяснить, что одно и то же благо, скажем, здравоохранение в Великобритании трактуется как общественное (в соответствии с такой трактовкой и построена система британского здравоохранения), а США – как частное (существенная часть системы американского здравоохранения коммерческая, платная). Можно привести подобные примеры и с другими благами – образованием, охраной общественного порядка, социальным обеспечением.

Противоречия можно избежать, если допустить, что характер блага определяется не только его внутренними свойствами, но и *внешними* – по сути, институциональными чертами. То, что в рамках одной институциональной системы считается общественным благом, в рамках другой признается частным. Более того, одна и та же страна может в различные периоды своей истории может по-разному относится к предоставляемым в пределах ее юрисдикции благам. Отсюда, череда национализаций, денационализаций, наблюдаемых нередко в развитых странах. Меняются взгляды на характер благ, меняются подходы к их производству и распределению, изменения порою происходят чуть ли не волнообразно: маятник качнулся влево (необходима национализация, большая или меньшая, сопровождаемая переходом того или иного блага в разряд общественных), маятник качнулся вправо (набирают темпы процессы денационализации с переходом благ из разряда общественных в частные).

Обозначая публичные блага как *социальные*, можно подчеркнуть их институционально обусловленный характер – вне зависимости от того, считают ли агенты социальное благо, навязанным извне, пусть и не разделяемым ими, решением, или же они искренне полагают такой порядок вещей справедливым. Институциональная концепция блага позволяет также избежать ненужной дихотомии: благо ли общественное, либо частное. Если решение о его характере является конвенциональным, то таковым является и решение его предоставлении. Возможна ситуация одновременного предоставления блага как в роли общественного, так и в роли частного. Более того, в реальных системах так оно и бывает: частный характер предоставления услуг здравоохранения в США не означает полного отсутствия некоммерческого способа его предоставления, точно так же общественная система здравоохранения в Великобритании не исключает частных форм получения соответствующих услуг со стороны индивидов, желающих их получить и готовых платить за этот. Пример современной России тому подтверждение: у нас перемежаются частные и общественные формы предоставления одних и тех же услуг (если абстрагироваться от качества и эффективности), хотя вектор движения после начала либеральных реформ однозначен: он направлен от общественных благ к частным, сфера действия первых все заметнее суживается.

Вообще говоря, с различными структурами управления связаны различные риски. Так, риск оппортунистического поведения партнеров в межфирменных отношениях выше, чем в случае их взаимодействия на чисто рыночной основе, поскольку в рыночных трансакциях издержки переключения с одних партнеров на другие ниже и оппортунизм связан, прежде всего, с *ex ante* поиском потенциальных партнеров. До заключения сделки стороны свободны в своих действиях: они могут поступать так, как им заблагорассудиться. Это означает, что потребители могут выбирать нужного себе поставщика из числа присутствующих на рынке, соответственно и поставщики свободны в выборе потребителей. Но как только выбор партнеров осуществлен, то они оказываются связанными, и между ними устанавливаются отношения иные, чем были прежде. Такие отношения можно назвать «двусторонней монополией», а сам процесс их установления «фундаментальной трансформацией». В результате «то, что поначалу было конкуренцией в условиях большого числа участников торгов, в дальнейшем эффективно трансформируется в отношения двустороннего договора поставки», а сама изначально «безликая контрактация вытесняется той, в которой

большую роль играет парное соответствие участников сделки друг другу» [6, с. 118–119].

На наш взгляд, использование вместо структур механизмов управления процессом предоставления социальных благ в методологическом плане целесообразнее и эффективнее. Тем более, что за понятием социальной корпорации срывается все-таки не столько корпорация в смысле организационно-правовой единицы, сколько межфирменная структура, вбирающая в себя как коммерческие предприятия (корпорации), так и некоммерческие организации, в том числе и органы власти. И еще, употребление корпорации в этом понятии наводит на мысль о ее акционерном устройстве, что, по всей видимости, не входит в планы авторов понятия «социальная корпорация».

В теоретическом плане наиболее подходящую основу для обсуждения проблем формирования и функционирования институциональных механизмов управления межфирменными отношениями дает экономическая теория трансакционных издержек. Правда, в ней акцент делается на структурах управления (рынках, фирмах, гибридах), но вместе с тем рассматриваются и механизмы управления – будь-то формальные (*контракты*) или неформальные (*гарантии и доверие*). С трансакционной точки зрения смысл этих механизмов сводится к осуществлению эффективной координации взаимодействий, благодаря которой минимизируются риски оппортунизма – преследования личного интереса с использованием коварства.

Вопрос, на который необходимо дать ответ: какие механизмы следует задействовать в межфирменных структурах, ориентированных на предоставление социальных благ. В более фундаментальной постановке этот вопрос звучит так: являются ли формальные контракты, гарантии и доверие дополняющими или замещающими друг друга институциональными механизмами. Мы солидарны с точкой зрения, согласно которой они суть и то, и другое: в зависимости от обстоятельств роль этих механизмов может быть различной. Но одинакова ли роль этих механизмов? Контекст, разумеется, имеет значение и в этом случае. Тем не менее, в ситуации с предоставлением публичных, социальных благ, роль доверия как механизма управления, на наш взгляд, намного значительнее, чем роль контрактов и гарантий. Последние могут стать (при соответствующей организации процесса предоставления социальных благ) механизмами поддержки доверия, институциональным механизмом, основанным на уверенном ожидании благоприятного исхода потенциально незащищенных взаимодействий с другими агентами.

Для разработки управленческих механизмов обеспечения общественными благами полезным моет оказаться обращение к теории регуляции – одного из направлений институциональной теории, развивающейся с начала 1990-х годов во Франции. Согласно одному из авторов этой теории, под ним понимается сочетание механизмов, способствующих воспроизводству целого с учетом существующих экономических структур и общественных форм. Важно отметить, что теория регуляции отказывается от неоклассической идеи оптимальной организации, способной раз и навсегда гарантировать устойчивую экономическую динамику. При этом, способы регуляции экономических систем различаются во времени и пространстве. Согласно постулатам теории регуляции, рынок не формируется сам по себе, так как его повседневное функционирование предполагает наличие оформленной системы правил и «мировых судей», гарантирующих честное заключение сделок. Даже ситуация совершенно конкурентного рынка требует специально организованного общественного пространства, властных отношений и правовых норм, поэтому его нельзя исследовать только с экономических позиций, поскольку этот феномен – социально-экономический по определению. Государство для рынка, являющегося таким же институтом, как и другие, оказывается одним из важнейших регулирующих факторов. Робер Буайе категоричен в утверждении, что только государство может оказывать такие коллективные услуги, как учет долгосрочных перспектив и защиту общественных связей в тех случаях, когда тотальное распространение рыночных отношений может их разрушить.

В работе [4] предлагается точка зрения на теорию регулирования рыночного хозяйства, представляющую собой своеобразный симбиоз из элементов кейнсианства и монетаризма, формализованных в единый механизм саморегуляции. Чем выше саморегуляция, тем выше устойчивость системы – таков фундамент, на котором автор строит свою теорию. Для наших целей важно то, как Ремезков увязывает механизмы саморегуляции с целевыми социально-экономическими программами: последние суть первые. Под такими программами понимаются динамические саморегулирующиеся системы, деятельность всех

структурных элементов которых направлена на поддержание макроэкономического равновесия и создание благоприятных условий для функционирования рыночных институтов.

Если под таким ракурсом подойти к социальной корпорации, то окажется, что ее функционирование можно описать на языке программно-целевого планирования – тем более, что и программы, и социальная корпорация в современных экономических системах занимают промежуточное положение между государством и рынком, заполняя нишу с эффективностью, зависящей от гармоничного сочетания управленческих и хозяйственных механизмов обеспечения сообщества общественными благами.

Библиографический список

1. *Аузан А., Тамбовцев В.* Экономическое значение гражданского общества // Вопросы экономики. – 2005. – №5.

2. *Ерзнкян Б.А.* «Выращивание» структур социального сектора: проблемы публичности благ // Журнал экономической теории. – 2005. – №3.

3. *Макаров В.Л.* Социальные технологии на нижнем уровне / Препринт #WP/2004/175. – М.: ЦЭМИ РАН, 2004.

4. *Ремезков А.А.* Методологическое обоснование концепции государственного регулирования экономики // Научный электронный журнал КуБГАУ. – 2004. – №06 (8).

5. *Рубинштейн А.Я.* К вопросу расширения «чистой теории общественных расходов» (научный доклад). – М.: ИЭ РАН, 2007.

6. *Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. – СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996.

7. Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы. – М.: Экономика, 2002.

А.А. Васильков, Т.М. Василькова

ИНВЕСТИЦИИ В ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКУ, КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Переход к рынку вызвал потребность в формировании принципиально нового механизма инвестирования в развитие всех отраслей народного хозяйства, адекватного экономике рыночного типа. Период реформ ознаменовался резким сокращением капитального строительства и отставанием развития технологий производства от мирового уровня. Поэтому обновление производственных мощностей на новой технологической основе стало острейшей необходимостью.

В научной литературе предлагается множество трактовок понятия «инвестиции». Инвестиции – это долгосрочные вложения средств в целях создания новых и модернизации действующих предприятий, освоение новейших технологий и техники, увеличения производства и получения прибыли [1]. В Федеральном законе «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемых в форме капитальных вложений» от 25 февраля 1999г № 39-ФЗ инвестиции определяются как «средства (денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, имеющие денежную оценку), вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности с целью получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта» [4].

Анализ электроэнергетики Костромской области свидетельствует о том, что она характеризуется экстенсивным типом экономического роста, поскольку рост производства продукции в промышленности области связан с ростом инвестиций, но еще недостаточно эффективен. Так, за период с 2001 по 2005 годы в Костромской области выпуск промышленной продукции увеличился в 2,3 раза при росте инвестиций в основной капитал в 2,7 раза, затраты на электроэнергию возросли в 2 раза, выпуск сельскохозяйственной продукции возрос всего на 41,2% при росте инвестиций в эту отрасль в 2 раза, а затраты на электроэнергию практически пропорционально изменению объемов производства, увеличились на 43%. Потенциал результативности экстенсивных факторов экономического роста, определяемый вовлечением в общественное производство существующих производственных площадей и оборудования, исчерпан, поэтому реальным фактором развития региональной, как в прочем и национальной электроэнергетики, выступают

 © А.А. Васильков, Т.М. Василькова, 2006

инвестиции. В сложившихся условиях, перед экономической наукой встает проблема познания, описания и развития научно-обоснованных подходов инвестиционной политики и превращение ее в действенный фактор роста экономики, как отдельного региона, так и страны в целом.

Количественное и качественное совершенствование факторов экономического роста невозможно без инвестиций.

Инвестиционная политика определяет наиболее приоритетные направления капитальных вложений, от которых зависит повышение эффективности экономики, обеспечение наибольшего роста продукции и национального дохода на каждый рубль вложенных средств.

Проводя исследования в области инвестиционной политики электроэнергетики, следует заметить, что для повышения эффективности производства и передачи электроэнергии, в ней наметились тенденции к реализации исключительно высокоэкономичных проектов, отвечающих международным критериям эффективности и безопасности, что предполагает тщательную проработку бизнес-планов, ужесточение требований к отбору инвестиционных проектов и используемых технологий строительства, реконструкции и производства. Произошли значительные изменения в самой схеме управления процессом инвестирования. Производится тщательный мониторинг рынка подрядных работ и оборудования. Создается система привлечения поставщиков и подрядчиков исключительно на тендерной основе. С этой целью формируется Единый центр проведения тендерных торгов, на базе которого организуется Центр анализа конъюнктуры работ и оборудования в отрасли.

Эффективность использования капитальных вложений в значительной мере зависит от их структуры, которая может быть технологической, воспроизводственной, отраслевой и территориальной.

Под *технологической структурой* капитальных вложений понимают долю отдельных затрат (строительно-монтажные работы, приобретение машин и оборудования, проектно-изыскательские работы и пр.) в сметной стоимости. По сути, технологическая структура капитальных вложений формирует соотношение между активной и пассивной частями основных производственных средств.

Воспроизводственная структура капитальных вложений характеризует их долю по различным направлениям использования – новое строительство, реконструкция и техническое перевооружение производства, расширение действующего производства. Реконструкция и техническое перевооружение намного дешевле, чем новое строительство, так как сокращается срок ввода в действие производственных мощностей, и значительно уменьшаются удельные капитальные вложения. Однако в результате реконструкции уровень технологичности и эффективности производства остается на прежнем уровне и не позволяет применять более современные средства и технологии, что тормозит развитие как отдельно взятого предприятия, так и всей региональной экономики и народного хозяйства в целом.

Под *отраслевой структурой* капитальных вложений понимают их соотношение по различным отраслям или видам производств в рамках региона или народного хозяйства в целом. В условиях нестабильного финансового состояния большинства регионов при формировании отраслевой структуры предпочтение необходимо отдавать тем отраслям, в которых наименьший срок окупаемости капитальных вложений и имеется возможность быстрого наращивания объемов производства продукции. В частности в 2005 году по Костромской области в отраслевой структуре наибольший удельный вес занимают инвестиции в транспортную отрасль и связь (41,7%), обрабатывающие производства (36,5%), сельское и лесное хозяйство (5,2%), производство и распределение электроэнергии, газа и воды (4,9%).

Территориальная структура капитальных вложений – это их соотношение по отдельным экономическим районам, республикам, краям и областям Российской Федерации. На долю Костромской области приходиться лишь около 0,5% от общероссийского объема инвестиций в основной капитал и 1,8% от инвестиций в Центральном федеральном округ, что соответствует 11 месту из 18 регионов ЦФО.

Источниками инвестиций для электроэнергетики региона могут являться как внутренние, так и внешние ресурсы. Инвестиции могут финансироваться за счет:

– *собственных* финансовых ресурсов и внутрихозяйственных резервов инвесторов (прибыли, амортизационных отчислений, денежные поступления от ликвидации основных средств, накоплений и сбережений граждан и юридических лиц; средств, выплачиваемых органами страхования

в виде возмещения потерь от стихийных бедствий, аварий и др.);

– *заемных* финансовых средств инвесторов (банковских и бюджетных кредитов, облигационных займов);

– *привлеченных* финансовых средств (полученных от продажи акций, паевых и иных взносов членов трудовых коллективов, граждан, юридических лиц);

– *инвестиционных ассигнований* из государственного бюджета, местных бюджетов и внебюджетных фондов.

В условиях рыночной экономики основными источниками финансирования капитальных вложений в электроэнергетику должны являться собственные средства – прибыль и амортизационные отчисления. Как правило, амортизационные отчисления должны обеспечивать простое, а прибыль – расширенное воспроизводство основных фондов. Однако в результате либерализации цен произошло обесценивание амортизационных фондов предприятий, вызванное резким падением доли амортизационных отчислений в структуре производственных затрат. Как свидетельствует анализ источников инвестиций, на начальном этапе проводимых в стране реформ предприятия фактически лишились основного инвестиционного ресурса. Предпринятые меры по индексации амортизации, переоценке основного капитала, введению инструмента ускоренной амортизации в отношении высокотехнологичного оборудования привели к возрастанию объемов амортизационных отчислений. Однако, на наш взгляд, даже это не способствовало усилению реальной значимости амортизационных отчислений как инвестиционной составляющей. Характеризуя прибыль, как внутренний источник инвестиции, следует отметить достаточно низкий уровень рентабельности энергетического сектора (4,5% в 2005 г.). Это объясняется высоким уровнем постоянных издержек, низким коэффициентом использования производственных мощностей и целым рядом других обстоятельств.

Основными направлениями инвестиционной деятельности ОАО «Костромаэнерго» в 2006 году являлись новое строительство, реконструкция и техническое перевооружение энергетических объектов г. Костромы и Костромской области.

Прослеживается положительная тенденция наращивания объемов инвестиций в энергетическую отрасль. За период с 2003 по 2006 год объем инвестиций вырос на 684 млн. руб. или в 11,5 раз. С 2006 года ОАО «Костромаэнерго» в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 2.02.2004 №109 «О ценообразовании в отношении электрической и тепловой энергии в Российской Федерации» стало использовать плату за технологические присоединения в качестве одной из инвестиционных составляющих. Данный источник занимает 8% от всего объема инвестиций 2006 года, и превосходит размер направляемой на инвестиции прибыли, что свидетельствует о весомой роли данного направления привлечения средств для развития электроэнергетики региона. В период исследования ожидаемого спроса на технологическое присоединение, с участием автора были сделаны прогнозные расчеты возможных объемов заявок и поступлений денежных средств по заключенным договорам. По прогнозу в 2006 году от технологических присоединений должно было поступить 50496 тыс. руб., а к концу года ожидается получить 71124 тыс. руб., или на 20628 тыс. руб. (на 40,8%) больше, что подтвердило правильность выбранного направления совершенствования инвестиционной политики. С учетом обработки поступивших заявок и реальных возможностей выполнения работ по технологическим присоединениям были определены объемы инвестиций на 2007 год. Прогнозируемый объем поступления денежных средств от платы за технологическое присоединение в размере 239,8 млн. руб. будет составлять 55,5% от общего объема инвестиций в электроэнергетику области в 2007 году, что свидетельствует о расширении данного источника в 3,4 раза от достигнутого уровня. Выбранный путь инвестиционного развития по-

Таблица

Динамика инвестиции ОАО «Костромаэнерго», тыс. руб.

Направление инвестиций	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.*	2006 г. в % к 2003 г.
Капитальное строительство и другие финансовые вложения	28503	42937	59546	678307	в 23,8 раза
Техническое перевооружение и реконструкцию	36520	48646	62723	70734	193,7
Итого:	65023	91583	122269	749041	в 11,5 раза

* Прогнозные данные.

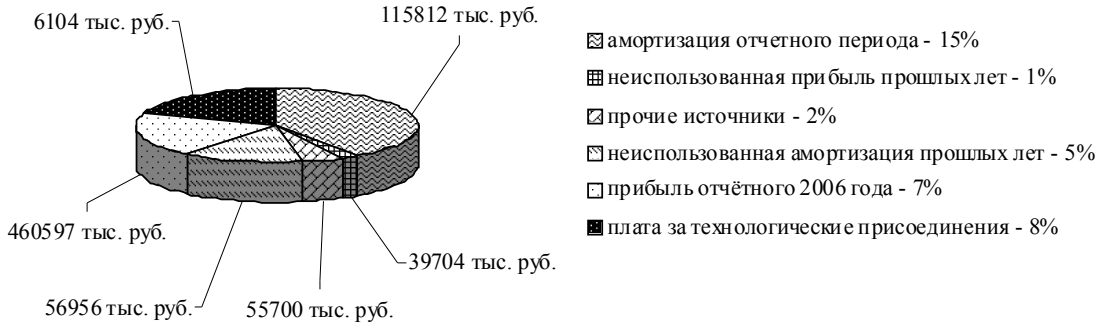


Рис. 1. Структура источников финансирования инвестиционных программ в ОАО «Костромаэнерго»

зволяет модернизировать ОАО «Костромаэнерго» без резкого увеличения тарифов на услуги по передаче электрической энергии.

В целом, характеризуя выполнение инвестиционной программы ОАО «Костромаэнерго» следует отметить, что были привлечены следующие источники (рис. 1):

– амортизация в сумме – 115812 тыс. руб. в том числе: 70,7 млн. руб. на объекты технического перевооружения и реконструкции, 45,1 млн. руб. на объекты нового строительства;

– неиспользованная амортизация прошлых лет в сумме – 39704 тыс. руб., которая была израсходована на объекты нового строительства распределительной подстанции 110 кВ в г. Шарья и двух воздушных линий электропередач 110 кВ Мантурово–Шарья в объеме 38,7 млн. руб.; и на 1 млн. руб. была приобретена функционирующая отходящая секция сетей 0,4–10 кВ с оборудованием;

– прибыль в сумме – 112656 тыс. руб., была израсходована на технологические присоединения 56,96 млн. руб.; на строительство 2-х воздушных линий электропередач 110 кВ Мантурово–Шарья 39,4 млн. руб.; на приобретение функционирующая отходящая секция сетей 0,4–10 кВ с оборудованием на 16256 тыс. руб.;

– прочие источники 14168 тыс. руб. – авансы по технологическому присоединению, полученные в 2006 году и направленные на строительство объектов по технологическому присоединению, ввод которых планируется в 2007 году;

– неиспользованная прибыль прошлых лет в сумме 6104 тыс. руб., израсходована на новое строительство воздушных линий электропередач 0,4–10 кВ в Макарьевском районе;

– кредиты ресурсы в сумме – 460597 тыс. руб., были направлены на строительство распределительных подстанций 110 кВ в Шарье и двух линии электропередач110 кВ Мантурово–Шарья.

Произведенные мероприятия по вводу систем контроля и учёта электропотребления, с передачей данной информации по каналам связи на узел АИИС КУЭ «Костромаэнерго» позволили повысить точность взаиморасчетов с потребителями и сократить затраты труда на обработку поступающих данных. Проведение данных мероприятий позволило значительно снизить вероятность возникновения аварий и выхода из строя силовых трансформаторов, сократить затраты на восстановление оборудования при возникновении токов короткого замыкания на шинах подстанций и снизить суммарный недоотпуск электроэнергии, сократить материальные затраты и срок поиска повреждения при восстановлении схемы электроснабжения потребителей, повысить безопасность работы обслуживающего персонала.

Представленные диаграммы структуры источников (рис. 1) и самих капитальных вложений в электроэнергетику Костромской области по направлениям использования (рис. 2) свидетельствует о значительном удельном весе привлеченных средств. Кредитные ресурсы составляют 62% от общего объема инвестиций, а платежеспособность общества остается достаточно низкой: коэффициент абсолютной ликвидности – 0,05 свидетельствует о том что лишь 5% долга предприятие сможет оплатить сразу; а коэффициент текущей ликвидности – 1,4 ниже нормативного [2] и показывает, что не всю часть краткосрочных обязательств предприятие может погасить, мобилизовав все оборотные активы.

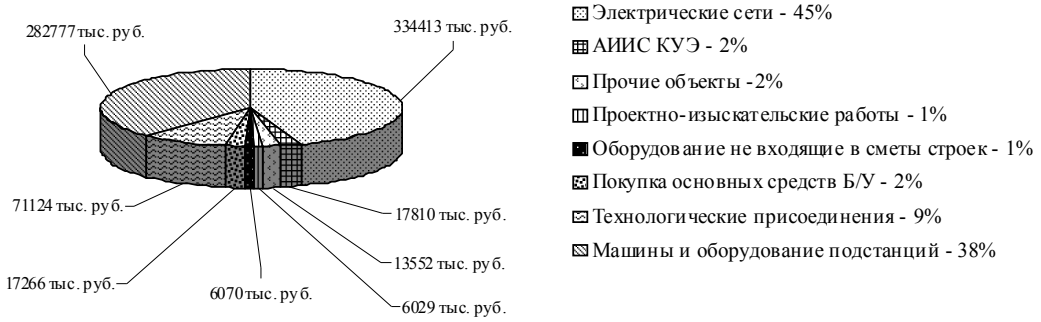


Рис. 2. Структура капитальных вложений в электроэнергетику Костромской области

Таким образом, в настоящее время внутренние инвестиционные резервы весьма невелики и не позволяют осуществлять крупномасштабное финансирование капитальных вложений. Поэтому предприятия энергетической сферы прибегают к поиску внешних источников инвестиционного капитала.

Соотношение между собственными и другими средствами зависит от следующих факторов:

– от приоритетности развития инвестируемых отраслей и регионов;

– от назначения объекта и заинтересованности в его развитии со стороны других организаций и служб;

– от экономического состояния и финансовых возможностей предприятия;

– от предпринимательских возможностей и авторитетности руководства предприятия.

Широкий спектр источников инвестиций стал доступен российским предприятиям благодаря либерализации экономики, развитию фондового рынка, финансово-банковской систем. В условиях расширенных возможностей по привлечению инвестиций актуализировался вопрос об экономической оценки целесообразности инвестиций.

Экономические оценки проводятся как для действующих предприятий, так и для проектируемых инноваций. При этом различия могут состоять только в применяемых для сравнения эталонах – нормативных сроках окупаемости, коэффициентах эффективности, банковских процентных ставок, не изменяя самой методологии и системы оценочных показателей.

Разработка методики экономической оценки эффективности капитальных вложений является одной из ключевых проблем экономической науки. Результаты научных исследований в этой области нашли отражение в типовых и временных методиках оценки экономической эффективности единовременных и текущих затрат.

В условиях перехода к рыночным отношениям возникла необходимость совершенствования системы применяемых показателей и методик, с учетом современных подходов, где значительно большее внимание уделено расчету общественной эффективности, подробнее освещены методы учета инфляции и различных аспектов фактора времени, рекомендован двухэтапный порядок расчета, в соответствии с которым на первом этапе разработки проекта его эффективность оценивается в целом, без учета схемы финансирования, а затем проект оценивается с позиций каждого его участника в отдельности.

Все методы экономических оценок можно классифицировать в двух плоскостях: по их новизне в отечественной практике–традиционные и современные; по отношению к фактору времени – без учета продолжительности процесса инвестирования и времени действия инвестиций и с учетом этого, т.е. без учета и с учетом фактора времени.

Современная наука использует всесторонне охватывающий подход, основываясь на котором следует умело применять теоретические методы в практике, что позволит избежать внедрения в производство мало эффективных технологий и техники. Очевидно, что вопросы совершенствования системы экономической оценки эффективности инвестирования следует рассматривать в тесной взаимосвязи с такими факторами, как эффективность производства, снижение энергоемкости и трудоемкости производства.

Библиографический список

1. *Самсонов В.С.* Экономика предприятий энергетического комплекса / В.С. Самсонов, М.А. Вяткин. 2-е изд. – М.: Высш. шк., 2003. – 416 с.

2. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (Вторая редакция) / М-во экон. РФ., М-во фин. РФ, ГК

по строи-ву, архитек. и жил. политике; руков. кол.: В.В. Косов, В.Н. Лившиц, А.Г. Шахназаров. – М.: ОАО «НПО» Изд-во «Экономика», 2000.– 421 с.

3. *Фабоцци Ф.Д.* Управление инвестициями. – М.: ИНФРА–М, 2000.

4. Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемых в форме капитальных вложений» от 25 февраля 1999г № 39-ФЗ.

5. *Timothy J. Gallagher, Joseph D. Andew.JR.* Financial Management Principles And Practice. Second edition // Instructor's Manual. – 2000. – New Jersey 07458. – 259 p.

Ю.В. Беляева

ШУМПЕТЕРИАНСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ С ПОЗИЦИЙ ЭВОЛЮЦИОННОГО АНАЛИЗА

Современная неоклассическая теория отражает абстрактное экономическое мышление, но многие исследователи, работающие в области эмпирического анализа отраслевой экономики, упрекают ее в том, что она не может уловить природу конкуренции там, где технологические инновации достаточно важны. Сожаления Шумпетера достаточно ясно выражают эту мысль:

«Вопреки учебникам в капиталистической действительности преобладающее значение имеет другая конкуренция, основанная на открытии нового товара, новой технологии... По своим последствиям такая конкуренция относится к традиционной как бомбардировка к взламыванию двери»[1].

Шумпетерианские традиции имеют особое значение в период становления постиндустриальной экономики. При этом эволюционный подход наиболее применим для динамического анализа экономических изменений как на уровне организации, так и на уровне отрасли, особенно если самым мощным средством конкурентной борьбы является инновационная деятельность. Это касается одновременно целого ряда явлений: отдачи от инноваций, возможности поддержания конкуренции в долгосрочном периоде, появления новых конкурентов, распределения долей фирм, факторов, обусловливающих структуру рынка и др. Преимущество эволюционного подхода очевидно, так как в нем особо выделяется роль обучения и пересматривается представление о рациональном поведении агентов, которые попадают в новые для себя ситуации.

В книге «Эволюционная теория экономических изменений»[2] Р. Нельсон и С. Уинтер исследовали несколько иные вопросы, связанные с анализом шумпетерианской конкуренции. В предложенной модели источник инноваций связывается с усилиями, потраченными фирмами на НИОКР. В ней присутствует запаздывание между внедрением инновации фирмой и ее имитацией конкурентами, но при этом отсутствует патентная защита. Крупные организации, как правило, производят большие затраты на НИОКР, чем мелкие. Успешная инновация приводит к росту прибыли фирмы (в абсолютной величине пропорционально ее размерам), а следовательно, эта фирма расширялась и начинала тратить больше на НИОКР.

Главный вопрос при анализе шумпетерианской конкуренции: имеет ли такой тип конкуренции тенденцию к саморазрушению посредством описанных выше механизмов, будут ли в результате возникать огромные и вечные монополии? В возможных моделях[3] такая тенденция действительно наблюдалась, но все же она сдерживалась противодействующими силами, в особенности теми, которые сильно зависели от источников технологических изменений.

Когда изменения возникают в виде импульсов извне (например, вследствие развития науки в целом или нововведений на смежных рынках), отделы НИОКР внутриотраслевых фирм начинают определять новые возможности, адаптироваться к ним и извлекать из них прибыль. Такой технологический режим может быть назван научным. А успешность инновации фирмы сегодня не обязательно гарантирует благоприятное положение в следующем периоде. Суть другого режима, при котором технологические изменения приобретают на уровне организации *кумулятивный* характер, заключается в том, что основа для улучшения технологии сегодня была заложена достижениями фирмы в предыдущем периоде. В наших ранних исследованиях, основанных на методе

© Ю.В. Беляева, 2006

симуляций, тенденция к возникновению и закреплению власти доминирующей фирмы была сильной, если технологическое развитие задавалось кумулятивным образом. В этом случае отстающие фирмы вряд ли смогут опередить в развитии лидера. С другой стороны, при «научном режиме» мелкая фирма имеет возможность найти новую технологическую комбинацию раньше своего более крупного конкурента; тем самым она преодолевает трудности, связанные с различиями в размерах и может догнать отраслевого лидера как в размерах, так и в расходах на НИОКР.

Когда появляется новая технология, то вместе с ней возникает и существенная неопределенность, как относительно способов развития самой технологии, так и относительно реальных потребностей покупателей. Оба вида неопределенности делают затруднительным ответ на вопрос, какой путь следует выбрать, чтобы наиболее успешным образом удовлетворить пожелания индивидов. Различные компании делают ставки на совершенно разные стратегии поведения. Новые фирмы постоянно пытаются войти на рынок со своими изобретениями, а предприятия, деятельность которых стала нерентабельной, вынуждены уйти. В какой-то момент благодаря общим усилиям определенный путь или целое множество путей развития становятся эффективными, а продукция новой технологии начинает занимать значительную долю рынка. Так постепенно появляется *доминирующий дизайн.*

Фирмы, продукция которых близка к доминирующему дизайну, процветают и доминируют над фирмами, производящими иной вид продукции, которым остается либо изменять свою технологию и переходить на доминирующий дизайн, что довольно тяжело и дорого, либо уходить с рынка. Когда дизайн выпускаемой продукции более или менее стабилизировался, фирмам становится все более выгодно заниматься инновациями самого организационного процесса. Постепенно все большее количество фирм в отрасли становятся более опытными, увеличивая и так уже заметный отрыв от потенциальных конкурентов. В результате новички уже не попадают в отрасль, в то время как многие существующие фирмы вынуждены покинуть рынок. Количество фирм в отрасли неуклонно сокращается, порой скачкообразно, несмотря на увеличение общего выпуска продукции. Типичный исход в подобной ситуации – сохранение лишь небольшого числа крупных фирм.

Хотя данный взгляд на жизненный цикл отрасли не является универсальным, справедливость его основных положений была доказана на примере различных отраслей[4]. Недавние работы С. Клеппера в соавторстве с другими учеными выявили существование общего феномена[5], предложили его теоретическую схему[6] и применили ее при анализе рынков шин, телевизоров и многих других[7]. Вышел в свет сборник, содержащий большое количество работ посвященных детальному исследованию истории отраслей; среди прочего там показано, в какой мере теория жизненного цикла подтверждается практикой[8]. Для определенных отраслей она действительно подтверждается.

Некоторые авторы сосредоточились на исследовании той роли, которую играет первоначальное знание новичков в различных отраслях[9], при этом особо выделяется значимость различных форм первоначального доступа к научной базе, важной для исследуемой отрасли[10]. Не все входящие в отрасль фирмы привносят элементы такого знания, но те фирмы, которые не используют эту возможность, как правило, находятся в невыгодном положении. Эта точка зрения на жизненный цикл отрасли проливает свет на такие важные явления, как разнообразие и зависимость от прошлого пути развития, которые были рассмотрены нами ранее. Разнообразие царит на ранних этапах отраслевого развития, когда основные процессы формирования технологии и дизайна не завершены. Сдвиг в сторону доминирующего дизайна служит примером работы механизма естественного отбора в экономике, который разрушает разнообразие. Отраслевая динамика базируется на самоподдерживающихся механизмах, которые создают зависимость от прошлого пути развития, делая невозможным возвращение на ранние этапы принятия решений и их изменение. Таким образом, критерии отбора рынком поведения фирм в эволюционной перспективе закладываются на ранней стадии отраслевого развития. На более зрелой стадии эволюционный процесс не будет иметь такого простора.

Очевидно, что развитие по теории жизненного цикла – не единственно возможный путь для отрасли. Эволюция может возникнуть в недрах «вечного шторма созидательного разрушения», столь особо выделяемого Щумпетером. Если невозможно обогнать в развитии доминирующую фирму, располагающую колоссальным объемом накопленных технологией, то могут возникнуть

более фундаментальные способы получения преимущества, поступающие в виде импульсов извне. Такие явления подтверждают жизнеспособность «научного режима». Например, экзогенное развитие науки может вооружить некоторых потенциальных конкурентов отрасли новыми конкурентными инструментами, которыми не обладают укоренившиеся фирмы.

Огромный массив литературы по теме развития технологии и менеджмента посвящен противодействию между укоренившимися фирмами и новичками. Многие факторы, влияющие на борьбу между ними, были обнаружены в результате этих исследований и признаны решающими в определенных случаях. Работа Р. Хендерсон и . Кларк показывает, что фирмы, давно оперирующие в отрасли, более подвержены риску в том случае, когда инновационные изменения затрагивают «архитектуру» системы, а не ее существующие «компоненты»[11]. Отмечая существенную разницу между основанными на науке кумулятивными механизмами развития, М. Тушман и Ф. Андерсон обнаружили, что существующие фирмы довольно слабо зависят от угрозы появления новой, «улучшающей знания» технологии, которая основывается на развитых ранее умениях, чего нельзя сказать о «разрушающей знания» технологии[12]. Когда укоренившиеся фирмы обладают основными специализированными активами, комплементарными к зарождающейся современной технологии, они могут обеспечить необходимое время для ее внедрения или, по крайней мере, для создания базы, необходимой для появления собственной модернизированной технологии[13]. Узкоспециализированные укоренившиеся фирмы оставляют открытым пространство для действия конкурентов, где те смогут беспрепятственно улучшать собственную технологию, создавая в конечном счете реальную угрозу для действующих фирм[14].

Все эти работы совместимы с эволюционным подходом[15] и даже могут считаться примерами эволюционной концепции. Ни в одной из них не используется логика предвидения, а в некоторых даже особо подчеркиваются слабости такого подхода. Все исследования основываются на постулате о преемственности поведения фирмы, согласно которому ее судьба в первом приближении определяется тем, как окружающая среда оценивает набор ее рутин, и только во втором – возможностью адаптации к новым условиям посредством организационных изменений.

В последнее время активно развивались теоретическая база, эмпирические исследования и исследования реальных аспектов шумпетеринской конкуренции. В своих ранних трудах, а особенно в «Теории экономического развития», Шумпетер выделяет главенствующую роль индивидуальных предпринимателей и новых фирм[16]. Его более поздняя работа «Капитализм, социализм и демократия» повествует о том, что инновационная деятельность стала «рутинизированной» и в реальности проходит в основном в научно-исследовательских центрах крупных корпораций[17]. Наличие двух точек зрения на роль новых фирм способствовало тому, что вслед за признанием различия между способами накопления знания (научным и кумулятивным) было признано и то обстоятельство, что отрасли могут отличаться своими «технологическими режимами», а это в широком смысле означает существование разных условий, влияющих на доступность и способы совершенствования необходимых знаний[18]. Некоторые ученые использовали эти идеи для ответа на вопрос, почему механизм вхождения на рынок путем инноваций различается по отраслям[19].

В течение четверти века после Второй мировой войны большинство читателей Шумпетера полагали, что режим, поддерживающий крупные научно-исследовательские центры корпораций – это современный режим, в то время как индивидуальный предприниматель и его новая фирма – лишь пережитки прошлого. История нескольких последних десятилетий ясно показывает преждевременность подобного суждения. Сегодня быстрый технологический подъем наблюдается в тех отраслях, где новые индивидуальные предприниматели предлагают рынку нововведения, базирующиеся на достижениях малых групп людей. В результате новички играют значительную роль и составляют большую конкурентную угрозу для крупных отраслевых компаний. Во многих случаях мы наблюдаем здесь «технологический режим», основанный на науке.

Анализ подобных режимов ставит несколько интересных вопросов, включая масштаб потенциальных конкурентов и вероятность объединения мощностей путем слияний и поглощений. Более ранняя история развития рынка биотехнологий является ярким примером действия «научного режима», но в то же время наглядной иллюстрацией случая комплиментарности активов – на сегодняшний день она является живым свиде-

тельством функционирования описанных выше механизмов. Эта история привлекла внимание многих авторов, которые анализируют ее с эволюционной точки зрения[20].

В качестве вывода можно утверждать, что методология эволюционной теории позволяет осуществить новое видение подходов, предложенных Й. Шумпетером для анализа процессов конкуренции.

Примечания

[1] Цит. по: *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995. – С. 128.

[2] *Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционная теория экономических изменений. – М.: Дело, 2002.

[3] Под моделированием понимается изучение моделируемого объекта (оригинала), базирующегося на взаимнооднозначном соответствии определенной части свойств оригинала и заменяющего его при исследовании объекта (модели) и включающее в себя построение модели, изучение ее и перенос полученных сведений на моделируемый объект – оригинал.

В зависимости от характера используемых в научном исследовании моделей различают несколько видов моделирования:

– Мысленное. К этому виду относятся самые различные мыслительные представления в форме тех или иных воображаемых моделей.

– Физическое. Оно характеризуется физическим подобием между моделью и оригиналом и имеет целью воспроизведение в модели процессов, свойственных оригиналу.

– Символическое. Оно связано с условно-знаковым представлением каких-то свойств, отношений объекта – оригинала (графики, схемы).

– Численное моделирование на ЭВМ. Эта разновидность моделирования основывается на ранее созданной математической модели изучаемого объекта или явления и применяется в случаях больших объемов вычислений, необходимых для исследования данной модели.

Метод моделирования непрерывно развивается: на смену одним типам моделей по мере прогресса науки приходят другие. В то же время неизменным остается одно: важность, актуальность, а иногда и незаменимость моделирования как метода научного познания.

[4] Лазеры являются одним из ярких примеров технологии, развитие которой не соответствует типичным шаблонам. Возможно, это связано с раздробленностью рынков, где могут применяться лазерные технологии.

[5] *Klepper S., Graddy E.* The Evolution of Industries and the Determii Market Structure // RAND Journal of Economics. – 1990. – Vol. 21. – №1. – P. 27–44; *Klepper S.* Industry Life Cycles // Industrial and Corporate Change. – 1997. – Vol. 6. – №1. – P. 145–181.

[6] *Klepper S.* Entry, Exit, Growth and Innovation Over the Product Life // American Economic Review. – 1996. – Vol. 86. – №3. – P. 562–583.

[7] *Klepper S., Simons K.* The Making of an Oligopoly: Firm Survival and Technological Change in the Evolution of the U.S. Tire Industry // Journal of Political Economy. – 2000. – Vol. 108. – №4. – P. 728–760; *Idem.* Dominance by Birthright: Entry of Prior Radio Producers and Competitive Ramifications in the U.S. Television Receiver Industry // Strategic Management Journal. – 2000. – Vol. 21. – №10–11. – P. 997–1016. Несмотря на то что теоретический взгляд Клеппера довольно близок к нашему, функционирование фирмы в краткосрочном периоде, по его мнению, лучше опирается близорукой максимизацией прибыли, чем наблюдаемой закономерностью в поведении.

[8] Sources of Industrial Leadership: Studies of Seven Industries / *R. Nelson, D. Mowery (*eds.). – N.Y.: Cambridge University Press, 1999.

[9] *Klepper S., Sleeper S.* Entry by Spinoffs. Working Paper / Carnegie Mellon University. 2000.

[10] *Winter S.* Schumpeterian Competition in Alternative Technological Regimes // Journal of Economic Behavior and Organization. – 1984. – Vol. 5. – Sept.–Dec. – P. 287–320.

[11] *Henderson R., Clark K.* Architectural Innovation: The Reconfiguration of Existing Product Technologies and the Failure of Established Firms // Administrative Science Quarterly. – 1990. – Vol. 35. – №1. – P. 9–30.

[12] *Tushman M., Hnderson P.* Technological Discontinuities and Organization Environments // Administrative Science Quarterly. – 1986. – 31 Sept. – P. 439–465.

[13] *Teece D.* Profiting from Technological Innovation // Research Policy. – 1986. – Vol. 15. – №6. – P. 285–305; *Tripsas M.* Unraveling the Process of Creative Destruction: Complementary Assets and Incumbent Survival in the Typesetter Industry // Strategic Management Journal. – 1997. – Vol. 18. – Special Summer Issue. – P. 119–142; *Henderson R., Orsenigo L., Pisano G.* The Pharmaceutical Industry

and the Revolution in Molecular Biology: Exploring the Interactions among Scientific, Institutional and Organizational Change // Sources of Industrial Leadership: Studies of Seven Industries. – P. 267–311.

[14] *Christensen C, Rosenbloom R.* Explaining the Attacker's Advantage: Technological Paradigms, Organizational Dynamics, and the Value Network // Research Policy. – 1995. – Vol. 24. – №2. – P. 233–257; *Christensen C., Bower J.* Customer Power, Strategic Investment and the Failure of Leading Firms // Strategic Management Journal. – 1996. – Vol. 17. – №3. – P. 197–218; *Christensen C.* The Innovator's Dilemma: When New Technologies Cause Great Finns to Fail. – Boston: Harvard Business School Press, 1997.

[15] *Скаржинский М.И., Чекмарев В.В.* Особенности методологии эволюционной экономической теории. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006.

[16] *Schumpeter J.* The Theory of Economic Development [1911]. – Cambridge: Harvard University Press, 1934 (*Шумпетер Й.* Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982).

[17] *Schumpeter J.* Capitalism, Socialism and Democracy (*Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия).

[18] *Winter S.* Competition in Alternative Technological Regimes // Journal of Economic Behavior and Organization. – Vol. 5. – Sept.–Dec. – P. 287–320.

[19] *Malerba F., Orsenigo L.* Technological Regimes and Patterns of Innovation: A Theoretical and Empirical Investigation of the Italian Case // Evoluving Technology and Market Structure / *A. Heertje* (ed.). – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990. – P. 283–305; *Breschi S., Malerba F., Orsenigo L.* Technological Regimes and Schumpeteriafl Patterns of Innovation // Economic Journal. – 2000. – Vol. 110. – №463. – P. 388–410; *Marsili O.* The Anatomy and Evolution of Industries: Technological Change and Industrial Dynamics. – Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2001; *Shane S.* Technology Regimes and New Firm Formation // Management Science. – 2001. – Vol. 47. – №9. – P. 1173–1190.

[20] *Orsenigo L.* The Emergence of Biotechnology. – L.: Pinter, 1995; *McKelvey M.* Evolutionary Innovations: the Business of Biotechnology. – Oxford: Oxford University Press, 1996; *Henderson R., Orsenigo L., Pisano G.* Op. cit.

М.В. Ковалев

ЦЕЛИ И МОТИВЫ ВСТУПЛЕНИЯ В ВИРТУАЛЬНОЕ ДЕЛОВОЕ СООБЩЕСТВО «СООБЩЕСТВО ЭФФЕКТИВНЫХ МЕНЕДЖЕРОВ»

Сегодня в бизнесе параллельно с реальной средой, в которой функционирует предприятие, создается виртуальный мир. Во внешнеэкономической сфере пространство виртуализации включает такие понятия, как электронный рынок, электронная коммерция, виртуальный продукт, виртуальное производство, виртуальная фабрика, виртуальный банк и, конечно, виртуальные организации (предприятие, корпорация) в целом.

Одним из первых термин виртуальное предприятие предложил Дж. Хопланд из фирмы DEC, который воспользовался аналогией с понятием виртуальной машины из области компьютерной техники. В виртуальной машине ни один процесс не может монопольно применять какой-либо ресурс, и все системные ресурсы считаются потенциально предназначенными для совместного (коллективного) пользования. Идея такого подхода к географически распределенным ресурсам в интересах общей работы над уникальными проектами или новыми продуктами стала общепризнанной трактовкой виртуальной организации.

Как пример такой организации мы рассмотрим виртуальное деловое сообщество (ВДС) «E-xecutive – сообщество эффективных менеджеров»[1], которое на данный момент является наиболее разработанным отечественным ресурсом в данной области. Отличие от стандартного виртуального предприятия заключается в том, что, во-первых, он является некоммерческим и, во-вторых, конечным продуктом для пользователей выступает преимущественно не материальная выгода, а объем полученных в ходе производства знаний, т.е. интеллектуальный (человеческий) и социальный капитал.

Итак, описываемое виртуальное деловое сообщество реализовано на основе фирмы Ward

© М.В. Ковалев, 2006

Howell International, которая занимается подбором руководящих кадров и кадрового консультирования, и состоит (виртуальное сообщество) из более чем 170 тысяч членов сообщества, включая 19162 CEO и руководящих менеджеров[2] огромных российских предприятий. Неужели все эти люди заинтересованы в поиске более привлекательных условий работы или ими движет нечто другое.

Для начала определим виртуальное деловое сообщество как добровольное объединение формально независимых субъектов в виртуальном пространстве для достижения определенной цели.

Итак, виртуальные деловые сообщества отличают четыре основные характеристики:

1. Сообщество есть добровольное объединение пользователей в виртуальном пространстве.

2. Сообщество предполагает наличие взаимодействия и отношений между его членами.

3. Сообщество структурировано и в нем существует информационная стратификация.

4. Сообщество имеет ограниченное членство, подразумевающее право доступа к информационным ресурсам сообщества и участия в его деятельности.

Так как цель любой экономической активности задается экзогенно, а именно максимизация прибыли, первоначально попробуем подтвердить данный утверждение применительно к участникам описываемого ВДС, после чего определим возможные мотивы вступления в данное виртуальное сообщество.

Среди экономистов широко распространенной является точка зрения М. Олсона, согласно которой «организация в принципе может служить своим членам либо увеличивая пирог, который общество производит, так что ее члены получили бы большие куски пирога даже и при прежней их доле, либо получая большие доли общественного пирога для своих членов»[3]. В группу не будут вступать новые члены, если она не обеспечивает получения селективных благ, доступных только членам группы. Такая политика снижает вероятность появления безбилетников, возникновение которых в процессе получения общественных благ является фактором, затрудняющим эффективное предложение для рынка. Поэтому справедливо обратное – угроза безбилетников приводит к тому, что наиболее эффективным производителем общественных благ становится государство, а не группа фактически равноправных членов; поэтому, если группа является узкой, объединяющей незначительную часть общества, то ее члены будут стремиться производить блага, имеющие ценность и достающиеся лишь для этой узкой группы. В противном случае, если группа объединяет лишь 1% общества, то ее членам достанется лишь 1% совокупного общественного выигрыша – в этих условиях ни один человек, максимизирующий свою полезность, не станет в этом участвовать.

Данная логика может быть сведена к следующим тезисам:

1. Любой человек, выбирающий между несколькими действиями, будет предпринимать то, которое по своим последствиям будет иметь большую ценность.

2. Выигрыш имеет большую ценность, чем проигрыш.

3. Любой человек выберет то, что прибыльно, а не затратно.

4. Вступая в сообщество индивид ожидает понести конкретные потери.

5. Индивид одинаково выиграет от коллективного блага, предоставляемого сообществом, будь он ее членом или нет.

6. Поэтому индивид будет вступать не в то сообщество, которое предлагает только коллективное благо, а в то, которое предложит селективные блага.

7. Значит сообщество должно работать на обеспечение селективных благ, которые превышали бы затраты от членства.

Описываемое ВДС предоставляют такие неколлективные блага (обеспечивая реализацию селективных стимулов) как рыночная статистика, техническая информация, консультационные услуги, получение новостных рассылок по тематическим интересам, online форумы, встречи бизнесменов, обмен информацией, доступ к рекрутерской базе данных, обучающие пакеты, общение с «золотыми» членами сообщества, получение обзора опубликованных книг по тематическим интересам, пр.

Согласно определению Тенниса «всякое объединение покоится на совокупности контрактов, которые каждый из его субъектов заключает с каждым, и эта совокупная договоренность, как бы вызывающая к жизни вымышленную личность, называется статутом – сводом правил, уставом. Статут наделяет объединение волей, назначая ему определенное представительство; он дает ему цель, но эта цель может быть только такой,

в отношении которой все контрагенты сознают свое единство…»[4] В приведенном определении особенно подчеркивается, что, несмотря на договоренности, направленные на интеграцию субъектов в единое целое, в своих действиях объединенные субъекты не формируют единство. В результате только принуждение может заставить работать такой «единый» механизм – в качестве самого эффективного средства принуждения Теннис называет деньги «как всеобщее покупательное средство»[5].

Существуют, однако, альтернативные теории мотивации, которые отталкиваются не от эгоистического расчета человека, а, наоборот, стараются сделать «экономического человека» более социальным.

С точки зрения Т. Парсонса, любое сообщество представляет собой систему «взаимодействия множества исполнителей ролей, поскольку она нормативно отрегулирована на основе общепринятых ценностей, а также норм, санкционированных этими ценностями»[6]. Парсонс подчеркивает, что сообщество будет иметь тенденцию к распаду, если члены, входящие в этот коллектив, будут руководствоваться исключительно эгоистическими интересами реализации частных целей: в этом случае не будет ни солидарности группы, ни ориентации каждого ее члена на коллектив, ни, соответственно, лояльности группе. Такая система не может существовать долго и эффективно, поскольку ее части рассогласованы. Значит для формирования интегрированной группы, которая эффективно реализовывала бы цели коллективной значимости, краеугольным камнем является единый, разделяемый всеми членами коллектива, ценностно-нормативный комплекс, закрепленный соответствующими институтами.

Т. Мо так же исследовал мотивы индивидов, вступающих в деловые сообщества и другие экономические союзы. Он выявил, что, наряду с достижением селективных благ, экспрессивные мотивы играют далеко не последнюю роль (*Moe T.* A Calculus of Group Membership // American Journal of Political Science. – 1980. – Vol. 24. – №4. – P. 629). Среди них он выделял такие, как фактор социального давления, чувство ответственности и идеологические обязательства. Более того, Мо утверждает, что чувство удовлетворения от поддержания группы само является селективным стимулом, поскольку часто не связано с достижением общей коллективной цели.

Другие исследователи – П. Кларк и Дж. Уилсон – создали трехчленную модель стимулов: материальные, целевые и солидаристские (*Clark P.B., Wilson J.Q.* Incentive systems: A Theory of Organizations // Administrative Science Quarterly. – 1961. – Vol. 6. – №2. – P. 134–136): к первым относятся различного рода материальные вознаграждения, ко вторым – непосредственно реализация поставленной перед сообществом цели (целей), к третьим – общение, самоидентификация с группой, поддержание и повышение социального статуса, расширение социальных связей.

Список стимулов вступления индивидов в деловые сообщества, составленный Р. Селисбери, представляет собой синтез логики Олсона и модели Кларка и Уилсона (*Jordan G., Halpin D.* Olson Triumphant, Recruitment Strategies and the Growth of a Small Business Organization // Political Studies. – 2004. – Vol. 52. – P. 433–435):

1. Селективный материальный (деньги, проценты, скидки).
2. Солидарный (социальное разделение рисков, страхование).
3. Селективный солидарный (принадлежность к группе, опора).
4. Целевой (повышение эффективности работы всего общества).
5. Селективный целевой (повышение эффективности своей компании).
6. Экспрессивный (личная удовлетворенность от достижения цели).
7. Предпринимательский (членство в группе открывает новые возможности для бизнеса).

Если рассмотреть преимущества, которые дает индивиду вступление в сообщество, то, по мнению М. Олсена, членство (*Knoke D.* Associations and Interest Groups // Annual Review of Sociology. – 1986. – Vol. 12. – P. 8):

1. Расширяет сферу частных интересов, в результате чего социальные задачи становятся более созвучны индивидуальным.
2. Расширяет сеть знакомств, что приводит к увеличению спектра новых видов активности.
3. Способствует активизации социального взаимодействия и развитию лидерских качеств.
4. Обеспечивает индивида многообразными каналами, посредством которых возможно повлиять на те или иные решения.

Более системной является концепция Нока и Райт-Исаака. На первом этапе они выделили сле-

дующие мотивы, которые индивид стремится реализовать, вступая в деловое сообщество[7]:

1. Рациональный выбор: соотношение выгод-затрат, максимизация полезности.

2. Аффективная привлекательность: эмоциональная привязанность к другим людям.

3. Нормативная деятельность: претворение в жизнь нормативных ценностей, достижение их повсеместного распространения.

Далее авторы указывают на то, что эффективная деловое сообщество для привлечения новых членов и удержания старых, должна предоставлять услуги, соответствующие вышеперечисленным мотивам индивида: услуги, максимизирующие индивидуальную полезность, будут привлекать рационально мотивированных индивидов, социально-рекреативные виды деятельности заинтересуют индивидов, нуждающихся в психологическом и эмоциональном разряжении, публичная политико-ориентированная активность (лоббизм) привлечет нормативно ориентированных людей.

Причем, с их точки зрения конгруэнтность будет прослеживаться как в мотивах индивида и услугах сообщества (стимулы), так и в тех видах деятельности, которые выполняет индивид в самом сообществе. Авторами выделяются чистые типы.

Комбинация первого типа мотивации и первого типа услуги приводят к тому, что индивид будет вкладывать много финансовых ресурсов в деятельность сообщества, но будет стараться избегать привязанности к группе и по минимуму участвовать в жизни и деятельности сообщества. Второе сочетание приведет к тому, что индивид будет активно участвовать в деятельности сообщества: посещать ее заседания, работать в комитетах и выполнять срочную работу в коллективе. Третья комбинация даст возможность индивиду работать скорее не внутри, а вне сообщества, ведя переговоры, например, насчет вопросов, затрагивающих интересы сообщества. Вследствие этого Нок и Райт-Исаак указывают на то, что услуги, которые предоставляет сообщества ее членам, являются центральным звеном, определяющим факт вступления и особенности «включенности» индивида в ее деятельность.

Итак, главный мотив вступления в ВДС – включение в сеть: завязывание знакомств, получение доступа к информации и селективным услугам, выработка доверия и возможность оказания влияния на формирование правил игры.

В целом, в основе системы мотивации лежит характер связи между возможностями, которые предлагает сообщество и потребностями ее членов, установками и ресурсами. Несовпадение спроса и предложения может пошатнуть экономику сообщества и привести к невозможности достичь ее коллективных целей. Поскольку сообщества развивают широкую сеть сложной системы достижения благ для ее разнородных членов, то она должна отдавать значительную часть своих ресурсов на эти задачи. При этом также нельзя забывать о финансировании целей сообщества, не связанных с привлечением новых членов и снижением вероятности возникновения проблемы безбилетника[8].

Примечания

[1] www.E-xecutive.ru.

[2] Статистика сайта E-xecutive на 01.01.2007.

[3] *Олсон М.* Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. – Новосибирск: ЭКОР, 1998. – С. 75–76.

[4] *Теннис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д.В. Селядиева; под ред. Л.Г. Позднякова. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2002. – С. 345.

[5] Там же. – С. 346.

[6] *Парсонс Т.* О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. – М.: Академический проект, 2002. – С. 575.

[7] *Knoke D.* Incentives in Collective Action Organization // American Sociological Review. – 1988. – Vol. 53. – №3. – P. 315.

[8] *Knoke D.* Associations and Interest Groups // Annual Review of Sociology. – 1986. – Vol. 12. – P. 10.

Н.В. Кучин

«ПРОВАЛЫ РЫНКА» В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Функция спроса, как известно, характеризует то количество товаров данного вида, которое потребители готовы приобрести при данной цене. В этом смысле различные цены представляют собой разные *оценки (предельной) общественной полезности* одной и той же продукции при различных объемах ее поставки на рынок. В свою очередь, функция предложения характеризует то количество товаров данного вида, которое производители готовы поставить на рынок при данной цене. Она является результатом суммирования индивидуальных функций предложения, в основе которых лежат издержки хозяйствующего субъекта (как действующего, так и потенциального) на производство продукции при различных масштабах ее выпуска. Поэтому кривая предложения отрасли представляет собой функцию *(предельных) общественных издержек* производства соответствующей продукции.

Свойственный свободному рынку механизм конкуренции производителей и потребителей приводит к формированию на каждом отраслевом рынке равновесного состояния, при котором цена устанавливается на таком уровне, что спрос и предложение уравновешивают друг друга; то есть предельная общественная полезность продукции оказывается равной предельным общественным издержкам ее производства. Поскольку это относится ко всем товарным рынкам, постольку это означает, что *рынок является инструментом выявления общественных предпочтений;* он при помощи свойственного для него алгоритма как бы «усредняет» индивидуальные предпочтения и приводит их в соответствие с имеющимися ресурсами.

Анализ рынка как механизма выявления общественных предпочтений позволяет прийти к следующим выводам.

Первое. В основе общественных предпочтений лежат предпочтения индивидуальные. Последние являются базовыми; их изменение приводит к изменениям в общественных предпочтениях. Отсюда – ложность тезиса об «объективном» (в смысле не зависимом от воли и сознания отдельных людей) характере общественных интересов.

Второе. Рыночный механизм выявления общественных преференций соответствует требованиям так называемой «эффективности по Парето» (с его помощью формируется такое размещение ресурсов, которое невозможно изменить, не ухудшив положения хотя бы одного хозяйственного субъекта).

Нормативный характер понятия эффективности – за денежными показателями скрываются субъективные предпочтения людей; поэтому изменение последних может приводить к превращению неэффективных решений в эффективные и наоборот.

Рассмотрим нерыночный способ формирования групповых интересов.

Рынок – лишь один из механизмов сведения множества индивидуальных интересов к общественному. Его неуверсальность связана с тем, что далеко не все индивидуальные предпочтения имеют возможность проявить себя на рынке. В теории выделяются следующие случаи.

Случай первый: *общественные блага.* Относится к категории благ, потребление которых одним лицом не может исключить их из потребления других лиц. Примеры: внутренняя и внешняя безопасность, научные знания. Проблема «безбилетников». Особенность знаний – частичного преодоления их характера общественного блага удается достичь при помощи засекречивания результатов исследований, а также патентной системы.

Случай второй – *побочные эффекты* (экстерналии). Относится к ситуации, когда производство того или иного блага сопряжено с позитивным или негативным эффектом для общества, не учитываемым рынком (например, последствия для окружающей среды).

Случай третий – естественно возникающие *нарушения условий совершенной конкуренции* (монополии, недостаток информации у хозяйственных субъектов и ее асимметрия). У монополий – выпуск устанавливается на уровне, при котором общественная полезность (цена) блага выше предельных издержек его производства. Пример недостаточности информации и ее асимметрии – ситуация с предоставлением услуг здравоохранения; последствия для экономического механизма в этой сфере.

© Н.В. Кучин, 2006

Случай четвертый – рынок может действовать, но *общество не согласно с результатами его действия.* Здесь – два варианта. Первый – *мериторные блага;* примеры: наркотики, с одной стороны, симфонические концерты (культурные услуги), с другой. Второй – *негативное отношение общества к ряду общих последствий функционирования рынка* (например, к высокой дифференциации доходов, распространению бедности, наличию значительных по размерам маргинальных слоев населения и т.п.). Отсюда – принятое в экономической теории деление на оценочные (нормативные) и позитивные суждения.

Причина расхождения результатов рынка и общественного мнения – наличие зависимости между индивидуальными функциями полезности. Люди не такие эгоисты, как это часто предполагается в теории, и наряду с желанием максимизировать собственное потребление они в большей или меньшей степени обладают альтруистическими устремлениями. Последние рынок по понятным причинам выявить не может.

Во всех случаях мы имеем дело с так называемыми *«провалами рынка»* в определении либо предельной общественной полезности, либо предельных общественных издержек. Отсюда – потребность в ином (нерыночном) механизме их определения. Правда, при формализованном изложении проблемы именно это обстоятельство иногда ускользает из виду. Пример с введением налога как средства повышения издержек до общественно нормального уровня при борьбе с загрязнением окружающей среды. Здесь акцент сделан на инструмент (налог), но нет ответа на вопрос: а как, собственно, должен определяться его общественно нормальный уровень?

Рассмотрим любую группу людей, для которых характерно наличие пересекающихся индивидуальных преференций (например, это может быть как группа, охватывающая любителей шахмат, так и население страны, нуждающееся в принятии решений по многим вопросам – от выделения средств на здравоохранение до борьбы с чрезмерным загрязнением окружающей среды). Во всех случаях формирование групповой преференции возможно только в том случае, если соответствующая группа тем или иным образом приходит к согласию в отношении алгоритма принятия решения по соответствующим вопросам, что делает последний легитимным в их глазах. Решения, принимаемые в соответствии с принятыми правилами игры, признаются отвечающими интересам группы. Поскольку эти решения могут не соответствовать интересам отдельных членов группы, постольку, наряду с требованием лояльности последних в отношении легитимно принятых решений, могут создаваться специальные механизмы принуждения (например, инструменты правоприменения в обществе).

Приведенные рассуждения являются в некотором смысле тавтологичными: для того, чтобы принять решение по тому или иному вопросу, нужно прежде принять решение о правилах принятия решений. Понятно также, что при такой трактовке групповых интересов последние теряют четкость, «расплываются»: оказывается, что конфигурация интереса прямо зависит от принятой процедуры его определения.

Важно понять, что эти кажущиеся «несовершенства» – свойства рассматриваемого объекта, а не пороки предлагаемой логической конструкции. Кажущиеся – потому что на деле именно такая трактовка групповых интересов помогает понять основу их динамики.

Проиллюстрируем последний тезис следующим образом. Рыночный механизм – один из мощных инструментов выявления общественных предпочтений на основе признаваемой его участниками процедуры обмена. Но этот механизм, как мы видели, в определенных ситуациях дает сбои. Эти сбои – основание для членов общества изменить процедуру принятия решений в отношении соответствующих сфер. Если результаты новой (смешанной) системы принятия решений удовлетворяют членов общества, то все хорошо – на данный момент найдена адекватная процедура выявления общественных интересов. Если нет – то поиск будет продолжен.

Для нас же здесь важны два обстоятельства. Первое – политическая система играет важнейшую роль в процессе формирования и реализации части общественных преференций. Отсюда – ее работоспособность представляет собой важнейшее условие нормального функционирования экономической системы.

Второе – в связи с этим мы должны уточнить понимание нормативного фактора экономического развития. Нередко он рассматривается как некоторое отклонение от экономической закономерности в силу ряда соображений ценностного характера. Но ведь эти закономерности сами насквозь пропитаны ценностными соображениями хозяйствен-

ных субъектов! Когда потребители расходуют свой доход на приобретение тех или иных товаров, определяя своими действиями размещение ресурсов в обществе, они действуют исключительно в соответствии со своей системой преференций. Отсюда – экономика не сводится к рынку; решения, принимаемые в рамках политической системы и затрагивающие размещение ресурсов, являются столь же, «объективными» (и столь же «нормативными»), сколь и те, которые диктуются рынком.

Е.М. Ласкина

ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ НА ПРИМЕРЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ ВЕДЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА

В современной экономике имеется целый ряд формальных и неформальных институтов, роль и значение которых трудно переоценить в системе экономических и социальных отношений. Большое внимание данному вопросу уделяет институциональная теория экономики, получившая в настоящее время признание и повсеместное распространение.

За относительно короткий срок своего существования институциональная теория если и не доказала свое преимущество по сравнению с другими теориями в анализе одних и тех же проблем, то по крайней мере, смогла обосновать свою самостоятельность в решении как методологических вопросов, так и вопросов, имеющих прикладное значение в сферах государственного, регионального и корпоративного управления, разрешении споров между хозяйствующими субъектами.

В процессе своей эволюции институциональная теория по разному трактовала категорию «институт». Традиционные институционалисты и их предшественники отожествляли институты с организованной формой деятельности людей. Под институтом понималось «организационное закрепление отношений в форме определенных социальных организаций (государство, профсоюзы, корпорации и т.д.)[1] Современный институционализм (неоинституционализм) понимает рассматриваемую нами дефиницию в первую очередь как совокупность правил. Нобелевский лауреат по экономике Дуглас Норт дает следующее определение – это «правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми»[2]. В рамках данного исследования мы будем понимать институт как некую организацию.

На территории регионального экономического пространства осуществляют хозяйственную деятельность ряд организаций, по сути своей представляющие разного типа интеграционные модели. Все они, различаются в зависимости от целей сотрудничества, характера хозяйственных отношений между их участниками, степени самостоятельности входящих в объединение предприятий. К примеру, создаются холдинги, финансово-промышленные группы, промышленные кластеры, стратегические альянсы, территориально-промышленные комплекс (ТПК). Однако, всю совокупность интеграционных моделей различного рода организаций в региональной экономике можно по критерию формализации разделить на формальные и неформальные организации.

В группу **формальных организаций** входят все организации бизнеса, государственные и межгосударственные институты и органы. Они регистрируются в государственных органах в установленных законом порядке и могут иметь статут юридического или неюридического лица. Основной их функцией является выполнение конкретных задач и достижение целей организации. Отношения между людьми регулируются различного рода нормативными документами: законами, постановлениями, приказами[3]. Одно из главных отличий формальной организации заключается, в том, что санкции за нарушение формальных правил носят организованный характер.

Формальная организация образует костяк административный структуры. Она напоминает пирамиду, горизонтальный срез которой характеризует систему требований функционального разделения труда, а вертикальный (иерархический) – отношение власти и субординации в виде системы подразделений, групп и рабочих мест[4].

Рассмотрим несколько формальных организаций, возникающих на территории региона, а также проанализируем созданную нормативно-

© Е.М. Ласкина, 2006

правовую базу для этих институтов, т.к. именно жесткая регламентация деятельности, установленная федеральными, местными законодательными актами позволяет относить данную организацию к группе формальных.

Территориально-промышленные комплексы (ТПК). Данный институт существовал в рамках плановой экономике в СССР, представляя собой промышленные комплексы. Н.Н. Колосовский пишет: «Под территориально-производственным комплексом понимается экономически обусловленное сочетание предприятий в одной промышленной точке или целом районе, при котором достигается определенный экономический эффект за счет удачного подбора предприятий в соответствии с экономическими условиями района, его транспортным и экономико-географическим положением»[5].

Многие отношения, возникающие в процессе формирования и развития ТПК, регулировались актами Госплана СССР, Госстроя СССР, Госснаба СССР и Министерства финансов СССР. К их числу можно отнести: постановление Госстроя СССР и Госплана СССР от 12 апреля 1976 г. об утверждении Положения о порядке проектирования, планирования и финансирования строительства объектов, общих для групп предприятий (промышленного узла); постановление Госстроя СССР от 12 февраля 1980 г. об утверждении Положения о службе единого заказчика по строительству в городах жилых домов, объектов культурно-бытового значения и коммунального хозяйства; одобренные Госпланом СССР Методические указания по разработке целевых комплексных программ по решению региональных проблем, формированию и развитию территориально-производственных комплексов и т. д.[6]

Но, несмотря на наличие определенного правового механизма в своей статье (опубликованное еще в 1984 г.) В.А. Перцик уделяет большое внимание «нерешенности» задач управления ТПК, разграничения полномочий, прав обязанностей между органами ответственными за реализацию программ и планов формирования ТПК, территориальными органами власти управления. Такое положение дел, свидетельствует о том, что еще в советской экономике не была окончательно решена проблема создания формального института промышленных комплексов.

Финансово-промышленная группа (ФПГ). Финансово-промышленная группа – это совокупность юридических лиц, действующих как основное и дочерние общества, полностью или частично объединивших свои материальные и нематериальные активы на основании договора создания ФПГ в целях технологической либо экономической интеграции для реализации инвестиционных и иных проектах программ[7].

Основными нормативно-правовыми актами, регламентирующими процесс формирования и функционирования ФПГ являются:

– Закон РФ от 30.11.1995 г. №190-ФЗ «О финансово-промышленных группах»;

– Указ Президента РФ от 05.12.1993 г. №2096 «О мерах по стимулированию создания и деятельности финансово-промышленных групп»;

– Постановление Правительства РФ от 23.05.1994 г. №508 «О порядке проведения экспертизы проектов создания ФПГ, представляемых на рассмотрение Правительства РФ»;

– Постановление Правительства РФ от 19.06.1994 г. №707 «Об утверждении Положения о порядке ведения реестра ФПГ РФ»;

– Постановление РФ от 16.01.1995 г. №48 «О программе содействия формированию финансово-промышленных группа»;

– Распоряжение государственного комитета РФ по управлению государственными имуществом от 26.01.1996 г. №106-р «О Порядке регистрации финансово-промышленных групп».

По сравнению с прочими интеграционными моделями, деятельность ФПГ носит высокую степень формализации, однако, в Гражданский кодекс РФ ФПГ не включены в общий перечень организационно-правовых форм хозяйственной деятельность.

Особые экономические зоны (ОЭЗ). Федеральным законом РФ от 22 июля 2005 г. №116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» предусматривается создание еще одной новой формы интеграции. Под особой экономической зоной следует понимать определяемую правительством РФ часть государственной и таможенной территории России, где действует особый режим ведения предпринимательской деятельности. Согласно закону, на территории РФ предусмотрены два типа ОЭЗ: промышленно-производственные площадью не более 20 км^2 и технико-внедренческие, площадью не более 2 км^2. Помимо уже законодательно утвержденных видов ОЭЗ планируется организация еще двух типов зон: туристко-рекреационные и пор-

товые зоны На территории ОЭЗ действует свободный таможенный режим, а также предусмотрена особая форма налогообложения.

По состоянию на начало 2006 г. на территории РФ принято решение о создании следующих ОЭЗ:

– Промышленно-производственные особые экономические зоны: Липецкая область (г. Липецк), Татарстан (г. Елабуга);

– Технико-внедренческие особые экономические зоны: Санкт-Петербург, Москва (г. Зеленоград), Московская область (г. Дубна), Томская область (г. Томск);

– Особая экономическая зона Калининград.

ОЭЗ не смотря на раннюю стадию своего распространения и развития являют собой пример полностью формальных организаций, ибо, во-первых, законом четко оговорены условия возникновения, виды деятельности, принципы ведения хозяйственной деятельности и пр., во-вторых, государство оставляет за собой право принятия решения о создании ОЭЗ на какой-то территории; в-третьих, при правительстве РФ организован контролирующий орган Федеральное агентство по управлению особыми экономическими зонами. Агентство находится в ведении Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации и осуществляет свою деятельность непосредственно и через свои территориальные органы и подведомственные организации во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

Холдинг. Холдинг – корпорация или компания, контролирующая одно или несколько юридических лиц с помощью акций, которыми она владеет.

Что, касается холдингов, то не смотря на их широкую распространенность в РФ, единого нормативного акта, пока нет, а готовившийся к принятию законопроект «О холдингах»[8] так и не был принят. В силу этого обстоятельства взаимоотношения с внешней средой регулируются отдельными положениями различных правовых актов общего назначения[9].

Гражданско-правовые аспекты деятельности холдингов в настоящее время регламентируются через категории основного и дочернего хозяйственных обществ (ст. 105, ст. 104 ГКРФ). Налоговые вопросы предусмотрены Налоговым кодексом (ст. 20) используя понятие «взаимозависимые» лица. Антимонопольное законодательство вводит свою собственную терминологию. Закон РСФСР от 22.03.1991 №948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» вводит понятия «группа лиц» и аффилированные лица. Корпоративное законодательство затрагивает вопрос о холдингах в рамках федеральных законов «Об акционерных общества» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». Таким образом, отдельные положения гражданского, налогового, антимонопольного, и корпоративного законодательства дают необходимые средства для ведения хозяйственной деятельности холдингов. В целом же холдинг можно определить как переходный институт между неформальными организациями к формальным.

Теперь перейдем к рассмотрению неформальных организаций. Теория организаций «**к неформальным** организация относят все институты семьи, дружбы, неформальных отношений между людьми. Они не регистрируются в государственно органе. Эти организации создаются на базе общих интересов в области науки, культуры, быта, спорта и др.Они имеют лидера и не ведут финансово-хозяйственной деятельности направленной на получение материальной прибыли»[10].

В отличие от формальной неформальная организация строится на принципах саморегуляции и самоорганизации. Неформальная организация не является жёстко структурированной. Здесь нет жёстко закрепленных стандартов, делающих организацию устойчивой, напротив, превалируют групповые нормы, а спонтанное взаимодействие придаёт гибкость организационному поведению. Если формальная организация опирается на жёсткую структуру отношений, зафиксированную в иерархии должностных функциональных позиций, то в неформальной подобная структура носит ситуационный характер. Таким образом, формальная структура создаётся отношениями между безличными должностными и профессиональными позициями, а неформальная – отношениями между живыми людьми в процессе их совместной деятельности[11].

В рамках регионального хозяйства, примером неформальной организации может послужить промышленный кластер, а также другие самоуправляемы организации.

Выделяют **основные принципа** неформальной организации, в том числе:

– Добровольная основа образования, участия, входа и выхода в организацию.

По своей сути неформальные институты являются самоуправляемыми. Это своего рода союз, альянс, объединение предприятий промышленности, образования, культуры, кредитно-финансовой сферы и др. институтов в рамках определенной территории (города, региона). Они не имеет жесткой структуры, их участники вправе самостоятельно принимать решение о вступлении (выходе), либо участии (неучастие) в отдельных их проектах. Членство в неформальных институтах носит исключительно добровольный характер. Позиция аутсайдера, может становиться малоприемлемой для самих предприятий/учреждений, которые находятся на одной территории с ней, но не вступают в нее по тем или иным причинам.

– Отсутствие карательных санкций за нарушение договорных отношений.

В силу отсутствия разработанной на федеральном, местном уровне нормативно-правовой базы по регулированию деятельности такого рода институтов, наказаний административного характера за отклонение от каких-либо правил и норм поведения быть не может, однако вполне возможно исключение «нарушителя» не желающего действовать в рамках неформальных, установленных в данной организации порядков.

– Отношения внутри неформальных организаций не управляются, а координируются.

Рассмотрим способ координации в неформальной организации на примере **промышленного кластера**. Не смотря на самоуправляемый характер кластера как организации, необходимо наличие определенной «платформы», где бы могли аккумулироваться накопленные членами кластера знания создаваться базы данных, прорабатываться вопросы взаимодействия с внешней средой. Данный функции можно возложить на некий Координационный центр. На наш взгляд, данный координационный орган должен носить надотраслевой характер, охватывающий все сферы деятельности членов кластера. На КЦ возлагаются функции координации финансовых рычагов управления, маркетинговая политика, централизации НИОКР, организация технологической цепочки между партнерами по бизнесу, подготовка кадров и ряд других общих вопросов касающихся всех участников кластера. Координационный центр концентрирует в себе функции, которыми в отдельности не наделен не один из участников кластера, в то же время он не обладает всей полнотой функций, которые присуще каждому отдельно взятому предприятию-партнеру.

– Опора на социальный капитал.

Соблюдение неформальных правил в большей степени опирается на социальный капитал, имеющий в своей основе репутацию участников рынка, уверенность в том, что другие знают эти правила и готовы их соблюдать, а не на силовые структуры государства[12].

– Высокая степень доверия в бизнес-среде.

По нашему мнению доверие в экономических отношениях, это особая форма согласования различных интересов на всех уровнях производства: Это мощный мобилизационный механизм; это гарантия устойчивого развития хозяйственных процессов. Это надежная переговорная платформа; это основа для объединительных процессов и многое другое. Доверие возникающее между партнерами является неотъемлемой частью ведения хозяйства внутри неформальных организаций.

– Правила и нормы в неформальных организациях не носят универсальных характер.

Как правило, нормы действующие в неформальных организация не являются универсальными, скорее они привязаны к конкретному сегменту рынка и отдельным группам индивидуумов. Часто они непрозрачны для стороннего наблюдателя и понять, как они работают, отнюдь нелегко.

– Социальное партнерство как норма отношений в неформлаьных организациях.

В научной литературе социальное партнерство характеризуется неоднозначно и многоаспектно. Одни понимают его как механизм взаимоотношений между государственными органами, представителями трудящихся и работодателями; другие – в более широком смысле, а именно, как специфический тип общественных отношений между социальными группами, слоями, классами, общностями и властными структурами[13].

Существует также два прямо противоположных представления о том, что такое социальное партнерство. Перове из которых, состоит в том, что социальное партнерство – это система взаимоотношений между наемными работниками и работодателями, которая приходит на смену классовой борьбе. Согласно второму – это способ согласования противоположных интересов, метод решения социально-экономических проблем регулирования конфликтов между классом наемных работников и собственников[14].

В исследовании М.Ю. Соловьева социальное партнерство рассматривается «как особый тип взаимодействия социальных групп, в том числе субъектов экономической деятельности, по тем вопросам, которые находятся в сфере их взаимных интересов. Социальное партнерство, направлено на то, чтобы на основе взаимного сотрудничества, консультаций и переговоров, обеспечить баланс социально-экономических интересов партнеров (работников, работодателей и государства) в разработке, принятии и реализации трудовой и социально-экономической политики. К объектам переговоров социальных партнеров можно отнести: собственность, прибыль, условия, труда, ресурсы, человеческий потенциал, технологии, информацию, власть, т.е. все то, что привлекает внимание партнеров, и способствует удовлетворению их интересов[15].

Членам неформальной организации в процессе ее формирования и функционирования приходится разрешать тот же круг спорных вопросов, а поэтому социальное партнерства должно быть философией неформальных отношений, а переговоры (как форма реализации социального партнерства) основным инструментом в достижении общих целей.

В случае реализации принципов социального взаимная выгода проявляется для всех его участников. А именно:

1. **Бизнес**. Проявляется в социальном и бизнес-эффекте для компании. Среди выгод, получаемых предприятием от участия в системе социального партнерства можно выделить: экономические (капитализация, продажи, страхование рисков, снижение операционных расходов); репутационные (имидж компании, лояльность сотрудников и клиентов); нефинансовые (влияние на региональные и местные сообщества, корпоративная культура фирмы и т.д.).

2. **Общество**. Проявляется в создании условий для повышения качества жизни отдельного индивида и общества в целом.

3. **Власть**. Проявляется в снижении затрат бюджета на финансирование социальной сферы, совершенствовании государственного и муниципального управления, развитии региона и повышении его рейтинга[16].

Неформальные организации обладают рядом преимуществ по сравнению с формальными. К преимущества можно отнести:

1. Возможность адаптации к меняющимся внешним условиям, предпочтениям внутри сообщества и иным экзогенным или эндогенным изменениям[17]. Действительно, в силу сложности организационных структур, многообразия связей (вертикальных и горизонтальных), строго подчинения нормативным документам, формальным организациям оказывается сложнее реагировать на быстроменяющиеся условиях во внешней и внутренней среде организации.

2. Адекватное отражение социальных проблем. Формальные организации во многом навязываются властью, а поэтому не в состоянии адекватно отображать социально-экономические процессы в данном регионе. Неформальные же организации базируюсь во много на межличностных отношениях, зная природу проблем «изнутри» способны быстро реагировать и выражать чаяния народа.

3. Возможность применения разных санкций в каждом конкретном случае (ведь кому-то достаточно строго предупреждения, а кого-то придется исключить из группы).

4. Неформальные организации при достижении своего масштабного распространения и утверждения могут перерастать в формальные.

Однако, не смотря на ряд преимуществ, которыми наделены неформальные организации, для их эффективного функционирования одних неформальных связей недостаточно. Дело в том, что неформальные институты могут включать широкий круг организаций, в целом же тенденция в бизнесе прослеживается к снижению персонифинизации. А при расширении числа участников неформальных организаций отношения с «чужаками» могут стать менее прочными. «Из-за анонимности отношений оказываются малоэффективными стратегии, подразумевающие разрыв каких-либо контрактов с нарушениями обязательств»[18].

Таким образом, можно, заключить, что даже созданные формальные организаций среди интеграционных моделей в региональной экономике, к сожалению, пока являются малоэффективными для регионов. Для осуществляющих свою деятельность ФПГ, холдингов по прежнему остро стоит проблема создания адекватной экономической ситуации нормативно-правовой базы. Формальные институты будут эффективными, лишь при условии совпадения интересов общества, государства, региона, муниципалитета, фирмы и в конечном итоге отдельного человека.

Примечания

[1] *Тарушкин А.Б.* Институциональня экономика. Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2004. – С. 19.

[2] *Норд Д.* Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. – Т. 1. – Вып. 2. – 1993. – С. 73.

[3] *Парахина В.Н., Федоренко Т.М.* Теория организации: Учебное пособие. – М.: Кнорус, 2004. – С. 80.

[4] http://upravlenie.fatal.ru/c7.html.

[5] *Колосовский Н.Н.* Теория экономического районирования. – М.: Мысль, 1968. – С. 42.

[6] *Пертцик В.А.* Организационно-правовые проблемы территориально-производственных комплексов // Правоведение. – 1984. – №1. – С. 65–75; URL: http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=185900.

[7] *Шапки И.Н.* Управление региональным хозяйством. – М.: КНОРУС, 2005. – С. 162.

[8] Проект Федерального закона «О холдингах» №99049555-2. В существующий редакции был принят Государственной думой Федерального Собрания РФ постановление от 27 июня 2001 г. №1696 –III ГД.

[9] Холдинг в России: правовой и налоговый статус // URL: http://www.roche-duffay.ru/articles/holdings_russia_p1.htm.

[10] *Парахина В.Н., Федоренко Т.М.* Теория организации: Учебное пособие. – М.: Кнорус, 2004. – С. 80.

[11] Формальные и неформальные организации // URL: http://upravlenie.fatal.ru/c7.html.

[12] *Кузьминов Я.* Институты: от заимствования к выращиванию // Вопросы экономики. – 2005. – №5. – С. 10–11.

[13] *Михеев В.А.* Политика социального партнерства: Учебно-методическое пособие. – М.: Изд-во РАГС, 1999. – С. 3.

[14] Государственное регулирования рыночной экономики / Под ред. В.И. Кушлина. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – С. 611–612.

[15] *Соловьев М.Ю.* Формирование инструментов управления экономикой региона на основе социального партнерства: Автореф. дисс. … канд. экон. наук. – Владимир, 2006. – С. 15.

[16] *Кузнецова О.* Комплексная модель взаимодействия власти, бизнеса и общественных организаций в стратегии развития региона // URL: http://bali.ostu.ru/umc/arhiv/2006/1/Kuznecova.doc.

[17] *Кузьминов Я.И.* Курс Институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контакты. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – С. 102.

[18] Там же. – С. 103.

С.Е. Кононова

КЛАССИФИКАЦИИ РЕГИОНОВ НА ОСНОВЕ КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА

Одной из задач, стоящих перед Европейским Союзом (ЕС), является выравнивание диспаритета в уровне развития регионов, что стало особенно актуально в связи с процессами расширения ЕС. По данным 2000–2004 гг. разрыв в уровне развития для ЕС в составе 15 стран по значению ВВП на душу населения составил 5,2 раза, в то время как для ЕС с учетом новых членов (27 стран) данный показатель составил почти 9 раз.

Несмотря на то, что экономику ЕС относят к постиндустриальному типу [1; 2], ряд регионов имеет структуру экономики соответствующую индустриальному типу, с преобладанием доли различных отраслей промышленности (в том числе добывающей) и сельского хозяйства. Одной из причин диспаритета является различие в структуре экономики регионов, что позволяет проводить целенаправленную региональную политику, направленную в первую очередь на изменения в структуре экономики регионов. В таблице 1 приведены основные макроэкономические характеристики регионов по данным Евростата.

Как видно из данных таблицы 1, наибольший разброс показателей наблюдается для доли сельского хозяйства в ВВП и уровня безработицы. Доля сферы услуг изменяется от 40% до 89%, причем эта тенденции сохраняется с 90-х годов XX века.

В ряде работ [3; 4] приведена классификация регионов стран Европейского Союза на основе группировки по нескольким параметрам. В качестве инструмента для проведения классификации использовались методы кластерного анализа [3; 4], которые реализованы в стандартном статистическом пакете SPSS v.12.0 [3]. В [5; 6] использовался иерархический метод, который позволяет найти нужное число кластеров. Мы использовали метод кластерного анализа, для которого подбор количества кластеров осуществляется методом перебора вариантов с последовательным

 © С.Е. Кононова, 2006

Таблица 1

Основные экономические характеристики регионов ЕС усредненные за 2000–2004 гг.

Показатель	Среднее значение	Стандартное отклонение	Максимум	Минимум
ВВП на душу населения	100	28	241	47
Доля сельского хозяйства	2,2%	6,3%	37,1%	0,2%
Доля промышленности	23,2%	7,0%	43,9%	10,9
Доля сферы услуг	74,6%	8,5%	88,5%	41,5%
Уровень безработицы	8,0%	5,4%	33,3%	1,2%
Уровень занятости	65,0%	8,4%	80,7%	38,5%

анализом результатов в отличие от [5; 6]. Выбор метода определялся следующими моментами:

– используется для большого массива данных (при делении ЕС на регионы по классификации NUTS-2 имеем 211 регионов);

– позволяет обойтись без привлечения серьезного математического аппарата теории вероятности и математической статистики [4] и все расчеты провести с использованием пакета SPSS [3];

– возможно приведение данных к одному масштабу – выравнивание средних значений.

При проведении кластерного анализа для нескольких переменных проводится расчет удаленности точек от центра. Расстояние вычисляется по стандартной формуле (1) для трех переменных:

$$R = \sqrt{(x_0 - x_i)^2 + (y_0 - y_i)^2 + (z_0 - z_i)^2}\,, \qquad (1)$$

где x_0, y_0, z_0 – координаты центра; x_i, y_i, z_i – координаты точки.

Из формулы (1) видно, что если одна переменная значительно превосходит другие, то ее вклад будет значительно выше вклада других переменных, и это исказит классификацию. Для преодоления искажения такого вида необходимо проведение коррекции значений. Это проводится в иерархическом кластерном анализе, а в нашем случае такая процедура осуществлялась при подготовке данных за счет выравнивания диапазонов изменения параметров.

В качестве переменных для целей классификации регионов, как правило, рассматривается ограниченный перечень стандартных макроэкономических показателей: ВВП на душу населения, структура ВВП по отраслям (сельское хозяйство, промышленность, сфера услуг), уровень безработицы, количество патентов на 1000 человек, уровень занятости и долгосрочной безработицы и другие.

При выборе переменных для классификации необходимо определиться с использованием всех трех составляющих ВВП. Так как они в сумме дают 1, то было естественное желание ограничиться только двумя переменными. Однако на основании анализа графиков, показывающих совместное распределение доли промышленности и сферы услуг, а также сельского хозяйства и промышленности пришли к выводу о необходимости классификации по всем трем составляющим: доля сельского хозяйства, доля промышленности и доля сферы услуг.

Следующий ключевой момент в классификации – количество кластеров. В случае простейшего разбиения каждой переменной на 3 группы: высокие, средние и низкие значения получаем 27 кластеров (3*3*3). Однако, на основании анализа гистограмм распределения долей указанных секторов экономики, пришли к выводу, что при классификации должно произойти объединение в меньшее количество кластеров.

Последовательное разбиение на кластеры и анализ полученной структуры проводился экспериментально: рассматривалось количество кластеров от 8 до 14, а затем проводился сравнительный анализ (по размеру кластеров, а также по разбросу параметров у элементов кластера). В качестве критерия разброса параметров брался стандартный статистический показатель, который определяется как отношение стандартного отклонения к среднему значению. В результате было выявлено:

– при числе кластеров 8–10 получаются достаточно большие группы, что не всегда удобно для анализа (слишком большой разброс параметров внутри группы);

– при числе кластеров более 14 происходило формирование кластеров с одним элементом.

Таким образом, пришли к выводу, что выбор 12 кластеров является оптимальным. Результаты разбиения на 12 кластеров приведены на рисунке 1.

Например, входящие в 3-ью группу 10 регионов имеют структуру экономики с очень низкой долей сферы услуг. Причем все эти регионы имеет повышенную или очень высокую долю сельского хозяйства, то есть этим регионам необходи-

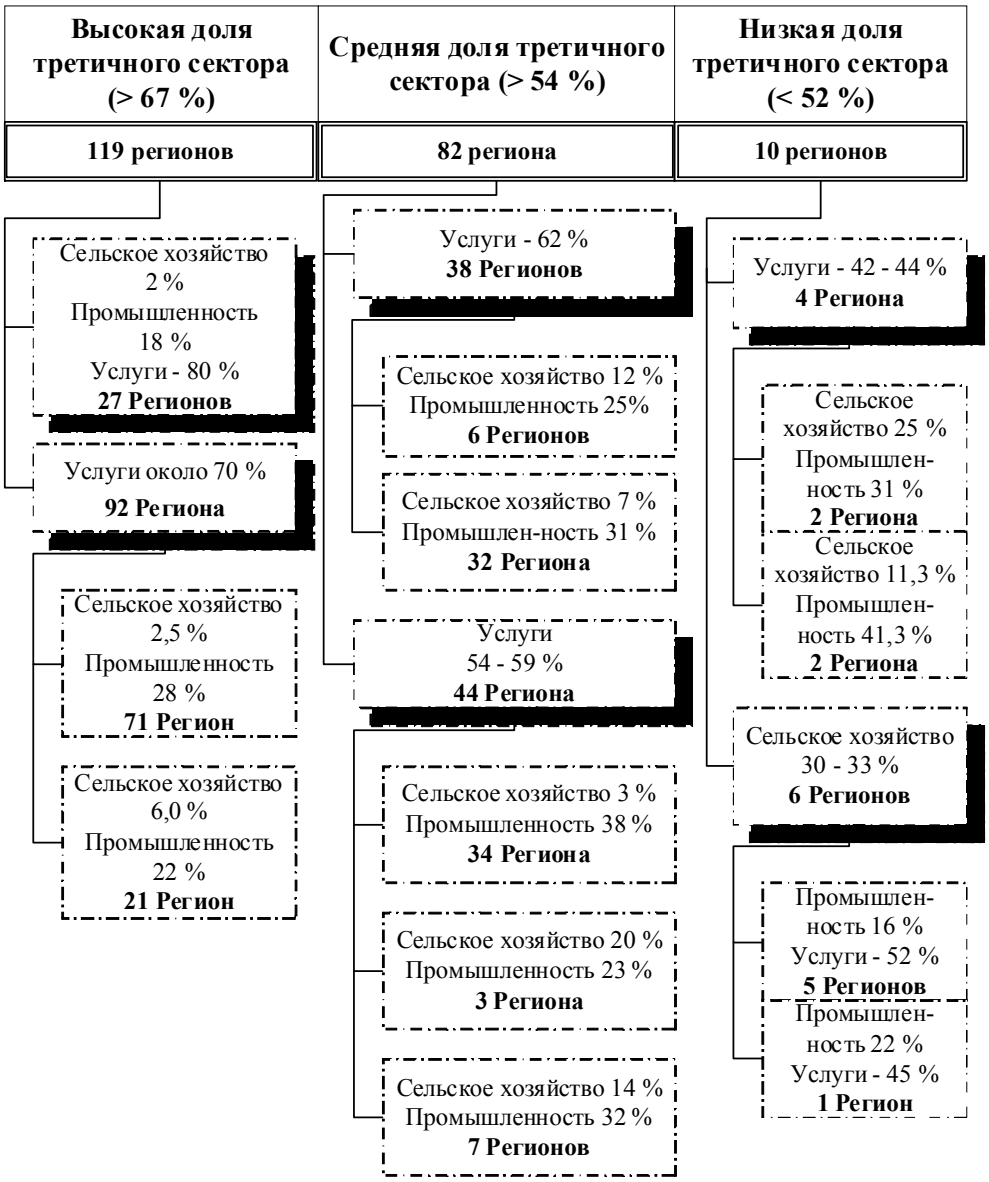


Рис. 1. Итоги разбиения на 12 кластеров (211 регионов NUTS-2)

мы значительные структурные изменения для перехода к структуре экономики постиндустриального типа. Как отмечается в [1] переход к постиндустриальному типу экономики длительный процесс и в рамках стран ЕС таких изменений не произошло, за исключением отдельных регионов.

Из 2-ой группы можно выделить 2-ую подгруппу, в которой 10 регионов имеют высокую долю сельского хозяйства, что также создает определенные проблемы в развитии региона. Это связано, главным образом, что в таких регионах производительность труда в сельском хозяйстве невысока. Только отдельные страны ЕС, такие как Дания и Нидерланды имеют высокую производительность труда в сельском хозяйстве. Но даже в этих странах она проигрывает производительности труда в высокотехнологичных отраслях промышленности и сферы услуг (в основном финансовая сфера). Дополнительным подтверждением обоснованности полученных кластеров является уменьшение разброса данных не только для переменных, по которым проводится классификация, но и по другим. Например, произошло снижение разброса в таких различных показате-

Таблица 2

Результаты разбиения регионов по кластерам (центры кластеров) для 4-х переменных (ВВП на душу населения и структура экономики)

Кластер	ВВП на душу	Доля сельского хозяйства	Доля промышленности	Доля сервиса	Количество регионов
ЕС	**100**	**1,4%**	**28,5%**	**70,1%**	**211**
1	209	0,78	17,4	81,7	4
2	129,7	2,0	18,4	78,0	14
3	123,4	3,0	27,7	68,9	19
4	109,3	3,4	38,6	58,1	28
5	88,3	3,0	25,2	70,9	47
6	86,9	3,6	32,0	64,3	44
7	74,8	11,1	28,5	60,8	24
8	73,6	11,3	41,4	47,3	2
9	70,5	5,1	17,8	76,7	18
10	65,9	23,2	32,4	44,4	3
11	58,2	33,3	17,6	49,2	5
12	57,3	23,0	18,7	58,4	3

лях как доля населения с определенным образованием (высшим или средним), количеством патентов на 1000 человек и др.

Наибольший интерес представляет проведение классификации по структуре экономики и ВВП на душу населения. Классификацию проводим по схеме деления на 12 кластеров. Выравнивание проводится таким образом, чтобы в пределах ошибки разброс значений для всех переменных находился в одном диапазоне.

Использование в классификации трех составляющих для ВВП позволяет определить следующим образом полученные кластеры (табл. 2):

– высокоразвитые регионы со значительной долей сервисных отраслей – кластер 1;

– развитые регионы (выше среднего уровня по ЕС):

* с повышенной долей сервиса – кластер 2;

* с высокой долей промышленности – кластер 3;

– развитые регионы со средним уровнем ВВП на душу населения:

* с высокой долей промышленности – кластер 4;

* с высокой долей сферы услуг – кластер 5;

* с повышенной долей промышленности и сферы услуг – кластер 6;

– регионы с уровнем ВВП на душу населения ниже среднего по ЕС:

* с повышенной долей сферы услуг – кластер 7;

* с высокой долей промышленности – кластер 8;

– слаборазвитые регионы с высокой долей сферы услуг – кластер 9;

– слаборазвитые регионы с повышенной долей сельского хозяйства и промышленности – кластер 10;

– слаборазвитые регионы с высокой долей сельского хозяйства – кластер 11;

– слаборазвитые регионы с повышенной долей сельского хозяйства и сферы услуг – кластер 12.

В 1-ый кластер попали столичные регионы ряда стран ЕС – внутренний Лондон, Иль де Франс (Париж), Брюссель и Люксембург. В 9-ый кластер в основном попали островные и удаленные территории Франции и некоторые другие (Гваделупа, Корсика, Мартиника, Реюньон, Гайана, Лангедок-Россиньель, Калабрия, Сицилия, Корнвиль, Флеволанд). 3-ий кластер составляют такие известные промышленные центры как Антверпен, Дания, Обербайерн, Бремен, Дармштадт, Ганновер, Дюссельдорф, Кельн, Северный Брабант, Зальцбург, Тироль, Мадрид, Вале д'Аоста, Чешир, Восточная Англия, Северо-восточная Шотландия.

Полученная классификация объясняет не высокие точности некоторых эконометрических моделей. Например, кластер 2 и кластер 9 имеют практически одинаковую структуру экономики, но существенно различаются по уровню ВВП на душу населения. При построении моделей связывающих уровень ВВП с темпами роста кластер 9 увеличит отклонение от модели. Это показывает, что причина расхождений находится не только в области структуры экономики, а может быть вызвана и другими причинами, например, уровнем безработицы или другими. Результаты классификации, приведенные на рисунке 1 и в таблице 2, в целом совпадают с результатами классификации [5; 6], несмотря на различие применяе-

мых методов. В ходе последующих расчетов проводилась классификация регионов ЕС с добавлением параметра «плотность населения» для проверки модели о взаимосвязи уровня ВВП и плотности населения.

Библиографический список

1. *Иноземцев В.Л.* Концепция постэкономического общества: теоретические и практические аспекты: Автореф. дисс. … д-ра экон. наук. – М., 1998.

2. Регионально развитие: Опыт России и Европейского Союза / Под ред. А.Г. Грандберга. – М.: Экономика, 2000. – 435 с.

3. *Бююль А., Цефель П.* SPSS версия 10: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей / Пер. с нем. – СПб.: ДиаСофтЮП, 2001. – 608 с.

4. *Сигел Э.Ф.* Практическая бизнес статистика. – М.: Вильямс, 2002. – 1056 с.

5. *Heidenreicht M.* The changing system of European cities and regions // European Planning Studies. – 1998. – V.6. – №3. – P. 315–332.

6. *Kronthaler F.* A Study of the Competitiveness of Regions based on a Cluster Analysis: The Example of East Germany. Working paper IWH #179.

В.Ю. Мелихов

ФОРМЫ ЭКСТЕРНАЛИЙ (ВНЕШНИХ ЭФФЕКТОВ ОБРАЗОВАНИЯ)

Попытаемся выделить наиболее значимые формы экстерналий, учитывая тот неоспоримый факт, что в массе случаев применяющие рабочую силу организации действительно получают выгоды, которые не стоили им никаких затрат. Однако предварительно следует ответить на вопрос: верно ли, что подготовленная за счет госбюджета рабочая сила ничего не стоила предприятию, если оно платит налоги и делает взносы в различные социальные фонды?

В широком обращении находится бытовая версия, что люди, получающие общественные блага с формальной стороны бесплатно, фактически оплачивают их, так как платят налоги и делают взносы в социальные фонды. Такой тезис, пожалуй, верен, если рассматривать государство как производителя общественных благ в целом, и одновременно противопоставлять ему общество в целом, во всяком случае, ту его часть, которая уплачивает налоги и делает социальные взносы. Такой версии соответствуют известные налоговые концепции[1]. Однако то, что верно в отношении целого, оказывается не совсем правильным применительно к отдельному индивиду. Приведем следующий пример. Любой из нас пользуется инфраструктурой городов (мощеные дороги, тротуары, озелененные участки, парки, вечернее освещение и т.д.), при этом люди часто бывают в других населенных пунктах, где также пользуются этими общественными благами без какой-либо оплаты. Вся эта инфраструктура формируется обществом и ее финансирование происходит на солидарной основе, когда миллионы людей делают соответствующие взносы, соответственно формируются различные фонды, за счет которых финансируется производство общественных благ. Человек за 40–45 или более лет своей трудовой жизни может уплатить налогов и взносов 1–2 млн. руб. и даже более, но ведь на 2 млн. руб. можно построить в лучшем случае 2 км асфальтированной дороги. В то же время этот же гражданин пользуется в течение своей жизни сотнями и, возможно, тысячами километров тех же асфальтированных дорог. С этой точки зрения можно говорить о том, что личность пользуется общественными благами, в том числе и образованием, если в таком качестве оно выступает, бесплатно, или, согласно экономике, он вступает в эту сферу с нулевыми издержками. Следует отметить, что термин бесплатности общественных фондов потребления или их льготности активно используется в экономическом учении марксизма. Кроме того, в дополнение к сказанному следует заметить, что люди в своих текущих поступлениях не предусматривают расходов на общественные блага, что естественно, но часть доходов расходуют на налоги и взносы. Для значительного количества семей, главным образом малооплачиваемых и частично со средними доходами, выгоды от общественных благ превышают текущие налоговые и социальные платежи; для гораздо меньшей части общества, главным образом состоятель-

 © В.Ю. Мелихов, 2006

ных людей, напротив, указанные расходы могут превышать выгоды от общественных благ.

Итак, предлагаем классификацию наиболее значимых внешних эффектов, связанных с образованием, включая и высшее, которое в контексте данных рассуждений рассматривается как общественное благо для того лица, которое стало его носителем.

1. Предприятие получает в свое распоряжение квалифицированную рабочую силу, подготовленную за счет государства. Можно говорить о синергическом эффекте совокупного рабочего предприятия. Если уровень подготовки данного работника выше среднего по предприятию, то в соответствии со всеми постулатами экономической теории он должен обеспечивать добавочную производительность труда, дополнительный эффект, который может быть связан с такими характеристиками, как выпуск продукции или выполнение работ, качество во всех его формах, уровень затрат и другие моменты. Особенно четко этот эффект может проявиться в тех условиях, когда формируются подколлективы, где средний уровень образования выше, чем в целом по предприятию. Однако необходимо отметить, что данный эффект может проявиться лишь только в том случае, если предприятие создает необходимые условия для реализации тех дополнительных потенций работника, которые приобретены им на основе более высокого образования, специальной профессиональной подготовки. В свое время в Советском Союзе было распространено такое положение, когда люди с высшим и средним техническим образованием занимали рабочие места, деятельность на которых по своему характеру не требовала такого уровня подготовки. Отчасти такая тенденция объяснялась тем, что заработная плата рядовых инженеров порой была ниже заработной платы высококвалифицированных рабочих, работавших на сдельщине и перевыполнявших норму выработки. Но вместе с тем исследование показывает, что люди более образованные достаточно часто умеют находить какие-то новые возможности поднять эффективность своего труда и этим самым в условиях сдельных форм оплаты повысить свои заработки.

В 1990-е гг. при переходе к рынку обнаружилось, что административно-управленческий персонал очень часто не в состоянии эффективно действовать в новых условиях хозяйствования. И в то же время приход на завод хорошо подготовленных менеджеров, к тому же прошедших стажировку, способствовал улучшению показателей работы предприятия. В этих условиях невооруженным взглядом виден эффект труда людей, знания, умения, навыки которых выше, чем в среднем по предприятию и, возможно, даже по отрасли[2].

Дополнительно отметим, что в данном случае появляются новые формы предпринимательской деятельности, которые изначально предполагают использование труда высокообразованных работников. Например, в условиях России активно развиваются холдинги, нормальное существование которых невозможно без высококлассных менеджеров, финансистов, юристов. Возникают совместные предприятия, где рядом трудятся национальный и иностранный капитал. На этих предприятиях заработная плата в среднем гораздо выше, чем в целом по промышленности страны, но это надлежит рассматривать как отражение применения сложного труда. Имеют перспективу те предприятия, которые технически строят свой бизнес на использовании компьютерных технологий и сетей. И в данном случае очень высокие требования к качеству подготовки рабочей силы.

2. Отдельно следует обозначить эффект мобильности рабочей силы, присваиваемый предприятием, государством, обществом, имея в виду разные аспекты: перемещение работника внутри предприятия, его переход на другое предприятие той же отрасли или в другую отрасль, его стремление повысить квалификацию или приобрести вторую профессию с целью поиска более выгодного места применения рабочей силы и др. Как известно, в современных условиях непрерывных структурных изменений люди в течение трудового периода (40–45 или более лет) могут несколько раз изменить место работы, при этом люди, получившие широкое профессиональное образование, обычно проще адаптируются к новым условиям труда, нежели те, у кого нет такого уровня образования или которые слишком узко образованы. В данном случае мы можем говорить об эффектах мобильности рабочей силы, связанных с тем, что восполняется недостаток рабочей силы на тех предприятиях или в тех отраслях, куда устремляются люди, вследствие этого предприятие или даже целая отрасль могут работать нормально. Это один момент. Другой момент связан с тем, что люди перемещаются на предприятия или в те сферы, которые в данных условиях выступают как авангардные отрасли или

как точки экономического роста. В данном случае эффект мобильности подкрепляет народнохозяйственный эффект структурных перестроек, а в итоге этих перестроек народное хозяйство приобретает более прогрессивную структуру и страна повышает свою конкурентоспособность. Далее, эффект мобильности можно рассматривать в межрегиональном аспекте, когда рабочая сила перемещается в более динамичные регионы. В современных условиях можно привести примеры с Подмосковьем и с самой Москвой, где сконцентрировалось очень много рабочих и специалистов из других регионов и даже из иных стран. Так, успехи в строительстве жилья в Москве в очень заметной степени можно объяснить за счет этого фактора. В качестве другого примера можно привести строительство элитного жилья в Подмосковье, на возведение которого широкого используются неместные рабочие. Но в этих суждениях, которые носят общий характер, нам важно выделить эффект перемещения образованной, квалифицированной рабочей силы, не растворяя эту тему в общей проблеме миграции. В 1990-е годы в стране имел место массовый исход высокообразованных людей, включая лиц с учеными степенями и званиями, за рубеж. В этом случае эффекты использования образованной рабочей силы для США, Германии и иных стран являются экстерналиями, причем очень значительными.

3. Эффект концентрации высокообразованной рабочей силы в ограниченном числе сфер деятельности и отраслей, находящихся на острие научно-технического прогресса, с учетом деятельности на международных рынках. Как показывает практика, сравнительно небольшое число стран – их несколько десятков – могут похвастаться успехами в этих областях. Но если сюда поступает рабочая сила, подготовленная за счет государства и даже за счет бюджета самого работника, то в этом случае налицо экстерналии. Правда, всегда следует иметь в виду, что повышенный эффект труда предполагает и более высокую оплату работников, однако теоретически дополнительная производительность труда и связанный с ней позитивный результат распределяются между работником и предприятием. В нормальных условиях предприятие обычно получает то, что мы называем внешним эффектом. Однако акцент в этой третьей позиции наших рассуждений все-таки надлежит сделать на тот эффект, который, в конечном счете, получает общество за счет развития мощных НИОКР и комплекса высокотехнологичных отраслей.

Образование вообще, включая среднее специальное и высшее профессиональное, – это тот удивительный феномен, который оказывает влияние едва ли не на все стороны жизнедеятельности общества[3].

4. Эффект сферы НИОКР, которая поставляет обществу разнообразные новые технологии, рассматриваемые как свод знаний, получающих практическое применение, выступающие как способ производства товара или оказания услуги. Следует прямо подчеркнуть, что эта сфера является прямым продуктом той деятельности, которая веками осуществлялась и осуществляется в области образования, подготовки кадров[4].

5. Следующая область, где наглядно обнаруживает себя внешний эффект образования, – это система производительных сил, где с одной стороны, применяются многообразные средства производства, являющиеся продуктом овеществленного труда и знаний, а с другой – действуют живые люди, являющиеся носителями знаний, умений и навыков, при этом в современных производительных силах выдающаяся роль принадлежит специалистам и управленцам, имеющим, как правило высшее профессиональное образование[5].

6. Обширнейшая область внешних эффектов – это экономика, рассматриваемая нами в качестве экономического базиса общества, т.е. как система производственных отношений, при этом, следуя традиции, мы можем выделить материальное и нематериальное производство. Такая классификация не может быть признана устаревшей, она еще обладает достаточными познавательными возможностями. В институциональном духе экономику можно рассматривать как систему институтов с их нормами и правилами, непосредственно с этим связаны вопросы экономического поведения хозяйствующих субъектов. Какое отношение ко всему этому имеют образование и конкретные лица, выступающие как его носители? С одной стороны, система экономических отношений совершенствуется в результате сознательных действий людей, познающих и использующих законы экономики. Это связано с функционированием образованной, квалифицированной рабочей силы. С другой стороны, сама экономика представляет собой «скопище» хозяйствующих субъектов – физических и юридических лиц, определенным образом взаимодейству-

ющих друг с другом в ходе производства, распределения, обмена и потребления созданных благ. Существующая статистика показывает, что в современном мире среди физических лиц, занимающихся хозяйственной деятельностью, непрерывно возрастает доля тех, кто имеет специальное высшее образование. Правда, это может соседствовать с процессами появления и развития зон малоквалифицированного труда (некоторые виды труда, связанные с использованием компьютера, типа счетной бухгалтерской работы, не приходится рассматривать в качестве труда высокой или даже средней квалификации). Однако это не исключает указанной нами тенденции.

7. Следующая сфера, в которой очень сильно проявляются внешние эффекты образовательного фактора, – это социальные отношения, рассматриваемые вне экономики и вне системы производительных сил. В данном случае речь идет о той совокупности связей и отношений, которая связана с так называемыми социальными потребностями людей (необходимость получения работы с достойной заработной платой, гарантий различных прав и свобод, соблюдения принципа социальной справедливости, безопасности личной жизни, полноценного общения и др.). В данном случае мы придерживаемся того мнения, которое, возможно, не является бесспорным и может дискутироваться, что рост образованности населения вместе с тем стимулирует возрастание роли морально-этических ценностей. Современные взгляды не показывают, что во всех частных случаях такая связь отличается высокой степенью тесноты, однако применительно ко многим факторам жизни можно говорить о наличии такой связи. Но лишний раз подчеркнем, что тесная зависимость все-таки отсутствует. Важен еще один аспект, о котором приходилось говорить, – это рост доходов людей на базе растущего среднего уровня образования, формирование так называемого третьего, среднего класса, и создание на базе этого благоприятных условий для социального спокойствия в обществе. Это колоссальной важности внешний эффект, выступающий как результат действия совокупности факторов, среди которых достойное место занимает образовательный момент.

8. Область эффективного воздействия сферы образования и реально действующих образованных людей – это духовная жизнь общества. Замечено, что она тем полноценнее (при прочих равных условиях), чем более образованным является общество. Однако и в данном случае существует множество всякого рода исключений, порой носящих массовый характер. Например, «избыточность» индивидуализма в поведении людей нельзя истолковывать, во всех без исключения случаях, как фактор развития духовной жизни. В то же время коллективистское начало с этой стороны является действительно позитивным моментом. В настоящее время принято в связи с духовной жизнью широко говорить о пользе религии, в этом отношении особенно активны те, кто высказывается за православную веру, особо выделяя ее гуманистические начала. Подобного рода вопросы выпадают из поля нашего исследования. Но в то же время следует заметить, что религия в той степени, в какой она внедряет в сознание верующих идеи добра, любви к ближнему и т.д., делает свой позитивный вклад в развитие духовных начал в обществе. Выясняется, что среди людей с высшим профессиональным образованием немало верующих, знание причудливо совмещается с верой в потусторонние силы.

9. Еще одна область – это отношение людей к природе, экологическая составляющая жизнедеятельности общества. В связи с этим, с одной стороны, важна чисто экологическая образованность людей (это выступает как элемент гуманитарной составляющей любого профессионального образования), с другой – развитие чувства ответственности, чему исследователи придают огромное значение. Понятно, что борцам за чистоту планеты проще работать с людьми образованными, знающими, нежели с малограмотной или неграмотной массой людей. В настоящее время широко распространены идеи устойчивого развития общества и экономики, в рамках которых весьма серьезное значение придается критике общества массового потребления и необходимости сообразовывать человеческую деятельность с законами внешней природы, с тем чтобы восстановить и затем поддерживать экологическое равновесие на планете.

10. Следующая область действия образовательного фактора связана с международным аспектом. В настоящее время одним из дежурных вопросов в экономической теории, в социально-экономической практике является глобализация, имеющая объективный процесс и в то же время весьма неоднозначно воздействующая на разные страны и народы. В связи с глобализацией мы, сообразно с нашей темой, подчеркнем следующие моменты. Один из них связан с международным рынком труда, который во все большей сте-

пени наполняется образованными, квалифицированными и в особенности высококвалифицированной рабочей силой. Как отмечалось, положительные экстерналии возникают в тех странах, которые вообще не имели никакого отношения к затратам на подготовку мигрировавшей в них рабочей силы. Другой момент – обмен информацией между странами в ее самых многообразных формах, причем особое значение приобретает та информация, которая выступает как продукт сложного труда (продажа патентов, лицензий и пр.). Еще один момент, о котором шел разговор, – это присвоение технологической ренты теми странами, которые выбрасывают на мировой рынок продукты сложного труда.

11. Теперь коснемся управления обществом. Эта сфера чрезвычайно ответственная, ибо от своевременности и качества принимаемых исполнительными, законодательными и судебными органами решений зависит судьба десятков и даже сотен миллионов людей, составляющих национальное государство. Специальные исследования показывают, что в этой сфере очень высок уровень лиц, имеющих высшее профессиональное образование. Тема эффективности труда руководителей и специалистов, работающих в высших эшелонах власти, естественно не является особым предметом нашего анализа, мы лишь только указываем на эту область, где в особо сильной форме проявляются внешние эффекты образования.

Все сказанное имеет отношение к экономике и обществу. В данном случае в сжатой форме и в виде выводов показаны области, связанные с деятельностью общества в целом (макроэкономический подход). С тем, чтобы составить более полную картину об областях, где наглядно видны внешние эффекты образования, надо указать на предприятие как производственную ячейку общества и на семью.

12. В качестве одной крупной зоны действия образовательного фактора мы называем семью. Вопрос о том, что в нормальных условиях более образованные люди, обеспечивающие соответствующий производственный эффект, получают более высокую оплату труда по сравнению с коллегами, не обладающими таким образовательным потенциалом, в достаточной степени ясен, разработан в литературе. В то же время семья имеет и другие формы выигрыша от присутствия в своем составе лиц с хорошим образованием: эффективная постановка семейного воспитания, формирование нормальной внутрисемейной ситуации и др. Разумеется, нельзя безоговорочно ставить вопрос о том, что всегда и везде есть прямая связь между уровнем образования взрослых членов семьи и устойчивостью самой семейной ячейки. Масса случаев, не подтверждающих эту связь. Но тем не менее массовый эмпирический материал и многообразные наблюдения дают основание говорить о том, что при прочих равных условиях уровень образования в сочетании с соответствующими морально-этическими качествами есть фактор позитивный в смысле укрепления и развития семейных отношений. В данном случае уместно заметить, что многие суждения имеют относительный характер и должны рассматриваться в контексте конкретных ситуаций, но тем не менее какие-то либо закономерные процессы, либо общие тенденции все-таки можно устанавливать.

Примечания

[1] См.: *Пушкарева В.* История финансовой мысли и политики налогов. – М.: Инфра-М, 1996.

[2] В условиях реформирования задачи менеджеров в активизации выпуска новой продукции, в освоении новых рынков, техническом перевооружении, а также в реорганизации системы управления и реструктуризации задолженности (см.: Модернизация российской экономики. Кн. 1. – М., 2002. – С. 238).

[3] Мы рассматриваем принципы бесплатности, платности образования и сочетания этих принципов. Есть иная терминология: модель функционирования вузов, ориентированная на свободный рынок; модель, ориентированная на общественный рынок; модель, ориентированная на альтернативное интегрированное общество (см.: *Борисов И., Рисин И., Трещевский Ю.* Стратегия интеграции университета в точки роста региона // Экономика образования. – 2003. – № 4. – С. 62).

[4] Один из докладов Мирового банка: «Формирование общества, основанного на знаниях» (см.: Экономика образования. – 2003. – №4. – С. 71–80). Термин «экономика на базе знаний» получил права гражданства.

[5] Следует иметь в виду, что «экономический рост определяется уровнем развития производительных сил» (Вопросы экономики. – 2003. – №12. – С. 146). Автор этой фразы Г. Ковалева заявляет, что «в современных условиях наравне с традиционными элементами производительных сил в них следует включить также инновационный и научный потенциал территории» (там же).

А.В. Мудрая, А.Ю. Барашков

РЕСУРСНАЯ МНОЖЕСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНА

Экологический менеджмент промышленности (ЭМП) в регионе следует рассматривать как управление комплексом территориально и функционально распределенных гетерогенных локальных производственных экологических систем (РГЭС), схема которого представлена на рисунке 1. Такой комплекс, например в Костромском регионе, образуют экологические системы предприятий энергетики (более 65% всех выбросов в атмосферу), лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности (около 22% выбросов), текстильной промышленности (один из основных источников загрязнения гидросферы региона) [1].

ЭМП имеет своей основной целью обеспечение техногенной экологической безопасности в регионе и решает следующие задачи: контроль использования, воспроизводства, охраны природных ресурсов в регионе; снижение негативных воздействий промышленности на окружающую среду; координация природоохранной деятельности промышленных предприятий; экологическая экспертиза инновационных проектов модернизации промышленности региона.

В структуре системы ЭМП региона базовым элементом является экологический менеджмент локальной производственной системы-предприятия (ЛЭМ), который согласно стандартов ISO серии 14000, выделяет и контролирует аспекты деятельности и продукцию, влияющие на окружающую среду и, который связан с менеджментом качества, поскольку высокий экологический стандарт продукции в отношении ее использования и утилизации обеспечивается системой управления качеством, согласно стандарта ISO 9000.

Основу менеджмента должна составлять распределенная система поддержки принятия решений, которая объединяет локальные специализированные производственные системы принятия решений при реализации задач, выходящих за пределы области компетенции отдельно взятой локальной системы. Взаимодействие и согласование интересов между локальными системами может осуществляться путем обмена взаимными консультациями.

Для реализации цели ЭМП региона должен иметься типовой набор или множество ресурсов **(R)**, которое можно представить в виде кортежа множеств финансового $\mathbf{f_e} \in \mathbf{F}$, кадрового $\mathbf{k_j} \in \mathbf{K}$, организационного $\mathbf{o_m} \in \mathbf{O}$, информационного $\mathbf{i_n} \in \mathbf{I}$ ресурсов. $\mathbf{R=\{F, K, O, I\}}$.

Множество финансовых ресурсов предлагается представить в виде подмножеств финансовых потоков по их источникам. **F={FF, FS, FM, FП, FB}**, где FF – финансовый поток из федерального бюджета; FS – из бюджета субъекта федерации; FM – из местных бюджетов; FП – из средств предприятия; FB – из других источников, например, в форме благотворительных взносов и др.

Заметим, что расходы на функционирование локальных производственных экологических си-

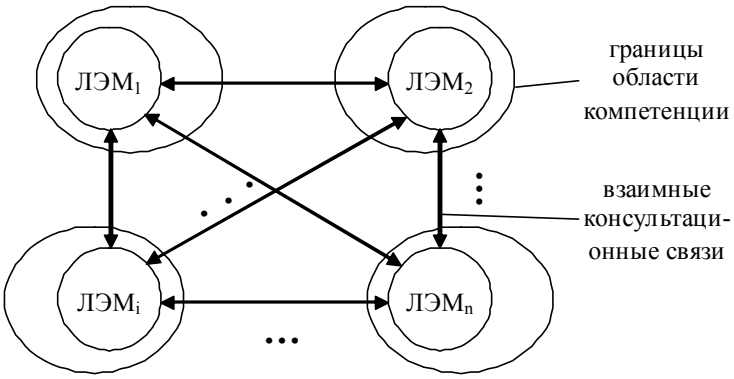


Рис. 1. Региональный комплекс распределенных гетерогенных локальных производственных экологических систем

© А.В. Мудрая, А.Ю. Барашков, 2006

стем представляют совокупность трех групп расходов. Расходы на собственно менеджмент, включающие затраты на содержание соответствующего аппарата и мониторинг среды. Экологические платежи: природоресурсные, природоохранительные платежи за негативное воздействие на окружающую среду, другие платежи (лицензирование, страхование, резервирование). Природоохранительные затраты капитального и текущего характера.

Множество кадровых ресурсов РГЭС **К={ПМ, ПК, ПП, ПЛ}** отображается подмножествами персонала экологического менеджмента в регионе (ПМ), персонала пунктов регионального контроля экологической ситуации (ПК), персонала экологического менеджмента предприятия (ПП), персонала стационарных и передвижных лабораторий и пунктов мониторинга локальных экологических систем (ПЛ).

В аналогичном виде представим множество организационных ресурсов **О={СР, ОС, ОЛ}**, где СР – подмножество элементов структуры распределенной гетерогенной экологической системы региона; ОС – организационная структура системы экологического менеджмента региона (множество подразделений и функциональных элементов); ОЛ – подмножество организационных структур управления локальными экологическими системами.

Множество информационных ресурсов системы (I) включает следующие подмножества: подмножество исходных данных с региональных пунктов мониторинга окружающей среду (IР), подмножество исходных данных от стационарных или передвижных лабораторий и пунктов мониторинга локальной производственной экологической системы (IЛ), подмножество данных от систем управления технологическими процессами промышленных предприятий (IТ). **I={IР, IЛ, IТ}**.

Инструментальной средой экологического менеджмента должна служить региональная экологическая информационная система (РЭИС). Ее функции: сбор, обработка, хранение, передача, представление экологической информации. Поскольку РЭИС является составляющей региональной системы экологического менеджмента (ЭМПР), ее модель должна быть сформирована в составе модели ЭМПР аналогично последней, что отражено на рисунке 2. Множество ресурсов ИС представляется в виде кортежа подмножеств, в основном, аналогичных подмножествам ресурсов ЭМПР и входящих в них. $\mathbf{R_и=\{T_и, F_и, K_и, O_и\}}$, где $\mathbf{T_и}$ – подмножество информационных технологий, реализующихся в РЭИС; $\mathbf{F_и \in F}$ – подмножество финансовых ресурсов для функционирования информационной системы; $\mathbf{K_и \in K}$ – подмноже-

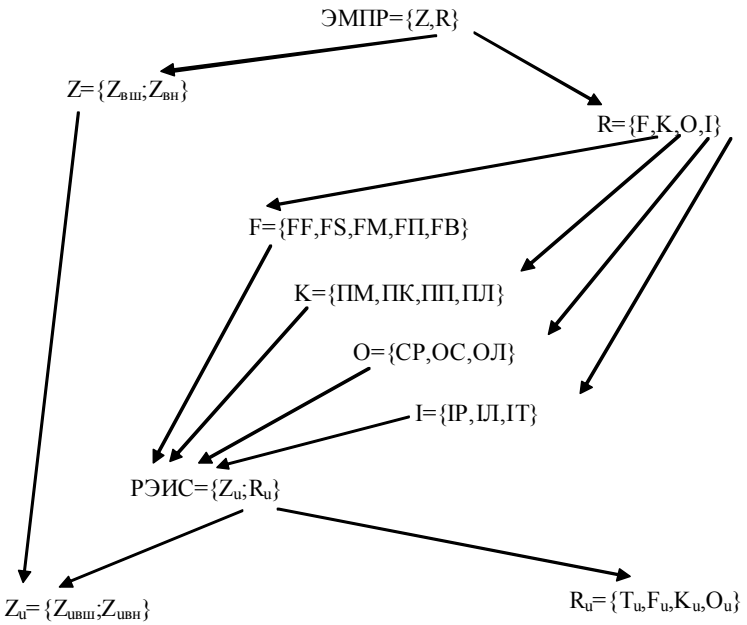


Рис. 2. Теоретико-множественная модель ЭМПР

ство кадровых ресурсов региональной информационной системы; $\mathbf{O}_{и} \in \mathbf{O}$ – подмножество организационных ресурсов РЭИС.

Обобщенная структура РЭИС представлена в [2]. Ее основная подсистема поддержки принятия решений интегрирует, систематизирует и интерпретирует получаемую информацию. Подобным образом можно построить теоретико-множественные модели экологического менеджмента локальной производственной системы, а также ее информационной подсистемы, одной из функций которой является поддержка принятия решений при контроле и управлении экологической средой предприятия.

Библиографический список

1. *Мудрая А.В., Барашков А.Ю.* Влияние отраслевой специализации промышленности на состояние экологии региона // Технологический, технический и информационный сервис как базовые факторы модернизации производства: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – С. 74–78.

2. *Барашков А.Ю., Мудрая А.В., Тищенко И.А.* Концепция построения региональных экологических информационных систем // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Системный анализ. Теория и практика. – 2006. – №2. – С. 93–95.

А.В. Румянцев

ОЦЕНКА ПОДХОДОВ К РАСЧЕТУ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ. АДАПТАЦИЯ К ОЦЕНКЕ ВНЕШНЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В современном состоянии российский бизнес достиг серьезных результатов во внешнеэкономической деятельности. И если импорт во многом обусловлен отсутствием должного предложения на внутреннем рынке, то, осуществляя экспортные операции компаниям, стоит задуматься и оценить их реальную эффективность для компании. Приоритетными вопросами для любой компании, занимающейся внешнеэкономической деятельности являются: получает ли компания дополнительную прибыль от экспортных операций в сравнении с продажами внутри страны, способствует ли экспорт достижению целей компании и еще ряд вопросов, относительно качества экспортной продукции, работы отдела ВЭД.

Современная теория использует разнообразные подходы к расчету экономической эффективности. Большинство из них являются универсальными, то есть могут применяться в разных отраслях, компаниях, процессах. Каждый из них нацелен на получение уникальной характеристики деятельности компании, оперируют всевозможными показателями. Что касается специальных методов оценки ВЭД, то они, как правило, основаны на устоявшихся показателях деятельность компании, и при этом не дают исчерпывающего представления об эффективности экспортно-импортных операций. Поэтому мы акцентируем свое внимание на трех комплексных подходах к оценке эффективности деятельности:

– Сбалансированная система показателей (Balanced Scorecard – BSC) – авторы: Дэвид Нортон, Роберт Каплан;

– Методика процессно-ориентированного учета затрат (Activity-Based Costing – **ABC**);

– Процессно-ориентированный анализ рентабельности (Activity-Based-Performance Analysis – **ABPA**) – автор: Маршалл В. Мейер.

Выделим основные преимущества и недостатки каждого из методов.

Основные **преимущества** использования *Сбалансированная система показателей* в оценке эффективности ВЭД:

– используются как количественные, так и качественные методы сбора информации для анализа;

– учитывается влияние как внешней, так и внутренней среды предприятия;

– выделены ключевые группы показателей влияющих на эффективность.

Недостатки использования *Сбалансированная система показателей*:

– большой перечень показателей, затрудняющий анализ;

– отсутствие единого показателя характеризующего эффективность деятельности компании в целом;

© А.В. Румянцев, 2006

– затруднено использование системы для оценки мотивации людей.

Основные **преимущества** использования *Методики процессно-ориентированного учета затрат*:

– включает максимально исчерпывающий перечень затрат;

– даёт возможность распределить затраты по конкретным видам деятельности, а не по традиционным для форм отчётности статьям затрат;

– делает возможным контроль процесса производства и издержек;

– вводит новый показатель **потребительской рентабельности**.

Недостатки использования *Методики процессно-ориентированного учета затрат:*

– метод оценивает лишь финансовую эффективность деятельности;

– акцентируется внимание на затратах, при явно недостаточном анализе доходов;

– анализ затрат достаточно объективен, однако решения по управлению затратами принимаются субъективно.

При оценке *Процессно-ориентированного анализа рентабельности* выделены следующие **преимущества**:

– акцентируется внимание на доходах компании;

– позволяет решить проблему оценки мотивации людей.

Недостатки использования *Процессно-ориентированного анализа рентабельности:*

– не предусмотрен четкий механизм оценки эффективности;

– требуется жесткий контроль затрат.

Таким образом, основные применяемые в настоящее время подходы к оценке эффективности деятельности предприятия не имеют абсолютного характера. Они требуют адаптации к конкретному предприятию или отдельной бизнес-единицы компании, в том числе и к оценке деятельности отдела ВЭД. Выделим следующие направления усовершенствования модели оценки эффективности ВЭД:

– ввести специфические показатели, характеризующие экспортно-импортную деятельность;

– ввести показатели сравнения операций на внутреннем и внешнем рынке;

– ввести один или несколько агрегированных показателей, включающих в себе информацию по нескольким группам факторов;

– соотнести эффективность направления ВЭД со стратегией компании и целями акционеров.

Компании должны использовать синтетический подход к оценке ВЭД, который объединяет элементы вышеуказанных методов и специфические показатели для конкретной компании.

Н.Н. Сивак

ИТ-АУТСОРСИНГ – ЭФФЕКТИВНОЕ РЕШЕНИЕ ПРИ ВЫХОДЕ КОМПАНИИ НА ЗАРУБЕЖНЫЙ РЫНОК

В последние годы все большее количество компаний выходят на зарубежные рынки. И данный процесс вполне обоснован все возрастающей конкуренцией во всех отраслях экономики. Решив заняться бизнесом в той или иной стране, компания должна выбрать наилучший способ выхода на избранный рынок, который гарантирует ей получение конкурентных преимуществ перед остальными акторами внешнеэкономической деятельности. В данной статье предлагается рассмотреть одну из ключевых на сегодняшний день стратегий для компаний, переносящих свою деятельность и за рубеж. Это стратегия ИТ-аутсорсинга (*outsourcing*), которая обеспечивает компании получение высококвалифицированных услуг в области обслуживания ИТ-инфраструктуры (*ИТ-информационные технологии*) без привлечения собственных специалистов.

ИТ-аутсорсинг – это выполнение сторонней организацией определенных задач или бизнес-процессов, не являющихся частью основной деятельности компании. Передача некоторых функций, в том числе производственных процессов, во внешнее управление выполняется по контракту между фирмой, передающей в аутсорсинг (аутсорсер), и аутсорсинговыми фирмами (провайдер услуг) с целью предоставления услуг или выполнения производственных операций, которые в данный момент выполняет сама фирма (аутсорсер). Основной разницей между соглашением о передаче во внешнее управление и любым другим соглашением о купле-продаже является то, что фирма передает в управление лишь часть функций, которые она исполняет. Причин, по которым компания может обратиться к внешнему управлению в области обслуживания ИТ-

© Н.Н. Сивак, 2006

инфраструктуры, несколько. Обычно все они зависят от конкретной ситуации, но все же представляется возможным назвать несколько общих: сокращение расходов; улучшение качества работ и услуг; концентрация производства; увеличение гибкости организации. Опыт практической работы в ИТ-сфере доказывает, что успешный сбыт продукции зависит от эффективности и согласованности усилий всех участников разработки, производства, продажи и обслуживания предлагаемого на рынке продукта. Товар, обладающий необходимыми потребительскими свойствами, должен не только поступить на рынок в требуемый момент и в соответствующем количестве, но и обеспечиваться послепродажным обслуживанием, поставками запасных частей, технической документации и т. д. на уровне, уже сложившемся в мировой торговле.

Затраты по проекту, передаваемому компанией в ИТ-аутсорсинг, всегда должны сравниваться со стоимостью реализации проекта собственными силами либо через совместное предприятие. Отношения, связанные с реализацией аутсорсинга, должны быть выгодны компании и фирме-исполнителю. По мере увеличения сделок рыночная цена стремится к средней величине прибыльности для участников сделки. Обычно контракты по ИТ-аутсорсингу подписываются, если цена фирмы-провайдера как минимум на 15–20% ниже текущих затрат компании и средний срок действия контракта составляет 5 лет. По опросам журнала Forbes, до 70% западных компаний, у которых компьютерный парк насчитывает 30 и более компьютеров, пользуются услугами внешнего системного администрирования, т.е. ИТ-аутсорсингом.

В последнее время роль ИТ-аутсорсинга в международном бизнесе резко возрастает. Если ранее международная торговля выражалась обычно в кратковременном акте купли-продажи того или иного товара, то есть носила чисто коммерческий характер, то теперь заключением контракта в большинстве случаев закладывается лишь начало взаимным экономическим связям между поставщиками и заказчиками из разных стран, начиная с проектирования и создания прототипов изделий до установки, отделки, испытания, ввода в эксплуатацию оборудования, его обслуживания. Интересно отметить, что в роли фирм, выполняющих заказы аутсорсинговых компаний, активно выступают ИТ-фирмы развитых, а не развивающихся государств, что объясняется наличием у них большого опыта использования новейших технологий производства и управления. Международные производственно-кооперационные отношения позволяют шире использовать преимущества технического прогресса, снижения издержек производства и повышения эффективности производственных процессов, устанавливать долговременные производственно-технические связи с ведущими промышленными компаниями данной отрасли, выпускать конкурентоспособную продукцию и без значительных затрат расширять экспорт товаров, гарантировать относительную стабильность экспортно-импортных операций на основе договоров о делегировании функций представительства.

Достоинства ИТ-аутсорсинга:

1. Компания, использующая аутсорсинг, снижает затраты на ИТ-структры.

2. При передаче ИТ-структуры в аутсорсинг возможна гибкая система оплаты и кредитования.

3. Аутсорсер очень ценит свое имя, поэтому компании получают высокий уровень ответственности и гарантии аутсорсера.

4. Специализированная ИТ-компания раньше любой отраслевой фирмы знакомится с новыми технологиями и использует свой опыт внедрений и эффективно работающих методологий.

5. Аутсорсер всегда имееь в своем штате взаимозаменяемых сотрудников, чтобы не прерывать процесс обслуживания компании-заказчика.

Используя стратегию локализации (*localisation*), когда компания на зарубежном рынке сосредотачивает свои усилия на своей основной деятельности, а остальные процессы, в т.ч. и обслуживание ИТ-инфраструктуры отдает на аутсорсинг, фирма получает конкурентные преимущества перед остальными участниками рынка. Во-первых, это реальное увеличение доли на рынке. Во-вторых, это более высокий уровень прибыли, чем в среднем по отрасли. В-третьих, это наилучшая реакция на тенденции изменения рынка, так как компания имеет представление о ситуации в бизнесе не только в пределах одной страны. В-четвертых, широкое применение аутсорсинга способствует повышению качества производства, более активному вовлечению компаний в международное разделение труда, повышению эффективности производства. И, наконец, это повышение профессионализма и компетентности сотрудников компаний.

П.П. Косухин

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В условиях рыночных отношений без укрепления денежной системы добиться устойчивого экономического роста экономики невозможно. Стабилизация денежного обращения и снижение инфляционных процессов достигается за счет проведения центральными банками денежно-кредитной и антиинфляционной политики.

В соответствии со статьей 35 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 года №86-ФЗ основными инструментами и методами денежно-кредитной политики Банка России являются: 1) процентные ставки по операциям Банка России; 2) нормативы обязательных резервов, депонируемых в Банке России (резервные требования); 3) операции на открытом рынке; 4) рефинансирование кредитных организаций; 5) валютные интервенции; 6) установление ориентиров роста денежной массы; 7) прямые количественные ограничения; 8) эмиссия облигаций от своего имени.

По сфере применения экономические методы могут быть *общими,* направленными на всю систему денежного обращения, и *локальными,* используемыми к ее отдельным частям. Общие методы совершенствования денежного обращения, направленные на изменение элементов денежной системы, представляют собой денежные реформы.

Денежная реформа – это преобразование денежной системы, проводимое государством с целью упорядочения и укрепления денежного обращения страны. *Частичные* преобразования денежной системы устраняют на небольшой срок отдельные отрицательные явления в денежной сфере. *Радикальные* денежные реформы, связанные с изменением принципов организации денежной системы, как правило, ориентированы на долговременную стабилизацию денежной единицы. Однако в современных условиях в развитых странах денежные реформы заменяются антиинфляционными программами в рамках различных планов стабилизации и проведения денежно-кредитной политики центральными банками.

Необходимость проведения денежной реформы в каждой стране обусловливается различными причинами, в частности следующими:

1) *экономическими,* связанными с расстройством денежной, финансовой систем, подрывом доверия к национальной валюте, использованием параллельной валюты, завышенным курсом национальной валюты по отношению к иностранным валютам. Экономические причины обычно порождаются экономическими кризисами, направлением политики государства и Центрального банка;

2) *политическими,* связанными с изменением политического устройства или созданием нового государства;

3) *созданием наднациональных денежных единиц или объединением национальных денежных единиц.*

В истории денежного обращения известны следующие **виды денежных реформ.**

1. Переход от одного денежного товара к другому (от медных денег – к серебряным, от серебряных – к золотым и т.п.) или от одного типа денежной системы к другому (от металлического обращения – к обращению кредитных и бумажных денег).

2. Замена неполноценной и обесцененной монеты на полноценную или неразменных обесценившихся денежных знаков на разменные либо восстановление размена бумажных денег на золото или серебро.

3. Частичные меры по стабилизации денежной системы (изменение порядка эмиссии, обеспечения банкнот, масштаба цен, золотого содержания или курса валют).

4. Формирование новой денежной системы в связи с созданием новых государств, а также объединением денежных систем нескольких стран.

Денежные реформы осуществляются различными методами в зависимости от формы обращающихся денег (деньги как товар – всеобщий эквивалент или как знаки стоимости – кредитные и бумажные деньги), общественно-экономического устройства страны, полного или частичного преобразования денежно системы, политики государства.

Наиболее типичными методами стабилизации денежной системы являются следующие.

Нуллификация – объявление государством обесценившихся старых денежных знаков недей-

© П.П. Косухин, 2006

ствительными и выпуск новых бумажных денежных знаков в меньшем количестве.

Нуллификация обычно проводится в период стабилизации экономики после гиперинфляции для восстановления доверия к национальной валюте. В развитых странах в современных условиях вследствие жесткого регулирования денежного обращения и контроля за уровнем инфляции нуллификация не используется.

Деноминация (изменение масштаба цен) – изменение нарицательной стоимости денежных знаков с их обменом по определенному соотношению на новые, более крупные денежные единицы с одновременным пересчетом всех денежных обязательств в стране (счетов в банках, цен, тарифов, заработной платы и т.д.) с целью стабилизации валюты или упрощения расчётов.

Формально деноминация носит технический характер, поскольку облегчает и упрощает учет, снижает издержки обращения и не затрагивает экономические основы стабилизации денежного обращения. Вместе с тем она может быть важным этапом в укреплении денежной системы, если проводится на завершающем этапе стабилизации экономики, финансов и подавления гиперинфляции, поскольку является важным моментом повышения доверия к национальной валюте.

Девальвация – при золотом стандарте уменьшение металлического содержания денежной единицы, с прекращением размена кредитных денег на золото – снижение курса национальных денежных знаков по отношению к иностранной валюте.

Однако девальвация не устраняет проблемы денежного обращения и в современных условиях не восстанавливает устойчивость национальной валюты. Более того, она ведет к снижению покупательной способности денег в результате повышения цен на импортируемые товары и раскручивает инфляционные процессы в стране.

Ревальвация (реставрация) – повышение металлического содержания денежных единиц или курса бумажных денежных знаков по отношению к металлу либо иностранной валюте.

Ревальвация сдерживает инфляционные процессы в стране, так как более дешевыми становятся импортные товары, но она невыгодна экспортерам, которые теряют на курсовой разнице при обмене подешевевшей иностранной валюты на укрепившуюся собственную валюту по ранее заключенным контрактам.

Для успешного проведения денежной реформы необходимы определенные политические и экономические предпосылки, позволяющие кардинально улучшить экономические процессы в стране, функционирование финансовой и банковской систем:

1) политическая стабилизация в стране; рост доверия населения, предпринимателей к политике, проводимой правительством и Центральным банком;

2) создание условий для развития национальной экономики, увеличение предложений на рынке товаров и услуг;

3) увеличение бюджетных доходов и отказ от эмиссии для покрытия бюджетного дефицита;

4) повышение доверия к банкам и привлекательности накоплений денежных средств в кредитной форме;

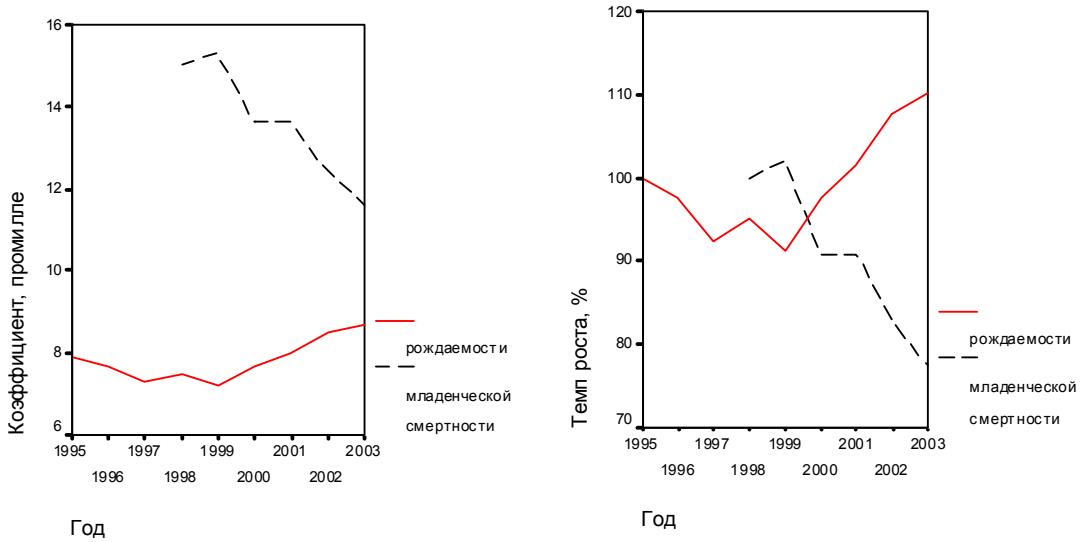
5) наличие достаточных золотовалютных резервов, позволяющих поддерживать стабильность курса валюты, сбалансированность товарной и денежной массы.

О.В. Лясковская

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ НА БАЗЕ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ С МАТРИЧНЫМ ПРЕДИКТОРОМ*

В практике принятия прогнозных решений, как правило, аналитик располагает многомерными временными рядами. Однако в большинстве случаев длина временных рядов мала, что не позволяет обратиться к эффективным моделям векторной авторегрессии или к системе одновременных уравнений [1]. В этих случаях следует искать иные принципы повышения точности и надежности прогнозов. Один из таких принципов построен на идее стабильности структуры косвенных темпов приростов социально-экономических показателей, под которыми понимаются отношения приростов каждого из них ко всем остальным [2]. В математическом плане этой гипотезе отвечают модели с матричным предиктором. В работе [3] предлагаются различные модификации таких моделей, из которых для прогнозирования региональных показателей здоровья населения наиболее перспективной представляется матричная модель с разделенными переменными – ресурсными и целевыми. Применение этой модели позволяет решать как прямую задачу по определению значений целевых показателей по ресурсным, так и обратную – расчет уровня ресурсных показателей, требуемого для достижения заданных значений целевых показателей.

Учитывая результаты проведенных ранее исследований [4], целесообразно в качестве целевых показателей использовать показатели рождаемости и младенческой смертности, а в качестве ресурсных – темпы роста реальных денежных доходов населения, реальной начисленной заработной платы и реального размера назначенных пенсий. Для обеспечения большей надежности результатов моделирования обработке подлежали данные по Центральному федеральному округу в целом. В статистическом сборнике [5] данные по темпам роста денежных доходов населения ЦФО в реальном выражении приведены, начиная с 2001 года, т.е. в данном случае мы располагаем лишь короткими временными рядами, что



а б

Рис. 1. Динамика изменения целевых показателей здоровья: коэффициентов рождаемости и младенческой смертности (*а*) и темпов их роста (*б*)

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 06-06-96300.

 © О.В. Лясковская, 2006

Таблица 1

Динамика показателей уровня жизни населения ЦФО

Год	Период	Коэффициент рождаемости, промилле	Коэффициент младенческой смертности, промилле	Темп роста реальных денежных доходов, %	Темп роста реальной начисленной заработной платы, %	Темп роста реального размера назначенных пенсий, %
		x_1	x_2	x_3	x_4	x_5
2000	1	7,7	13,6	100,0	100,0	100,0
2001	2	8,0	13,6	108,9	123,3	116,9
2002	3	8,5	12,4	118,0	143,9	130,6
2003	4	8,7	11,6	136,9	167,5	139,5

В таблице приняты следующие обозначения:

x_1 – общий коэффициент рождаемости (число родившихся на 1000 человек населения), промилле;

x_2 – коэффициент младенческой смертности (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 человек родившихся живыми), промилле.

x_3 – темп роста реальных денежных доходов населения, % к 2000 г.;

x_4 – темп роста реальной начисленной заработной платы, % к 2000 г.;

x_5 – темп роста реального размера назначенных пенсий, % к 2000 г.

исключает возможность использования для прогнозирования этих показателей традиционных методов регрессионного анализа.

Другим обстоятельством, вызвавшим интерес к моделям с матричным предиктором, явился циклический характер динамических рядов большинства показателей уровня жизни. Это подтверждается динамикой изменения целевых показателей здоровья населения – коэффициентов рождаемости и младенческой смертности – за достаточно большой период с 1995 по 2003 гг. (рис. 1).

Из рисунка 1 следует, что динамика изменения целевых показателей носит достаточно сложный характер: до 1999 года наблюдалось снижение коэффициента рождаемости и рост этого показателя в дальнейшем. Динамика младенческой смертности, начиная с 1999 года, характеризуется снижением соответствующего показателя.

Таким образом, ввиду цикличности рассматриваемых временных рядов мы располагаем лишь короткими временными отрезками, в пределах которых можно говорить об определенных тенденциях изменения показателей уровня жизни. С учетом этого, в качестве информационной базы дальнейших исследований приняты статистические данные по ЦФО за 2000–2003 гг., в пределах которых можно говорить о повышении уровня жизни населения ЦФО после длительного его спада (табл. 1).

В простейшем случае прогноз проводится с учетом линейного прироста показателей. Если аналитик располагает только двумя наблюдениями, то прогноз проводится по формуле

$$\mathbf{x}_t = \mathbf{x}_{t-1} + \Delta\mathbf{x}_{t-1}, \qquad (1)$$

где $\mathbf{x}_t$ и $\mathbf{x}_{t-1}$ – величина векторного показателя в прогнозируемый и предшествующий периоды, а $\Delta\mathbf{x}_{t-1}$ – вектор абсолютных приростов. Ограничимся расчетом приростов для периода 2, при этом появляется возможность проверить результаты прогноза (табл. 2).

Таблица 2

Линейный прогноз показателей уровня жизни населения ЦФО

Показатель	Коэффициент рождаемости, промилле	Коэффициент младенческой смертности, промилле	Темп роста реальных денежных доходов, %	Темп роста реальной начисленной заработной платы, %	Темп роста реального размера назначенных пенсий, %
Факт 2003 г.	8,7	11,6	136,9	167,5	139,5
Прогноз показателей на 2003 г.	9,0	11,2	127,7	164,5	144,3
Ошибка, %	3,4	-3,4	-7,2	-1,8	3,4

Как следует из таблицы 2, линейный прогноз показателей уровня жизни населения ЦФО на 2003 г. характеризуется достаточно высокими значениями относительной ошибки, достигающими 7,2%, при средней ошибке 3,8%.

Учет взаимодействий производится введением в рассмотрение новой характеристики v_{ij}, устанавливающей степень влияния j-го показателя на изменения, происходящие в i-м показателе, и называемой косвенным темпом прироста

$$v_{ij} = \Delta x_{ti} / x_{tj}. \quad (2)$$

В предположении, что на формирование прироста все показатели оказывают равномерное воздействие, а их число равно n-1 (n – число показателей), имеем:

$$\Delta x_{ti} = 1/(n\text{-}1)\Sigma v_{ij} x_{tj}. \quad (3)$$

Поскольку $\Delta x_{ti} = x_{ti} - x_{ti\text{-}1}$, величину любого i-го показателя x_{ti} можно рассчитать по предшествующему его значению $x_{ti\text{-}1}$ и приросту Δx_{ti}:

$$x_{ti} = x_{ti\text{-}1} + 1/(n\text{-}1)\Sigma v_{ij} x_{tj}. \quad (4)$$

В векторной форме выражение (4) представляется формулой

$$\mathbf{x}_t = \mathbf{x}_{t\text{-}1} + \mathbf{V}\mathbf{x}_t, \quad (5)$$

где $\mathbf{V}$ – матрица косвенных темпов прироста, диагональные элементы которой равны нулю, а внедиагональные – косвенные темпы прироста – определяются по формуле (2) с учетом множителя 1/(n-1), т.е.

$$\{\mathbf{V}\}_{ij} = 1/(n\text{-}1)\Delta x_{ti} / x_{tj},\ i \neq j. \quad (6)$$

Из матричного уравнения (5) имеем:

$$\mathbf{x}_t = (\mathbf{I}\text{-}\mathbf{V})^{-1}\mathbf{x}_{t\text{-}1}, \quad (7)$$

где $\mathbf{I}$ – единичная матрица порядка n.

Выражение (7) позволяет рассчитывать прогнозные оценки. Результаты расчетов, приведенные в таблице 3, демонстрируют несколько лучшую точность прогноза по модели с матричным предиктором, учитывающей взаимодействие показателей – максимальная ошибка составляет 6,8%, но средняя ошибка по-прежнему достаточно велика – 3,9%.

Рассмотрим теперь другую модель, также основанную на использовании матричного мультипликатора – матричную модель с разделенными переменными – аналог модели многофакторного регрессионного анализа [3]. Суть предлагаемого подхода в том, что переменные разбиваются на две группы: целевые и ресурсные. Первые характеризуют результаты функционирования изучаемого объекта, вторые – его потенциальные возможности. Если переменные упорядочить так, что вначале идут целевые переменные (вектор $\mathbf{x}_{t1}=\mathbf{x}_{t\text{цел}}$), а затем – ресурсные (вектор $\mathbf{x}_{t2}=\mathbf{x}_{t\text{ресурс}}$), то в модели (5) необходимо заменить векторы $\mathbf{x}_t$ и $\mathbf{x}_{t\text{-}1}$ на $(\mathbf{x}_{t\text{цел}}, \mathbf{x}_{t\text{ресурс}})^{\text{т}}$ и $(\mathbf{x}_{t\text{-}1\text{цел}}, \mathbf{x}_{t\text{-}1\text{ресурс}})^{\text{т}}$ соответственно. При этом матрица представляется в блочном виде с диагональными блоками, первый из которых – блок $\mathbf{V}_{11}$ – отражает косвенные темпы прироста целевых переменных, второй блок $\mathbf{V}_{22}$ – косвенные темпы прироста ресурсных переменных. Наддиагональный блок $\mathbf{V}_{12}$ характеризует влияние ресурсных переменных на прирост целевых переменных, а поддиагональный блок $\mathbf{V}_{21}$ – влияние целевых переменных на прирост ресурсных переменных.

С учетом блочного представления матрицы имеем два уравнения:

$$\mathbf{x}_{t\text{цел}} = (\mathbf{I}\text{-}\mathbf{V}_{11})^{-1}(\mathbf{x}_{t\text{-}1\text{цел}} + \mathbf{V}_{12}\mathbf{x}_{t\text{ресурс}}), \quad (8)$$

$$\mathbf{x}_{t\text{ресурс}} = (\mathbf{I}\text{-}\mathbf{V}_{22})^{-1}(\mathbf{x}_{t\text{-}1\text{ресурс}} + \mathbf{V}_{21}\mathbf{x}_{t\text{цел}}). \quad (9)$$

Первое из них определяет значения целевых переменных в момент времени t через «запаздывающие» их значения (в момент времени t-1) и значения ресурсных переменных в момент времени t. Второе уравнение позволяет рассчитывать необходимые ресурсы, обеспечивающие заданные значения целевых переменных.

Произведем расчеты прогнозных значений целевых переменных на 2003 год, задавшись $\mathbf{x}_{1\text{цел}}$ – значениями целевых переменных для предыдущего 2002 года и $\mathbf{x}_{2\text{ресурс}}$ – значением ресурсной

Таблица 3

Прогноз показателей уровня жизни населения ЦФО по модели с матричным предиктором

Показатель	Коэффициент рождаемости, промилле	Коэффициент младенческой смертности, промилле	Темп роста реальных денежных доходов, %	Темп роста реальной начисленной заработной платы, %	Темп роста реального размера назначенных пенсий, %
Факт 2003 г.	8,7	11,6	136,9	167,5	139,5
Прогноз показателей на 2003 г.	9,0	11,1	127,6	165,3	144,9
Ошибка, %	3,4	-4,3	-6,8	-1,3	3,9

Таблица 4

Прогноз показателей уровня жизни населения ЦФО и расчет потребных ресурсов по модели с разделенными переменными

Показатель	Коэффициент рождаемости, промилле	Коэффициент младенческой смертности, промилле	Темп роста реальных денежных доходов, %	Темп роста реальной начисленной заработной платы, %	Темп роста реального размера назначенных пенсий, %
Факт 2003 г.	8,7	11,6	136,9	167,5	139,5
Прогноз целевых показателей на 2003 г.	9,0	11,1	136,9	167,5	139,5
Расчет потребных ресурсов на 2003 г.	8,7	11,6	127,5	165,1	139,9
Ошибка прогноза, %	3,4	-4,3	-6,9	-1,4	0,3

переменной для текущего периода. Получаем следующий прогноз (табл. 4): при реально достигнутых в 2003 году значениях темпов роста ресурсных переменных согласно модели следовало ожидать, что коэффициент рождаемости составит 9,0 промилле, а коэффициент младенческой смертности – 11,1 промилле. Фактически целевые показатели составили 8,7 и 11,6 промилле соответственно, т.е. имеющиеся ресурсы были задействованы не полностью. Об этом же свидетельствуют и расчеты ресурсных показателей, которые, согласно модели, могли обеспечить реально достигнутый уровень целевых показателей (последняя строка табл. 4): требуемые темпы роста реальных денежных доходов населения ЦФО составили 127,5% против 136,9% в действительности, а темпы роста реальной начисленной заработной платы – 165,1% против 167,5%, соответственно.

Как видно из последней строки таблицы 4, в целом прогнозирование по эконометрической модели с разделенными показателями оказалось наиболее точным – средняя относительная ошибка прогноза составляет 3,3%.

По результатам выполненных исследований можно сформулировать следующие выводы.

1. Применение для прогнозирования показателей уровня жизни населения матричной модели приростов с учетом взаимодействия показателей обеспечивает более высокую точность по сравнению с традиционной моделью линейных приростов, не учитывающей этого взаимодействия.

2. Применение матричной модели с разделенными переменными позволяет с достаточно высокой точностью решать как прямую задачу по определению значений целевых показателей по ресурсным, так и обратную – расчет уровня ресурсных показателей, требуемого для достижения заданных значений целевых показателей.

3. Эконометрические модели с матричным предиктором можно рекомендовать для применения в практике прогнозирования показателей уровня жизни населения по коротким временным рядам.

Библиографический список

1. *Магнус Я.Р., Катышев П.К., Пересецкий А.А.* Эконометрика. Начальный курс. – М.: Дело, 1997.

2. *Давнис В.В., Нагина Е.К., Тинякова В.И., Ищенко В.А.* Прогноз и стратегический выбор. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004.

3. *Давнис В.В., Тинякова В.И.* Прогнозные модели экспертных предпочтений. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005.

4. *Уварова В.И., Шуметов В.Г.* Структура и методика расчета регионального индекса здоровья населения (на примере регионов ЦФО) // Наука и образование. Вып. 2 «Экономика и управление». – М.: ИИЦ МГУДТ, 2006.

5. Регионы России: Социально-экономические показатели. – М.: Госкомстат, 2004.

Л.А. Андриянова

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВЕТЕРИНАРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В МОЛОЧНОМ СКОТОВОДСТВЕ

Молочное скотоводство является основной отраслью животноводства в Ярославской области. Научные исследования и практика показывают, что одним из главных условий повышения продуктивности молочного скота является соблюдение научно-обоснованных норм его выращивания, содержания и кормления, а, по мнению ряда авторов уровень развития молочного скотоводства во многом определяется состоянием ветеринарной службы. Выдающийся зоотехник М.Ф. Иванов, отмечал, что продуктивность и состояние здоровья – это два неразрывных элемента. Поэтому уровень эффективности молочного скотоводства во многом зависит от правильной организации профилактических мер и соблюдения ветеринарно-санитарных норм.

За последние годы основную долю всех болезней крупного рогатого скота в Ярославской области составляют незаразные заболевания. Их количество варьирует в разные годы от 95 до 98%. Количество регистрируемых больных животных в крупном секторе за 2001–2005 годы варьирует от 50 до 60%, и составляет в среднем 56,2%. Наиболее распространенными незаразными заболеваниями фиксируемыми в хозяйствах являются заболевания: органов пищеварения, дыхания, размножения, заболевания связанные с обменом веществ, травмы и отравления.

В структуре незаразных заболеваний основную долю составляют заболевания: органов пищеварения (в среднем за пять лет 40,7% ко всем заболевшим), органов дыхания (23,1%) и заболевания органов размножения (21,8% к обороту дойного стада), и в динамике растет число этих видов заболеваний. Так, заболеваний органов пищеварения стало больше в 2005 году по сравнению с 2001 на 23%, заболеваний органов размножения и заболеваний, связанных с обменом веществ на 26,8 и 101,7%, соответственно, ко всем заболевшим животным (рис.).

Как известно, болезни животных приводят к различным видам экономического ущерба. В молочном скотоводстве Ярославской области ущерб складывается от падежа животных, вынужденного забоя, потери приплода и снижения продуктивности. Согласно методике расчета экономического ущерба в результате болезней и гибели животных, предложенной И.Н. Никитиным, мы рассчитали потери от различных заболеваний животных и их гибели в исследуемом регионе (табл. 1). Так, экономический ущерб от падежа животных в 2005 году значительно снизился, по сравнению с 2001 годом и составил 11,4 млн. рублей. Надо отметить, что основную долю ущерба составляют потери от гибели молодняка, в 2005 году они составили 9,7 млн. рублей.

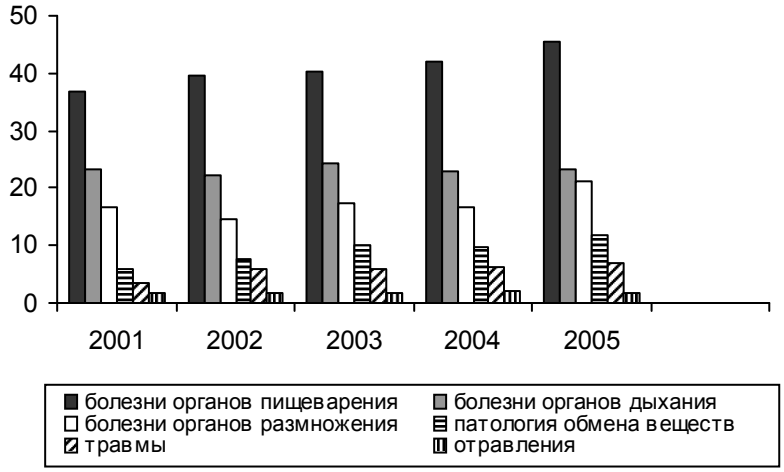


Рис. Изменение числа заболевших животных незаразными заболеваниями в % к общему числу заболевших в общественном секторе

© Л.А. Андриянова, 2006

Таблица 1

Экономический ущерб от заболеваний крупного рогатого скота в Ярославской области

Показатели	Годы					2005 г. в % 2001 г.
	2001	2002	2003	2004	2005	
Экономический ущерб, всего тыс.руб.	65643,4	76494,6	108960,4	114789,2	146481,6	в 2,2 раза
В том числе						
от падежа КРС	14002,1	14519,0	21443,7	18299,0	11400,7	81,4
в т.ч. от молодняка	11277,6	10899,6	13477,6	11673,1	9740,6	86,3
от вынужденного забоя КРС	10302,9	14569,8	20186,2	14297,7	28693,5	в 2,7
в т.ч. от молодняка	8486,6	7331,0	9564,8	7671,8	12091,7	в 1,4
от яловости:	20008,9	14827,1	25013,3	23188,8	31388,1	
в.т.ч. от недополучения приплода	18705,6	14826,2	22589,6	21260,8	28460,1	в 1,5 раза
от недополучения молока	1303,3	0,952	2423,7	1928,0	2928,0	в 2,2 раза
от заболевания маститом	21329,5	32578,7	42317,2	59003,7	74999,3	в 3,5 раза

Экономический ущерб от вынужденного забоя за последние пять лет увеличился в 2005 году в 2,7 раза по сравнению с 2001 годом и составил более 28 млн. рублей. Возможности увеличения валового производства молока в Ярославской области приблизились в 2005 году к 4 тыс. тонн при средней цене реализации 1 ц молока 732 рубля, экономический ущерб от недополучения молока составил более 2,9 млн. рублей.

По данным бонитировки, в среднем по Ярославской области продолжительность сервис-периода в разные годы составляла от 110 дней в 2001 году до 117 дней в 2005 году. Учитывая эти данные, разница между фактическим недополучением телят и данными прогноза достигнет 10,8 тыс. голов в 2005 году. При этом если каждую голову приплода приравнять к 3,6 ц молока, то в целом по Ярославской области общий дополнительный объем условной продукции в 2005 году составил бы 3,8 тыс. тонн молока, а дополнительная выручка от реализации ее превысила бы 28,4 млн. рублей. Таким образом, потери приплода приводят к недополучению дохода при дополнительных расходах на уход за сухостойными коровами.

Снижение выхода валовой продукции в молочном скотоводстве происходит не только из-за яловости коров, но и вследствие заболеваний их маститом. В Ярославской области за последние пять лет количество коров болеющих маститом постоянно увеличивается. Так в 2005 году процент заболевших маститом коров в регионе составил 18,9%, что на 89% больше чем в 2001 году. При этом если предположить, что даже при самой легкой форме мастита животное болеет около 90 дней, продуктивность его снижается на 15%, а ущерб от этого заболевания составит около 75 млн. рублей в 2005 году, что в 3,5 раза больше чем в 2001 году. Таким образом, общий экономический ущерб от заболеваний крупного рогатого скота в Ярославской области в 2005 году составил более 146 млн. рублей, что в два раза превышает ущерб 2001 года. Это составляет 12,5% от стоимости реализованной продукции молочного скотоводства в 2005 году.

Таблица 2

Экономическая эффективность профилактических мероприятий в Ярославской области

Показатели	Годы					2005 г. в % к 2001 г.
	2001	2002	2003	2004	2005	
Предотвращенный экономический ущерб, всего млн.руб.	265,1	251,8	227,6	246,9	309,0	116,5
Затраты на проведение противоэпизоотических мероприятий, млн. руб.	17,5	22,1	21,2	31,8	38,2	в 2,1 раза
Экономический эффект, млн. руб.	247,5	229,6	206,4	215,0	270,8	109,3
Экономическая эффективность, руб.	14,1	10,3	9,7	6,75	7,07	0,50

Для того чтобы снизить ущерб от заболеваний животных в регионе, ветеринарной службой области проводятся противоэпизоотические и лечебно-профилактические мероприятия. Так в 2005 году предотвращенный экономический ущерб составил чуть более 309 млн. рублей (табл. 2). Величина его колеблется в разные годы в зависимости от стоимости реализованной продукции скотоводства и фактически заболевшего скота данными видами заболеваний.

Для расчета экономического эффекта, получаемого в результате проведения профилактических мероприятий, из предотвращенного экономического ущерба вычли затраты на их проведение. При этом затраты складывались из безвозмездных выплат из Федерального бюджета и расходов хозяйств области на противоэпизоотические мероприятия. Таким образом, экономическая эффективность ветеринарных мероприятий на 1 рубль затрат составила 7 рублей в 2005 году, что значительно ниже эффективности 2001 года (на 50%).

Подытоживая вышеизложенное следует отметить, что суммарный экономический ущерб от заболеваний и падежа крупного рогатого скота в 2005 году увеличился в 2,2 раза по сравнению с 2001 годом, и составил более 146 млн. рублей. Общие убытки достигли 8,4% от полной себестоимости проданной продукции молочного скотоводства с учетом реализации крупного рогатого скота, и 12,4% без учета. В стоимости валовой продукции молочного скотоводства экономический ущерб составил 7,7% в 2005 году, что в 1,7 раза превышает уровень 2001 года. Таким образом, Ярославская область ежегодно, в результате низкого уровня ветеринарно-санитарных мероприятий недополучает огромные суммы доходов, что снижает уровень эффективности отрасли.

О.А. Головизнина

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ

Идеи институционализма в российской экономической среде не перестают быть актуальными. Свидетельством тому широкая полемика на страницах отечественных научных изданий о возможностях институционального подхода к экономке. Эволюция институциональной теории и ее структура, проблемы экономики соглашений, экономики трансакционных издержек, теории оптимального контракта и др. рассматривались как зарубежными, так и отечественными исследователями [4; 7; 8; 9; 10; 11].

Критическое обсуждение институциональной среды можно отчасти объяснить малоосмысленным синтезированием основных аспектов институционализма с традиционной российской политической экономией без реального применения моделей и понятийного аппарата. Среди экономистов можно встретить непонимание и неопределенность предмета институциональной экономики, междисциплинарность институционального подхода, а также терминологическую путаницу и т.д. [1]

Целью этой статьи не является ответить на спорные вопросы, которые возникают перед отечественными исследователями, а лишь осветить некоторые из них с точки зрения институционального подхода.

Термин «**институционализм»** (institutio) в переводе с латинского означает обычай, наставление, указание. Одно из определений институционализма трактуется как направление в экономической мысли, делающее главный акцент на анализе институтов [3].

Представители институционализма считают движущей силой общественного развития институты. В качестве институтов они рассматривают отдельные учреждения, что соответствует политическим, экономическим, культурным, идеологическим и другим организационным структурам общества. При этом в разных течениях институционализма этот ключевой термин трактуется по-разному. Отметим, что и здесь может возникнуть некоторая двусмысленность, поскольку экономисты часто используют слово «институт» в значении «организация» или «структура» (например, финансовые, государственные институты). Мы же имеем в виду те, которые организуют, контролируют и формируют экономические процессы для обеспечения протекания с определенным учетом интересов всех участников про-

© О.А. Головизнина, 2006

цесса социального воспроизводства. То есть под *институтами* следует понимать правила и принципы поведения («правила игры»), которым следуют люди в своих действиях.

Наиболее используемыми в институциональной экономике являются методы сравнительного анализа экономических моделей микроэкономики, а среди формальных математических методов – методы теории игр. Институциональная экономика гораздо меньше ориентирована на построение моделей прогнозного характера, и в большей степени – на объяснения динамических качественных изменений в хозяйственном устройстве.

Можно выделить возможности и пределы институциональной экономики как исследовательской программы. Итак, институциональная экономика позволяет:

1) приблизить экономические модели к действительности путем включения в анализ влияния институциональной среды (модели, используемые институционалистами, менее формализованы по сравнению с неоклассическими);

2) объяснить качественную экономическую динамику, в частности особенности институциональной трансформации экономических систем, а также эволюционные экономические и технологические процессы. Это достигается за счет включения в экономический анализ инструментов из смежных наук (биологии, истории и т.д.);

3) обеспечить более полное понимание роли индивидуумов в формировании институциональных структур.

Институциональная экономика не может:

1) предсказывать конкретные экономические события;

2) давать нормативные суждения по поводу экономической политики;

3) служить прямым руководством для внедрения любых видов предпринимательской деятельности.

Институционализм настолько разнороден, что его изучение как единого целого почти бессмысленно – настолько сильно различаются разные течения в самом институционализме.

Исторически так сложилось, что к концу первой половины XX века идеи старого институционализма (Торстейн Веблен (1857–1929), Уэсли Клэйр Митчелл (1874–1948), Джон Морис Кларк (1884–1963), Джон Коммонс (1862–1945)) оказались в глубочайшем забвении. В последнюю треть XX века стало наблюдаться возрождение институционализма в новых формах, при этом это сопровождалось большим его дроблением. Так, можно отметить, что современные школы в институционализме включают: 1) неоинституционализм (основные представители: Рональд Коуз, Оливер Уильямсон, Дуглас Норт); 2) эволюционный институционализм (основные представители: Ричард Нельсон, Сидней Уинтер, Джеффри Ходжсон); 3) новый французский институционализм (основные представители: Клод Менар, Лоран Тевено, Люк Болтянски, Оливье Фаворо, Франсуа Эмар-Дюверне).

Современные экономисты считают, что институционализм не имеет единой экономической теории и распадается на три направления: а) психо-биологическое (Веблен); б) социальное (во главе с Коммонсом); в) эмпирическое (Митчелл).

Не смотря на существующие разногласия, институционализм предполагает создание четких теоретических конструкций, позволяет объяснить большинство экономических проблем, в т.ч. инвестиционного характера. Дадим интерпретацию категории «инвестиционная привлекательность», рассмотрев ее институциональную природу.

Проблемы инвестиционной деятельности присущи рыночной экономике. От понимания логики инвестиционных процессов зависит правильность инвестиционных решений, принимаемых на различных этапах инвестиционного процесса. Одним из важных этапов является выбор объекта инвестирования, который определяется категорией «инвестиционная привлекательность».

Инвестиционная привлекательность часто определяется как возможность «гарантированного, надежного и своевременного достижения целей инвестора на базе экономических результатов деятельности объекта инвестирования». Однако инвестирование – это процесс, где результат не всегда гарантированный, надежный и своевременный. Любые инвестиционные процессы сопряжены со значительной долей риска. В соответствии с данным утверждением категорию «инвестиционная привлекательность» необходимо рассматривать как вероятность достижения выдвигаемых целей инвестирования, выраженную в индивидуальных ожиданиях экономических агентов, потенциальных субъектов инвестиционного процесса.

Инвестиционную привлекательность предприятия можно также трактовать как полезность инвестиций для отдельного конкретного субъекта инвестиционного процесса. Между тем, традиционные представления о категории «полез-

ность», взятые из неоклассической теории потребительского поведения, в рамках которой данная категория и приобрела свою современную форму, и представления о полезности инвестиций (инвестиционной привлекательности) имеют существенные различия.

При этом на институциональную природу категории «инвестиционная привлекательность» указывают следующие аспекты. Во-первых, категория «полезность» в контексте инвестиционных решений многозначнее, чем понимание ее в неоклассическом смысле. Понятие полезности инвестиций включает реализацию целей, отличных от единственно возможной в рамках неоклассической теории – максимизации прибыли или дохода. Так, одно из современных направлений новой институциональной экономической теории (конвенционализм) предусматривает несколько возможных модальностей действий. Поэтому неоклассический принцип представляет лишь частный вариант механизма определения целей при планировании инвестиций из множества альтернатив [6].

Во-вторых, хочется обратить внимание и на «субъективизм» категории «инвестиционная привлекательность». Он заключается в следующем: ожидания инвестора относительно достижения своих целей (изначально субъективные) выражаются в определенных оценках. При этом процедура оценки инвестиционной привлекательности регулируется определенными нормами и правилами, что напрямую отражает институциональный характер. Поэтому субъективизм рассматриваемой категории ограничен объективными рамками, а именно рамками объективного порядка оценочной процедуры.

Процесс инвестиционной привлекательности регулируется системой оценочных институтов различных уровней. Основными являются:

1) информационные институты (институт национального права, институт фондового рынка, институт товарного рынка, институт публичной финансовой отчетности);

2) аналитические институты (институты формального и неформального анализа).

Таким образом, институциональная сущность инвестиционной привлекательности заключается в том, что сама инвестиционная привлекательность может быть доступна в определенных экономических оценках, выработка которых осуществляется с помощью специфических норм и правил. При этом внутренний смысл оценочных процедур заключается в снижении неопределенности ожиданий потенциальных инвесторов о вероятности достижения выдвинутых ими целей инвестирования.

Библиографический список

1. *Вольчик В.В.* Институционализм: вторичность нового мифа? // Экономический вестник РГУ. – 2003. – №1.

2. *Вольчик В.В.* Курс лекций по институциональной экономике. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2000.

3. Институциональная экономика: Учебник / Под ред. А. Олейника. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 704 с.

4. *Ковалев С.Н., Латов Ю.В.* «Аграрный вопрос» в России на рубеже XIX–XX вв.: попытка институционального анализа // Вопросы экономики. – 2002. – №4.

5. *Колодко Г.* Институты, политика и экономический рост // Вопросы экономики. – 2004. – №7.

6. *Масленников И.Б.* Институционализм инвестиционной привлекательности // ЭКО. – 2002. – №8.

7. *Олейник А.* «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «российского простого человека» // Политические исследования. – 2001. – №2.

8. *Радаев В.* Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. – М.: Центр политических технологий, 1998.

9. *Скаржинский М.И.* Избранные труды. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005.

10. *Menard Claude* The Economics of Hybrin Organizations // Journal of Institutional and Theoretikal Economics. – 2003.

11. *Favereau O., Biencourt O., Eymard-Duvernau F.* Where do markets come from? From (quality) conventions! – 2002.

С.Г. Золотарёва

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПОНЯТИЕ СТРУКТУРНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

Структурное финансирование (Structured Finance) – сравнительно новый раздел финансов: впервые этот термин был использован в 1980-х гг. для обозначения широкого перечня долговых обязательств, «которые обеспечиваются какими-либо финансовыми активами или кредитной поддержкой третьей стороны» [1, с. 25]. Традиционное определение структурного финансирования сфокусировано на понятиях секьюритизации и операциях с ценными бумагами, обеспеченными активами (Asset-Backed Securities) и пулом ипотек (Mortgage-Backed Securities). Однако всё больше современных авторов склоняются к расширенной трактовке. Так, профессор Нью-Йоркского университета Иан Гидди (Ian Giddy) характеризует структурное финансирование как «процесс использования долевых, долговых и гибридных финансовых техник для решения тех проблем эмитента или инвестора, которые не могут быть решены с помощью традиционных методов» [3]. По мнению Фрэнка Фабоцци (Frank Fabozzi), признанного авторитета в области структурного финансирования и автора книги «Introduction to Structured Finance», помимо операций секьюритизации, «структурное финансирование включает также комплексные финансовые продукты, например, облигации со встроенными экзотическими опционами, и транзакции, например, проектное финансирование и кредитный лизинг» [2, с. 22]. Таким образом, структурное финансирование *охватывает очень широкий перечень финансовых операций и продуктов и является гибким финансовым инструментом*, который характеризуется одной или несколькими из следующих финансовых операций:

– комплексная финансовая транзакция, связанная со списанием финансовых активов с баланса предприятия и их рефинансирование посредством выпуска ценных бумаг на международном денежном рынке и рынке капиталов (секьюритизация);

– процесс продажи активов на баланс специально созданного для этого «СпецЮрЛица» (Special Purpose Vehicle – SPV);

– процесс выпуска облигаций, обеспеченных активами и/или связанных с каким-либо индексом или иным базовым активом;

– транзакция, осуществляемая компаниями, банками и иными финансовыми образованиями, служащая источником денежных средств и/или позволяющая установить благоприятный налоговый, бухгалтерский или финансовый режимы для компании [2, с. 5].

В целом структурное финансирование базируется на следующем ключевом принципе: определённая группа выпускаемых финансовых активов может быть *структурно* изолирована от компании-эмитента (например, с помощью SPV) и потому не несёт рисков банкротства оригинатора (эмитента). Используя структурное финансирование, оригинатор получает более лёгкий доступ на рынки капитала. Кроме того, такая эмиссия является менее затратной, нежели прямая продажа активов инвесторам. Таким образом, одним из основных преимуществом структурного финансирования является снижение финансовых издержек эмитента. Кроме того, данный тип финансирования предполагает использование гибких структурных финансовых инструментов, альтернативных традиционным инвестиционным активам (акции, облигации, депозитные сертификаты), которые создаются в соответствии с уникальными потребностями инвесторов (соблюдение принципа «колокольчиков и свитков» – “bells and whistles”).

В наиболее общем виде структурное финансирование включает в себя следующие транзакции и продукты:

1. Секьюритизация (securitization): на основе ценных бумаг, обеспеченных активами (Asset-Backed Securitization – ABS), на основе ценных бумаг, обеспеченных ипотекой (Mortgage-Backed Securitization – MBS), на основе обеспеченных долговых обязательств (Collaterized Debt Obligations – CDOs).

2. Кредитные деривативы (Credit Derivatives): кредитные дефолтные свопы (credit default swaps), свопы на совокупный доход (total return swaps), опционы на кредитный спрэд (Credit Spread Options) и т.д.

3. Гибридные продукты: простые и гибридные связанные кредитные ноты (Credit-Linked-Notes – CLN) и т.д.

© С.Г. Золотарёва, 2006

4. Структурированные ноты (Structured Notes): ноты, связанные с акциями (Equity-type structured products), ноты с фиксированной доходностью (Fixed Income Structured Products), ноты, связанные с валютами (Index-Linked Structured Notes) и т.д.

5. Проектное финансирование (Project Finance).

6. Кредитный лизинг (Leveraged Lease).

Таким образом, структурированное финансирование в широком смысле является гибким инструментом финансовой инженерии и охватывает практически все финансовые операции, которые не являются стандартными или «обыкновенными ванильными» (plain vanilla) и сконструированы с учётом специфических потребностей инвесторов и интересов эмитентов.

Библиографический список

1. Andrew A. Silver, "Rating Structured Securities", Chapter 1 in Frank J. Fabozzi, Issuer Perspectives on Securitization (Hoboken, NJ: John Wiley&Sons, 1998).

2. Frank J. Fabozzi, Henry A. Davis, Moorad Choudhry, "Introduction to Structured Finance", John Wiley & Sons, Hoboken, New Jersey, USA, 2006

3. Prof. Ian Giddy http://www.pages.stern.nyu.edu/~igiddy/structured.html

С.А. Иванихин

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА В КОЛЛЕКТИВНЫХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ РАЗЛИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМ

В ходе реформирования аграрного сектора в Ярославской области сформировался широкий круг сельскохозяйственных товаропроизводителей, отличающихся многообразием форм собственности и хозяйствования. В 2005 году действовало 376 крупных и средних коллективных сельскохозяйственных предприятий, 220 тыс. семей имели приусадебные участки, функционировало 2037 крестьянских (фермерских) хозяйств.

По состоянию на 01.01.2006 основными землепользователями являются коллективные сельскохозяйственные предприятия, за которыми закреплено 1506,3 тыс. га земельных угодий, что составляет 41,6% общей земельной площади Ярославской области. На их долю приходится 66,1% площади сельскохозяйственных угодий и 72,2% площади пашни. Однако посевные площади в сельскохозяйственных предприятиях с каждым годом сокращаются. В 2005 году по сравнению с 2001 годом они уменьшились на 114,8 тыс. га (или на 21,7%). Следует отметить, что аналогичная тенденция в период 2001–2005 гг. наблюдается в крестьянских (фермерских) хозяйствах (снижение посевных площадей на 26%) при незначительном снижении уровня посевных площадей в подсобных хозяйствах населения (4,3%).

Доля коллективных сельскохозяйственных предприятий в производстве валовой сельскохозяйственной продукции, начиная с 1995 года, колеблется от 30 до 45%, в то время как на долю крестьянских хозяйств приходится чуть более 1,4%. Из-за значительного спада производства в коллективных сельскохозяйственных предприятиях и снижения платежеспособного спроса населения, личные подсобные хозяйства в последние 10 лет стали занимать лидирующее положение в формировании предложения на рынке сельскохозяйственной продукции Ярославской области (в основном по картофелю, овощам, плодам и ягодам). В то же время коллективные сельскохозяйственные предприятия продолжают играть важнейшую роль в аграрном секторе экономики Ярославской области, оставаясь основными производителями зерна, мяса, молока и яиц – продуктов, определяющих продовольственную безопасность страны. Кроме того, они несут основную нагрузку по обеспечению федеральных и региональных фондов продовольственными ресурсами, продаже сельскохозяйственной продукции за пределы области.

Нельзя не учитывать, что крупные сельскохозяйственные предприятия играют роль интеграторов при организации новых агропромышленных формирований, развивающихся в последние годы.

Несомненным фактом является то, что с развитием рыночных отношений преимущества будут на стороне крупного товарного производства, так как в соответствии с правилом отдачи от масштабов производства, как отмечал еще А.В. Чая-

 © С.А. Иванихин, 2006

Таблица 1

Ресурсный потенциал коллективных сельскохозяйственных организаций различных организационно-правовых форм (в расчете на одно хозяйство)

Показатели	2001 год								2005 год							
	ГУП	ЗАО	Колхоз	ОАО	ООО	СПК	Прочие	В среднем	ГУП	ЗАО	Колхоз	ОАО	ООО	СПК	Прочие	В среднем
Площадь с.-х. угодий, га	2950,0	2805,9	2381,6	4004,6	519,2	2371,4	2623,4	2379,2	2972,8	2629,1	2437,0	3773,5	1082,7	2283,7	789,0	2270,1
Площадь пашни, га	2356,5	2059,9	1863,6	2535,3	388,4	1847,5	1965,8	1830,8	2350,3	1881,2	1865,6	2829,2	878,7	1756,7	647,5	1729,6
Площадь посевов, га	1922,1	1619,6	1430,2	2242,0	388,4	1427,6	1227,2	1425,5	1770,1	1240,8	1169,8	1952,8	741,2	1214,6	482,5	1194,8
Среднегодовая стоимость основных средств, тыс. руб.	62949,3	49568,7	22006,5	46166,3	5660,5	29801,9	27372,6	32032,6	57911,9	40055,3	19713,2	67526,6	8919,5	26938,6	22345,0	28244,0
Наличие тракторов, физ. ед.	25,75	19,95	19,47	29,00	7,10	18,70	15,20	18,70	20,33	17,23	14,34	25,78	9,57	15,76	16,00	15,59
Всего энергетических мощностей, л.с.	8067,2	5447,6	4096,0	6912,3	1643,5	4527,1	3361,2	4611,3	6574,6	5193,8	3183,4	7785,7	2252,4	3757,2	4073,5	3947,6
Расход электроэнергии на производственные нужды, тыс. кВт./ч.	1116,4	754,9	426,0	876,0	242,9	545,4	601,0	573,7	703,7	650,7	232,0	1462,2	303,7	374,4	512,0	434,9
Среднегодовая численность работников, чел.	163,69	106,82	79,61	144,00	42,85	87,72	92,00	91,00	107,00	83,71	47,50	133,67	44,26	63,83	72,50	65,38
Затраты труда, тыс. чел.-ч.	307,81	199,73	152,57	261,00	77,07	168,31	146,80	172,64	204,56	158,48	91,59	260,44	82,31	121,02	120,50	125,93
Поголовье коров, гол.	374,0	264,4	238,2	427,0	116,7	246,6	171,6	247,1	298,9	245,7	159,0	405,9	151,1	215,5	46,0	214,5
Общая сумма затрат, тыс. руб.	16277,9	9707,6	4794,6	9817,7	3688,7	6444,9	4053,0	7006,9	24743,2	18220,9	8661,7	35426,1	8809,5	9704,6	5552,5	11876,1

Таблица 2

Уровень интенсивности использования ресурсного потенциала в коллективных сельскохозяйственных организациях различных организационно-правовых форм

Показатели	2001 год								2005 год							
	ГУП	ЗАО	Колхозы	ОАО	ООО	СПК	Прочие	Всего	ГУП	ЗАО	Колхозы	ОАО	ООО	СПК	Прочие	Всего
В расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий:																
– среднегодовая стоимость основных средств, тыс. руб.	2133,9	1766,6	924,0	1152,8	1090,3	1256,7	1043,4	1346,3	1948,1	1523,5	808,9	1789,5	823,8	1179,6	2832,1	1244,2
– энергетические мощности, л.с.	273,5	194,1	171,9	172,6	316,6	190,9	128,1	193,8	221,1	197,5	130,6	206,3	208,0	164,5	516,3	173,8
– среднегодовая численность коров, гол.	12,7	9,4	10,0	10,7	22,5	10,4	6,5	10,4	10,1	9,3	6,5	10,8	13,9	9,4	5,8	9,4
– затраты труда, тыс. чел. ч.	5,37	3,82	4,23	4,34	8,15	4,25	2,76	4,26	3,40	3,21	2,38	4,13	3,94	3,32	6,46	3,29
– среднегодовая численность работников сельскохозяйственного производства, чел.	4,9	3,3	3,1	3,1	7,8	3,4	2,9	3,5	3,6	3,1	1,9	3,5	4,1	2,8	9,2	2,9
Приходится тракторов на 1000 га пашни, физ. ед.	10,9	9,7	10,4	11,4	18,3	10,1	7,7	10,2	8,6	9,1	7,7	9,1	10,9	8,9	24,7	9,0
Нагрузка пашни на 1 трактор, га	91,5	103,3	95,7	87,4	54,7	98,8	129,3	97,9	115,6	109,2	130,1	109,7	91,8	111,5	40,5	110,9
Удельный вес пашни в сельскохозяйственных угодьях, %	79,9	73,4	78,2	63,3	74,8	77,9	74,9	76,9	79,1	71,6	76,5	74,9	81,1	76,9	82,1	76,2
Удельный вес посевов в площади пашни, %	81,6	78,6	76,7	88,4	100,0	77,3	62,4	77,9	75,3	65,9	62,7	69,0	84,3	69,1	74,5	69,1
В расчете на одного работника:																
– среднегодовая стоимость основных средств, тыс. руб.	437,1	527,9	297,2	371,3	139,8	370,9	350,9	388,0	601,9	519,0	445,2	544,6	213,5	450,5	316,9	456,3
– энергетические мощности, л.с.	56,0	58,0	55,3	55,6	40,6	56,3	43,1	55,9	68,3	67,3	71,9	62,8	53,9	62,8	57,8	63,8
– площадь сельскохозяйственных угодий, га	20,5	29,9	32,2	32,2	12,8	29,5	33,6	28,8	30,9	34,1	55,0	30,4	25,9	38,2	11,2	36,7
Сумма производственных затрат в расчете на:																
– 1 га сельскохозяйственных угодий, тыс. руб.	2,1	1,2	0,6	0,8	1,9	0,9	0,6	1,0	3,9	1,7	0,5	2,1	1,4	1,2	4,9	1,4
– 1 корову, тыс. руб.	14,5	13,8	8,7	10,9	13,6	10,1	8,0	10,9	25,9	26,0	15,8	29,9	25,6	21,0	25,2	22,5

нов, «..при прочих равных условиях хозяйство крупное почти всегда имеет преимущество перед мелким. Это основной экономический закон и было бы нелепостью его отрицать». Поэтому на сегодняшний день главная задача – это сохранение и создание в аграрной среде экономических условий для повышения эффективности крупного производства. Поставленная задача очень актуальна для сельского хозяйства Ярославской области, т.к. за годы реформ значительно снизилось производство сельскохозяйственной продукции, уменьшился ресурсный потенциал сельскохозяйственных предприятий (табл. 1).

Площадь сельскохозяйственных угодий сократилась на 4,6%, среднегодовая численность работников – на 27,1%, среднегодовая стоимость основных средств – на 11,8%, поголовье коров – на 13,2%. При общем сокращении ресурсного потенциала, изменения его по организационно-правовым формам организаций происходили поразному. Если в 2001 году самым мощным ресурсным потенциалом обладали унитарные предприятия, то в 2005 году бесспорным лидером стали открытые акционерные общества, у которых существенно увеличился уровень фондо- и энергообеспеченности. Увеличили свой ресурсный потенциал общества с ограниченной ответственностью. По всем остальным организационно-правовым формам наблюдается снижение ресурсного потенциала.

Учитывая, что в сельском хозяйстве земельные ресурсы являются основой сельскохозяйственного производства, в первую очередь рассмотрим состояние и использование данного вида ресурсов.

Наиболее стабильно земельные ресурсы используются в унитарных предприятиях, где форма собственности на землю – государственная. В предприятиях данной организационно-правовой формы за последние пять лет при неизменной площади сельхозугодий и площади пашни, приходящейся на одно предприятие, произошло незначительное сокращение посевных площадей (на 7,9%) при сохранении их структуры. Совсем другая картина по использованию земли наблюдается в хозяйствах других организационно-правовых форм, где форма собственности на землю – частная.

Хуже всего земельные ресурсы используются в колхозах, где площадь посевов составляет только 62,7% от площади пашни, причем 85,2% посевной площади приходится на многолетние травы.

По всем сельскохозяйственным предприятиям эффективность использования сельскохозяйственных угодий снижается: урожайность зерновых и многолетних трав на сено за пятилетний период уменьшилась на 10,6% и 3,8% соответственно; производство живой массы КРС в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий сократилось на 13,6%, валовой прибыли хозяйствами было получено на 63,7% меньше. Наблюдается незначительный рост производства молока в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий (3%), а рост стоимости товарной продукции обусловлен ростом цен на сельскохозяйственную продукцию. В разрезе организационно-правовых форм лучшие производственные показатели по использованию сельскохозяйственных угодий имеют ЗАО и ОАО, однако хозяйства последней организационно-правовой формы из-за необоснованно высоких затрат имеют очень большие убытки, что отрицательно сказывается на всех стоимостных и финансовых показателях.

Эффективность использования земельных угодий связана с обеспечением трудовыми ресурсами, численность которых за последние 5 лет сократилась на 27,1%. Трудовые ресурсы сокращаются более высокими темпами, чем земельные ресурсы. В результате этого нагрузка сельскохозяйственных угодий на одного среднегодового работника по всем организационно-правовым формам сельскохозяйственных предприятий возросла с 28,8 га в 2001 году до 36,7 га в 2005 году, или на 27,4% (табл. 2).

При увеличивающейся нагрузке сельскохозяйственных угодий на одного среднегодового работника, занятого в сельскохозяйственном производстве, снижающемся уровне энергооснащенности на 10,3%, и сокращении потребления электроэнергии на 24,2%, снижение объемов производства сельскохозяйственной продукции является закономерным.

Прошедшие 5 лет в сельском хозяйстве Ярославской области существенно изменили структуру ресурсного потенциала и отразились на эффективности производственной деятельности сельскохозяйственных предприятий. Многочисленные реорганизации правовых форм функционирования коллективных хозяйств в большинстве своем носили формальный характер и не оказали значительного влияния на характер производственно-экономических отношений в сельском хозяйстве. В то же время в условиях спада произ-

водства эффективность использования ресурсов во многом определялась размерами сельхозпредприятий. Анализ использования основных ресурсов показывает, что в крупных хозяйствах наблюдается тенденция относительного роста эффективности производственной деятельности.

Все это свидетельствует о том, что в коллективных сельскохозяйственных предприятиях Ярославской области имеет место позитивный эффект масштаба, связанный с факторами земельных и трудовых ресурсов.

А.Г. Кокуева

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД ПОСТРОЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Кластером или инновационным кластером (Innovative clusters, ИК) называют способ группирования и связывания на территории частных компаний, организаций науки и образования, административных органов вокруг ведущей практики в целях создания сквозной «цепочки» распределенного производства стоимости и достижения наивысшей эффективности и конкурентоспособности. Ключевой особенностью кластера является то, что создаётся единая динамическая система. В целях выстраивания наиболее производительных логистических цепочек значительное место занимает разукрупнение и разделение некоторых существующих компаний на более мелкие подразделения.

Хорошими примерами кластеров является создание в «индустриальных» США в 1970–1980-е годы калифорнийского винодельческого кластера (объединяет до 700 разных фирм), который стал серьезным конкурентом Южной Европы, или создание в Италии в 1980–90-е мирового мебельного кластера (более 2 тыс. фирм), или оптикопроизводственный кластер в Аризоне (150 фирм) и Мультимедийный кластер в Виктории (Австралия), финский кластер вокруг брэнда Nokia по производству мобильной коммуникационной техники. Образчиками кластерообразования является и знаменитый Голливуд или не менее знаменитая сегодня Силиконовая Долина (Silicon Valley).

Территориальный масштаб кластера может быть самым разным – от местного (локального) – до масштаба всей страны или даже нескольких географически близких стран. Важно, чтобы уровень действия кластера был мировым, что и проявлялось в создании кластером уникальной собственной ниши в глобальной, национальной или региональной микросистеме. Кластеры особенно важны для постсоветской экономики, поскольку они являются альтернативой отраслевого подхода, который, как указывают специалисты различных школ и идеологий, стал одной из причин экономической деградации и разрушения СССР.

Но кластеры не тождественны и территориально-промышленным комплексам (ТПК). В отличие от ТПК, которые создавались вокруг нового большого производства и на новом месте, как бы с чистого листа, инновационные кластеры имеют органическую природу и создаются на основе уже имеющихся и действующих предприятий и организаций через переорганизацию и новое структурирование. Кластеры также не тождественны наукоградам и академгородкам. Наличие концентрированной и избыточной научной среды не является обязательным условием строительства ИК. Создание ИК осуществляется в логике структурных преобразований и жизненных циклов, когда сам регион исходно рассматривается не разовым пространством для размещения отраслевого производства, а субъектом, способным на неоднократные инновационные программы и проекты, на перепроектирование и осуществления нового очередного жизненного цикла. Инновационное и проектное мышление, определение знаний о мышлении и деятельности является при этом в ИК главным. Не ждать привносимых кем-то извне новых производственных мощностей и бизнесов, а выдвигать собственные проекты и организовывать развитие через концентрацию знаний и интеллекта – вот специфика ИК. Поэтому в основе способности создавать ИК лежит умение создавать организационный или знаниевый капитал.

Не случайно, что обязательным условием жизнеспособного ИК является наличие одного или нескольких продвинутых университетов, которые при полном сохранении и даже углублении своей фундаментальности также являются практико-ориентированными и проектными.

© А.Г. Кокуева, 2006

Университет в тесном сотрудничестве с бизнесом и местным сообществом (властью) – вот одна из главных формул ИК, так называемая тройная спираль. А главным условием эффективности такой тройственной связи является наука и научность нового практико-ориентированного и проектного типа. Разнообразие научных источников технологических знаний и связей облегчает комбинацию факторов производства и становится предпосылкой любой инновации. Наука, научная среда и научное управление в ИК создаёт ядро кластеров – устойчивую систему распространения новых знаний, технологий и продукции – так называемую технологическую сеть. И именно за счёт науки предприятия кластера получают дополнительные конкурентные преимущества и возможность осуществлять внутреннюю специализацию и стандартизацию, минимизировать затраты на внедрение инноваций.

Через метод кластеризации впервые возникает для нашей страны возможность начинать рассматривать науку инструментально, но не коммерчески, которая становится необходимой для всех и для всех востребованной. Логика жизненных циклов и строительства ИК требует изощренных управленческих команд, умеющих работать в условиях значительной неопределённости и экспериментирования, умеющих получать стратегические эффекты прежде всего за счёт опережающего мышления. Поэтому так важно для кластеров понятие инноваций и наличие инновационной среды.

Управление кластером состоит в анализе и диагнозе ситуации, выявление критических для развития «узких мест» (bottlenecks), определении стратегического направления и механизмов их решения, и, главное, проектировании кластерной структуры, которая и определяет новую мощную эффективность на базе по-новому организованных и связанных между собой элементов старых структур и принципиально новых структур и институтов. Такие команды называют проектно-креативными управленческими командами.

Таким образом, кластерный подход является междисциплинарным и межсекторальным (межотраслевым) и реализуется на стыке регионального и городского развития, урбанизационно-географических разработок (регионалистика), а также промышленного и социального развития. Применение кластерного подхода требует развитой методологии работы с мышлением и знанием, большого коммуникационного потенциала для связи абсолютно разных участников кластерообразования.

Интеграция науки и образования с промышленностью, включая аграрные производства и все виды современных производств товаров и услуг, позволяет формировать устойчивые системы наивысшей конкурентоспособности. Только тесная интеграция науки, образования и промышленности позволит развивать реальную экономику. Важно также отметить, что огромная роль в новых рефлексивных практиках принадлежит информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ). Речь идёт не только о ИК, которые непосредственно производят ИК и ПО, но и о том, что практическую связность, «цементирование» каждого кластера невозможно сегодня осуществить без системной интеграции на основе ИКТ.

Метод инновационных кластеров может и должен стать ядром создания российской инновационной экономики. Это обусловлено тем, что создание и эффективная организация работы кластеров составляет от 5 до 10 лет и определяет среднесрочные программы и проекты.

В целом же, инновационная экономика, отвечая, как мы выше указывали, за развитие, воспроизводство и производство, могла бы состоять из трёх секторов:

1. Инфраструктурного, создающего и поддерживающего федеральные и межрегиональные инфраструктуры, которые создаются в течение полутора-двух десятилетий и выступают системным каркасом и своего рода «несущими» всей экономики страны.

2. Региональных и локальных инновационных кластеров, которые системно интегрируют все виды деятельности на территории вокруг выбранных ключевых направлений или «профилей».

3. Индустрии, которые бы были «сквозные» и характеризовались отработанной формой получения общественно важных продуктов, как товаров, так и услуг, и которые бы было возможно быстро вовлекать в экономику конкретной территории. При этом интегральным показателем успешности и эффективности экономики, а также следствием конкурентоспособности, могло бы являться качество жизни как характеристики социальности на территории.

А.В. Солодов

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Фундаментальной основой происходящих в современном в мире глобальных изменений является формирование качественно нового типа технологического уклада. Роль главного производственного ресурса начинают играть инновации и информация, а существующие хозяйственные системы трансформируются в экономику знаний. Переход от индустриального к постиндустриальному обществу и интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий существенно усиливает роль интеллектуальных факторов производства по отношению к роли факторов материальных и традиционной рабочей силы.

В складывающейся постиндустриальной реальности важнейшим национальным ресурсом оказывается не только традиционное географическое пространство с расположенными на нем населением и производственными мощностями, но также интеллект и финансы, не имеющие материальных границ и легко перемещающиеся в виртуальном пространстве с помощью информационно-коммуникационных технологий. Утверждение нового способа мирового доминирования обостряет мировую конкуренцию с очевидным исходом: она будет выиграна теми государствами, которые смогут раньше других закончить переход к постиндустриальным структурам и сформировать свои социально-экономические системы на основе принципов информационного общества.

Положение России в современном мире не соответствует ее интеллектуально-кадровому и научно-техническому потенциалу, а цена доступа к глобальной инфраструктуре постиндустриальной экономики, которую приходится сегодня платить за отставание в модернизации и информатизации страны, непомерно высока. Достойным ответом России на вызовы времени и должна стать технологическая модернизация экономики, социальной и управленческой сфер с использованием современных телекоммуникаций, информационных технологий в социально-экономической сфере и государственном управлении на основе новых, процессных, подходов.

В рамках реформирования экономики в России предпринято немало важных инициатив. Многие из них связаны с совершенствованием управления государственными расходами, поскольку общество заинтересовано в рачительном расходовании средств, аккумулируемых в бюджете из разных источников доходов, а государство призвано обеспечивать результативность и эффективность государственных расходов. Среди них и бюджетирование, ориентированное на результат, родившееся в ответ на осознание незаинтересованности государственных служащих (при сложившейся практике управления) в экономии бюджетных средств и повышении качества услуг, финансируемых из бюджета.

Управление по результатам в органах исполнительной власти предполагает использование показателей результативности разных типов, в том числе, при постановке целей и при проведении оценки степени достижения каждой их целей.

В Российской Федерации опыт использования элементов результативного управления при планировании расходов органов исполнительной власти выявил те же проблемы, с которыми сталкивались и другие страны. В их числе – трудности при формулировании ***целей и задач*** органа исполнительной власти, при определении наименований ***показателей результативности***, при определении набора показателей результативности для отдельной цели органа исполнительной власти и для иерархии целей.

В общем виде процесс оценивания эффективности государственных расходов на создание и развитие информационных систем можно представить в виде трех последовательных процедур.

Первая процедура предполагает оценивание эффектов от внедрения информационной системы. Вторая процедура подразумевает оценивание совокупных затрат на внедрение, сопровождение и эксплуатацию информационной системы. Третья – оценивание соотношения «эффект/затраты» и вынесение суждения об эффективности внедрения той или иной информационной системы составляет содержание третьей процедуры. Общая схема процесса приведена на рисунке.

Первая и вторая из рассмотренных процедур могут выполняться без привязки друг к другу. Что касается третьей процедуры, для ее успешного

© А.В. Солодов, 2006

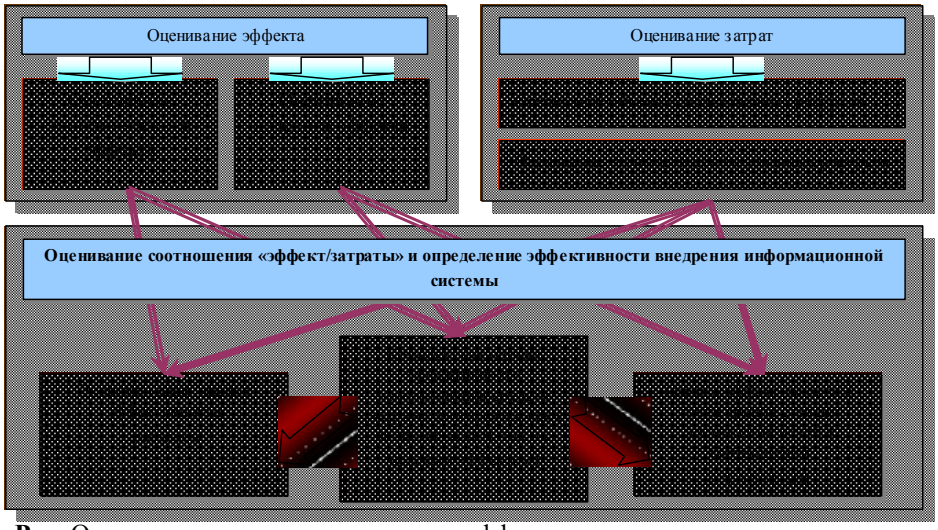


Рис. Организация процесса оценивания эффективности государственных расходов на создание и развитие информационных систем

проведения обязательно наличие результатов выполнения первых двух.

Первый этап под названием «структуризация целей сверху вниз» предполагает формирование иерархической структуры (дерева) целей, для достижения которых внедряются информационные системы. Формирование данной структуры производится путем последовательной декомпозиции цели высшего уровня (генеральной цели), сформулированной в обобщенном виде, на цели второго уровня. Полученные цели, в свою очередь, декомпозируются на субцели более низкого уровня до тех пор, пока для терминальных целей той или иной ветви дерева станет возможной выработка однозначно трактуемого, качественно или количественно измеримого показателя.

На втором этапе осуществляется оценивание терминальных эффектов внедрения информационных систем – в виде монетарных или немонетарных показателей.

На этапе «агрегирования эффектов снизу вверх» (третий этап) осуществляется последовательное, в обратном порядке, агрегирование оценок терминальных эффектов, полученных в результате внедрения информационной системы. Возможны два варианта агрегирования терминальных эффектов – по схеме оценки экономического эффекта (если эффекты выражены через монетарные показатели), либо по схеме оценки целевого эффекта (в случае выражения эффектов через немонетарные показатели). В процессе практической деятельности по оценке эффективности, скорее всего, оценка эффекта от внедрения информационных систем будет выражена и в виде монетарных, и в виде немонетарных показателей. В этом случае необходимо использовать обе схемы агрегирования эффектов.

Оценивание затрат производится на основе системы показателей эффективности, характеризующих совокупные (прямые и косвенные) затраты на создание, внедрение и эксплуатацию информационных систем. Также как и при оценивании эффектов, оценивание затрат производится в три этапа по той же схеме.

Отличие заключается в том, что при оценке затрат терминальные элементы раскрываются через типовые показатели затрат, представленные в предыдущем разделе.

Оценивание соотношения «эффект/затраты» и определение эффективности государственных расходов на создание информационных систем, а также выбор рациональных вариантов этих расходов производится на основе системы критериев эффективности.

Выбор критерия зависит от типа схемы, по которой производилась оценка эффекта от внедрения информационных систем. Критерий целевой эффективности используется в том случае, если использовалась схема оценки целевого эффекта. Соответственно для схемы экономической оценки эффекта применяется критерий экономической эффективности. Последний критерий применяется в том случае, когда для оценки эффекта от внедрения информационной системы использовались обе схемы.

Н.Ю. Махаева

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СПЕЦИАЛИСТОВ В ОРГАНИЗАЦИЯХ АГРАРНОЙ СФЕРЫ АПК

Динамичное, эффективное развитие сельскохозяйственного производства во многом зависит от насыщенности отрасли специалистами требуемого профиля, высокого уровня профессиональной подготовки и мотивации труда. В условиях рыночной экономики, когда сельскохозяйственные предприятия стали самостоятельными экономическими субъектами, хозяйствующими в конкурентной среде, выдвигаются новые требования к профессиональному составу специалистов, уровню их квалификации, результативности труда и ответственности. Значительные коррективы в спрос и предложение специалистов сельского хозяйства вносят изменения в объемах, институционной и отраслевой структурах сельскохозяйственного производства, финансировании аграрного образования, а также социальных условиях жизни на селе. Повышение благосостояния народа напрямую зависит от эффективности работы всех звеньев агропромышленного комплекса, которая в значительной степени определяется уровнем профессионализма кадров. Однако неблагоприятная экономическая конъюнктура, снижение инвестиционной активности, низкая мотивация труда, социальная незащищенность тружеников села, высокая сменяемость руководителей сельскохозяйственных предприятий препятствуют динамичному развитию АПК и вызывают обоснованную тревогу за судьбу деревни и сельскохозяйственного производства.

Немаловажную роль в деле преобразования аграрного сектора экономики страны должна сыграть сфера кадровой политики и аграрного образования. В аграрной сфере, как известно, работает почти каждый третий работник из числа занятых в производстве. Поэтому от того, как живет и трудится сельский товаропроизводитель, реально зависит благополучие россиян и продовольственная безопасность страны. На селе сегодня опережающими темпами по сравнению с городом растет безработица. Из-за ухудшения состояния основных средств и сокращения затрат на создание условий по охране труда, из АПК с полной и частичной утратой трудоспособности ежегодно выбывает до 60 тыс. работников. У 18 млн. живущих на селе доходы не достигают прожиточного минимума, почти у 6 млн. – они в 2 и более раза ниже черты бедности.

В целом по России численность специалистов в сельскохозяйственном производстве уменьшилась на 340 тыс. человек. Образовательный уровень руководителей и специалистов сельскохозяйственных организаций все ещё остается низким. Высшее образование имеют 67,4% руководителей и 53% главных специалистов, среднее специальное образование имеют 25,2% руководителей и 41,9% главных специалистов, 7,4% руководителей и 5,1% главных специалистов вообще не имеют профессионального образования. Особенно низок образовательный уровень главных инженеров, зоотехников, ветврачей.

Общий дефицит кадров руководителей и специалистов в целом по АПК составляет около 78 тыс. человек, а ежегодный выпуск специалистов – более 78,5 тысяч. Дефицит реально мог бы быть ликвидирован за два-три года. Но этого не происходит из-за крайне низкого уровня закрепления кадров в сельскохозяйственном производстве, и особенно – выпускников аграрных учебных заведений. Причины этого известны: низкий престиж труда в сельском хозяйстве, невысокая и нерегулярно выплачиваемая зарплата, слабая социальная защищенность, крайне неудовлетворительные жилищные условия и кризисное состояние сельской экономики и социальной сферы в целом. 32,7% выпускников, обучавшихся за счет средств федерального бюджета по очной форме трудоустроено в 2005 году в сельскохозяйственные организации.

Нельзя признать нормальной ситуацию, когда увеличение доли сельской молодежи среди первокурсников не ведет к адекватному росту закрепления молодых специалистов в сельском хозяйстве, т.е. наблюдается отток из села остатков молодежи, причем наиболее подготовленной ее части. Система аграрного образования не нацелена на конечный результат, действует независимо от АПК, его нужд и потребностей, ориентируясь, в основном, на такие показатели, как объем поступивших, прием на коммерческой основе, объем выпуска. Даже целевой прием не решит в полной мере эту проблему, поскольку управ-

© Н.Ю. Махаева, 2006

ленческие структуры не несут никакой ответственности, во-первых, за невыполнение договорных обязательств по трудоустройству, во-вторых, за выдачу разрешений о смене места работы и сферы деятельности, которая в 95 случаях из 100 весьма далека от сельского хозяйства и сельской местности. Прием сельской молодежи в 2006 году в вузы Минсельхоза России составил 53,2% от общего приема (в 2002 году – 61%). Целевой прием в 2006 году составил 27,9% от бюджетного приема (в 2002 году – 37%).

Необходимо усилить работу по профориентации и начальной профессиональной подготовке учащихся сельских образовательных школ. Одной из важных задач в настоящее время является изучение тенденций развития системы общего и профессионального образования с учетом ожидаемого снижения численности выпускников общеобразовательных школ. Этот вопрос, по предварительным прогнозам, примет угрожающие масштабы в период с 2010 по 2020 год. В этот период численность выпускников может снизиться от 27 до 41%.

Наряду с профориентационной работой необходимо принять действенные меры по закреплению выпускников аграрных образовательных учреждений, отчего зависит уровень и качество кадрового обеспечения АПК, эффективность его работы. Органы управления АПК, кадровые службы должны формировать заказ аграрным вузам – каких специалистов и сколько надо готовить за государственный счет, исходя из потребностей конкретного региона, чтобы они были востребованы производством, делать все для того, чтобы подготовленные кадры нашли в нем свое применение, остались работать и жить на селе. Необходимо увеличивать адресную подготовку специалистов для конкретного хозяйства, предприятия, информационно-консультационной службы. Готовить кадры для такой сложной отрасли, как сельское хозяйство, без ориентации их на конкретные рабочие места – это абсурдный подход. Безусловно, большое значение в решении задачи кадрового обеспечения АПК будут иметь обустройство села, создание эффективной производственной инфраструктуры, оснащение современной техникой, внедрение прогрессивных технологий, коренное улучшение всей социальной сферы.

Н.А. Соболева

ОЦЕНКА ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ СТРАТЕГИИ СВИНОВОДЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

В условиях рыночной экономики возникает объективная необходимость выявления тенденций развития финансового состояния и перспективных финансовых возможностей предприятия. Значение анализа финансового состояния предприятия трудно переоценить, поскольку именно он является той базой, на которой строится разработка финансовой стратегии предприятия. Финансовая стратегия – это генеральный план действий предприятия, охватывающий формирование финансов и их планирование для обеспечения финансовой стабильности предприятия и включающий в себя: планирование, учет, анализ и контроль финансового состояния; оптимизацию основных и оборотных средств; распределение прибыли.

Одной из важнейших характеристик финансового состояния предприятия является стабильность его деятельности с позиции долгосрочной перспективы. Она связана, прежде всего, с общей финансовой структурой организации, степенью его зависимости от кредиторов и инвесторов. Расчеты интегральной оценки финансового состояния (табл.) показывают, что в группу «абсолютно финансово устойчивых предприятий» не входит ни одно изучаемое хозяйство. Во вторую группу «достаточно устойчивые предприятия» входит ЗАО «Левашово», набравшее в 2005 году 66 баллов. СПК «Рыбинский» и ОАО Племзавод «Чебаково» демонстрируют некоторую степень риска по задолженности, но еще не являются существенно рискованными. Высокое значение коэффициента текущей ликвидности ОАО Племзавод «Чебаково» (8,72) считается нежелательным, поскольку свидетельствует о нерациональном вложении предприятием своих средств и неэффективном их использовании. ЗАО «Залесье» по сумме набранных балов попало в чет-

© Н.А. Соболева, 2006

Таблица

Оценка финансового состояния свиноводческих предприятий Ярославской области в 2005 году

Показатели	ЗАО «Левашово»	СПК «Рыбинский»	ЗАО «Залесье»	ОАО Племзавод «Чебаково»	ОАО «Курба»	ООО «Ярославский свинокомплекс»
Коэффициент абсолютной ликвидности	0,011	0,121	0,006	0,260	0,003	0,012
Коэффициент критической оценки	0,255	0,204	0,357	1,91	0,429	0,062
Коэффициент текущей ликвидности	2,118	1,497	0,729	8,715	1,087	0,309
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	0,414	0,227	-0,423	-0,181	-1,877	-2,232
Коэффициент финансовой независимости	0,861	0,625	0,519	0,145	-0,03	-1,738
Коэффициент финансовой независимости в отношении формирования запасов и затрат	4,212	1,489	2,994	0,257	-0,142	-2,571
Сумма баллов	66	48	34,4	47,5	13,5	13,5
Группа по степени финансовой устойчивости	2	3	4	3	5	5
Z-счет Альтмана	3,19	1,94	0,34	2,09	-0,15	-2,55
Z-счет Таффлера	0,50	0,45	0,19	1,22	0,07	0,69
Z-счет Лиса	0,04	0,05	0,00	0,07	0,01	-0,07
Z-счет Г.Савицкой	-5,08	-6,80	1,67	-30,47	69,69	6,70
Эффект финансового рычага	-0,78	-1,94	-6,83	-37,02	x	x

вертую группу, которая характеризуется предкризисным состоянием. Это связано с тем, что по коэффициентам ликвидности предприятие не удовлетворяет требованиям нормативов. Значение коэффициента обеспеченности собственными оборотными средствами является отрицательным, так как оборотные активы превышают собственный капитал. ООО «Ярославский свинокомплекс» в течение четырех лет относится к группе «предприятия-банкроты», по степени финансовой устойчивости характеризуется как предприятие высочайшего риска и практически несостоятельное. В 2005 году в эту группу перешло и ОАО «Курба». Это произошло в результате снижения значения коэффициента текущей ликвидности, отражающего степень покрытия краткосрочных обязательств оборотными активами. Однако, более детальный анализ показал, что нахождение таких крупных предприятий как ЗАО «Залесье» и ОАО «Курба» в финансово неустойчивых группах в связи с ликвидными затруднениями свидетельствует, с одной стороны, о финансовом нездоровье и неплатежеспособности, а с другой – о динамичном развитии предприятий, бурном наращивании оборота и быстром освоении риска в результате получения инвестиционного кредита. Вполне вероятно, что в ближайшей перспективе эти предприятия смогут вести агрессивную финансовую политику.

Соответствие положения каждого предприятия в определенной группе подтверждается и диагностикой вероятности банкротства. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в 2005 году отсутствует риск банкротства у ЗАО «Левашово», СПК «Рыбинский, «Чебаково». ЗАО «Залесье», ОАО «Курба» и ООО «Ярославский свинокомплекс» относятся к предприятиям с высоким риском банкротства.

Важным компонентом оценки финансового состояния является деловая активность. В соответствии с результатами расчетов, количество календарных дней, в течение которых предприятия получают выручку, равную сумме оборотных активов, колеблется от 165 дней в ООО «Ярославском свинокомплексе» до 852 дней в ОАО «Курба». Для взыскания задолженности по расчетам

ЗАО «Левашово», СПК «Рыбинский», «Чебаково» требуется соответственно 27, 12, 50 дней. ЗАО «Залесье», ОАО «Курба» обладают менее высокой скоростью оборачиваемости дебиторской задолженности, это связано с тем, что активы отяжелены большой долей дебиторской задолженности (около 80%). Более короткой длительностью оборачиваемости кредиторской задолженности обладают ЗАО «Левашово», СПК «Рыбинский», ЗАО «Залесье», «Чебаково», что характеризует их как надежных партнеров. Для расчетов по своим обязательствам для ОАО «Курба» и ООО «Ярославский свинокомплекс» требуется 725 и 787 дней, соответственно. Высокая доля кредиторской задолженности снижает финансовую устойчивость и платежеспособность организации. Однако, эта задолженность перед кредиторами дает предприятию возможность пользоваться «бесплатными» деньгами на это время. И тот факт, что срок оборачиваемости дебиторской задолженности меньше срока кредиторской задолженности является положительным моментом для ЗАО «Левашово», СПК «Рыбинский», ОАО «Курба», ООО «Ярославский свинокомплекс», то есть их должники рассчитываются с ними быстрее, чем сами предприятия со своими должниками.

Для оценки структуры финансовых источников и их эффективности в свиноводческих предприятиях нами проведен анализ эффекта финансового рычага, который показывает, насколько процентов увеличивается сумма собственного капитала за счет привлечения заемных средств в оборот предприятия. По величине активов, получаемой прибыли финансово устойчивые предприятия (ЗАО «Левашово», СПК «Рыбинский», «Чебаково») значительно превосходят остальные хозяйства, но при этом средняя цена заемных ресурсов все равно превышает рентабельность активов, т.е. привлечение заемных средств здесь, как и по другим предприятиям, не способствует накоплению капитала и вынуждает товаропроизводителей применять консервативную стратегию финансирования имущества.

Положительный эффект финансового рычага не достигнут ни одним из предприятий, то есть создался эффект «дубинки», в результате чего происходит «проедание» собственного капитала, что может стать причиной банкротства предприятия. Высокое значение налогового корректора и отрицательное значение дифференциала финансового рычага увеличивают негативную силу воздействия рычага и увеличивают риск банкротства предприятия.

Возможные направления финансовой стратегии могут быть представлены в виде матрицы финансовых стратегий предприятий, рекомендованной французскими учеными Ж. Франшоном и И. Романе. Манипулируя в рамках данной матрицы, можно рассматривать проблему в динамике, давая возможность не только формулировать финансовую стратегию, но и модифицировать (менять) ее в результате изменения очень важных параметров функционирования предприятия. Анализируемые предприятия в 2005 году заняли следующее положение на матрице в соответствии с комплексным показателем – результат финансово-хозяйственной деятельности (рис.).

ОАО «Курба», ЗАО «Залесье и СПК «Рыбинский», находящиеся в квадранте №3, характеризуются противофазой результата финансовой деятельности и результата хозяйственной деятельности. Это говорит о том, что предприятия осуществляют инвестиционную деятельность и увеличивают финансово-эксплуатационные потребности за счет нарастания кредиторской задолженности. Возможной финансовой стратегией для этих предприятий мог бы стать переход в квадранты 5 или 6. Но в силу того, что эффект финансового рычага отрицательный, предприятия смогут занять только квадрант №6. Для этого необходимо уменьшить заимствования в виде кредита и наращивать собственные средства.

	РФД<<0	РФД=0	РФД>>0
РХД>>0	№1	№4	№8 ООО «Ярославский свинокомплекс»
РХД=0	№7	№2	№5
РХД<<0	№9 ЗАО «Левашово» ООО «Чебаково»	№6	№3 ОАО «Курба» ЗАО «Залесье» СПК «Рыбинский»

Рис. Матрица финансовых стратегий предприятий

ООО «Ярославский свинокомплекс» занимает квадрант №8, что говорит об избытке ликвидных средств. Если предприятие может ими с наибольшей эффективностью распорядиться, то положение станет стабильным. Но ООО «Ярославский свинокомплекс» имеет большую кредиторскую задолженность, которая превышает собственный капитал.

Квадрант №9, где находятся ЗАО «Левашово» и ОАО Племзавод «Чебаково», свидетельствует о реальном кризисном положении предприятий. Эти предприятия испытывают дефицит ликвидных средств, им необходимо синхронизировать денежные потоки. «Рецептами» выхода из кризиса для ОАО «Чебаково» должна являться финансовая государственная поддержка как племенного завода, для ЗАО «Левашово» – фокусирование усилий на одном из сегментов (например, перерабатывающий цех). Предприятиям необходимо уменьшить использование заемных средств и ослабить силу воздействия финансового рычага. Но в современных российских условиях при проблемах с оборотными средствами можно признать, что нахождение в квадранте 9 – это не признак кризиса, а, скорее, даже признак определенной стабильности в рамках тех условий внешней среды (практика неплатежей), которые в настоящее время существуют в России.

В настоящее время предприятия должны активизировать свою деятельность для изменения структуры капитала. Низкая экономическая рентабельность существенно ограничивает привлечение заемных средств, которые помогают предприятию быстрее и масштабнее выполнить свои задачи. В тоже время существующая сильная зависимость капитала от внешних источников финансирования может неблагоприятно сказаться на дальнейшей деятельности предприятий. Поэтому проблема финансовой стратегии состоит не в том, чтобы исключить все риски вообще, а в том, чтобы принять разумные рассчитанные риски в пределах дифференциала финансового рычага.

О.Ю. Сяськая

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЫНКА САХАРА

В результате эволюционного развития сформировалась сложная динамическая структура свеклосахарного бизнеса, основой которого является взаимодействие свеклопроизводящего и свеклоперерабатывающего производств посредством формирования системы сложных бизнес-отношений между этими логически связанными сферами. Бизнес-отношения, в свою очередь, развиваются на мировом уровне, уровне государства, в разрезе региона и сырьевых зон. Это деление обуславливается спецификой размещения зон производства, переработки и реализации продукта, а также действия рыночного механизма и вмешательства государства.

В мире сахар получают от переработки сахарного тростника и свеклы, под посевами которых занято около 30 млн. га. При этом в 39 странах выращивают только сахарную свеклу, в 67 – сахарный тростник и лишь в 9 странах природно-экономические условия позволяют выращивать и сахарную свеклу, и сахарный тростник. На российском рынке реализуется свекловичный сахар, выработанный из сырья нашей и соседних стран, и тростниковый сахар, полуфабрикат которого – сахар-сырец, а также готовый продукт завозят из Бразилии, Кубы и Таиланда. Качество производимого в нашем государстве продукта определяется стандартами ГОСТ (сахар-песок – ГОСТ 21-94, рафинированный прессованный сахар – ГОСТ 22-94). В рамках стран Европейского сообщества согласно Директиве Комиссии ЕЭС №1280/71 и №793/72 основными показателями качества белого сахара являются единицы цветности или оптической плотности (единицы ICUMSA). Отсутствие единой системы определения качества создает значительные проблемы в оценке нашего товара на мировом рынке.

Структура мирового рынка сахара резко отличается от структуры рынков других продовольственных товаров. Если на рынке кукурузы 94% экспорта осуществляют всего две страны (США и Аргентина), то на рынке сахара до 2006 года 85 процентов экспорта приходилось на долю 11 стран. В их числе Бразилия, Индия, Китай, Таиланд, Куба и Мексика, в то время как ЕС, страны Восточной Европы, Украина и Россия являются основными производителями свекловичного са-

© О.Ю. Сяськая, 2006

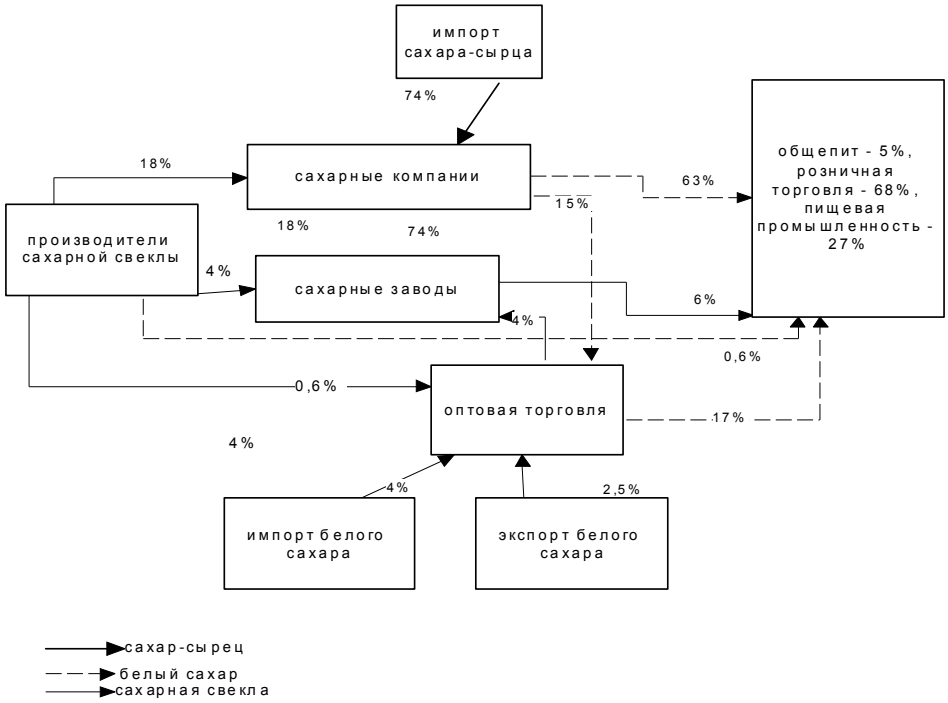


Рис. Структура рынка с точки зрения основных каналов реализации сахарного сырья и сахара в продуктовой вертикали

хара. Стоит отметить: три самых крупных поставщика являются странами развивающимися.

Мировой рынок сахара отличен от других тем, что он представлен двумя рынками: преференциальным (или контролируемым) и свободным. Преференциальный рынок сахара включает поставки сахара на особых условиях в рамках двусторонних соглашений, заключаемый между правительствами экспортирующих и импортирующих стран (реальную поставку товара осуществляют частные компании). Эти соглашения создают гарантированный рынок для оговоренных объемов сахара, иногда на точно установленных условиях, включающие цены, даты отгрузки и т.д. Преференциальный рынок охватывает торговлю между странами ЕС и ассоциированными с ЕС развивающимися странами. Остальной сахар, поступающий в мировую торговлю, реализуется на свободном рынке.

Кроме огромного давления мирового рынка, значительное влияние на развитие рынка отдельной страны-участницы оказывает внутренняя политика.

Современная структура российского рынка сахара сложилась в последнее десятилетие в ходе процессов разгосударствления собственности и приватизации, либерализации цен и торговли (в том числе внешней). Операторами сахарного рынка являются производители сахарной свеклы, перерабатывающие предприятия (сахарные заводы), торговые и торгово-производственные сахарные компании (см. рис.).

Первым уровнем продовольственной цепочки продукта является *сельскохозяйственный производитель*. В настоящее время производством сахарной свеклы в Российской Федерации занимаются около 5000 хозяйств в 23-х свеклосеющих регионах, размещение которых определяется рядом обстоятельств, и прежде всего почвенно-климатическими условиями. Причем более 72% общего объема производства приходится на шесть областей – Краснодарский край, Воронежская, Курская, Белгородская, Тамбовская, Липецкая области.

Основными производителями сахарной свеклы являются крупные коллективные сельскохозяйственные предприятия, на них приходится 95% всех посевных площадей и 95% валового объема производства сахарной свеклы. Главными *покупателями* на рынке сельскохозяйственной продукции являются различного рода заготовители, оптовые торговцы и перерабатывающие пред-

приятия. Основным вектором изменения рынка продовольствия стало развитие *посреднического сектора* (владельцы земли и основных фондов). В результате развития сложной цепочки движения продукта выявилась определенная специфика: подавляющая часть объема сахарной свеклы (70–100%) реализуется с использованием одного канала сбыта, то есть приходится на одного покупателя (перерабатывающее предприятие); возможности альтернативного сбыта (в силу особенностей продукта) ограничены. В то же время сельскохозяйственные производители продают сахарным заводам незначительные объемы сахарной свеклы (порядка 15%), тогда как продавцами основного объема сахарной свеклы (порядка 85%) на переработку являются сахарные компании (физическая отгрузка сахарной свеклы на сахарные заводы осуществляется сельхозпредприятиями). Сахарная компания закупает у сельхозпроизводителей сырье (сахарную свеклу), и затем поставляет ее на переработку на условиях долевого распределения (давальчества) произведенного продукта – сахара. В результате, стоимость готового продукта для конечного потребителя в 2–3 раза выше отпускной цены завода-изготовителя. Поиски каналов закупок сырья создает неравномерную загруженность завода-производителя и недостаток продукта для покрытия собственных нужд государства. Как следствие, в 2005 году было ввезено в Россию на переработку 2,889 млн. тонн сахара-сырца, 0,5 млн. тонн нелегального сахара, при общей потребности государства в 5,8 млн. тонн сахара.

Таким образом, анализ современного состояния российского рынка сахара позволяет сделать следующий вывод: разработка и выполнение программ восстановления свеклосахарного подкомплекса, а также решение задач по упрощению цепочки «производитель – потребитель» и оптимизации использования собственного и импортного сырья позволит снизить зависимость России от резких колебаний на мировом рынке и существенно повысить уровень продовольственной безопасности.

А.Ю. Тимонин, А.Н. Фокин

ЭФФЕКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫМИ ОБРАЗОВАНИЯМИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Цель настоящей статья заключается в формировании теоретико-методологического аппарата комплексного исследования вопросов, касающихся экономической сущности, методологического подхода к анализу управления муниципальными образованиями, а также выработке концепции системы управления муниципальными образованиями региона. Поэтапная реализация цели исследования позволила получить научные результаты и сделать следующие выводы.

Проведенный с позиций экономической науки анализ российского законодательства по местному самоуправлению показал, что основным недостатком в определении понятия «муниципальное образование» является отсутствие системного понимания его сути. Уточнение понятий «муниципальное образование», «механизм управления муниципальным образованием», «методы муниципального управления» возможно на основе системного подхода.

Основываясь на имеющихся в литературе определениях муниципального образования и используя системный подход, можно сделать вывод, что в современных социально-экономических и политических условиях муниципальное образование – это определенная территория (городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ либо внутригородская территория города федерального значения), представляющая собой открытую социально-экономическую систему, в которой реализуется специфический вид управления – местное самоуправление, и функционирующую в целях максимального удовлетворения жизненных потребностей проживающего на данной территории населения. Кроме того, муниципальное образование представляет собой совокупность субъекта и объекта управления, управляемой и управляющей подсистемы.

Ознакомление с определениями «механизма управления муниципальным образованием» при-

© А.Ю. Тимонин, А.Н. Фокин, 2006

водит к мысли, что механизм управления хотят обогатить элементами, которые в действительности являются органическими составными частями иных систем. Между тем в его состав могут быть включены только те элементы, которые обеспечивают непосредственную разработку решений и их реализацию. С точки зрения такого подхода механизм управления охватывает органы местного самоуправления, кадры, информационные потоки, технику и методы управления. Основным методом муниципального управления в системе региональной экономике в рыночных условиях становится выработка экономических, правовых, организационных, социально-психологических условий, обеспечивающих максимальное отражение публичных интересов (интересов сообщества граждан) в целях социально-экономического развития муниципального образования в пределах выделенных полномочий и ресурсов.

К методам управления следует отнести и некоторые специфические методы, свойственные только прогрессивным механизмам, например программно-целевые и инновационно-эвристические методы, обеспечивающие ускоренное развитие социально-экономических систем. С помощью указанных методов могут быть решены такие задачи системы управления муниципальными образованиями региона как:

– создание условий для эффективного взаимодействия организаций всех форм собственности в муниципальных образованиях региона, содействие развитию этих организаций;

– рациональное использование имеющихся в регионе экономических, финансовых, трудовых и иных ресурсов;

– эффективное управление муниципальной собственностью;

– разработка прогнозов социально-экономического развития муниципальных образований региона;

– создание благоприятных условий для развития предпринимательства, рыночной инфраструктуры;

– развитие хозяйственной инфраструктуры муниципальных образований региона (транспорт, связь, земельные участки, производственные помещения и т.д.);

– создание условий для привлечения инвестиций, формирование благоприятного инвестиционного климата;

– привлечение населения к управлению муниципальными образованиями, финансированию программ социального и экономического развития территорий.

Существующая система управления социально-экономическим развитием муниципальных образований региона не позволяет в полной мере реализовывать имеющийся экономический, социальный, финансовый, ресурсный, трудовой и пр. потенциал муниципальных образований. Причиной является фактическое отсутствие стратегического планирования на муниципальном уровне, научно обоснованной базы для внедрения в практику муниципального управления механизмов стратегического управления, что не позволяет определить основные направления развития муниципальных образований, сформировать систему их эффективного взаимодействия муниципальной власти с бизнесом для реализации долгосрочных целей.

При формировании и развитии системы управления муниципальными образованиями региона возможно использовать следующие принципы:

– формирование муниципальной социально-экономической политики, ориентированной на интересы населения и хозяйствующих субъектов;

– укрепление и развитие бюджетно-финансовой базы муниципальных образований, обеспечивающей экономическую самостоятельность и самоуправление;

– использование программно-целевого подхода на муниципальном уровне;

– повышение профессиональной подготовки муниципальных служащих;

– обеспечение эффективного взаимодействия органов местного самоуправления, государственной власти, экономических субъектов и общественных объединений;

– привлечение научной общественности к - решению социально-экономических проблем муниципальных образований региона.

Специфика управления системой муниципальных образований региона на современном этапе, в том числе управления муниципальной собственностью как экономической основой местного самоуправления позволяет определять управление муниципальной собственностью как управление входящими в нее элементами: недвижимым имуществом, жилым фондом, земельными ресурсами, муниципальными предприятиями. Следовательно, требуется анализ состояния

и эффективности существующей системы управления муниципальной собственностью, выявление основные результаты ее использования, определение способов и методов управления собственностью муниципального образования, выявление особенности управления отдельными видами муниципальной собственности.

В целом о состоянии объектов и отношений муниципальной собственности можно отметить следующее. Во-первых, отношения муниципальной собственности многофункциональны и, как следствие, достаточно сложны. Во-вторых, имущественная часть муниципальной собственности является высокозатратной формой собственности, объекты муниципальной собственности сильно изношены. В-третьих, в связи с недостаточностью доходов местных бюджетов имущественная часть муниципальной собственности недофинансируется. Важной особенностью является то, что предприятия и учреждения муниципальной собственности выполняют в основном социальные, а не экономические функции.

Перспективы эффективного развития муниципальной собственностью связаны с увеличением налогооблагаемой базы бюджетов муниципальных образований через развитие экономической активности территорий, а также с сокращением неэффективных расходов муниципальных бюджетов и рациональным использованием средств.

Комплексный анализ внутренних закономерностей, стартовых условий и исходных предпосылок, внешних факторов перспективного социально-экономического развития системы муниципальных образований региона позволяет определить методы разработки прогнозно-аналитических документов стратегического характера, обосновывающих перспективное развитие муниципальных образований и определиться со структурой экономики муниципальных образований региона, для определения направлений ее трансформации, адекватных заданным целям стратегического развития.

Отметим необходимость и возможность разработки стратегии социально-экономического развития муниципальных образований региона, комплексных программ социально-экономического развития муниципальных образований на среднесрочную перспективу, направленных на создание условий для повышения качества жизни населения муниципальных образований региона, развитие собственного экономического потенциала муниципальных образований. При этом стратегические документы должны разрабатываться в контексте единой государственной социально-экономической политики развития России в целом и региона. Именно при разработке и реализации комплексных программ социально-экономического развития муниципальных образований существенную роль должны сыграть ассоциативные объединения муниципальных образований. Рекомендуемые для создания ассоциативные объединения муниципальных образований в перспективе будут способствовать повышению эффективности системы управления муниципальными образованиями региона и росту благосостояния населения.

Е.М. Скаржинская, А.Е. Березкина

ПРОТИВОРЕЧИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Преамбула. *Бюджетное финансирование провинциальных университетов в статье рассматривается как инвестиции в социально-экономическое развитие регионов, преодоление их дотационности, и, следовательно, как необходимый фактор устойчивого и равномерного экономического роста. Предлагаются соответствующие математические модели, обосновывающие эти положения. С помощью моделей доказано существование самовоспроизводящегося механизма, действие которого по принципу мультипликатора обусловливает сохранение дотационности и увеличение социально-экономического отставания региона вслед за отказом от бюджетного финансирования провинциального университета.*

Отрадный факт роста ВВП в России омрачается рядом негативных явлений. Среди них – резкая и возрастающая дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития. Разрыв в размерах валового регионального продукта между субъектами Федерации составил к 2005 году более 36 раз[1]. По мнению ряда экономистов[2] сильная дифференциация уровней социально-экономического развития регионов является одной из важнейших проблем экономики России. Теме развития регионов, проблемам бюджетного федерализма, инструментам выравнивания социально-экономического развития посвящено множество публикаций в отечественной и зарубежной экономической литературе. Задачей данной статьи является более скромной – связать две тенденции: 1) усиление дифференциации регионов на фоне роста ВВП и 2) сокращение финансирования региональных университетов за счет средств федерального бюджета.

Мы акцентируем внимание на рынке образовательных услуг в сфере высшего образования, поскольку одним из основных факторов, от которых напрямую зависит экономический рост не только региона, но и страны в целом, являются качество трудовых ресурсов и полнота мобилизации трудового потенциала. Недоиспользование ресурсов человека оборачивается весьма ощутимыми экономическими потерями: недопроизводством материальных благ и услуг, потерями ВНП, снижением уровня жизни. Потенциал человека, его возможности эффективно трудиться формируются целенаправленным предварительным обучением и совершенствованием способностей к труду непосредственно на производстве. Именно квалификация, знания и интеллект человека при наличии необходимых характеристик здоровья и мотивации, являются ведущими факторами эффективности функционирования экономики. Наше внимание привлекло именно высшее образование по следующим причинам:

1) с экономической точки зрения люди, получившее высокое образование, более продуктивны в создании и распространении инноваций и этим способствуют росту эффективности экономики, плодами которого пользуются не только они сами и их работодатели, но и все общество;

2) сегодня все чаще в средствах массовой информации рассматривается проблема сокращения государственной поддержки вузов.

Как известно, любые изменения в сфере образования приводят к масштабным изменениям на рынке труда, который в свою очередь является одним из самых важных факторов развития региона. Таким образом, обнаруживается логическая связь между федеральной политикой в сфере образования, региональным рынком труда и социально-экономическим развитием депрессивных регионов. Понимание механизмов взаимосвязи этих трех компонент стратегического планирования необходимо для выбора решений федеральными и региональными властями, которые выступают и в качестве создателя институтов экономической жизни, и в качестве их исполнителей. К сожалению, планируемые изменения государственной стратегии в области образования практически не учитывают их последствий для региональных рынков труда и для развития регионов. Эти последствия не принимаются в расчет и при обсуждении в печати проектов образовательной реформы. Подобная недальновидность опасна, т.к. значительное снижение финансирования высших учебных заведений в регионе из средств федерального бюджета может привести к масштабным и негативным социально-эконо-

© Е.М. Скаржинская, А.Е. Березкина, 2006

мическим последствиям для регионов, в особенности для тех, которые относят к числу депрессивных. Вполне очевидно, что любым масштабным реформам (к ним относится реформа российского образования) должен предшествовать социально-экономический прогноз. Однако, достоверность прогнозов снижается как за счет их «служебной» роли[3], так и за счет недостаточной теоретической проработки зависимости развития регионов от государственной политики в области образования. В работах, посвященных проблемам экономики региона, не анализируется роль местных университетов и источников их финансирования, в работах по экономике образования не уделяется должного внимания проблемам социально-экономического развития региона, в работах, исследующих региональный рынок труда, не исследуется зависимость этого рынка от государственной поддержки образования в регионе. В данной статье мы собираемся не только показать взаимосвязь перечисленных проблем, но и выявить зависимость динамики рынка труда в регионе от уровня государственного финансирования высшего образования в этом регионе.

Динамическая модель рынка труда и рынка образования в регионе

В качестве объекта моделирования рассмотрим регион в Центральной части Европейской России, Серьезным фактором, влияющим на формирование рынка труда и рынка образования в таком регионе, выступает близость к Москве и Санкт-Петербургу. Крупные города привлекают к себе не только высокой разницей в величине заработной платы, но и возможностью получить образование в университетах федерального значения. В то же время приток специалистов на региональный рынок труда из столиц и других регионов настолько невелик, что позволяет нам положить в основание модели следующие предположения.

Гипотеза 1. Предложение квалифицированных специалистов на местном рынке труда создают только выпускники местного университета[4] из числа тех, кто не уезжает на работу за пределы региона[5].

Гипотеза 2. Абитуриентами местного университета являются только выпускники местных школ из числа тех, кто не уезжает на учебу за пределы региона.

В пользу выдвинутых предположений свидетельствуют миграционные процессы, происходящие не только в Костромской области, (область является типичным представителем регионов Центрального Федерального округа РФ с относительно низким уровнем социально-экономического развития), но и во многих регионах страны. По данным федеральной службы государственной статистики[6] по Костромской области, из других государств и регионов России в Костромскую область в период за 1992–2004 гг. прибыли 126103 человек, выбыли за пределы области 93379 человек, т.е. за 13 лет население нашей области увеличилось более чем на 32 тыс. человек за счет прибывших граждан. Но за 2004 год количество прибывших в область оказалось на 222 человека меньше, и, судя по всему, тенденция к сокращению притока мигрантов будет усиливаться. Кроме того, из области уезжают многие энергичные и способные выпускники местных университетов, а в числе приезжающих доля молодых людей с высшим образованием незначительна, также мала доля жителей других регионов среди абитуриентов местных университетов.

Гипотеза 3. Необходимым условием поступления в университет является определенный уровень развития личности (знаний, интеллекта, способностей к социальной адаптации и т.п.) абитуриента. С получением образования и развитием личности происходит увеличение человеческого капитала. Обозначим человеческий капитал конкретного абитуриента h, минимальный уровень этого показателя, необходимый для поступления в столичный университет, обозначим Eh, для поступления в местный университет eh, причем выполняется неравенство $Eh \geq eh$.

Пороговое значение уровня человеческого капитала абитуриента, необходимое для обучение в столичном университет (т.е. Eh) будем считать постоянным и заданным экзогенно. Величину eh будем считать эндогенным параметром, зависящим от стратегии и возможностей местного университета предъявлять требования к уровню развития абитуриентов. Данная величина может изменяться по времени, обозначим ее значение в период t как eh_t.

Будем считать, что человеческий капитал выпускников местных школ в период времени t может быть представлен статистическим распределением $F_t(x)$, тогда доля выпускников местных школ, чей уровень развития человеческого капитала позволяет обучаться в столичных университетах, будет равна $1-F_t(Eh)$. Доля выпускников

местных школ, которым уровень развития позволяет учиться в местном университете, но не позволяет учиться в столичных вузах, равна разности $F_t(Eh)$-$F_t(eh)$.

Положение 1. Параметр KS_t=1-$F_t(Eh)$ характеризует конкурентоспособность выпускников местных школ и зависит от качества образования в местных школах, поэтому примем его как показатель этого качества в период времени t.

Предположим, что обучение в местном университете осуществляется как на бюджетной, так и на коммерческой основе. Поступление осуществляется по конкурсу, и затраты абитуриента зависят от уровня развития его человеческого капитала.

Обозначим затраты абитуриента с уровнем развития человеческого капитала, большим, чем Eh, как C_t, а затраты абитуриента с уровнем, меньшим Eh, но превышающим eh, будем считать равными $2C_t$. (Величина финансового вклада абитуриента C_t –переменная, зависящая от стратегии университета в период времени t). Затраты на обучение в столичном университете будем считать равными C (постоянный, экзогенно заданный параметр).

Обозначим α_t долю выпускников местных школ, которые по уровню развития своего человеческого капитала могли бы претендовать на места в столичных вузах, но выбрали обучение в местном университете (будем для упрощения считать, что их финансовые возможности позволяют произвести затраты C_t).

Количество выпускников средних школ региона в период t обозначим N_t, (для простоты будем считать, что все они стремятся получить высшее образование). Тогда $N_t\alpha_t\cdot(1-F_t(Eh))$ – количество студентов местного университета, обладающих наиболее высокими способностями.

Обозначим β_t долю тех выпускников с уровнем развития человеческого капитала меньшим Eh, но превышающим eh, финансовые возможности которых позволяют произвести затраты $2C_t$. Тогда количество студентов местного университета, обладающих средними способностями, будет равна $N_t\beta_t(F_t(Eh)-F_t(eh))$. Общее количество студентов местного университета определяется по формуле

$$U_t = N_t(\alpha_t KS_t + \beta_t(F_t(Eh) - F_t(eh)). \qquad (1)$$

Факторы, влияющие на доли α_t и β_t, мы определим позднее. Отметим лишь, что на выбор абитуриента между обучением в местном или столичном университете существенно влияет возможность дальнейшего трудоустройства.

Гипотеза 4. Необходимым условием устройства на хорошо оплачиваемую работу в столичных городах выпускника местного университета является определенный уровень развития его человеческого капитала. Обозначим человеческий капитал конкретного выпускника местного университета H, минимальный уровень этого показателя, необходимый для устройства на квалифицированную работу в столице обозначим LH (этот параметр будем считать постоянным и экзогенным), в регионе в момент времени t, соответственно, lH_t (эндогенный параметр, зависящий от спроса и предложения на местном рынке труда).

Обозначим статистическое распределение уровня человеческого капитала выпускников местного университета в момент времени t как $\Phi_t(x)$. Тогда доля выпускников местного университета, обладающих уровнем развития человеческого капитала, достаточным для участия в конкуренции за квалифицированную работу в столице, будет равна 1-$\Phi_t(LH)$.

Положение 2. Величина KU_t=1-$\Phi_t(LH)$ характеризует конкурентоспособность выпускников местного университета на столичном рынке труда, поэтому примем ее в качестве показателя уровня образования в местном университете в период t.

Обозначим γ_t долю выпускников местного университета, способных конкурировать за квалифицированную работу в столице, но выбравших работу в регионе. Тогда число наиболее способных работников, пополняющих элиту местного рынка труда в период t, будет определяться по формуле

$$L1_t = U_{t-1}\,\gamma_t\,KU_t, \qquad (2)$$

где U_{t-1} – количество выпускников местного университета в период t, равное числу студентов в предыдущий период t-1, которое определяется по формуле (1). (Для упрощения будем считать, что отсева из местного университета нет.)

Очевидно, что данная категория работников в большей степени, чем все остальные, способна к творчеству, и составляет инновационный потенциал данного региона. Зарплату потенциальных «инноваторов» обозначим w1, зарплату «исполнителей» обозначим w2.

Доля выпускников местного университета, способных конкурировать на местном рынке квалифицированного труда, но не способных конкурировать на столичном рынке квалифицированного труда будет равна разности $\Phi_t(LH)$-$\Phi_t(lH_t)$. Так как величина lH_t отражает спрос на специалистов на местном рынке труда в данный период, то мож-

но считать, что все выпускники, чей уровень человеческого капитала превышает, или равен lH_t, находят квалифицированную работу в регионе. Однако, данная категория работников обладает меньшими творческими способностями, менее склонна к инновациям, и составляет, таким образом, категорию «исполнителей». Число «исполнителей», пополняющих местный рынок труда в период t определяется аналогично уравнению (2) по формуле

$$L2_t = U_{t-1}\,(\Phi_t(LH)-\Phi_t(lH_t)). \qquad (3)$$

Разность заработных плат «инноваторов» и «исполнителей» w1-w2, а также соотношение заработной платы потенциальных «инноваторов» и той зарплаты W, которую они могли бы получать в столичных городах, зависит от множества условий, из которых в данной модели мы выделим факторы, определяемые социально-экономическим развитием региона и стратегией этого развития.

1. Финансовое положение региона, от которого зависят средние значения зарплат в данном регионе. Влияние этого фактора на соотношения зарплат определим с помощью показателя

$$p=(w1+w2)/W. \qquad (4)$$

2. Инновационный характер социально-экономического развития региона. Из всех аспектов стимулирования инноваций, осуществляемых местной властью в союзе с бизнесом[7], мы выделим один, имеющий непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме – эффективное использование трудового потенциала, представленного выпускниками регионального университета. В частности, это означает, что предприятия региона, во-первых, способны эффективно использовать труд «инноваторов», во-вторых, стимулируют «инноваторов», предлагая им более сложную работу и соответственно более высокую зарплату.

Заметим, что работодатель не имеет достоверной информации о величине человеческого капитала конкретного выпускника университета, т.е. имеет место асимметрия информации, и, как следствие, проблема неблагоприятного отбора. Как доказано в теории контрактов[8], эффективным решением в данной ситуации является меню контрактов, предлагаемое наемным работникам. Меню контрактов стимулирует работников с различной производительностью выбирать контракт, соответствующий их индивидуальным производительным способностям, при этом наиболее способные работники получают дополнительный доход, называемый информационной рентой. Таким образом, производится самоотбор работников, способных к более высокой отдаче, и повышается совокупный эффект для работодателя (в нашем случае это агрегированный субъект, объединяющий местную власть и бизнес, и выступающий представителем интересов всего региона). Нетрудно доказать, что сравнительный эффект контрактного меню по сравнению с единым для всех категорий работников контрактом, положительно зависит от доли работников с инновационными способностями и от величины «отдачи» деятельности инноваторов. Последняя определяется группой условий, характеризующих готовность регионального бизнеса к инновациям. В данной работе мы не ставим целью анализ этих условий, поэтому представим их в виде одного экзогенного параметра, который назовем инновационным фактором региона. Количественно инновационный фактор мы представим как величину I, равную 1 при инновационной программе, и 0 при альтернативной программе.

3. Доля работников с инновационными способностями, от которой зависит эффект применения стимулирующих трудовых контрактов, представляет собой инновационный потенциал регионального рынка труда. Как мы заметили выше, эффективность инновационной программы развития региона зависит в свою очередь от доли «инноваторов» в общей доле специалистов, т.е. от величины

$$i_t=\sum L1_{t-n}/(\sum L1_{t-n}+\sum L2_{t-n}), \qquad (5)$$

где суммирование производится по всем предшествующим периодам. В силу уравнения (2) доля «инноваторов» i_t положительно зависит от γ_{t-n}, т.е. от долей наиболее способных выпускников местного университета, остающихся в регионе в периоды t, t-1 и т.д.

От факторов 2 и 3 в целом будет зависеть разность зарплат «инноваторов» и «исполнителей» на региональном рынке труда, поэтому влияние этих факторов отразим с помощью показателя

$$q_t=(w1-w2)/W, \qquad (6)$$

причем величина q_t положительно зависит от значений I и i_t.

Решая уравнения (4) и (6) совместно, найдем отношение зарплаты «инноватора» к той зарплате, которую его человеческий капитал мог бы обеспечить в столице в период t

$$(w1/W)_t=(p+q_t)/2. \qquad (7)$$

Вернемся к анализу долей α_t и γ_t, определяющих миграцию наиболее способных выпускни-

ков школ и вуза из региона. Введем дополнительные предположения.

Гипотеза 5. При прочих равных, на выбор талантливыми выпускниками школ между местным и столичным университетом влияют 1) уровень образования в местном университете; 2) соотношение издержек на получение образования в этих университетах. При этом существует временной лаг, равный 1, между периодом измерения этих параметров и временем принятия решения выпускниками школ.

Согласно гипотезе 5, доля α_t талантливых выпускников школ, поступающих в местный университет, положительно зависит от усредненного показателя $KU_{t-1}=1-\Phi_{t-1}(LH)$ (см. положение 2), и показателя (C/C_t), т.е имеет место уравнение

$$\alpha_t=\alpha_t(KU_{t-1}\uparrow,(C/C_t)\uparrow), \qquad (8)$$

где знак «↑» показывает монотонность функции по данному аргументу.

Гипотеза 6. При прочих равных на выбор талантливыми выпускниками местного университета между работой в столице и работой в регионе влияют следующие факторы:

1) соотношение соответствующих зарплат;

2) уровень образования в местных школах, от которого зависит конкурентоспособность следующего поколения[9]. При этом для последнего показателя существует временной лаг, равный 1;

3) комплекс условий, отражающих сравнительную привлекательность жизни в данном регионе по сравнению с жизнью в столичных городах (культурные, экологические условия и все факторы, включаемые в оценку «качества жизни»);

4) спрос на специалистов, выпускаемых местным университетом на столичных рынках труда;

5) факторы мобильности рабочей силы, включающие стоимость жилья и административные барьеры (регистрация, право на работу и т.п.)

Согласно гипотезе 6, доля γ_t талантливых выпускников местного университета, приходящих на региональный рынок труда, положительно зависит от величины $(w1/W)_t=(p+q_t)/2$ и усредненного показателя[10] KS_{t-1} (см. положение 1), что выражено уравнением

$$\gamma_t=\gamma_t(KS_{t-1}\uparrow,(w1/W)_t\uparrow). \qquad (9)$$

Таким образом, мы ввели четыре параметра, влияющие на выбор талантливых выпускников местных школ и местного университета. Один из них зависит от ситуации на местном рынке труда (соотношение зарплат $(w1/W)_t$), и три остальных зависят от позиций местных образовательных учреждений: качество школьного образования KS_{t-1}, качество образования в местном университете KU_{t-1} и соотношение издержек образования в столичном и местном университетах C/C_{t-1}. Эти три переменные являются эндогенными в нашей модели. Целью предлагаемой модели является установление их взаимосвязи и зависимости от экзогенных факторов, среди которых решающее значение имеет уровень государственного финансирования местного университета. Эта весьма острая тема и предстоящие изменения в финансировании вузов обсуждаются практически во всех публичных изданиях. Одно из направлений предполагаемых изменений связано с перекладыванием финансирования местных университетов на плечи региональных (областных) бюджетов. При нынешнем состоянии областных и муниципальных бюджетов данная мера, что вполне очевидно, равносильна переходу к платному высшему образованию в регионах. Такие, безусловно, острые вопросы, как социальная справедливость платного образования, мы намеренно не обсуждаем в данной работе, задачей которой является позитивный, а не нормативный анализ предполагаемых правительственных решений. Целью позитивного анализа мы ставим выявление и формализацию последствий для региональных рынков труда и образования шока, который они испытают при значительном сокращении финансирования региональных вузов из федерального бюджета.

Начнем с констатации достаточно очевидных фактов. Уровень образования в университете в момент времени t (т.е. KU_t) положительно зависит от следующих факторов:

1) качества школьного образования в предшествующий период (т.е. KS_{t-1});

2) уровня требований к абитуриенту, т.е. величины eh_t;

3) доли способных абитуриентов, выбравших местный университет (т.е. величины α_t);

4) квалификации преподавательского состава, которая в свою очередь, положительно зависит от доли наиболее способных работников, оставшихся в регионе в предшествующий период (параметр γ_{t-1})[11];

5) размера финансирования местного университета, который складывается из финансирования из государственного бюджета (G), финансовой поддержки местного бизнеса (B), оплаты образовательных услуг за счет студентов и их семей (P).

Таким образом, получаем факторную зависимость качества университетского образования

$$KU_t=f_1(KS_{t-1}\uparrow, eh_t\uparrow, \alpha_t\uparrow, \gamma_{t-1}\uparrow,(G+B+P)\uparrow). \quad (10)$$

Качество школьного образования в регионе, согласно мнениям ряда экспертов[12] зависит при прочих равных от следующих факторов.

1. Качества подготовки учителей. Поскольку среди них преобладают выпускники местного университета, то объясняющими переменными мы выбираем параметры KU_{t-1} и γ_{t-1} – соответственно, качество образования в местном университете и доля наиболее способных университетских выпускников, оставшихся в регионе в предшествующий период.

2. Интеллектуального капитала и социального статуса семей учеников, которые также положительно зависят от параметра γ_{t-1}, т.к. отъезд наиболее способных работников с высшим профессиональным образованием существенно снижает (в среднем) интеллектуальный уровень учеников средней школы, отрицательно влияет на социальный статус учеников.

Следовательно, факторная зависимость имеет вид

$$KS_t= f_2(KU_{t-1}\uparrow, \gamma_{t-1}\uparrow). \quad (11)$$

Теперь предположим, что в период t резко снизились государственные расходы на образование, т.е. уменьшилось значение параметра G.

Сокращение бюджетного финансирования образования (G) может компенсироваться финансовой поддержкой бизнеса (B) и (или) увеличением доли платных образовательных услуг (P). В зависимости от заинтересованности местного бизнеса в развитии регионального образования и финансовых возможностей самого бизнеса дальнейшие события могут происходить по различным сценариям.

Сценарий 1. Сокращение бюджетного финансирования образования (G) компенсируется финансовой поддержкой бизнеса (B). Сценарий реализуется при условиях, что университет имеет прочные связи с местным бизнесом и государственными организациями, эти структуры заинтересованы в развитии университета и способны оказать ему финансовую поддержку. Следует сказать, что одним из показателей, учитываемых при аккредитации университета, является размер финансовой поддержки его научных исследований со стороны бизнеса и местных органов власти, достижение нормативного значения по этому показателю относится к числу наиболее сложных задач провинциальных университетов. Ее решение зависит не только от активности университета в этом направлении, но и от внешних факторов: структуры местного бизнеса (в частности, от инновационных компонент в его развитии), от стратегии местных органов власти (в частности, от отражения в этой стратегии задачи развития образования), и, наконец, от финансовых возможностей местного бизнеса и местного бюджета. В нашей модели комплексу данных условий соответствуют два параметра: инновационный фактор I и финансовый фактор p. Таким образом, финансовая поддержка университета местным бизнесом и местной властью положительно зависит от этих параметров:

$$B=B(I\uparrow, p\uparrow). \quad (12)$$

Следовательно, сокращение финансирования местных вузов из средств федерального бюджета может быть компенсировано увеличением этого финансирования за счет местных бюджетов[13] и местного бизнеса только при достаточно высоких значениях инновационного фактора и финансового состояния региона. Костромская область и ряд других дотационных регионов не соответствуют указанным условиям, прежде всего по финансовым показателям. Что касается инновационного фактора в подобных регионах, то он, как показано выше, зависит не только от избранной стратегии развития, но и от концентрации «инноваторов» в общей доле специалистов. Эта концентрация в свою очередь, зависит от качества университетского образования в регионе (параметр KU_t) и от доли наиболее способных специалистов, остающихся на местном рынке труда (параметр γ_t). Таким образом, развитие событий по данному сценарию возможно только для достаточно развитых регионов. Для дотационных регионов более вероятным является второй сценарий.

Сценарий 2. Сокращение государственной поддержки вузов компенсируется за счет увеличения расходов на получение высшего образования населения региона. При развитии событий по этому сценарию, резкое сокращение государственного финансирования местного университета нарушает сложившееся в регионе равновесие на рынках труда и образования, т.е. является шоком.

Покажем, как реагируют на возникший шок все параметры динамической системы, включающей рынок труда и рынок образования. Для этого запишем систему уравнений (8)–(11), переписанных с учетом временных лагов.

$KU_t=f_1(KS_{t-1}\uparrow, eh_t\uparrow, \alpha_t\uparrow, \gamma_{t-1}\uparrow,(G+B+P)\uparrow)$, (13.1)

$\alpha_t= f_3(KU_{t-1}\uparrow,(C/C_t)\uparrow)$, (13.2)

$KS_{t+1}= f_2(KU_t\uparrow, \gamma_t\uparrow)$, (13.3)

$\gamma_{t+2}= f_4 (KS_{t+1}\uparrow,(w1/W)_{t+2}\uparrow)$. (13.4)

Уменьшение в период t государственного финансирования (G) приведет при данном сценарии к увеличению оплаты образовательных услуг за счет студентов и их семей (P), что вызовет цепочку событий.

1. Увеличение P вызовет увеличение C_t (финансовых затрат абитуриента), что, согласно уравнению (13.2) приведет к уменьшению α_t (доли наиболее способных учеников школы, поступающих в местный университет). Схематически эта цепочка имеет вид:

$$[G\downarrow]\rightarrow[P\uparrow]\rightarrow[C_t\uparrow]\rightarrow[\alpha_t\downarrow]. \quad (14)$$

2. Уменьшение параметра α_t приведет, согласно уравнению (13.1), к снижению качества образования в местном университете. Данный эффект усиливается тем, что с долей платного образования в местных университетах, как правило, снижаются требования к абитуриентам (уменьшается значение eh_t). Схематически эта цепочка имеет вид:

$$[\alpha_t\downarrow \text{ и } eh_t\downarrow]\rightarrow[KU_t].$$

3. Снижение качества образования в местном университете в период t вызовет, согласно уравнению (13.3), снижение качества школьного образования в регионе в период t+1 (KS_{t+1}). Это снижение вызовет согласно уравнению (13.4) уменьшение доли наиболее способных выпускников местного университета, остающихся в регионе в период t+2. Получаем цепочку событий:

$$[KU_t\downarrow]\rightarrow[KS_{t+1}\downarrow]\rightarrow[\gamma_{t+2}\downarrow]. \quad (15)$$

4. Другим следствием снижения качества образования в местном университете в период t будет (даже при сохранении значения параметра C/C_{t+1}) отток наиболее способных абитуриентов в столичные университеты в период t+1, т.е. уменьшение α_{t+1}. Согласно уравнениям (13.1) и (13.2), получаем цепочку событий на рынке образования в регионе

$$[KU_t\downarrow]\rightarrow[\alpha_{t+1}\downarrow]\rightarrow[KU_{t+1}\downarrow]\rightarrow[KS_{t+2}\downarrow \text{ и } \alpha_{t+2}\downarrow]\rightarrow$$
$$\rightarrow[KU_{t+1}\downarrow]\rightarrow\ldots \quad (16)$$

Данная цепочка показывает, что процесс ухудшения образования в регионе, как в школах, так и в университете, запущенный сокращением государственного университета, имеет тенденцию к усилению и расширению, т.е. является самоподдерживающимся.

5. События на местном рынке труда подчиняются следующей логике. Отток из региона наиболее способных выпускников университета (т.е. $\gamma_{t+2}\downarrow$, как следует из (16)), вместе с понижением уровня образования в университете в тот же период t+2, приведут к уменьшению доли «инноваторов» в общей доли специалистов, т.е. к уменьшению величины i_{t+2}, согласно уравнению (5). Уменьшение доли работников, способных к творчеству и к освоению инновационных технологий вместе со снижением достоверности информационного сигнала, которым является диплом местного университета[14], приведут к снижению эффективности для работодателя трудовых контрактов, материально стимулирующих инноваторов, т.е. к уменьшению величины q_{t+2} (см. уравнение 6). Это уменьшение, согласно уравнению (7), уменьшит величину $(w1/W)_{t+2}$. А это, согласно уравнению (13.4) еще более увеличит отток наиболее способных специалистов из региона. Получаем цепочку событий:

$$[\gamma_{t+2}\downarrow \text{ и } KU_{t+1}\downarrow]\rightarrow[i_{t+2}\downarrow]\rightarrow[q_{t+2}\downarrow]\rightarrow$$
$$[(w1/W)_{t+2}\downarrow]\rightarrow[\gamma_{t+2}\downarrow]. \quad (17)$$

Из формулы (7) следует, что процесс вымывания специалистов из региона, запущенный сокращением бюджетного финансирования местного университета, обладает мультипликационным эффектом. Таким образом, на рынке труда так же, как на рынке образования, запускается самоподдерживающийся негативный процесс. Интенсивность этого процесса зависит от целого ряда факторов, не все из которых мы можем отразить в данной статье. Отметим те факторы, которые имеют решающее значение в соответствии с принятыми гипотезами.

Во-первых, это инновационный фактор I, т.е. балльная оценка склонности местного бизнеса к разработке и (или) внедрению инноваций. От значения, принимаемого I, зависит скорость убывания параметра q_{t+2} (относительной разности зарплат «инноваторов» и «исполнителей»), и, как следует из (17), скорость оттока потенциальных «инноваторов» из региона. В предлагаемой модели I является экзогенным параметром, но по отношению к региону это величина эндогенная, зависящая от коллективного выбора предпринимателей и государственных организаций региона. Анализ условий, влияющих на этот выбор, представляет отдельную и весьма непростую проблему, и выходит за рамки данной статьи. Отметим лишь, что сокращение бюджетного финансирования провинциальных университетов никак не способствует увеличению этого параметра.

Во-вторых, это социально-культурные факторы, влияющие на сравнительную привлекательность жизни в данном регионе по сравнению с другими. Провинциальные университеты оказывают мощное положительное влияние на формирование культурного развития региона, в особенности это относится к университетам классическим. Поэтому сокращение бюджетного финансирования университета неизбежно приведет к ухудшению качества жизни в регионе, и будет, таким образом усиливать отток наиболее способных специалистов.

В-третьих, важным фактором, влияющим на отток специалистов из региона, является спрос на них в крупных городах. Экономический рост увеличивает этот спрос, и. таким образом, ускоряет процесс вымывания специалистов из региона.

В-четвертых, на отток специалистов влияют «барьеры на вход» при их миграции в столичные города. Кроме цен на аренду жилья здесь существенное значение имеет администрирование миграционных потоков. Вообще говоря, административные меры ограничения оттока специалистов из регионов иногда представляются главным инструментом решения проблем дефицита специалистов в провинции. Среди этих мер рассматриваются и введение «отработки» после получения диплома, и обязательная регистрация приезжих в крупных городах и т.п. Однако, подобные меры ограничивают гражданские свободы, декларированные в Конституции, и, кроме того, снижают свободу конкуренции на рынке труда. К тому же, любые административные барьеры вызывают появление «серых» схем их преодоления[15], и, как следствие, порождают коррупцию.

Итак, сокращение бюджетного финансирования университетов в относительно бедных регионах, порождает процесс вырождения и на местных рынках труда и на рынках образования. Эти процессы происходят тем интенсивнее, чем беднее регион, и чем слабее инновационная составляющая его экономики. Следствием этих процессов будет усугубление демографических проблем в регионах, снижение относительных темпов роста регионального валового продукта, усиление дисбаланса в развитии регионов, увеличение доли дотаций в региональном бюджете. Таким образом, мы можем сформулировать выводы, следующие из предложенной нами модели.

1. Отказ от бюджетного финансирования провинциальных университетов запускает самоподдерживающиеся процессы разрушения рынков труда и образования в регионах.

2. Процесс разрушения рынка труда обладает мультипликационным эффектом, и одним из мультипликаторов служит рост национальной экономики, усиливающий отток из депрессивного региона наиболее способных специалистов.

3. Бюджетное финансирование провинциальных университетов, которое обычно относят к расходным статьям бюджета, является, по сути, инвестициями в социально-экономическое развитие регионов, преодоление депрессивности их развития, сокращение степени их дотационности.

4. Эффективность этих инвестиций зависит от доли инновационных производств в экономике региона, требующих притока способных молодых специалистов и устанавливающих им относительно высокие зарплаты по сравнению с рядовыми исполнителями. Важным фактором увеличения доли инновационных производств является взаимодействие провинциальных университетов и местного бизнеса на основе долгосрочных договоров.

5. В результате не представляется преувеличением, что сокращение бюджетного финансирования провинциальных университетов логически приводит к необратимым последствиям, как на рынке образования, так и на рынке труда в регионах. И экономический рост страны ускоряет эти самоподдерживающиеся процессы, увеличивая дисбаланс в развитии регионов.

Примечания

[1] *Ростанец В., Топилин А.* Социальные структуры региональной интеграции // Экономист. – 2006. – С. 53.

[2] *Фетисов Г.Г.* Региональное прогнозирование в системе государственного регулирования рыночной экономики: проблемы теории и практики // Вестник Московского университета. Серия №6. Экономика. – 2006. – №1. – С. 31.

[3] В системе государственного регулирования российской экономики прогнозы разрабатываются в рамках бюджетного процесса и служат в основном для обоснования бюджетных проектов (*Фетисов Г.Г.* Указ. соч. – С. 31).

[4] Для простоты будем считать, что высшее образование в регионе дает только один университет. Это допущение позволит нам снять влияние конкуренции местных университетов между собой, и выделить фактор конкуренции местного университета с федеральными вузами.

[5] Приведем слова ректора Костромской ГСХА Воробьева Владимира Ильича: «Анализируя отзывы на выпускников Костромской ГСХА от работодателей, можно отметить положительные стороны подготовки выпускников: высокий теоретический уровень подготовки, наличие практических навыков, умение самостоятельно работать по решению сложных проблем, активность и инициативность. Выпускники академии работают в различных республиках и областях страны, многие из них стали выдающимися специалистами, руководителями производства, учеными, преподавателями вузов, техникумов» (Караваевец. – 2006. – №5. – С. 1). В своем интервью «За кадрами в Кострому» Громова Надежда Егоровна – начальник отдела кадров ЗАО «Племенной завод "Ручьи"» Ленинградской области рассказывает о решении кадровой проблемы. Совместно с руководством предприятия, они набирают студентов Костромской ГСХА на практику, а затем, отличившимся предлагают работу (Караваевец. – 2006. – №5. – С. 2). Сегодня о кадровом вопросе говорят не только руководители агропромышленных предприятий. По мнению начальника отдела трудоустройства центра занятости населения города Костромы С.Ю. Чепаловой «В ближайшие годы демографическая ситуация очень серьезно отразится на трудовых ресурсах нашего города» (Костромские ведомости. – 2006. – 25–31 июля. – С. 10–11). На вопрос об оттоке молодых специалистов в крупные города высказался бывший костромской телевизионщик Михаил Тукмачев, сегодня – тележурналист НТВ: «Москва-это нечто особенное» (Костромские ведомости. – 2006. – 25–31 июля. – С. 10).

[6] Костромская область и регионы ЦФЦ России (статистический бюллетень). Кострстат, за 1992–2005.

[7] Проблема инновационного развития рассмотрена в многочисленных научных работах, см. напр.: *Ларин С.Н., Богомолова Н.В.* Основные тенденции инвестиционной деятельности в регионе: Зарубежный опыт и Российская действительность // Менеджмент в России и за рубежом. – 2004. – №5. – С. 104–105; *Челноков И.В., Герасимов Б.И., Быковский В.В*. Региональная экономика: организационно-экономический механизм управления ресурсами развития региона / Под ред. Б.И. Герасимова. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2002. – С. 3–5.

[8] *Юдкевич М.М.* Основные теории контрактов: модели и задачи: учебное пособие. – Издательство: ГУВШЭ, 2002. – С. 21–22; *Тамбовцев В.Л.* Введение в экономическую теорию контрактов: учебное пособие. – М.: Инфра-М, 2004. – 144 с.; *Олейник А.Н.* Институциональная экономика: Учебное пособие. – М.: Инфра-М, 2004. – С. 156–167.

[9] Мы исходим из характерного для теории человеческого капитала положения, что семья стремится к увеличению семейного капитала. В своей книге Беккер Г.С. пишет: «Имеются определенные свидетельства того, что… люди, работающие в городах, также имеющие более высокие коэффициенты интеллектуальности и академические показатели успеваемости, склонны больше инвестировать в... образование, чем те, кто… имеют более низкие коэффициенты интеллектуальности и академические показатели успеваемости» (*Беккер Г.С.* Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Пер. с англ. – М: ГУ ВШЭ, 2003. – С. 106–107).

[10] Ориентация на усредненные показатели, зафиксированная в гипотезах 5 и 6, является отражением асимметричности информации на рынке образования.

[11] Мы, конечно, сознаем, что низкие зарплаты профессорско-преподавательского состава приводят к тому, что из числа способных университетских выпускников, оставшихся работать в регионе, лишь незначительная часть выберет университетскую карьеру. Но вполне очевидно, что снижение доли γ_{t-1} приведет к уменьшению интеллектуального уровня всех работников в регионе, а значит и к снижению уровня университетских преподавателей, а значит, к снижению качества университетских выпускников.

[12] *Нечаев В.Я.* Социология образования. – М.: МГУ, 1992; *Клемет К.* На пути к «KNOWLEDGE SOCITI» // Образование в стране и в мире. – 2006. – №1. – С. 13; *Богин В.Г.* Несколько аспектов проблемы школьного образования и некоторые размышления о путях их решения // Вопросы методологии. – 1991. – №1–2.

[13] Переход к финансированию высшего образования из средств местных бюджетов затрагивает целый ряд проблем бюджетного федерализма, которые в этой статье не рассматриваются.

[14] В теории контрактов проблема асимметрии информации *ex ante* на рынке труда анализируется на основе моделей неблагоприятного отбора (adverse selection), когда сигнал о качестве ра-

ботника при его приеме на работу отсутствует, либо на основе моделей рыночных сигналов и фильтрации, когда таим сигналом служит университетский диплом. В первом случае решение предусматривает применение контрактного меню, стимулирующего работника выбирать тот трудовой контракт, который соответствует его способностям. Это решение связано с дополнительным вознаграждением наиболее продуктивных работников, и эффективно при достаточно высокой доле таких работников на рынке труда. Модели фильтрации применимы только при условии, что с получением образования растет вероятность более высокой продуктивности работников. При ухудшении качества образования такая вероятность снижается, а значит, применение моделей фильтрации теряет смысл.

[15] Те, кто получал высшее образование в советские годы, хорошо помнят, на какие ухищрения шли молодые специалисты, чтобы не ехать по распределению в провинцию. Следует полагать, что опыт российских граждан в обходе административных барьеров за последние десятилетия стал намного богаче.

А.В. Архипов

КОНТРОЛЛИНГ КАК ОСОБАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМ ПРОМЫШЛЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ

Контроллинг – это принципиально новая концепция управления, которая обеспечивает поддержание экономики предприятия путем формирования информации о затратах и ресурсах предприятия с целью выработки альтернативных вариантов управленческих решений по оптимизации процесса извлечения прибыли. Контроллинг создает такую систему управления, которая позволила бы последовательно и непрерывно отслеживать движение предприятия к намеченной стратегической цели своего развития. Для этого фиксируются качественные и количественные (объем и структура оборота, структура и величина расходов, капиталоемкость, объем программы инвестиций, объем заемных средств, платежеспособность, конкурентоспособность товаров и услуг) цели предприятия.

Контроллинг можно определить как организационно-экономическую систему управления процессом достижения промышленным предприятием его конечных целей и результатов хозяйственной деятельности. Или, коротко говоря, контроллинг как экономическое понятие можно интерпретировать как систему управления прибылью предприятия. Координируя, интегрируя и направляя деятельность всей системы управления предприятием на достижение поставленных целей, контроллинг является механизмом саморегулирования на предприятии. Фактически контроллинг обеспечивает базу для реализации основных функций управления, причем базу как информационную, так и методическую или организационную. Будучи организационно-экономической системой, контроллинг включает в себя и бюджетирование. Контроллинг соединяет учет, планирование, маркетинг в единый поток управленческих действий и придает им свойство самоуправляемой системы. В ней четко определяются цели предприятия, принципы управления, способы их реализации.

Контроллинг направлен на устранение узких мест в работе компании, ориентирован на будущее в соответствии с фиксированными в ее миссии целями, на достижение конкретных результатов бизнеса с комплексным использованием методов оперативного и стратегического менеджмента.

Для современного состояния контроллинга как за рубежом, так и в России характерен явный уклон в сторону оперативного контроллинга, который больше всего разработан в методическом и инструментальном планах. В оперативном контроллинге наиболее развитыми составляющими являются контроллинг затрат и контроллинг результатов. Практически все современные программные средства информационной поддержки систем управления включают в себя блоки «Контроллинг затрат», «Контроллинг финансов», «Контроллинг показателей эффективности».

Контроллинг подразделяют на стратегический и оперативный. Сущность оперативного контроллинга заключается в формировании средств и методов эффективного управления текущими це-

 © А.В. Архипов, 2006

лями предприятия, которые могут быть определены как прибыльность и ликвидность. Сущность стратегического контроллинга заключается в обеспечении выживаемости предприятия, его ориентации на потенциал успеха. Выходит, что стратегический контроллинг может быть коротко охарактеризован как шансы и риски. Этот вид контроллинга определяет цели и задачи для оперативного контроллинга. Оба рассматриваемых вида контроллинга отличаются по охватываемому временному горизонту.

Выделяются следующие методы (способы) обеспечения стратегического контроллинга:

1. *Анализ конкуренции.* На его основе предприятие выявляет собственные сильные стороны, на базе которых разрабатывает новые стратегии. В рамках этих стратегий устраняются выявленные слабые стороны. Анализ конкуренции помогает выявить цели конкурентов, благодаря чему можно своевременно устанавливать собственные стратегические возможности и обнаруживать опасности. Выявленные слабые стороны конкурентов становятся исходным пунктом для проведения собственной наступательной стратегии.

2. *Портфельный анализ.* Этот метод предполагает анализ стратегий организации в долгосрочном плане. На базе результатов портфельного анализа руководство может принимать более взвешенные решения о направлениях деятельности фирмы в будущем.

3. *Анализ потенциала предприятия.* Конечными результатами лучше управлять, воздействуя на формирующие их причины. Такой первопричиной является потенциал – шанс на прибыль у предприятия в будущем. На предприятии устанавливаются важнейшие критерии оценки потенциала, необходимого для успешных действий на рынке во всех функциональных сферах деятельности организации, определяется степень и эффективность его использования.

4. *Анализ сильных и слабых сторон.* Для оценки сильных и слабых сторон предприятия определяют критерии по всем важнейшим сферам ответственности организации. Информация о сильных и слабых сторонах организации помогает улучшить стратегическое планирование, создать основу для совершенствования ее деятельности.

5. *Стратегические разрывы.* Руководство предприятия должно систематически проверять, насколько в долгосрочном плане будут отклоняться желаемая траектория от ожидаемого развития.

6. *Метод разработки сценариев.* Под сценарием имеется в виду описание мыслимой будущей ситуации, в которой окажется предприятие, и путей его развития, ведущих к этой ситуации.

В состав методов (способы) обеспечения оперативного контроллинга входят:

1. *Управление запасами материалов.* К его задачам относятся планирование запасов и принятие решений о заказе материалов. На предприятии должны быть запланированы желаемые условия поставки и необходимые страховые запасы.

2. *Анализ объёма заказов.* Его цель – регулярное отслеживание показателей объёма и улучшения их значений. Необходимо регулярно рассчитывать средний объём заказов.

3. *Метод расчета сумм покрытия.* Сумма покрытия представляет собой разность между выручкой от продажи и переменными затратами. Прибыль возникает в том случае, если накопленные суммы покрытия по всей проданной продукции становятся больше величины постоянных затрат предприятия. Расчет суммы покрытия особенно важен для планирования производственной программы.

4. *Анализ возникающих на предприятии узких мест.* Когда на предприятии возникает узкое место, для оптимизации производственной программы необходимо использовать относительную сумму покрытия, которую определяют в единицу времени загрузки узкого места:

$$\text{Относительная сумма покрытия} = \frac{\text{Абсолютная сумма покрытия единицы продукции}}{\text{Время изготовления единицы продукции}}$$

5. *Анализ отклонений.* Регулирование производственного процесса осуществляется путём сопоставления плановых данных с фактическими и нормативными для целей оперативного выявления и определения отклонений. Фактические значения контролируемых величин выявляются на основе данных статистического, финансового, управленческого учёта в организации.

Теоретики контроллинга рекомендуют три варианта его организации на предприятии: 1) отдел службы контроллинга; 2) группу в составе планово-экономического отдела; 3) временную группу. Выбор того или иного варианта часто зависит от необходимости и интенсивности проведения контроллинга, а также субъективного понимания и восприятия руководителем предприятия системы контроллинга в целом. Много-

образие интерпретаций понятия контроллинга вызвано широтой сущностных сторон этой сложной системы. Так, при восприятии контроллинга как концепции и философии управления предприятием часто необходима цельная служба контроллинга. Если контроллинг рассматривается как инструмент, методология или процесс управления, целесообразно использовать два последних варианта организации контроллинга. Основными преимуществами первого варианта контроллинга являются быстрота, системность и качество контроллинговых процедур. Недостатком считают конфликт интересов с планово-экономической службой, если таковая существует.

В последнее время получил популярность вариант так называемого «разрозненного» контроллинга, когда его функции и методы используются теми отделами, где они целесообразны. В некоторых компаниях существуют отделы экономического анализа, внутреннего контроля, управленческого учета, планирования. Они, по сути решают задачи контроллинга, используя его методологию. В таком случае нивелируется конфликт интересов различных служб, и внедрение контроллинга происходит наименее болезненно. В ряде ситуаций в компаниях и банках создаются объединенные подразделения контроллинга, внутреннего аудита и бюджетирования. Такой симбиоз очень полезен, поскольку работа в общих областях взаимодополняет друг друга и обеспечивает высокие результаты.

При создании службы контроллинга на отечественных предприятиях промышленности нужно помнить, что служба контроллинга занимает обособленное положение в организационной структуре предприятия и при ее создании необходимо учитывать ряд требований: Во-первых, служба контроллинга должна иметь возможность беспрепятственно получать необходимую ей информацию из всех служб предприятия (бухгалтерии, планово-экономической службы, службы сбыта и т.п.), а также быстро доводить информацию до сведения высшего руководства. Во-вторых, служба контроллинга должна иметь возможность и полномочия организовывать с помощью других служб сбор информации, не содержащейся в существующих документах. В-третьих, эта служба контроллинга должна иметь возможность внедрять новые процедуры и методы сбора и обработки информации, а также методы управления предприятием. В-четвертых, служба контроллинга должна быть полностью независимой от той или иной службы предприятия и подчиняться непосредственно высшему руководству.

Т.В. Кайдалова

АКТУАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Главной проблемой на рынке государственного имущества является проблема конкуренции, которую нельзя рассматривать как узкоотраслевую проблему. Она затрагивает все остальные аспекты этого рынка, а и не только конкуренции. Прежде всего, интерес этой проблеме видится в том, что государство и государственные образования являются одним из важных участников имущественных правоотношений в силу того, что обладают значительными материальными ресурсами на правах собственности.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию на 2006 год приоритетными задачами названы – ускорение роста экономики, структурное реформирование и повышение ее социальной направленности. Решение этих задач напрямую связано с эффективностью управления государственным имуществом. Росимущество и его территориальные органы выполняют функции по управлению и координации деятельности государственных предприятий и акционерных обществ с участием государства в уставном капитале. Поэтому вопросы, связанные с повышением эффективности управления государственным имуществом, являются чрезвычайно актуальными.

Конкуренция на рынке госимущества должна быть всеобъемлющей, но, к сожалению, это пока не совсем наблюдается. В последние годы проявляется заметный интерес к вопросам правового регулирования оборота недвижимого имущества. Это обстоятельство объективного характера. Рынок недвижимости в России пере-

© Т.В. Кайдалова, 2006

жил период становления, и в настоящее время существует необходимость осмыслить все, к чему пришла экономическая и правовая мысль в области оборота недвижимого имущества.

Несмотря на сокращение объема излишней государственной и муниципальной собственности в ходе административной реформы, государственный и муниципальный сектора экономики остаются излишне громоздкими, что не позволяет в полной мере задействовать новые эффективные механизмы управления. Политика управления государственной и муниципальной собственностью в 2006–2008 годах и в дальнейшем должна строиться на принципах строгого соответствия состава государственного имущества функциям государства.

Для решения задач по повышению эффективности использования государственного имущества необходимо принятие мер, направленных на: 1) совершенствование механизмов управления имуществом государственных предприятий и учреждений; 2) оптимизацию деятельности государственных учреждений в части обеспечения необходимого количества и качества производства конкурентоспособной продукции (работ, услуг), а также на соответствие расходов, связанных с их производством, установленному объему финансирования из средств соответствующего бюджета; 3) обеспечение прозрачности деятельности государственных и муниципальных органов власти.

Арендные отношения на рынке госимущества предопределены объективными экономическими предпосылками, а именно особенностями рынка недвижимости, который в отличие от других видов рынка по своей природе локален, а каждый объект недвижимости уникален. Ввиду этой уникальности нет одинаковых зданий, и даже если два здания возводились по одному проекту, местонахождение их все равно разное, а оно играет далеко не последнюю роль в определении цены за пользование объектом. Поэтому арендная плата федерального имущества определяется в каждом конкретном случае отдельно и должна опираться на рыночные механизмы.

Заключение договоров аренды объектов недвижимого имущества, находящегося в федеральной собственности, осуществляется на конкурсной основе с определением в соответствии с законодательством Российской Федерации об оценочной деятельности стартового размера арендной платы, исчисляемого на основании отчета об оценке объекта аренды, что создает соперничество, противоборство между субъектами хозяйственной деятельности и развитие конкурентных отношений на рынке госимущества. Процедура проведения торгов и заключения по его результатам договоров аренды федерального недвижимого имущества регламентируется соответствующим Положением. Несоблюдение условий проведения торгов является основанием для признания недействительными заключенных на его основе договоров аренды недвижимого имущества.

Существующая система установления муниципальными образованиями в Костромском регионе базовых ставок арендной платы не стимулирует рациональное использование госимущества в нашей области, не способствует переходу его к эффективным владельцам и пользователям и не соответствует принципам рыночной экономики, что не позволяет учитывать изменений в конъюнктуре на рынке имущества. Установление размера арендной платы определяется договором аренды и не должно зависеть от усмотрения местных властей. Требования заключать арендные отношения муниципальным имуществом на конкурсной основе отсутствуют. На лицо адресное предоставление имущества в пользование, что препятствует эффективной реализации конкурентной политики на рынке муниципального имущества в регионе. Отсутствие до сих пор конкурентных условий на рынке аренды муниципального имущества не отвечает ни интересам государства, в части получения полноценных доходов от аренды имущества, ни интересам арендаторов, которые лишены возможности планировать свою коммерческую деятельность на долгосрочную перспективу. Отсутствие простой и логичной системы арендных отношений в настоящее время уже становится тормозом повышения эффективности использования муниципального имущества.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что действующая сегодня система предоставления в аренду муниципального имущества и администрирования арендных платежей в регионе очень сложна, громоздка и поэтому требует совершенствования. С целью повышения эффективности использования на условиях аренды муниципального имущества, в том числе земельных ресурсов, в период углубления экономических реформ необходимо создать такую систему арендных отношений, которая бы позволила: 1) оперативно и легитимно предоставлять

в аренду муниципальное имущество, заключать соответствующие договоры и контролировать их исполнение; 2) создать эффективную систему администрирования бюджетных арендных платежей с минимальными затратами на ее обслуживание; 3) обеспечить единый унифицированный подход на всей территории Российской Федерации при предоставлении в аренду муниципального имущества, а также при предоставлении различного вида льгот по арендной плате; 4) обеспечить увеличение доходов соответствующих бюджетов от аренды имущества и повышение эффективности его использования, в том числе за счет создания конкуренции между различными субъектами хозяйственной деятельности.

Для повышения эффективности проведения реформ и ускорения формирования сложившегося рынка собственности в Российской Федерации модель арендных отношений, находящегося в государственной или муниципальной собственности имущества, должна строиться на основе следующих подходов: 1) единства для всех публичных образований установленных на уровне Российской Федерации общих принципов заключения договоров аренды имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности; 2) закрытого перечня льготных категорий арендаторов государственных и муниципальных земель, установленных федеральным законом; 3) использования рыночной стоимости имущества в качестве базы при определении размера арендной платы; 4) самостоятельности публичных образований в определении порядка исчисления, сроков внесения и предоставления льгот по арендной плате за земельные участки, находящиеся в собственности данных образований, на основе установленных общих принципов аренды.

Несмотря на последовательное сокращение объема государственной собственности, государственный и муниципальный сектор экономики пока еще остается излишне громоздким и неэффективно управляемым. Несоответствие количества государственных унитарных предприятий и государственных учреждений целям государства и его управленческим возможностям – одна из самых сложных проблем, препятствующая решению методологической и практической задачи отделения административно-властных функций исполнительных органов власти по регулированию оборота имущества от гражданско-правовых отношений по участию публичных советников в данном обороте.

Не секрет, что публичные собственники, являясь участниками рынка имущества, обладают широкими монопольными возможностями воздействовать на этот рынок, прежде всего, административными методами, что нарушает положения Конституция Российской Федерации о признании и равной защите частной, государственной и муниципальной форм собственности.

Поэтому одной из основных задач в сфере управления федеральной собственностью является определение механизмов выведения имущества, определяемого в качестве избыточного и не относящегося к осуществляемым властных полномочиям, в свободный рыночный оборот и обеспечения перехода к новой модели управления сохраняемой государственной собственностью, основанной на принципе строгого соответствия состава имущества функциям органов власти и обеспечения высокой эффективности его использования через сугубо рыночные механизмы. Без выработки механизмов ограничения самостоятельной «рыночной игры» государственных и муниципальных органов с использованием избыточных пакетов акций и недвижимого имущества, а также имущественных комплексов ФГУПов и МУПов невозможно исключить условия, порождающие внерыночные конфликты интересов, и использование этого имущества в корыстных интересах. Поскольку недвижимое имущество, как правило, обладает повышенной ценностью, то отчуждение этого имущества предполагает необходимость его рыночной оценки. Соответствующая рыночная оценка федерального имущества в этом случае производится.

Госпредприятия намного менее мобильны, чем того требует рынок. Они не могут гибко реагировать на изменения в рыночной конъюнктуре, быстро приспосабливаться к новым тенденциям, поэтому день за днем теряют свои конкурентные преимущества. В результате падает спрос на производимую ими продукцию, многие предприятия оказываются на грани банкротства, а время для принятия действенных мер безвозвратно проходит. В руках государства должно остаться лишь то, что рынок не может произвести.

Вместе с тем, получение единовременных доходов не должно быть единственной целью приватизации государственного и муниципального имущества. В первую очередь она должна способствовать структурным изменениям в соответствующих секторах экономики, позволяю-

щим рассчитывать на получение позитивного экономического, социального и бюджетного эффекта. Кроме того, когда оценивается степень развития конкуренции, всегда обращается внимание, насколько для потребителя доступно использование продукции и услуг конкурентов. На рынке госимущества сегодня, несмотря на развитие всех современных технологий, доступ к информации ограничен локально, и в связи с этим падает интенсивность воздействия конкуренции на формирование величины арендной платы.

Д.Т. Корнилов

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ МЕЖБАНКОВСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Коммерческие банки действуют в условиях возрастающей межбанковской конкуренции. Производственно-организационный подход, приближающий математические модели банков к традиционным моделям производственных организаций, позволяет сформулировать условия существования равновесия на рынке кредитов и депозитов, разработать меры денежной политики и банковского регулирования. Он показывает также влияние институциональной организации субъектов финансового рынка на формы и условия конкуренции.

Банковская конкуренция является одной из разновидностей рыночной конкуренции. Ее специфика определяется многими моментами, среди которых основными являются два: во-первых, характер участвующих в банковской конкуренции субъектов; во-вторых, среда, в которой осуществляется банковская конкуренция.

Следует отметить, что существуют разные формы банковской конкуренции:

1) конкуренция продавцов и конкуренция покупателей;

2) индивидуальная и групповая конкуренция;

3) внутриотраслевая и межотраслевая конкуренция;

4) ценовая и неценовая конкуренция;

5) совершенная и несовершенная конкуренция.

С позиции обеспечения устойчивости банковской системы рассмотрим производственные модели банков в условиях совершенной конкуренции и модели поведения монополистического банка.

Представим коммерческий банк как фирму, оказывающую финансовые услуги, состояние которой может быть охарактеризовано всего лишь двумя параметрами, а именно:

– объемом депозитов D;

– объемом кредитов L.

Предположим, что технология работы такого банка может быть описана с помощью производственной функции C(D,L), которая возвращает значение издержек C, возникающих при управлении депозитами объемом D и кредитами в объеме L.

Если в банковском секторе существует n банков, то каждый отдельно взятый банк j может быть представлен своей производственной функцией $C_j(D,L)$, где $j \in 1:n$. Делая предположения о свойствах данной функции, допустим, что она является дважды дифференцируемой и выпуклой. Последнее с экономической точки зрения соответствует эффекту убывающей отдачи от масштабов (действительно, в случае выпуклой функции издержек удельные издержки при росте значений D и L увеличиваются[1]. Упрощенное агрегированное представление банковского баланса дано в таблице.

Приведенная схема ($L_j + R_j = D_j$) используется нами исключительно для того, чтобы представить соотношение параметров, используемых в рассматриваемой простейшей модели финансовой фирмы.

Таблица

Упрощенная схема баланса банка

Активы	Пассивы
Кредиты L_j	Собственные средства
Резервы R_j	Депозиты D_j

Резервы R_j, в свою очередь, включают две части:

$$R_j=W_j+M_j, \qquad (1)$$

где W_j – обязательные страховые резервы, перечисляемые каждым банком на счета в центральном банке; M_j – свободные денежные суммы, представляющие чистую позицию банка на межбанковском рынке.

© Д.Т. Корнилов, 2006

Суммы, резервируемые в центральном банке, не приносят процентного дохода и, следовательно, банк объективно стремится к их минимизации. Центральный банк определяет минимальную долю обязательных резервов пропорционально объему депозитов, привлеченных банком;

$$W_j = \alpha D_j, \qquad (2)$$

где α – норма обязательного резервирования.

В условиях развития межбанковской конкуренции она является важнейшим инструментом денежно-кредитной политики и влияет на качество банковской деятельности. Посредством изменения нормы обязательного резервирования может регулироваться количество денег в экономике.

В агрегированном виде связь между денежной массой, циркулирующей в экономике, и общим количеством депозитов и кредитов получила название денежного мультипликатора, который с макроэкономической точки зрения служит оценкой для значения нормы процентных выплат по депозитам (r_D).

Аналогично может быть определен и кредитный мультипликатор, который представляет собой предельный прирост общей суммы кредитов на единичное изменение денежной базы. Кредитный мультипликатор, соответственно, может играть роль оценки значения для процентной ставки, выплачиваемой по кредитам (r_L).

Денежный и кредитный мультипликаторы являются важнейшими характеристиками состояния экономики, однако, они не позволяют получить конструктивные выводы о качестве банковской деятельности. Более полное представление дает анализ моделей поведения банков в условиях конкуренции.

Для того, чтобы выяснить, как системе банков удается произвести денежную массу, в несколько раз превышающую их депозитные возможности, не допустив при этом никаких отступлений от законодательства, нужно представить себе картину деятельности банка, которая и отражается в балансовых отчетах. Сделаем вывод о том, что баланс коммерческого банка – это сводная таблица, дающая представление о финансовом положении, характере, структуре и размерах операций банка на соответствующую дату. В пассиве находятся собственные средства и обязательства банка, в активе – размещенные средства или обязательства банку.

Особое значение в балансовой структуре принадлежит обязательным резервам, которые устанавливаются законом для всех организаций, принимающих вклады и выдающих ссуды. Когда ссуды возвращаются (погашаются), кассовая наличность банка вновь увеличивается, как и его потенциальная способность предоставлять новые ссуды. Эффект создания дополнительных денег возникает при покупке банком государственных ценных бумаг. Однако в любом случае способность системы коммерческих банков создавать новые деньги ограничена общей суммой резервов.

Рассмотрим микроэкономическую модель поведения банка в условиях современной конкуренции. Ситуация совершенной конкуренции предполагает, что банки пассивно принимают значения ставок, не имея возможности повлиять на них. Также внешним параметром для них является ставка доходов на капитал, присутствующий на межбанковском рынке r.

На наш взгляд, прибыль банка можно описать следующим образом:

$$\pi = r_L L + rM - r_D D - C(D,L), \qquad (3)$$

где $r_L L$ – прибыль, приносимая кредитами в сумме L; rM – доходы (расходы), которые банк имеет по своей чистой позиции на межбанковском рынке; $r_D D$ – выплаты, которые банк производит по депозитам; C(D,L) – издержки банка на управление депозитами в сумме D и кредитами в сумме L, задаваемые его производственной функцией.

В построенной модели прибыль банка представляет собой функцию от его депозитов и кредитов.

Прибыльность клиента для банка определяется как разница между доходами, полученными банком от клиента, и расходами, осуществляемыми банком по данному клиенту за определенный период времени. Причем период времени должен быть не менее 3-х месяцев и не более 1 года. Доходы и расходы по клиенту рассчитываются на основе данных архива операций как сумма соответствующих доходов и расходов в корреспонденции с операциями по счетам, приписанным к клиентам.

В качестве показателя прибыльности принимается *чистая прибыль*, определяемая как разница между полученными доходами и произведенными расходами по конкретному клиенту (П=Д-Р). Показателем *доходности*, определяемым как отношение чистой прибыли к суммарному доходу и отражающим уровень чистой прибыли банка на один рубль доходов по совокупности операций с клиентом, является *маржа прибыли* (МП=П/Д).

В соответствии с данной методикой, если клиент является прибыльным для банка, то имеется возможность для варьирования цен на услуги для данного клиента. При этом необходимо оценить влияние снижения цены какого-либо банковского продукта на уровень прибыльности клиента, для чего рассчитывается плановая прибыльность клиента исходя из плановых объемов операций.

Примечание

[1] *Конюховский П.В.* Микроэкономическое моделирование банковской деятельности. – СПб.: ПИТЕР, 2001. – С. 90.

Е.А. Пластинина

КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ РАЗМЕЩЕНИЯ ЗАКАЗОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В условиях сложной и неоднозначной системы бюджетного финансирования, постоянного изменения законодательства деятельность бухгалтера и экономиста государственного и муниципального учреждения находится под постоянным вниманием органов финансового контроля. В настоящей статье речь пойдет о вопросах контроля за соблюдением законодательства в сфере размещения заказов. В настоящее внимание сфера госзакупок привлекла к себе пристальное внимание контролирующих органов. В целом, законностью процедур размещения заказов в настоящее время могут руководствоваться следующие структуры:

1. Антимонопольные органы.
2. Счетная палата РФ.
3. Федеральная служба финансово-бюджетного надзора РФ.
4. Прокуратура РФ.
5. Органы федерального казначейства.
6. Контрольно-ревизионные органы субъектов РФ и органов местного самоуправления.
7. Уполномоченный на осуществление контроля в сфере размещения заказов орган исполнительной власти.

Рассмотрим правовой статус и особенности работы каждого их вышеназванных государственных органов.

Федеральная антимонопольная служба является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства о конкуренции на товарных рынках и на рынке финансовых услуг, о естественных монополиях, о рекламе, а также изданию в пределах своей компетенции нормативных правовых и индивидуальных правовых актов в установленной сфере деятельности.

Основной функцией антимонопольных органов согласно Постановлению Правительства РФ от 7 апреля 2004 г. №189 является контроль и надзор за соблюдением законодательства о конкуренции на товарных рынках и на рынке финансовых услуг, что зачастую выражается в обеспечении равного доступа на рынок всем хозяйствующим субъектам. Обобщая наиболее часто выявляемые нарушения антимонопольного законодательства, имевшие место в процессе организации и проведения закупок для государственных и муниципальных нужд, можно разделить их на следующие группы:

1. Ограничение самостоятельности хозяйствующих субъектов, установление критериев, требований и процедур, носящих дискриминационный характер и не предусмотренных действующим законодательством.

Например, Правительством Ленинградской области было установлено в качестве обязательного требования к участнику конкурса на поставку продукции (товаров, работ и услуг) для государственных нужд Ленинградской области наличие у юридических лиц на момент подачи заявки своих органов, филиалов или представительств на территории Ленинградской области или Санкт-Петербурга (Определение Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 июля 2003 г. №33-Г03-10). Безусловно, для государственного заказчика взаимодействие с контрагентом, фактически находящимся в одном с ним субъекте, значительно удобнее, но фактор удобства не является в соответствии с действующим законодательством достаточным основанием для установления такого «территориального преимущества».

© Е.А. Пластинина, 2006

2. Нарушение заказчиками основных принципов торгов – открытости, равноправия, экономичности, эффективности.

Например, Администрация муниципального образования Ленинградского района Краснодарского края не разместила на официальном сайте техническое задание по закупаемой конкурсом продукции (Решение Краснодарского УФАС России по делу №К-14/06 от 07.07.2006). В соответствии с нормами действующего законодательства одной из составных частей конкурсной документации является техническое задание, устанавливающее список товаров, работ, услуг, которые намечается закупить, их описание, количество (объём), график поставок (выполнения), спецификации, требования по стандартизации, показатели соответствия продукции потребностям заказчика, гарантии качества, их объём, срок предоставления гарантий, критерии для окончательной приемки и т.д. Дополнительное жесткое правило, нарушение которого является основанием для признания торгов недействительными, – абсолютное соответствие объёма и содержания конкурсной документации, размещённой для ознакомления заинтересованными лицами на официальном сайте, той конкурсной документации, которая выдаётся по запросам участников размещения заказа, в данном случае оно также было нарушено.

3. Замена процедуры открытых торгов на закупку продукции у единственного поставщика, исполнителя, подрядчика без законного на то основания.

Например, одно из муниципальных образований Ярославской области без проведения конкурентной закупки заключило контракт на ремонт «почти развалившегося» моста сославшись на срочную потребность в капитальном ремонте из-за аварийного состояния моста и возможности его обрушения, возникших вследствие непреодолимой силы. Вместе с тем, указанное состояние моста возникло отнюдь не в результате внезапно прошедшего града, стихийно возникшего пожара, неожиданно начавшегося наводнения, налетевшего урагана и т.д. (то есть форс-мажора, обладающего признаками непредвиденности и непреодолимости в совокупности), а в результате ненадлежащей эксплуатации объекта обслуживающей организацией, что, конечно, не является обстоятельством непреодолимой силы.

4. Формирование конкурсной документации с учетом интересов конкретного поставщика.

Например, администрация Брянской области при объявлении конкурса на закупку транспортных услуг в качестве обязательного критерия отбора будущего победителя ввела требование о наличии у участника размещения заказа опыта работы с администрацией в течение периода, составляющего не менее трёх лет. Несложно догадаться, что данный конкурс являлся «бумажным» и документация была сформирована «под конкретного исполнителя». Вместе с тем, заинтересованных поучаствовать в этой процедуре лиц оказалось больше одного, что и стало причиной обращения в антимонопольную службу, инициировавшую в дальнейшем обращение в судебные органы с целью признания конкурса недействительным.

Счетная палата Российской Федерации. В соответствии с законом от 11.01.1995 №4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации», Счетная палата является постоянно действующим органом государственного финансового контроля, образуемым Федеральным Собранием РФ и осуществляет контроль за исполнением федерального бюджета на основе принципов законности, объективности, независимости и гласности. Контрольные полномочия Счетной палаты распространяются на все государственные органы и учреждения в Российской Федерации, на федеральные внебюджетные фонды, на органы местного самоуправления, предприятия, организации, банки, страховые компании и другие финансово-кредитные учреждения, их союзы, ассоциации и иные объединения независимо от видов и форм собственности, если они:

– получают, перечисляют, используют средства из федерального бюджета;

– используют федеральную собственность либо управляют ею;

– имеют предоставленные федеральным законодательством или федеральными органами государственной власти налоговые, таможенные и иные льготы и преимущества.

По результатам контрольных мероприятий Счетная палата направляет органам государственной власти Российской Федерации, руководителям объектов проверки представления для принятия мер по устранению выявленных нарушений, возмещению причиненного государству ущерба и привлечению к ответственности должностных лиц, виновных в нарушении законодательства Российской Федерации. Если в ходе проведения про-

верки или ревизии обнаружены признаки преступлений, предусмотренных Кодексом об административных правонарушениях, Счетная палата незамедлительно передает материалы контрольного мероприятия в правоохранительные органы.

Наиболее часто выявляемыми нарушениями в ходе проверок Счетной палаты являются:

1. Неиспользование предусмотренных законодательством способов закупки продукции, искусственное дробление закупок на части с целью непроведения предусмотренных законодательством способов закупок. Например, в отчете по результатам проверки финансово-хозяйственной деятельности государственного унитарного предприятия Тульской области «Тулавтодор», проведенной Счетной Палатой РФ в 2005 году указывается, что в нарушение требований Федерального закона от 6 мая 1999 г. №97-ФЗ «О конкурсах на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд», Указа Президента Российской Федерации от 8 апреля 1994 г. №305 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд» в 2003 и 2004 годах ГУП «Тулавтодор» торги на выполнение работ по ремонту и содержанию автодорог не проводились.

2. Нарушение сроков и порядка проведения торгов и заключения контрактов.

Примеры указанных нарушений также можно привести, опираясь на содержание вышеуказанного отчета «Тулавтодор».

1. Так, в ходе проведения конкурса не всеми участниками конкурса выполнялись требования к конкурсной документации (п. 2.1.14) о предоставлении бухгалтерской отчетности, заверенной компетентными органами – в отдельных случаях предоставлялась финансовая отчётность, не заверенная налоговыми органами.

2. Имели место случаи, когда контракты заключались до проведения торгов. Так, по результатам торгов на ремонт подъезда к населённому пункту Царево (протокол торгов от 24.03.2003 г.) заключены контракты с ГУ ДРСП «Новомосковскавтодор» от 08.04.2003 г. №108 на сумму 2520,0 тыс. рублей (за счёт средств федерального бюджета) и от 09.04.2003 г. №112 на сумму 1665,7 тыс. рублей (за счёт средств ТДФ). Указанные виды работ переданы субподрядной организации – Щекинскому ДРСУ (филиал ГУП «Тулавтодор») по договору от 24.03.2003 г. №01 Р/03 на сумму 4185,7 тыс. рублей (в размере 100% стоимости заключенных государственных контрактов). Вместе с тем в материалах по торгам (согласно требованиям конкурсной документации) сведения о привлечении указанного субподрядчика к выполнению работ отсутствуют. При этом контракт субподряда заключен на месяц раньше, чем был заключен контракт с генеральным подрядчиком.

3. Предприятием заключен государственный контракт от 27.03.2003 г. №97 с подрядчиком ГУП ДРСУ №6 на 6 дней раньше проведенных торгов (протокол заседания конкурсной комиссии от 02.04.2003 г. №12).

4. Конкурсная документация объявленных торгов утверждена 19.03.2003 года. Однако в бюллетене «Конкурсные торги» датой окончания выдачи документации участникам конкурсов по торгам значится 14 марта 2003 года (на 5 дней раньше утверждения самой документации).

Федеральная служба финансово-бюджетного надзора РФ. Росфиннадзор находится в подчинении Министерства финансов РФ и по своим функциям является правоприемником КРУ Минфина, ликвидированного в 2005 году. Полномочия данного финансового органа определяются Постановлением Правительства РФ от 15 июня 2004 г. №278 «Об утверждении Положения о Федеральной службе финансово-бюджетного надзора». Несмотря на относительную «молодость», указанная структура показала серьезные результаты в сфере выявления нарушений при расходовании средств федерального бюджета уже в первый год работы.

Федеральная служба финансово-бюджетного надзора и Федеральная антимонопольная служба 6 марта 2007 года подписали соглашение «О сотрудничестве и координации деятельности при осуществлении полномочий в установленных сферах деятельности». Целью соглашения является выработка единой согласованной политики по обеспечению соблюдения ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» и других нормативно-правовых актов РФ о размещении заказов.

Органы федерального казначейства. Действуют на основании Постановления Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. №703 «О Федеральном казначействе». Осуществляют функции по

предварительному и текущему контролю за использованием средств федерального бюджета, а в некоторых случаях бюджета субъекта РФ и муниципального бюджета (в этом отношении полномочия казначейства определяются в рамках заключенных соглашений).

В соответствии с Письмом Федерального казначейства от 6 февраля 2006 г. №42-7.1-15/5.1-50 «О полномочиях органов Федерального казначейства по проведению предварительного контроля за соблюдением федеральными учреждениями правил размещения заказов для государственных нужд» Федеральное казначейство осуществляет контроль за:

– непревышением лимитов бюджетных обязательств, распределенных главными распорядителями (распорядителями) средств федерального бюджета между нижестоящими распорядителями и получателями средств федерального бюджета, над утвержденными им лимитами бюджетных обязательств;

– непревышением кассовых расходов, осуществляемых получателями средств федерального бюджета, над доведенными им лимитами бюджетных обязательств;

– соответствием содержания проводимой операции коду бюджетной классификации Российской Федерации, указанному в платежном документе, представленном в орган Федерального казначейства получателем средств федерального бюджета;

– наличием у получателя средств федерального бюджета документов, подтверждающих возникновение у него денежных обязательств.

Контрольно-ревизионные органы субъектов РФ и органов местного самоуправления. Региональные и местные органы финансового контроля действуют в соответствии со своими положениями в рамках предоставленных им полномочий, осуществляют проверку правильности расходования средств соответствующего бюджета. Поскольку специфика их правового статуса в каждом субъекте РФ настолько различна, то говорить об основных тенденциях и направлениях их деятельности в рамках настоящей статьи не представляется возможным.

Уполномоченный на осуществление контроля в сфере размещения заказов орган исполнительной власти. В соответствии со ст. 17 Закона 94-ФЗ контроль за соблюдением заказчиком, законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов Российской Федерации о размещении заказов осуществляется путем плановых и внеплановых проверок.

Плановые и внеплановые проверки при размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных нужд, нужд субъектов Российской Федерации или муниципальных нужд осуществляются соответственно уполномоченными на осуществление контроля в сфере размещения заказов федеральным органом исполнительной власти, органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органом местного самоуправления.

А.В. Первушина

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ ФИНАНСОВОГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

Анализ возможностей несостоятельного предприятия – это комплексное исследование, которое проводится с целью определения основных вариантов вывода предприятия из кризиса. Результаты анализа позволяют судить о текущем состоянии предприятия, отсечь начальные точки для определения эффективности. В целом анализ возможностей позволяет определить тактику, в соответствии с которой будет проводиться оздоровление предприятия. Анализ возможностей включает в себя исследование трех составляющих: анализ продукции, внутренней структуры, внешнего окружения.

Анализ продукции

Цель анализа продукции, которую производит предприятие – определить направления выхода на рынок, стратегию продвижения видов продукции, оценить объемы покупательного спроса и количество валовой продукции, производимое предприятием в момент анализа.

В этой связи продукция, производимая предприятием, может быть разделена на две части в соответствии с целями использования:

1. Технологическая продукция (полуфабрикаты).

2. Коммерческая продукция.

© А.В. Первушина, 2006

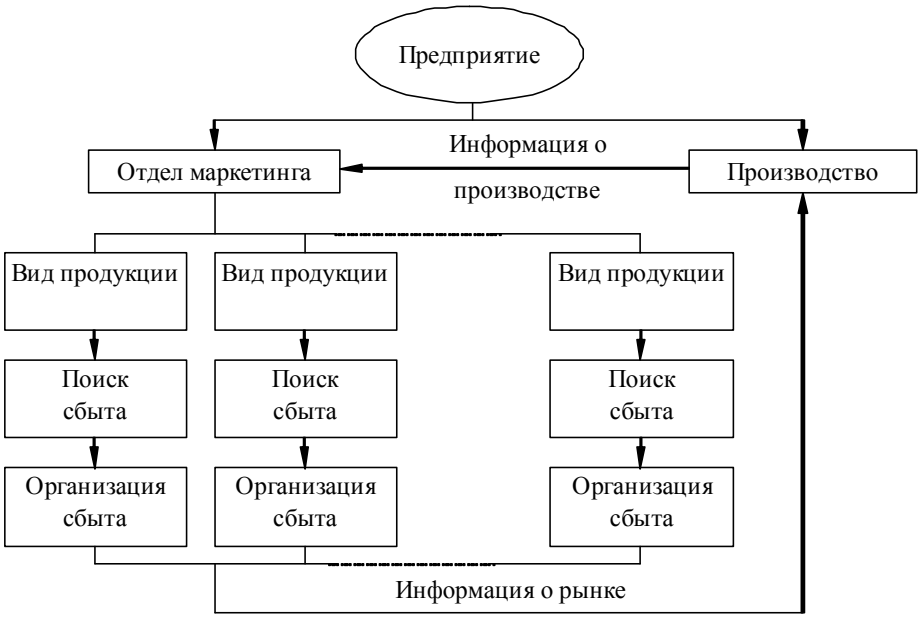


Рис. Схема изучения продукции предприятия

При анализе технологической продукции оценивается ее качество и ассортимент. Работа по анализу коммерческой продукции производится в комплексе: оцениваются как сама продукция, так и спрос на нее. Делаются выводы о целесообразности производства того или иного вида коммерческой продукции. Процесс анализа коммерческой продукции представляет собой систему мероприятий и проводится по схеме с обратной связью (рис.). Суть оценки коммерческой продукции заключается в следующем. Оценивается объем платежеспособного спроса на продукцию, если производство эффективно, руководство принимает решение о продолжении производства.

Если производство продукции не эффективно, то исследуется структура спроса на виды продукции, производство которых можно наладить на имеющемся оборудовании без принципиального изменения технологии, анализируется эффективность производства такой продукции. Также изучается структура спроса на продукцию смежных отраслей. И так далее – с помощью метода последовательных приближений. Основной критерий отбора вида продукции и организации его производства – это повышение качества финансового состояния за счет повышения доли собственных источников финансирования производства, снижения доли дорогостоящих кредитов в кредитном портфеле предприятия.

Анализ внутренней структуры

Анализ внутренней структуры предприятия проводится для выявления тех внутренних резервов, которые оно может использовать с целью повышения качества финансового состояния и обеспечения выпуска требуемого количества коммерческой продукции. Для проведения анализа внутренней структуры предприятия необходимо оценить его антикризисный потенциал. Оценку антикризисного потенциала предприятия целесообразно проводить по нескольким разделам. Для его оценки могут применяться различные экономические расчеты.

Информация для укрупненного анализа возможностей предприятия может содержать данные об:

– местонахождении предприятия;
– степени известности;
– производственном потенциале;
– технологическом оборудовании;
– длительности изготовления каждого вида продукции;
– качестве продукции;
– персонале;
– уровне расходов.

То есть антикризисный потенциал предприятия – это совокупность возможностей по выходу из финансового кризиса, выявление которых позволяет более четко анализировать альтернативы и выбирать методы финансового оздоровления.

Анализ внутренней структуры производится на основе перечисленной информации путем сопоставления значений соответствующих показателей предприятия со среднеотраслевыми показателями и показателями других предприятий. При изучении каждой из вышеперечисленных составляющих внутренней структуры предприятия используется ряд показателей. Для удобства сопоставления, расчет некоторых показателей производится в стоимостном выражении.

Для оценки местоположения предприятия используется *показатель местонахождения* (Пм). Значение данного показателя позволяет оценить транспортные расходы и более грамотно планировать процесс транспортировки продукции.

$$П_М = \frac{\sum_{i=1}^{n} Ц_i}{n},$$

где $Ц_i$ – цена доставки от цехов предприятия до i-того транспортного узла; n – количество транспортных узлов, на которые может быть доставлена продукция предприятия для последующей отправки потребителям.

Показатель степени известности ($С_И$) позволяет в цифровом выражении оценить эффективность маркетинговой политики предприятия, а также долю занимаемого предприятием рынка выпускаемой продукции. Если значение показателя $С_И$ равно или близко 1, изучаемое предприятие является монополистом по данному виду продукции. Степень известности измеряется по формуле:

$$С_И = \frac{К_П}{К_О},$$

где Кп – количество контрагентов, сотрудничающих с изучаемым предприятием; Ко – количество контрагентов-потребителей вида продукции, производимого изучаемым предприятием.

Качество и количество производственного потенциала и технологического оборудования можно измерять с помощью показателя степени износа нематериальных активов и оборудования соответственно, а также с помощью коэффициента выбытия и коэффициента обновления соответствующих компонентов необоротных активов. Длительность изготовления вида продукции определяется по технологическим нормам изготовления единицы продукции, затем длительность изготовления единицы умножается на количество единиц в отгрузочной норме (вагон, контейнер и т. д.).

Качество продукции определяется *коэффициентом возврата* ($К_{возврат}$) и вычисляется как соотношение затрат на ремонт или замену продукции, возвращенной потребителями, как некачественную, и общей суммы отгруженной продукции.

$$К_{возврат} = \frac{З_Р + З_З}{ВР},$$

где $З_Р$ – затраты на ремонт некачественной продукции; $З_З$ – затраты на замену некачественной продукции.

Персонал можно оценить по средней производительности производственного персонала, а также по средней выручке на одного работника. Уровень расходов определяется по данным финансовой отчетности. После анализа внутренней структуры несостоятельного предприятия следует так называемый анализ внешнего окружения, который включает изучение поставщиков и потребителей.

А.Б. Перфильев

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИК АНАЛИЗА ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ

Экономическая реформа в России (процессы разгосударствления, демонополизации, приватизации) привела к возникновению новых отношений в сфере хозяйственной деятельности предприятий. Одна из главных задач реформы – переход к управлению ресурсами предприятия на основе анализа его финансово-экономической деятельности. Выдвижение на первый план финансовых аспектов деятельности субъектов хозяйствования, возрастание роли финансов являются характерной чертой и тенденцией во всем мире. В связи с этим существенно возрастает приоритетность и роль финансового анализа, основным содержанием которого является комплексное системное изучение финансового состояния предприятия и факторов его формирования с целью оценки степени финансовых рисков и прогнозирования уровня доходности капитала.

© А.Б. Перфильев, 2006

Проблема анализа финансово-экономического состояния предприятия рассмотрена многими современными учеными и экономистами. Несмотря на то, что данная проблема нашла свое отражение в экономической литературе, анализ финансового состояния предприятия остается актуальным ввиду злободневности проблемы выживаемости в рыночных условиях. Деятельность любой коммерческой организации осуществляется в постоянно меняющейся экономической ситуации. Определение оптимальной структуры производства возможно только на основе анализа: спроса на продукцию, работы, услуги; рынков сбыта, их емкости; потенциальных покупателей и клиентов; возможности приобретения всех видов ресурсов, необходимых для выпуска продукции.

В условиях развития рыночных отношений каждое предприятие, фирма, предприниматель должны иметь свою хозяйственную стратегию, находить главное звено для победы в острой конкурентной борьбе. Без «стратегического видения» будущего, без поиска долговременных конкурентных преимуществ невозможно достичь эффективного функционирования бизнеса. Начиная с 90-х годов прошлого века и по настоящее время, то есть весь период перехода России к рыночным отношениям в нашей стране наблюдается бурный процесс развития методик анализа финансового состояния организаций.

В частности, в 1991 году В.Ф. Палием была разработана методика анализа финансового состояния, предполагающая расчет семи финансовых коэффициентов, позволяющая анализировать и оценивать лишь две характеристики финансового состояния – ликвидность бухгалтерского баланса, отражающую платежеспособность, и финансовую устойчивость организации. В 1992 году А.Д. Шереметом и Е.В. Негашевым была разработана методика анализа финансового состояния, предполагающая использование семи абсолютных показателей бухгалтерского баланса и позволяющая анализировать и оценивать так же две характеристики финансового состояния исследуемой организации – ликвидность бухгалтерского баланса и ее финансовую устойчивость.

В 1994 году Федеральным управлением по делам о несостоятельности (банкротству), была утверждена методика анализа финансового состояния, предполагающая расчет трех финансовых коэффициентов, позволяющих оценивать не только сложившийся уровень ликвидности бухгалтерского баланса и финансовой устойчивость организации, но и прогнозировать изменение уровня платежеспособности исследуемой организации в обозримом будущем.

Методика анализа финансового состояния организаций, предложенная Ю.А. Григорьевым в 1997 году, предполагает расчет уже 22-х финансовых коэффициентов и позволяет, с определенной степенью успешности, анализировать платежеспособность, финансовой устойчивость организаций, степень финансирования внеоборотных активов и интенсивность использования капитала.

Методика анализа финансового состояния организаций, изложенная в «Методических указаниях по проведению анализа финансового состояния организаций», утвержденных Федеральной службой РФ по финансовому оздоровлению и банкротству в 2001 году, предполагает расчет 26 финансовых коэффициентов. На основании расчетных значений этих коэффициентов должен проводиться анализ ликвидности бухгалтерского баланса, финансовой устойчивости, деловой активности организаций, эффективности использования оборотных и внеоборотных активов, эффективности использования трудовых ресурсов и степени исполнения организацией обязательств перед фискальной системой государства.

Методика анализа финансового состояния, изложенная в «Правилах проведения арбитражными управляющими финансового анализа», утвержденными Постановлением Правительства РФ в 2003 году, предполагает расчет и анализ десяти финансовых коэффициентов, что, в свою очередь, должно позволить проводить исследование трех важнейших характеристик финансового состояния исследуемой организации – платежеспособности, финансовой устойчивости и ее деловой активности хозяйствующего субъекта.

Однако, несмотря на то, что российские экономисты разработали за последнее десятилетие несколько различных методик анализа финансового состояния организаций, и несмотря на то, что сами методики, по мере своего развития, приобретали все более комплексный, системный характер, проблема разработки методики, позволяющей всесторонне анализировать и оценивать сложившийся уровень финансового состояния организаций по данным бухгалтерской финансовой отчетности остается и в настоящее время очень актуальной.

Такое положение дел обусловлено, прежде всего тем, что все современные методики анализа финансового состояния организаций, кроме определенных достоинств, проявляемых в относительной простоте расчетов коэффициентов и показателей, используемых при их реализации, имеют и целый ряд существенных недостатков.

В частности, методики анализа финансового состояния, которые разработали В.Ф. Палий, А.Д. Шеремет и Е.В. Негашев, ФУДН (б), хоть и предполагают использование соответствующих критериев, но позволяют исследовать и оценивать лишь две характеристики финансового состояния организаций – ликвидность бухгалтерского баланса и финансовую устойчивость.

Методики анализа финансового состояния организаций, утвержденные Федеральной службой РФ по финансовому оздоровлению и банкротству в 2001 году и Постановлением Правительства РФ в 2003 году, как и методика, предложенная Ю.А. Григорьевым в 1997 году, подразумевают комплексный, системный подход при оценке финансового состояния организаций, но не предполагают сравнения полученных расчетным значений многочисленных финансовых коэффициентов с какими-либо числовыми критериями. Отсутствие критериев для используемых финансовых коэффициентов, в свою очередь, не дает возможности аналитику сформулировать обоснованные выводы относительно сложившегося уровня финансового состояния исследуемой организации. В условиях отсутствия каких-либо критериев для оценки полученных расчетных значений финансовых коэффициентов появляется возможность получения, при анализе финансового состояния одной и той же организации, диаметрально противоположных выводов относительно ее платежеспособности, финансовой устойчивости, деловой активности, эффективности использования оборотных и внеоборотных активов и т.п.

Общим же недостатком практически всех современных методик анализа финансового состояния организаций является то, что при их реализации используются не единый обобщающий показатель финансового состояния, а несколько – от трех до двадцати шести – расчетных финансовых показателей и коэффициентов, каждый из которых характеризует лишь один аспект финансового состояния исследуемой организации. При этом рост значения того или иного финансового коэффициента может характеризовать укрепление финансов организации, а одновременное снижение значения другого финансового коэффициента может отражать отрицательные тенденции в изменении финансового состояния объекта исследования. Как показывает практика, в условиях, когда значения части финансовых коэффициентов имеют тенденцию к росту, а другой части – тенденцию к снижению, аналитику трудно, а порой и невозможно сформулировать объективные выводы относительно сложившегося уровня финансового состояния организации.

Именно поэтому, при анализе финансового состояния организаций должны использоваться не отдельные финансовые коэффициенты, значения которых может отражать те или иные аспекты финансового состояния организаций, а экономико-математические модели, «связывающие» математическим выражением (регрессивные уравнением) совокупность финансовых коэффициентов, характеризующих отдельные аспекты финансового состояния организаций, с одним обобщающим показателем, комплексно отражающим общий уровень финансового состояния исследуемого объекта.

Теория экономико-математического моделирования позволяет создавать различные экономико-математические модели, математически связывающие обобщающий показатель с целым рядом количественных факторов, отражающих состояние той или иной экономической категории. Учитывая то, что процесс создания экономико-математической модели, позволяющей комплексно анализировать финансовое состояние, представляет собой процесс создания регрессионной модели, то необходимо осуществить выбор типа модели и выбор переменных, которые будут включаться в будущее уравнение регрессии.

При осуществлении выбора типа модели необходимо учитывать то, что финансовое состояние предприятия является результатом взаимодействия большого количества факторов, а его платежеспособность и финансовая устойчивость, эффективность использования капитала, деловая и инвестиционная активность оценивается целой совокупностью финансовых коэффициентов, имеющих различные оптимальные значения. В связи с этим необходимо признать, что процесс создания экономико-математической модели по сути представляет собой процесс решения задачи многокритериальной оптимизации.

Различные методы решения многокритериальных задач по сути отличаются лишь алгоритмом W «сворачивания» исходных критериев в один глобальный критерий q(X). В тех случаях, когда расчетные значения факторов, входящих в экономико-математическую модель, отличаются друг от друга на один или несколько порядков, как значения многочисленных коэффициентов, характеризующих финансовое состояние организаций, при решении многокритериальной задачи необходимо использовать аддитивную, инвариантную и симметричную функцию.

Всем этим требованиям удовлетворяет функция, связывающая обобщающий показатель и множество различных факторов следующей формулой:

$$W(X) = \sum \alpha_i \frac{q_i(X) - q_{\min}}{q_{\max} - q_{\min}},$$

где α_i – определенное значение «веса» соответствующего i-го критерия; $q_i(X)$ – значение соответствующего i-го критерия; q_{max} – максимальное значение соответствующего критерия во всей анализируемой совокупности известных данных; q_{min} – минимальное значение соответствующего критерия во всей анализируемой совокупности известных данных.

Каждое слагаемое в приведенной формуле расчета функции свертки представляют собой не что иное, как нормированный критерий, который может изменяться от 0 до 1.

Для определения информации I, необходимой для определения параметров α_i, как правило, пользуются методом экспертных оценок, суть которого состоит в обобщении и обработке данных, характеризующих индивидуальные мнения экспертов, выраженные путем ранжирования рассматриваемой совокупности критериев (например, посредством анкетирования). Для ограничения свободы выбора значений параметров α_i как правило задаются следующим ограничением:

$$\sum_{i=1}^{m} \alpha_i = 1, \quad \alpha_i \geq 0, \quad i = 1,...m.$$

Второй, не менее важный этап математической формализации будущей модели – выбор переменных. Выбор переменных должен быть осуществлен с учетом всей широты гаммы, применяемых при анализе финансового состояния предприятий, финансовых коэффициентов.

Таким образом, используя совокупность финансовых коэффициентов, наиболее полно и комплексно отражающих финансовое состояние организаций, определив с помощью методов экспертных оценок удельный вес, значимость каждого из отобранных финансовых коэффициентов и используя аддитивную, инвариантную и симметричную функцию свертки, возможно разработать экономико-математическую модель, позволяющую комплексно оценивать финансовое состояние любой исследуемой организации по данным ее бухгалтерской отчетности. Применение этой модели на практике позволит выработать и критерии, шкалу для оценки сложившегося уровня финансового состояния организаций, что, в свою очередь, позволит аналитикам получать более объективные выводы относительно того в каком финансовом состоянии находится организация – в удовлетворительном, в неудовлетворительном или в состоянии банкротства.

А.В. Рогаева, Л.С. Усов

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА КАК ФАКТОР И УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

Классификация – это система соподчиненных понятий (классов, объектов) какой-либо области знания или деятельности человека, часто представляемая в виде различных по форме схем (таблиц) и используется как средство для установления связей между этими понятиями или классами объектов, а также для точной ориентировки в многообразии понятий или соответствующих объектов. Применительно к теории экономической эффективности производства это понятие означает, что для общего представления о содержании этой теории необходимо выбрать определяющий признак классификации (критерий), объединяющий и дифференцирующий все остальные локальные признаки классификации.

Эффективность производства как результат целенаправленной человеческой деятельности включает в себя все явления, связанные с этой деятельностью, начиная от самой цели деятельности (экономические интересы субъекта: работник, управленческий персонал, собственники, общество, государство, корпорации, коллективы и др.), функционирования подчиненной этой цели системы ведения хозяйства (организационная и производственная структура производства) до условий хозяйствования (природно-климатические, финансовые, правовые, экономические, технические, организационные, управленческие, маркетинговые, политические и т.д.).

Если при социализме, ориентированном на непрерывный рост благосостояния людей, величина экономической эффективности практически определялась как эффективность превращения исходного сырья в конечный продукт и не зависела от отношений собственности, поскольку распределение полученного обществом дохода от совместной деятельности (хотя иногда и с нарушением принципа справедливости) осуществлялось по существующим нормам государственного регулирования, то сейчас при нарождающемся капитализме отношения собственности играют главенствующую роль, определяя всю методологию исследования настоящего предмета, начиная от содержания единиц и систем измерения величины эффекта, содержание критерия эффективности, выбора способа формализации этого критерия до способа реализации цели (не исключая криминальных).

Содержание категории «экономическая эффективность производства» в этом случае полностью зависит от ответа на вопрос: «С точки зрения чьих интересов эта эффективность рассматривается?» Это означает необходимость в начале морфологического исследования разобраться с субъектом и объектом эффективности производства.

Сложившаяся практика разработки и осуществления программ социально-экономического развития не соответствуют научной методологии организационного проектирования производственных систем в условиях неустойчивой экономики. Это выражается в следующем:

– отсутствие достоверного анализа (мониторинга) эффективности производства в целом по региону, эффективности отдельных отраслей, эффективности налоговых и других льгот для хозяйствующих субъектов;

– отсутствие достоверного анализа (мониторинга) уровня жизни, потребностей и интересов населения, демографических процессов;

– отсутствие законодательно утвержденной концепции развития страны и региона;

– отсутствие экономического обоснования целевых программ развития отдельных отраслей экономики;

– отрыв финансового обеспечения всех направлений и уровней от организационного проектирования;

– отсутствие процедуры реализации разработанных программ развития;

– отсутствие работ по обеспечению количественной и качественной пропорциональности в развитии отраслей экономики, не допускающих возникновения хозяйственных диспропорций;

– отсутствием управления научно-техническим прогрессом даже в использовании внутренних возможностей региона;

– отсутствие надежного механизма регулирования экономических отношений всех уровней и отношений;

– законодательная инициатива исполнительной власти, лоббирование принятия областных зако-

© А.В. Рогаева, Л.С. Усов, 2006

Таблица

Субъекты экономических интересов и их основное содержание

Субъекты экономических интересов	Основное содержание экономических интересов
Работник – собственник своей рабочей силы	Максимальная выгода от продажи собственной рабочей силы (оплата труда в какой-либо форме). Стоимость рабочей силы определяет ее владелец, а потребительную стоимость – покупатель. Разница между ними – есть уровень эксплуатации работника
Работник – член кооператива, собственник на правах доли в общей собственности	Максимальная выгода от продажи собственной рабочей силы и получение выгоды от своей доли в общей собственности
Ассоциированный член производственного кооператива – собственник на правах доли в общей собственности	Получение выгоды от своей доли в общей собственности. Явление связано с перекосами в существующем законодательстве: рыночная стоимость основных средств производства может быть выше балансовой и может быть при значительном физическом и моральном износе отрицательной, то есть не быть источником дохода.
Работник – член народного предприятия	Редкий случай, когда личные интересы работника и коллективные интересы совпадают. К сожалению, условия создания народных предприятий упущены
Существенный собственник части имущества предприятия	Увеличение доли собственности в общей собственности предприятия с целью создания благоприятных для себя условий управления производством для личного обогащения
Собственник контрольного пакета акций предприятия	Максимальная прибыль, распределяемая в форме дивидендов. Дальнейшая капитализация производства для решения этой задачи
Инвестор предприятия	Максимальная окупаемость вложенных средств (если не ставится задача отмывания «грязных» денег)
Собственник крестьянского (фермерского) хозяйства, использующий труд наемных работников	Максимальная прибыль, в том числе и за счет эксплуатации наемных работников, для которых нет в условиях сельской местности выбора.
Смешанный собственник предприятия (государство, коллектив предприятия, инвестор)	Максимальные предпосылки для справедливого распределения совместно полученного валового внутреннего продукта между работником, собственником и государством
Иностранный владелец предприятия	Максимальный размер ренты. Размещение «грязных» производств. Использование сырьевых ресурсов страны. Экономическая интервенция России, захват территории государства.
Иностранный совладелец предприятия	Согласование экономических интересов иностранных и российских собственников. Для российских собственников очень важна защита их экономических интересов со стороны международного капитала. Экономическая интервенция в любом случае обеспечивается
Холдинг	Использование экономических преимуществ монополизации производства
Агропромышленный комплекс	Обеспечение паритета экономических условий хозяйствования между сельским хозяйством и промышленностью – главное направление восстановления сельского хозяйства и обеспечения продовольственной независимости государства и регионов
Население области	Рост благосостояния до уровня превосходящего необходимую реальную заработную плату, ликвидация безработицы, вывод экономики из тени, обеспечение безопасности личности
Население сельских районов	Возвращение внутреннего долга организациям и населению сельских районов, связанного с диспаритетом условий хозяйствования между сельским хозяйством и промышленностью
Общество	Торможение кризиса и обеспечение начальной стабилизации производства, восстановление здравоохранения, образования и культуры, повышение уровня государственной безопасности и безопасности личности

нов, способствующих самоустранению от государственного управления и сводящих к минимуму экономическую ответственность власти и др.

Результатом отступления от научной методологии организационного проектирования и планомерного осуществления программ явились:

– недостойно низкий уровень жизни населения;

– идеологический кризис из-за отсутствия четко сформулированных целей общественного развития, потерянное поколение молодых, необразованных и не подготовленных к труду людей;

– продовольственная зависимость страны от стран Запада;

– критический физический износ основных фондов;

– критический моральный износ основных средств производства;

– криминализация экономики, криминализация в быту вплоть до полной утраты безопасности личности;

– эксплуатация трудового народа, особенно селян; нарушение всех экономических и этических представлений об оплате труда, хотя все приоритеты рыночной экономики находятся на рынке рабочей силы;

– медицинское обслуживание населения на уровне его физического вымирания;

– разрушение процессов эффективной специализации, концентрации и интенсификации производства;

– недееспособность исполнительной власти в отношении торможения кризиса и создания условий для позитивного развития общества;

– необратимое в существующих условиях разрушение АПК, особенно после вторичного передела собственности, произошедшего порой при покровительстве властей и др.

Интересы различных субъектов хозяйствования имеют свойство непрерывно изменяться в соответствии организационно-управленческим уровнем и в зависимости от изменения характера условий и интенсивности воздействия на производство внутренних факторов (табл.). При движении по вертикали вверх условия производства превращаются в факторы, то есть находятся в диалектической взаимозависимости.

Несмотря на неполную классификацию интересов отдельных хозяйствующих субъектов, легко заметить существенные различия межу ними, а иногда и совершенно противоположные интересы. Для локализации задачи на уровне предмета исследования необходимо вспомнить, что отношения на рынке рабочей силы являются главными для дальнейшего раскрытия первенствующей из проблем развития экономики России.

Академическое представление о категории «рабочая сила» почему-то не связывается в исследованиях «рынка» с рыночными отношениями. В ретроспективных высказываниях классиков-догматиков рынок рабочей силы при социализме якобы не существует, являясь обязательным свойством капитализма. Сейчас при активном строительстве капитализма в России о рабочей силе и отношениях на ее рынке в исследованиях и в высказывании политиков о них не упоминается, что привело к сознательному (!) отходу от фундаментальных понятий *рынка рабочей силы как товара.* А ведь именно на этом фундаментальном понятии должна строиться политическая экономия как наука. Будь-то капитализм или социализм, рабочая сила как есть товар, так и есть. Наемных работников при капитализме и при социализме нет и никогда не было. Есть собственник собственной рабочей силы, которую он продает (совсем другое дело в каких условиях он это делает). Абсолютно невежественным выглядит непризнание приоритетов рабочей силы на рынке, как сферы обращения.

Выше показано, что как и у каждого товара у рабочей силы есть стоимость, которую устанавливает ее владелец, и потребительная стоимость, в которой заинтересован покупатель этой рабочей силы. Когда государство не регулирует эти параметры, сильный (находящийся в экономически выгодном положении) диктует условия торга слабому, которому некуда деваться. Так возникает эксплуатация одних (продавцов) другими (покупателями). Интересы различных субъектов должны быть формализованы в единицах измерения и в системах единиц измерения, при этом необходимо помнить, что имеют место функциональные аспекты экономической метрологии теории экономической эффективности производства: измерение, оценка, экспертные оценки, экономический расчет, технико-экономический расчет, приемы социологических исследований, расчет показателя.

А.В. Рогаева

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

В теории эффективности производства не полностью исследованы (точнее не доведены до уровня классических представлений) единицы измерения экономических величин (форма и содержание), системы единиц измерения экономических величин (приведение объектов измерений и единиц измерения к тождественным условиям сравнения). Магистральные направления повышения эффективности производства, независимо от отраслевых особенностей одни и те же: специализация, концентрация, интенсификация производства, прогрессивная система разделения и кооперации труда (прогрессивность определяется экономией труда и справедливого распределения между партнерами вновь созданной стоимости), совершенствование технологии и организации труда, совершенствование и развитие экономического механизма оптимального партнерства, совершенствование управления производством и государственное регулирование производственных отношений.

Направления использования теории эффективности производства являются также одним из признаков классификации (табл. 1).

Концептуальные подходы к измерению заработной платы с использованием различных методов классификации объектов измерения связаны с организационно-техническими требованиями проектирования и практической апробации инструментов измерения (табл. 2).

Повышение эффективности производства можно разделить на два взаимозависимые направления: совершенствование структурных пропорций хозяйствующего субъекта и изменение условий хозяйствования. Полная совместимость методов и направлений исследования должна обеспечить концепция исследовательского проекта, которая заключается в следующем:

– дифференциация по вертикали и по горизонтали аналитической работы всех видов по экономике и законопроектной деятельности;

– выявление на основе всестороннего состояния экономики и общества приоритетных проблем развития и исследование причин их возникновения и взаимообусловленность между ними;

– в зависимости от целей и сферы применения законодательства осуществляется выбор методов исследования выявленных проблем, с применением которых осуществляется количественная и качественная оценка этих проблем;

– преимущества отдаются применению методам оптимизации теории исследования операций и теории лимитирующего эффекта слабого звена;

– в результате всестороннего анализа приоритетных проблем разрабатывается техническое задание на программное обеспечение на проведе-

Таблица 1

Признаки направлений использования теории эффективности производства

Направления использования теории эффективности производства	Отличительные признаки направлений приложения теории эффективности производства
Исследование прошлого опыта, анализ эффективности	Приведение сравниваемых объектов к тождественным условиям сравнения при максимально возможном учете факторов и условий производства, выявление тенденций развития и краткосрочный прогноз состояния при существующих условиях хозяйствования.
Организационно- экономическое проектирование	Морфологическое исследование хозяйствующего субъекта, обоснование глобального и локальных критериев эффективности (дерево целей), выявление лимитирующего эффекта слабого звена, оптимизация производственной структуры, оценка степени восприятия коллективом реализации достижений научно-технического прогресса, обоснование финансового обеспечения проекта, оценка эффективности проекта.
Стимулирование повышения эффективности производства	Регулирование экономических отношений на рынке рабочей силы через создание паритета экономических условий хозяйствования между всеми отраслями региональной экономики

© А.В. Рогаева, 2006

Таблица 2

Инструменты измерения заработной платы

Наименование инструмента измерения	Требования к инструменту измерения
Экономико-математическая модель	Критерий оптимальности заработной платы не должен противоречить глобальному критерию эффективности (общей целевой функции), в модель должны быть введены все нормообразующие факторы заработной платы с учетом приведения их к сопоставимым условиям сравнения.
Расчетный экономический показатель	Расчетный показатель величины заработной платы определяется с учетом необходимых затрат рабочего времени, интенсивности труда, производительной силы труда, социально необходимого минимального уровня реальной заработной платы, выравнивания социальных условий для семей, проживающих в городской и сельской местности
Система экспертных оценок	Система экспертных оценок предполагает выявление у работника запроса на заработную плату возможностей увеличения производительности труда при реализации этого запроса

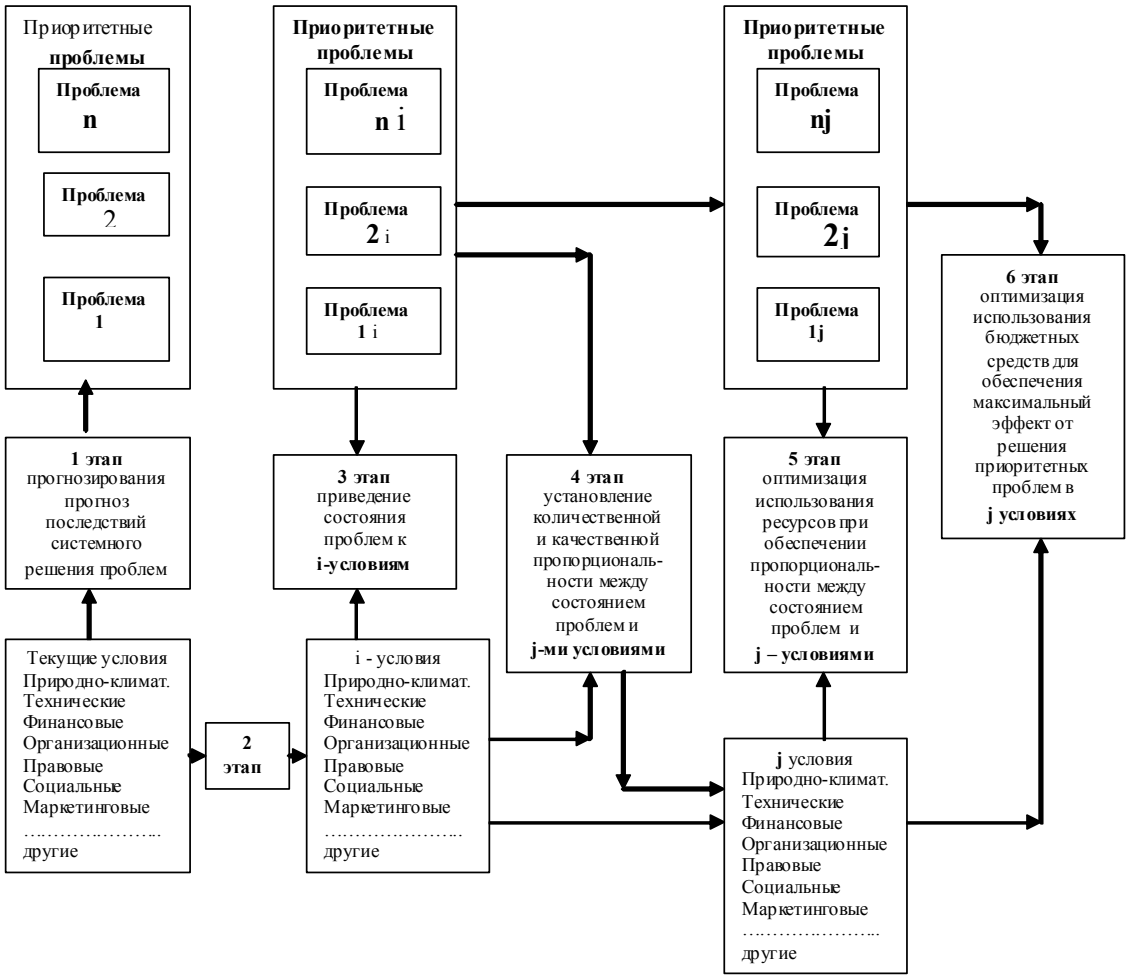


Рис. Схема оптимизации уровня финансирования системного решения приоритетных проблем

ние соответствующих расчетов, при случае отсутствия в имеющемся пакете прикладных программ необходимых для решения конкретной проблемы следует разработать специальную программу и ввести ее в общий пакет;

– программное обеспечение должно позволять не только измерение социально-экономической эффективности, но и различного рода оценок;

– финансирование решения приоритетных проблем является неотъемлемой частью законопроектов и осуществляется по полному объему (поскольку речь идет о приоритетных проблемах, без решения которых возникает кризисная ситуация не может быть разрешена, прежде всего воспроизводство рабочей силы) по методологии представленной на рисунке;

– количество одновременно решаемых проблем определяется с помощью оптимизации соотношения эффективности преобразований и убытков составляющих внутренний долг, возрастающий в геометрической прогрессии.

На рисунке показана схема прогнозирования развития социально-экономической производственной системы. Заработная плата в соответствие с этой схемой попадает и в финансовые условия производства (как условие воспроизводства рабочей силы) и одновременно учитывается как фактор производства при оптимизации использования имеющихся средств (стимулирование эффективности, компенсации увеличивающейся интенсивности труда).

Первый этап прогнозирования связан с определением возможностей решения организационных и финансовых диспропорций и устранения убытков по субъективным причинам.

Второй этап прогнозирования начинается с прогноза изменения условий по управляемым и не управляемым элементам. Неопределенные составляющие условий прогнозируются на основе исследования вероятности возникновения тех или иных отклонений этих условий. На основании этого закладывается резерв ресурсов необходимый для предотвращения отрицательных последствий этих изменений для экономики и общества.

Третий этап связан с приведением состояния выявленных проблем (количественные и качественные оценки) к i-м условиям, спрогнозированным на втором этапе.

Четвертый этап обеспечивает установление количественной и качественной пропорциональности между состоянием проблемы и i-ми условиями. Устанавливаются диапазоны и ограничения по финансированию деятельности по решению выявленных проблем, учитывая, что имеющиеся в распоряжении средства могут быть вложены как непосредственно в мероприятия по решению проблем, так и в изменение условий, при которых решение этих проблем обойдется дешевле.

Следует иметь ввиду, что на третьем этапе структура проблем по экономическим признакам измениться и , если текущая структура проблем имела в своем составе, например, проблему под номером 5, которая являлась носителем лимитирующего эффекта слабого звена, то на третьем этапе такой проблемой может оказаться проблема под номером 3. Таким образом, структура финансирования системного решения выделенных проблем изменится как по структуре проблем, так и по регулированию условий. Может оказаться, что при установлении i-х условий, какая-то i-я проблема(ы) перестанет(ут) быть приоритетной(ми). Результатом четвертого этапа является трансформация i-х условий в j-е.

На пятом этапе происходит вторая итерация приведения состояния j-х проблем к j-м условиям. Как и при первой итерации (4 этап) в структуре проблем может измениться элемент, являющийся носителем лимитирующего эффекта слабого звена. Поэтому возникает потребность в оптимизации эффективности использования ресурсов безотносительно от источников финансирования.

Шестой этап связан с оптимизацией использования финансовых средств в зависимости от источников финансирования (собственные источники, заемные средства, субсидии, льготы) по критериям максимума производственного эффекта, максимума бюджетного эффекта и максимального прироста уровня благосостояния населения в зависимости характера и содержания решаемых проблем.

А.П. Гончаров

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ СЛИЯНИЙ И ПОГЛОЩЕНИЙ В ИНТЕРЕСАХ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Одной из задач государственного регулирования в сфере рынка ценных бумаг является обеспечение прав и законных интересов инвесторов и акционеров. На сегодняшний день эта задача имеет важное стратегическое значение для развития российской экономики и решения стратегических задач развития отдельных отраслей. Слияния и поглощения являются естественными процессами для рыночной экономики и зачастую имеют положительный результат, как для объединяющихся предприятий, так для их работников, менеджеров. Мировая практика показывает, что именно с использованием механизмов M&A происходило появление транснациональных корпораций в развитых странах. Объем рынка слияний и поглощений растет существенными темпами ввиду глобализации бизнес-процессов. Последние примеры – формирование крупнейшей сталелитейной корпорации Mittal Steel, которая активно развивается путем присоединения и покупки металлургических предприятий в различных странах. Последнее приобретение – покупка крупнейшей европейской компании Arcelor. В результате объединения появилась структура, контролирующая более 20% мирового рынка. Последний пример из российской практики – объединение алюминиевых предприятий Русал, Суал, Glencore. В результате на рынке появляется крупнейший производитель алюминия с долей более 20% мирового рынка. В подобных условиях включаются механизмы синергии, когда компании получают ощутимую выгоду от так называемого эффекта масштаба.

В современных условиях глобализации и ужесточения конкуренции в глобальном и национальном масштабах только крупные корпорации, способные привлекать миллиарды, десятки и сотни миллионов долларов для проведения исследований, модернизации оборудования и разработки новых технологий в кратчайшие сроки в ответ на изменение рыночной конъюнктуры могут успешно развиваться.

В России рынок слияний и поглощений растет быстрыми темпами. В результате подобных операций образовались и продолжают развиваться такие компании – лидеры сотовой связи, как МТС, Вымпелком. Крупнейший холдинг Вим-Билль-Дан также активно развивается за счет приобретений в регионах местных предприятий. Активно идут процессы консолидации во многих отраслях российской экономики. Совсем недавно закончился процесс слияния пивоваренных компаний на базе Балтики, группа ГАЗ закончила процесс консолидации акций компаний, входящих в различные дивизионы.

После присоединения России к ВТО, актуальность укрупнения и консолидации предприятий лишь увеличится. Причиной здесь послужит серьезный износ производственных фондов большинства российских предприятий, который достигает по различных отраслям от 60 до 90%, возрастающая конкуренция со стороны мировых производителей подобной продукции, а также низкий уровень производственных и управленческих технологий. Фактически многие отрасли российской экономики обречены на консолидацию, в противном случае предприятия в среднесрочной перспективе потеряют объективные конкурентные преимущества и будут вынуждены либо перепрофилироваться либо закрыться. Подобные процессы в последние годы наблюдаются в странах восточной Европы и вывшего СССР.

Особенности российской приватизации и несовершенство российского корпоративного законодательства заложили массу подводных камней и проблем для приватизированных акционерных обществ. Это зачастую приводит к возникновению серьезных корпоративных конфликтов. Основными причинами их возникновения являются: неэффективное управление предприятием, пренебрежение культурой корпоративного управления, игнорирование прав акционеров, наличие грубых, зачастую умышленных нарушений законодательства.

Важность и серьезность процессов слияний и поглощений для развития российской экономики, а также частных случаев – незаконных захватов предприятий неоднократно рассматривались на самых высоких уровнях государственной власти. В частности, вопросы недружественных поглощений регулярно рассматриваются на заседа-

© А.П. Гончаров, 2006

ниях Координационного совета при полномочном представителе Президента Российской Федерации в ЦФО по вопросам обеспечения законности в сфере экономической деятельности.

Вопросы, затрагивающие незаконную деятельность в области недружественных поглощений несут в себе серьезную угрозу экономической безопасности регионов, отдельных предприятий, их трудовых коллективов, и поэтому им также должно уделяться серьезное внимание со стороны органов государственной власти. Работа должна, на наш взгляд, строиться по двум направлением: во-первых, создание механизмов, направленных на предупреждение, выявление и пресечение попыток незаконных захватов предприятий, незаконного передела собственности, нарушения законодательства в области рынка ценных бумаг, законных прав акционеров. Во-вторых, процессы консолидации, стимулирующие инвестиционные процессы в регионе, сопровождающиеся созданием крупных региональных производителей, лидеров отраслей российского масштаба, направлением инвестиций в обновление производства, создание рабочих мест, должны получать активную поддержку со стороны органов государственной власти, в том числе на уровне регионов и муниципалитетов. Органы власти могут и должны включаться в качестве посредника в корпоративные конфликты в значимых для развития региона предприятиях и отраслях для урегулирования спорных вопросов и снятия взаимной конфронтации. Создание дополнительных барьеров (в том числе и административных) для прихода стратегических и портфельных инвесторов серьезным образом снижает уровень инвестиционной привлекательности региона для инвесторов, а также негативно сказывается на их имидже. Зачастую это сопровождается запуском коррупционных механизмов в виде предоставления отступных, доли в бизнесе и проч. Бесспорно, что это оказывает влияние и на благосостояние населения региона. На сегодняшний день регионы вынуждены вести жесткую конкуренцию за инвесторов.

Для решения вышеизложенных проблем, учитывая их важность и значимость для регионов, на наш взгляд следует вести по двум направлениям.

Во-первых, создание механизмов, направленных на предупреждение, выявление и пресечение попыток незаконных захватов предприятий, незаконного передела собственности, нарушения законодательства в области рынка ценных бумаг, законных прав акционеров. Во-вторых, процессы консолидации, стимулирующие инвестиционные процессы в регионе, сопровождающиеся созданием крупных региональных производителей, лидеров отраслей российского масштаба, направлением инвестиций в обновление производства, создание рабочих мест, должны получать активную поддержку со стороны органов государственной власти, в том числе на уровне регионов и муниципалитетов.

Одна из главных зада: консолидировать усилия органов государственной власти, наладить оперативный обмен информацией.

В целях создания эффективного механизма управления процессами слияний и поглощений в регионах целесообразно создать межведомственные рабочие группы по рассмотрению процессов слияний и поглощений, корпоративных конфликтов. Это позволит объективно рассматривать сложные ситуации с учетом интересов региона. Вовлечение в процесс рассмотрения и анализа конкретных ситуаций представителей органов власти, контролирующих и правоохранительных органов, бизнес-сообществ создаст механизм, в том числе, препятствующий возникновению элементов коррупции в органах государственной власти. Активная роль может отводиться представителям ФСФР России – органа, обладающего грамотными специалистами, объективной информацией и возможностью проведения анализа ситуаций на предмет наличия нарушений законодательства. Для получения полной объективной картины необходим обмен информацией между региональными управлениями МНС, УВД, Прокуратуры, ФСБ. Кроме этого необходимо создать механизм обратной связи, например, через систему общественных приемных полномочного представителя Президента в регионах, куда, в случае возникновения конфликтных ситуаций могут обращаться предприятия, вовлеченные в конфликт для объективного рассмотрения ситуации.

В рамках региона необходимо создание Интернет-сайта, на котором будут отражаться информационные и новостные события по вышеизложенным вопросам. Процессы, происходящие в этом направлении должны также объективно отражаться в региональных деловых изданиях.

Результатом создания подобных механизмов станет повышение эффективности использования рыночных методов для развития бизнеса эффективными собственниками.

А.Ю. Мудревский, О.М. Лазурина

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ВНУТРИ ОРГАНИЗАЦИИ

Важнейшей формой отношений внутри оборонного предприятия является организация труда. Исторически и логически она представляет собой один из элементов организации общественного производства и одну из исходных форм реализации собственности на средства производства. В процессе организации труда проявляется чрезвычайно сложная и тонкая сеть новых организационных отношений, охватывающих производство и распределение продуктов. Формирование организации труда, как в масштабе всего общества, так и на каждом отдельном предприятии выдвигается одна из важнейших задач динамики экономической системы.

Именно с организацией труда на оборонном предприятии прежде всего связано сочетание, соединение действий участников труда, предполагающее не только единство совместных усилий, но и взаимодействие внутри этого единства, которое возникает между участниками производства. Обмен производственной деятельностью, обусловленный кооперацией и разделением труда, реализуется в процессе организации труда на предприятии и составляет существенную сторону экономических отношений между участниками совместного труда. Специфика экономических отношений организации труда состоит в том, что степень совместности труда находится в непосредственной зависимости от уровня развития производительных сил, а корпоративный характер совместности труда, ее координации и регулирования является конкретной формой реализации собственности на средства производства. Отношения организации труда неразрывно связаны с использованием средств производства и, стало быть, с формой собственности и отражают ее специфику.

Организация труда предполагает объединение людей общим производственным заданием, взаимодействие для его выполнения, подчинение регулированию этого совместного труда и выполнение обязанностей перед трудовым коллективом, поэтому она выражает не только взаимоотношения работников друг к другу, но и отношения каждого к фирме и воздействие фирмы на каждого его члена. Только в условиях совместного владения средствами производства возникает действительная корпоративность. *Содержание организации труда* как формы экономических отношении внутри оборонного предприятия может быть сведено к трем группам отношений: 1) между производителями; 2) между каждым участником производства и объединением этих участников; 3) между исполнителями и руководителями.

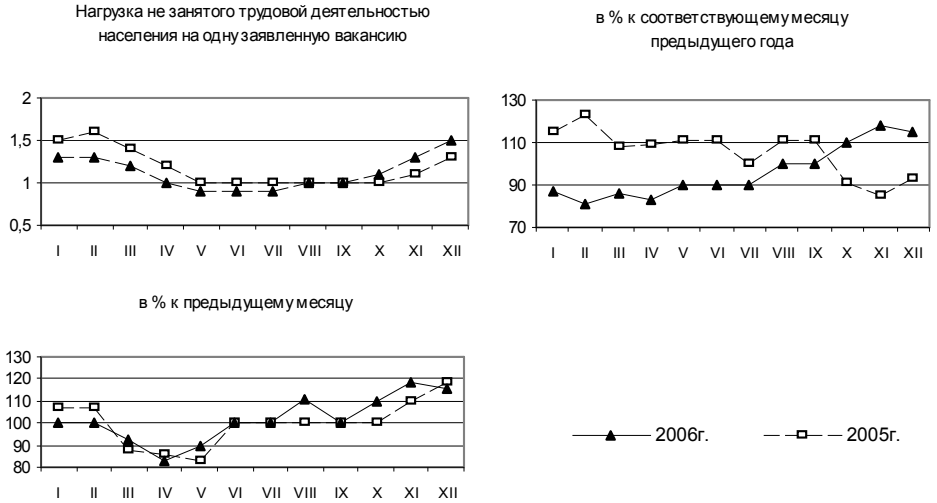


Рис. Динамика потребности организаций в работниках

© А.Ю. Мудревский, О.М. Лазурина, 2006

Структура рынка труда в России в настоящее время и в ближайшем будущем может привести к социальной напряженности в стране. На рисунке показана динамика потребности организаций Ярославской области в работниках, которая свидетельствует об увеличении нагрузки незанятого трудовой деятельностью населения на одну заявленную государственной службой занятости вакансию. Поэтому модернизация организации труда в России не может и не должна рассматриваться как отраслевая проблема, в отрыве от социальных и экономических проблем страны и регионов.

Развитие экономических отношений в процессе производства в условиях данного социального типа организации труда происходит в результате ее совершенствования внутри фирмы под влиянием технического прогресса. Совершенствование организации труда прежде всего обусловлено изменениями в орудиях труда. По мнению Ж.-П. Бландиньера, «гибкость, постоянная инновация на основе овладения технологической средой, оперативность реагирования, оптимизация ресурсов стали ключевыми элементами конкурентоспособности, а значит, и роста» [1].

Основными направлениями непосредственного воздействия технического прогресса на организацию труда являются: изменение функций рабочих и форм разделения труда внутри предприятия; изменение технических связей между непосредственными производителями и возрастание степени их кооперации. Эти направления отражают общую закономерность развития современной промышленности, которая «постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных комбинациях процесса труда» [2]. Когда на смену механизации и автоматизации отдельных производственных процессов приходит органически взаимосвязанная система машин, все производственные процессы и операции оказываются неразрывно связанными друг с другом, представляют собой единый, взаимосвязанный комплекс, что обусловливает совместность их выполнения. Эти изменения в самом процессе труда влекут за собой необходимость изменения форм сочетания труда, усиления процесса его корпоративности внутри фирмы, возрастания совместности действия непосредственных участников производства, а на этой основе совершенствование экономических и трудовых отношений между ними.

Изменение системы организации труда на предприятиях оборонного комплекса во многом зависит от трансформации финансово-кредитных отношений. В частности, это определяется *налоговой минимизацией* как целенаправленными действиями налогоплательщика, которые позволяют избежать или до определенной степени уменьшить его обязательные выплаты в бюджет, производимые в виде налогов, сборов, пошлин и других платежей.

Отметим, что совершенствование трудовых отношений между непосредственными производителями в условиях новых форм организации труда идет по двум направлениям. Во-первых, при общем производственном задании, коллективном его выполнении и коллективной оплате труда степень общности экономических интересов производителей возрастает. В этих условиях отношения между непосредственными производителями строятся на основе взаимозаменяемости, более высокого уровня взаимовыручки и взаимопомощи. Одновременно с этим расширяются границы корпоративности, она выходит за пределы одной смены: каждое звено стремится не только выполнить свое задание, но и обеспечить нормальные условия работы следующей смене. Во-вторых, повышается взаимная требовательность производителей друг к другу в процессе совместного труда, развиваются контроль и самоконтроль рабочих, укрепляется сознательная дисциплина труда.

Процесс системной трансформации в России сопровождался гигантским, одномоментным обесценением человеческого капитала, накопленного в предыдущую эпоху. Оно коснулось как общего человеческого капитала (то есть знаний, навыков, мыслительных привычек, способов восприятия, которые люди получают в системе формального образования), так и специфического человеческого капитала (то есть знаний и умений, которые они приобретают по ходу своей производственной деятельности непосредственно на рабочих местах). Это массовое обесценение образовательного потенциала не могло не сказаться на производительности труда и стало одним из главных факторов ее резкого снижения. В 1990-е годы возник глубокий разрыв между фактическими и желаемыми запасами человеческого капитала на уровне каждого отдельного человека. Особенно наглядно это проявилось в сфере оборонно-промышленного комплекса, многие предприятия которого были закрыты или ча-

стично перепрофилированы на выпуск гражданской продукции.

Человеческий капитал повышает шансы не только на получение более высоких заработков, но и на получение работы как таковой. Можно ли говорить о подобном эффекте применительно к российскому рынку труда? Прослеживается закономерность, имеющая практически универсальный характер: чем выше образовательный потенциал, тем выше экономическая активность, больше занятость, ниже безработица и меньше доля «отчаявшихся» работников, покинувших рынок труда после длительных безуспешных поисков (эта закономерность нарушается лишь в одном-единственном случае – для работников с незаконченным высшим образованием).

Не столь однозначной была ситуация со специфическим человеческим капиталом. Стандартным показателем, измеряющим объемы накопленного специфического человеческого капитала, является *специальный стаж*, то есть время, в течение которого человек работает на данном рабочем месте, в данной фирме. В России он составляет сейчас около 7 лет против 10–12 лет в странах Западной Европы или Японии. Даже в сфере военного производства, которая предполагает длительный специальный стаж, этот срок составляет 9–10 лет. Это означает, что российская экономика продолжает жить с рабочей силой, которая имеет недостаточные по международным меркам запасы специфического человеческого капитала. Оборотная сторона этого явления – высокая текучесть. Анализ показывает, что по интенсивности оборота рабочей силы Россия оставляет далеко позади все другие переходные экономики.

Библиографический список

1. *Бландиньер Ж.-П.* Реиндустриализация России: насколько пригоден европейский опыт // Экономист. – 2006. – №5. – С. 39.

2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. – Т. 23. – С. 498.

Ю.В. Бараева

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ – КЛЮЧЕВОЙ КОНКУРЕНТНЫЙ ФАКТОР РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Получение новых знаний и технологий и их эффективное применение в социально-экономическом развитии в решающей мере определяет роль и место страны в мировом сообществе, уровень жизни народа и обеспечения национальной безопасности. В промышленно развитых государствах 80–95% прироста ВВП приходится на долю новых знаний, воплощенных в технике и технологиях. Этот переход на инновационный путь развития позволил высокоразвитым странам обеспечить эффективные технологические прорывы и поддерживать конкурентоспособность своих экономик на самом высоком уровне.

В то время как мир ускоренно переходил от капиталистического индустриализма к постиндустриализму, от асоциальной – к социально ориентированной рыночной системе, в России в начале 1990-х годов был определен путь антисоциально ориентированной рыночной экономики. Этот путь оказался деградационным [1].

Интеллектуальный капитал проникает и в материальный, и в финансовый, и в трудовой капитал любого предприятия. Чем глубже это проникновение, тем важнее роль субъектов интеллектуального капитала для бизнеса. Очевидно то, что они уже не просто работники предприятий, а вместе с этим и предприниматели, и инвесторы. Высокий профессионализм и знания позволяют этой категории работников совмещать профессиональную деятельность в производственном процессе с участием в управлении и владении предприятием. Порой они совмещают работу по найму в одном месте с собственной предпринимательской деятельностью [2].

Быстрое развитие «новой экономики», растущая взаимосвязь между рынками капитала и новыми технологиями, усиление их социальной ориентации, масштабный характер создания и использования знаний, технологий, продуктов, услуг могут действовать эффективно лишь при наличии таких условий, как:

– технологический и интеллектуальный потенциал, достаточный для запуска инновационного процесса;

– постоянный рост числа участников инновационных сетей, в том числе в результате вовлечения в них новых социальных групп;

© Ю.В. Бараева, 2006

– институциональная система (включающая как формальные, так и неформальные элементы), ориентированная на инновационное развитие;

– востребованность инноваций большинством хозяйствующих субъектов, физических лиц;

– достаточный уровень экономического развития (объем ВВП и ВВП на душу населения).

Выполнение всех этих условий, наличие системных предпосылок, теоретическое осмысление проблем инновационного развития способствовали возникновению и развитию взаимосвязанных организаций (структур), занятых производством и коммерциализацией научных знаний и технологий в пределах национальных границ, обеспечивающих инновационные процессы и имеющих мощные национальные корни, культурные традиции, политические и культурные особенности.

К базисным сферам национальной экономики относятся:

– генерация знаний (наука и ее сегменты в других секторах);

– распространение и применение знаний (исследования и разработки, производство товаров и услуг);

– коммерциализация нововведений (рынок научно-технической продукции, рыночные институты);

– образование и профессиональная подготовка кадров;

– инновационная инфраструктура, включая финансовое обеспечение;

– управление и регулирование (правовая база, государственная макроэкономическая и инновационная политика).

Особую значимость в развитых странах имеет организация передачи инноваций из сферы получения знаний в производство. Достигается это посредством создания рынка объектов интеллектуальной собственности и инновационной инфраструктуры. К последней относятся бизнес-инновационные, телекоммуникационные и торговые сети, технопарки, бизнес-инкубаторы, инновационно-технологические центры, консалтинговые фирмы, финансовые и другие структуры. В странах ЕС активно поддерживается кооперация университетов и промышленности, реализуемая посредством развития университетских инновационных центров, центров трансферта технологий, агентств технологического брокерства, региональных центров новых технологий.

Очевидно, что в ближайшем будущем завершится процесс вытеснения человека из непосредственного процесса производства. Скорее всего, это будет означать, что завершится процесс формирования принципиально новой среды обитания человека, представляющей из себя композицию естественной и искусственной природы, постоянно воспроизводимой как необходимые и достаточные условия современной жизни. Кроме всего прочего, это будет еще и означать, что основу экономики будут составлять отрасли, производящие продукцию с очень высоким удельным весом человеческого интеллекта (микроэлектроника, информатика, биотехнология, телекоммуникации и др.), а не с высоким удельным весом сырья, материалов и трудозатрат (такие, например, как металлургия, машиностроение, сельское хозяйство и т.п.).

В современных условиях ускоренного развития цивилизации роль личности в обществе становится все значительнее, в связи с этим все чаще возникает проблема «утечки» интеллектуального капитала в страны «золотого миллиарда», т.к. там создаются наиболее благоприятные условия для формирования интеллектуального капитала.

Преимущественно умственный характер труда современного работника изменяет его положение с позиций наемного рабочего на позиции инвестора интеллектуального капитала. Изменится роль и значение владельцев материально-вещественных и финансовых факторов производства, с одной стороны, и интеллектуального капитала, с другой. Новое явление – снижение темпов роста производительности труда при ускорении темпов научно-технического прогресса – никак не укладывается в каноны индустриальной экономики, все характеристики которой ориентировались на масштаб удовлетворения общественных потребностей. Постиндустриальная экономика – это экономика качества жизни и производительность труда вряд ли может при этом выступать критерием эффективности. Хотя по-прежнему существует прямая связь между темпами роста производительности труда и ростом заработной платы, ее скорее можно отнести не ко всему обществу, а только к малоимущим слоям.

При выходе на глобальный рынок одной из возможных ниш РФ (кроме аэрокосмической и оборонной технологий) в числе конкурентоспособных может оказаться и образование. Россию в этом смысле можно позиционировать как

страну по «производству» интеллектуального капитала. Это пока остается нашим конкурентным преимуществом. В этой связи одним из факторов конкурентоспособности будет качество подготовки специалистов.

Научно-технический уровень российских предприятий, по сравнению с западными фирмами, остается достаточно низким, материальные активы изношенными, а финансовые ресурсы находятся в дефиците. Можно полагать, что интеллектуальный потенциал остается чуть ли не единственным фактором, который можно мобилизовать в достаточно короткие сроки для завоевания устойчивых позиций отечественных наукоемких предприятий на мировом рынке.

Уровень общих, научных и профессиональных знаний российских специалистов остается достаточно высоким, что может стать ключевым фактором обеспечения конкурентных преимуществ российской промышленности [3]. В тоже время в развитых странах отчетливо проявляется тенденция возрастания масштабов финансирования научных исследований и разработок. Высокоразвитые страны стремятся обеспечить наукоемкость на уровне 3% валового внутреннего продукта (ВВП). В 2005 году наукоемкость ВВП в ЕС составила 1,93%, в США – 2,59%, в Японии – 3,15%. Лидерами по наукоемкости ВВП являются Швеция – 4,3% и Финляндия – 3,5% [4].

Схемы государственной поддержки создания и роста высокотехнологичных предприятий реализуются, в частности, через государственные инвестиции в венчурные фонды, налоговые льготы, ускоренную амортизацию.

Инновационная система России принципиально отличается очень высокой долей государственного сектора, медленным формированием крупных наукоемких корпораций, относительно слабым развитием малого инновационного бизнеса, а также фондового рынка и венчурного капитала как источников финансирования инновационных проектов. К тому же, НИР хоть и декларируются приоритетными направлениями в российской экономике, на самом деле таковыми не являются. А потому – финансируются по остаточному принципу (как в СССР сельское хозяйство). Поэтому, к сожалению, российская наука зачастую не способна удовлетворить потребности производства, а промышленность игнорирует научные разработки.

Ключевую роль в развитии инновационной деятельности должна играть внутрифирменная наука, интегрированная в реальный сектор экономики. В ведущих индустриальных государствах компаниями выполняется основной объем научных исследований и разработок: 65% – в странах ЕС, 70% – в Японии, 75% – в США. Российская заводская наука располагает незначительными ресурсами (6% затрат на исследования и разработки) и ориентирована главным образом на решение краткосрочных технических задач собственного производства, в том числе путем адаптации разработок, выполненных сторонними организациями, к конкретным производственным условиям [5].

В структуре отечественной науки крайне низкой остается доля высших учебных заведений, выполняющих исследования и разработки (около 5% затрат на науку по сравнению с 21% в странах ЕС и 14–15% в Японии и США). Число таких вузов в течение 1990–2001 гг. сократилось с 453 до 388, а поскольку вновь созданные частные вузы практически не ведут исследований, то научная деятельность осуществляется сегодня только в 40% российских вузов. Продолжение подобной тенденции может привести к необратимым последствиям как для самой науки, так и для качества подготовки специалистов. Между тем сформированная за годы реформ модель высшей школы в силу охвата всей территории страны позволяет использовать для инновационной деятельности различные интеграционные структуры (учебно-научные и научно-инновационные комплексы и т.д.) во многих регионах. По данным статистики, научные организации, особенно академические и вузовские, имеют весьма низкий рейтинг в ряду других источников информации для осуществления технологических инноваций на предприятиях [6].

Применительно к региональному аспекту развитию образовательных технологий могут способствовать такие факторы, как:

1. Привлечение ППС на проектной основе в рамках вуза в пределах разумного рабочего времени, при достойной зарплате, которая должна обеспечиваться эффективной вовлеченностью педагога-практика во все три сферы образовательного процесса.

2. Конкуренция образовательного учреждения не в рамках регионального рынка, а на межрегиональном уровне. В этом смысле развитие филиальной сети крупных вузов в регионах неэффективно, т.к. происходит отток (распыление) как сту-

дентов, так и ППС. Гораздо эффективнее создать такой механизм, который позволит студентам очно учиться в выбранном вузе, независимо от его месторасположения. К тому же миф о доступности образования порождает миф о его всеобщности, и, как следствие, его получение без каких-либо усилий. «Платность» образования не следует путать с покупкой диплома за деньги. При наличии реального рынка интеллектуального труда категория платных потребителей должна оказаться самой «капризной» с точки зрения требований к качеству образования.

3. Четкая ориентация на требования рынка труда и гибкое реагирование на эти требования. Для этого необходимо наличие:

– стратегий развития и кадровая политика в рамках предприятий и региона в целом;

– стратегий развития интеллектуального потенциала в РФ, начиная со школы;

– понимания приоритетного развития и модернизации (не путать с «болонизацией») высшей школы. (Если в школах появляются мультимедийные системы, доступный Интернет, интерактивные доски и пр., а в отечественных вузах их нет, то выпускников вряд ли привлечет образование прошлого века с оборудованием из «консервных банок», а значит, вектор приоритетов абитуриентов может повернуться на Запад);

– тесного контакта вуза с потребителями образовательного продукта (государством, организациями, частными лицами).

Сейчас формирование интеллектуального капитала осуществляется через Центр, без учета реальных требований предприятий и организаций и специфики региона. У вузов нет возможности определить вектор развития интеллектуального потенциала.

Поэтому нужны экономические рычаги (экономические стимулы) для инвестирования в инновации (научно-технические разработки «собственного производства» – отечественный производитель) и интеллектуальный потенциал конкретного предприятия (налоговые льготы, целевая подготовка специалистов, формирование рынка рабочей силы, оказание платных услуг по трудоустройству: предприятие платит за подготовленного специалиста и т.д.).

Растущее многообразие потенциальных источников научных и технологических знаний, усиление комплексного характера современных технологий при одновременном расширении их спектра, требуемого для осуществления инноваций, сочетается с обострением конкуренции и повышением инновационных рисков. Даже крупные компании уже не в состоянии охватить все необходимые научно-технические дисциплины. Поэтому, с одной стороны, они усиливают специализацию корпоративных исследовательских лабораторий, а с другой – все активнее вступают в различные кооперационные связи (в форме технологических альянсов, сетей, венчуров; слияний и приобретений; контрактов с университетами и исследовательскими центрами; привлечения специализированных исследовательских, консалтинговых, тренинговых и т.п. услуг; покупки технологий – овеществленных и неовеществленных, и др.). В исследованиях проблем «новой экономики» особо подчеркивается интенсивный рост локальных кластеров и глобальных альянсов по созданию, распространению и применению инноваций, прямых иностранных инвестиций, «рождений» малых фирм, сектора наукоемких деловых услуг, мобильности квалифицированных кадров как средств распространения знаний и факторов эффективности инновационной деятельности.

Таким образом, эффективность инновационного развития экономики зависит не только от того, насколько эффективна деятельность самостоятельных экономических агентов (фирм, научных организаций, вузов и др.) в отдельности, но и от того, «как они взаимодействуют друг с другом в качестве элементов коллективной системы создания и использования знаний, а также с общественными институтами (такими, как ценности, нормы, право)» [5].

Необходимо максимально поощрять (на деле, а не на словах) интеграцию образования, науки и производства, стремиться к повышению удельного веса научно-технологической составляющей в иностранных инвестициях в российскую экономику, интеграции российских компаний в международные инновационно-промышленные комплексы, играющие роль «локомотивов» мировой постиндустриальной экономики.

Библиографический список

1. *Родина Г.А.* Новая экономика: роль и место в современном международном разделении труда. – Ярославль: РИЦ МУБиНТ, 2006. – 32 с.

2. *Ефремов В.С.* Бизнес-системы постиндустриального общества // Менеджмент в России и за рубежом. – 1999. – №5. – С. 28.

3. *Лукичева Л.И.* Управление интеллектуальным капиталом. – М.: Омега-Л, 2007. – С. 111.

4. *Аммосов Ю., Имамутдинов И., Медовников Д.* Наше странное преимущество // Эксперт. – 2005. – Январь.

5. *Гохберг Л.* Национальная инновационная система России в условиях «новой экономики» // Вопросы экономики. – 2003. – №3. – С. 54.

6. *Гохберг Л., Кузнецова И.* Технологические инновации в промышленности и сфере услуг. – М.: Центр исследований и статистики науки, 2001. – С. 25.

Л.А. Грибанова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ТРУДОМ И КАПИТАЛОМ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ

Сущностью современных общественных процессов является переход от индустриального общества к некоему новому, изначально получившему название «постиндустриального» для фиксации его исторического места: это общество, идущее на смену индустриальному, буквально «после индустриальное» общество. Постиндустриализм на первый план вместо промышленного сектора с его эпохой *массового производства* стандартизированного товара вывел сектор услуг, или третичный сектор, с ориентацией на *индивидуального потребителя*.

Дальнейшая «работа» с термином связана с потребностью сузить сервисную сферу до самых важных услуг, олицетворяющих собой новое качество постиндустриализма, – так появилось понятие *«информационного общества»,* хотя часто эти термины используются практически как синонимы или, в трактовке Д. Белла и Е. Масуды, информационное общество рассматривается как этап, фаза развития постиндустриального общества[1].

Идея информационного общества, опираясь на исследования Н. Винера, А.Н Колмогорова., А.Я. Хинчина, К Шеннона в области теории информации, развивалась в рамках различных теоретических направлений междисциплинарного характера и не сложилась в единую и целостную теоретическую концепцию. Феномен информационного общества позднее назывался по-разному («сверхиндустриальным обществом» – у Э. Тоффлера, «постбуржуазным» – у Дж. Лихтхайма, «посткапиталистическим» – у Р. Дарендорфа, «постцивилизационным» – у К. Боулдинга, «постэкономическим» – у Г. Кана, «постисторическим» – у Р. Сейденберга, «постнефтяным» – у Р. Барнета, «четвертичной цивилизацией» – у Ж. Фурастье). Все перечисленные позиции относятся к новой цивилизационной ступени, в основании которой находится особая субстанция – информация.

Д. Белл, введший в оборот в 1959 г. на международном социологическом семинаре термин «постиндустриалиальное общество», стал на рубеже 1970–1980-х годов заменять его словами «информация» и «знание», подчеркнув тем самым, что в постиндустриальном мире становится не просто больше информации – здесь вступает в игру другой тип информации – знание. Термин «информационное общество» Белл использовал в вышедшей в 1980 г. работе «Социальные рамки информационного общества»[2]. Определяя статус последнего, автор полагает, что постиндустриальное общество в той же мере является информационным обществом, в какой индустриальное общество – товаропроизводящим. В соответствии с критерием Белла, вступление социума в информационное состояние можно количественно обозначить соответствующим образом: если в обществе более 50% населения занято в сфере информационных услуг, значит, общество стало информационным. По прогнозам, доля занятых в секторе информационно-коммуникативных технологий в развитых странах может превысить 50 процентов к 2010 г., а в американской экономике это произошло уже четверть века назад.

Составной частью информационного общества является информационная экономика, которая, в широком смысле слова, олицетворяет зависимость социально-экономического развития от производства, переработки, хранения и распространения информации в обществе.

Наша задача заключается в исследовании отношений между трудом и капиталом в условиях становления информационной экономики.

К. Маркс, как известно, определял капитал как самовозрастающую стоимость, выражавшую

 © Л.А. Грибанова, 2006

определенные общественно-производственные отношения между капиталистами, владеющими средствами производства и использующими их как средство эксплуатации, и наемными рабочими, имеющими в своем распоряжении только рабочую силу, которую они вынуждены продавать капиталистам, вследствие чего производители были отчуждены от продукта своего труда. Основу присвоения прибавочной стоимости капиталистами образует их собственность на орудия и предметы труда, без которых невозможен процесс производства. Маркс называл производство прибавочной стоимости абсолютным законом капиталистического способа производства, выражающим сущность капиталистической эксплуатации. «Капитал, – подчеркивал Маркс, – это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает»[3]. Поскольку по мере развития капитализма эксплуатация труда капиталом возрастает, постольку противоречие между ними квалифицировалось Марксом как антагонистическое, разрешимое лишь в ходе социалистической революции и переходе общества к коммунистической формации.

Современные исследователи информационного общества обращают внимание на трансформацию как работника, так и собственника.

Типичный работник индустриальной эпохи (эпохи «фабричных труб», по выражению Э. Тоффлера[4]) – квалифицированный *исполнитель*, дисциплинированный «под машинный ритм», получал единожды некую сумму статичных узкоспециализированных знаний, достаточных для работы в течение жизни одного, а то и двух поколений. В системе управления прямое принуждение уступило место экономическому воздействию на человека. Особенно ценились такие свойства работника, как точность, подчинение единой центральной власти, способность к пониманию того, как функционирует бюрократия, готовность смириться с пожизненным механическим и однообразным трудом. Такому работнику адекватны жесткие должностные инструкции, ограниченные информационные каналы, принятие решений за закрытыми дверями, кастовость управления, строго-недоверчивое отношение к сотрудникам (униформа, контроль за приходом на работу, контроль и обыск на выходе).

Возникновение информационного общества сопряжено с коренными изменениями в типе экономического роста, который переориентируется с преимущественно репродуктивного, представленного массовым промышленным производством однородной продукции, основой которого являлся физический механизированный труд, – на преимущественно инновационный, нацеленный на производство уникальной продукции и базирующемся на интеллектуальном труде. Новым является не столько то, что увеличивается количество людей, занимающихся умственным трудом, – растет интеллектуальное содержание всякого труда. Микроэлектронная революция, резко увеличив производительность труда и тем самым изменив его содержание, изменила силу человеческого интеллекта. Работа стала требовать постоянного интеллектуального общения людей друг с другом, что ослабило взаимодействия человека с искусственной средой.

Информационное общество меняет роль человека в производстве вследствие коренного изменения содержания труда: рабочие места, на которых автоматизированы все операции и для которых может быть создан алгоритм, требуют умения ориентироваться в потоке информации, сравнивать варианты и принимать нестандартные решения. Это умение зависит не столько от суммы знаний и навыков, «вбитых» в голову, сколько от уровня развития личности, ее ценностных ориентаций и общей культуры.

Типичный работник постиндустриального общества – это умеющий накапливать и эффективно использовать знания и умения работник преимущественно умственного труда. Это уже не традиционный рациональный «экономический человек», а, в трактовке А.В. Бузгалина и А.И. Колганова, «*человек творческий*», «способный и желающий ориентироваться в своей деятельности не только на… материальные гарантии, но и – прежде всего – на такие мотивы и стимулы труда и новаторства, как свобода деятельности и самореализация, прогресс творческого содержания труда, рост свободного времени»[5]. Такой тип работника не нуждается во внешней организации, он способен самостоятельно ставить цели, избирать необходимую стратегию действий и эффективно решать поставленные задачи. Для него не характерны детальное разделение и заданный извне ритм труда. В зоне своей ответственности он более компетентен, чем его начальник. Поэтому главным становится не часовая выработка, а долговременный результат работы. Это

обусловливает возникновение неформальных взаимодействий в коллективе, раскрепощающих креативные способности личности.

Ценность капитала становится очевидной только в приложении к креативу. «Капитал пляшет под дудку таланта»[6] – не наоборот! В сегменте «золотых воротничков» рынка труда компании зачастую вынуждены соглашаться с любым запрашиваемым талантливыми людьми размером оплаты. Оборотной стороной подобного успеха является то, что высококвалифицированные работники с недостатком реального таланта (коих большинство) не могут чувствовать себя спокойно, что создает новое напряжение на рынке труда: либо их место могу занять более талантливые выходцы из менее развитых стран, либо сами рабочие места могут быть переведены в эти менее развитые страны с более низкой стоимостью рабочей силы.

Таким образом, современный работник должен не только уметь применять и обрабатывать информацию, но также быть способным учиться добывать и накапливать знания и навыки, т.е. быть способным к самопрограммированию. Именно такой работник, – самопрограммирующийся, высококачественный и, соответственно, высокооплачиваемый, – становится важнейшим фактором производства в информационной экономике.

Социальная структура индустриального общества строится на основании принципа «функциональной рациональности, согласно которому человек использует процессы или блага наиболее оптимальным, дешевым, эффективным образом; в обществе экономического типа отношения строятся на основании отношений собственности на материальные факторы и результаты производства.

С возникновением постиндустриального общества осью, вокруг которой располагаются новые технологии, экономический рост, стратификация общества, становятся информация и знание; соответственно оценкой эффективности деятельности выступают способность или неспособность оперировать информацией, генерировать новые знания, создавать информационные продукты, что приводит в политической сфере к переходу права принимать решения от обладателей капитала – к обладателям знаний и тем, кто ими управляет. Новый тип работника, «работник интеллектуального труда», независим от внешних факторов собственности на средства и условия производства, имеет высокую мобильность и «замотивированность» на той деятельности, которая открывает пространство для самореализации и самовыражения; его деятельность становится автономной и креативной при творческом характере труда.

Поскольку решающим критерием социальной дифференциации становится уровень и востребованность знаний, а не собственность на материальные объекты, постольку результатом этих модификаций является перенос социальных конфликтов из экономической сферы (труд-капитал) в культурную, или в плоскость взаимоотношений человека с его социальными организациями и объединениями, или в область противопоставления интересов индивида и технократии, взявшей на себя ответственность за определение путей общественного прогресса[7], или центральной проблемой становится взаимодействие конкретного гражданина и бюрократии как воплощения государственности и государственного управления общими делами общества[8], или конфликт между технократией и новыми массовыми общественными движениями вроде «зеленых»[9].

Современный технологический прогресс сформировал основу для соединения работника со средствами труда. С одной стороны, социологи еще 15 лет назад обратили внимание на то, что работники интеллектуального труда обладают собственностью на свои уникальные способности; причем эта собственность не может быть отчуждена и присвоена в объективированной форме. В итоге параллельно тому, как средства производства становятся по своему характеру в большей степени информационными, нежели материальными, контроль над ними в определенной степени переходит к работникам. С другой стороны, средства производства, необходимые для создания информационных продуктов, как и сама информация, хоть и не стали бесплатными и общедоступными, однако становятся все более доступными. Таким образом, формируются условия для того, чтобы средства, необходимые для создания, распространения и воспроизводства информационных продуктов, стали доступны практически каждому работнику, способному обеспечить их адекватное применение. Отличительной чертой современного общества, по мнению Т. Сакайя, становится тенденция к воссоединению труда и средств производства; необходимое оборудование уже не является недоступно дорогим; приобретение его обусловлено издержками, представляющимися для частных лиц

вполне разумными и допустимыми. При этом создание информационных ценностей представляет собой процесс, в котором труд и средства производства становятся неразделимыми, в результате чего «противоречие между трудом и средствами производства, бывшее постоянной чертой, доставшейся нам в наследство от промышленной революции, начнет сходить на нет, и в обществе будущего станет превалировать новая концепция хозяйства, в которой эти два элемента гармонично сольются воедино»[10].

Таким образом, значение таких социальных явлений, как классовая борьба и противостояние труд – капитал, в условиях становления информационного общества ослабевает или вовсе сходит на нет. Это отнюдь не означает, что будут упразднены полностью все социально-экономические конфликты – скорее всего возникнут новые противоречия (скажем, «во взаимоотношениях эксплуататоров и эксплуатируемых, с одной стороны, и всеми остальными – с другой»[11]).

Примечания

[1] См.: *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. – М.: Academia, 1999; *Масуда Е.* Компьютопия / Пер. с англ. Л.Я. Розовского. – М.: Идея-Пресс, 1998.

[2] *Bell Daniel*. The Social Framework of the Information Society. – N.Y.: Basic Books, 1980. – P. 55.

[3] *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. – Т. 23. – С. 244.

[4] *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2002. – С. 81.

[5] Неоэкономика: Очерки теории и методологии / Под ред. А.В. Бузгалина. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2003. – С. 18.

[6] *Риддерстрале Й., Нордстрем К.* Караоке-капитализм. Менеджмент для человечества / Пер. с англ. – СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2004. – С. 103.

[7] *Яковец Ю.В.* История цивилизаций. – М., 1997. – С. 276.

[8] *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998.

[9] *Тоффлер Э.* Третья волна / Пер. с англ. – М.: АСТ, 1999. – С. 441.

[10] Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 356.

[11] *Фурсов А.* Диалог цивилизаций // Эксперт. – 2003. – № 35. – С. 74.

О.М. Лазурина

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Одной из основных задач государства в сфере экономики является создание благоприятных условий для обеспечения хозяйствующих субъектов необходимыми финансовыми ресурсами. Государственное управление финансированием предприятий предполагает использование ряда методов, в числе которых основную роль играют такие как: прямое субсидирование предприятий; финансирование затрат инвестиционного характера; гарантированные государственные закупки; инструменты налоговой политики, финансовая поддержка малого и среднего предпринимательства.

Выбор методов государственного управления процессами финансирования предприятий зависит от состояния экономики и базовых концепций, служащих теоретическим обоснованием экономической политики.

Теоретическим обоснованием государственного вмешательства в экономику в 30-е годы прошлого века служила кейнсианская теория. Теория Кейнса и его последователей носила макроэкономический характер, но вместе с тем она предполагала активное вмешательство государства в экономику с использованием таких инструментов, как прямое государственное финансирование, налоги и льготы, что прямо сказывалось на микроэкономике, оказывало непосредственное воздействие на развитие самофинансирования.

Исходя из отрицания того, что производство само способно создать необходимый спрос, в теории Дж.М. Кейнса обосновывалась необходимость создания «эффективного спроса» с помощью различных рычагов государственного регулирования. Государству при этом отводилась роль по поддержанию спроса на должном уровне с по-

© О.М. Лазурина, 2006

мощью различных методов для компенсации недостаточности «эффективного спроса». Важная роль при этом отводится наиболее явным методам трансформации государственных финансовых ресурсов в финансовые ресурсы предприятий в форме субсидий и прямых инвестиций из государственного бюджета, дополненных многочисленными налоговыми льготами.

В 1950–1960-е годы идеи Дж.М. Кейнса развиваются в теориях «экономического роста» такими представителями экономической науки как Р. Харрод, У. Феллнер, Дж. Робинсон и др. Их теории так же носят в основном макроэкономический характер. Базовое положение состоит в том, что рост национального дохода является производным от накопления капитала. Следовательно, для достижения экономического роста необходимо обеспечить накопление капитала, в том числе и с помощью методов государственного регулирования. В числе этих методов должны применяться: государственные заказы и предпринимательство, денежно-кредитное регулирование, бюджетно-налоговое воздействие на экономику.

Методы макроэкономического регулирования вместе с тем оказывают непосредственное воздействие на хозяйственный механизм капиталистических предприятий.

С помощью системы государственных заказов обеспечивается гарантированный сбыт продукции частных корпораций, что является необходимым условием для получения доходов и создания накоплений служащих собственными источниками финансирования, тем самым расширяются возможности самофинансирования.

Государственное предпринимательство также является важным методом воздействия на условия финансирования. Так, государственные предприятия могут получать субсидии и дотации из бюджета для обеспечения реализации по льготным ценам. Таким образом, фактически происходит перераспределение бюджетных ресурсов в пользу частных предприятий, у которых появляются дополнительные возможности самофинансирования.

Другим способом обеспечения частного сектора дополнительными источниками средств за счет государства является создание смешанных предприятий с государственным участием, участие государства в акционерном капитале корпораций.

Не менее важное воздействие на самофинансирование предприятий оказывается с помощью методов денежно-кредитного регулирования. В этой связи особенное значение имеет режим функционирования финансовых рынков, основные параметры которого могут задаваться государственным регулированием, и находится под государственным контролем. Кроме того, государство само может выступать в качестве кредитора, при этом, как правило, условия кредитования являются льготными для заемщиков по сравнению с заимствованием у частных финансово-кредитных институтов.

Наконец, третьим элементом государственного воздействия на условия финансирования выступают условия налогово-бюджетных взаимоотношений с предприятиями. Снижение налоговых ставок, налоговое кредиты и налоговые льготы расширение прав в области амортизационных вычетов существенно увеличивают возможности предприятий для самофинансирования. Эти методы стали широко использоваться в условиях экономического кризиса и продолжают оставаться популярными и в настоящий момент.

Применение на практике кейнсианской теории регулирования экономики вначале давало неплохие результаты, но впоследствии привело к неоправданному увеличению государственных расходов, как следствие, увеличению бюджетного дефицита и государственного долга. Результатом этого стала хроническая инфляция, под влиянием которой выросли издержки производства, что отрицательно повлияло на условия самофинансирования.

Хроническая инфляция, вызванная ростом государственных расходов как существенного условия государственного регулирования экономики в системе кейнсианской модели, настолько серьезно осложнила условия хозяйствования, что стала очевидной необходимость перехода к другим формам государственного регулирования, отличным от создания «эффективного спроса» с помощью системы дефицитного финансирования.

В конце 1970-х – начале 1980-х годов капиталистические страны стали отказываться от кейнсианской модели регулирования экономики через создание «эффективного спроса». Вместо нее на вооружение принимаются теория экономики предложения и монетаризм.

Суть теории предложения заключается в том, чтобы воздействовать на накопление капитала и развитие производства с помощью ослабления налогового бремени, так как высокие же налоги

мешают нормальному функционированию рынка. Главным методом при этом становится понижение налоговых ставок, вследствие чего у предприятий расширяются возможности финансирования за счет внутренних источников. Кроме того, снижение налогов становится стимулом к инвестированию за счет внешних источников капитала в промышленность, которая является сектором экономики, создающим предложение. Равновесие на рынке в соответствии с этой теорией будет создаваться самим рынком естественным образом. Согласно этой теории государство не должно использовать для выравнивания доходов налоговую систему, что предполагает существенное сокращение числа налоговых льгот.

Рассматривая основанную на этой теории модель государственного регулирования с позиции развития самофинансирования, можно придти к выводу, что в этой концепции упор делается на накопление собственных источников для самофинансирования за счет значительного снижения налогов с корпораций.

Теория предложения развивалась в начале 1980-х годов в США А. Лэффером, Д. Ванниским и Д. Стокмэном. В значительной мере данная концепция вобрала в себя идеи А. Смита о возможностях саморегулирования рынка.

Теория монетаризма, предложенная американским экономистом М. Фридманом, также делает ставку на снижение налогов и сокращение государственных социальных расходов при сохранении относительно высокого уровня военных расходов. В качестве основных регуляторов рыночной экономики в данной концепции выдвигается объем денежной массы и величина процентных ставок. Сжатие или расширение денежной массы является основным способом влияния на поведение корпораций и в целом на условия экономического роста.

На сегодняшний день в практике государственного регулирования экономики капиталистических стран используются инструменты, предлагаемые в рамках неокейнсианства – бюджетные и налоговые рычаги и в рамках теории предложения и монетаризма – влияние через объем денежной массы и динамику процентных ставок в сочетании с налоговыми рычагами и сокращением социальных расходов бюджета.

Л.Г. Белянкина

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Закономерность демографических процессов во многом определяется социально-экономическими условиями жизни общества. Так, сложившиеся к началу 1990-х годов показатели движения населения в России объективно отражали уровень развития экономики и социальных отношений. Произошедший в течение следующего десятилетия спад в экономике страны серьезно повлиял на демографическую ситуацию. Ежегодная убыль населения свидетельствует о масштабном демографическим кризисе и дает пессимистический прогноз численности населения России в середине 2020-х годов.

За период 1992–2005 гг. население Ярославской области сократилось почти на 9,1% или на 131,7 тыс. чел. Из материалов статистической отчетности по Ярославской области понятно, что основной причиной снижения численности населения региона стала его естественная убыль, так как за годы анализируемого периода индекс смертности в расчете на тысячу жителей превышал индекс рождаемости более, чем в два раза. Некоторый прирост населения области наблюдается за счет миграции, но ее уровень с 1995 года сократился в 3,5 раза.

Нами проведен прогнозный расчет численности населения региона до 2015 года, где приняты средние показатели рождаемости и смертности на тысячу жителей области за последние четыре года (8,18 и 19,57 соответственно). Результаты расчетов приведены в таблице 1.

Данные таблицы 1 показывают, что если соотношение числа умерших к количеству рождаемых сохранится на уровне 2000–2005 гг. (2,4:1,0), то к 2015 году общая среднегодовая численность населения Ярославской области сократится по отношению к 1990 году на 18,2, а к 2005 году – на 8,5%, что весьма отрицательно отразится на обеспеченности региона трудовыми ресурсами.

© Л.Г. Белянкина, 2006

Таблица 1

Прогнозный расчет движения численности населения Ярославской области (тыс. чел.)

Годы	Численность населения области на начало года	Количество родившихся	Число умерших	Миграционный прирост	Численность населения на конец года	Среднегодовая численность населения
1990	1472,2	16,6	19,5	5,1	1474,4	1473,3
2003	1364,4	11,2	26,7	2,0	1350,9	1357,7
2006	1324,2	10,8	25,9	2,0	1311,1	1317,7
2008	1298,2	10,6	25,4	2,0	1285,4	1291,8
2010	1272,7	10,4	24,9	2,0	1260,2	1266,5
2012	1247,8	10,2	24,4	2,0	1223,5	1229,6
2015	1211,6	9,9	23,7	2,0	1199,8	1205,7

Для получения более полной картины демографической ситуации на рынке труда Ярославской области следует провести аналогичные расчеты изменения численности населения по возрастным группам, рекомендованным Центром демографии при Правительстве Российской Федерации, - трудовым ресурсам (возраст до 19 лет), трудоспособное население (от 19 до 55 лет), нетрудоспособное население (старше 55 лет) с учетом сложившейся тенденции по естественному приросту населения в целях определения численности трудовых ресурсов в регионе на ближайшую перспективу. Однако, как показали наши исследования, достаточной достоверности в этих прогнозах добиться трудно, ввиду отсутствия надлежащей статистической отчетности.

Чтобы спрогнозировать численность трудовых ресурсов на перспективу примем за норматив долю занятых в экономике области, сложившуюся в среднем за 2000–2005 годы, которая составила 38% от среднегодовой численности населения. В этом случае численность занятых в экономике (трудовые ресурсы) будет равна 416,5 тыс. чел. (1205,7 х 38 : 110), что на 99,1 тыс. чел. меньше уровня 2003 года (515,6 тыс. чел.). Восполнение столь существенного снижения в перспективе, как общей численности населения, так и количества занятых в экономике региона требует, по мнению многих ученых и руководителей области, разработки и реализации специальной программы по улучшению демографической ситуации в направлении повышения уровня рождаемости, снижения смертности и привлечения мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья.

В 2005 году в экономике Ярославской области было занято 640 тысяч человек, в том числе в промышленности – 170,1 тысяч человек. Допуская наличие элементов скрытой безработицы на некоторых промышленных предприятиях области, нельзя не осознавать масштаб дефицита рабочей силы и его последствия к 2020 году. Уменьшение численности трудоспособного населения на 99,1 тысячу человек сопоставимо с величиной, равной 1/6 занятых в экономик. Нормальное функционирование промышленного комплекса – ритмичное, без резкого спада производства, при столь значительном сокращении численности персонала не представляется возможным.

Таблица 2

Динамика объемов ввода жилья в Ярославской области в 1990–2004 гг.

Показатели	Годы						2004 г. в % к 1990 г.
	1990	1995	2000	2001	2002	2004	
1. Введено жилья, тыс. м^2	671,0	288,0	130,9	162,6	174,7	214,8	32,0
в т. ч. за счет средств населения	1,4	19,4	53,6	48,0	55,6	58,1	в 41 раз
жилищно-строительными кооперативами	19,2	28,3	2,0	2,5	8,7	-	-
2. Уд. вес жилья, построенного за счет средств населения, %	0,2	6,7	40,9	29,6	31,8	27,0	х

Одним из факторов, способствующих росту численности населения региона, является уровень развития жилищного строительства. За годы экономических реформ темпы ввода жилья в Ярославской области существенно сократились, что не замедлило сказаться на демографической ситуации, которая, как было отмечено выше, остается неудовлетворительной.

Динамика объемов ввода жилья в Ярославской области за период с 1990 по 2004 годы, приведенная в таблице 2, показывает некоторое его увеличение к 2004 году. Нельзя не отметить, что треть жилья строится в последние годы за счет средств населения, а также с использованием кредита.

Как видно из данных таблицы 2, ввод жилья за анализируемый период уменьшился в 3 раза. Примечательно, что достаточно высокие объемы строительства и ввода жилья в недалеком прошлом (в 1985 г. – 700,0, а в 1990 гг. – 671 тыс. м^2) в Ярославской области были залогом благоприятной демографической ситуации в регионе: число родившихся в 1985 году превышало количество умерших на 848 человек (положительное сальдо естественного прироста населения), в 1990 году прирост общей численности населения был обеспечен за счет миграции, чему также способствовало активное строительство жилья.

Вновь обратимся к опубликованным статистическим данным по Ярославской области. Из числа молодых семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий, в 1995 году состояло на учете 4691 семья, к началу 2005 года – 1656, что составляет 5,5% от всех семей области, нуждающихся в улучшении жилищных условий. То есть снижение за период в 10 лет незначительное. Требуется ускорить строительство жилья более, чем в 1,26 раза. Таким образом, для улучшения демографической ситуации в регионе необходима целая система мер, предусматривающая программы строительства жилья, материальной поддержки семей, имеющих детей, а также стимулирования рождения детей. Реализация названных мер предполагает разработку демографической политики государства, как на федеральном, так и региональном уровнях в направлении укрепления института семьи.

А.Ю. Мудревский

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА В ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

В оборонно-промышленном комплексе (ОПК) непосредственное соединение средств производства и рабочей силы проявляется не только в особом характере привлечения рабочей силы на предприятия, но и в особом характере использования средств производства в процессе совместного труда. Обособленность и отношение работников к средствам производства проявляется также и в организации труда военно-промышленной организации. Вопросы организации труда находятся в неразрывной связи не только с достижением важнейшего условия получения максимальной прибыли и роста производительности труда, но и с формированием новых экономических отношений, связанных с обеспечением обороноспособности государства.

Организация (франц. *organization*) означает строение, устройство какой-то суммы явлений или предметов. В широком смысле этот термин применяется в трех аспектах: техническом, экономическом, социальном. Социальный тип организации труда определяется частным характером соединения производителей со средствами производства. Поэтому отношения организации труда являются экономическими отношениями, носят внутрипроизводственный характер, а частное производство развивает соответствующий ему тип частной организации труда. В ОПК, кроме частного характера, отношения организации труда приобретают и специфически общественный характер, который заключается в особом способе соединения рабочей силы и средств производства, а также в специфике конечного продукта – вооружений и военной техники.

В настоящее время все четче вырисовывается актуальность рассмотрения социально-экономических проблем организации труда в отдельной экономической организации. Представляется, что при этом могут быть приняты за исходные следующие посылки [1]:

© А.Ю. Мудревский, 2006

– *во-первых*, в процессе развития частного труда возникает необходимость взаимосвязи производителей не только со средствами производства, но и между собой. В силу этого организация труда в современной экономической организации и в масштабах общества в целом, выступает как организация частного труда. Различия здесь состоят лишь в границах частного труда, его индивидуализации;

– *во-вторых*, организация труда – это процесс, в котором происходит непосредственное взаимодействие производительных сил и экономических отношений, их взаимопроникновение. В силу этого она изменяется в соответствии с уровнем развития производительных сил и социальной природой рыночной экономики;

- *в-третьих*, возникающие в процессе организации труда социально-экономические отношения являются одной из конкретных форм экономических отношений в частном процессе производства.

Экономические отношения, возникающие в процессе организации труда, выражают отношения совместного труда, складывающиеся при использовании средств производства в оборонно-промышленном комплексе. Последние же находятся в определенной форме собственности, что обусловливает определенный социальный характер непосредственного обмена производственной деятельностью. Поэтому организация труда и ее важнейшие элементы не могут сводиться только к техническим отношениям, к организационным формам производительных сил; ее социально-экономическая сторона представляет собой одну из конкретных форм экономических отношений.

Особенность и сложность понимания организации труда как экономической категории состоит в том, что техническая и социально-экономическая стороны организации общественного труда неразрывно связаны в едином процессе функционирования рабочей силы в условиях совместного труда. Роль организации труда внутри оборонного предприятия состоит в том, что, с одной стороны, ее совершенствование под влиянием технического прогресса является составной частью процесса развития и совершенствования отношений; с другой стороны, происходит обратное воздействие экономических отношений в процессе производства, на производительные силы. Совершенствование организации труда становится одним из важнейших факторов дальнейшего развития производительных сил под воздействием экономических отношений.

В экономической литературе организация труда рассматривается и как элемент производительных сил и как элемент экономических отношений. При этом выделяются три формы организации труда: всеобщая, частная и единичная [2]. Отношения организации труда, реально складывающиеся в процессе производства, выделяются в особую группу «технических», «трудовых» отношений, которые рассматриваются или как элемент производительных сил, или как экономических отношений, но в обоих случаях отделяются от собственно экономических, «имущественных отношений» [3; 4]. При этом выделяются две группы производственных отношений: социально-экономические (собственность) и организационно-экономические отношения, не связанные непосредственно с собственностью на средства производства и рассматриваемые как вторичные, перенесенные производственные отношения [5]. У истоков такого деления лежит разграничение производственных отношений, данное Г.В. Плехановым в его «Статьях против Струве», где вся совокупность производственных отношений разделена на две части: отношения в более узком смысле слова как «имущественные отношения» и «непосредственные отношения производителей в процессе производства (например, организации труда на фабрике и мануфактуре), которые в более широком смысле тоже должны быть названы отношениями производства» [6].

Сведение организации труда лишь к «трудовым», «техническим» отношениям, лишенным, по существу, экономического содержания, представляется не только противоречивым, но и не отражающим реальные процессы, протекающие в действительности, так как в организации труда в отдельной экономической организации переплетаются и технические, и собственно экономические отношения, непосредственно связанные с собственностью на средства производства. Особенно явно это проявляется в сфере военного производства.

Военное производство как фаза общественного воспроизводства престает исходным пунктом в реализации военно-экономических возможностей, служащим для создания материально-вещественных элементов военной мощи. Наличие военного производства как постоянного крупного по масштабам многоотраслевого комплекса – общепризнанное положение военно-экономических концепций и военно-техни-

ческой политики многих стран. Подобные комплексы включают ряд специализированных отраслей и производств, в том числе атомную, ракетно-космическую, авиационную, судостроительную, автобронетанковую промышленность, производство артиллерийско-стрелкового вооружения и боеприпасов и другие [7].

Особенность организации труда в ОПК также проявляется в том, что в последние годы существенным образом видоизменилась взаимосвязь военной и гражданской экономики. Чтобы обеспечить военные потребности за счет текущего военного производства, необходимо было резко увеличить его масштабы, следствием чего явилась коренная ломка всех народнохозяйственных пропорций, приспособление их к интересам войны, военная перестройка всей экономики [8]. На наш взгляд, для экономического обеспечения военных потребностей необходимо: а) обеспечение военных потребностей за счет текущего производства предметов военного назначения; б) создание развитой военной экономики как взаимосогласованного единства военного производства, распределения, обмена (обращения) и потребления; в) военная перестройка (мобилизация) всей экономики.

Процесс военного производства представляет собой сложную совокупность связей и отношений. Техническая сторона производства – это технический способ соединения и функционирования всех элементов производительных сил. В этом процессе возникает, во-первых, взаимодействие между средствами труда и предметами труда; во-вторых, определенный технический способ соединения производителей со средствами производства (методы, приемы труда, условия труда и др.); в-третьих, технические отношения между непосредственными производителями, которые обусловлены качественным расчленением и количественной пропорциональностью общественно-комбинированного труда. Но соединение производителей со средствами производства и между собой всегда осуществляется в определенной общественной форме. Процесс организации общественного труда также отражает эту общую закономерность.

При исследовании организации труда внутри оборонного предприятия в рамках экономических отношений необходимо иметь в виду многообразие конкретных форм ее проявления. Характер экономических отношений таков, что в их субординированной структуре определяющая роль принадлежит отношениям в масштабе всего общества, которые выступают как отношения корпоративного труда. На каждом уровне производства соединение производителей со средствами производства принимает различные конкретные формы организации. Это находит проявление в своеобразии реальных экономических отношений в обществе в целом и в рамках отдельного оборонного предприятия. Примат отношений общественного уровня не исключает необходимость исследования системы экономических отношений на всех уровнях общественного производства. Актуальность рассмотрения отношений внутри оборонно-промышленного предприятия особенно усиливается в связи с возрастанием его роли в качественном экономическом росте и регулировании социальных процессов в экономической системе.

Библиографический список

1. *Железов А.В.* Труд как фактор экономической динамики: Дисс. … д-ра экон. наук. – Кострома, 2006. – С. 63–64.

2. Экономика и социология труда: Учебник / Под ред. А.Я. Кибанова. – М.: ИНФРА-М, 2003. – С. 134.

3. *Вязмин И.* О структуре экономических отношений // Экономические науки. – 1970. – №1. – С. 21.

4. *Сигов И.* Производственные отношения и их классификация // Экономические науки. – 1967. – №5. – С. 18.

5. *Абалкин Л.И.* Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. – М., 1973. – С. 28–34.

6. *Плеханов Г.В.* Соч. Т. 1. – С. 150, 168.

7. *Коречков Ю.В., Викторович Е.С.* Оборонно-промышленный комплекс России: система управления и финансового обеспечения. – Ярославль: Аверс Плюс, 2006. – С. 12.

8. *Воробьев В.В., Пожаров А.И., Ермаков С.М.* Военная экономика. – М.: Воениздат, 2003. – С. 32.

Е.В. Тихомирова

МЕТОДЫ НАЛОГОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

«Планирование – одна из составных частей управления, заключающаяся в разработке и практическом осуществлении планов, определяющих будущее состояние системы, путей, способов и средств его достижения»[1]. В современной российской и зарубежной литературе даются самые различные определения. Чаще всего планирование представляют как ориентированную на будущее деятельность по принятию решений. Планирование определяется как вид деятельности, направленный на выбор оптимальной альтернативы развития социально-экономической системы в целом, рассчитанной на определенный период времени; как определение задач, стоящих перед организацией, проектирование результатов и формирование путей их достижения[2].

Классификация налогового планирования должна исходить из общетеоретических положений о классификации, учитывать гносеологические корни этого понятия. Налоговое планирование есть элемент, звено системы общеэкономического планирования, поэтому первому должны быть имманентно присущи признаки последнего. Взаимодействуя с другими элементами общей системы, налоговое планирование принимает все черты, свойственные общеэкономическому планированию, в этом проявляется их диалектическая связь как частного и общего, через призму их соотношения, взаимосвязи вычленяется сущность налогового планирования. Налоговое планирование, как и общеэкономическое планирование, – экономическая категория, причем категория абстрактная, отражающаяся в объективной реальности посредством строго определенной последовательности действий, направленных на достижение заранее известного и умозрительно установленного результата. Следовательно, говоря о классификации налогового планирования, необходимо иметь в виду, во-первых, логику и структуру построения цепочки наилучших способов достижения поставленных целей, и, во-вторых, временные рамки, с одной стороны ограничивающие постановку невыполнимых задач и целей, а с другой – выступающие индикатором эффективности планируемых действий путем сопоставления прогнозируемого и фактического результата. Классификация налогового планирования, как процесса разработки и последующего контроля за ходом реализации налогового плана и его корректировки в соответствии с изменяющимися условиями, может строиться лишь в соответствии с параметрами срочности налогового планирования. Поскольку отличаются друг от друга только временные рамки достижения целей, логика и структура последовательности мероприятий процесса налогового планирования подчиняются общетеоретическим правилам и не подвержены дифференциации. Следовательно, налоговое планирование – это деятельность, направленная на достижение краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных (стратегических) целей (результатов). Таким образом, налоговое планирование правомерно подразделять на оперативное, тактическое и стратегическое.

В зависимости от соответствия юридическим нормам, предусмотренным законодательными и иными нормативными актами, действия, направленные на оптимизацию налоговой политики, подразделяются на противоправные, не соответствующие правовым положениям, и проводимые в установленном законом порядке (законные).

Исходя из критерия воздействия на налоговую нагрузку, планируемые действия могут быть оптимизационными, направленными на минимизацию налоговых отчислений предприятия, и тривиальными, или, как их называют в литературе, мероприятиями по классическому налоговому планированию.

Мероприятия по классическому налоговому планированию включают в себя организацию правильного учета и отчетности, планирование экономической деятельности в рамках, определенных законом, и своевременную уплату налогов.

Реализация мероприятий налогового менеджмента предполагает качественно иной подход к организации бизнеса. К обычным критериям построения бизнеса необходимо добавить (и постоянно учитывать) критерий минимизации налогов. Всю систему экономических, финансовых и правовых отношений предприятия необходимо рассматривать под углом минимизации налогов и проводить комплекс соответствующих мероприятий. Налоговое планирование оптимиза-

 © Е.В. Тихомирова, 2006

ционных мероприятий представляет собой разработку некоторых экономических действий, налоговых схем и их документального оформления, направленную на минимизацию налогов в рамках законной деятельности предприятия. Под постоянными экономическими показателями понимаются те экономические показатели, на которые налогоплательщик не может влиять, которые от него практически не зависят. Под переменными экономическими показателями понимаются те экономические показатели, на которые налогоплательщик может влиять, которые каким-либо образом от него зависят.

Оптимизация совокупности налогооблагаемых баз предприятия базируется, во-первых, на законодательно установленных различных видах налоговых режимов и льгот, и, во-вторых, по причинам системного характера – в современной очень динамичной и сложной экономической системе заранее просчитать все налоговые последствия самых разнообразных экономических действий предприятий принципиально не представляется возможным, а значит всегда будут существовать такие действия, которые будут более выгодными предприятию-налогоплательщику.

С учетом объекта, на который направлено воздействие способов по налоговому планированию, мероприятия планирования налоговых отчислений подразделяются на действия, призванные урегулировать налоговую политику предпринимателей (налоговое планирование на предприятиях), и действия, упорядочивающие налоговые выплаты домашних хозяйств (налоговое планирование у физических лиц, не занятых в хозяйственном обороте в качестве самостоятельных субъектов).

Планирование налоговых выплат с физических лиц (домашних хозяйств), хотя в целом строится на той же концептуальной основе, что и налоговое планирование на предприятиях, имеет все же определенные особенности, связанные, прежде всего, с большой долей налогов с заработной платы по сравнению с другими налогами, а также с особенностями декларативной кампании.

По субъектам, участвующим в налоговом планировании, различают внешние, разрабатываемые и применяемые третьими лицами (учредителями предприятия, сторонними консультантами, представителями государственных органов и т.п.), и внутренние (исполнительные органы предприятия, его структурные подразделения) мероприятия налогового планирования. На практике представленные мероприятия обычно реализуются в комплексе, хотя бывают и исключения, осуществляется полностью сторонней специализированной организацией.

В зависимости от юрисдикции применения методов налоговой оптимизации различают планирование налоговых отчислений с учетом действия местных налоговых нормативных актов, законодательных актов субъектов Российской Федерации, федеральных законов, а также в соответствии с международным налоговым правом. Последняя группа методов, которая в литературе получила устойчивое наименование – международное налоговое планирование – настолько специфична и значима в развитии мировой экономики, что заслуживает особо тщательного анализа.

Приведенное выше разграничение налогового планирования и мероприятий процесса налогового планирования на виды призвано не только понять сущность данной экономической конструкции, но и способствовать реализации налогового планирования на промышленном предприятии с научно-обоснованных, методологически корректных позиций.

Примечания

[1] *Райзенберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2001. – С. 286.

[2] *Вещунова Н.Л., Фомина Л.Ф.* Бухгалтерский учет. – М.; СПб.: Издат. Торговый Дом «Герда», 1998. – С. 15.

Ю.В. Коречков, А.Б. Перфильев

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА БАЛАНСА ОРГАНИЗАЦИИ

В традиционном понимании финансовый анализ представляет собой метод оценки и прогнозирования финансового состояния предприятия на основе его бухгалтерской отчетности. Отчетность является заключительным элементом метода бухгалтерского учета, составляется на основании всех видов текущего учета – бухгалтерского, статистического, оперативно-технического. Она может содержать как количественные, так и качественные характеристики, стоимостные и натуральные показатели. Все элементы бухгалтерского учета тесно связаны между собой и представляют собой единое целое, т.е. систему экономических показателей, характеризующих условия и результаты работы предприятия за отчетный период.

Отчетным формам бухгалтерской отчетности присуща как логическая, так и информационная взаимосвязь. Суть логической связи состоит во взаимном дополнении и взаимной корреспонденции отчетных форм, показателей их отдельных разделов и статей. Некоторые наиболее важные статьи бухгалтерского баланса расшифровываются в сопутствующих, дополняющих формах бухгалтерской отчетности. Расшифровку других показателей при необходимости можно произвести с помощью данных аналитического учета. Самым ценным и важным, с точки зрения насыщенности информацией, используемой при финансовом анализе, в составе финансовой отчетности, несомненно, является бухгалтерский баланс. Значение бухгалтерского баланса для реализации анализа финансового состояния предприятия настолько велико, что последний часто называют анализом баланса.

Системность и комплексность сведений, содержащихся в бухгалтерской отчетности, являются следствием определенных требований, предъявляемых к ее составлению:

– полнота отражения в учете за отчетный период всех хозяйственных операций, осуществляемых в этом периоде, а также результатов инвентаризации имущества и обязательств;

– правильность отнесения доходов и расходов к отчетному периоду в соответствии с Планом счетов бухгалтерского учета и Положением о бухгалтерском учете РФ;

– тождество данных аналитического учета оборотам и остаткам по счетам синтетического учета на дату проведения инвентаризации;

– соблюдение в течение отчетного периода (года) принятой учетной политики.

В условиях рынка, когда взаимоотношения предприятий и организаций строятся на коммерческом расчете, необходимо знать финансовое положение как свое, так и партнеров. Комплексный анализ финансового положения предприятия довольно сложное дело, требующее привлечения многих показателей, задействования больших массивов статистической информации. Основная цель финансового анализа – оценка финансового состояния и выявление возможностей повышения эффективности функционирования предприятия. Основная задача – эффективное управление финансовыми ресурсами предприятия. Чтобы обеспечить нормальную работу предприятия в современных условиях, управленческому персоналу необходимо, прежде всего, уметь реально оценить финансовое состояние, как своего предприятия, так и его существующих потенциальных конкурентов. Для этого необходимо:

а) владеть методикой оценки финансового состояния;

б) иметь соответствующее информационное обеспечение;

в) иметь квалификационный персонал, способный реализовать данную методику на практике.

Финансовый анализ представляет собой способ накопления, трансформации и использования информации финансового характера, имеющий целью:

– оценить текущее и перспективное финансовое состояние предприятия;

– оценить возможные и целесообразные темпы развития предприятия с позиции финансового их обеспечения;

– выявить доступные источники средств и оценить и целесообразность их мобилизации.

Важная роль анализа финансовой деятельности проявляется в подготовке информации для планирования, оценке качества и обоснованности плановых показаний, в проверке и объективной оценке выполнения планов. Анализ финансовой деятельности является не только средством

© Ю.В. Коречков, А.Б. Перфильев, 2006

обоснования планов, но и контроля за их выполнением. Большая роль отводится анализу в деле определения и использования резервов повышения эффективности производства. Он содействует экономическому использованию ресурсов, выявлению и внедрению передового опыта, научной организации труда, новой техники и технологии производства, предупреждение излишних затрат и т.д. Таким образом, анализ финансовой деятельности является важным элементом в системе управления производством, действенным средством выявления внутрихозяйственных резервов, основой разработки научно обоснованных планов и управленческих решений.

Роль анализа как средства управления производства с каждым годом возрастает. Это обусловлено, во-первых, необходимостью неуклонного повышения эффективности производства в связи с ростом дефицита и стоимости сырья, повышением науко- и капиталоемкости производства. Во-вторых, отходом от командно-административной системы управления и переходом к рыночным отношениям. В-третьих, созданием новых форм хозяйствования в связи с разгосударствлением экономики, приватизацией предприятий и прочими мероприятиями экономической реформы. В этих условиях руководитель предприятия не может рассчитывать только на свою интуицию. Управленческие решения и действия сегодня должны быть основаны на точных расчетах, глубоком и всестороннем экономическом анализе. Они должны быть научно-обоснованными, мотивированными, оптимальными. Ни одно организационное, техническое и технологическое мероприятие не должно осуществляться до тех пор, пока не обоснована его экономическая целесообразность. Недооценка анализа хозяйственной деятельности, ошибки в планах и управленческих действиях в современных условиях приносят чувствительные потери. И наоборот, те предприятия, на которых серьезно относятся к анализу хозяйственной деятельности, имеют хорошие результаты, высокую экономическую эффективность.

Отметим, что финансовое состояние предприятия – это экономическая категория, отражающая состояние капитала в процессе его кругооборота и способность субъекта хозяйствования к саморазвитию на фиксированный момент времени. Финансовое состояние предприятия характеризуется размещением и использованием средств (активов) и источниками их формирования (собственного капитала и обязательств, т.е. пассивов). Эти сведения представлены в балансе предприятия.

Еще в 1920-х годах один из создателей балансоведения, Н.А. Блатов, рекомендовал исследовать структуру и динамику финансового состояния предприятия при помощи сравнительного аналитического баланса. *Сравнительный баланс* фактически включает показатели горизонтального и вертикального анализа. В ходе горизонтального анализа определяются абсолютные и относительные изменения величин различных статей баланса за определенный период, а целью вертикального анализа вычисление удельного веса нетто.

Анализ непосредственно по балансу – дело довольно трудоемкое и неэффективное, т.к. слишком большое количество расчетных показателей не позволяет выделить главные тенденции в финансовом состоянии организации. Все показатели сравнительного баланса можно разбить на три группы:

– показатели структуры баланса;

– показатели динамики баланса;

– показатели структурной динамики баланса.

Целью сравнительного анализа баланса является *горизонтальный анализ баланса*, т.е. анализ динамики каждой составляющей баланса. Анализируя сравнительный баланс, необходимо обратить внимание на изменение удельного веса величины собственного капитала в стоимости имущества, на соотношения темпов роста дебиторской и кредиторской задолженности. При стабильной финансовой устойчивости у организации должна увеличиваться в динамике доля собственного оборотного капитала, темп роста заемного капитала, а темпы роста дебиторской и кредиторской задолженности должны уравновешивать друг друга.

Большое значение в оценке финансового состояния имеет *вертикальный анализ актива и пассива баланса*, который дает представление финансового отчета в виде относительных показателей. Цель вертикального анализа заключается в расчете удельного веса отдельных статей баланса и оценке его изменений. С помощью вертикального анализа можно проводить межхозяйственные сравнения предприятий, а относительные показатели сглаживают негативное влияние инфляционных процессов.

Горизонтальный и вертикальный анализы взаимно дополняют друг друга. Поэтому на практике можно построить аналитические таблицы, ха-

рактеризующие как структуру отчетности, так и динамику отдельных ее показателей. Вариантом горизонтального анализа является анализ тенденций развития (трендовый), при котором каждая позиция отчетности сравнивается с рядом предыдущих периодов и определяется тренд, т.е. основная тенденция динамики показателя, очищенная от случайных влияний и индивидуальных особенностей периодов. Этот анализ носит перспективный прогнозный характер. Трендовый анализ баланса позволяет выявить, как ведут себя отдельные составляющие баланса и какой скоростью происходят изменения.

Анализ динамики валюты баланса, структуры активов и пассивов организации позволяет сделать ряд важных выводов, необходимых как для осуществления текущей финансово-хозяйственной деятельности, так и для принятия управленческих решений на перспективу. В общих чертах признаками «хорошего» баланса являются:

– увеличение валюты баланса в конце отчетного периода по сравнению с началом;

– превышение темпов прироста оборотных активов над темпами прироста внеоборотных активов;

– превышение собственного капитала организации над заемным и превышение темпов роста заемного капитала;

– одинаковое соотношение темпов прироста дебиторской и кредиторской задолженности;

– отсутствие резких изменений в отдельных статьях баланса;

– рост собственного капитала;

– в балансе отсутствуют «больные» статьи (убытки, просроченная задолженность);

– обеспеченность предприятия собственным оборотным капиталом.

Для осмысления общей картины изменения финансового состояния весьма важны показатели структурной динамики баланса. Сопоставляя структуры изменений в активе и пассиве, можно сделать вывод о том, через какие источники в основном был приток новых средств и в какие активы эти новые средства в основном вложены.

Многие авторы, в том числе Р.В. Савицкая, А.Д. Шеремет, считают, что одним из показателей, характеризующих финансовую устойчивость предприятия, является его платежеспособность, т.е. возможность наличными денежными ресурсами своевременно погашать свои платежные обязательства. Оценка платежеспособности внешними инвесторами осуществляется на основе характера ликвидности текущих активов, которая определяется временем, необходимым для превращения их в денежные средства. Ликвидность баланса – это степень покрытия долговых обязательств предприятия его активами, срок превращения которых в денежную наличность соответствует сроку погашения платежных обязательств. Ликвидность баланса предполагает изыскание платежных средств только за счет внутренних источников (реализации активов). Но предприятие может привлечь заемные средства со стороны, если у него имеется соответствующий имидж в деловом мире и достаточно высокий уровень инвестиционной привлекательности.

Расчет и анализ коэффициентов ликвидности позволяет выявить степень обеспеченности текущих обязательств ликвидными средствами. Главная цель анализа движения денежных потоков – оценить способность предприятия генерировать денежные средства в размере и в сроки, необходимые для осуществления планируемых расходов и платежей. Задача оценки баланса – определить величину покрытия обязательств предприятия его активами, срок превращения которых в денежную форму (ликвидность) соответствует сроку погашения обязательств (срочности возврата).

О.Ю. Гурьева

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ: ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Человечество на протяжении всей своей цивилизации постоянно сталкивалось с теми или иными трагическими событиями, зачастую чуть ли не в планетарном масштабе: болезни, войны, стихийные бедствия.

Доиндустриальные бедствия, как бы велики и опустошительны они ни были, считались «ударами судьбы», падавшими на человечество «извне», и приписывались чему-то «другому» – богам, демонам или Природе. При этом тоже звучали бесчисленные обвинения, но они были направлены против богов или Бога, были, так сказать, «религиозно мотивированы», а не политически нагружены, как в случае с индустриальными разновидностями риска. Ибо, если индустриальный риск берет свое происхождение в процессе принятия решений, неизбежно всплывает и проблема социальной ответственности, даже в таких областях, где господствующие нормы науки и права допускают ответственность лишь в исключительных случаях. За индустриальные риски ответственны люди, фирмы, государственные учреждения и политики. Как выражаются социологи, социальные корни риска блокируют «экстернализацию» проблемы ответственности [1, с. 162].

Здесь мы имеем дело с историческим сплавом природы и общества, где даже естественные катастрофы, типа наводнений, оползней и т.п., причины которых внешне выглядят как природные, в конечном счете вызваны, видимо, все-таки человеческими существами.

Идею реагирования на неопределенности, таящиеся во всяком открытии и завоевании новых рынков или в развитии и внедрении новых технологий, посредством каких-то коллективных соглашений (например, страховых договоров, которые в такой же мере обременяют индивида обязательными выплатами, в какой предохраняют его от серьезных несчастных случаев) едва ли можно считать новым социальным изобретением. Ее появление восходит к временам зарождения межконтинентального судоходства, но по мере роста промышленного капитализма страхование постоянно совершенствовалось и в результате распространилось почти на все области социального действия. Последствия, сперва затрагивавшие только определенного индивида, становились «рисковыми случаями», систематически проявляющимися, поддающимися статистическому описанию, и в этом смысле «предсказуемыми» типами событий, которые можно было подчинять надындивидуальным политическим правилам признания, компенсации и предотвращения.

Первое из них заключено в факте, что «риски» открывают возможность статистически документировать следствия, которые первоначально персонифицировались и перекладывались на индивидов. На этом пути они раскрываются как систематические события, которые соответственно нуждаются в общем политическом регулировании. Благодаря статистическому описанию рисков (скажем, в форме вероятностей несчастных случаев), туман индивидуализации рассеивается, хотя и явно недостаточно в случае болезней, вызываемых воздействием окружающей среды, таких, как ложный круп, астма или даже рак. Тем самым открываются возможности для соответствующих политических действий: вину за несчастные случаи на работе, к примеру, не возлагают на тех, чье здоровье так или иначе уже пострадало, но вместо этого связывают подобные случаи, отвлекаясь от их индивидуальной окраски, с организацией производства, с недостатком предосторожностей и т.д. Некоторое преимущество тесно связано с первым: условия и гарантии страховых выплат строятся на основе невиновности (если отбросить крайние случаи грубого недосмотра или намеренного вреда). Благодаря этому становятся необязательными юридические баталий по поводу определения виновников и смягчается моральный ущерб. Вместо этого для деловых кругов создается соразмерный величине страховых издержек побудительный мотив предупреждать (или, не предупреждать) эти происшествия [1, с. 164].

Но, в конечном счете, наиболее важной для нас является приобретаемая индустриальной системой способность обращаться к своему непредсказуемому будущему. Исчисление различных видов риска, законы об обязательном страховании и т.п. делают, казалось бы, невозможное: события, которые еще не произошли, становятся

© О.Ю. Гурьева, 2006

объектом текущих действий, а именно, раннего предупреждения, компенсации или иных мер предосторожности против будущих последствий. Как подробно показал французский социолог Франсуа Эвальд, «новизна» исчисления рисков заключается в преобразовании неисчислимого в исчислимое с помощью статистики несчастных случаев, поддающихся обобщению формул расчета, а также общего обменного принципа «деньги за причиненный ущерб». Таким путем нормативная система правил для осуществления социального учета и расчета, компенсации и мер предосторожности, всегда очень противоречивая в деталях, создает в настоящем безопасность перед угрозой открытого неопределенного будущего. Современность, вносящая неопределенность во все уголки бытия, обретает свой контрпринцип в некоем *социальном договоре против порождаемых индустриальной системой опасностей и ущерба* – договоре, складывающемся из общественных и частных страховых соглашений. Политически и программно этот «договор» о сдерживании и «справедливом» распределении тягостных последствий промышленной революции помещается где-то между социализмом и либерализмом, потому что, с одной стороны, он учитывает факт порождения системой этих последствий и опасностей, а с другой стороны – вовлекает индивидов в процесс их предотвращения и компенсации. Общее согласие, которого можно добиться здесь, всегда останется неустойчивым, конфликтным и нуждающимся в пересмотре. Но именно по этой причине такой «договор» составляет стержневую, внутреннюю «социальную логику общего согласия на прогресс», которая, в принципе, и легитимизировала технoэкономическое развитие в первой фазе индустриализации. Там, где этот «пакт безопасности» систематически, массово и вопиюще нарушается, «согласие на прогресс», как таковое, ставится под угрозу.

Таким образом, в последние столетия своей цивилизации человечество не только пассивно «терпит» все последствия как, например, стихийных бедствий, так и потери трудоспособности. Для того, чтобы последствия таких событий были менее значимы, люди научились страховать себя, раскладывая индивидуальные риски на большую совокупность таких застрахованных.

Институциональные основы (устойчивый комплекс формальных и неформальных принципов, правил, правовых норм, идеологических установок) социального страхования сформировались под влиянием *социально-философских доктрин естественного и конституционного права, солидарности, правового государства и социальной защиты (социального обеспечения).*

Теоретические положения концепции естественных (прирожденных, неотчуждаемых, неотменяемых) прав были разработаны Д. Локком, а также философами французской и немецкой школ – *Вольтером, Монтескье, Руссо, Дидро, Кантом, Фихте и Гегелем*. В ее основе лежат представления о необходимости содействия в улучшении условий жизни на началах социальной справедливости, равенства и законодательных гарантий свободы (собственности, безопасности и жизни) [3, с. 648].

Доктрина естественного права сформировалась под влиянием опыта особого рода – негативного опыта человеческой истории по устройству социальной жизни, для которой характерными чертами всегда были (и зачастую остаются в настоящее время) – унижение, бесправие, насилие, подневольный труд, т.е. то состояние, в котором не должен пребывать человек (нищета, голод, различные формы тирании). В этой связи исходный смысл концепции прав человека, с позиций социальной защиты, заключается в реализации защитительных функций государства и структур гражданского общества по обеспечению достойных условий существования граждан. Речь идет не о несбыточных прогрессистских идеях построения «рая на земле». Поставлена задача по возможности, в соответствии со структурами и ресурсами каждого государства, обеспечить такие материальные и социальные условия жизнедеятельности, чтобы человек не был вынужден прибегать в качестве последнего средства к восстанию против тирании и насилия. Организация Объединенных Наций во Всеобщей декларации прав человека, принятой в 1948 г., в статье 22 признала, что «каждый человек, как член общества имеет право на социальное обеспечение», а в статье 25 провозглашает: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости

или иного случая утраты средств к существованию по независящим от него обстоятельствам».

Установки права на свободу, равенство и собственность, обосновали, что совместный (коллективный) труд порождает *право совместной собственности трудящихся на продукт своего труда*, распределение которого должно быть урегулировано; это в свою очередь, означает *право на социальное обеспечение, в том числе на такую его правовую форму, как социальное страхование*. В дальнейшем эти базовые социальные права нашли отражение в *конституционном праве*, в котором получили обоснование и законодательное закрепление реальные масштабы материального обеспечения прав личности при наступлении социальных рисков в случае старости, инвалидности, потери кормильца.

Последующее развитие понимания места прав и свобод граждан получило в концепции правового государства. Ее истоки уходят в просветительские и либеральные идеи XVIII и XIX веков, особенно социальную философию Канта и Геля. Основы теории правового государства разработаны *Р. Иерингом*, *Г. Еллинеком, М. Вебером*. Общая идея, одухотворяющая учение о правовом государстве – это идея равенства всех перед законом, что позволяет достигать гармонических общественных отношений, и прежде всего, отношений личности и государства на основе сочетания принципов индивидуализма (свободы) и равенства [3, с. 649].

Концепция правового государства оказала сильное влияние на развитие института социального страхования. Она поставила и помогла решить ряд организационных, правовых и экономических задач по определению роли государства, основных социальных субъектов (работодателей и работников) и их профессиональных групп по обеспечению социальной защиты трудозанятого населения. По международным нормам государство, помимо принятия законодательных актов, несет ответственность за руководство системой социального обеспечения.

Еще одной доктриной, оказавшей существенное влияние на формирование института социального страхования, является теория солидарности (солидаризма), к числу основоположников которой относят *О. Конта, Л. Дюги, Л. Буржуа* и *Э. Дюркгейма*. Согласно их теоретических разработок, солидарность в обществе в значительной степени определяется взаимосвязью различных этапов человеческого труда (О. Конт); разделением и кооперацией труда (Э. Дюркгейм), которые влекут для членов социальной группы в силу общественных потребностей и интересов, моральные обязательства не только не вредить другим, но и оказывать им содействие. Привнесение идеи солидарности в проблематику обсуждения природы публичной власти, публичного и частного права привело Л. Дюги к выводам о *взаимной социальной зависимости людей* и вытекающей из нее социальной норме (всякий социальный акт, нарушающий социальную общежительную норму обязательно вызывает протестную социальную реакцию), которая способствует объединению людей в общности и структуры гражданского общества.

Движение к свободе (к новой системе прав коллективов и индивидов) согласно Л. Буржуа может быть обеспечено при условии расширения и конституционального закрепления понятий справедливости и равенства.

Современные ученые (*Джон Ролз, Артур Рих*) относят к солидарным принципам устройства социальной жизни социальную справедливость, следование альтруистским установкам и гуманным нормам христианской помощи ближним.

В каждом индивидууме заложена внутренняя потребность защищаться от непредвиденных обстоятельств в своей жизни. Привычное течение индивидуальной и коллективной жизни в обществе часто нарушается обстоятельствами стихийного и общественного характера. Такого рода непредвиденные обстоятельства характеризуются двумя важными моментами: во-первых, случайным характером наступления чрезвычайных событий, во-вторых, неравномерностью по степени нанесения ущерба. Известно, что число заинтересованных в объединении с целью защиты от чрезвычайных событий обычно бывает больше числа пострадавших. При таких условиях солидарная раскладка ущерба между заинтересованными сглаживает последствия случайностей для одного человека. При этом, чем больше число заинтересованных участвует в раскладке ущерба, тем меньшая доля средств приходится на одной участника. Таким образом, в основе социального страхования на коллективной основе лежит солидарная раскладка ущерба.

Соединение рисков осуществляется следующим образом. Лица одинаково рискующие, составляют из себя нечто целое, некоторую орга-

низацию, члены которой делают в общую кассу взносы, соответствующие риску. Не все, конечно, лица, составившие такую организацию, подвергнутся несчастью в течение данного времени. Из сообща собранных средств восстанавливается ущерб тех членов, которые подверглись несчастью. В страховании, основанном на ассоциации, каждый член будет вносить со своей стороны такую часть, которая необходима для покрытия всех потерь, случившихся с объединенными рисками. То есть, если потери относятся не к отдельному субъекту, а к их массе, то для массы они будут устойчивее.

Чем больше объединено рисков, тем более действительные потери будут совпадать с предполагаемыми. Благодаря этому и взносы отдельного лица будут более устойчивыми и определенными, тем меньше будет случаев недостачи или излишка средств. Кроме того, ликвидируется то неудобство индивидуального страхования, когда событие наступает раньше, чем набирается сумма для возмещения ущерба. С момента вступления в ассоциацию закрепляются гарантии возмещения потерь. В этом смысле социальное страхование – это организационно-экономический механизм, призванный смягчить негативное влияние социальных рисков в жизни человека путем солидарного возмещения утраченных доходов и трудоспособности.

Вероятность возникновения различного рода непредвиденных обстоятельств для человека значительно возрастает в периоды смены социально-экономических укладов жизни людей.

В этой связи приобщение населения России к культуре страхования является особенно актуальным на стадии становления и развития рыночной экономики, когда требуется отказ от целого ряда прежних менталитетов. Очевидно, что новые времена требуют новых ценностей, способов действий и защиты. Необходимо в этой связи обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, в самом процессе формирования в обществе рыночных отношений и свободного предпринимательства формируются новые стратегии существования. В силу динамичности рынка человек сталкивается со сложными саморазвивающимися многофункциональными системами. Он имеет дело с множеством возможных вариантов

Таблица

Различные финансовые и административные условия пенсионного обеспечения [2, с. 79]

Условия	Системы пенсионного обеспечения (применение условий):		
	охватывающая все общество	**построенная по профессиональному принципу**	**индивидуального накопления**
Добровольное или обязательное участие	Обязательно	Обязательное или добровольное	Обязательное или добровольное
Перераспределение доходов	Да	Да	Да, но в минимальной степени
Связь между вкладом и получаемой выгодой	Нет	В определенном смысле имеется, в определенном – нет	Да
Предварительное определение величины вклада или величины получаемой выгоды	Величина получаемой выгоды	В определенном смысле – величина вклада, в определенном – величина выгоды	Величина вклада
Тип риска, присущего данной системе	Политический риск	Риск, связанный с возможной потерей работы или с банкротством компании	Инвестиционный риск
Распределительный или накопительный тип системы	Распределительный	В определенном смысле распределительный, в определенном – накопительный	Накопительный
Государственное или частное управление данной системой	Государственное	Частное	Государственное или частное
Где используется данная система (отдельные примеры)	Страны ОЭСР, Восточная Европа, Латинская Америка	Австралия, Бразилия, Франция, Нидерланды, ЮАР, Швейцария	*Обязательная:* Чили, Аргентина, Перу, Колумбия, Сингапур, Малайзия *Добровольная:* США, Великобритания

развития, он действует в ситуации неопределенности и многовариантности. Поэтому все большую роль начинают играть предохраняющие системы, которые могут нейтрализовать или смягчить возможную цепь катастрофических последствий для человека. В качестве второго важного фактора, стимулирующего обращение к страхованию, следует выделить усиливающуюся степень риска в нестабильной и непредсказуемой обстановке, порождаемой стихийными, случайными, противодействующими и непознанными факторами в переходной экономике.

Отношение к страхованию в целом, и к социальному в частности зависит не только от уклада, но и от страны, ее истории, особенностей менталитета населения.

Если россиянин на вопрос, с чего начинается пенсия, наверняка ответит, что с регулирующей деятельности государства, то гражданин развитой западной страны – европеец и американец – может посмотреть на эти вещи по-другому. Для него государство тоже играет большую роль, но не менее важно в деле обеспечения собственной старости – накопление денег. Оно может совершаться в разных формах (в частности, платить взносы может совсем не тот, кто накапливает), но в любом случае речь идет об использовании пожилыми людьми своих же собственных денег, а не перераспределенных в их пользу заработков молодых поколений. В таблице дается общая характеристика существующих на сегодняшний момент пенсионных систем с примерами отдельных стран, в которых та или иная система отменяется на практике.

Прежде чем прийти к своему современному состоянию, пенсионные системы развитых стран мира прошли длительный путь развития. До начала эпохи индустриализации и урбанизации основную поддержку в странах Европы пожилые люди получали от своих семей. Но этот метод обеспечения старости был подорван произошедшей в конце прошлого столетия (в Великобритании существенно раньше) массовой миграцией в городские центры, следствием которой стал распад патриархальных семей. Кроме того, экономические перемены, неопределенность и отсутствие надлежащих финансовых инструментов для осуществления накоплений снижали возможности планирования своей старости и осуществления необходимых сбережений.

Библиографический список

1. *Бек У.* От индустриального общества к обществу риска. Вып. 5. – 1994. – С. 161–168.

2. Пенсионная реформа в России. Причины, содержание, перспективы / Под ред. М.Э. Дмитриева, Д.Я. Травина. – СПб.: Норма, 1998. – 256 с.

3. Экономика труда. Учебник / Под ред. Н.А. Волгина, Ю.Г. Одегова. – М.: Экзамен, 2003. – 76 с.

О.К. Луховская

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ КУЛЬТУРЫ В РЫНОЧНЫХ УСЛОВИЯХ

Развитие глобальных процессов культуры в обществе неизбежно приводит к формированию института государства, обеспечивающего, прежде всего, функционирование экономической системы в данной сфере.

Ограниченность предложения признанных ценными базовых образцов произведений культуры и искусства, т.е. культурно-базовых ценностей, приводит к прокату свободно формируемых в культурной практике услуг и продуктов. При этом производителем используются художественные ресурсы (базовых образов произведений культуры и искусства) дифференцированного качества. В таком случае задачей государства является поддержка конкуренции, которая с одной стороны заставляет хозяйственные объекты культуры применять в художественной практике такие художественные ресурсы, которые выгодны для реализации собственной экономической политики в условиях рынка, а с другой стороны не нарушают сложившиеся в обществе традиции, устои, самобытность и т.д. Таким образом, формирование критериев рейтинга достоинств создаваемых в творческой среде художественных ресурсов и его проведение, входит в одну из основных экономических задач государства. Производство товаров и услуг в сфере культуры (общественном секторе) государство сочетает с такими видами государственной поддержки как, создание условий внутренней отраслевой стабильности, выравнивание конъюнктурных колебаний и устранение «провалов» рынка или так называ-

© О.К. Луховская, 2006

емых «общих основных причин»[1], позволяющим «узаконивать» государственную активность в любом секторе экономики[2], относимых в науке к «стандартным положениям теории»[3]. Речь идет об ограниченности конкуренции, внешних эффектах или экстерналиях, общественных и мериторных благах, ассиметричном распределении информации, аллокационной (неоптимальное размещение ресурсов) и технологической неэффективности (так называемой Х-неэффективностью, т.е. неоправданно высоким расходом ресурсов на единицу продукции), и, наконец, о неспособности рынка правильно оценивать проекты с достаточно удаленными последствиями[4].

Формирование хозяйственного механизма в культуре сегодня строится в наибольшей степени согласно принципам смешенной экономики. Это связано, прежде всего, с действием главных причин ограниченности рыночного механизма.

Во-первых, создание общественных благ в сфере культуры эффективно сочетает государственное регулирование (принудительной аллокации части ресурсов) с участием рыночных сил и независимых некоммерческих организаций. Культурные услуги учреждений культуры в основе своей являются коллективными, т.к. потребляются ограниченным количеством зрителей (количественно ограниченной группой). Соответственно, данные услуги являются смешанными, т.к. составляют исключительность для определенной категории потребителей и границы их несоперничества достаточно узки. Таким образом, создаются условия реализации культурных услуг за плату. Однако, безграничный рост объема продаж при фиксированных издержках в культуре нецелесообразен.

Во-вторых, современный производитель культурных услуг несет издержки в полном их объеме, включая альтернативно возможные затраты нереализованных в данном периоде услуг. Компенсирует их потребитель, оплачивая данную альтернативную стоимость. Если эксплуатация ограниченных ресурсов не возмещается непосредственными участниками процесса, расходы ложатся на третье лицо и порождают негативный внешний эффект.

Механизмом государственного регулирования в данном случае выступает возможность позитивного внешнего вмешательства путем возложения на себя финансовых обязательств по реализации чужих интересов для достижения результата с наименьшими издержками.

В-третьих, эффективность рационального размещения ограниченных ресурсов культуры во многом зависит от информированности участников (индивидов) о потребительских свойствах услуг, альтернативах в их приобретении и тенденциях конъюнктуры рынка данных услуг. Однако участники рынка культурных услуг не всегда равномерно размещают свою информацию в СМИ, что часто приводит к информационной асимметрии в пользу продаж услуг одного, самого активно действующего реализатора. Стоит заметить, экономическая особенность услуги в сфере культуры заключается в ее опережающей финансовой результативности. Покупатель вынужден принимать решение о приобретении услуги до того, как проявятся ее конкурентные полезные свойства. Поэтому информационная асимметрия порождает перекосы и в ценообразовании на услуги культуры.

Исходя из вышеизложенного, аллокация (рациональное размещение между производственными единицами) ограниченных художественных ресурсов в культуре должна быть подвержена строгому контролю, а их потребительские качества наглядны. Однако не все услуги культуры, предоставляемые обществу, в силу специфику отрасли, могут быть подвергнуты предварительной вполне объективной оценке независимых компетентных экспертов, в связи с чем, не всегда может быть предотвращен процесс демонстрации псевдо продуктов культуры. «Региональная социокультурная политика может строиться при игнорировании объективного экспертного анализа состояния общественного мнения, ценностных ориентаций населения, словом, всего, что связано с формированием духовной атмосферы в регионе»[5]. В связи с чем, главным рычагом для государства является все та же официальная идеология формирования желаемых образцов культурного поведения, позволяющая «вымирать» негативным продуктам культуры естественным путем.

В-четвертых, поставщики услуг культуры вынуждены работать на ограниченный рынок. Реализация услуг культуры имеет способность быть подверженной покупательской симпатии, приверженности, предпочтениям своему «кумиру» и т.д., что характеризуется непосредственным контактом потребителя с производителем или естественной монополией.

Механизмом государственного регулирования в данном случае выступает осуществление

контроля над ограниченным рынком услуг сферы культуры, установление предельных уровней цен или дополнительных обязательств («безбилетного участника») для частных производителей, создания конкурирующих с ними государственных программ общественного сектора культуры.

Итак, большинство услуг культуры на современном этапе являются смешанно-обобщенными благами, имеющими важное значение для духовного формирования личности.

Смешанные общественные блага культуры предполагают разделение функций между государством и предпринимательским либо частным некоммерческим сектором данной сферы. Формирование хозяйственного механизма в данных условиях не означает полное самоустранение государства от системы социальных гарантий. Необходимо четкое представление выбора оптимальных способов гарантированного обеспечения услугами культуры потребителей каждым из указанных секторов, выработки оценки эффективности общественных расходов на их производство. Даже если общественный сектор будет выступать поставщиком частных культурных благ, нет необходимости полностью покрывать издержки за счет бюджетов разных уровней. В данном случае необходима разработка индикаторов результативности замещения общественных благ частными.

Таким образом, внедрение в сферу культуры рыночных отношений, механизма внутреннего рынка и конкуренции не должно порождать государственный протекционизм исключительно в интересах отдельного лица. Перераспределение ресурсов государством должно быть результатом определения оптимальной меры (минимальных расходов бюджетов) производства культурных благ, являющегося следствием проведения стратегического анализа эффективности перспектив замещения производства государством общественных благ, в случае его самоустранения, другими участниками на базе его ограниченных ресурсов в сфере культуры.

Примечания

[1] Экономика культуры: Учебник. – М.: СЛОВО, 2005. – С. 117.

[2] *Стиглиц Дж.Ю.* Экономика государственного сектора. – М., 1997. – С. 76–85; *Самуэльсон П.А., Нордхаус В.Д.* Экономика. – М., 1997. – С. 74–80.

[3] Экономика культуры: Учебник. – М.: СЛОВО, 2005. – С. 117.

[4] СМ.: *Якобсон Л.И.* Экономика общественного сектора: Основы теории государственных финансов: Учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 13–23, 36–43; Государство и отрасли инфраструктуры в современной рыночной экономике / Отв. ред. Я.А. Рекитар, Л.С. Демидова. – М., 2001. – С. 12–17.

[5] *Аванесова Г.А., Астафьева О.Н.* Социокультурное развитие регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. – М.: Изд-во РАГС, 2001. – С. 201.

О.В. Мельникова

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ АГЕНТСТВ ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ

Эффективная инвестиционная политика является важным инструментом устойчивого социально-экономического развития, как государства в целом, так и отдельных его регионов.

Существенной особенностью инвестиционного процесса является учет региональной специфики, обусловленной высоким уровнем дифференциации социально-экономического развития отдельных регионов РФ, степенью разработанности местного законодательства, регламентирующего инвестиционную деятельность, а также уровнем компетентности лиц, уполномоченных принимать соответствующие решения. Кроме того, в современных условиях усиливается роль региональных администраций в обеспечении эффективной инвестиционной политики, реализуемой на территории субъектов РФ, в рамках делегированных Федеральным центром соответствующих полномочий и с учетом личных качеств и инициативы местного руководства. В результате предоставления самостоятельности в проведении экономических реформ, касающихся также конкурсного регионального отбора ин-

© О.В. Мельникова, 2006

вестиционных проектов, территориальные администрации зачастую не разрабатывают общую стратегию развития региона, которая позволила бы увязать областные программы между собой, добиться баланса интересов всех экономических субъектов, экономно и эффективно использовать ограниченные ресурсы.

Без выработки общей стратегии отбор конкретных проектов осуществляется подразделениями администрации самостоятельно, не всегда достаточно обоснованно и без взаимной увязки. В результате такая практика приводит к отсутствию заделов как для устойчивого развития отдельных секторов экономики, так и для хозяйства региона в целом. Целевые программы администрации по поддержке отраслей и предприятий зачастую оказываются связанными с высоким предпринимательским риском и не дают ожидаемого эффекта, так как не учитывают реальных интересов предпринимательского сектора.

В итоге неэффективно расходуются бюджетные средства, не достигается «общественного согласия» в разработке стратегии развития региона. Административные изменения приводят к тому, что подготовленные ранее проекты оказываются невостребованными, а развернутая работа останавливается. Данная ситуация является типичной для российских регионов.

С учетом сложившегося в большинстве субъектов РФ положения представляется целесообразным улучшить организацию управления инвестиционной деятельностью на основе следующих принципиальных подходов:

– обязательная ориентация региональной инвестиционной политики на разработку и выполнение стратегического плана социально-экономического развития региона, составляющей которого является региональная инвестиционная программа;

– участие в инвестиционной программе и в ее реализации, наряду со структурными подразделениями администрации, представителей бизнес-сообщества региона (предприятий, банков), научных и образовательных учреждений, общественных организаций.

Выбор организационной формы управления инвестиционной деятельностью в регионе необходимо осуществлять исходя из существующих внешних и внутренних условий. К таким условиям относятся: позиция администрации; готовность частного и общественного секторов к участию в программе социально-экономического развития региона; масштабы региона; характер его экономики; экономическая и социальная ситуации в нем; цели экономического развития; финансовые и кадровые ресурсы региона и т.д. Ведущую роль в сфере управления инвестиционной деятельностью должна играть сама администрация – управление экономическим развитием администрации Ивановской области. При этом необходимо в форме аутосорсинга привлечение на договорной основе независимых организаций, что обеспечит объективность и компетентность принятия управленческих решений. Наиболее эффективной организационно-правовой формой представляется независимое некоммерческое партнерство «Агентство по управлению региональными инвестициями» (АУРИ), работающее в интересах всех представителей региона, а также инвесторов.

Главной целью деятельности АУРИ является формирование образа региона, как привлекательного места для инвестиций.

Для достижения поставленной цели функционирование АУРИ должно обеспечить решение следующих задач:

– осуществление анализа природных, демографических, производственных, финансовых и других ресурсов региона; изучение наметившихся объективных тенденций развития экономики страны, анализ экономической политики с использованием данных макроэкономических прогнозов Минэкономразвития, ведущих международных финансовых организаций, с целью определения «внешних» условий развития региона;

– проведение постоянного мониторинга экономики региона, составление прогноза тенденций изменения в ключевых отраслях и на предприятиях региона;

– анализ современного опыта реформирования хозяйства, включая схемы финансирования отдельных проектов, изучение возможностей реализации тех или иных проектов с точки зрение их приемлемости для использования в регионе; проведение примерной оценки затрат результатов по данным проектам;

– обеспечение объективности и достоверности конкурсного отбора инвестиционных проектов;

– участие в разработке организационно-методического обеспечения регулирования инвестиционной деятельности в регионе;

– создание условий для обеспечения защиты интересов участников инвестиционного процесса;

– обеспечение расширения использования, наряду с бюджетами, других источников финансирования капитальных вложений в социально-экономическое развитие региона.

Основными принципами деятельности АУРИ, обеспечивающими реализацию поставленных задач, являются:

– независимость, обусловленная статусом организации;

– объективность оценок и рекомендаций, достигаемая за счет привлечения высококвалифицированных специалистов;

– гласность, обусловленная привлечением к сотрудничеству с АУРИ широкого круга участников инвестиционного процесса.

АУРИ предлагается зарегистрировать в форме «некоммерческого партнерства», которая позволит достигнуть, прежде всего, общественно значимых целей, а именно создания в масштабах субъекта РФ благоприятных условий для выполнения региональной инвестиционной программы (РИП).

Форма «некоммерческое партнерство» выбрана как наиболее адекватно соответствующая роли учредителей в создании и функционировании организации. Создание АУРИ в форме «некоммерческого партнерства» позволяет сочетать общественные и индивидуальные интересы учредителей. Учредитель сохраняет свое членство до тех пор, пока организация реализует оба эти интереса.

Предполагаемыми учредителями АУРИ для региона могут выступать:

– областная администрация;

– промышленные предприятия и коммерческие организации региона;

– коммерческие банки;

– научно-исследовательские и проектно-конструкторские организации, вузы;

– реальные и потенциальные инвесторы;

– международные организации, заинтересованные в поддержке экономического развития региона.

АУРИ будет создано за счет уставных взносов заинтересованных участников. Помимо взносов в виде материальных и финансовых ресурсов (офисные помещения, оргтехника и прочее), учредители могут осуществлять свое участие путем передачи интеллектуальных продуктов в хозяйственное ведение АУРИ (инвестиционные проекты и площадки, методические разработки, информационные ресурсы и др.).

Текущая деятельность АУРИ будет заключаться как в самостоятельной работе ее сотрудников, так и в виде выполнения заказов отдельных работ сторонним организациям, прежде всего учредителям. В качестве основного источника финан-

Рис. Участники регионального инвестиционного процесса

сирования текущей деятельности АУРИ на первоначальный период (ориентировочно 1–2 года) предполагается привлечь донорские средства в виде взносов учредителей. В дальнейшем финансирование работы АУРИ возможно за счет фиксированной премии, отчисляемой от прибыли реализованных инвестиционных проектов.

Схема взаимодействия АУРИ с основными категориями учредителей представлена на рисунке.

Органы государственной законодательной и исполнительной власти региона обеспечивают:

– формирование нормативно-правовой базы управления инвестиционной деятельностью в регионе;

– разработку концепции региональной инвестиционной программы;

– формирование базы данных по инвестиционным проектам и инвестиционным площадкам региона;

– взаимодействие АУРИ с государственными организациями федерального и областного уровней в регионе и за его пределами.

Научно-исследовательские, проектно-конструкторские, консалтинговые организации и вузы участвуют:

– в формировании независимых экспертных комиссий;

– в обосновании и разработке проектных решений;

– в проведении общественной экспертизы региональной инвестиционной программы.

Важными аспектами, обеспечивающими объективность конкурсного отбора инвестиционных проектов, являются независимость и компетентность экспертов, входящих в состав оценочной комиссии. С этой целью предлагается формировать группы экспертов из числа ученых и специалистов, работающих в учебных, научно-исследовательских и проектных организациях. АУРИ, располагая банком данных об экспертах, может формировать специализированные комиссии для подготовки квалифицированных заключений по представляемым на конкурсный отбор инвестиционным проектам.

В целом подбор организаций – учредителей АУРИ должен обеспечивать репрезентативность различного рода групп интересов, а вместе с этим оптимальность принимаемых инвестиционных решений.

Данная организация, наделяемая администрацией субъекта рядом полномочий, обеспечивает независимость и объективность подготовки решений по конкурсному отбору инвестиционных проектов.

Н.А. Лихачева

ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Конституционное право граждан Российской Федерации на получение высшего профессионального образования реализуется двумя основными способами: путем обеспечения государством бесплатного образования в государственных и муниципальных высших учебных заведениях и путем получения гражданами образования на платной основе как в государственных, муниципальных, так и в негосударственных вузах.

Обязательство государства по обеспечению бесплатного доступа к высшему профессиональному образованию на конкурсной основе провозглашено в ч. 3, ст. 43 Конституции Российской Федерации, конкретизировано и закреплено в Законе Российской Федерации «Об образовании».

На региональном уровне управление процессом подготовки специалистов с высшим профессиональным образованием осуществляется в двух основных формах: осуществлением целевой контрактной подготовки и формированием содержания региональной компоненты основных блоков дисциплин учебного плана.

Согласно п. 11 ст. 41 Закона Российской Федерации «Об образовании», п. 4 ст. 24 «Порядка приема в государственные образовательные учреждения высшего профессионального образования (высшие учебные заведения) Российской Федерации, учрежденные федеральными органами исполнительной власти» вуз может выделять в пределах финансируемых за счет средств учредителя государственных заданий (контрольных цифр) по приему обучающихся места

 © Н.А. Лихачева, 2006

для целевого приема и организовать на эти места отдельный конкурс.

Правовая основа организации целевой контрактной подготовки специалистов в учреждениях высшего профессионального образования в Российской Федерации и Костромской области как одном из ее субъектов представлена Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 сентября 1995 г. № 942 и приказом Государственного комитета РФ по высшему образованию от 26.09.95 № 1335 «О целевой контрактной подготовке специалистов с высшим и средним профессиональным образованием», инструктивное письмо Госкомвуза от 22.12.99 №11-33-138ин/11-2.

Представляет интерес изучения федеральных и региональных нормативных актов в области законодательного регулирования механизма целевой контрактной подготовки. Как правило, посредством федеральных нормативных актов законодательно закрепляются общие принципы и направления реализации механизма целевого контрактного приема, а на уровне субъекта Российской Федерации ведется детальная проработка механизмов реализации исходя из социально-экономических возможностей региона, а также закрепление этих механизмов соответствующими нормативно-правовыми актами. В настоящее время, на федеральном уровне для регулирования механизма целевой контрактной подготовки используется 25, на региональном – 12 нормативных актов.

В Костромской области в настоящее время разрабатывается комплекс нормативно-правовых актов, в которых определяются мероприятия по поддержке высших учебных заведений и ведущих научных школ региона, планируется структурная и институциональная перестройка профессионального образования, ведется усиление целевой контрактной подготовки и ее ориентация на региональный рынок труда, определяются способы взаимодействия системы профессионального образования с общеобразовательной школой по развитию допрофессиональной подготовки.

Все нормативно-правовые акты Администрации Костромской области и Костромской областной Думы направлены на привлечение выпускников сельских малочисленных школ и выпускников учреждений начального и среднего профессионального образования для подготовки специалистов с высшим образованием преимущественно по специальностям сельскохозяйственного профиля для работы на предприятиях агропромышленного комплекса Костромской области.

Для подготовки специалистов региональные органы государственной и муниципальной власти участвуют в формировании и развитии системы высшего профессионального образования путем внедрения механизма целевой контрактной подготовки. Организация направляет на договорных началах на обучение в вуз лиц, изъявивших желание после окончания обучения работать на направившем их предприятии срок, определенном в заключенном с ними индивидуальном договоре, но не менее 3-х лет.

Целевая контрактная подготовка специалистов с высшим профессиональным образованием осуществляется для укомплектования штатных должностей предприятий, организаций и учреждений специалистами соответствующего уровня образования и квалификации, закрепления специалистов в производстве, уменьшения сменяемости специалистов, укрепления кадрового резерва, возможности поступления сельской молодежи в учебные заведения Костромской области. Для этого заключается трехсторонний договор о подготовке лиц в рамках целевого приема с органами государственной власти или местного самоуправления.

Заявленное предназначение механизма целевой контрактной подготовки – обеспечение подготовки специалистов определенных профилей для нужд местных органов власти и компенсация различий в уровне подготовки выпускников сельских школ по сравнению с городскими.

Анализ показателей целевого приема (определяемого отношением количества целевых мест к общему количеству зачисленных) по регионам страны, выявило весьма существенные различия в этом процессе. Наибольшее распространение механизм целевой контрактной подготовки специалистов получил в Орловской, Тверской, Костромской областях, а также в Республике Бурятия и Марий Эл. Это связано с тем, что прием и обучение в высших учебных заведениях именно в этих регионах идет по четко отработанной схеме: предприятие–студент–вуз, где ведется подготовка высококвалифицированных специалистов для нужд предприятий, организаций, учреждений.

Что касается Костромской области, то на ее территории в 2005–2006 учебном году функционировало 3 государственных образовательных учреждения высшего профессионального обра-

зования, в которых обучалось 19549 студентов. В этот же период по системе целевой контрактной подготовки обучалось 3088 студентов высших учебных заведений (в 2004–2005 учебном году – 3032), основная часть которых проходит подготовку по специальностям сельскохозяйственного профиля.

Вопрос обеспечения заказа на подготовку специалистов других профилей подготовки в настоящее время остается открытым. Высшим учебным заведениям в новых экономических условиях важно ежегодно получать региональный заказ на подготовку специалистов по системе целевой контрактной подготовки.

Положительный опыт регионов Российской Федерации по подготовке специалистов в рамках целевой контрактной подготовки позволяет сформировать алгоритм закрепления выпускников вузов на предприятиях и в организациях области, который включает следующие основные этапы:

1) изучение спроса на подготовку специалистов по специальностям профильных вузов;

2) внедрение порядка отбора, направления и финансирования подготовку выпускников средних школ, учебных заведений начального и среднего профессионального образования, в рамках целевого приема в высшие профессиональные учебные заведения.

В настоящее время механизм целевого приема в высших учебных заведениях в целом проработан, определены основные направления подготовки, порядок подачи заявлений, заключения договоров между администрацией, предприятиями и вузами региона. Остается невыясненным вопрос порядка отбора абитуриентов при подготовке специалистов в рамках целевого приема.

При подготовке специалистов по системе целевого приема важным фактором является подготовка специалистов по тем специальностям и направлениям, которые являются наиболее востребованными на предприятиях и организациях региона.

Представляет интерес анализ востребованных специальностей и направлений подготовки специалистов по системе целевой контрактной подготовки на примере Костромского государственного технологического университета. В КГТУ в 2005–2006 учебном году численность студентов, обучающихся за счет средств федерального бюджета составляла 5162 человека, из них 146 студентов обучались на основе целевой контрактной подготовки.

Динамика количества мест целевого приема в 2002–2006 годах, характеризуется тенденцией к росту – со 167 до 203. Важнейшим фактором, влияющим на это изменение, является количество заявок, поступивших от работодателей в текущем году. Следует выделить основные направления подготовки специалистов, в которых наиболее заинтересованы работодатели.

Анализ выявил четырех лидеров среди факультетов (экономический, факультет автоматизированных систем и технологий, технологический и лесомеханический), которые обладают стабильно высоким заказом на подготовку специалистов (см. рис.).

Наибольшее количество заявок от работодателей приходится на факультет автоматизирован-

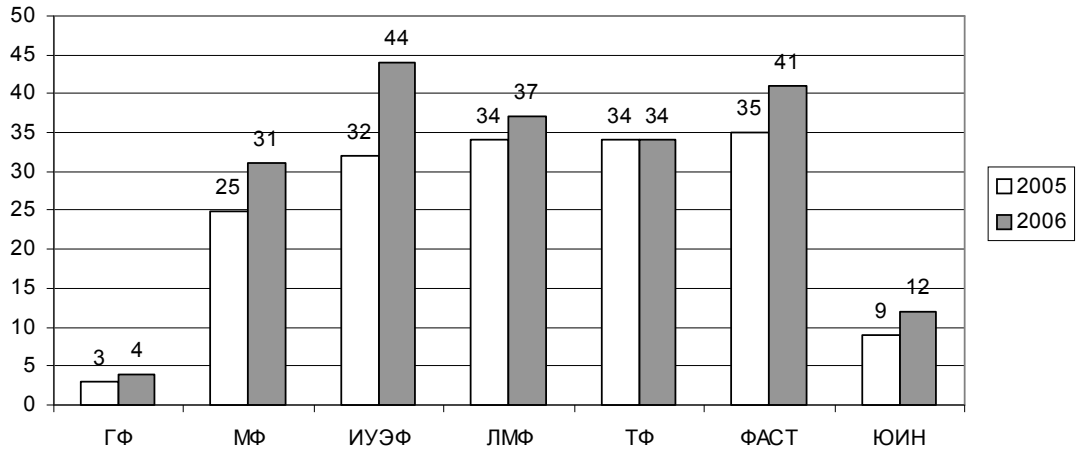


Рис. Количество мест целевого приема по факультетам КГТУ на 2005–2006 и 2006–2007 учебные годы

ных систем и технологий, что связано с открытием на факультете специализации 260701.04 (280104) «Коммунальные системы при производстве натуральных волокон» на специальности 260701 (280100) «Технология и оборудование производства натуральных волокон».

Существенную роль в подготовке специалистов по целевому набору играет технологический факультет, который готовит специалистов для текстильной и швейной промышленности по пяти специальностям и трем специализациям, и лесомеханический факультет, где наблюдается ежегодный спрос на подготовку специалистов по специальности 250301 «Лесоинженерное дело».

Одним из факторов регулирования заинтересованности работодателя в подготовке высококвалифицированных кадров призван и региональный вузовский компонент государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования.

Включение национально-регионального компонента в Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования – это отражение общего процесса регионализации образования, изменения системы образования в регионах и, прежде всего, приведения его целей и содержания в соответствие с потребностями регионального сообщества.

В Костромском государственном технологическом университете ведется подготовка по 26-и основным образовательным программам по государственным образовательным стандартам высшего профессионального образования 2000 года (стандартам второго поколения). В отличие от стандартов первого поколения, основные образовательные программы подготовки специалистов состоят из дисциплин федерального компонента, дисциплин национально-регионального (вузовского) компонента, дисциплин по выбору студента, а также факультативных дисциплин.

Представляет интерес сравнение количества часов по всем образовательным программам, выделяемых на региональную компоненту по блокам дисциплин, рекомендуемую стандартами ВПО и заложенных в учебные планы: колебания составляют по ГСЭ – 15%, по ЕН – от 7 до 10%, ОПД – от 7 до 11% от общего количество часов на весь соответствующий блок дисциплин.

Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования предписывает осуществлять преподавание гуманитарных и социально-экономических дисциплин по программам, разработанным в вузе и учитывающим региональную, национально-этническую, профессиональную специфику, а также научно-исследовательские предпочтения преподавателей, обеспечивающих квалифицированное освещение тематики дисциплин цикла. Если перечень дисциплин национально-регионального (вузовского) компонента, указанный в государственном образовательном стандарте определен, то он носит рекомендательный характер.

В КГТУ в рамках государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования: разработаны и внедрены авторские лекционные курсы по таким дисциплинам, как «Культура Костромского края», «Туристско-рекреационный потенциал Костромской области» и другие. Эти дисциплины содержательно дополняют дисциплины, указанные в федеральном компоненте циклов.

Для того, чтобы за счет дисциплин регионального компонента расширить наименование курсов дисциплин, разработанных преподавателями по направлениям научной работы, в университете введены такие дисциплины как: «Актуальные проблемы философии», «Экономика предприятий, отраслей и народнохозяйственных комплексов», «Социально-экономическая статистика», «Методы и средства научных исследований».

Кроме того, за счет дисциплин регионального компонента продолжается углубленное изучение дисциплин федерального блока. Например, дисциплины «Макроэкономика», «История экономики», «Мировая экономика» продолжают и углубляют познания студентов по федеральной дисциплине «Экономическая теория» для студентов экономических специальностей.

Такие дисциплины, как «Культура Костромского края», «История мировой и отечественной культуры», «Этика и эстетика эксклюзивных образцов ювелирных изделий», «Деловой этикет» продолжают и углубляют познания студентов по федеральной дисциплине «Культурология» для специальностей гуманитарного и художественного профилей.

Кроме того, в учебные планы вводятся дисциплины исходя из потребностей предприятий, расположенных на территории Костромской области: «Информационные технологии в управлении», «Электромеханические системы», «Математическое моделирование процессов в машиностроении», «Основы работы с пакетами прикладных

программ», «Динамика машин». Указанные дисциплины не только помогут будущим специалистам адаптироваться в условиях предприятия.

В настоящее время региональная компонента образовательного стандарта скорее адаптирует образовательный процесс к возможностям образовательного учреждения, нежели учитывает потребности региона («Психология и педагогика», «Политология», «Правоведение» и др.).

Содержание дисциплин, являясь авторской разработкой, не всегда отвечает требованиям региональной компоненты, поэтому для того, чтобы окончательно дать ответ на вопрос о соответствии региональной компоненты государственному стандарту высшего профессионального образования, необходимо провести полный анализ содержания программ дисциплин.

Поскольку содержание национально-регионального компонента основной образовательной программы подготовки специалиста должно обеспечивать подготовку выпускника в соответствии с квалификационной характеристикой, устанавливаемой государственными образовательными стандартами, и потребностями региональных предприятий, которые через региональный компонент могут воздействовать на качество подготовки специалистов, тогда возрастает роль региональных органов управления в процессе совершенствования подготовки специалистов с высшим профессиональным образованием в регионе.

Д.П. Русинов

КАТЕГОРИЙНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ КАК НОВЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ТОВАРОВ РЕГИОНАЛЬНОГО И ЛОКАЛЬНЫХ РЫНКОВ

Категорийный менеджмент – новое организационно-экономическое явление сферы закупок и сбыта потребительских товаров. Он получил достаточно широкое распространение на Западе и начинает использоваться в России. Как экономическое понятие, категорийный менеджмент ещё только складывается и имеет разнообразные трактовки, суть которых сводится к устранению противоречия между процессами закупок и продаж, которые на крупных торговых предприятиях сопровождаются снятием ответственности со специалистов по закупкам и возложением её на специалистов по продажам товаров. В результате этого наблюдается разбалансированность ассортимента товаров и допускается их закупка по низким ценам или низкой сортности, которая зачастую не отвечает требованиям потребителей.

Главный принцип категорийного менеджмента – управление набором товаров, которые рассматриваются потребителями в качестве взаимозаменяемых и близких по потребительским свойствам экономических благ. Назовём этот набор товаров товарной категорией, управление которой, как отдельной хозяйственной единицей, и обеспечивается бизнесом, выступающим в форме категорийного менеджмента. Выходит, что товарная категория обладает признаками бизнес-единицы.

По существу в товарную категорию входит весь ассортимент данного вида товара или сопряжённых товаров, сопоставимых по своим потребительским свойствам. Управление товарной категорией на практике означает, что она становится своеобразным мини-предприятием, имеющим собственные цели и задачи, которые естественно коррелируют с целями и задачами торговой фирмы в целом, отождествляемой потребителями с разнообразием ассортимента различных товаров.

Как и любая другая бизнес-единица, товарная категория охватывает определенные виды ресурсов и имеет свою организационно-управленческую структуру. Ответственным за работу данного мини-предприятия является категорийный менеджер или управляющий, а также соответствующие специалисты. Их количество зависит от сложности самой товарной категории, её состава и структуры, которая может дифференцироваться на подкатегории в зависимости от широты ассортимента и сортности данного вида товара. В этой связи управление товарной категорией или категорийный менеджмент разделяется не только по вертикали, на уровни и подуровни, но и по горизонтали, охватывая различные товарные категории, имеющие свои особенности. Управляя процессами закупки и сбыта различных товарных групп и направляя их в единый поток, ка-

© Д.П. Русинов, 2006

тегорийный менеджмент пронизывает все уровни организационно-управленческой структуры торгового предприятия, оказывая тем самым существенное воздействие на эффективность их деятельности. Таким образом, категорийный менеджмент оказывает организационно-управленческое воздействие на всю технологическую цепочку торгового предприятия, способствуя равномерному распределению ответственности между специалистами разных товарных категорий.

Кроме того, отвечая за весь цикл движения товаров, относящихся к чётко определённой товарной категории, этот вид менеджмента подаёт сигналы в единый центр ответственности предприятия (его высшему руководству) за сбой на том или ином этапе продвижения товаров от их закупки до продажи потребителям. Неся ответственность за товарную категорию и её непрерывное продвижение в рамках торгового предприятия, категорийный менеджмент выстраивает собственную методологию организационно-экономического поведения, которое включает в себя стратегию развития товарной категории, ассортиментную и ценовую политику.

Специалистами товарной категории особое внимание уделяется методике анализа товарного ассортимента и изучению экономического поведения потребителей, что расширяет рамки категорийного менеджмента и позволяет добиться преимуществ перед конкурентами, действующими на локальных рынках потребительских товаров и услуг. Оказывая постоянное управленческое воздействие на специалистов по закупке и сбыту товаров, категорийный менеджмент оптимизирует соотношение товарных групп в ассортименте, как по качеству, так и цене, добивается более эффективного использования площадей магазина и обеспечивает качественный набор продавцов, обладающих профессиональными навыками.

Товарная категория – это достаточно гибкое экономическое понятие, не только охватывающее данный товар определённого ассортимента, но и проникающее внутрь самой ассортиментной группы, что, как показывает практика, зависит от степени развитости категорийного менеджмента и его управленческого опыта, приобретаемого в процессе обслуживания данной товарной категории. Выделение каждой товарной категории внутри одной и той же ассортиментной группы способствует учёту максимального количества факторов, влияющих на реализацию конкретного товара.

Для каждой товарной категории указывается набор присущих ей потребительских свойств, среди которых определяются ключевые. При образовании и трансформации товарных категорий специалисты исходят, прежде всего, из психологии покупателей, которые каждый товар подразделяют на разнокачественные и разноценовые группы. При этом специалисты категорийного менеджмента, наблюдая предпочтения и пристрастия покупателей, регулярно посещающих данное торговое предприятие, учитывают их возраст, пол, социальный и экономический статус, место проживания, а также то, что именно они покупают: продукт, брэнд, цвет, вкус или что-то другое. Учитывается и наиболее типичный способ совершения покупки, а также что оказывает наибольшее стимулирующее воздействие на потребителя – сам продукт, условия его распродажи, обслуживание работников, качество и цена товаров, их разнообразный ассортимент.

Специалисты категорийного менеджмента обращают своё внимание на частоту совершения покупок данным конкретным потребителем в разных временных интервалах. Первоначально категорийный менеджмент дает возможность покупателю выбрать не брэнд, а определиться с категорией продуктов. Затем, когда категория уже «мысленно выбрана» покупателем, категорийный менеджмент создает возможность для него подобрать продукт по разной цене. Данный подход определяет выбор покупки уже задолго до посещения покупателем магазина, располагающего информацией о нахождении данной товарной категории в данном торговом предприятии.

Категорийный менеджмент учитывает также и специфические свойства продукции (например, требования к перевозке и хранению), а также схемы ее поставки и реализации. На этой основе происходит формирование классификатора товарной категории, перечня их ролевых функций, для реализации которых подводятся соответствующие ресурсы, и достигается их оптимальное распределение между различными товарными категориями.

Товарная категория, имеющая большую долю рынка, часто и стабильно покупаемая потребителями, относится производителем к основной массе товаров, покупаемых в данной торговой точке. Ценность знания основной массы реализуемых товаров, прежде всего, заключается в том, что она свидетельствует о направленности мас-

сового потока покупателей, которые попутно приобретают товары и других категорий. Создателем такого потока как раз и является категорийный менеджмент. Оценивать успешность его управленческих действий нужно не только по прибыли, но и по количеству покупателей, а также и частоте совершаемых ими покупок.

Товарная категория, обеспечивающая наибольший объем продаж в данном магазине и приносящая наибольшую прибыль при неизменном уровне цен товаров, предстаёт в качестве генератора наличности. Его роль – не допустить спада закупок и ликвидировать кассовые разрывы, возникающие вследствие неравномерного посещения покупателями данного торгового предприятия.

Выделяется и, так называемая, форвардная товарная категория, являющаяся генератор прибыли. К ней относят такие товарные категории, которые продаются с наибольшей наценкой и приносят данному торговому предприятию наибольшую долю прибыли.

Товарная категория, включающая дорогие, высококачественные и престижные товары, является создателем имиджа данного предприятия. Её роль состоит не столько в том, чтобы увеличивать продажи, сколько в привлечении внимания покупателей и «облагораживании» сферы покупок.

И, наконец, выделяется ещё одна товарная категория с красноречивым названием «защитник». Она удерживает покупателя, не позволяя ему уйти в другой магазин. Часто эта категория строится по ценовому признаку, то есть включает в себя товары с низкими ценами, которые удерживают покупателей, чутко реагирующих на изменение в цене данного товара.

Проанализировав положение на рынке многих розничных организаций, категорийный менеджер разрабатывает ассортиментную матрицу, в которой прописываются все бизнес-процессы для данной товарной категории. Разработка ассортиментных матриц по отдельным товарным категориям создает возможность высшему руководству торгового предприятия сводить их в единую ассортиментную матрицу, позволяющую отслеживать, как происходят бизнес-процессы не только в рамках отдельной товарной категории, но и всех товарных групп. Этот мониторинг позволяет устранять слабые места в едином технологическом процессе торгового предприятия, контролировать деятельность продавцов и специалистов категорийного менеджмента, непрерывно получать оперативную информацию, своевременно принимать управленческие решения и извлекать дополнительную прибыль.

Всё это свидетельствует о том, что категорийный менеджмент, как экономическое понятие, имеет достаточно ёмкое содержание, исследование которого ещё только начато отечественными экономистами и будет способствовать оптимизации процессов торговли, как в рамках данного торгового предприятия, так и в масштабе отдельных локальных рынков региона.

С.Б. Чжан

КОНКУРЕНТНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ И ЕЕ ОКРУГОВ

С переходом российской экономики на инновационный путь развития значительно усложняется характер проблем, стоящих перед нашим обществом. Речь идёт уже не просто об экономическом росте как таковом, а о повышении его качества с целью создания конкурентных преимуществ национальной экономики, обеспечивающих ее достойное место на мировом рынке. При этом важно понять, можно ли в принципе совместить такие процессы, как осуществление прогрессивных структурных преобразований на основе внедрение в производства инновационных технологий и поддержание высоких темпов экономического роста, поскольку отдача от первого процесса возникает в длительной исторической перспективе. Должен ли экономический рост по-прежнему опираться на внешний спрос и расширение экспорта, что в наших условиях означает сохранение сырьевой ориентации экономики, или его «мотором» будет выступать внутренний спрос, причем не столько на потребительские товары, сколько на новейшие научные разработки? [2]

За последние годы российская экономика демонстрирует устойчивый рост, однако в её структуре значительных прогрессивных изменений не наблюдается. Так, доля отраслей ТЭК в ВВП постоянно увеличивается: в 2003 г. она составляла

© С.Б. Чжан, 2006

20%, в 2004 г. – 29%, в 2005 г. – 30%. Структура российского экспорта также характеризуется стабильно растущей долей топливно-энергетической составляющей [2].

В 2003–2005 гг. экономика России в целом росла примерно на 7% в год, но темпы роста промышленности снизились с 9,5% в 2003 г. до 4% в 2005 г. (в п.п. 2006 г. – 4,4%). Поскольку доля промышленности в российском ВВП в её расширенном понимании составляет не 27–31%, как следует из официальных данных, а с учётом использования трансфертных цен при экспорте приближается к 45–50%, тенденция к падению темпов экономического развития в «корневых» секторах промышленности ставит под сомнение возможность поддержания нынешних темпов роста ВВП [8].

Проведённый анализ статистических данных темпов роста отдельных отраслей показал, что при средних темпах прироста по промышленности в целом около 0,53% в месяц с учётом сезонности наиболее высокие темпы прироста в 1999–2004 гг. наблюдались в машиностроении (около 0,9% в месяц), самые низкие – в электроэнергетике (около 0,3% в месяц). Наибольшей устойчивостью характеризовался прирост выпуска в топливной промышленности. Наименее устойчивы темпы прироста в лёгкой промышленности [7].

Изменения произошли в экспорте топлива и сырья. Страна вывозит сейчас половину добываемой серой нефти, экспортирует примерно около 1/3 газа. Россия также больше экспортирует металла, леса, целлюлозы, химических продуктов. Экспорт вооружений приближается к 6 млрд. долл. в год [10].

Ожидается, что в перспективе темп роста ВВП в нашей стране будет снижаться. Топливно-энергетический комплекс и металлургия в долгосрочной перспективе не смогут расти темпом свыше 5%. Темпом свыше 7% способны развиваться пищевая, химическая, лесная промышленность, производство строительных материалов, отдельные отрасли машиностроения и высокотехнологичные отрасли промышленности, а также строительство и связь, которые в настоящее время занимают в структуре экономики менее 1/3 и требуют масштабного обновления основных производственных фондов [4].

Перед российским обществом стоит актуальная проблема выявления экономических приоритетов развития национального хозяйства как в масштабах всей страны, так и в отдельных регионах. Проблемой обоснования приоритетов развития российской экономики заняты ведущие ученые-специалисты. Каждый из них имеет свой взгляд, свою точку зрения на эту проблему. Так, академик Д. Львов в качестве важнейших экономических приоритетов для будущего развития страны определяет следующие: 1) отказ от сырьевой концепции и перевод экономики на рельсы научно- технического развития; 2) ориентацию механизма управления на первоочередное развитие внутреннего рынка; 3) решительный разворот хозяйственного механизма к человеку, первоочередному решению социальных проблем [5].

В. Мау считает, что «несомненным приоритетом является присоединение к ВТО, которое находится сейчас в решающей фазе» [6]. М. Ершов отмечает, что «требуется более тщательный мониторинг движения капиталов, причём не только из страны, но и, что не менее важно, в страну; при этом нужно уделять внимание качеству капитала, срокам, характеру и направлениям его использования, создавая стимулы, обеспечивающие приведение указанных параметров в соответствие с экономическими приоритетами» [1].

В. Миронов придерживается мнения: «Логично направлять госфинансирование в те сегменты экономической системы, которые, во-первых, в наибольшей мере подвергаются негативному влиянию, связанному с вынужденной направленностью валютной и денежной политики на поддержание курсовых ориентиров, а во-вторых, туда, где можно вызвать реальный прямой и косвенный мультипликативный эффект» [7]. А. Нешитой считает: «Осознание значимости наукоёмкого способа производства, разработка и осуществление национальных проектов в области высоких технологий, автоматизация обрабатывающей промышленности, качественного улучшения образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства и сельскохозяйственного производства, должны стать залогом поворота к новому экономическому курсу в стране» [9].

Разработка экономических приоритетов в федеральных округах опирается на те преимущества, которыми они уже реально располагают. Лидирующие позиции в Центральном федеральном округе занимает Москва, которая, как известно, является крупнейшим транспортным и логистическим центром. Тем не менее, 50% ВРП столицы создаётся в торговле на потребительском рынке. В Москве и Московской области вво-

дится около 1/4 российского жилья. В этом регионе необычайно развиты рынки интеллектуальных продуктов и услуг, включая образовательный комплекс, а также сфера туризма.

В настоящее время разработан крупнейший проект – строительство в Московской области Диснейленда стоимостью около 5 млрд. Ожидается, что его будут посещать миллионы как россиян, так и иностранных туристов. Его внедрение создаст десятки тысяч новых рабочих мест и принесет существенные доходы в консолидированный бюджет.

Северо-Западный федеральный округ располагает обширной транспортной инфраструктурой, прежде всего, морской (Балтика, Белое и Баренцево море). На ее основе в настоящее время действует и создается крупнейшая трубопроводная система, в том числе ускоренными темпами реализуется проект Североевропейского газового трубопровода. В Ленинградской, Калининградской и Мурманской областях создаются свободные экономические зоны.

Обеспечивается развитие транспортно-экономической оси Санкт-Петербург – Москва. Отметим также строительство скоростной железнодорожной магистрали Москва – Санкт-Петербург стоимостью 1,5 млрд. долл., открывающей новые возможности региональной интеграции.

Санкт-Петербург и его окрестности – уникальный культурный и природный заповедник, привлекающий к себе внимание миллионы туристов не только нашей страны, но и других государств мира. Однако в этом регионе слабо развита инфраструктура туризма, которой сегодня уделяется самое пристальное внимание и в которую вкладываются крупные инвестиции, в том числе иностранных компаний и фирм. Главное, что этот федеральный округ открывает новые «окна» не только в Европу, но и в другие части света, превращаясь в транснациональный центр мирового сообщества.

Южный федеральный округ находится в стадии ренессанса рекреационных услуг. Так, в рекреационный комплекс Сочи в период до 2008 г. предполагается вложить около 1 млрд. долл. Обеспечивается расширение и развитие портового хозяйства приморской зоны этого округа.

Приволжский федеральный округ – центр автомобилестроения, самолетостроения, точного машиностроения, приборостроения и нефтехимии. Эти отрасли переходят к производству продукции высоких технологий.

Уральский федеральный округ представлен крупными региональными комплексами топливной промышленности, а также отраслями черной и цветной металлургии. Ставится задача интенсивной разработки новых рудных месторождений на севере округа, что позволит металлургической промышленности его южных регионов освободиться от импортных поставок сырья.

Дальневосточный федеральный округ также открывает новые «окна», в первую очередь, на Восток. Этот округ является оператором интеграции России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Планируется ускоренное развитие транспортной инфраструктуры, реконструкция автомагистрали Чита – Хабаровск. Большой интерес у иностранных инвесторов вызывают нефтегазовые месторождения, освоение который уже осуществляется в рамках государственных проектов и охватывает обширную территорию от Восточной Сибири до Тихого океана. Этот округ имеет большие возможности для развития рынка труда путем привлечения граждан Китая и других дальневосточных стран [7].

Коротко охарактеризовав национальные и региональные преимущества экономики России, можно сделать вывод о том, что именно на их основе должны и, очевидно, будут определяться социально-экономические приоритеты ее дальнейшего развития, но этот долгосрочный процесс обретет новое качество, суть которого сводится к крупномасштабному внедрению в различные отрасли общественного производства инновационных технологий и последних достижений научно-технического прогресса.

Библиографический список

1. *Ершов М.* Экономический рост: новые проблемы и новые риски // Вопросы экономики. – 2006. – №12. – С. 36.

2. *Ершов М.* Экономический рост: новые проблемы и перспективы // Вопросы экономики. – 2006. – №12. – С. 20.

3. *Кулешов В.В.* Экономика России и Сибири // ЭКО. – 2006. – №3. – С. 11–13.

4. *Ларина Н.И., Макаев А.И.* Кластеризация как путь повышения международной конкурентоспособности страны и регионов // ЭКО. – 2006. – №10. – С. 3.

5. *Львов Д.* О стратегии развития России // Экономист. – 2007. – №2. – С. 10.

6. *Мау В.* Экономическая политика в 2005 году:

определение приоритетов // Вопросы экономики. – 2006. – №2. – С. 26.

7. *Миронов В.* Экономический рост и конкурентоспособность промышленности // Вопросы экономики. – 2006. – №3. – С. 58–59.

8. *Миронов В., Пухов С.* Российская экономика в контексте развития мировых энергетических рынков // Вопросы экономики. – 2006. – №8. – С. 119.

9. *Нешитой А.* Необходима смена приоритетов // Экономист. – 2006. – С. 8.

10. *Ясин Е.* Государство и экономика на этапе модернизации // Вопросы экономики. – 2006. – №4. – С. 17.

К.В. Смирнов

КРИТЕРИИ ВЫБОРА ПРИОРИТЕТОВ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА И РЕГИОНОВ

В исходе инвестиционной деятельности любого субъекта хозяйственных отношений лежит продуманная политика как проект, в котором отдается предпочтение ускоренному вложению капитала в те или иные отрасли экономики и определяется путь их долгосрочного развития. В настоящее время таким путем являются инновационные технологии, а отраслями – атомная энергетика, авиа-космическая промышленность, судостроение. В них сосредоточен огромный научно-технический потенциал, позволяющий производить как сами инновационные технологии для применения в собственном производстве и других отраслях экономики, так и наукоемкий продукт конечного потребления. Таким образом, речь должна идти об инновационной деятельности в рамках государственной промышленной политики, включающей в себя инвестиционную и инновационную политику в качестве составных частей, значение которых, конечно, не ограничивается только этими рамками и охватывает другие отрасли общественного производства. Иными словами, промышленная инвестиционно-инновационная политика определяет вектор долгосрочного развития всей российской экономики, хотя в исходе предполагает ускоренное развитие только нескольких отраслей, задающих как направление, так и темпы динамики научно-технического прогресса, которым в последствии будет охвачено все общество, начиная от сельхозпроизводителей и заканчивая домохозяйствами как основными пользователями потребительских благ и услуг. Сосредоточим в начале статьи свое внимание на такой составной части промышленной политики как инвестиционная политика, направляющая в нужное русло финансовые потоки и саму инвестиционную деятельность.

Инвестиционная политика любого федеративного государства базируется на взаимодействии федерации и ее субъектов, их равной имущественной и финансовой ответственности за принимаемые решения и обязательства, способствует на основе стабильных, предсказуемых, но достаточно гибких законодательных норм формированию благоприятных условий, обуславливающих у производителей устойчивую потребность в инвестициях. Эти общие принципы недостаточно хорошо реализуются в Российской Федерации.

Грамотно проводимая инвестиционная политика может воздействовать на сложившуюся «неоптимальную» структуру промышленного производства, характеризующуюся преимущественно сырьевой специализацией, с целью развития отдельных отраслей, получивших статус приоритетных.

Анализ международного опыта реализации инвестиционной политики (в таких странах, как Япония, Китай, Южная Корея, Тайвань) свидетельствует о том, что правительства этих стран рассматривают ее в качестве основы для обеспечения устойчивого долгосрочного экономического роста, базирующегося на повышении уровня конкурентоспособности национальных производителей.

Практика показывает, что государственная политика реформенного периода в России по привлечению инвестиций была неэффективной. На федеральном уровне так и не было создано единого центра, ответственного за реализацию промышленной политики и координацию действий правительства в этой области, принятые законодательные акты носили фрагментарный характер, а отдельные меры господдержки приоритетных отраслей и предприятий не отвечали базовым принципам системности и не были подкреплены реальными возможностями правитель-

© К.В. Смирнов, 2006

ства. Кроме того, приоритеты часто менялись, и определялись они по субъективным признакам или в соответствии с политической конъюнктурой, что привело к нарастанию отраслевого лоббирования и неэффективному использованию ограниченных государственных ресурсов без достижения желаемого результата. Между тем, разработка эффективной инвестиционной политики может стать основой для ликвидации структурных дисбалансов в российской экономике и выхода на траекторию устойчивого долгосрочного экономического роста.

Инвестиционная политика не может быть направлена только на решение проблем отдельных отраслей. Она должна вести к повышению эффективности экономики через оптимизацию распределения ресурсов и позволять быстро и адекватно реагировать на внешние шоки, являясь, таким образом, основой устойчивого экономического роста. Разумная инвестиционная политика должна рассматриваться как стратегия развития и повышения эффективности промышленного производства, увеличения конкурентоспособности отечественных отраслей, секторов, предприятий и продукции как на внешнем, так и на внутренних рынках, обеспечивая устойчивый экономический рост в долгосрочной перспективе.

Инвестиционная политика в реальной практике всегда принимает вид структурной политики – ограниченные бюджетные средства и государственную поддержку необходимо направить в те отрасли хозяйства, которые в долгосрочной перспективе обеспечат достижение стратегических целей (максимальный прирост национального богатства, устойчивый рост благосостояния населения и т.д.), в некоторых случаях, за счет депрессивных отраслей, развитием которых можно пожертвовать в пользу отраслей, находящихся на начальной фазе жизненного цикла. В связи с этим, одним из ключевых вопросов в рамках разработки инвестиционной политики является выбор и обоснование приоритетов промышленного развития.

В соответствии с базовыми принципами и общими целями социально-экономического развития можно разделить выбор приоритетов в широком и узком смысле. Выбор приоритетов в широком смысле заключается в определении общего направления процесса развития экономической системы, модели реализации промышленной политики. Критериями выбора в данном случае выступают господствующая в обществе идеология и характер конкурентных преимуществ страны в мировом хозяйстве. Анализ опыта реализации инвестирования в промышленность в развитых и развивающихся странах позволяет выделить следующие базовые модели, выступающие в качестве вектора промышленного развития: экспортно-ориентированная, импортозамещающая и инновационно-ориентированная модели.

Импортозамещение предполагает обеспечение внутреннего рынка страны преимущественно на основе развития национального производства, часто с использованием высокого уровня протекционистской защиты – лицензий, импортных тарифов, квот, а также других инструментов. Основным ограничением для политики импортозамещения, как правило, является внутренний платежеспособный спрос. В том случае, когда темпы роста внутреннего рынка отстают от динамики общемировой конъюнктуры, политика импортозамещения может негативно влиять на конкурентоспособность импортозамещающих производств, в частности, и страны в целом.

Политика стимулирования экспорта в развивающихся странах, как правило, является лишь фазой торговой политики и осуществляется на различных стадиях индустриализации, обычно после стадии импортозамещения.

В последние годы ключевыми направлениями процесса инвестирования стали меры по увеличению инвестиций в основные средства, НИОКР, и человеческий капитал (образование и повышение квалификации), что определяет инновационно-ориентированную модель промышленной политики.

Как показывает практика (опыт Южной Кореи, Японии, Китая), модели промышленной политики не являются взаимоисключающими и могут эффективно сочетаться для достижения целей сбалансированного экономического развития. При этом успех в долгосрочном периоде определяет не ставка на ту или иную модель, а комплексный подход к разработке долгосрочной стратегии развития, основанной на понимании страновых конкурентных преимуществ, на экономически обоснованном определении приоритетов развития, на формировании центров ответственности за реализацию этой стратегии и на разработке четких правил поведения экономических субъектов при обеспечении макроэкономической стабильности.

Одними из главных препятствий в реализации приоритетов в выборе модели эффективного ка-

питаловложения в Российской Федерации были и остаются:

– фрагментарность и бессистемность законодательной базы;

– отсутствие методологии разработки инвестиционной политики, особенно, в части определения приоритетов развития;

– отсутствие единого органа, отвечающего за координацию процессов разработки и реализации промышленной политики.

Выбор приоритетов развития хозяйства страны, то есть набор определенных отраслей, секторов, должен быть подчинен четким и обоснованным критериям. В самом общем виде критерием отбора приоритетных областей, которые в принципе могут претендовать на ту или иную форму государственной поддержки могут служить следующие:

– наличие и надежные перспективы роста платежеспособного спроса (внутреннего и внешнего) на определенные виды продукции и услуг. В этом случае, производство приобретает положительную количественную и качественную динамику только при увеличении спроса и изменении его структуры, а это значит, что при осуществлении промышленной политики необходимо исходить из того, что поддержки заслуживают в первую очередь те отрасли, продукция которых пользуется платежеспособным спросом. В том случае, если платежеспособный спрос ограничен, государство может, прежде всего, содействовать его расширению, и лишь затем идти на крупномасштабные вложения в производство удовлетворяющих его продуктов и услуг;

– наличие конкурентных преимуществ комплекса, отрасли или отдельного производства. Базовыми являются такие преимущества как дешевизна исходного сырья, энергии и рабочей силы, высокая производительность труда, минимум затрат экологического характера, наличие значительного научного потенциала, высокая рентабельность производства. Последний показатель имеет особое значение. Рентабельность объектов государственной поддержки обеспечивает самофинансирование их расширенного воспроизводства и улучшение качественных параметров производственной базы, применяемых технологий и самого конечного продукта. Этот параметр может быть особенно важен в начальный период послекризисного возрождения индустрии, т.е. в условиях острейшего инвестиционного дефицита, однако, с оживлением и подъемом производства расширяется круг предприятий и отраслей, выступающих в роли «дойных коров». Это позволяет расширить масштабы перераспределения финансовых ресурсов, как важнейшего рычага селективной промышленной политики, без ущерба для воспроизводства предприятий и отраслей-доноров;

– существенное мультипликативное воздействие развития избираемой отрасли, вытягивающее за собой смежные производства. Желательно, чтобы избранный и поддерживаемый сектор индустрии обеспечивал значительный и растущий спрос на продукцию и услуги сопряженных отраслей-поставщиков (сырье, материалы, комплектующие изделия, оборудование, средства коммуникации), на услуги строителей, транспортников, научно-исследовательских и конструкторских организаций. Подъем основного производства и производств, технологически с ним связанных, через увеличение объема зарплаты вызывает сопутствующий спрос в отраслях, работающих на личные и общественные непроизводительные текущее потребление и накопление.

Эти критерии, очевидно, определяются императивом утверждения в России структурно диверсифицированной инновационной экономики, конкурентоспособной в мирохозяйственном плане. С этой точки зрения приоритеты государственной политики, конечно, коренным образом отличаются от приоритетов сколь угодно крупных хозяйствующих субъектов, которые в первую очередь максимизируют прибыль. Дело также не может быть сведено к формированию некоего набора проектов, пусть высокоэффективных: задачи промышленной политики носят сугубо системный характер. Именно она призвана, во-первых, обеспечивать разумный баланс между высокоэффективными отраслями, «локомотивами» экономического роста и менее эффективными сферами, без развития которых, однако, и первые не могут полностью реализовать свой потенциал. Во-вторых, формировать «несущие конструкции», необходимые для нормального функционирования народного хозяйства в целом. Только при проведении государственной промышленной политики возможна реализация долгосрочных масштабных программ, требующих объемных инвестиций, отдача от которых может наступить через десять-двадцать лет, таких как освоение космоса или разработка новых сложных технологий.

Таким образом, одним из ведущих в системе важнейших критериев в выборе приоритетов про-

мышленной политики государства и отдельных регионов должна быть их инвестиционная привлекательность, которая проявляется в потенциальных и реальных социально-экономических преимуществах, определяющих проектные объемы привлекаемых в экономику инвестиционных ресурсов.

А.Ю. Волков

О ПРОБЛЕМАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В соответствии с законом «О некоммерческих организациях» бюджетные организации Министерства обороны Российской Федерации подпадают под определение одной из форм некоммерческой организации – учреждения, поскольку имеют соответствующие признаки:

– созданы для осуществления функций некоммерческого характера – защиты суверенитета Российской Федерации;

– не имеют извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности;

– не распределяют полученную прибыль между участниками;

– полностью или частично финансируются учредителем – государственными органами власти.

Однако деятельность бюджетных учреждений Министерства обороны, как в достижении основной цели, так и в части коммерческой зачастую проблематична из-за неопределенного организационно-правового статуса бюджетных учреждений Министерства обороны, осуществляющих разрешенную законодательством деятельность. Речь идет об отсутствии статуса юридического лица у бюджетных учреждений Министерства обороны, непосредственно участвующих в предпринимательской и иной приносящей доход деятельности, а потому осуществляющих свою деятельность от имени Министра обороны. В частности, у бюджетных учреждений Министерства обороны отсутствуют необходимые учредительные документы юридического лица, в том числе основной – устав, утверждаемый учредителем (Министром обороны) и другие, содержащие сведения о наименовании, месте нахождения, порядке управления его деятельностью; не определены предмет и цели деятельности конкретных бюджетных учреждений Министерства обороны до низового звена включительно.

Указанная проблема не может разрешиться на законодательном уровне уже не первый год, что негативно влияет на перспективы осуществления Вооруженными силами разрешенной законодательством деятельности. Так, с 2000 года Министерством обороны, Главным финансово-экономическим управлением Министерства обороны неоднократно обращалось внимание на тот факт, что отсутствие законодательной базы в этой области отрицательно сказывается на экономике Вооруженных сил и использовании средств, выделяемых на национальную оборону, а это в свою очередь диктует острую необходимость в рассмотрении и принятии палатами Федерального Собрания закона регулирующего правовое положение военных организаций, который решит проблемы неопределенности правового положения военных учреждений как юридических лиц. В проекте закона, в частности, предусмотрены такие принципиальные положения, как:

1. Права и ответственность военных учреждений по отношению к используемому (аренда) и высвобождающемуся (реализация) военному имуществу.

2. Адаптация норм Гражданского кодекса к бюджетным учреждениям Министерства обороны с учетом их конституционного предназначения и специфики деятельности.

3. Регулирование договорных отношений с широким кругом контрагентов, в том числе с негосударственными структурами и т. д.

В настоящее время формированию средств за счет осуществления государственными бюджетными учреждениями, к которым относятся и военные учреждения, разрешенной законодательством деятельности уделяется самое серьезное внимание на уровне, как самих министерств, так и Правительства Российской Федерации, Президента Российской Федерации. Так, в рамках работы в январе 2003 года комиссии Правительства по вопросам оптимизации бюджетных расходов под руководством министра финансов А. Кудрина по вопросу структуры и объемов поступле-

© А.Ю. Волков, 2006

ний и использования средств из внебюджетных источников было отмечено: целесообразно сохранить ряд направлений внебюджетной деятельности федеральных органов исполнительной власти, финансирование которых осуществляется по направлению «Национальная оборона» и другим силовым ведомствам в соответствии с Генеральным разрешением, выданным Министерством финансов Министерству обороны на открытие лицевых счетов по учету средств, полученных от предпринимательской и иной приносящей доход деятельности, в органах федерального казначейства. Однако, в то же время предлагается сократить перечень внебюджетных источников, руководствуясь тем, что доходы, получаемые бюджетными учреждениями от оказания договорных обязательств и платных услуг образовательного, медицинского и санаторно-курортного профиля; за проведение экспертиз и сертификации; информационную, консультационную и издательскую деятельность; услуги связи подлежат зачислению в полном объеме в доходы федерального бюджета с одновременным увеличением расходов соответствующих бюджетных учреждений в порядке, установленном для доходов научных, образовательных учреждений, учреждений здравоохранения, государственных учреждений культуры и искусства, которые направляются на содержание указанных бюджетных учреждений в качестве дополнительного источника бюджетного финансирования содержания и развития их материально-технической базы сверх сумм, утвержденных в бюджете на текущий год. По сути имеет место попытка сокращения источников поступления средств от разрешенной законодательством деятельности в Вооруженных силах до их полного искоренения, для чего все операции, в том числе с целью достижения прозрачности, переведены в органы федерального казначейства. Нисколько не сомневаясь в требовании прозрачности по отношению к средствам, полученным военными учреждениями в результате осуществления разрешенной законодательством деятельности, представляется спорным положение о необходимости их сокращении. В принципе, позиция Правительства в части, касающейся отвлечения Вооруженных сил от их прямого предназначения и участия в предпринимательской и иной приносящей доход деятельности, понятна и справедлива, но при соблюдении одного принципиального условия: Вооруженные силы должны быть полностью и всесторонне обеспечены материальными и денежными ресурсами с целью выполнения своего конституционного предназначения, а социальное положение их личного состава должно находиться на уровне, достойном защитника Отечества. В таком случае бюджетным учреждениям Министерства обороны не придется отвлекать силы, изыскивать возможности для осуществления предпринимательской и иной приносящей доход деятельности. Однако, на ближайшую перспективу такой идиллии для Министерства обороны не предвидится в виду объективных социально-экономических и политических факторов.

Диссонирует с мнением Правительства позиция Государственной Думы, выраженная в решении ее Комитета по обороне от февраля 2003 года. В нем, в частности, отмечается:

1. Уровень боевой и оперативной подготовки Вооруженных Сил Российской Федерации в связи с хроническим недофинансированием и низким материально-техническим обеспечением не соответствует современным требованиям. Так, например, установленные лимиты расхода горючего обеспечивают в полном объеме боевые стрельбы взводов, на 90% – ротные и батальонные учения, на 80% – полковые тактические учения; нахождение кораблей в море – 15–20 суток при минимальной норме 40 суток, средний налет летного состава на уровне 33–35 часов в транспортной авиации и 28 часов в дальней авиации (нормативный показатель – 80 часов). Для сравнения фактический налет пилотов армейской авиации Сухопутных войск Франции составляет 150 часов в год.

2. Техническое состояние имеющихся на вооружении образцов оружия и техники является критическим.

3. Не смотря на рост ассигнований на содержание Вооруженных сил в бюджете, особую озабоченность вызывает рост уровня тарифов, прежде всего на электроэнергию, энергоносители и перевозки, что не позволяет выполнить все запланированные мероприятия.

Исходя из этого, Комитет Государственной Думы по обороне принял решение разработать предложения по законодательному урегулированию следующих вопросов:

– улучшение социального и материального положения военнослужащих;

– увеличение расходов на национальную оборону;

– снижение налогов и предоставление налоговых льгот организациям и предприятиям, выполняющим оборонный заказ;

– изыскание дополнительных внутренних источников финансирования потребностей Вооруженных сил.

Позиция Министерства обороны в отношении дополнительных внутренних источников финансирования Вооруженных сил принципиально совпадает с позицией Государственной Думы и заключается в необходимости выявления резервов увеличения поступлений средств от осуществления разрешенной законодательством деятельности для нужд Вооруженных сил, которые возможно получить при решении следующих основных задач:

1. Повысить эффективность использования федеральной собственности, закрепленной за Вооруженными силами.

2. Наладить действенное управление использованием недвижимого имущества, закрепленного за Министерством обороны, включая участки земли, леса, здания, сооружения, обособленные водные и другие объекты.

3. Совершенствовать систему реализации высвобождаемого движимого и недвижимого военного имущества, повысить эффективность продаж и сдачи в аренду этого имущества.

4. Улучшить управление созданием, реорганизацией и ликвидацией предприятий и организаций Министерства обороны, их коммерческой деятельностью.

5. Создать так называемый долговой центр, призванный производить необходимые согласования и взаиморасчеты Министерства обороны с ресурсодержателями Российской Федерации, и в этой связи способствовать обеспечению экономической безопасности и суверенитета структурных подразделений Министерства обороны, объединений, соединений и воинских частей Вооруженных сил.

6. Совершенствовать систему переработки и аффинажа образующихся в Министерства обороны лома и отходов, содержащих драгоценные металлы. Создать «золотой запас» – фонд ценностей, способный обеспечить нужды, потребности и запросы Министерства обороны для решения оперативно возникающих задач, в том числе социального плана.

7. Расширить сферу оказания возмездных услуг по выводу на околоземную орбиту космических объектов с помощью носителей Министерства обороны, в том числе и для иностранных заказчиков.

8. Наладить оказание возмездных услуг связи, телевещания с использованием оборудования Министерства обороны, как наземного, так и космического базирования.

9. Расширить спектр оказания возмездных транспортных услуг наземным, авиационным и морским транспортом, иных услуг с учетом возможностей центральных органов военного управления.

10. Оптимизировать организацию и проведение централизованных закупок товаров (работ, услуг) общего и специального назначения, в том числе зарубежного производства, в интересах Министерства обороны.

11. Увеличить поставки из запасов Министерства обороны вооружения и военной техники иностранным заказчикам.

Исходя из вышесказанного, позиция Государственной Думы и Министерства обороны в отношении изыскания дополнительных внутренних источников финансирования нужд обороны, на наш взгляд, представляется более рациональной и, главное, актуальной. Безусловно, необходимо ограничить, возможно, исключить совсем, привлечение к предпринимательской и иной приносящей доход деятельности частей и соединений специального назначения, морской пехоты, воздушно-десантных войск и других с недвусмысленным боевым предназначением, участие которых в такой деятельности отрицательно сказывается на их боевой подготовке и разлагает боевой дух воинских коллективов. Но почему Вооруженные силы, имеющие обширнейшую, конкурентоспособную даже по мировым стандартам тыловую инфраструктуру, должны отказываться от ее эксплуатации с целью получения дополнительных источников финансирования потребностей обороны, к тому же носящих характер компенсации взамен недополученных из федерального бюджета средств? На сегодняшний день в организационно-штатную структуру Вооруженных сил входит значительное количество частей, соединений и других бюджетных учреждений тылового обеспечения, которые, несмотря на прошедшие за последнее десятилетие многочисленные организационно-штатные мероприятия, способны нести дополнительную нагрузку в виде осуществления разрешенной законодательством деятельности и получать прибыль. Более того,

в условиях, когда даже находящиеся на острие общественного внимания части и соединения боевого предназначения ощущают дефицит бюджетного финансирования, для учреждений тыловой инфраструктуры, находящихся, образно говоря, в тени, оказание платных услуг, выполнение работ на договорной основе в интересах сторонних организаций и физических лиц, зачастую становится не только дополнительным источником финансирования, компенсирующим недополученные бюджетные средства, но и реальной возможностью поддержания и совершенствования своих профессиональных навыков, во многом утраченным за прошедшее десятилетие. Речь идет о таких военных учреждениях, предназначение которых наряду с уже упоминавшимися в материалах комиссии Правительства по оптимизации бюджетных расходов максимально приближено к таким общегражданским функциям, как оказание услуг:

– культурно-досугового характера;

– физической культуры и спорта;

– детского дошкольного воспитания;

– вспомогательного флота военно-морских сил (лоцманское сопровождение, навигационное обеспечение, паромные переправы, очистка акваторий портов, погрузка-выгрузка с помощью плавкранов и прочие);

– по осуществлению охраны гражданских объектов;

– бытового характера (стирка, химчистка, окрашивание, ремонт электроприборов и т. д.);

– общественного питания;

– по транспортировке грузов воздушным, автомобильным и морским путями;

– по ремонту автомобильной и гусеничной техники, морских судов, самолетов и вертолетов и т.д.

Необходимо упомянуть и о таких направлениях разрешенной законодательством деятельности бюджетных учреждений Министерства обороны, которые хотя и приносят доход, но осуществляются не по их собственной инициативе, а в директивном порядке, в соответствие с законодательством, по указаниям Президента и решениям Правительства (причем некоторые из них носят статус государственного значения):

– оказание услуг сельскохозяйственным производителям по уборке урожая;

– поисково-спасательные работы, осуществляемые кораблями и судами военно-морского флота, самолетами и вертолетами военно-воздушных сил;

– ликвидация последствий техногенных аварий на производстве, чрезвычайных ситуаций и др.;

– международное военно-техническое сотрудничество;

– реализация высвобождающегося движимого и недвижимого военного имущества;

– реализация продуктов утилизации;

– реализация лома и отходов драгоценных и других видов металлов;

– предоставление в аренду пустующих и временно свободных зданий и сооружений, земельных площадей и водных объектов и др.

Современный опыт Вооруженных сил, опыт Вооруженных сил СССР, царской армии и армий развитых государств, показывают, что участие военных учреждений в предпринимательской и иной приносящей доход деятельности является объективным явлением, независящим принципиально от конкретной социально-экономической и политической системы общества. В условиях ограниченного бюджетного финансирования, вызванного экономическими трудностями в государстве, роль дополнительных финансовых источников ресурсного обеспечения национальной обороны существенно возрастает. Поэтому представляется целесообразным разработать в законодательном порядке соответствующую нормативно-правовую базу для привлечения Вооруженных сил к изысканию дополнительных финансовых источников их собственного ресурсного обеспечения. Но, при этом нельзя забывать о главном предназначении Вооруженных сил, Министерства обороны и их бюджетных учреждений и превращать их в коммерческие структуры.

М.С. Львова, М.Е. Муслова

ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА, МЕСТО И РОЛЬ В ЭКОНОМИКЕ

Понятие (сущность) домашнего хозяйства

Домашнее хозяйство следует рассматривать *в качестве исходной (фундаментальной) экономической категории*, из которой разворачивается экономический анализ и понятийный аппарат теоретико-экономической науки.

Вместе с тем в литературе понятие «домашнее хозяйство» не имеет строгого значения, употребляется для выражения разнородных объектов и явлений. Это затрудняет определение того, что же следует понимать под домашним хозяйством в каждом конкретном случае. Представляется, что использование в научном обороте расширительной трактовки термина «домашнее хозяйство» не является случайным. Это:

1) свидетельство недостаточной проработки соответствующего категориального аппарата в экономической науке, «молодости» теории домашнего хозяйства;

2) выражение широкого спектра существующих в науке точек зрения, сосуществования различных научных парадигм, подходов и традиций в рассмотрении проблем домашнего хозяйства (плюрализма в науке);

3) признак междисциплинарного объекта, рассматриваемого каждой наукой под своим углом зрения (внимание акцентируется на тех или иных характеристиках домашнего хозяйства; наряду с экономической теорией домашнее хозяйство и семью изучают также институциональная экономика, экономическая социология, экономическая антропология, социальная статистика, экономическая психология, социология семьи, экономическая демография, история экономики и другие науки);

4) характеристика природы домашнего хозяйства как сложного социального объекта (социологические категории и объекты обладают спецификой, а именно: всегда выступают как единство субъективного и объективного, подразумевают анализ характеристик субъекта и его деятельности; диалектичны и историчны, характеризуются постоянными изменениями, причем более быстрыми темпами изменений по сравнению с природой, а также находятся в сложной взаимосвязи с социальной системой);

5) отражение процесса развития самого объекта исследования, представлений о домашнем хозяйстве, которые носят конкретно-исторический характер.

Понимание домашнего хозяйства определяется конкретно-историческими условиями. Для различных социально-экономических систем характерны различные типы домашнего хозяйства – домашнее хозяйство доиндустриального, индустриального и переходного к постиндустриальному обществу, – различающиеся по структуре, функциям, целям, месту и роли в системе общественного воспроизводства.

Уточнение понятия «домашнее хозяйство» представляется самостоятельной задачей, имеющей методологическое и практическое значение.

В качестве универсального определения домашнего хозяйства, которое фиксировало бы его самую глубокую и неизменную сущность, можно принять следующее.

Домашнее хозяйство – это обособленная на базе собственных (и привлеченных) ресурсов хозяйственная и социально-культурная деятельность, организованная семьей (а также индивидом или группой индивидов) для обеспечения жизнедеятельности (индивидуально-семейного воспроизводства), определяемая спецификой целей, функций и межличностных отношений.

Оно представляет собой исходный и низший уровень хозяйственной организации и определенным образом взаимодействует с внешней средой, соотносится с другими подсистемами и уровнями экономики, является важнейшей ее функциональной подсистемой.

Домашнее хозяйство в разных науках и научных школах

Имеющее место различие в подходах к пониманию домашнего хозяйства в разных науках и научных школах выглядит следующим образом.

Экономическая статистика (в соответствии с определением, принятым Международной организацией труда), определяет домашнее хозяйство как единицу, состоящую из одного или более лиц, объединенных общим бюджетом и местом проживания, сообща удовлетворяющих свои потреб-

© М.С. Львова, М.Е. Муслова, 2006

ности в продовольствии и других предметах первой необходимости (Современные международные рекомендации по статистике труда / МОТ. – М., 1994. – С. 101).

Данное определение является широко распространенным. Однако ученые отмечают, что оно не учитывает новых реалий сегодняшнего дня, связанных с формирование иных бюджетных отношений внутри семьи на принципах разделения бюджетов. Согласно с данного определения под категорию домашнего хозяйства не подпадают люди, проживающие вместе, но имеющие отдельный друг от друга бюджет.

Экономическая теория в основу определения закладывает функционально-целевой критерий. Так, согласно определению «экономикс» домашнее хозяйство – это важнейший субъект экономического воспроизводства, выполняющий специфические функции, связанные с обеспечением экономики ресурсами, с получением доходов и их распределением, с потреблением и сбережениями (экономией).

Также домашнее хозяйство наряду с фирмами идентифицируется как частный сектор (частный бюджет) экономики в отличие от государственного сектора (бюджета) (*Макконнелл К.Р., Брю С.Л.* Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2 т. – М., 1992. – Т. 1. – С. 105–108).

В других случаях в определении домашнего хозяйства акцент делается также на социальных функциях и внутренних функциях. Домашнее хозяйства рассматривается как такая «техническая, социальная, экономическая и экологически ориентированная единица, которая удовлетворяет внутренний спрос и самостоятельна при принятии решений и рисков» (Экономика предприятия: Пер. с нем. – М., 1999. – С. 19).

С позиций «новой экономики домашнего хозяйства» домашнее хозяйство трактуется как производственно-потребляющая организация (предприятие) (*Эренберг Р.Дж., Смит Р.С.* Современная экономика труда. Теория и государственная политика. – М., 1996. – С. 241–248; *Беккер Г.С.* Избранные труды по экономической теории. Человеческое поведение. Экономический подход. – М., 2003. – С. 158–167).

Также перспективным (и вместе с тем наименее исследованным в экономической науке) представляется развитие политико-экономического подхода к изучению домашнего хозяйства, предполагающего рассмотрение функционирования домашнего хозяйства по фазам производства распределения, обмена и потребления (т.н. воспроизводственный подход), с позиций экономических интересов, отношений собственности, трудовой теории стоимости, в системе координат «базис-надстройка», «производительные силы – производственные отношения».

Экономическая демография определяет домашнее хозяйство как основную демографическую единицу. В данном случае «домашнее хозяйство» выполняет основополагающую воспроизводственную (репродуктивную) функцию. «Домашнее хозяйство» и «семья» выступают как тождественные понятия.

Институциональная экономика трактует домашнее хозяйство как особый механизм регулирования, формирующий мотивацию и осуществляющий контроль за поведением, как институт, регулирующий отношения его членов друг с другом и с окружающим социумом. В его рамках определяются пределы и последовательность доступа к ресурсам, дифференцируются хозяйственные права и обязанности его членов, вырабатываются правила и нормы поведения для своих членов.

Также домашнее хозяйство выступает как механизм адаптации к внешним изменениям, который проявляется в перестройке структуры, способа организации домашнего хозяйства (*Олейник А.Н.* Институциональная экономика. Учебное пособие. – М., 2005. – С. 375–386; *Поллак Р.* Трансакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства // THESIS. – 1994. – №6. – С. 50–76).

В соответствии с институциональным подходом домашнее хозяйство может строиться также и на иных бюджетных отношениях, т.е. не обязательно предполагает общий бюджет (в отличие от экономико-статистического подхода).

Экономическая социология определяет домашнее хозяйство как первичную социальную организацию. Его члены объединены общими целью, деятельностью, интересами, находятся в непосредственном устойчивом личном общении друг с другом, что является основой возникновения эмоциональных отношений и особых групповых ценностей и норм поведения. Домашнее хозяйство имеет общую социально-естественную основу объединения (кровное родство, общность территории и т.д.).

Домашние хозяйства характеризуются различием положения по множеству критериев, определяются как «область неравенств» (*Заслав-*

ская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Очерки теории. – М., 1991. – С. 362–378). Использование метода социологии дает основание для выделения и учета различных типов домашнего хозяйства, а также позволяет в известной мере снять проблему «неизмеримости» домашних хозяйств.

Экономическая психология рассматривает психологические механизмы и процессы, лежащие в основе поведения домашних хозяйств как субъектов экономики и принятия людьми экономических решений (решений в сфере и на рынке труда, на потребительском рынке, в сфере сбережений и других сферах), сопровождающихся широким диапазоном психологических реакций.

Практическое использование знаний в области экономической психологии может позволить минимизировать негативное влияние фактора непредсказуемости и неопределенности в хозяйственной практике, связанной с человеческими действиями. Особое значение имеет изучение социокультурных особенностей национальной экономической психологии.

История экономики определяет домашнее хозяйство как общественно-экономическую систему, характеризующуюся определенной социально-экономической и организационной формой ведения хозяйства, т.е. как исторический тип хозяйства (*Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства. – Пг., 1918; *Вебер М.* История хозяйства. Город. – М., 2001).

Поскольку первые исторические формы домашнего хозяйства были тесно связаны с земледелием, то в соответствии с историко-генетическим определением домашнее хозяйство – это натуральное хозяйство, связанное с производством продуктов для собственного потребления, самообеспечением, самозанятостью. Как синонимы в данном случае в литературе используются понятия «домашний способ производства», «семейный способ производства».

Экономическая антропология рассматривает домашнее хозяйство как важнейшую жизненную форму, созданную в процессе естественной эволюции (и определяемую природными, антропологическими особенностями человека, его активно преобразующей деятельностью), которая обусловливает способ удовлетворения базовых потребностей, реализацию установок, идей и ценностей личности, организует и регулирует отношения между людьми.

Природные, антропологические особенности представляются в качестве существенного фактора влияния на производственно-экономическую деятельность и экономические отношения через сферу потребностей, стимулов и мотивов, трудовую деятельность.

Важным источником эволюции экономических форм и экономического поведения являются наблюдения за реликтовыми культурами народов, стоящих или стоявших на более низкой, первобытной стадии развития, т.е. данные этнологии (культурной антропологии) (*Салинз М.* Экономика каменного века. – М., 1993; *Арсеньев В.Р.* Бамбара: люди в переходной экономике. Очерк традиционной организации хозяйственной деятельности. – СПб., 1997).

Домашние хозяйства и домашний сектор как объекты научного анализа обладают известной спецификой. «Проникновение» в структуру данной сферы и достижение точной оценки происходящих в ее рамках процессов возможно только на основе использования междисциплинарных подходов.

Структура домашнего хозяйства

Структурные элементы домашнего хозяйства могут быть описаны в виде следующих характеристик:

– субъекта домашнего хозяйства;

– домохозяйственной деятельности;

– домохозяйственных отношений;

– ресурсов (включая имущество) домашнего хозяйства;

– пространственных и временных характеристик домашнего хозяйства.

Домашнее хозяйство как социально-экономический субъект и его уровни

Домашнее хозяйство как субъект представляют семья, индивид или группа индивидов.

Иначе говоря, субъекты домашнего хозяйства выступают в качестве 1) индивидуальных или 2) групповых (коллективных). Коллективные домашние хозяйства, в свою очередь, разделяются по критерию наличия семейно-родственных связей (их обязательности/необязательности) или иных оснований внутриколлективных связей:

1) семейные домашние хозяйства (одна семья или группа семей, проживающих вместе) и 2) коллектив, члены которого не связаны кровно-родственными связями («жилые сообщества», мо-

настырские хозяйства, коммунарские общины, организации некоммерческого характера).

Субъектная структура домашнего хозяйства тесно взаимосвязана с его функциональной, материально-вещественной (имущественной) структурами, во многом их определяет.

В методологическом плане принципиальное значение имеет решение вопроса о том, какой тип субъекта домашнего хозяйства следует принять в качестве основного (по значимости решение этого вопроса имеет отношение к изменению парадигмы экономической теории).

На наш взгляд, это должна быть, во-первых, группа, и во-вторых, семейное домашнее хозяйство (семейная группа). В парадигмальном плане это означает 1) акцент не на индивида, а на группу-коллектив (противопоставление принципу «методологического индивидуализма» принципа «методологического коллективизма/коммунитаризма») и 2) акцент на семейные ценности.

Семейное домашнее хозяйство пока является доминирующей формой организации.

Семья (семейное домашнее хозяйство) как хозяйственно-культурный организм в наибольшей степени реализует присущие только ей (специфические) функции в системе общественного воспроизводства. Это означает, что семейное домашнее хозяйство является по существу единственно полноценной единицей индивидуально-семейного и общественного воспроизводства.

Принятие семьи в качестве основной формы является принципиальным с позиций ценностного отношения к семье, необходимости сохранения семейного образа жизни. Такие процессы, как трансформация семейных ценностей, ценности детей, кризис семьи в целом, со всей очевидностью проявляющиеся в современной экономике, ставят под вопрос (сомнение) саму возможность нормального воспроизводства общества (демографического и социокультурного), социальные результаты экономического «прогресса», и соответственно, требуют переосмысления сложившейся экономической теории и практики (принципиальной смены парадигмы экономической теории).

Вместе с тем следует избегать упрощения, а, следовательно, на практике необходимо учитывать различные типы домашних хозяйств.

Также домашнее хозяйство как социально-экономический субъект по функциональному основанию может быть представлено в виде предприятия (индивидуальное, семейное, надомное предприятие), демографической, социокультурной, потребительской, экологической, политико-правовой единицы.

Принципиальным является различение уровней рассмотрения домашнего хозяйства как субъекта.

1. Домашнее хозяйство как отдельное (единичное) хозяйство.

2. Домашнее хозяйство как совокупность домашних хозяйств (домашний сектор).

3. Домашнее хозяйство как субъект экономики.

Домашнее хозяйство как отдельное (единичное) хозяйство представляет собой специфическую социальную организацию, обеспечивающую индивидуально-семейное воспроизводство через определенный способ и порядок удовлетворения потребностей (в зависимости от того, является домашнее хозяйство производственно-потребляющим или потребляющим), преследующую достижение определенных социально-экономических и социокультурных целей, синергетических эффектов, обращенных, прежде всего вовнутрь (по отношению к себе). Сущность домашнего хозяйства как организации не исчерпывается целями производства и потребления, а раскрывается через весь набор реализуемых им функций.

Рассмотрение домашнего хозяйства как организации и ее внутренней структуры соответствует наноуровню экономики, обозначаемому, в частности, понятием «экономика физических лиц».

Домашнее хозяйство как совокупность домашних хозяйств (домашний сектор) представляет собой структуру, в рамках которой складываются устойчивые контакты, взаимовыгодный обмен на неформальной основе («сетевая экономика», «экономика взаимопомощи»).Взаимодействие домашних хозяйств в рамках домашнего сектора представляет собой еще один самостоятельный уровень экономики.

Роль обмена в рамках домашнего сектора актуализируется в аспекте рассмотрения национальной специфики общества на определенной стадии его исторического развития: в условиях доминирования отношений «традиционного общества», в условиях экономического кризиса, а также в условиях современной системной трансформации общества, характеризующейся переходом к новым принципам общественно-экономического устройства, и в этой связи, усилением субъект-субъектных отношений, т.е. вза-

имодействий без посредства рынка, формированием неформальных структур.

Домашнее хозяйство как субъект экономики рассматривается (в отличие от рассмотрения домашнего хозяйства как организации) во взаимосвязи и соотношении 1) с элементами внешней среды; 2) с другими субъектами экономики (государство, деловые предприятия, общественные организации). Характеристики домашнего хозяйства как субъекта экономики раскрывают понимание домашнего хозяйства как важнейшей функциональной системы экономики.

Имеет место отличие домашнего хозяйства как субъекта экономики по характеру протекания процессов. Домашнее хозяйство как субъект складывается стихийно и медленно в ходе естественно-исторической эволюции. В то время как деловые предприятия и государство формировались сознательно, планомерно, т.е. при посредстве управления.

Традиционно выделяют также следующие уровни функционирования домашнего хозяйства как субъекта экономики (взаимодействий с внешней средой, с другими субъектами экономики): 1) уровень микроэкономики; 2) уровень мезоэкономики (региональная экономика); 3) уровень макроэкономики; 4) уровень мегаэкономики (мировая экономика).

На микроэкономическом уровне исследуются закономерности поведения (механизм принятия экономических решений) домашних хозяйств как субъектов рынка (поведение на рынке труда, потребительском рынке, рынке капиталов, рынке земли и др.), а также способы воздействия государства на домохозяйства с целью достижения сбалансированности по отдельным рынкам и общественного благосостояния.

Домашние хозяйства как микросубъекты осуществляют взаимодействия с деловыми предприятиями (фирмами) – через рынок товаров и услуг и через рынок ресурсов, – обеспечивая движение потоков (кругооборот) товаров, ресурсов и доходов. При этом они выступают как субъекты рыночного спроса и предложения.

На макроэкономическом уровне домашнее хозяйство представлено в агрегированном виде (как население), как социально-групповая структура, как не-организация (в отличие от государства, деловых предприятий и общественных организаций).

Поведение домохозяйств как макросубъекта отражает положение населения (расслоение общества по имущественному признаку, уровню доходов, образования и др.) и его экономические интересы, оказывает существенное влияние на национальную экономику (является экономическим фактором, способствующим или препятствующим развитию).

В макроэкономической теории домашнее хозяйство представлено уже как субъект совокупного спроса и предложения (а не индивидуального или рыночного), как доходно-расходная группа. Функциональное соотношение между потреблением и сбережениями домашних хозяйств рассматривается как элемент макроэкономического равновесия.

На мезоэкономическом уровне предполагается рассмотрение домашнего хозяйства в зависимости от 1) типа поселения (городское и сельское домашнее хозяйство); 2) отраслевой структуры и специализации региона.

Данный аспект анализа домашнего хозяйства отражает естественные процессы изменений в пространственном размещении экономики под влиянием процессов урбанизации (а также процессов деурбанизации в современных условиях). Он чрезвычайно актуален в современных условиях, позволяет раскрыть процессы изменений в пространственном размещении экономики и связанную с этим динамику (изменение состояния) домашних хозяйств в результате глубоких изменений в экономике в глобальном и национальном масштабах.

На мегаэкономическом уровне рассматриваются изменения состояния домашних хозяйств в системе мирохозяйственных связей, в связи с интернационализацией и глабализацией экономики. Методологической основой анализа является теория абсолютных и сравнительных преимуществ (а также теория конкурентных преимуществ в современных условиях). В современных условиях чрезвычайно актуальным представляется изучение роли домашних хозяйств в повышении конкурентоспособности национальной экономики.

Н.А. Храмова

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ БЛАГ ПО УРОВНЯМ ИХ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ

В настоящее время экономическая наука все больше внимание уделяет исследованию проблем, связанных с местом и ролью государства в экономике. Причем сфера деятельности государства все больше переносится с макро- на мезоуровень. Не случайно, в последнее время, появляется так много работ, посвященных муниципальной и региональной экономике.

Особую актуальность приобретает вопрос обеспечения потребителей общественными благами.

В качестве основного средства решения этой основополагающей проблемы министры предлагают реализовать принцип разделения затрат между заинтересованными сторонами: населением, муниципальным образованием и государством. Наиболее ярко эта тенденция прослеживается в сферах транспорта и ЖКХ, где экономические блага оплачиваются государством лишь в части своей «общественности». Зачастую такая политика приводит к тому, что население недополучает необходимое экономическое благо, на муниципальном образовании лежит ответственность за непредставление этого блага, а государство вместо предполагаемых положительных внешних эффектов имеет лишь социальную напряженность.

Общественные блага удовлетворяют объективные потребности субъектов различных масштабов. Поэтому в отличие от производства чистых частных благ, которые удовлетворяют индивидуальные потребности, производство общественных благ – это реализация общественных интересов разных уровней. Можно выделить следующие причины, обуславливающие локализацию общественных благ на разных уровнях децентрализации:

– природно-климатические условия;

– локальный характер производства и потребления некоторых общественных благ;

– локализация выгод, порождаемых общественным благом;

– неразрывность производства и потребления;

– местный характер распределения благ;

– социально-экономическая структура населения;

– демографическая ситуация (будет оказывать влияние на перераспределения общественных благ внутри структуры);

– уровень жизни (включая минимальное обеспечение общественными благами, гарантируемое Конституцией);

– исторические и культурные, национальные особенности населения разных территорий территории.

На наш взгляд можно выделить 5 уровней локализации производства и потребления общественных благ: глобальный, государственный, региональный, муниципальный и коллективный.

Глобальные блага сопряжены с протекающими в мировой экономике процессами интеграции и глобализации. Они предоставляются международными или некоммерческими организациями и направлены на достижение положительных и подавление отрицательных внешних эффектов, повлиять на которые в рамках конкретного государства является затруднительным, либо затрагивают интересы нескольких государств. Примерами таких благ являются открытые торговые системы, хорошо определенные права собственности, единицы измерения общих стандартов, включая международные деньги, последовательная макроэкономическая политика, адекватные действия в случае экономических кризисов, стабильность обменных курсов, а также либеральный международный экономический порядок [1, с. 40]. Государственные блага представляют собой либо минимальный стандарт социальных благ, обеспечение которыми закреплено в Конституциях стран (бесплатное среднее образование, правоохранительная деятельность и т.д.), либо блага, которые целесообразно производить централизованно (например, национальная оборона, законодательство). Региональные блага имеют место в том случае, если децентрализация на местном уровне, также как и централизация на федеральном оказывается неэффективной. К данной категории благ относятся междугородние перевозки, газификация и электрификация региона, охрана памятников регионального значения и т.д. Муниципальные и районные блага основаны на эффективности децентрализации и малом

© Н.А. Храмова, 2006

ареоле пользы от потребления данных благ. Более подробно блага, входящие в данную группу будут рассмотрены ниже. Коллективные блага не предполагают государственного или муниципального участия и основаны на концепции селективных (избирательных) стимулов, предложенной М. Олсоном [3]. У таких благ, как правило, достаточно узкие границы несоперничества, а неисключаемость не распространяется на тех, кто в данную группу не входит. Примерами таких благ являются услуги, предоставляемые товариществами собственников жилья и территориальными общественными самоуправлениями.

Каждый уровень имеет свои отличительные особенности, хоть сущность их функционирования совпадает. Все уровни общественного сектора функционируют в тех сферах, в которых деятельность рыночных структур нерентабельна. Уровень предоставления общественного блага определяется, во-первых, степенью однородности потребителей блага и, во-вторых, возможностью производства и финансирования блага.

Особенности муниципального уровня общественного сектора связаны с особенностями производства и предоставления муниципальных общественных благ. В научной литературе такие блага получили название «локальных общественных благ», под которыми понимаются «блага, специфические для любого отдельно взятого географического местоположения» [1, с. 699].

Муниципальные образования характеризуются той общей чертой, что внутренние различия в развитии и размещении производительных сил и населения здесь не играют существенной роли. В отличие от региональных систем муниципальные всегда занимают сравнительно малую, ограниченную территорию. Высокая концентрация производства и населения, малые расстояния между элементами, развитие скоростных транспортных сообщений способствуют созданию в такой системе единой и целостной среды для жизнедеятельности совместно проживающего населения, для развития других ее элементов и компонентов [4, с. 31]. Жителям муниципальных образований услуги этой системы доступны лишь в те моменты времени, когда они находятся на территории данного муниципалитета. Следовательно, хотя формально они не исключены из числа пользователей муниципального блага, оно доступно им лишь частично. Для муниципальных общественных благ характерны сравнительно узкие границы несоперничества, а неисключаемость не распространяется на тех, кто в местное сообщество не входит. Поэтому, в целях более эффективного удовлетворения потребностей в этих благах необходимо, чтобы масштабы, в которых они поставляются, соответствовали численности потребителей – населению муниципального образования, а при дефиците бюджетных средств, чтобы численность потребителей соответствовала тому объему благ, который муниципалитет в состоянии поставить, и не увеличивалась.

В отношении благ, пригодных для совместного потребления в широких, но конечных пределах, возникает проблема выбора: либо предоставлять их в качестве чистых общественных благ, открывая свободный доступ для всех желающих, либо вводить усредненные цены, либо идти на увеличение издержек, добиваясь строгого соответствия спросу.

Теоретически приоритеты формирования муниципального хозяйства определяют сами жители муниципального образования, выдвигая своих представителей в местные органы самоуправления.

Почти все производимые при участии муниципалитета блага носят характер смешанных общественных благ. К смешанным общественным благам относятся товары и услуги, которые производятся и поставляются на основе сотрудничества и разделения функций между государством и предпринимательским либо частным некоммерческим сектором. Это касается как источников финансирования, так и выполнения конкретных работ.

Однако, зачастую в реальной жизни, разграничение чисто общественных, смешанных и даже частных благ затруднено. Это объясняется тем, что в чистом виде редко выполняются условия, по которым общественные блага выделяются среди ряда других. Такое выделение в основном зависит от политической и экономической системы государства, уровня экономического развития, социально-экономической политики, что, в свою очередь, определяет особенности общественного сектора экономики, его структуру и масштабы.

Смешанный характер муниципальным благам придает также то обстоятельство, что в большинстве своем они являются инфраструктурными. А значит, населением потребляются частные блага, но обеспечение такими благами носит общественный характер.

Таким образом, муниципальные блага, как экономическая категория, – это блага, предостав-

ление которых, обусловливается потребностями в обеспечении жизнедеятельности населения конкретного муниципального образования как относительно однородной группы потребителей, а потребление обусловлено принадлежностью к этой группе.

Применение данной категории в рамках концепции общественных благ указывает на специфику их локального производства и потребления определенной большой группой или коллективом в лице жителей муниципального образования.

Библиографический список

1. *Hausken K., Plumper T.* Hegemons, Leaders and Followers: A Game – Theoretic Approach to the Postwar Dynamic of International Political Economy // Journal of World- System Reserch. – 1997. – Vol. 3. – №1.

2. *Аткинсон Э.Б., Стиглиц Дж.Э.* Лекции по экономической теории государственного сектора. – М., 1995.

3. *Олсон М.* Логика коллективных действий. – М., 1995.

4. Экономика муниципальных образований: Учебное пособие / Под ред. В.Г. Игнатова. – М., 2005.

Е.А. Блохина

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РОССИИ

В современных условиях под кредитом (от лат. credo – доверяю, верю) понимается сделка между юридическими или физическими лицами о предоставлении кредита или ссуды. Так, в Гражданском кодексе РФ (часть II, ст. 819) записано, что по кредитному договору банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуется предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заёмщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты за неё.

Из этого следует, что кредитные отношения являются частью денежных отношений. Причём это такие денежные отношения, которые характеризуются возвратным движением стоимости. Следовательно, кредит выражает производственные отношения, при которых хозяйствующие субъекты, государство, организации и отдельные граждане передают друг другу стоимость на условиях возвратности во временное пользование.

Под кредитными отношениями подразумеваются все денежные отношения, связанные с предоставлением и возвратом ссуд, организацией денежных расчетов, эмиссией наличных денег, кредитованием инвестиций, использованием государственного кредита и частично совершением страховых операций. Деньги используются как средство платежа всюду, где присутствует кредит. Даже в тех случаях, когда заемщик получает ссуду в товарной форме, она оформляется в виде денежного кредита, например, в виде отсрочки или рассрочки оплаты товаров, работ и услуг.

Кредит – категория рыночная. Рынок должен обслуживаться особым фондом денежных средств, которые могут предоставляться заёмщикам на условиях возвратности. Такой фонд денежных средств называется ссудным фондом общества. Следовательно, формой движения ссудного фонда и является кредит. На макроуровне движение ссудного фонда отражает двуединый процесс кредитных отношений. Иначе говоря, в ссудном фонде одновременно отражаются и средства, мобилизованные кредитной системой, и средства, размещенные на возвратных началах.

Кредитные ресурсы постоянно загружены, т.е. предоставлены кому-то в ссуду. Поэтому ссудный фонд всегда отражается в финансовом балансе всего хозяйства – и по активу, и по пассиву. Например, свободные денежные средства на расчётном счёте организации и её задолженность банку по кредиту – частицы единого ссудного фонда. Отсюда следует, что для ссудного фонда характерно равновеликое или сбалансированное наличие кредитных ресурсов и размещение их в виде ссуд.

Важное место в системе кредитных отношений занимает ипотечный кредит. Ипотечный кредит – это долгосрочные ссуды, выдаваемые банками под залог недвижимого имущества (земли и строений). Название кредита происходит от слова ипотека (англ. *hipothecation*). Это форма залога товаров, при которой заемщик сохраняет за собой владение и право собственности на закладываемый объект.

Объективная необходимость ипотечного кредита обусловлена особенностями кругооборота капитала. Такими являются:

© Е.А. Блохина, 2006

– постоянное образование денежных ресурсов и возникновение временных дополнительных потребностей в них;

– различная продолжительность оборота средств;

– тесное переплетение наличного и безналичного оборота средств;

– экономическая обособленность организаций.

Необходимость ипотечного кредита обусловливается и тем, что на его основе осуществляется эмиссия денег как платежных средств. Поэтому считается, что кредит – отец всех денег, а эмиссия – их мать. Любая эмиссия – наличная или безналичная – результат кредитной операции. Прирост эмиссии – это в то же время и прирост ресурсов ссудного фонда. Но этот ресурс должен строго ограничиваться потребностями нормального денежного оборота с учётом действия закона денежного обращения.

Для того чтобы возможность ипотечного кредита стала реальностью, требуются определенные условия:

1) участники кредитной сделки должны выступать как субъекты, материально гарантирующие выполнение обязательств, вытекающих из экономических связей;

2) кредит становится необходимым в том случае, если происходит совпадение интересов кредитора и заемщика.

Субъектами ипотечных кредитных отношений являются организации, государство, население и банки, которые выступают как кредитор или как заемщик. В современном хозяйстве один и тот же субъект может выступать одновременно и как кредитор, и как заемщик.

Для ипотечного кредита характерно:

1. Долгосрочность ссуды, как правило, более 5 лет.

2. Оставление заложенного имущества в собственности должника, который продолжает его эксплуатировать.

3. Регистрация залога в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество.

4. Возможность получения дополнительных ссуд под залог одного и того же имущества (под вторую, третью и т.д. закладные), если ценность имущества не исчерпана предыдущими закладными и должник имеет возможность уплачивать проценты и погасить долг.

Согласно ст. 13 Федерального закона РФ 1998 г. «Об ипотеке (залоге недвижимости)» закладная удостоверяет права залогодержателя по обеспеченному ипотекой обязательству и по договору об ипотеке. Закладная является именной ценной бумагой и удостоверяет следующие права ее владельца:

– право на получение исполнения по денежному обязательству, обеспеченному ипотекой имущества, указанного в договоре об ипотеке;

– право залога на указанное в договоре об ипотеке имущество;

– обязательными по закладной лицами являются должник по обеспеченному ипотекой обязательству и залогодатель.

Закладная составляется залогодателем, а если он является третьим лицом, также и должником по обеспеченному ипотекой обязательству.

5. Возврат ссуды в случае несостоятельности должника из выручки за проданное имущество в порядке очередности регистрации залога.

Заемщиками по ипотечному кредиту выступают юридические и физические лица. Заемщик, предоставивший свое недвижимое имущество в залог, называется залогодателем.

Кредиторами в сделках выступают, как правило, банки, специализирующиеся на выдаче долгосрочных ссуд под залог недвижимости: ипотечные, земельные, сельскохозяйственные и другие банки. Кредитный институт, выдавший ссуду под залог, называется залогодержателем.

Кредитные ресурсы для выдачи ипотечных кредитов банки формируют из двух источников:

1. Собственные накопления.

2. Выпуск ипотечных облигаций, размещаемых на рынке ценных бумаг.

В РФ отношения, возникающие при выпуске, эмиссии, выдаче и обращении ипотечных ценных бумаг, за исключением закладных, регулируются Федеральным законом 2003 г. «Об ипотечных ценных бумагах». Согласно закону к ипотечным ценным бумагам относятся облигации с ипотечным покрытием и ипотечные сертификаты участия.

Облигация с ипотечным покрытием – это облигация, исполнение обязательств по которой обеспечивается залогом ипотечного покрытия. Ипотечное покрытие могут составлять только обеспеченные ипотекой требования о возврате основной суммы долга и об уплате процентов по кредитным договорам и договорам займа, в том числе удостоверенные закладными и ипотечные сертификаты участия.

Ипотечный сертификат участия – это именная ценная бумага, удостоверяющая долю ее вла-

дельца в праве общей собственности на ипотечное покрытие.

Получив денежные средства от продажи облигаций, ипотечный банк выдает кредит заемщикам, задолженность которых остается в активе баланса банка в течение всего срока действия кредитного договора.

Поэтому ипотечная облигация имеет двоякое обеспечение:

1. В виде денежной задолженности заемщика по ипотечной ссуде, т.е. будущих денег, которые поступят в банк при возврате заемщиком кредита.

2. В виде заложенного имущества, которое банк мог бы продать при нарушении заемщиком запланированных сроков погашения ипотечной ссуды.

Такой порядок формирования и использования ресурсов ипотечного кредитования характерен для кредитных систем многих европейских государств.

М.А. Воронина

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ ФОНДОВОГО РЫНКА: СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Широкое внедрение в начале 1990-х годов систем торговли финансовыми инструментами, реализуемыми при помощи Интернета, привлекло на фондовый рынок десятки миллиардов долларов индивидуальных инвесторов. В результате существенно изменилась структура отечественного фондового рынка, трансформировались выполняемые им функции. Однако наряду с новыми преимуществами торговля через Интернет несет и новые опасности, которые следует учитывать при регулировании российского фондового рынка.

История интернет-трейдинга в России началась практически вместе с появлением финансовых рынков. Технологии в России всегда занимали сильные позиции, и первые предложения интернет-систем на рынке появились, как только набрал обороты рынок государственных краткосрочных облигаций (ГКО). Однако эти системы не получили большого распространения: состояние Интернета и уровень доверия к нему инвесторов препятствовали этому, к тому же начинания пионеров интернет-трейдинга не были поддержаны биржами. Интернет-трейдинг стал активно развиваться благодаря созданию Московской межбанковской валютной биржей автоматического шлюза для ввода заявок и получения биржевой информации. Система интернет-торговли на ММВБ, использующая для подключения специальный электронный шлюз, начала функционировать в ноябре 1999 г. Преимущества интернет-торговли по сравнению с обычной схемой торгов оказались очевидными, и уже спустя несколько месяцев количество пользователей системы стало стремительно расти.

В результате структура финансового рынка в России, имеющего, прежде всего, спекулятивный характер, а также доминирующие позиции ММВБ сформировали уникальный для мировых рынков профиль российских систем интернет-трейдинга.

Обслуживая относительно небольшое количество инвестиционных счетов, российские интернет-торговые системы предоставляют своим клиентам возможности, вполне сопоставимые с теми, что имеет трейдер, работая у биржевого терминала; они разительно отличаются от аналогичных систем на Западе, ориентированных на инвесторов, совершающих не более одной – двух сделок в месяц, но обслуживающих сотни тысяч счетов. Первое поколение интернет-брокерских систем фактически представляло собой удаленные интернет-терминалы ММВБ.

Активы клиентов брокера учитывались на ММВБ на едином сводном счете, что дало возможность брокерам предложить клиентам услугу маржинального кредитования (предоставления средств в размере большем, чем находится на счете клиента). Введение такой услуги сильно усложнило интернет-торговые системы: на них легли дополнительная функция расчета достаточности собственных активов клиента для обеспечения обязательств перед брокером, а также контроль сложной системы лимитов, позволяющих брокеру предоставлять кредит, не выходя за рамки ограниченного риска. Системы, поддерживающие алгоритмы маржинального кредитования,

© М.А. Воронина, 2006

составили второе поколение интернет-брокерских систем.

Развитие российского финансового рынка требовало расширения функций интернет-торговых систем. Вслед за ММВБ шлюзы открыли и другие биржи – МФБ, РТС, биржа «Санкт-Петербург». И, следуя за развивающимся рынком, появилось новое поколение брокерских систем, предоставляющих клиентам возможность работать на нескольких торговых площадках. С первого взгляда, относительно простая задача обслуживания счетов в режиме «он-лайн» (реального времени), открытых в разных биржевых торговых системах, на практике стала сложной проблемой: кроме возможности вводить заявки, клиенту необходимо (также в режиме «он-лайн») управлять своими денежными средствами, ценными бумагами, получить доступ к кредитам на одной торговой площадке под залог активов на другой и т.д. Даже сегодня далеко не все интернет-брокерские системы предоставляют достаточно функций для полноценной работы на нескольких торговых площадках. Системы же, в полной мере реализующие концепцию единого брокерского (торгового) счета, представляют собой третье поколение интернет-брокерских систем.

Стирая географические границы, Интернет сделал московские биржи доступными региональным компаниям так же, как и москвичам. Все крупнейшие интернет-брокеры предоставляют специальный «пакет функций» для профессиональных участников фондового рынка, позволяющий инвестиционным компаниям обслуживать через интернет-системы своих клиентов, создавать дилинговые центры, пробовать свои силы в интернет-брокерском бизнесе. Дополнительные услуги, доступные субброкерам в той или другой системе, сильно отличаются, однако все такие системы можно отнести к четвертому поколению интернет-брокерских систем.

В настоящее время большое количество брокеров предлагают на фондовом рынке услуги интернет-трейдинга, и конкуренция между ними усиливается. Это заставляет брокеров не только создавать новые системы, но и совершенствовать технические и технологические параметры уже существующих систем, расширять их функциональные возможности.

Другой структурно-функциональной особенностью российского интернет-трейдинга стала мультиплощадочность (работа сразу на нескольких торговых площадках) и мультиинструментальность (проведение одновременных операций с несколькими видами ценных бумаг и контрактов). При этом даже при одной интернет-брокерской системе появляется возможность не только проводить операции на разных биржах, но и пользоваться принципиально различными инструментами.

Кроме добавления рынков и площадок в интернет-брокерских системах появился целый ряд дополнительных функций, востребованных инвесторами: новостные ленты, графика, встроенные конверторы данных в профессиональные продукты технического анализа, опции для управления маржинальной торговлей и многое другое. Сегодня функциональность терминалов интернет-брокерских систем во многом обогнала функциональность удаленных биржевых терминалов, и клиенты брокеров во многом чувствуют себя комфортнее, чем трейдеры компаний – профессиональных участников.

Одновременно с началом применения новых торговых систем впервые в России страховые агентства предлагают страховать риски, связанные с работой в Интернете, а именно – возможность технических сбоев и несанкционированного доступа к информации в процессе работы с системами.

Немаловажно учитывать, что революция в информационных технологиях, увеличение роли Интернета оказывают существенное влияние на инфраструктуру финансового рынка. Структура финансового рынка и функции его основных участников изменятся. Большая часть сделок через пять-десять лет будет проходить через Интернет, торговые залы в классическом понимании исчезнут, как это произошло на Лондонской бирже. Теперь вся торговля там осуществляется с использованием электронных торговых систем с экранов персональных компьютеров. По-видимому, дольше всего сохранится торговая площадка на Нью-Йоркской фондовой бирже, представляющей собой большой клуб, в существовании которого заинтересованы различные группы представителей финансового мира. Тем не менее, значительная часть бирж, в особенности меньших размеров, перейдет на электронную систему торгов. Все большее и большее число индивидуальных инвесторов будут покупать ценные бумаги через Интернет, через Интернет будут торговать и профессиональные биржевые брокеры.

Также на финансовом рынке обозначилась и усиливается тенденция к уменьшению числа

посреднических организаций. До сих пор инвесторам приходилось пользоваться услугами брокера, уплачивать достаточно высокие комиссионные. Сегодня множество индивидуальных инвесторов всерьез рассматривают возможность или уже приступили к осуществлению операций купли-продажи ценных бумаг, в основном акций, через Интернет со своего персонального компьютера.

Можно предположить, что через 5–10 лет произойдут существенные изменения в структуре участников рынка ценных бумаг. Профессиональные дилинговые компании станут в основном меньше; а значительная доля оборота финансовых инструментов будет приходиться на индивидуальных инвесторов. Одновременно сократится потребность в профессиональных инвестиционных специалистах. Благодаря этим тенденциям уже сейчас по всему миру рынки становятся более прозрачными, идет процесс их «демократизации». В результате конечным пользователям легче получить доступ к информации.

Д.Т. Корнилов, А.Ю. Мудревский

МЕХАНИЗМ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ В КРЕДИТОВАНИИ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Устойчивость экономической системы, эффективность функционирования реального сектора экономики во многом зависят от качественного состояния действующей в стране системы банковского кредитования. Реалии экономической обстановки в стране заставляют банки размещать дефицитные и дорогостоящие денежные ресурсы в операции, обеспечивающие наивысшую процентную маржу и быструю отдачу. Объем кредитного портфеля в активах банков составляет около 40%[1].

Кредитование относится к активным операциям коммерческих банков. В экономической теории под активами в широком смысле понимают будущие экономические выгоды, которые возможно получить в результате прошлых операций или сделок по приобретению имущества, а также предоставлению своего имущества во временное пользование третьим лицам. Активы коммерческого банка способны приносить прибыль при погашении требований и обязательств и этим выражают будущие экономические выгоды, которые принимают форму притока денежной наличности. По мнению ряда экономистов, активы коммерческого банка – это статьи бухгалтерского баланса, отражающие размещение и использование ресурсов коммерческого банка. Они образуются в результате активных операций с целью получения дохода, поддержания ликвидности и обеспечения функционирования банка[2].

Структура активов по срокам их размещения характеризует степень рискованности активных операций банка. Но главное значение при анализе имеет ее сопоставление со структурой пассивов по срокам привлечения на предмет их сбалансированности. В настоящее время в структуре срочных активов российских банков преобладают активы, размещенные на срок от 91 до 180 дней. Диверсифицированность вложений банка характеризует структура его активов по субъектам. Как правило, чем ниже степень концентрации ресурсов банка в одной группе, тем более надежным он считается.

В практике деятельности коммерческих банков активы делятся на приносящие доход и не приносящие доход[3]. Рассмотрим такое деление активов кредитных организаций, действующих в Ярославской области (табл.). Активы кредитных организаций и филиалов, расположенных на территории области, по состоянию на 1 января 2006 года составили 41798 млн. руб., увеличившись за год на 28,4%. Доля активов, приносящих доход, в валюте баланса составила 52,7% (22043 млн. руб.), а доля активов, не приносящих доход – 47,3% (19755 млн. руб.)[4].

Удельный вес активов, приносящих доход, в валюте баланса за 2005 год увеличился с 45,6% до 52,7%, а активов, не приносящих доход, снизился с 54,4% до 47,3%, что связано с превышением темпов роста активов, приносящих доход, (146,3%) над активами, не приносящими доход (109,8%) на 36,5%[5].

Удельный вес активов, приносящих доход, в валюте баланса кредитных организаций региона на 1.01.2004 г. увеличился с 59,4% до 62,6%, Север-

© Д.Т. Корнилов, А.Ю. Мудревский, 2006

Таблица

Структура активов банков, действующих в Ярославской области

Наименование показателей	01.01.2005		01.01.2006	
	млн. руб.	*темп роста к началу года*	млн. руб.	*темп роста к началу года*
АКТИВЫ, ПРИНОСЯЩИЕ ДОХОД, ВСЕГО	**15066**	***146,1***	**22043**	***146,3***
Кредитные вложения – всего	10001	169,5	15791	157,9
Вложения в ценные бумаги	5065	*115,7*	6236	*123,1*
Депозиты размещённые	0	*0*	12	*0*
Прочие размещённые средства	0	*0*	4	*0*
АКТИВЫ, НЕ ПРИНОСЯЩИЕ ДОХОД, ВСЕГО	**17992**	***132,6***	**19755**	***109,8***
Денежные средства на счетах в ЦБ и в кассе	1421	*120,7*	2293	*161,4*
Средства в банках и кредитных учреждениях	264	*145,9*	483	*1,8 раза*
Межфилиальные расчёты	14839	*144,0*	15325	*103,3*
Просроченные проценты	1	*7,1*	1	*100,0*
Дебиторская задолженность	194	*68,1*	207	*106,7*
Убыток	4	*57,1*	9	*2,3 раза*
Использование прибыли	42	*5,7*	29	*69,0*
Прочие активы	1227	*143,0*	1408	*114,8*
Валюта баланса	**33058**	***138,4***	**41798**	***126,4***

ного банка Сбербанка России – с 43,6% до 50,3%, филиалов кредитных организаций других регионов (без учёта Северного банка Сбербанка России) – с 46,5% до 55,8%. Увеличение доли активов, приносящих доход, в валюте баланса связано с ростом кредитных вложений на 57,9% и увеличением вложений в ценные бумаги – на 23,1%. Наибольший удельный вес в сумме активов, не приносящих доход, занимают межфилиальные расчёты – 78% или 15325 млн. руб. Их доля по сравнению с началом года снизилась с 82% до 78%, в абсолютной сумме увеличение составило 486 млн. руб.

Остатки средств на счетах в Центральном банке и в кассах кредитных организаций, действующих на территории области, по состоянию на 1 января 2004 года в сравнении с 1 января 2003 года увеличились на 872 млн. руб., их доля в общей сумме активов, не приносящих доход, увеличилась с 8% до 12%.

Для оценки эффективности размещения средств используют следующие коэффициенты качества.

1. Коэффициент работоспособности активов, **efficiency of assets (*EA*)**

$$EA = \frac{WA}{Anet}, \qquad (1)$$

где *WA* – сумма активов, приносящих доход (working assets); *Anet* – нетто (чистые) активы – суммарный объем активов, за вычетом расчетов с филиалами, транзитных счетов бюджета, расходов будущих периодов, текущих расходов, убытков, использования прибыли и выкупленных собственных акций.

Этот показатель показывает, в какой мере банк использует имеющиеся у него ресурсы для получения дохода. В условиях стабильной работы финансовых рынков нормальное значение лежит в пределах не ниже 0,8–0,85. Особенно значительные остатки на счетах приводят к «раздуванию» валюты баланса.

Для оценки структуры активов анализируется спектр работающих активов по степени риска, ликвидности и прибыльности, динамика перераспределения активов, степень диверсификации активов. Если банк является узкоспециализированным, то это обуславливает большую степень риска. Например, значительная доля выданных кредитов или вложений в неликвидные ценные бумаги повышает риски неплатежа и ликвидности. Поэтому наличие значительных остатков на корреспондентских счетах следует сопоставлять со специализацией банка. В частности, это рекомендуется делать при активном проведении валютных и расчетных операций.

Одним из неблагоприятных признаков является наличие больших объемов неработающих активов – наличности (касса, корсчет в РКЦ), а также неликвидных активов – основных средств и капиталовложений банка.

2. Коэффициент кредитной экспансии, **loans expansion ratio**. Объем выданных кредитов мож-

но нормировать на чистые активы, однако не менее интересным является приведение их к клиентской базе банка.

Приведем ряд формул.

Отношение суммы выданных кредитов (loans), кроме межбанковских, к величине чистых активов:

$$L\,E_a = \frac{L_c}{Anet}. \qquad (2)$$

Показывает, какая доля от активов направляется на кредитование. Банк проводит агрессивную кредитную политику, если коэффициент инвестиционной активности превышает 0,5, оптимальную – в области 0,3–0,5 и консервативную – в области менее 0,3.

Отношение суммы выданных кредитов (loans), кроме межбанковских, к величине клиентской базы определяется следующим образом:

$$L\,E_c = \frac{L_c}{CLB}, \qquad (3)$$

где L_c – сумма кредитов, предоставленных клиентам; *CLB* (client base) – клиентская база, ядро привлеченных ресурсов банка: сумма расчетных счетов юридических лиц, бюджетных средств, отсальдированных на величину активных счетов их использования, депозитов юридических лиц, векселей, облигаций, депозитных сертификатов банка, вкладов граждан.

Этот коэффициент показывает, какая доля от клиентских ресурсов направляется на кредитование. Банк проводит агрессивную кредитную политику, если коэффициент инвестиционной активности превышает 0,8, оптимальную – находится в пределах 0,85–0,5, консервативную – менее 0,5. В соответствии с этим банк подвержен разной степени риска.

Коэффициент кредитной экспансии является условным, зависящим от специализации. Консервативная кредитная политика может быть не только следствием осторожности, но также и отсутствием достаточного количества надежных заемщиков на фоне неудовлетворительного инвестиционного климата российской экономики.

3. Коэффициент качества ссуд (**quality of loans, QL**). Данный коэффициент следует выразить следующим образом:

$$QL = 1 - \frac{BL}{Lcb}, \qquad (4)$$

где *BL* – просроченная задолженность (bad loans) банков и клиентов; *Lcb* – сумма кредитов, предоставленных клиентам и банкам в рублях и валюте с учетом просроченной задолженности.

Следует отдельно рассматривать качество вексельного портфеля путем сопоставления совокупной величины вексельного портфеля к величине просрочки по нему. Также имеет смысл анализировать качество ссуд на клиентском и межбанковском рынке отдельно. Хорошее качество кредитного портфеля предполагает долю «невозврата» не более 5%, а *QL* – не менее 0,95 соответственно. Ухудшение данного показателя является сигналом о неудовлетворительном состоянии кредитного портфеля банка.

Примечания

[1] *Волков Н.П.* Кредитные операции коммерческих банков и их роль в развитии реального сектора экономики: Дисс. … канд. экон. наук. – Ярославль, 2003. – С. 3.

[2] Банки и банковские операции: Учебник / Под ред. Е.Ф. Жукова. – М.: Банки и биржи; ЮНИТИ, 1997. – С. 58.

[3] *Смирнов А.В.* Управление финансами и финансово-аналитическая работа в коммерческом банке. – М.: Пресс, 2002. – С. 96.

[4] Отчет ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Ярославской области за 2005 г. – Ярославль, 2006. – С. 79.

[5] Отчет ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Ярославской области за 2004 г. – Ярославль, 2005. – С. 72.

Т.В. Назарова

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Процессы воспроизводства человеческого капитала в ближайшие десятилетия будут иметь для Российской экономики существенное, а может быть, и решающее значение. Среднесрочный прогноз в этой области должен стать неотъемлемой составной частью разработки экономической стратегии страны. При этом решающую роль должны сыграть не столько рутинные расчеты прогнозных количественных значений материально-вещественных или финансовых показателей, сколько точность и глубина оценок предстоящих качественных изменений, в частности, динамики развития процессов социально-трудовой сфере (Д. Чернейко).

Хочется отметить, что необходим анализ экономической динамики и ее форм при стратегии формирования человеческого капитала. Разработка стратегии должна опираться на анализ экономической динамики и ее форм.

Экономическая динамика представляет собой движение процессов и явлений в экономическом пространстве. К формам экономической динамики можно отнести следующие: экономический рост, петля, шлюз и зигзаг, воронка, фильтр, барьер, прогнозные формы (экономические ловушки, сочетание проектного и объектного исследования экономической динамики, контримпликтивная форма экономической динамики)[1].

Останавливаться на каждой форме экономической динамики не будем, так формированию человеческого капитала свойственна стадийность, что впрочем, свойственно и формированию всего капитала.

Процессы экономической динамики обусловлены массой факторов, существенным среди которых является человеческий капитал. Экономические процессы и явления не существуют вне человека, являясь продуктом его экономической деятельности.

В современных условиях общественного воспроизводства изменилась структура социально-экономических ценностей общества, оценка общественного богатства, значение и роль человека и социальной сферы в динамике общественного развития. В этих условиях развитая человеческая личность представляет собой важнейший компонент общественного богатства, конечный результат экономического функционирования, одновременно его человеческий ресурс и капитальное средство последующего развития. Поэтому человеческий капитал проявляет себя как ценностная оценка способностей и возможностей членов общества к осуществлению трудовой деятельности.

Перспективы мировой экономики в XXI в. определяются характером перехода стран к новому этапу развитию производительных сил: от индустриальной стадии, где доминировало крупное механизированное машинное производство, к постиндустриальной, где будет превалировать сфера услуг, наука, образование и т.д. Производство материальных благ, безусловно, сохранит свою значимость, но его экономическая эффективность будет определяться в первую очередь использованием высококвалифицированных кадров, новых знаний, технологий и методов управления[2].

На передний план выдвигается способ производства и передачи знаний и, собственно, сам человек – его интеллектуальный потенциал.

Все большая часть исследователей считает человеческий капитал самым ценным ресурсом постиндустриального общества, гораздо более важным, чем природное или накопленное богатство. Уже сейчас во всех странах человеческий (интеллектуальный) капитал предопределяет темны экономического развития и научно-технического прогресса. Соответственно усиливается и интерес общества к системе образования как основе производства этого капитала[3].

Необходимость учета и анализа человеческого капитала для предприятия определяется тем, что люди представляют из себя ценность, потому что они производят количественно измеряемые товары и услуги.

Из этого хочется сделать вывод, что для современного этапа мирового научно-технического и социально-экономического развития характерно коренное изменение роли и значения человеческого фактора в экономике и обществе.

Человеческий капитал становится важнейшим фактором экономического роста.

При стратегии развития на макроуровне развитие человеческого капитала должно происхо-

© Т.В. Назарова, 2006

дить путем инвестиций в образование, здравоохранение, культуру, улучшение жилищных условий граждан, подготовку кадров в соответствии с будущим спросом на рынке труда и возможностями справедливой конкуренции и на рынке труда.

На микроуровне – развитие человеческого капитала как основного источника конкурентоспособности компании, непрерывное обучение сотрудников, социальная забота о сотрудниках, формирование собственной корпоративной культуры[4].

Для развития человеческого капитала необходимы значительные затраты и различные виды ресурсов как со стороны индивида, так и со стороны общества (государственных учреждений, частных фирм, семьи и т.д.).

К ресурсам индивида отнесем: природные способности, здоровье, запас знаний, профессиональные навыки, мотивацию к работе, общую культуру развития.

К ресурсам семьи:

– демографический тип семьи (полная/неполная);

– уровень образования родителей (никто не имеет высшего образования/ один из родителей имеет высшее образование/ оба родителя имеют высшее образование);

– материальное обеспечение семьи (бедные или малообеспеченные семьи/ средне обеспеченные семьи/ хорошо обеспеченные семьи или «богатые»)[5].

К ресурсам государства: государственная политика в области здравоохранения и образования, социальная помощь различным слоям населения, уровень развития государства, национальная политика и др.

Формирование человеческого капитала должно начинаться с самого индивида, получая дальнейшее развитие в семье, школе, ВУЗе, выбранном месте работы, в обществе в целом.

Сущностью формирования человеческого капитала являются **инвестиции** в человеческие ресурсы с целью повышения их **производительности**.

Существует дискуссия о том, каковы инвестиции в «человеческий капитал», на сколько допустимо их сравнение с обычными инвестициями. Одна часть исследователей понимает под ними затраты средств, направленных на повышение его «результативности», другая – любые действия или меры, направленные на улучшение характеристик «человеческого капитала».

Принципиальной может считаться также проблема состава источников увеличения «человеческого капитала». На этот счёт существует мнение, что увеличение «человеческого капитала» может быть достигнуто только инвестициями. Однако инвестиции являются необходимым, но далеко не единственным условием для формирования «человеческого капитала». Группа исследователей придерживается мнения, что «человеческий капитал» может формироваться параллельно и сам по себе без каких-либо инвестиций (так называемое самовозрастание)[6].

Что является субъектом инвестиций?

В качестве субъекта инвестиций выступает сам человек, фирма (корпорация) и государство в целом. Каждый из субъектов, осуществляя инвестиции в индивидуальный «человеческий капитал», преследует свои цели и по-своему видит грядущее изменение «человеческого капитала».

Главными приоритетными направлениями, как правило, называются здоровье и образование.

Источниками инвестиций в «человеческий капитал» служат личные сбережения на индивидуальном уровне) и прибыль (на корпоративном уровне). Основной предпосылкой возникновения у индивида источников инвестиций является склонность человека к сбережениям[7].

Результатами инвестиций в человеческий капитал могут стать увеличение образованности, накопление профессионального опыта, улучшение здоровья, географическая мобильность, более эффективная доступность к информационным ресурсам.

Инвестиции в интеллектуальный капитал и в капитал знаний дают экономические и неэкономические выгоды личности, организации, обществу. Экономические выгоды выражаются в виде прироста заработной платы, производительности труда или в экономическом росте, тогда как неэкономические выгоды – в увеличении социальной сплоченности, снижении преступности, улучшении здоровья и качества жизни, в улучшении окружающей среды. Инвестиции в интеллектуальный капитал и в капитал знаний способствуют росту социального капитала, который проявляется в увеличении доверия, выработке и соблюдении морально-правовых норм, а также пониманию и уважению разных культурных традиций.

Многие мировые лидеры современной экономики уже осознали важность и сбалансированность инвестиций в человеческий капитал, их пользу для собственного роста и процветания[8].

Инвестирование в человеческий капитал предполагает преследование для инвестора каких-то выгод, как для себя непосредственно, так и для третьих лиц. Так, для работника – это повышение уровня доходов, большее удовлетворение от работы, улучшение условий труда, рост самоуважения. Для работодателя – повышение производительности, сокращение потерь рабочего времени и эффективности труда, что в конечном итоге способствует повышению конкурентоспособности фирмы. Для государства – повышение благосостояния граждан, рост валового дохода, повышение гражданской активности.

К ожидаемой отдаче от инвестиций в человеческий капитал относят более высокий уровень заработка, большее удовлетворение от избранной работы, более высокую оценку нерыночных видов деятельности, улучшение условий труда и прочее.

Вложение средств в человеческий капитал позволит сберечь многие виды ценных ресурсов, совершить значительный прорыв в экономике. В то время как недоинвестирование может повлиять на будущее, потому как «наши потомки завтра будут такими же, какими мы являемся сегодня».

Примечания

[1] *Солопов В.Ю., Чекмарев В.В.* Экономическая динамика: идентификация форм. – Кострома, 2005.

[2] *Майбуров И.* Эффективность инвестирования и человеческий капитал в США и России // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – №4. – С. 3–13.

[3] Там же.

[4] *Астапов К.* Стратегия развития в постиндустриальной экономике // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – №2. – С. 57–65.

[5] *Шабунова А.* Формирование подрастающего поколения в условиях социальной дифференциации населения // Общество и экономика. – 2006. – №6. – С. 174–181.

[6] *Лысков А.В.* Проблемы инвестирования в человеческий капитал // Менеджмент в России и за рубежом. – 2005. – №4. – С. 106–110.

[7] Там же.

[8] *Мясоедова Т.Г.* Человеческий капитал и конкурентоспособность предприятия // Менеджмент в России и за рубежом. – 2005. – №3. – С. 29–37.

А.П. Новиков

НЕГАТИВНЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО РЫНКА СТРАХОВЫХ УСЛУГ

Стремительные темпы развития отечественного рынка страховых услуг в последние годы требуют комплексно исследования, при этом особенно продуктивным представляется обращение к институциональным аспектам его функционирования. В этом смысле очевидным является тезис о том, что попытки определять концептуальные основы развития страхования в отрыве от тщательного рассмотрения перспектив развития отечественной экономики, экономических отношений, участники которых являются источником функционирования и развития страхового рынка, – бесплодны. Механическая экстраполяция оценок сиюминутного состояния воспроизводственной базы страховых отношений на перспективу чревата тяжелыми последствиями. Грядущие изменения качества и институционального содержания клиентской базы рынка должны учитываться при формировании законодательных основ развития страхования. Основные свойства потребителей страховых услуг, и прежде всего их платежеспособность, претерпевают и будут претерпевать серьезные изменения, которые требуют учета при формировании перспективной политики в сфере страхования.

Разрабатывая комплекс регулирующих мер, следует учитывать, что состояние платежеспособного спроса на страхование со стороны домашних хозяйств в своей основе определяется общим состоянием платежеспособности населения. С учетом данных Всероссийского центра уровня жизни можно полагать, что в настоящее время устойчивая платежеспособная база для развития активности страхового бизнеса составляет не более 9–10% населения РФ при ярко выраженной территориальной дифференциации по уровню жизни. Представляется, что в перспективе, с уче-

© А.П. Новиков, 2006

том потенциального значительного роста расходов домашних хозяйств вследствие разворачивающихся реформ ЖКХ, здравоохранения и образования, платежеспособный спрос на этом сегменте клиентской базы отечественного страхового бизнеса заметного развития не получит.

В институциональном плане не следует игнорировать и негативные сигналы о реальных перспективах экономики. Ответственные представители ЦБ РФ отмечают тревожные тенденции, связанные с ростом числа невозвращенных и необеспеченных кредитов, нарастают опасения роста масштабов целенаправленного вымывания активов банков под видом и в рамках «бума» потребительского кредитования. В этом свете перспективы сохранения платежеспособности реальных и потенциальных потребителей страховых услуг становятся сомнительными, а перспективы развития долгосрочного страхования жизни, ключевыми требованиями к развитию которого является стабильность платежеспособного спроса и устойчивость финансовой и банковской систем, – довольно призрачными. Складывается положение, при котором платежеспособность потенциальных страхователей будет уже в кратко- и среднесрочной перспективе испытывать нарастающее «давление» общеэкономических процессов.

Активно пропагандируемая некоторыми представителями страхового сообщества идея о перспективности замены лицензирования отдельных видов деятельности страхованием ответственности не выдерживает критики. Она очень далека от реального страхования ответственности, при котором именно наличие государственно подтвержденного соответствия застрахованного определенным стандартам является предварительным условием принятия риска на страхование профессиональными страховщиками. Исходя из научно-обоснованного понимания невозможности замены лицензирования технически сложных и социально-значимых видов деятельности страхованием ответственности лиц, осуществляющих эту деятельность, не следует рассматривать эти предложения в качестве актуального направления развития страхового рынка.

В целом в складывающихся макроэкономических условиях попытки навязать потребителям страхование преимущественно в принудительной форме в институциональном плане будут субъективно восприниматься ими не как форма защиты их интересов, а как способ дополнительного «изъятия» у них денежных средств. Можно полагать, что в такой ситуации широкомасштабное развитие обязательных видов страхования встретит нарастающее общественное сопротивление и будет все более серьезно подрывать доверие потенциальных потребителей к самому общественному институту страхования. В свете приближающихся выборов 2008 г. необходимо также учитывать и социально-политический аспект этой проблемы.

В целом правомерно полагать, что потенциал модели страхового рынка, основанной на преимущественно принудительном развитии воспроизводственной базы страхования, не окажется достаточным для устойчивой эволюции страхового бизнеса и страхования как системы отношений в целом. Он себя исчерпал в силу несоответствия «преимущественно принудительной модели» общим тенденциям развития отечественной экономики и обусловленным ими перспективам развития потребительной емкости рынка. При доминирующих технологиях воздействия на потребителей действующие в России поставщики страховых услуг будут продолжать конкурировать на ограниченном страховом «поле» из 7–10% предпринимательских структур и 9–10% домашних хозяйств с тенденцией этих полей к сжатию по мере реализации реформ ЖКХ, образования и здравоохранения.

В результате формируемая страховым сообществом модель рынка, основанная на обязательных видах страхования, остается слишком слабо защищенной от колебаний общеэкономической конъюнктуры. Однако развитие обязательных видов страхования не приведет автоматически к развитию добровольных: эта модель стала «заложницей» ложных представлений о «недоразвитом менталитете» российских страхователей, которых, якобы, нужно приучать к добровольному страхованию путем развития обязательного. История отечественного страхования этот тезис опровергает, опровергает его и современная практика, показавшая, что развитие обязательного страхования приводит к сокращению добровольного. Актуальная модель развития рынка с необходимостью требует обеспечения оптимального сочетания обязательного и добровольного страхования. При этом развитие добровольного страхования не должно рассматриваться как следствие развития обязательного: для развития добровольного страхования требуется научно обоснованная постановка и решение самостоятельных задач.

Д.В. Туманов

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Информационная экономика – явление не просто новое, а совершенно юное, имеющее на практике всего лишь 10–15-летний возраст, а в теории – примерно полувековой. Стержень этого нового типа экономики образуют новейшие информационные технологии, роль которых просматривается в названии данного явления. По стремительности и масштабности распространения оно уникально: никакой другой тип производства и никакая другая технология не воцарялись в мире столь быстро, прочно и практически одновременно в целом ряде стран. На данный момент можно считать общепризнанным тот факт, что наиболее экономически развитые государства – США, страны Западной Европы, Япония практически осуществили исторический переход из индустриальной в новую – информационную эпоху, что большинство других стран в той или иной степени затронула информационная революция и привела к появлению в них ростков нового типа экономики. Развитие последней означает для каждой страны и мира в целом радикальную трансформацию фактически всех сфер жизни и деятельности – это модификация отраслевой структуры национальной и мировой экономики, изменения в содержании труда, преобразования в профессионально-квалификационной структуре занятых, появление новых форм общественного и личного потребления, интенсификация общения, перестройка систем организации и стимулирования труда, ускорение процессов демократизации и гуманизации в социально-политической жизни и многое другое.

В экономически развитых странах, а это, главным образом, США, страны Западной Европы и Япония развитие информационной экономики происходит в последние 10–15 лет особенно стремительно и интенсивно. Проявляется это, прежде всего в абсолютном и относительном увеличении информационного сектора в экономике, сопровождающемся его постоянной диверсификацией. Это находит отражение во вполне конкретных экономических показателях; росте численности занятых в сфере услуг вообще и в информационном секторе, в частности, в соответствующих изменениях стоимостной и натурально-вещественной структуры произведенного ВВП, в модификации профессионально-квалификационной структуры занятых в национальной экономике и т.д. При более пристальном изучении рассматриваемого явления обнаруживаются и другие изменения в социально-экономической жизни развитых стран, как-то: увеличение доли национального продукта, созданного на базе пятого технологического уклада, изменение отраслевой структуры производства и рождение новых профессий, распространение современной информационной инфраструктуры, в частности, глобальных сетей передачи данных, растущую глобализацию, развитие принципиально иного – информационного типа экономического роста. Все эти и другие явления протекают с разной скоростью и интенсивностью в разных странах, однако в целом характерны для всех и потому заслуживают отдельного глубокого и всестороннего анализа. На ход их развития оказывают влияние множество факторов объективного и субъективного плана, что объясняет большую или меньшую противоречивость становления нового способа производства, каким часто в научной литературе называют информационную экономику.

В России редкие ростки информационной экономики стали заметны в начале 1990-х гг., когда в деловую и повседневную жизнь многих жителей крупных городов стали активно внедряться персональные компьютеры, факсы и другие современные средства связи. Становление информационной экономики в нашей стране только начинается, но уже очевидно, что оно идет иначе, нежели в развитых странах. Своеобразие постсоветской стадии национального развития накладывает свой отпечаток на процесс формирования нового технологического способа производства, на базе которого формируется информационная экономика. В результате совпадения по времени информационной революции и процесса внутреннего социально-политического переустройства развитие информационной экономики в нашей стране сопровождается сложным симбиозом проблем двоякого рода. Во-первых, это собственно проблемы становления нового

© Д.В. Туманов, 2006

типа экономики или нового технологического способа производства, характерные для любой страны. Во-вторых, это специфические проблемы переходного периода, связанные с отказом от коммунистической идеологии с ее абсолютизацией плановой экономики и фактической деидеологизации общества с ориентацией на преимущественно рыночные отношения.

Первая группа проблем имеет естественно-закономерное происхождение, вторая – социально-обусловленное, в значительной степени субъективное и политизированное. Если в США, странах Западной Европы, Японии информационная экономика появилась в результате собственного плавного эволюционного развития индустриального производства, то в России она в большей степени явление «импортированное». Последнее, однако, не означает, что у информационной экономики в нашей стране нет собственной объективной базы и что ее развитие возможно лишь в ограниченных «лабораторных» условиях, создаваемых почти исключительно с помощью заграницы. Наиболее подготовленным к появлению и быстрому развитию нового способа производства в нашей стране оказался человеческий фактор – люди, которые в большинстве своем, несмотря на затяжной экономический и социально-политический кризис, продолжают оставаться одними из самых образованных в мире, способными к восприятию и генерированию новых идей, а также к адаптации в меняющейся технико-экономической обстановке. Что касается вещественных факторов, а конкретнее – материально-технической базы и инфраструктуры, то в этих сферах уровень развития нашей страны далек от совершенства, а точнее от соответствующих показателей, достигнутых к концу 1980-х – началу 1990-х гг. вышеуказанными странами.

В большинстве отраслей экономики России еще не исчерпан потенциал третьего и четвертого технологических укладов, а удельный вес пятого – современного уклада в середине 1990-х гг. имел рекордную отметку в 8% лишь в машиностроении и металлообработке, а в среднем по национальному хозяйству не превышал 2%. В развитых странах доля пятого уклада достигает 30–40%. Тем не менее, процесс информатизации экономической и повседневной жизни в нашей стране происходит, ростки информационной экономики пробиваются в самых различных сферах и регионах, следовательно, необходимы всесторонние исследования нового явления. Не претендуя на полноту охвата всех социально-экономических проблем, сопровождающих процесс развития информационной экономики за рубежом и в России.

Каждое новое явление требует своего всестороннего научного исследования и обоснования в целях адекватного к нему приспособления. В развитых странах сначала философами и социологами, а затем экономистами и другими специалистами в последние десятилетия стали активно исследоваться и обсуждаться различные проблемы и тенденции в развитии информационного способа производства и основанного на нем типа экономики. В силу своей относительной новизны и высокой скорости распространения указанные процессы пока не получили и не могли получить комплексного освещения в научной литературе. Конечно, все они сразу попали в поле пристального внимания ученых разных отраслей знания и подверглись анализу в той степени, в какой позволяют это сделать имеющиеся фактические данные и соответствующие теоретические разработки. Не случайно, что наиболее изученными эти процессы оказались как раз в странах их максимального распространения – в США и государствах Западной Европы, где социально-экономическое развитие вообще отличается логикой, преемственностью и определенной предсказуемостью. Однако многие выводы и прогнозы западных ученых относительно последствий и перспектив развития информационной экономики далеко не всегда и не во всем являются справедливыми и очевидными для нашей страны в силу особенностей ее предшествующего политико-экономического развития, а также трудностей и противоречий, переживаемых Россией в настоящее время.

В.А. Филинов

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ КАК РЕЗУЛЬТАТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТРУДА

Интерес к проблеме интеллектуального труда возник с переходом наиболее развитых стран к постиндустриальному обществу. Признаком постиндустриальной экономики становится уменьшение роли вещественного производства, которое как сфера приложения труда уступает место производству невещественному. Изменяется роль невещественных элементов производства: знаний, умений, навыков работника, научно-исследовательских и инновационных разработок, индивидуальной компетентности индивида. Это явилось толчком к появлению теорий постиндустриального, информационного, инновационного общества (Д. Белл, З. Бжезинский, Ф. Махлуп, Й. Масуда, Ж. Фурастье, Р. Хейлбронер, Д. Нэсбит, Г. Мак-Люэн, Дж. Мак-Гейл, А. Бам, Р. Бернсайд, А. Кениг и др.).

О вступлении промышленно развитых стран в постиндустриальную эру свидетельствовали национальные макроэкономические показатели. Так, в 1958 году, когда впервые был поставлен вопрос о количественной оценке вклада совокупного интеллектуального продукта в национальное богатство и выделены тридцать отраслей, производящих знания, объем информационного сектора в экономике США был оценен в 28,6% ВНП. Согласно современным оценкам, этот показатель составляет уже 50% ВНП, а по другим данным, не менее 60%.

В отечественной экономической науке и хозяйстве наряду с материальным производством выделялась непроизводственная сфера, возникшая в результате общественного разделения труда. И все же за материальным производством признавалось первенство на основании того, что «создание материального продукта, является первоосновой существования человеческого общества». К непроизводственной сфере отнесены были те виды деятельности, которые не участвуют в производстве материальных товаров, такие как материально-техническое снабжение, торговля, общественное питание, жилищно-коммунальное хозяйство и конечно наука и научное обслуживание.

По мнению Э.М. Агабабьяна нематериальное производство имеет следующие черты, отличающие его от материального производства:

– не материализация живого труда;

– невещественный характер конечных результатов деятельности;

– преобладающая доля умственного труда в совокупных трудовых затратах;

– ведущая роль творческого труда в достижении конечного эффекта и др.[1]

Как полагает автор, эти признаки в наибольшей степени присущи следующим отраслевые комплексам народного хозяйства, которые и составляют сферу интеллектуального труда: наука и научное обслуживание; управление (все виды специализированной управленческой деятельности): просвещение, культура и искусство; здравоохранение и физическая культура; нематериальные формы бытового обслуживания.

Критериями разделения общественного производства на различные сферы могут служить:

– характер процесса труда, его результаты;

– цели и функции, выполняемые ими в общественном производстве.

Если говорить, что индустриальная экономика основывалась на производстве вещественных товаров, то основой постиндустриального общества является расширение сферы производства, использующей и предоставляющей интеллектуальные продукты и услуги.

Интеллектуальный труд появился и постепенно утверждался в рамках предшествующих эпох. Элементы интеллектуального труда нарастали в границах товарного мира индустриального общества. К обычным предметам, вещам добавились услуги, затем информация, то, что не обладает вещественностью. Перечень ограниченных экономических ресурсов пополнился такими, например, «предметами» как электромагнитные поля определенных частот, компьютерные программы, научно-технические идеи, разработки, проекты, информационные технологии, способности индивидов к творческой и интеллектуальной деятельности.

Говоря о развитии интеллектуального труда, необходимо обозначить, что оно является основой формирования экономической эффективности создаваемого, в рамках этого производства, совокупного интеллектуального продукта. Интел-

© В.А. Филинов, 2006

лектуальное труд есть результат развития вещественного производства. С одной стороны, в человеческом обществе возросли духовные потребности, с другой – само вещественное производство на определенном уровне своего развития стало опираться на новые источники экономического роста, такие, как наука и научно-технический прогресс, которые определяют производство совокупного интеллектуального продукта. Именно оно обеспечивает производство ресурсов качественно нового типа (квалифицированные кадры, интеллектуальные технологии), а, следовательно, снижение потребностей в традиционных ресурсах.

Данное противоречие дает основание для всестороннего рассмотрения процесса интеллектуального труда и анализа его влияния на формирование совокупного интеллектуального продукта.

Основой экономики становится производство интеллектуальных продуктов, наукоемкое производство, выпускающее продукцию с высоким удельным весом человеческого интеллекта, а не сырья, материалов и трудозатрат.

Современная степень сложности производства, управления им требуют высоких технологий, технологий распространения знаний. Ведущими центрами экономики выступают университеты, научные организации, НИИ, а их задачей является превращение научной идеи в интеллектуальный продукт.

С развитием теории интеллектуального капитала значительные изменения происходят в разделении общественного труда, в частности, в отраслевой структуре экономики. В структуре общественного разделения труда появились такие направления как научные исследования, инженерные, архитекторские разработки и другие виды, сугубо, творческой деятельности, требующие высокого уровня компетентности. В качестве сформировавшихся отраслей народного хозяйства развиваются сферы образования, науки, здравоохранения.

Так как формирование совокупного интеллектуального продукта во многом зависит от качества знаний и опыта, используемых в процессе его создания, необходимо понять какое место занимают знания в формировании совокупного интеллектуального продукта, и в каких отраслях народного хозяйства они наиболее сконцентрированы.

Производство знаний можно отнести к сфере услуг, только когда сами знания могут быть рассматриваемы в качестве услуг. Сфера услуг выделялась в составе 3-х секторной отраслевой модели общественного производства, разработанной в 40-х годах XX века, и составила третичный сектор общественного производства. Данная модель была вполне адекватна потребностям экономического анализа в период, когда «первичный», «вторичный» и «третичный» сектора были относительно сопоставимыми как по количеству занятых, так и по роли в образовании общественного богатства.

Однако уже в последней трети XX века, относимые обычно к сфере услуг отрасли в качестве основного продукта начинают создавать знания, снабжая хозяйство наиболее существенным и важным ресурсом производства и образуя в этом смысле «первичный» сектор, а сама обрабатывающая индустрия насыщается информационными факторами. Кроме того, в составе самой сферы услуг непосредственно в предоставление услуг их конечным потребителям вовлечено менее половины занятых, а около 40% занятых, но вторичном секторе экономики представляют управленческий персонал, осуществляют информационно-интеллектуальное обеспечение работы предприятия или заняты в научно-технических разработках. Наконец, только 55–60% работников на промышленных предприятиях, заняты непосредственно производственными операциями.

Учитывая структуру занятых по уровню образования, самые крупные трудовые интеллектуальные ресурсы концентрируются в таких отраслях, как наука, образование, управление, здравоохранение, средства массовой информации и т.п. В этом перечне наибольшее значение для формирования и использования компетентности, имеют наука и образование. При этом необходимо выделять наукоемкие отрасли производства, в которых материализуется (превращается в совокупный интеллектуальный продукт) основная часть результатов научных исследований и разработок, которые определяют спрос на достижения науки и создают базу предложения материально-вещественных и информационных новшеств для всех отраслей экономики.

Интеллектуальный труд ведет к накоплению знаний, повышающих долю интеллектуальной составляющей в конечном продукте.

В зависимости от потребительной стоимости продуктов и технологии интеллектуального труда, формирование совокупного интеллектуального продукта подразделяется на два вида:

– создание новых знаний как результат исследований и разработок, то есть открытие, изобретение, конструирование, планирование и т.д.;

– передачу знаний (обучение, сообщение новостей, консультирование, управление, развлечение), распространение, копирование их.

Новые знания должны быть освоены, распространены, вовлечены в хозяйственный оборот, что осуществляется, в том числе, через систему воспитания и образования, повышение квалификации, накопление опыта. В этой связи широкое освоение различного рода инноваций представляет собой, по существу, непрерывный образовательный процесс. Таким образом, наука и образование представляют собой единый сектор экономики, формирующий определенные компетенции у индивидов, на прямую влияющих на формирование совокупного интеллектуального продукта.

Применительно к первому виду интеллектуального труда речь идет об общественно новых знаниях, не существовавших ранее, которые производятся для распространения и потребления, личного и производительного. Генерация общественно новых знаний является фундаментом в процессе создания совокупного интеллектуального продукта.

Передача знаний осуществляется главным образом через систему обучения и образования.

Специфика интеллектуальной сферы заключается в том, что получение знаний в процессе обучения понимается не только как общественно организованное потребление, но и как невещественное производство. Приобретение знаний, когда они служат увеличению производительности новой способности человека, также следует отнести к производству знаний в экономическом смысле.

Кроме того, современные средства обработки информации и средства электронной коммуникации обеспечивают относительно простой способ передачи и копирования (распространения, тиражирования) как общественно новых, так и субъективно новых интеллектуальных ресурсов, как вторичное интеллектуальное производство.

Во всех этих случаях результатом труда является совокупный интеллектуальный продукт, имеющий различные формы существования и актуализации.

Совокупный интеллектуальный продукт может существовать в двух формах. Первая форма воплощена в самостоятельной объективной форме, например, на информационном носителе (рукопись, чертеж, диск и т.д.). В данном случае результат использования интеллектуального труда не является созданием вещи.

Второй формой, можно считать не зафиксированные ни на каком носителе знания и компетенции в виде теорий, концепций, моделей, проектов, методик, технологий и т.д., находящихся в памяти и сознании человека, коллектива.

В зависимости от характера использования совокупный интеллектуальный продукт может играть различную функциональную роль в экономике. Например, новое знание как продукт науки служит своего рода средством труда, если используется для производства других благ. Вместе с тем оно выступает и как предмет потребления, ибо знание удовлетворяет духовные потребности и становится достоянием людей, прежде чем и одновременно с тем, как оно используемся в производственных целях.

Таким образом, создание совокупного интеллектуального продукта – это результат использования совокупности компетенции индивидов, так как они часто неотделимы друг от друга, особенно в сфере образования и научных исследований.

Теперь, на наш взгляд, необходимо проанализировать сам процесс интеллектуального труда, т.е. процесс создания совокупного интеллектуального продукта. Как правило, этот процесс включает в себя несколько этапов: фундаментальные исследования; прикладные исследования; разработки проведенных исследований и непосредственно производство интеллектуального продукта.

1. Фундаментальные исследования проводятся в целях расширения, углубления и систематизации знаний, но определенной научной проблеме, формулирования теории и создания научного задела, пополнения запасов знаний об основных процессах и явлениях природы, имеющих общий характер и закономерное постоянство. Результаты этих исследований публикуются в научных изданиях, учебной и учебно-методической литературе, используются впоследствии для повышения квалификации и расширения компетенции научных, педагогических и инженерных кадров.

2. Прикладные научные исследования направлены преимущественно на применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач. Результатами прикладных исследований, как правило, являются новые принципы и методы создания технических средств, новых технологий, организации и управления, регулирования общественных отношений

и др. Эти результаты бывают представлены в форме эскизных проектов, схем, рецептур, алгоритмов, математических моделей, методик, рекомендаций и других подобных материалов, а также макетов или лабораторных образцов и устройств.

В последнее время, связь фундаментальных исследований (а не только прикладных) и производства становится теснее и очевиднее, поскольку фундаментальные исследования дают возможность предвидения вариантов нововведений прикладного плана, открывают новые сферы применения новшеств. Фундаментальные исследования приближаются к производству, поскольку для создания и совершенствования, сложных электронных устройств, новых материалов необходима глубокая научная проработка природы используемых процессов. В итоге первоначальный этап формирования совокупного интеллектуального продукта смещается от прикладных исследований к фундаментальным, результаты которых приобрели конкретную практическую ценность. Это дало импульс к укреплению связей между университетами и промышленностью.

3. Разработки фундаментальных и прикладных исследований представляют собой систематическое применение научных, знаний, направленное на создание полезных материалов, устройств, систем или методов производства.

4. На последнем этапе, с учетом положительных результатов на предыдущих этапах, происходит непосредственное освоение производства интеллектуального продукта, постановка его на массовое производство, коммерциализация инновации. На этом этапе требуются наибольшие инвестиции. Это связано с необходимостью создания новых или реконструкции имеющихся мощностей, подготовки и переподготовки технических, управленческих, коммерческих кадров, формирования новых хозяйственных структур, организации сбыта и др

Проанализировав процесс создания совокупного интеллектуального продукта, важно отметить некоторые особенности этого процесса.

Интеллектуальный труд, осуществляемое отдельным человеком, имеет свои особенности, которые состоят в том, что оно представляет собой творчество для самого себя, для внутреннего потребления, формирование субъективно новых знаний и необходимых компетенций. Результаты этого труда не могут быть непосредственно переданы другому лицу или представлены на рынок в качестве товара. С этих позиций система образования производит знания, как первичный продукт, без которых никакой другой интеллектуальный труд, включая выработку и дальнейшее распространение знаний, технологически невозможно. В этом смысле обучение и образование как производство знаний первично по отношению ко всем другим видам интеллектуального труда.

К тому же необходимо отметить, что в структуре создания совокупного интеллектуального продукта существуют различные механизмы его производства:

– для потребления в целях собственного интеллектуального развития;

– для распространения во вне, в том числе на рынок.

Обе эти подсистемы имеют свои собственные центры, одни из которых связаны с потребностями развития самого интеллекта, а другие – с потребностями развития личности, общества и производства.

Немаловажная роль в процессе интеллектуального труда принадлежит невещественным условиям этого процесса. В.С. Гойло обозначает их, как интеллектуальную ноосферу, окружающую исполнителя труда и его действия на рабочем месте, предприятии, в семье, городе, обществе и т.д. Интеллектуальная ноосфера включает, например, нравственную и психологическую обстановку – доброжелательность, взаимоуважение, творческую настроенность и т.п., то есть осознание и одобрение целей данного труда. Общая культура, эстетическая ситуация вокруг может играть существенную роль для успеха интеллектуальной деятельности индивида или коллектива. Такая окружающая среда определяет широту и глубину подходов при решении интеллектуальных задач помогает эффективно использовать накопленный опыт[2].

Вещественную инфраструктуру интеллектуального труда составляет рабочее место и оборудование, эргономические удобства предприятия, его внутренняя и внешняя экология, конкретное месторасположение предприятия, расстояние между ним и жильем работников, транспортные возможности работников, качество их отдыха и питания в течение трудового дня и после него и т.д. Развитие инфраструктура облегчает и даже стимулирует интеллектуальное творчество, но все же она не является обязательной для осуществления всех этапов интеллектуальной работы. Кроме того, интеллектуальный труд требу-

ет вещественных средств производства (приборы, оборудование и т.д.).

Важно отметить, что процесс интеллектуального труда находит свое отражение в творческом труде. При творческом труде человек создает что-то новое, оригинальное, используя личные способности, индивидуальные компетенции, созидательное мышление. Особенности творческих работ – их неповторимость, исследовательский характер, использование научных методов познания и преобразования действительности. Поэтому наиболее важной составляющей интеллектуального труда является именно его творческий труд.

Деятельность служащих, специалистов, руководителей, работников творческого труда требует длительного обучения в высших и средних специальных заведениях и постоянного повышения уровня знаний. Интеллектуальный труд практически не имеет стереотипов и готовых решений и в каждом конкретном случае требует принятия определенного решения. В современном обществе для значительной части профессионально занятых интеллектуальной деятельностью людей труд является смешанным, сочетающим как производство новых знаний и сведений о них, так и обработку, и распространение уже накопленных знаний. Результатом процесса интеллектуального труда является совокупный интеллектуальный продукт.

Все вышесказанное, позволяет сделать вывод, о том, что результатом интеллектуального труда является совокупный интеллектуальный продукт. Для раскрытия сущности совокупного интеллектуального продукта необходимо поэтапного изучения процесса интеллектуального труда, в основе которого лежит постоянное движение и взаимодействие информации и знаний.

Примечания

[1] *Агабабьян Э.М.* Производство и потребление: перестройка механизма взаимодействия. – М.: Экономика, 1991. – С. 137.

[2] *Гойло В.* Политическая экономия интеллектуального труда. – М.: Амипресс, 2000. – С. 54.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВЕРИНА Мария Николаевна, доц., зав. каф. теории и методики преподавания иностранных языков Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

АДОЕВЦЕВА Ирина Викторовна, канд. пед. наук, доц., зав. каф. сольного пения, теории и методики преподавания музыки, докторант кафедры истории и теории педагогики КГУ им. Н.А. Некрасова.

АНДРАМОНОВА И.М., канд. пед. наук, доц. каф. культурологии и журналистики Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

АНДРИЯНОВА Людмила Александровна, аспирант каф. аграрной экономики и рынков Ярославской гос. сельскохозяйственной академии.

АРХИПОВ Алексей Викторович, аспирант каф. экономической теории Костромского гос. технол. ун-та.

АТЛАНОВ Дмитрий Юрьевич, аспирант Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина.

БАРАЕВА Юлия Валерьевна, преподаватель Международного университета бизнеса и новых технологий (г. Ярославль).

БАРАШКОВ Андрей Юрьевич, докторант каф. предпринимательства и малого бизнеса КГУ им. Н.А. Некрасова.

БЕЛЯЕВА Юлия Владимировна, докторант кафедры экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

БЕЛЯНКИНА Любовь Геннадьевна, преподаватель Ярославского филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института.

БЕРЕЗКИНА Анна Евгеньевна, аспирант каф. математических методов в экономике КГУ им. Н.А. Некрасова.

БЛОХИНА Елена Александровна, соискатель Международного университета бизнеса и новых технологий (г. Ярославль).

БОЖЕНКОВ Александр Владимирович, канд. сельскохозяйственных наук, нач. отдела земледелия и кормопроизводства Костромского НИИСХ.

БОЛДЫРЕВА Елена Михайловна, канд. филол. наук, доц. каф. русской литературы Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

БОРОДИЙ Сергей Алексеевич, д-р сельскохозяйственных наук, проф. каф. растениеводства Костромской гос. сельскохозяйственной академии.

БОЧКАРЕВА Ольга Васильевна, канд. пед. наук, докторант Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

ВАСИЛЬКОВ Алексей Анатольевич, соискатель каф. организации производства и предпринимательства АПК Ярославской гос. сельскохозяйственной академии.

ВАСИЛЬКОВА Татьяна Максимовна, канд. экон. наук, доц. каф. экономики и управления техническим сервисом Костромской гос. сельскохозяйственной академии.

ВОЛКОВ Андрей Юрьевич, канд. экон. наук, доц., докторант Ярославского военного финансово-экономического института им. генерала армии А.В. Хрулёва.

ВОЛОКОВ Ю.Н., Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского.

ВОРОБЬЕВ Иван Афанасьевич, соискатель каф. финансов и кредита Ярославского военного финансово-экономического института им. генерала армии А.В. Хрулева.

ВОРОНИНА Мария Александровна, соискатель каф. экономики труда и институциональной теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

ГАВРИЛОВА В.Л., Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского.

ГОЛОВИЗНИНА Ольга Александровна, канд. экон. наук, доц., заместитель директора по учебной и научной работе Ярославского филиала Международного института управления.

ГОНЧАРОВ Александр Павлович, канд. экон. наук, руководитель Территориального отдела Регионального отделения Федеральной службы по финансовым рынкам в ЦФО по Ярославской области.

ГРИБАНОВА Людмила Александровна, соискатель Всероссийского заочного финансово-экономического института.

ГУРЬЕВА Ольга Юрьевна, канд. экон. наук, доц. каф. менеджмента Ивановского гос. ун-та.

ГУЩИН Алексей Геннадьевич, д-р мед. наук, проф., зав. каф. безопасности жизнедеятельности Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

ДИГУРОВА Ирина Ивановна, канд. биол. наук, докторант Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

ДИДКОВСКАЯ Н.А., доц. каф. культурологии и журналистики Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

ЕРМАКОВ Александр Михайлович, канд. истор. наук, доц. каф. всеобщей истории Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

ЕРОХИНА Т.И., канд. культурологии, докторант каф. культурологии и журналистики Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

ЕРШОВ Владимир Николаевич, канд. техн. наук, проректор по информатизации и инновационному развитию КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЖАРОВ Евгений Викторович, аспирант каф. управления социально-экономическими системами КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЗАЙЦЕВА Светлана Юрьевна, соискатель каф. государственно-правовых дисциплин Владимирского юридического института ФСИН РФ.

ЗАМЫШЛЯЕВА М.В., Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского.

ЗАХАРОВА Н.И., аспирант каф. истории России КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЗДЮМАЕВА Наталья Петровна, канд. биол. наук, докторант Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

ЗОЛОТАРЕВА Светлана Геннадьевна, аспирант каф. мировой экономики и статистики Ярославского гос. ун-та им. Демидова.

ИВАНИХИН Сергей Александрович, аспирант каф. аграрной экономики и рынков Ярославской гос. сельскохозяйственной академии.

ИВАНОВА Марина Валерьевна, аспирант каф. земледелия и мелиорации сельского хозяйства Костромской гос. сельскохозяйственной академии.

ИВАНОВА Ольга Васильевна, заместитель директора по воспитательной работе вечерней (сменной) общеобразовательной школы № 1 г. Костромы.

ИВАНЧЕНКО Нелли Юрьевна, канд. истор. наук, старший преподаватель каф. управления персоналом Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина.

КАЙДАЛОВА Татьяна Викторовна, соискатель каф. экономической теории Костромского гос. технол. ун-та.

КАРПОВА Е.В., Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского.

КЛЕЦ Юлия Александровна, аспирант каф. истории и теории журналистики Ставропольского гос. ун-та.

КОВАЛЕВ Михаил Васильевич, аспирант каф. математических методов в экономике КГУ им. Н.А. Некрасова.

КОВАЛЕВА Лариса Евгеньевна, зав. каф. физического воспитания Ярославского филиала Московской академии предпринимательства при Правительстве г. Москвы, соискатель кафедры педагогики и ОРМ Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

КОКУЕВА Анна Геннадьевна, аспирант каф. финансов и кредита Ярославского гос. ун-та им. Демидова.

КОНОНОВА Светлана Евгеньевна, аспирант каф. экономической географии Российского гос. пед. ун-та.

КОРЕЧКОВ Юрий Викторович, д-р экон. наук, проф., член Академии проблем военной экономики и финансов, директор Межрегионального инновационно-технологического центра.

КОРНЕЕВА Елена Николаевна, канд. психол. наук, доцент, докторант каф. общей и социальной психологии Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

КОРНИЛОВ Дмитрий Терентьевич, канд. экон. наук, управляющий представительством АКБ Транскапиталбанк в г. Ярославле.

КОСУХИН Павел Павлович, курсант 5 курса Ярославского военного финансово-экономического института им. генерала армии А.В. Хрулева.

КРАСИЛЬНИКОВА Мария Юрьевна, аспирант каф. культурологии Шуйского гос. пед. ун-та.

КРИВОШЕИН Владимир Владимирович, докторант каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

КРИНИЦЫНА Ольга Евгеньевна, аспирант каф. русской литературы КГУ им. Н.А. Некрасова.

КУРШЕВ А.В., канд. пед. наук, старший преподаватель ФВО КГТУ.

КУЧЕРЯНУ Маргарита Геросовна, канд. пед. наук, доц. каф. английского языка Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

КУЧИН Николай Валентинович, аспирант каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

КУЧИНА Татьяна Геннадьевна, канд. филол. наук, доц. каф. русской литературы Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

ЛАЗУРИНА Ольга Маратовна, канд. экон. наук, доц. каф. финансов и кредита Ярославского военного финансово-экономического института им. генерала армии А.В. Хрулева.

ЛАСКИНА Евгения Михайловна, аспирант Владимирского гос. пед. ун-та.

ЛЕПИЛКИНА Ольга Ивановна, канд. филол. наук, доц., зав. каф. истории и теории журналистики Ставропольского гос. ун-та.

ЛЁТИН Вячеслав Александрович, канд. культурологии, доц. каф. гуманитарных дисциплин Ярославского гос. театрального института, докторант каф. культурологии и журналистики ЯГПУ им. К.Д. Ушинского.

ЛЁТИНА Наталия Николаевна, канд. культурологии, доц. каф. иностранных языков и литератур, докторант каф. культурологии и журналистики ЯГПУ им. К.Д. Ушинского.

ЛИХАЧЕВА Нина Александровна, аспирант каф. экономики и управления Костромского гос. технол. ун-та.

ЛОБАНОВА Ирина Владимировна, старший преподаватель каф. иностранных языков и лингвистики Ивановского гос. химико-технологического ун-та.

ЛУХОВСКАЯ О.К., канд. экон. наук, доцент Ивановского филиала Российского гос. торгово-экономического ун-та.

ЛЬВОВА Марина Сергеевна, канд. экон. наук, доц. каф. экономики и менеджмента Шуйского гос. пед. ун-та.

ЛЯСКОВСКАЯ Ольга Вадимовна, Орловская региональная академия государственной службы.

МАЛЬЦЕВ Роман Юрьевич, аспирант каф. истории России КГУ им. Н.А. Некрасова.

МАХАЕВА Наталья Юрьевна, старший преподаватель каф. аграрной экономики и рынков Ярославской гос. сельскохозяйственной академии.

МЕЛИХОВ Владимир Юрьевич, соискатель каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

МЕЛЬНИКОВА О.В., старший преподаватель каф. экономики и управления предприятии торговли и сферы услуг Ивановского филиала Российского гос. торгово-экономического ун-та.

МОИСЕЕВ Геннадий Степанович, канд. истор. наук, доц., докторант каф. истории Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина.

МУДРАЯ Анна Викторовна, соискатель каф. предпринимательства и малого бизнеса КГУ им. Н.А. Некрасова.

МУДРЕВСКИЙ Александр Юзефович, канд. экон. наук, доц, зам. начальника каф. бухгалтерского учета и аудита Ярославского военного финансово-экономического института.

МУРАВЬЕВ А.В., Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского.

МУРАДОВА Людмила Владимировна, канд. сельскохозяйственных наук, доц. каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

МУСЛОВА Мария Евгеньевна, аспирант каф. экономики и менеджмента Шуйского гос. пед. ун-та.

НАЗАРОВА Т.В., аспирант каф. экономики и управления Астраханского гос. ун-та.

НОВИКОВ Александр Павлович, соискатель КГУ им. Н.А. Некрасова.

НОВИЧИХИН Ярослав Владимирович, аспирант каф. теоретической физики КГУ им. Н.А. Некрасова.

ПЕРВУШИНА Анна Владимировна, соискатель Всероссийского заочного финансово-экономического ин-та.

ПЕРФИЛЬЕВ Александр Борисович, канд. экон. наук, доцент, зав. каф. бухгалтерского учета, анализа, аудита и налогообложения Международного университета бизнеса и новых технологий (г. Ярославль).

ПЕТРОЧЕНКО Е.П., Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского.

ПИГАЛЕВА Надежда Павловна, соискатель каф. истории России КГУ им. Н.А. Некрасова.

ПЛАСТИНИНА Елена Александровна, директор УМЦ ЖКХ ФГОУ ДПО «Академия промышленного менеджмента имени Пастухова».

ПОПОВИЧ И.П., Омский гос. ун-т.

РОГАЕВА Августа Владимировна, канд. экон. наук, директор Вологодского филиала Международного университета бизнеса и новых технологий.

РУБАНКОВ Кирилл Станиславович, аспирант кафедры истории России КГУ им. Н.А. Некрасова.

РУМЯНЦЕВ Александр Васильевич, аспирант каф. мировой экономики и статистики Ярославского гос. ун-та им. Демидова.

РУСИНОВ Дмитрий Павлович, соискатель каф. экономической теории Костромского гос. технол. ун-та.

САРАЕВА Е.Л., Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского.

СЕКОВАНОВ Валерий Сергеевич, канд. физ.-мат. наук, проф. каф. прикладной математики и информационных технологий КГУ им. Н.А. Некрасова.

СИВАК Николай Николаевич, аспирант каф. мировой экономики и статистики Ярославского гос. ун-та им. Демидова.

СКАРЖИНСКАЯ Елена Матвеевна, д-р экон. наук, проф., зав. каф. математических методов в экономике КГУ им. Н.А. Некрасова.

СМИРНОВ Кирилл Владимирович, аспирант каф. экономической теории Костромского гос. технол. ун-та.

СМИРНОВА Ксения Юрьевна, аспирант каф. педагогических технологий Ярославского пед. ун-та им. Ушинского.

СОБОЛЕВА Наталия Александровна, аспирант каф. аграрной экономики и рынков Ярославской гос. сельскохозяйственной академии.

СОКОЛОВА Виктория Викторовна, канд. сельскохозяйственных наук, доц. каф. физиологии и ботаники растений Костромской гос. сельскохозяйственной академии.

СОЛОДОВ Алексей Викторович, советник Комитета Государственной Думы ФС РФ по бюджету и налогам.

СТЕПАНОВ Алексей Борисович, соискатель ЦЭМИ РАН, г. Москва.

СЯСЬКАЯ Ольга Юрьевна, аспирант каф. мировой экономики Саратовской гос. сельскохозяйственной академии им. Вавилова.

ТИМОНИН Александр Юрьевич, докторант каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

ТИХОМИРОВА Елена Владимировна, доц. каф. бухгалтерского учета, анализа, аудита и налогообложения Международного университета бизнеса и новых технологий (г. Ярославль).

ТИХОМИРОВА И.А., Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского.

ТОЛОКОНЦЕВ Дмитрий Валерьевич, аспирант каф. растениеводства Костромской гос. сельскохозяйственной академии.

ТУМАНОВ Дмитрий Валерьевич, ЯВФЭИ им. генерала армии А.В. Хрулева.

УСКОВ Александр Иринархович, канд. биол. наук, ВНИИКХ Московск. обл., отдел биотехнологии.

УСОВ Леонид Сергеевич, д-р экон. наук, проф., заместитель директора по научной работе Вологодского филиала Международного университета бизнеса и новых технологий (г. Ярославль).

ФИЛИНОВ Виталий Александрович, старший преподаватель каф. экономики и управления производством Смоленского гуманитарного ун-та.

ФИНОГЕНОВА Любовь Вячеславовна, канд. культурологии, старший преподаватель каф. теории и истории педагогики КГУ им. Н.А. Некрасова.

ФОКИН Александр Николаевич, аспирант каф. экономической теории КГУ им. Н.А. Некрасова.

ХАБЛО Л.Б., искусствовед (Санкт-Петербург).

ХАРЧЕВ Андрей Алексеевич, аспирант каф. педагогических технологий Ярославского пед. ун-та им. Ушинского.

ХРАМОВА Н.А., аспирант каф. политической экономии Ивановского гос. ун-та.

ЧЕПОРОВ С.В., Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского.

ЧЖАН Сяо Бо, аспирант каф. экономической теории Костромского гос. технол. ун-та.

ШЕРСТНЕВА Надежда Степановна, канд. юрид. наук, ректор Тверского ин-та экологии и права (ТИЭП), зав. каф. гражданско-правовых дисциплин ТИЭП.

ЯБАНЖИ Ольга Владимировна, канд. сельскохозяйственных наук, доц. каф. земледелия и мелиорации сельского хозяйства Костромской гос. сельскохозяйственной академии.

ОБРАЩЕНИЕ К АВТОРАМ

Журнал «Вестник КГУ» публикует оригинальные исследования по естественным, гуманитарным и социальным наукам.

Размер статей не должен превышать 10 страниц текста, включая библиографию и подписи под рисунками. Количество рисунков не должно превышать 6, в кратких сообщениях – 2.

Статьи, заказываемые редколлегией для обзора работ в одной из научных областей, могут иметь объем до 1 п.л.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в 1 экземпляре с дискетой (формат MS Word 7.0, рисунки в формате (*.bmp), (*.tif), (*.jpg), (*.psd), (*.pcx)). Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующие требования: кегль 14 через 1,5 интервала; поля 25 мм со всех сторон.

Материал должен быть тщательно отредактирован.

2. Построение статьи:

2.1. Название статьи (аббревиатура в названии недопустима). Сведения об авторе (фамилия, имя, отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, должность).

2.2. Преамбула, объясняющая цель работы, актуальность проблемы.

2.3. Выводы.

2.4. Литературные ссылки.

3. Все страницы рукописи должны иметь сплошную нумерацию.

В тексте статьи необходимо дать ссылки на все рисунки и таблицы, которые, в свою очередь, должны быть озаглавлены.

Единицы измерения даются в соответствии с международной системой единиц (СИ).

Библиографический список помещается в конце статьи, авторы указываются в алфавитном порядке.

Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками.

Порядок оформления ссылок:

– Статья в журнале: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. От–до.

– Статья в сборнике трудов: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Город, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.)

– Монография или книга: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (или число страниц в книге __с.).

– Авторские свидетельства и патенты: А. с. номер. Название.

– Автореферат: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

4. Работы, опубликованные в других изданиях, не принимаются.

Статьи следует направлять по адресу:

156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14, Костромской государственный университет, корпус «В», кабинет 1.

vestnik@ksu.kostroma.net

Не принятые к публикации статьи возвращаются.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных
А.В. Каштанов
Д.А. Смирнов

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

ИД №03618 от 25.12.2000
Подписано в печать 12.06.2006
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. л. 37,4
Тираж 1000 экз.
Изд. № 40

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(0942) 31-65-61**, факс: **(0942) 31-65-61,**
E-mail: **vestnik@ksu.kostroma.net**

Цена свободная